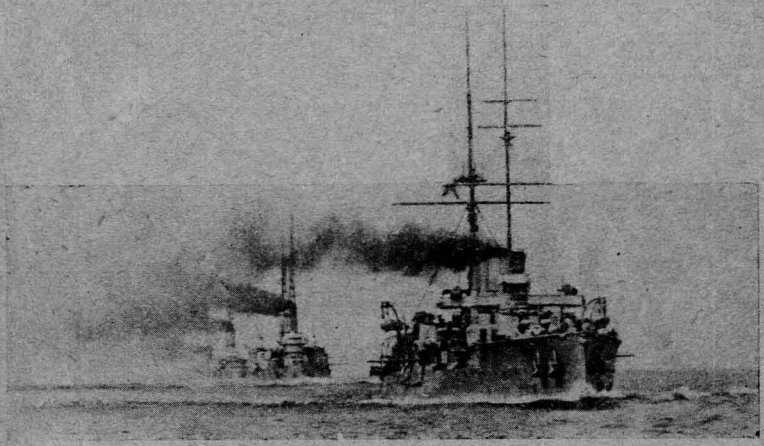
АДМИРАЛ
Г. Ѳ. ЦЫВИНСКІЙ.

50 ЛѢТ В ИМПЕРАТОРСКОМ ФЛОТѢ



Броненосный крейсер „Рюрик“ под брейд-вымпелом Государя Императора во главѣ линейных кораблей в 1914 г.

Вице-адмирал Г. Ѳ. Цывинскій.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Прослѣдив исторію развитія морских держав мы придем к несомнѣнному выводу что: максимальнаго расцвѣта политическаго могущества, народнаго богатства и военной силы достигала каждая держава в тѣ періоды своей исторической жизни, когда обладала сильным флотом и покровительствовала мореплаванію. Примѣром тому служит исторія древних держав (Финикіи, Карфагена, Рима), затѣм средних вѣков, как Голландіи, Португаліи, Испаніи (во владѣніях коей „не заходило солнце") и даже маленькой Венеціи, державшей в своих руках почти всѣ побережья Средиземнаго моря. И наконец мы видим, как небольшая островная Англія — благодаря сильному флоту — овладѣла важнѣйшими стратегическими пунктами на земном шарѣ и богатѣйшими колоніями. Современная Японія также служит наглядным подтвержденіем той же исторической аксіомы. В Россіи Петр Великій — первый сознал важное значеніе флота и он стремился к обладанію незамерзающим морем. Это стремленіе к свободному выходу в море за два послѣдніе вѣка было завѣтною мечтою Россіи и послужило причиною многих войн. Счастливою эпохой для Черноморскаго флота было царствованіе Екатерины II и Николая I (2-ая половина XVII в. и до половины XIX в.), когда он свободно выходил проливами и крейсеровал в Средиземном морѣ. С политикой Россіи в то время считалась Западная Европа. Но пораженіе Россіи под Севастополем в Крымской войнѣ лишило ее права свободнаго плаванія и флот ея был заперт навсегда в Черном морѣ. В послѣднее время (конец XIX и начало XX в.) Россія обратила свое вниманіе на Дальній Восток и продолжала добиваться обладанія незамерзающим морем. Но государство это погибло не осуществив своей завѣтной мечты. В настоящих мемуарах красною нитью п р о б ѣ г а ю т п р и ч и н ы г и б е л и столь многочисленнаго и хорошо вооруженнаго р у с с к а г о ф л о т а, а за ним и гибели самого Русскаго Государства.

Морское начальство — отправляя нас в дальнія плаванія воспитывало нас с молодых лѣт привичных моряков, вырабатывая из нас опытных, образованных навигаторов, лихих парусных виртуозов и даже ученых геодезитов и астрономов (Академія и Пулковская обсерваторія). Продолжительныя кругосвѣтныя плаванія давали нам знаніе лоціи всѣх главных морских путей земного шара. Мы знали входы и выходы в главнѣйшіе порта земного шара. Мы хорошо знали мѣста гдѣ дуют пассаты, муссоны; мы умѣли избѣгнуть или выйти из застигнувшаго нас циклона или тайфуна... На наших кораблях были современныя орудія, торпеды, механизмы, были радіотелеграфы и новѣйшіе оптическіе приборы; ими завѣдывали образованные артиллеристы, ученые минеры и электротехники... Но (!) — ни в Морском Училищѣ, ни в Морской Академіи — за мое время (т е. до 1901 года)

не было предметов морской стратегіи и морской тактики: о преподаваніи военно-морского искусства было как бы забыто, точно бы военному моряку некчему было интересоваться этими предметами. В сущности на кораблях производились обычныя артиллерійскія и минныя упражненія и стрѣльбы, но не было выработано строго опредѣленнаго метода управленія огнем эскадры с непріятелем, или одиночных кораблей между собою. Этот важнѣйшій фактор в бою представлялся как бы на вдохновеніе или на импровизацію командирам каждаго корабля отдѣльно .. И вот результатом такого пренебреженія тактикою морского боя был полный разгром в Цусимском сраженіи вдвое сильнѣйшей эскадры адмирала Рожественскаго эскадрою адмирала Того, который в ожиданіи прихода русскаго флота, выработал на своей эскадрѣ метод сосредоточенія огня всѣх своих кораблей на один головной (адмиральскій) корабль русскаго флота и при этом управленіе огнем всей эскадры находилось в руках одного человѣка (адмирала). Град японских снарядов обсыпал залпом головного мателота русскаго флота, тот выходил из строя, горѣл и тонул опрокидываясь. Затѣм такой-же сосредоточенный огонь переносился на слѣдующій головной корабль и т. д. Так погибали поочередно корабли русской эскадры. Когда стемнѣло адмирал Того отошел с эскадрою в сторону, а на уцѣлѣвшіе русскіе корабли, сбившіеся в кучу, направил свои миноносцы, и тѣ атакуя их минами Уайтхеда — довершили гибель русскаго флота.

Были и другія причины пораженія русскаго флота: измученность и апатія личнаго состава эскадры, сознаніе безцѣльности экспедиціи, предчувствіе пораженія, — а главное — намѣреніе начальника эскадры уклониться от боя — что противно принципам морской стратегіи.

Автор льстит себя надеждою, что нѣкоторыя главы настоящих мемуаров могут быт полезны и даже поучительны для возрождающихся военных флотов молодых государств: (Польши, Финляндіи, Латвіи, Эстоніи), — со стороны воспитательной личнаго состава этих молодых флотов; именно: чтобы не повторять тѣх ошибок в системѣ воспитанія будущих флотоводцев, которыя были причиною гибели флота, а за ним и гибели самого Русскаго Государства.

Г. Ѳ. Цывинскій.

Адмирал Г. Цывинскій

50 лѣтъ в Императорском флотѣ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ORIENT“, RIGA,
ул. Свободы № 36 Почтовый ящик 566

К-68/74

Всѣ права на перевод и перепечатку
во всѣх странах принадлежат
Книгоиздательству „Orient"
Рига, ул. Свободы 36. Почт. ящик 566

Komputer

43431

BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA
im. Jerzego Giedroycia w Białymstoku
FUW0123466

Типографія „Vārds" Рига
Бл. Плавучая ул. № 24
Телефонъ 23409

I-ая часть.

1872 — 1892 г.г.

ПЕРВАЯ КАДЕТСКАЯ КАМПАНІЯ В ФИНСКОМ ЗАЛИВѢ 1872 г.

Первое лѣто класс плавал на фрегатѣ „Пересвѣт“ и одна артель поочередно посылалась на двѣ недѣли на парусную яхту „Кадет“ для парусной практики.

„Пересвѣт“ дѣлал переходы исключительно под парами и большую часть времени стоял на рейдах, занимая нас ученіями: парусным, шлюпочным, артиллерійским, греблей и подробным изученіем внутренних помѣщеній корабля. Долго мы стаивали на пустынных рейдах но однако посѣтили в это лѣто Біорке, Транзунд, Роченсальм, Котка, Ревель и Гельсингфорс.

Первая кампанія на нас воспитанников, не видавших вовсе моря, произвела весьма невыгодное впечатлѣніе и многіе совершенно разочаровались в прелестях морской службы, так как их ожиданія, навѣянныя романами Купера и Эмара, не только не оправдались на дѣлѣ, но даже наоборот: жизнь на кораблѣ показалась нам слишком однообразною, скучною, тяжелою, утомительною и вмѣсто поэзіи, ожидавшейся от борьбы с „бурными стихіями“, мы чувствовали на себѣ суровую прозу со стороны судовых офицеров, требовавших от нас строгаго исполненія корабельнаго устава и сажавших нас на салинг за манкированія ночными вахтами, которые нас 16-ти лѣтних юношей жестоко утомляли. Программа перваго плаванія имѣла весьма опредѣленную и узкую задачу — пріучить нас к корабельной жизни и к строгому исполненію требованій морской службы, но мы на первых порах не могли усвоить себѣ, что эти требованія были необходимы и что та поэзія, о которой мы мечтали, придет впослѣдствіи — в дальних кругосвѣтных плаваніях, а нам ее хотѣлось сейчас.

Но в глубинѣ души мы не могли не сознавать, что эта первая кампанія была для нас полезна тѣм, что развила нас физически: мы окрѣпли, загорѣли, стали бодрыми, ловкими и энергичными; морской спорт, гимнастика на высоких мачтах и катаніе на шлюпках под парусами дали нам то, чего мы никогда не могли бы пріобрѣсти в училищѣ.

В Ревелѣ в это лѣто жил на дачѣ генерал-адмирал Великій Князь Константин Николаевич; его три сына (Константин, Дмитрій и Вячеслав) плавали с нами на „Пересвѣтѣ“. Генерал-адмирал посѣтил наш фрегат, интересовался результатами перваго плаванія своих сыновей, и затѣм, взяв их на дачу, в те-

ченіи стоянки фрегата в Ревелѣ приглашал к себѣ тѣх из наших воспитанников, которые были больше дружны с его дѣтьми.

Относясь по обыкновенію с присущею школьникам строгостью и критикой к судовым офицерам, занимавшимися с нами морской практикой, мы однако имѣли кумира одного из них, это был лейтенант Лев Николаевич Ломен; во первых мы знали, что он уже дѣлал два кругосвѣтных плаванія — а это в наших глазах был большой козырь: кромѣ того мы любили его (хотя и боялись в тоже время) за то, что он очень ловко управлялся на катерѣ под парусами и прекрасно знал проводку снастей, что в то время считалось весьма трудным и важным искусством. Мы были непритворно огорчены, когда за мѣсяц до конца кампаніи Ломен ушел на корвет „Аскольд", готовившійся в то лѣто к новому кругосвѣтному плаванію под командою П. П. Тыртова (впослѣдствіи управл. Морск. Минист.). Провожать Ломена мы всѣ вышли наверх и, взбѣжав на марс, кричали с вант. „Ура", гребцами на его катер вызвались также воспитанники.

К 10-му августа кадетская эскадра окончила кампанію, нас отвезли в Петербург и до 1-го сентября дали каникулы, и многіе из кадет уѣхали домой.

ВТОРАЯ КАДЕТСКАЯ КАМПАНІЯ 1873 г.

Вторую Кадетскую кампанію наш выпуск дѣлал на парусном транспортѣ „Гиляк". Это был небольшой купеческій барк, несшій до того времени службу на дальнем Востокѣ между Камчаткою и Аляскою в так называемой „Россійско-Американской кампаніи",—когда Аляска не была еще продана Сѣв.-Амер. Соед. Штатам.

„Гиляком" командовал кап.-лейт. А. П. Мессер—тоже морской волк и потому пользовавшійся нашим уваженіем; имѣл он скверную привычку (обычную в то время) ругаться непечатными словами.

Эскадра наша состояла из судов, снабженных машинами и, так как адмирал дѣлал переходы „соединенно"—под парами, то „Гиляк" обыкновенно водили на буксирѣ одного из судов. Это давало повод кадетам зубоскалить над нашим парусником, который упражнялся с парусами только на якорѣ во время рейдовых парусных ученій. Однажды, идя на буксирѣ у клипера «Алмаз" в туманное утро мы были выброшены из своих коек от сильнаго толчка. Выскочив на верх мы увидѣли, что на нашем бушпритѣ сидит нанизанный своими передними парусами купеческій бриг, попавшій между двумя нашими судами и оборвавшій буксир. Оказалось, что бриг штилевал под пару-

сами и почти не двигался с мѣста, но вахтенный начальник на „Алмазѣ“ лейт. З. П. Рожественскій [1]) очевидно прозѣвал и не дал ему дорогу, надѣясь проскочить с буксиром впереди его носа, но у брига был незначительный ход и он врѣзался в буксир.

Перед концом кампаніи адмирал Брилкин раза два отпускал нас в отдѣльное крейсерство под парусами на нѣсколько дней. В одно из таких крейсерств был довольно свѣжій вѣтер (балов 7—8) и наш купец качался как боченок. Меня, помню, этот раз жестоко укачало. Но это был к счастью единственный раз; впослѣдствіи, во всѣ мои дальнія плаванія, я ни разу не испытывал морской болѣзни.

На „Гилякѣ“ с нами плавал опять В. К. Константин Константинович (он был приписан к нашему выпуску и впослѣдствіи был выпущен в гардемарины тоже вмѣстѣ с нами). Это был худой, долговязый юноша, хорошо воспитанный, симпатичный и не лишенный поэтическаго дарованія.

ТРЕТЬЯ КАДЕТСКАЯ КАМПАНІЯ 1874 г.

В маѣ 1874 года мы были переведены в I-ю (выпускную) роту и отправились в послѣднюю кадетскую кампанію на клиперах „Алмаз“ и „Жемчуг“ по 30 человѣк на каждом, (я был на „Алмазѣ“). Это были очень красивыя, стройныя, с высоким рангоутом и большой парусностью суда, недавно вернувшіеся из дальняго плаванія. Большая часть офицеров и команды осталась на них стараго состава, поэтому мы очень гордились, что плаваем на настоящих океанских судах, усвоивших спеціальный кругосвѣтный шик. „Алмазом“ командовал Р. А. Гренквист — тип шведскаго моряка, с рыжей бородой, невозмутимо спокойным характером и большим пристрастіем к хересу. Старшим офицером был кап. лейт. Л. К. К. (из греков), засидѣвшійся в Амурской флотиліи, старообразнаго вида лысый брюнет. По характеру был совершенная противоположность с командиром; искал популярности между нами—кадетами, поэтому с перваго же дня мы его не взлюбили и затѣм всю кампанію он был предметом наших острот, насмѣшек и анекдотов. Под парусами в это лѣто мы однако поплавали и были вообще очень довольны как кораблем так и кампаніей.

ВЫПУСК, ПРОИЗВОДСТВО В ГАРДЕМАРИНЫ. 1875 г.

13 Апрѣля в I-й день Пасхи 1875 г. мы были произведены в гардемарины, считавшіеся в то время на положеніи офицеров.

[1]) Бывшій впослѣдствіи (1905 г.) начальником 2-й тихо-океанской эскадры, разбитой японским флотом (адм. Того) при Цусимѣ.

По выпускному экзамену я вышел 8-м, но не имѣя за послѣдній год полнаго балла из поведенія, я не был назначен в дальнее плаваніе, хотя в тот год отправилось на 2-х судах 17 человѣк, из коих первые 7 пошли на Клиперѣ „Крейсер“ в Тихій океан, а остальные 10 на фрегатѣ „Свѣтлана“ под командою Великаго Князя Алексѣя Александровича (впослѣдствіи генерал-адмирала). На „Свѣтланѣ“ плавал Великій Князь Константин Константинович, также в званіи гардемарина. Лишеніе меня кругосвѣтнаго плаванія, имѣвшаго тогда важное значеніе для морской карьеры будущаго офицера, вызвало во мнѣ чувство обиды и даже злобы к тогдашнему начальству Морского Училища, и долго еще потом, спустя много лѣт, я не посѣщал ни училищных ежегодных парадов, ни балов из враждебнаго чувства к своей „Alma mater“. Но как бы в видѣ протеста к училищной аттестаціи, вся моя послѣдующая служба в дѣйствующем флотѣ проходила наоборот — с удачным успѣхом, как это будет видно из дальнѣйших описаній. [1])

До начала гардемаринской кампаніи, т. е. 1-го мая нам был дан отпуск, и я уѣхал на 2 недѣли в Вильно, повидаться с матерью. Она была в траурѣ послѣ смерти моего отца, умершаго за мѣсяц перед тѣм. На его похороны я пріѣхать не мог, так как его смерть совпала с моими экзаменами.

Мать была очень рада видѣть меня морским офицером в блестящей формѣ и старалась показать меня всѣм родным и знакомым. Как я не упирался, но уступая ея материнской гордости, я исполнял эту повинность и мы объѣхали десятка два домов, причем в угоду ей я всюду являлся в полном парадѣ, т. е. в аксельбантах, треугольной шляпѣ и с длинной саблей. [2])

Побывав на кладбищѣ, на могилѣ отца и желая оставить на время город — мѣсто ея недавних печальных воспоминаній, мы с ней рѣшили освѣжиться в деревнѣ и уѣхали в имѣніе „Струмень“ помѣщицы З. Ходзько

Весна была теплая, погода стояла прекрасная и мы с удовольствіем провели дней 10 на вольном воздухѣ.

Вернувшись в Вильно, я попрощался с родными и к 1-му маю явился в Кронштадт. Там весь наш выпуск (исключая 17 гардемарин, назначенных за границу) был назначен на броненосец „Кремль“, плавающій в Ревелѣ в учебно-артиллерійском отрядѣ. В программу нашего обученія входило пройти курс артиллерійской стрѣльбы из орудій всяких калибров; но правду сказать, мы далеко не серьезно относились к этим занятіям,

---

[1]) Я сдѣлал три дальних плаванія в Тихій океан, два—заграничных в Атлантическом; затѣм командовал Балтійским отрядом в 1905 году, и Черноморской эскадрой в 1906/7/8 г.г.

[2]) При домашней формѣ у нас был кортик, но он казался ей слишком ничтожным оружіем.

мы не сознавали еще тогда, какое важное значеніе имѣет знаніе артиллеріи для будущих морских командиров, и во время маневрированія корабля мы преисправно спали под грохот орудій в своей каютѣ. Послѣ занятій нас тянуло на берег в прекрасный Екатеринеталь, переполненный нарядной курортной публикой, а вечера проводили в циркѣ Чинизелли, пріѣхавшем на лѣто в Ревель. Познакомившись с сыновьями директора цирка, и с сестрою их красавицей, Эммой, мы послѣ спектакля забирали их с собою и, прихватив для развлеченія клоуна Билли Хайдена (Billy Hyden), отправлялись веселой кампаніей ужинать в салон Екатеринеталя. За ужином, конечно, всѣ много пили, всѣ ухаживали за Эммой, но без всякаго успѣха. Под утро с восходом солнца мы возвращались усталые и сонные на суда отряда, и когда тѣ уходили в море для занятій—гардемарины предавались Морфею, а вечером опять уѣзжали на берег, и повторялось то же самое.

Само собою разумѣется, что эта кампанія в воспитательно-морском отношеніи не принесла нам ровно никакой пользы, и осенью, вернувшись в унылый, казенный Кронштадт, я с грустной завистью смотрѣл на собиравшіеся в дальнее плаваніе „Свѣтлану“ и „Крейсер“, гдѣ находились мои счастливые товарищи, и куда я не попал лишь по несчастной случайности... у меня не хватало из поведенія каких нибудь трех баллов... „С печальной думой на челѣ“ я ѣхал на ванькѣ являться в 1-й экипаж, гдѣ предстояло всю зиму тянуть лямку ненавистной береговой службы... Но тут неожиданно судьба мнѣ помогла. Я встрѣтил на улицѣ мичмана Анатолія Константиновича Ивановскаго, плававшаго в Либавѣ на таможенном крейсерѣ „Чайкѣ“. [1]) Он остановил меня и без всяких предисловій предложил мнѣ занять на „Чайкѣ“ его мѣсто, оставшееся вакантным, т. к. он переведен на высшее по рангу судно „Страж“, плававшее также круглый год в Либавѣ в Таможенном Отрядѣ. Я подпрыгнул от радости, поцѣловал его и, повернув на телеграф, мы отправили командиру „Чайки“ в Либаву телеграмму о моем желаніи плавать на этом крейсерѣ. Через два дня была получена отвѣтная телеграмма и еще спустя недѣлю я получил предписаніе отправиться на мѣсто новой службы.

В концѣ сентября я прибыл в Либаву, явился командиру „Чайки“ капитану (штурманскому) Вас. Ден. С-ву.

Командир мой — разжирѣвшій и обрюзглый цыник не утомлял себя частыми выходами в крейсерства и потому я невольно вмѣстѣ с Ивановским ударился в городскую клубную жизнь.

Знакомился с семейными домами, посѣщал вечера и театры, и, конечно увлекался так, как подобает 20 ти-лѣтнему моло-

[1]) Небольшая паровая яхта, плававшая в Либавѣ у прусской границы в теченіе круглаго года для таможенной морской охраны.

дому человѣку, не вкусившему до сих пор прелестей свѣтской жизни.

В ту эпоху яркаго расцвѣта либерализма и освободительнаго движенія, я невольно подчинился общему теченію и стал усиленно читать тогдашних любимцев писателей: Толстого, Достоевскаго, Добролюбова, Писарева, Спенсера, Бокля, Дарвина, Эскироса и друг.

Времени свободнаго было много, морскими плаваніями мы почти не занимались, поэтому весь этот год на «Чайкѣ" не дал мнѣ ровно никакой практики в морском дѣлѣ. Лѣто было чудесное, курортной публики много и я провел много пріятных часов, фланируя в старом либавском паркѣ.

В августѣ 1876 г. я был списан с „Чайки" и вызван в Кронштадт для держанія там в штабѣ обычнаго экзамена на чин мичмана. И 30 августа (Александров день) весь наш выпуск был произведен в мичмана. Опять я почувствовал одиночество в Кронштадтѣ и, из боязни береговой экипажной службы, записался добровольцем в Сербію, чтобы участвовать в освободительной войнѣ, которую Сербія в то лѣто вела, подняв возстаніе против владычества Турціи. Многіе сухопутные и морскіе офицеры, увлеченные общим патріотизмом, бросали службу и уѣзжали в Сербію к генералу Черняеву — тогдашнему кумиру русскаго общества.

Ѣхать на свой счет я не мог, а русскія добровольческія организаціи отказывали многим, неимѣвшим протекціи, поэтому я остался в Кронштадтѣ и начал готовиться к экзамену — в Морскую Академію. Выдержав экзамены по предметам высшей математики, я поступил на механическій факультет. В сентябрѣ, я переѣхал в Петербург, поселился с Ник. Юнгом [1]) и стал добросовѣстно ходить в академію. Я охотно посѣщал академическія лекціи и с большим удовольствіем слушал профессоров: Коркина, Деколонга, Евневича и Тиме.

Усиленная агитація славянофильствующих газет („Нов. Время" и „Мір") о поддержкѣ Сербіи и освобожденіи всѣх балканских славян от турецкаго ига, постепенно захватывала все высшее русское общество, а за ним потянулся и весь военный мір. Уже с конца 1876 г. началось сосредоточеніе нашей арміи на юго-западѣ Россіи; центром военнаго управленія был Кишинев. Великій Князь Николай Николаевич старшій был назначен главнокомандующим, и 12 апрѣля 1877 года высочайшим манифестом была объявлена война с Турціей и наши войска перешли румынскую границу и двинулись к дунайским переправам. Весною всѣ военныя академіи (и наша морская) закрылись, и вся наша молодежь бросилась за протекціями, чтобы попасть или на Дунай, куда требовались морскіе офицеры для обслуживанія рѣчных судов и постановки

[1]) В 1905 г. убит при Цусимѣ, командуя бр. „Орел".

миннаго загражденія, или — на эскадру, которая должна была идти в Средиземное море, чтобы оперировать против Дарданелл. Гвардейскій экипаж в полном составѣ, со своим командиром Великим Княземъ Алексѣем Алексѣевичем, был отправлен на Дунай, для чего „Свѣтлану“ пришлось вернуть в Россію. 8 ой флотскій экипаж, квартировавшій в Петербургѣ и потому находившійся в лучах адмиралтейскаго шпица — также почти весь попал на Дунай; а мы грѣшные кронштатскіе пасынки, не имѣя протекціи, остались расписанными по судам „боевой эскадры“ (?), собиравшейся слѣдовать в Средиземное море. На эскадрѣ висѣл флаг самого генерал-адмирала Великаго Князя Константина Николаевича, а начальником его штаба был адмирал А. А. Попов (извѣстный строитель круглых судов). Эскадра состояла из мониторов, башеных лодок и самыми сильными морскими судами считались „Князь Пожарскій“ и бр. „Кремль“. В концѣ концов эскадра никуда не ушла и осенью обычно окончила кампанію, как в мирное время. Я остался опять на берегу... Но Бог меня миловал и счастье опять мнѣ помогло. Минный офицерскій класс, не только не закрылся вмѣстѣ со всѣми академіями, а наоборот — открыл усиленный пріем офицеров в виду большого спроса спеціалистов это дѣла на Дунаѣ, гдѣ уже прогремѣли подвиги Дубасова и Шестакова, взорвавших турецкій монитор шестовыми минами. [1])

Минным классом завѣдывал в то время капитан 2 ранга В. П. Верховской — извѣстный своею необычайною энергіей и проявившій большую иниціативу при развитіи миннаго вооруженія в нашем флотѣ. Верховской, узнав, что я был в Академіи, принял меня без экзамена и с 1 октября (1877 г.) я начал опять учиться. Химія, физика, взрывчатые составы, электротехника, гидравлика и матеріальная часть миннаго вооруженія были главными предметами преподаванія в минном классѣ. Академическій курс помог мнѣ разбираться лишь в теоретических; предметах, здѣсь же большинство предметов было пріурочено к опредѣленной спеціальной техникѣ, примѣняемой на живой практикѣ. Там — наука, здѣсь—ремесло, но это ремесло требовало вниманія и осмотрительности, так как мина являлась опасным оружіем для самого себя при малѣйшей ошибкѣ со стороны обращающагося с ней. Занятія в минном классѣ начинались в 9 часов утра и часто оканчивались в 9 часов вечера, с перерывом для обѣда на 2 часа. Лекціи читались профессорами университета, пріѣзжавшими из Петербурга. Много было практических занятій в

[1]) Поднял также значеніе миннаго оружія прославившійся в эту войну храбрый командир парохода „Константин“ кап.-лейт. С. О. Макаров (впослѣдствіи извѣстный адмирал, погибшій в Артурѣ на броненосцѣ „Петропавловск“) Он своими дерзкимк набѣгами минными катерами на турецкіи суда и эскадры, господствовавшія в началѣ в Черном морѣ — заставил их попрятаться в порта и обложиться охранными бонами, вмѣсто активных операцій, которыми турецкій флот мог бы сильно вредить нашему Крымскому и Черноморскому побережью.

лабораторіи — по анализу и изготовленію взрывчатых составов, и в физическом кабинетѣ; практика, таким образом, шла в перемежку с теоріей.

В апрѣлѣ 1878 г. я выдержал выпускной экзамен и в маѣ весь состав новых минных офицеров отправился на практику на судах Миннаго отряда под флагом адмирала К. П. Пилкина. Осенью по окончаніи компаніи нас выпустили со званіем миннаго офицера и расписали по судам Балтійскаго флота на штатныя мѣста судовых минных офицеров.

В это лѣто был заключен мир с Турціей. Тянулась канитель Берлинскаго Конгреса, на котором благодаря Бисмарку и особенно — лорду Дизраэли (лорду Биконсфильду), Россіи пришлось лишиться всѣх плодов побѣды, и мы начали готовиться к новой войнѣ с Англіей. Не рискуя состязаться нашим ничтожным флотом с Англійским флотом, мы убѣдившись на Дунаѣ в силѣ миннаго оружія, построили одновременно около ста штук легких желѣзных миноносок (по 25 45 тонн) и стали вооружать их шестовыми, буксирными и бросательными минами. Вот для испытанія этих приспособленій Верховской назначил меня минным офицером на 5 различных миноносках, приписанных к Минному отряду. Всю осень я ходил с командирами этих миноносок на испытанія разнаго рода приспособленій для бросанія или буксированія мин.

НАЗНАЧЕНІЕ НА КЛИПЕР „НАѢЗДНИК".

В один из пасмурных осенних дней, когда я возился на минной пристани около миноносок, готовых выйти в море на испытаніе, ко мнѣ подошел капитан 2 ранга И. М. Лавров (командир строющагося „Наѣзднка", лично со мною незнакомый и без всяких предисловій предложил мнѣ должность миннаго офицера на „Наѣзднкѣ"), который был спущен в этом году и готовился к кругосвѣтному плаванію в будущее лѣто. Так как Лавров видѣл меня первый раз, то я понял, что вѣроятно сам Верховской указал ему на меня. Я принял спокойно и поблагодарил его за это предложеніе, а сам был на седьмом небѣ от радости и в душѣ ликовал, что наконец и я попаду в кругосвѣтное плаваніе и, даже не в качествѣ безличнаго гардемарина (как пошли мои товарищи), а в отвѣтственной должности судового миннаго офицера и вахтеннаго начальника. Клипер „Наѣздник" считался в то время лучшим типом для дальних океанских плаваній, он имѣл высокій рангоут и большую парусность. Машина его строилась в Англіи на заводѣ Пэна, поэтому ожидалось, что это будет лучшій ходок из современных ему клиперов. Одним словом и в этом случаѣ меня Бог миловал и счастье помогло.

Зиму я прожил в Кронштадтѣ, дѣлая по пятницам доклады в минном классѣ о результатах испытаній на миноносцах, а раннею весною (1879 г.) я переѣхал в Петербург, чтобы участвовать в изготовленіи „Наѣздника“ к плаванію по своей спеціальности.

Ежедневно с утра я отправлялся на клипер слѣдить за установкою миннаго вооруженія, там собирались всѣ офицеры спеціалисты и каждый наблюдал за своей частью. Всѣм вооруженіем руководил старшій офицер кап.-лейт. Зубов [1]) вскорѣ уѣхавшій в Туркестан в хивинскій поход Скобелева. Зубова замѣнил лейтенант П. И. Чайковскій, опытный парусник, вернувшійся недавно из кругосвѣтнаго плаванія на „Богатырѣ“. Командир наш Лавров, жившій с семьей в Кронштадтѣ, навѣдывался к нам на клипер раза 3 в недѣлю. Он слѣдил за точным осуществленіем чертежа клипера и добивался, чтобы на нем примѣнялись по возможности всѣ усовершенствованія морской строительной техники того времени.

Погоды стояли ясныя и работы на клиперѣ шли с полным успѣхом. Установкою англійской машины завѣдывал присланный от завода Пэна весьма опытный мастер м-р Hopps. К концу апрѣля клипер стоял уже на Невѣ с полным рангоутом и привязанными парусами. Оставалось лишь установить тяжелую артиллерію, но эта нагрузка была отложена до прихода в Кронштадт, иначе клипер не мог бы пройти через мелководный бар [2]) устья Невы, гдѣ было глубины лишь 9 фут.

На 2-ой день Пасхи было получено извѣстіе о бывшем в то утро (2 го апрѣля) покушеніи на Имп. Александра II-го революціонера Соловьева, стрѣлявшаго на Дворцовой площади, но неудачно.

Царь остался невредим. К 2-м часам дня в Зимній дворец были собраны всѣ высшіе петербургскіе сановники, члены городской думы и офицеры всей гвардіи для благодарственнаго молебствія и поздравленія. Александр II-й говорил рѣчь о своей любви к Россіи и русскому народу... Ему в отвѣт гремѣло ура...

Соловьев был задержан, он пытался отравиться, но неудачно и впослѣдствіи, по приговору Верховнаго Суда, он был казнен.

---

[1]) Георгіевскій кавалер, вернувшійся незадолго из Турціи, куда он был отправлен разжалованным в матросы по суду за удар по лицу старшаго офицера на клиперѣ „Всадник“, плававшем в Тихом океанѣ. Послѣ турецкой войны Зубову был дан орден св. Георгія за храбрость и возвращен чин лейтенанта. У нас на клиперѣ он пробыл недолго, вскорѣ был командирован в Туркестан и затѣм в отряд ген. М. Д. Скобелева в хивинскій поход.

[2]) Морского канала (Путиловскаго) тогда еще не было и глубокосидящія суда, строившіяся на Невских верфях проводились по бару в плавучих доках. Коммерческіе пароходы, привозившіе товары из за границы, разгружались в Кронштадтѣ и в Неву не входили. Морской канал был открыт в 1885 году.

1-го мая я получил двухнедѣльный отпуск, чтобы перед плаваніем повидать родных и пожить в имѣніи моего дяди, находившемся в Борисовском уѣздѣ (на р. Березинѣ) возлѣ села „Студянки", гдѣ по преданію, была утоплена в болотѣ артиллерія Наполеона в 1812 году. В это имѣніе съѣзжалась каждое лѣто вся наша обширная родня; сюда наѣзжали жившіе в городах дяди и тетки, кузены, кузины, учившіеся в столицах; всѣм было достаточно мѣста: на сѣновалах, в амбарах этого просторнаго, когда-то богатаго имѣнія, принадлежавшаго моему дядѣ (по матери) Леонарду Бачижмальскому, сосланному в 1863 году в Сибирь за участіе в польском возстаніи, а нынѣ спустя 16 лѣт, возвращенному из ссылки уже сѣдым стариком; за его отсутствіем имѣніем „Смоляры" управлял младшій его брат Бронислав [1]), большой оригинал, добряк, веселый разсказчик и хлѣбосол.

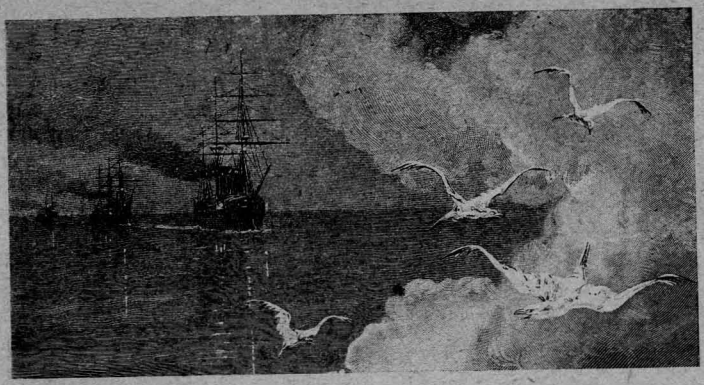
Взяв отпуск, я выѣхал туда через Москву, там пробыл сутки, объѣхал на извозчикѣ город, осмотрѣл выставку, устроенную в манежѣ, и на утро по Московско-Брестской дорогѣ уѣхал через Смоленск в Борисов. Оттуда до имѣнія я проѣхал на присланных мнѣ лошадях. Верст за 10 до „Смоляр" появились глубокіе песчанные холмы — характерный признак близости рѣки Березины; лошади пристали и пошли шагом, кучер спрыгнул с козел, я — за ним, и пошли пѣшком; дорога шла старым сосновым лѣсом; с вѣковых деревьев, обогрѣваемых ярким майским солнцем, понесло душистой смолой и вскорѣ, сквозь стволы сосен заблестѣла стальная поверхность широкой рѣки. Шагая рядом с бричкой по глубоким пескам, старый кучер, бывшій крѣпостной дяди, разсказывал мнѣ хотя и не совсѣм послѣдовательно, — важнѣйшія событія в исторической жизни „Смоляр", протекшія за послѣднія 18 лѣт, то есть с 1861 г.[2]), когда я, будучи 5-ти лѣтним мальчиком, пріѣзжал в „Смоляры" гостить к своей бабушкѣ, жившей в имѣніи до своей смерти. Старик вспомнил меня, снял шапку и пристально вглядывался в мое лицо, стараясь отыскать в нем черты маленькаго барчука, гостившаго у бабушки цѣлое лѣто. И в моей памяти пронеслось, как в туманѣ нѣсколько сцен из моего ранняго дѣтства: Ясный солнечный день весны (1861 г.) — на высоком крыльцѣ „Смоляр" между колоннами стояли два чиновника [3]) в форменных сюртуках с блестящими пуговицами и читали какую то бумагу собравшимся на дворѣ крестьянам, стоявшим без шапок. Рядом с чиновникам стоял дядя Леонард, — высокій блондин с румяным лицом, большими глазами и рыжеватой бородкой.

---

[1]) Служившій до возстанія в артиллеріи.

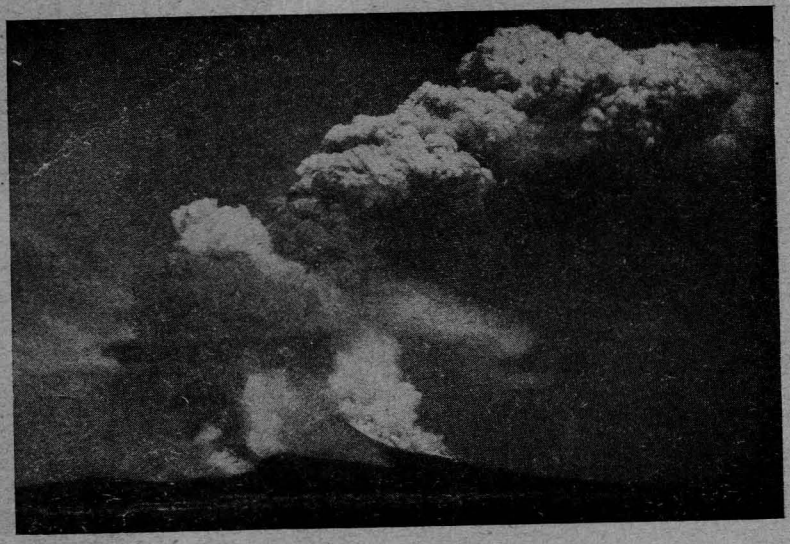
[2]) Год освобожденія крестьян.

[3]) Мировой посредник и чл. прис. по крест. дѣлам, читали крестьянам м а н и ф е с т 19 ф е в р а л я об освобожденіи крестьян.

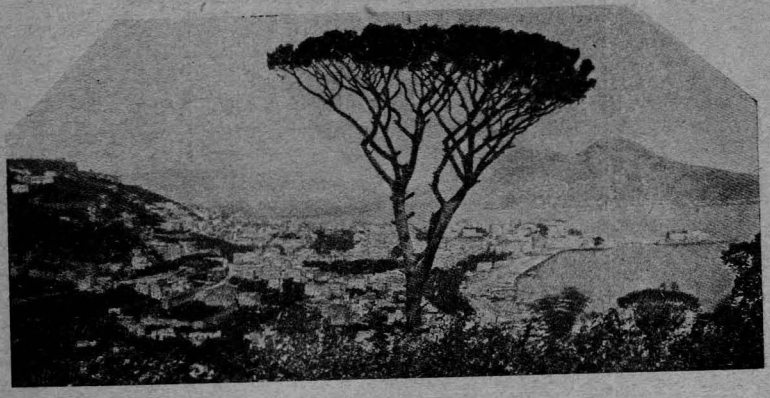


Фрегаты „Память Азова“ под вымпелом Наслѣдника и „Владимір Мономах“ в 1890 году в Сіамском заливѣ.
К стр. 110.

Г. Цывинскій в 1875 г.
гардемарином.
К стр. 12.



Везувій.
К стр. 73.



Неаполь.
К стр. 73.

За ними поодаль стояла бабушка, держа меня за руку, удерживая от шалостей, прислушиваясь к чтенію... (Читался манифест 19-го февраля 1861 г.).

Затѣм мнѣ вспомнилось, как в морозное утро декабря 1863 г., (года польскаго возстанія) нас дѣтей — меня и двух старших братьев мать посадила в сани и повезла из имѣнія в ближайшій город Молодечно проститься в мѣстном этапѣ с мимо проходящем в ту ночь эшалоном польских арестантов, отправляемых на каторгу в Сибирь. В числѣ их был дядя Леонард. Это все была цвѣтущая молодежь: высокіе, красивые, стройные, в барашковых шапках, сѣрых мѣховых венгерках и длинных сапогах, они казались нам героями... Утром их, скованных попарно цѣпями, выстроили в ряд, и по командѣ офицера, эшалон бодрым, военным шагом зашагал по снѣгу и, оглянувшись на провожавших долгим, прощальным взглядом, всѣ как один молча двинулись в путь... Наша мать и тетка Целина — жена Леонарда не выдержали этой тяжелой сцены и, молясь им вслѣд, стоя на колѣнях, упали на снѣг и зарыдали горькими слезами...

Уже вечерѣло, когда я подъѣзжал к родной усадьбѣ; с волненіем искал я глазами, стараясь найти сохранившіеся в памяти с дѣтства знакомыя окрестныя мѣста, но все мнѣ казалось в меньшем масштабѣ... Кучер погнал лошадей, мы быстро пронеслись мимо знакомаго пруда, старой мельницы, опустѣвшаго винокуреннаго завода и, гулко простучав колесами по доскам моста, бричка въѣхала на зеленый двор, огибая круглую клумбу засаженную цвѣтами. На крыльцѣ стоял краснощекій старик с бѣлою гривою густых волос и сѣрою бородкою. Я угадал в нем дядю Леонарда и, крѣпко обнявшись с ним, мы вошли в дом. На верандѣ, выходившей в сад, сидѣла за ужином почти вся взрослая родня: дяди и тетки, а молодежи здѣсь не было: мужчины (студенты) в этот час на закатѣ солнца были на „тягѣ“ вальдшнепов на близком болотѣ Смолярскаго лѣса, а барышни большой гурьбой убѣжали на ферму, гдѣ в этот час пригонки коров с пастбища, пили парное молоко. Мнѣ не сидѣлось на мѣстѣ, наскоро поговорив со стариками, я обѣжал весь сад, стараясь найти знакомые мнѣ уголки, оставшіеся в памяти с дѣтства; обошел всѣ комнаты в домѣ, ища на обоях памятные рисунки; в комнатѣ бабушки, гдѣ я 6-лѣтним мальчилом спал все лѣто, стоял еще до сих пор старый длинный диван корельской березы, обитый свѣтлым кретоном, теперь уже слинявшем, на нем играл я ребенком... С пріятным волненіем я долго разсматривал эту комнату, сожалѣя мысленно о минувшем счастливом, беззаботном дѣтствѣ... Поздно вечером вернулись наши охотники. Мы всей гурьбой отправились садом на берег рѣки и, разсѣвшись у воды, до поздней ночи болтали, смѣялись. Ко мнѣ всѣ пристали с разспросами о моем предстоящем плаваніи, всѣх интересовало — куда, зачѣм и в какія страны пойдет мой

корабль?.. На ночь нас мужчин устроили в гумнѣ на сѣновалѣ, барышни размѣстились в лѣтнем садовом павильонѣ. Весь слѣдующій день я провел с дядей Леонардом, я ему разсказывал о морской службѣ, а сам с большим вниманіем слушал его разсказы о жизни в Сибири. Окончив срок каторги и оставшись там еще на 10 лѣт в качествѣ поселенца, этот избалованный, богатый когда-то помѣщик перенес за это время много невзгод, но были и радости: он был и кучером и буфетчиком в трактирѣ, и учителем французскаго языка и музыки у одного губернатора, управлял конторой у скототорговца и проч. В заключеніе он вынес убѣжденіе, что — богатой Сибири предстоит блестящая будущность. Вспомнив свое участіе в польском возстаніи, он осуждал эту авантюру, приведшую Польшу к неминуемой гибели и считал, что для борьбы с Россіей еще не настало время. Для вѣрнаго успѣха надо имѣть равныя силы и заручку в поддержкѣ большой иностранной державы и полное сочувствіе простого народа — крестьян.

Быстро пролетѣли дни моего пребыванія в родном кругу в „Смолярах". Май стоял теплый, мы поднимались с восходом солнца и молодежь отправлялась на ток тетеревей; возвращались к обѣду; купались в озерѣ и, проспав до сумерек, отправлялись на болото на тягу вальдшнепов. По вечерам дядя Леонард любил играть со мною в шахматы и я охотно проигрывал ему партіи в этой игрѣ самолюбія. За эти двѣ недѣли в „Смолярах" я чувствовал себя отдохнувшим и с сожалѣніем оставлял это милое родное гнѣздо.

15-го мая я выѣхал в Вильно, чтобы проститься с матерью, и родными, и к 20-му маю вернулся в Петербург. 1-го іюня клипер наш начал кампанію, т. е. поднял флаг и мы перебрались в свои каюты, разставшись с берегом надолго. Теперь „Наѣзднику" оставалось только перейти в Кронштадт.

Для перевода „Наѣзника" в Кронштадт был приведен оттуда плавучій док; его затопили на Невѣ и, подведя под клипер, подняли его вмѣстѣ с клипером, выкачав из дока воду. Весь этот исполинскій ящик, ведомый 12-ю буксирами, шествовал цѣлый день по бару и к вечеру привел нас в Кронштадт, гдѣ на достаточной глубинѣ док опять затопили, вывели нас из дока и поставили в военной гавани на все дальнѣйшее лѣто. Наш старшій офицер (лейт. П. Н. Чайковскій) весьма быстро придал клиперу образ готоваго корабля: поднял рангоут, привязал паруса и выкрасил весь корабль от трюма до клотика. Боевые запасы и уголь были также приняты; машина благодаря энергіи мистера Hopps'a давно была собрана и испытана, поэтому всѣ удивлялись почему наш клипер стоит так долго в Кронштадтѣ и не уходит в плаваніе. Но тогдашній временщик адмирал А. А. Попов затѣял продѣлать цѣлую программу сравнительных испытаній двух клиперов: „Разбойника"—русской постройки и „Наѣзника" — с англійской машиной завода

Пэна. Поэтому мы до поздней осени ходили в море для различных испытаній. Наконец в сентябрѣ адмирал Попов уѣхал в Англію заканчивать там постройку круглой парской яхты „Ливадія“ и приказал обоим нашим клиперам, по выходѣ из Кронштадта зайти попутно в Портсмут и там его ожидать для продолженія все тѣх же совмѣстных испытаній с „Разбойником“.

В августѣ мы неожиданно узнали, что наш командир И. М. Лавров с нами в плаваніе не пойдет, так как получает в командованіе фрегат „Олаф“ (судно I-го ранга), а вмѣсто него к нам назначается командиром Л. К. Кологерас, служившій долго в Амурской флотиліи и во Владивостокѣ. Уход Лаврова нас очень огорчил, так как он пользовался нашим большим уваженіем за опытность в морском дѣлѣ, за его прямоту, честность и неутомимую трудоспособность.

Будучи человѣком семейным Лавров предпочел не уходить от семьи на 3—4 года. Новый же командир был холостой, а в то время командиры дальних судов были в большей части холостые и потому их вовсе не тянуло возвращаться в Россію. Они спокойно оставались в дальних водах по многу лѣт, между тѣм как командиры, оставившіе семью в Россіи, очень часто нервничали, торопились домой, чѣм нарушалось их душевное равновѣсіе, вліявшее на обращеніе их с судовым личным составом. Офицеры также в большинствѣ были холостые, и в их интересах было плавать подольше; возвращаться они не торопились.

Окончательный состав офицеров, ушедших в плаваніе был слѣдующій:

Командир к.-л. Л. К. Кологерас, Ст. офицер лейт. П. И. Чайковскій, I-й лейт. и рот. ком. П. К. Тимофѣев, Гвард. Эк.-лейт. Н. Н. Арцеулов („Никлес“), минный офицер-лейт. Г. Ѳ. Цывинскій, Ревизор.-лейт. А. Г. Перфильев, Ст. штурм.-поруч. Н. О. Жамбов, Мл. штурм.-прап. Харлов („Маленькій“), Ст. мех. поруч. Сидоров, Мл. мех. прап. Яковлев, Ст. артилл. пор. Будилов, Доктор П. К. Тихов, 6 гардемарин выпуска 1879 г.: Бубнов, Гавришев, Мещерскій, бар. Раден, Мѣшков, Бэр, 2 инженера-механика и юнкер Красовскій.

В концѣ іюля я воспользовался приглашеніем и поѣхал на два дня в Гатчино погостить на дачѣ в знакомом семействѣ; я охотно подчинялся этому пріятному влеченію, точно предчувствовал, что это семейство будет имѣть большое значеніе в моей послѣдующей жизни. Вечером, пріѣхав туда, я был восхищен прелестным видом красавицы барышни, которая с каждым годом все хорошѣла. Слѣдующіе два дня я проводил с нею в дворцовом паркѣ, гуляя по чудным аллеям и катаясь на шлюпкѣ. Мы посѣтили и „павильон Венеры“, и „серебряный пруд“, и „Pont des soupirs“, и плавали по „Малахитовому озеру“

с кристально-прозрачною водою, гдѣ на глубинѣ 7 саж. ясно видно бѣловато-изумрудное дно.

На 3-тій день я должен был вечером уѣхать, а утром мы пошли в парк в сопровожденіи милой старушки, хозяйки дачи, в которой жило семейство В., и взяли с собой маленькаго „Муфти“ — кудластаго, балованнаго песика. Утомленный сильною жарою и своею длинною шерстью он едва плелся по аллеям сзади нас и задерживал нашу прогулку. Рѣшено было его выкупать; я раскачал его и отбросил подальше на глубину, чтобы заставить его плыть к берегу и тѣм освѣжить его. Вынырнув из глубины наш „Муфти“ с глазами залѣпленными мокрой чуприной, работая усиленно лапками, греб не к берегу, а к серединѣ озера. Всѣм стало очевидно, что бѣдный песик выбивается из послѣдних сил и скоро утонет; дамы подняли вопль и мнѣ ничего не оставалось, как вскочить в озеро и вытащить собачку. Глубина оказалась около двух сажень, пришлось проплыть нѣсколько шагов, пока я его доставил на берег и успокоил испуганных дам. Сам-же я походил на промокшаго ньюфаундленца и, избѣгая в этом коммическом видѣ встрѣчи с гуляющей в паркѣ публикой, я, лавируя в аллеях, быстро прошел на дачу для смѣны промокшаго платья. „Муфти“ на дачѣ скоро оправился от испуга и весело прыгал, но долго еще с укором косился на меня своими умными черными глазами. К обѣду я уже переодѣлся в обсохшее платье. Вечером я уѣхал в Ораніенбаум и возвратился в Кронштадт.

Около половины августа на клиперѣ был обычный прощальный пріем: пріѣхали родные и близкіе судовых офицеров. Была музыка, конфекты, шеколад, вино и проч. угощенія. Кое-кто изъ гардемарин прошелся в вальсѣ с пріѣхавшими дамами, кто-то пропѣл романс под акомпанимент піанино... веселья вообще было мало.

В сентябрѣ становилось пасмурно и сыро, а мы все еще не уходили заграницу, так как приходилось продѣлать цѣлую серію испытаній судовой артиллеріи и мин.

В октябрѣ стало уже холодно, все казалось готовым, чтобы уходить в море, но адмиралтейскія канцеляріи все еще тянули канитель и держали нас зачѣм-то в Кронштадтѣ. Наконец назначен был день ухода (обоих клиперов) на 21-е октября.

УХОД В ЗАГРАНИЧНОЕ ПЛАВАНІЕ.

21 го октября около 4 ч. вечера, на клиперѣ,—стоявшем на Малом рейдѣ, вызвали всѣх на верх с якоря сниматься. „Наѣздник“ поднял якорь и дал ход машинѣ; пройдя мимо фортов, двинулся в море, покидая сумрачные Кронштадтскіе

берега. На стѣнкѣ играла музыка, была выстроена команда и кричала нам „ура", наша команда, взбѣжав на марс, отвѣтила тѣм-же, но все это торжество было испорчено налетѣвшим шквалом со снѣгом, закрывшим все кругом и мы уже не видѣли кронштадтских берегов.

Пройдя большой рейд, проложили курс на west (запад) и выйдя в открытое море, дали полный ход машинѣ. Клипер под 3-мя котлами легко бѣжал 11 узлов, плавно разсѣкая мелкія волны, поблескивавшія при выплывшей лунѣ и стихнувшем вскорѣ вѣтрѣ. Ночь была тихая, холодная, клипер слегка покачивался и быстро уносил нас в море.

Гуляя по мостику (на вахтѣ) и любуясь морем, я испытывал чувство удовлетворенной радости, что мечты мои наконец сбываются и я иду в кругосвѣтное плаваніе; но в то же время в глубинѣ души я ощущал смутное волненіе и грусть, навѣянныя мыслями о недавном прощаніи с оставшимися на берегу дорогими мнѣ близкими, с которыми я не увижусь 3—4 года, а может быть и навсегда я с ними разстался. Спустившись в каюткампанію, я застал сосредоточенную тишину и на лицах многих офицеров прочел тѣ же думы, которыя и сам только что испытывал на верхней палубѣ. Но между офицерами было нѣсколько человѣк, уже ранѣе плававших и относившихся с привычным равнодушіем к оставленной родинѣ. Вскорѣ послѣ обѣда (7 час.) наш симпатичный „Маленькій" [1]) сѣл за пьянино и бравурным маршем из Оффенбаховской оперетки сразу разсѣял грустное настроеніе, а наш общій любимец „Никлес" [2]) пустился даже в канкан под этот марш. Всѣ сразу повеселѣли и весь вечер прошел в музыкѣ и пѣньи и общем оживленіи, привлекшем к нам в каюткампанію даже командира, который без приглашенія — заразившись нашей веселостью пришел к нам в каюткампанію и с удовольствіем просидѣл у нас за чаем, спасаясь от своего вынужденнаго одиночества. [3]) На другой день при ясной холодной погодѣ мы около полдня прошли Ревель, а вечером, обогнув Дагерорт, вышли в Балтійское море. Там качка была ощутительнѣе и нѣкоторых новичков-гардемарин даже слегка укачало.

ПРИХОД В КОПЕНГАГЕН.

К вечеру 3 го дня мы обогнули Борнхольм, здѣсь стало значительно теплѣе и на 4-й день утром мы вошли на рейд Копенгагена и стали на якорь между двумя крѣпостными фор-

[1]) Младшій штурман—Харлов, талантливый самоучка на роялѣ.
[2]) Н. Н. Арцеулов.
[3]) По морскому уставу командир живет отдѣльно от каюткампаніи и входит уда только по приглашенію офицеров.

тами. Старинный город, видавшій нѣкогда много морских сраженій, расположенный на низменном берегу, в сѣрое туманное утро—с перваго вида не произвел на нас особеннаго впечатлѣнія, хотя это было для многих из нас первым заграничным городом, если не считать Гельсингфорса. Отсалютовав націи и получив отвѣт, клипер начал мыться и прибираться послѣ похода, дабы в приличном видѣ встрѣтить ожидавшихся посѣтителей. Командир уѣхал на берег дѣлать морским властям визиты, а мы принимали в каюткампаніи датскаго лейтенанта, пріѣхавшаго поздравить нас с приходом от имени дежурнаго корабля, стоявшаго на рейдѣ. Днем был у нас русскій посланник и нѣсколько морских начальников, отвѣчавших на визиты командира. Вечером офицеры поѣхали на берег и, так как сад „Тиволи“ (извѣстный универсальный парк в Копенгагенѣ со всевозможными театрами, кафе шантанами и развлеченіями) был уже закрыт, мы вечер провели в королевском театрѣ, а потом ужинали в ресторанѣ. В слѣдующій день мы осматривали город и дѣлали нѣкоторыя покупки.

Город показался нам очень чистеньким, весь сѣраго цвѣта: со многими домами средневѣковой постройки. Королевскій древній дворец показался нам очень маленьким, расположен на площади шагов 150 в діаметрѣ. Были в музеѣ Торвальдсена, а затѣм накупили сигар и кожаныя куртки, необходимыя для холоднаго осенняго плаванья.

В Копенгагенѣ мы стояли не долго — 5-6 дней; командир торопился в Англію, гдѣ ожидал нас адмирал Попов. „Разбойник“ в Копенгагенѣ был с нами и вышел в Англію также совмѣстно, но шли мы Нѣмецким морем врозь.

ПЕРЕХОД НѢМЕЦКИМ МОРЕМ.

Около 1-го ноября мы взяли лоцмана для прохода Зундом и вышли в море для слѣдованія в Англію. Датскіе проливы мы проходили два дня, так как на ночь в шкерах становились на якорѣ. У Скагена (мыс и маяк на сѣверной оконечности Даніи) мы спустили лоцмана и закрѣпив на палубѣ по „походному“ орудія, шлюпки и всякія снасти, приготовились к бурному плаванію Нѣмецким морем, гдѣ в осенніе мѣсяцы дуют обычно свѣжіе норд-весты и даже шторма. Непривѣтливо нас встрѣтило Нѣмецкое море: пасмурно, сыро и холодно; к вечеру стало постепенно свѣжѣть, и ночью заревѣл жестокій NW (нордвест) со снѣгом и частыми шквалами. Клипер шел под парами и качался как маятник при крутой волнѣ, бившей в правую скулу. Обнажавшійся винт давал перебои, и корма вздрагивала от сильных ударов на каждой волнѣ. На верху рев вѣтра, свист в снастях и вода по колѣно на палубѣ. Ежеминутно с праваго борта под-

давали новыя волны и окатывали соленою водой всѣх на верху. Пробраться из закупоренной каюты на мостик для смѣны вахтеннаго начальника требовалось большое искусство: палуба уходит из под ног и, крѣпко держась за протянутые леера, стараешься балансировать так, чтобы не выскользнуть вмѣстѣ с водою за подвѣтренный борт. Добравшись с трудом, находишь там темные силуэты в дождевиках и зюидвестках, это вахтенный офицер, рулевые и сигнальщики, привязанные к поручням из предосторожности, чтобы не вылетѣть за борт. Они радостно встрѣчают новую смѣну и, сдавши вахту, спускаются вниз и, сбросивши все мокрое, зарываются в теплую койку и засыпают мертвым сном. В этот момент все испытанное на вахтѣ им уже кажется пустяками: они забывают и страх, и усталость, развѣ только оставшійся на губах вкус засохшей соли напомнит им соленыя ванны окачивавших волн.

При неопытной командѣ и противном почти вѣтрѣ командир парусов неставил, мы шли под парами малым ходом, чтобы уменьшить удары волн и перебои винта; но для ослабленія розмахов качки мы несли триселя и бизань—(косые паруса глухо зарифленные). Ход поддерживался лишь такой, чтобы клипер слушался руля.

Вторая ночь была такая же, но мы уже обтерпѣлись и привыкли к шторму. На второй день у всѣх явился аппетит и мы рѣшили пообѣдать, заставив вѣстовых накрыть в каюткампаніи стол, разставив тарелки между рейками, употребляемыми при качкѣ. Повару удалось кое-как состряпать обѣд и вѣстовые, ловко балансируя, обносили офицеров, разсѣвшихся на привязанных стульях. Супу получить не удалось никому, но сухія блюда были съѣдены совершенно исправно. Послѣ обѣда „Маленькій“ попробовал сыграть на піанино из „M-me Angot“ (оперетка), а „Никельс“ уже встал в позу канкана, но перваго слегка укачало, а второго одним махом перебросило к подвѣтренной переборкѣ. Почесываясь он ушел в каюту, чтобы заснуть перед ночной вахтой.

На третью ночь стало замѣтно тише, мы проходили Догербанку, между сотнями огней рыболовных судов, крейсеровавших с сѣтями на банкѣ, раскинувшись по всему видимому горизонту. Такая масса огней в открытом морѣ нас вначалѣ удивила, мы приняли это явленіе за какой-то остров или город, полагая даже, что мы заблудились и находимся у англійскаго берега; но впослѣдствіи это недоразумѣніе разъяснилось.

При послѣдующих моих плаваніях я каждый раз, проходя Догербанку, заставал здѣсь весь горизонт покрытый огнями рыболовных судов.

ПРИХОД В АНГЛІЮ. ПОРТСМУТ.

На пятый день плаванія, при стихшем уже вѣтрѣ мы подошли ко входу в Падекале и, встрѣтив здѣсь лоцманскій парусный бот, взяли с него лоцмана, который повел нас Ламаншем в Портсмут. Войдя на просторный Спитгетскій рейд, вечером мы стали на якорѣ за островом Wight (Уайт) возлѣ городка Ride (Райд). На утро с подъемом флага, мы салютовали націи и затѣм получив отвѣт, командир поѣхал с визитами на дежурный корабль „Minotawr", стоявшій на рейдѣ.

Спитгетскій рейд занимает обширную площадь діаметром около 7 миль, расположенную между Портсмутом и островом Уайт. На этом рейдѣ бывают обычные смотры королевскому флоту, который весь может размѣститься на столь обширном пространствѣ.

Вскорѣ из города пріѣхал русскій вице-консул симпатичный и любезный M-r Mac Cheen (Мэкчин), привез нам русскую почту, мѣстные журналы и газеты и пригласил офицеров пользоваться его домом при съѣздѣ в Портсмут, не стѣсняясь временем дня. Там дѣйствительно мы всегда встрѣчали радушное и непринужденное гостепріимство милой и любезной хозяйки M-riss Mac Cheen. За отдаленностью Портсмута мы обычно довольствовались съѣздом на берег в чистенькій городок Райд, расположенный на набережной острова. В нем есть магазины, отели и рестораны — все что нужно для обслуживанія курортнаго населенія острова Уайта, покрытаго роскошными виллами и богатой растительностью. Остров этот, расположенный выгодно в проливѣ, омывается теплой струей теченія Гольфстрема, обладает мягким и теплым климатом, поэтому служит санаторіей и курортом.

В это время года многія виллы уже опустѣли, но городок был еще оживлен готовясь к предстоящим Рождественским праздникам (Christmass), которые в Англіи чтутся с особенной торжественностью.

По временам вы собирались компаніей и отправлялись в Портсмут на цѣлый день. Клипер получал оффиціальныя приглашенія с судов королевскаго флота, собранных в обширной гавани Portsee и от офицерских каюткампаній сухопутных полков, расположенных в городѣ. Воспользовавшись одним из ясных дней наш милый Mac Cheen прибыл к нам на пароходѣ и повез нас в порт для осмотра кораблей королевскаго флота. Мы посѣтили новѣйшіе (постройки семидесятых годов) в то время броненосцы: „Inflexible", „Dreadnout", „Minotawr" и нѣсколько башенных мониторов; англійскіе офицеры были очень привѣтливы и нескрывая показывали почти все, исключая нѣкоторых деталей миннаго вооруженія. Послѣ осмотра новых судов нам было предложено посѣтить древній деревянный 3-х

дечный корабль „Victory“, стоящій в гавани в полном вооруженіи и с поднятым кормовым флагом. Он сохраняется в том видѣ, как был в Трафальгорском сраженіи, когда на нем был убит адмирал Нельсон. На шканцах на палубѣ выбит мѣдный круг и золочеными буквами выложено: „Here Nelson fall“ (Здѣсь Нельсон упал“).

Послѣ осмотра судов мы обѣдали у консула, а вечером были приглашены в клуб морских врачей на вечер, на котором был концерт, танцы и ужин.

Спустя нѣсколько дней мы были приглашены к обѣду в каюткампанію офицеров 109-го сухопутнаго полка, квартировавшаго в Портсмутѣ. Мы одѣли эполеты и поѣхали большою компаніей. Офицерскій клуб помѣщавшійся в казармах, оказался прекрасно отдѣланным помѣщеніем с большими залами, украшенными историческими гравюрами из боевой жизни полка, с читальнями, бильярдными и курительными комнатами.

Предсѣдателем за столом был командир полка сѣдой высокій джентельмен привѣтливо нас встрѣтившій как старых друзей, хотя мы всѣ первый раз встрѣчались с ним, равно как и с офицерами полка, принявшими нас с истинным англійским джентельменством. Блюд и вина всѣх родов было изобиліе; послѣ жаркого, полковник, ударив по столу серебрянным молоточком (спеціальный молоток служащій для вызова тишины и вниманія перед спицем), поднял бокал с шампанским и произнес привѣтственный спич, в котором между прочим выразил пожеланіе, чтобы обѣ наши націи — как можно скорѣе прониклись той неоспоримой истиной, что дружный союз между нами (а не вражда) был бы истинным благодѣяніем для обоих народов и, взявшись крѣпко за руки мы бы могли весь свѣт держать в мирѣ и спокойствіи. Старшій наш лейтенант П. К. Тимофеев от имени клипера благодарил за сердечное радушіе любезных хозяев и сказал, что „здѣсь в прекрасной Англіи мы на каждом шагу с радостным чувством убѣждаемся в искренности вѣрных слов благороднаго полковника, — встрѣчая в городѣ, в обществѣ, в военных и морских кругах столь драгоцѣнное для нас сердечное вниманіе и гостепріимство“. Затѣм, подняв бокал, он предложил тост за Англію, доблестную армію и могущественный королевскій флот. Всѣ шумно встали, чокались бокалами и кричали „ура“. В самом концѣ обѣда полковник встал, вытянулся по военному и подняв рюмку с казенным портвейном (отпускаемым в полки и на военные суда от королевскаго двора спеціально для тостов за царствующаго правителя) произнес негромко: „Zar and Qeen“ (царь и королева[1]). Всѣ офицеры (и мы) встали и в один голос кратко повторили этот традиціонный послѣ каждаго обѣда тост. Музыка проиграла русскій и англійскій гимн и всѣ перешли в кури-

[1]) В Англіи в то время царствовала королева Викторія.

тельный зал пить кофе. Около полночи полковник незамѣтно исчез и офицеры остались одни. Перешли в билліардный зал и там началась генеральная попойка. На билліардѣ стоял старинный полковой серебряный кубок[1]) вмѣстимостью около 1 литра и лакеи наливали в него соду-виски (soda wysky) или шампанское (по выбору пьющаго) до полна, и каждый присутствующій обязан был его опорожнить, послѣ чего офицеры брали его на руки и с хоровым пѣніем англійских застольных пѣсен обносили его кругом билліарда. Послѣ такой порціи всѣ были очень шумны и веселы.

Около двух часов ночи всѣ офицеры полка вышли вмѣстѣ с нами проводить нас до пристани. По улицѣ шли в двѣ шеренги, взявшись за руки, вперемѣшку англичанин с русским. Пѣніем хоровых англійских пѣсен мы оглашали спавшія давно улицы. Полисмены, стоявшіе на улицах (вѣроятно, предупрежденные о пріѣздѣ в полк русских гостей), наблюдая за маршем ночного парада, молча стояли не двигаясь с мѣста. На пристани мы сердечно распрощались с нашими радушными новыми друзьями и перешли с ними на „ты“, и пригласили их пріѣхать на клипер в один из назначенных дней по соглашенію с нашим консулом.

Из моего описанія не слѣдует заключать, что стоя в англійском портѣ, мы только и дѣлали, что веселились, обѣдали и танцовали. Все это было только в свободное время, а днем мы несли обычную корабельную службу с занятіями, ученіями, вахтами и проч. Главным нашим занятіем были частые выходы в море для испытанія нашей машины — то совмѣстно с „Разбойником“, то клипер ходил один, выполняя программу, начатую еще в Кронштадтѣ. Адмирал Попов пріѣзжал нерѣдко из Лондона и руководил нашими испытаніями.

Машиной нашей управлял механик (монтер) завода Пэна — Mr. Hopps — очень усердный механик, спеціалист, практик своего ремесла и забавный юморист, научившійся по русски еще в Петербургѣ, гдѣ он устанавливал нашу машину. Он был дока в своем дѣлѣ, но по общему образованію он был забавный невѣжда. Он убѣжденно вѣрил в непогрѣшимость англійской индустріи и гордился этим на столько, что обладая часами от знаменитаго хронометрическаго мастера Дэнта (Лондонская фирма снабжавшая хронометрами суда англійскаго военнаго флота), вѣрил, что его часы на всѣх меридіанах могут показывать вѣрное время; и когда, однажды в полдень, стоя на палубѣ клипера в Петербургѣ мы услышали полуденную пушку и всѣ вынули часы для провѣрки, то Mr. Hopps, посмотрѣв на свои часы, сказал с убѣдительным хладнокровіем: „пушка нэ вэрно“. Ему замѣтили, что пушка стрѣляет по часам Пулковской обсерваторіи; он спокойно возразил: „Пульково нэ вэрно“ и на

[1]) Подарок какого то короля XVII столѣтіе.

замѣчаніе, что пулковскіе часы сообразуются с солнцем, он с еще большим убѣжденіем сказал: „солнцэ нэ вэрно — это — от Дент“ указывая с гордостью на свои часы и уложил их в карман, не считая нужным переводить стрѣлку.

ПОѢЗДКА В ЛОНДОН.

В первых числах декабря (стар. стиля), получив 3-дневный отпуск, я отправился в Лондон с лейт. Тимофеевым, бывавшим там в свое первое плаваніе. Через 2½ часа скорый поѣзд Южной желѣзной дороги подвозил нас в туманное утро к „Victoria station“. В громадном вокзалѣ, покрытом стекляной крышей, было морозно и темно вслѣдствіе густого тумана; мы с трудом поэтому оріентировались в многочисленной толпѣ пассажиров и носильщиков, снующих в разных направленіях, торопясь занимать мѣста в поѣздах, готовых отойти из разных мѣст станціи.

Поѣзда отходили молча — без предварительных звонков, к которым мы привыкли в Россіи, и с мѣста давали полный ход.

На улицѣ стояли чистенькіе лакированные кэбы с высокими сидѣніями кучеров сзади пассажира. Мы взяли номера в гостиницѣ у самой станціи в „Groswenor hotel“ и, приведя себя в порядок и позавтракав в столовом залѣ отеля, отправились в кэбѣ осматривать Лондон. Хотя туман к полудню нѣсколько разсѣялся, но в этот день мы Лондон видѣли только, так сказать, на близком горизонтѣ; безукоризненно чистые гранитные тротуары и широкія прямыя улицы, застроенныя высокими громадами темносѣраго цвѣта [1]) сразу говорят вам, что вы попали в строго дѣловой город; на улицах большое движеніе и у всѣх на лицах отпечаток серьезной дѣловитости; праздно гуляющей публики в это время дня вы не увидите; всѣ спѣшат в банки, в конторы, на фабрики, заводы, пѣшком, в кэбах, на велосипедах и по подземной желѣзной дорогѣ. На улицах преобладают мужчины, почти всѣ в цилиндрах (1879 г.); котелок здѣсь очень рѣдок, это значит француз, или русскій, вообще — иностранец. Женскій персонал появляется на улицах или очень рано, когда открываются рынки, или же вечером, когда дѣловой день в конторах окончился.

В первый день мы успѣли только осмотрѣть город снаружи: Вестминстерское аббатство, парламент (оба величественныя зданія в готическом стилѣ, мост через Темзу, Сити, биржу, Trafalgar place, с памятником Нельсону), Букингамскій дворец и

[1]) Сѣрый спокойный цвѣт города представлял для нас пріятный контраст с пестротой красных, зеленых, голубых и желтых красок петербургских домов, утомлявших глаз своей яркостью и безвкусіем.

парк, собор св. Павла, „Hyde parc“ и „Cristal Palace“ — огромное зданіе со стекляной крышей, гдѣ помѣщалась послѣдняя Лондонская всемірная выставка. Вечером мы были в знаменитом лондонском Акваріумѣ, гдѣ вся жизнь подводнаго царства видна публикѣ через большія витрины, вдѣланныя в боковыя стѣны исполинских резервуаров, изобилующих всѣми животными подводнаго царства до дельфинов и акул включительно. Пронизывая воду, лучи яркаго электрическаго свѣта дают возможность публикѣ видѣть внутренность резервуара на довольно большія углубленія. В этом же зданіи имѣется кафе и даже „Music hall“ — нѣчто вродѣ кафе-шантана.

Поздно вечером в 11 часов, вернувшись в свой отель, мы зашли в столовую, наполненную нарядной публикой леди и джентельменов, ужинающих послѣ театров; всѣ мужчины были во фраках, а дамы в вечерних туалетах, мы упустили из виду этот обычай и чувствовали себя неловко в своих пиджаках и тужурках.

Вернувшись в свои комнаты для ночлега мы нашли в них окна раскрытыми настежь (при морозѣ около —3°), а камин затопленным с полным зарядом ярко пылающаго угля. Печей в отелѣ этом не было: обитатели довольствовались каминами, в спальнях держалась температура почти равная наружной, но за то на кроватях мы нашли по 3—4 теплых фланелевых одѣяла и пуховик сверху. Закрыв окна мы, дрожа от холода, влѣзли в свои кровати, быстро в них согрѣлись и выспались прекрасно; утром встали свѣжими и бодрыми, только утренній туалет на холоду дѣлать было непріятно. На другой день мы ѣздили по подземной дорогѣ, проведенной, между прочим, под дном Темзы на зарѣчную сторону города; осматривали „Westminster Abbay“ (Вестминстерское аббатство), Парламент и „British Museum“.

Музей описывать я не стану; о нем исписаны цѣлые томы на всѣх европейских языках. Что же касается парламента и аббатства, то они невольно привлекают вниманіе всякаго туриста, попавшаго в Лондон, даже незнакомаго вовсе с архитектурой.

Парламент — это величественный лабиринт в готическом стилѣ — расположенный одним фасадом по набережной Темзы, а другая его сторона обращена к небольшой площади, отдѣляющей его от древняго собора Westminster Abbay, также готическаго стиля. В парламентѣ мы долго проходили по историческим залам и коридорам, уставленным мраморными и бронзовыми монументами, пока добрались до залы засѣданій „Палаты общин“. Это сравнительно небольшой зал, всѣ стѣны и галлерея отдѣланы почернѣвшим от старости деревом со стрѣльчатыми готическими башенками. Посреди зала стоит огромный стол, на нем лежат огромныя книги в металлических переплетах, — скипетр и другіе атрибуты государственной власти;

за столом стильный трон спикера, а по четырем стѣнам расположены широкіе диваны в три яруса, покрытые черной зеленоватою кожею. Трибуны для оратора нѣт, а каждый депутат говорит со своего мѣста. Министры не имѣют отдѣльной ложи, а сидят на крайней нижней скамьѣ возлѣ стола. Гид с особенным уваженіем показал нам на довольно потертом диванѣ мѣсто Гладстона, бывшаго в то время премьером. Небольшіе размѣры зала (вмѣстительностью не болѣе, как на 200 человѣк), объясняются тѣм, что 400 лѣт назад депутатов было не болѣе 200 человѣк; но англичане, строго чтущіе историческія традиціи, не желают мѣнять этот зал на новый, и потому теперь в дни больших парламентских дебатов, когда собираются почти всѣ депутаты, то только половина их сидит на диванах, а остальные тѣснятся в проходах — кто как попало. На вечернія засѣданія депутаты являются в черных сюртуках или фраках, но цилиндров с головы не снимают, исключая очереднаго оратора. Поднявшись этажем выше в верхнюю палату — „Палату Лордов", мы нашли совершенно такой же зал, расположенный прямо над нижним, и с таким же внутренним размѣщеніем — только лишь диваны обиты красною кожею вмѣсто черной, — вот и вся разница.

Собор Вестминстерскаго Аббатства — древнѣйшее зданіе в Лондонѣ — ушел глубоко в землю и потому он кажется значительно ниже парламента. Снаружи он совершенно почернѣл от ветхости; войдя внутрь храма мы были очарованы величественной картиной двойного ряда высоких, готических колонн, подпиравших свод; при мертвой тишинѣ и слабом освѣщеніи узких высоких окон, мы чувствовали себя точно в заколдованном замкѣ; расположенные между колоннами мраморные потемнѣвшіе от старости, гробницы, монументы и памятники королей, рыцарей, полководцев, адмиралов и великих ученых (Нельсон, Ньютон, Гершель, Диккенс, Шекспир, королева Елизавета, Марія Шотландская и проч.) напомнили нам ряд исторических эпох, пережитых Англіей. Собор — это сокровищница памятников наглядной исторіи Англіи.

Но мы праздные туристы обозрѣли его в теченіи 2—3 часов и, не зная многих деталей исторіи Англіи, оцѣнили его лишь в той степени, какое впечатлѣніе он произвел на наши чувства.

Вечером мы были в одном из частных театров. Ужинать мы поѣхали на улицу Picadilly в одном из фешенебельных кафе, гдѣ подают бифштексы, изжаренные на глазах публики на желѣзной рѣшеткѣ, приспособленной к камину, находящемуся в самом залѣ.

На третій день, истратив всѣ деньги, мы послѣ ленча поторопились выѣхать в Портсмут, чтобы попасть к вечерней вахтѣ. На клиперѣ нас ожидала слѣдующая смѣна офицеров, ѣдущих в Лондон с вечерним поѣздом.

В половинѣ декабря, окончив всѣ испытанія, адмирал Попов разрѣшил нам уходить из Англіи и слѣдовать вмѣстѣ с „Разбойником“ в дальнѣйшем плаваніи, с заходом в Брест (французскій военный порт на сѣверо-западном побережьи Атлантическаго океана).

ПЕРЕХОД ИЗ ПОРТСМУТА В БРЕСТ.

Простившись с милым и привѣтливым портсмутским обществом, мы ранним, туманным утром начали сниматься с якоря. Провожать нас пріѣхал на своем пароходикѣ м-р Мэкчин с женою и цѣлым букетом барышень; м-с Мэкчин привезла нам на дорогу громадный рождественскій кегс, а мы приготовили ей и дамам по букету цвѣтов и снимки фотографической группы наших офицеров, снятых на палубѣ вокруг Мэкчинов. Дав ход машинѣ, клипер направился в море, а консульскій пароходик долго еще провожал нас; офицеры, собравшись на ютѣ махали платками пока катер не скрылся из виду. Обойдя остров Wight, клипер наш лег на West, выходя в Атлантическій океан. Был январь мѣсяц новаго стиля. Погода была тихая, зимняя, небо покрыто темными, снѣжными облаками. В океанѣ была мертвая зыбь: шли нам навстрѣчу мрачные, с блеском вороненой стали, отлогіе холмы—точно хотѣли прогнать нас обратно в Ляманш. Клипер работал машиной, то взбираясь высоко на эти горы, то падая носом вниз и буравил утлегарем воду. Молодые матросики сразу пріуныли, поддаваясь качкѣ; они отдѣльными групами ютились у мачт, гдѣ меньше качает и грызли сухари, посыпанные солью. На мостикѣ вахтенные, широко разставив ноги, хватались за поручни, чтобы удержаться на мѣстѣ. К вечеру мы обогнули остров Уэсан и легли на Ost для входа в Брест. Облака к счастью разсѣялись, взошла луна и сразу освѣтила островки и опасные рифы, разбросаные под французским берегом. Теперь выяснились из мрака два скалистые утеса и между ними открылись ворота для входа на Брестскій рейд. Тут пристал к нашему борту мѣстный рыбак-бретонец, предложившій быть лоцманом. Ни наш командир, ни старшій штурман в Брестѣ раньше не бывали, поэтому приняли предложеніе рыбака и, надо отдать ему справедливость, он ловко лавируя между рифами, смѣло вошел в проход между скалами, и на рейдѣ указал мѣсто для якоря у ворот коммерческой гавани. Было за полночь, когда мы отдали якорь, а на утро в 8 час. с поднятіем флага мы салютовали французской націи 21 выстрѣлом.

Брест—старинная крѣпость Бретани и стратегическая база французскаго флота в Атлантическом океанѣ — расположен на сѣверо-западном берегу Франціи. Высокія обрывистыя скалы, защищающія подход с моря, точно самой природой предназна-

чены для устройства здѣсь крѣпости и совершенно закрытаго морского порта. В ущельи с узким входом расположены на обрывах скал доки, мастерскія и портовые склады; извилистый природный канал между двумя скалами служит гаванью для судов, а над ними высоко перекинут желѣзный арочный мост, соединяющій обѣ половины порта. Перед портом лежит обширный Брестскій рейд—діаметром около 5 миль, высокими горами закрытый от океана. На рейдѣ стоят готовые к плаванію корабли и даже могут маневрировать цѣлыя эскадры, невидимыя для непріятеля, нападающаго с моря. Город расположен также на возвышенной скалѣ, к нему от пристани ведет каменная лѣстница с нѣсколькими терассами и безконечным числом ступеней. Брест, по роду своего населенія имѣет типичный военный характер, напоминающій отчасти наш Кронштадт: по вечерам слышится военный рожок, играющій „зорю", здѣсь на каждом шагу встрѣчаются солдаты и офицеры в кэпи, красных брюках и подогнутых голубых шинелях, матросы с красными помпонами на фуражках, морскіе офицеры в черных накидках и черных кэпи с золотым галуном. Нерѣдко попадаются окрестныя крестьянки-бретонки в бѣлых чепцах и монашенки в широкополых шляпах. Населеніе Бретани и почти весь личный состав французскаго „Сѣвернаго флота" (Escadre du Nord), хотя и примирились в настоящее время (1880) с новым республиканским режимом, но в душѣ они остались по-прежнему правовѣрными роялистами. [1])

В городѣ, за исключеніем крѣпостных гласисов, поросших старыми деревьями, зелени мало; есть пара небольших площадок для гулянья,—вот и все. Здѣсь имѣется не дурной театр с порядочной труппой артистов; даются оперы, оперетки и драмы. Театр мы посѣщали нерѣдко. Видали „Фауста", „Травіату" „Аиду" и модныя в то время оффенбаховскія оперетки — „Периколу" „M-me Angot", „Les cloches de Corneville's" и друг. Много кафэ, ресторанов и кабачков. Из городского общества мы были знакомы с семейством консула Mr de Keross'a и еще с двумя семействами морских офицеров. Жена одного из них, урожденная в Россіи, говорила по русски.

В ту эпоху, скоро послѣ разгрома Германіей, зорко слѣдившей за военными силами своей разбитой сосѣдки, французскій военный флот был в упадкѣ и потому на рейдѣ судов было немного: 3–4 монитора прибрежной обороны и пара не больших авизо. На судах этой эскадры не видно было жизни, присущей активному флоту: ученій и маневров не производи-

[1]) Однажды за обѣдом въ нашей кают-кампаніи присутствовало нѣсколько приглашенных морских офицеров с французской эскадры, и когда при нашем тостѣ за Францію и французскій флот, наш „Маленькій" заиграл марсельезу, то французскіе офицеры остались сидѣть и один из них грустно сказал „прекратите эту музыку, под этот проклятый мотив коммунисты разстрѣливали моего родного брата в 1871 году".

лось вовсе; вечером в 5 час. офицеры уѣзжали на берег до утра, а днем в кают-кампаніях жизнь была скромная и стол был только для дежурных и вахтенных. Здѣсь за всю стоянку мы не получали приглашеній на обѣды или пріемы, что так обычно в радушной гостепріимной Англіи. По всему было видно, что новое республиканское правительство Франціи держало в то время свои морскія и военныя силы в черном тѣлѣ, подозрѣвая их личный состав в тяготѣніи к старому режиму, и потому ассигнованія на флот и армію были очень скромныя.

На рейдѣ, за молом стоит старый деревянный 3-х дечный корабль „Borda", — это морское училище будущих офицеров флота. Здѣсь „aspirants" (морскіе ученики) проходят 3-х годичный курс морских наук — теорію и практику, живя на самом кораблѣ и тренируясь на мачтах.

Офицеры и большинство преподавателей помѣщаются здѣсь же. Пройдя курс на „Borda", молодые гардемарины отправляются на 1 год в плаваніе по Англантическому океану с заходом во французскія колоніи на Антильскіе острова и в Бразилію. Послѣ этого плаванія гардемарины выпускаются во флот в чинѣ мичмана.

По приглашенію командира „Borda" мы в один из дней подробно осмотрѣли корабль, классы и жилыя помѣщенія этой плавучей школы.

За двухмѣсячную стоянку в Брестѣ, оба клипера успѣли докончить здѣсь нѣкоторыя работы по механизмам и воспользовались мастерскими порта для установки торпедных аппаратов для стрѣльбы минами Уайтхеда.

17-го декабря (1879) г в виду свободнаго времени — наступающих рождественских праздников, I-я очередь офицеров (командир, „Тимс", „Маленькій", барон Раден и я) отправились в Париж. Поѣзд оказался не из скорых: это разстояніе в 540 километров мы ѣхали около 16-ти часов. Ночью мы, одѣтые по осеннему, порядочно озябли в нетопленных вагонах[1]) 2-го класса и прибыли в Париж в морозное (около 4°), туманное утро. В недорогом, но весьма приличном отелѣ, мы переодѣлись с дороги и послѣ завтрака отправились с гидом осматривать город. Были в Grand Opéra, осмотрѣли Вандомскую колонну (на ней вмѣсто свергнутаго Наполеона, стояла фигура республики), Place de la Concorde, проѣхали по Champs Elisees до l'are d'Etoile, осмотрѣли храм Инвалидов с гробницей Наполеона, с саркофагом из чернаго мрамора, подареннаго Николаем I-м. Обѣдали в Grand Hotel'ѣ и вечером были в оперѣ; шли „Фенелла" с русской артисткой M lle Block. Громадная сцена с художественно исполненными декораціями пылающаго Везувія и видом Неаполя, произвела пріятное впечатлѣніе.

[1]) В то время на французских жел. дорогах парового отопленія еще не было: в вагоны I-го класса подавались на станціях мѣдные резервуары с кипятком для согрванія ногѣ.

Зрительный зал отдѣлан красным бархатом и золотом, но публика здѣсь много проще, чѣм в Лондонѣ, там всѣ одѣваются вечером в черные сюртуки и фраки. В парижской оперѣ замечательная бѣломраморная лѣстница, ведущая из вестибюля наверх и наружный фасад самого зданія. Слѣдующій день был ясный, солнечный, мы его употребили на осмотр Notre Dame и Лувра, с его картинными галлереями и морским музеем. Дворец Tuileries, сожженный Коммуной, сіял своими черными окнами, точно скелет; стоял он нетронутым, как памятник безпощаднаго разрушенія толпы. Посѣтили русскую церковь и наше посольство, гдѣ командир оставил свою визитную карточку. Побывали между прочим в студіи барона Гинзбурга, предоставленной безплатно для пользованія молодым русским художникам и эмигрантам, бѣжавшим в то смутное время от преслѣдованія отечественной полиціи. При студіи была библіотека и давались обѣды бѣднѣйшим студентам. Здѣсь мы познакомились с нѣсколькими молодыми художниками[1]), предложившими нам в качествѣ гидов познакомить нас с веселящимся Парижем на Монмартрѣ, гдѣ в то время были в большом ходу демократическіе балы: „Bal Mabile“, „bal St. Michel“, „bal Valentineau“ и другіе. Там в огромных залах, отдѣланных кричащим золотом и зеркалами, веселилась парижская молодежь и богема, отплясывая неистово модный в то время „канкан“, подбрасывая ноги выше головы, причем французскія дамы с истинно республиканским цинизмом охотно демонстрировали свои разноцвѣтные dessous, подбирая юбки до пояса. На этих „bals masqués“ экономные французы довольствовались сами и угощали своих дам не французским вином, а скромным нѣмецким пивом[2]). Вечера эти продолжались обыкновенно всю ночь и оканчивались под утро.

Вблизи Вандомской площади на rue Royale мы наткнулись на цѣлый ряд цвѣточных магазинов с обиліем прекрасных цвѣтов совершенно лѣтней культуры, несмотря на январь мѣсяц и стоявшія там холодныя погоды. Мнѣ пришло в голову послать отсюда букет живых цвѣтов в Петербург в дом семейства В-в барышнѣ ко дню ея именин (24-го декабря ст. стиля). Магазин охотно взялся исполнить это порученіе и заявил, что ему нерѣдко приходится отправлять живые цвѣты в Петербург на Nord express'ѣ, поручая ящик с цвѣтами лично проводнику международнаго вагона; от холода стѣнки ящика обкладываются внутри толстым слоем мха и ваты. Магазин приготовил огромный букет из красных камелій и роз, а в центрѣ его на фонѣ бѣлой сирени была фіалками выложена цифра 24 д. (день именин).

---

[1]) Один из них г. Похитонов, был впослѣдствіи извѣстным художником рисунков на фарфорѣ.

[2]) Введенными в Парижѣ нѣмцами, во время их окупаціи послѣ войны 1871 года.

Магазин гарантировал мнѣ цѣлость букета и своевременную доставку в Петербург, но с условіем, что я пошлю телеграмму, чтобы получатель букета прибыл обязательно на Варшавскій вокзал в день (23 дек.) и час прихода экспреса. Телеграмма мною была отправлена и брат этой барышни явился на вокзал к приходу поѣзда, но русскія таможенныя власти потребовали букет в таможню для исполненія необходимых формальностей. На слѣдующій день был 24-е дек. — канун Рождества Христова, а затѣм еще три дня праздников, когда таможня закрыта. И только 28 го декабря выдан был букет, простоявшій 5 суток на морозѣ в таможенном цейхгаузѣ и конечно цвѣты замерзли и превратились в ледяную кашу. И таким образом, по винѣ россійскаго формализма, моя затѣя потерпѣла фіаско!

Прожив в Парижѣ около недѣли, истратив всѣ деньги, мы наканунѣ Рождества Хр. вернулись в Брест, а на смѣну нам пріѣхала другая партія офицеров клипера.

Послѣ строгаго величественнаго и чистаго Лондона, впечатлѣніе оставшееся у нас от внѣшняго Парижа было далеко не в пользу послѣдняго. Может быть причиною тому было много оставшихся слѣдов разрушенія послѣ войны и Коммуны, и неустановившійся порядок спокойной городской жизни. Но, уѣзжая из Парижа, мы были в нем разочарованы и ожидали от него большаго.

АВАРІЯ НА КЛИПЕРѢ.

10-го января, когда мы спокойно стояли на якорѣ в Коммерческой гавани, из гавани выходил большой французскій пароход и по ошибкѣ рулевого, внезапно повернул на нас и не смотря на то, что капитан его успѣл застопорить машину и отдать якорь, он своим желѣзным форштевнем ударил в средину борта клипера и проломал нам стальной шпангоут и нѣсколько стрингеров. Удар был в надводную часть у ватерлиніи и потому вода попала только в трещину борта против угольной ямы. Консульским судом пароход был признан виновным в этой аваріи, а клипер был в тот же день введен в док для ремонта борта за счет парохода. В первых числах февраля мы вышли из дока и начали готовиться к плаванію кругом мыса Доброй Надежды для слѣдованія на Восток. Морское Министерство нѣсколькими телеграммами торопило командира не задерживаясь идти в Японію, в виду политических осложненій Россіи с Китаем из-за Кульджи. В водах Японіи собиралась наша эскадра под командою стараго адмирала С. С. Лессовскаго для устрашенія Китая, отказавшагося признать наш протекторат над Кульджею. Там к срединѣ 1880 года, предполагалось собрать до 20 судов. Младшими флагманами к Лессовскому

были назначены адм. Штакельберг и адм. Асланбеков, (бывшій долго командиром 8-го флотскаго экипажа), присланный смѣнить Штакельберга.

ВЫХОД В АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАН.

Нагрузившись углем, наполнив всѣ запасы, клипер был готов к плаванію и 16 го февраля около полудня мы и „Разбойник" попрощавшись с Брестом, вышли в Океан. Командиры условились не стѣснять друг друга и сейчас-же по выходѣ разошлись.

Выйдя в океан, мы легли на SW, удаляясь от берегов Европы, чтобы выйти на простор в полосу пассатных вѣтров. Клипер бѣжал по 11 узлов в час при тихой и пасмурной погодѣ. Так прошли мы Бискайскую бухту и берега Сѣверной Испаніи; на параллели Лиссабона очистился горизонт и мало по малу стал задувать слабыя попутный NO (нордост). Утром разбудили команду и, прекратив пары, поставили всѣ паруса; с прекращеніем шума машин на клиперѣ стало тихо, он медленно поплыл слабо покачиваясь, а за бортом изрѣдка поплескивали и журчали струйки воды. Вахтенный начальник перешел на задній мостик и теперь уже все свое вниманіе обратил на паруса; каждое его слово, сказанное в полголоса, было хорошо слышно по всей палубѣ при той особенно характерной тишинѣ, которая обычно наступает при замѣнѣ шумной машины тихими парусами. Команда расположилась по палубѣ у снастей каждой мачты, и в первое время унтер-офицеры в полголоса объясняли молодым матросам назначеніе и функціи каждой веревки. Мало по малу с удаленіем на юг, вѣтерек стал свѣжѣе, ход клипера больше и уже на параллели Гибралтара мы вошли в полосу NO пассата силою до 4-х баллов, и клипер наш дѣлал 220-230 миль в сутки т. е. по 9 узлов в час.

В ПАССАТѢ. ТРОПИКИ.

Плаваніе к пассатѣ это одно удовольствіе: чувствуешь себя точно на дачѣ в жаркій іюльскій день: океан — темно синій с бѣлыми гребнями волн, плещущихся за кормой, небо ярко голубое с кучевыми мелкими облаками по горизонту; солнце припекает, но паруса дѣлают тѣнь и отраженный от них вѣтер пріятно освѣжает; клипер бѣжит и изрѣдка лишь слегка качнется на девятом валу, но к этой плавной качкѣ так привыкаешь, что она совсѣм забывается. Офицеры в кителях, команда в бѣлых рубашках и вся — босиком. На 9-й день плаванія мы

миновали островъ Мадеру, пройдя отъ него въ разстояніи 25 миль, видѣли его лишь на горизонтѣ. Имѣя предписаніе торопиться на Дальній Востокъ, командиръ рѣшилъ зайти только на острова Зеленаго мыса и, пройдя вдоль береговъ Бразиліи, идти на мысъ Доброй Надежды[1]).

ОСТРОВА ЗЕЛЕНАГО МЫСА.

Черезъ 2 недѣли плаванія мы пересѣкли Тропикъ Рака (23 Сѣв. широты) и на 17-й день подошли къ островамъ Зеленаго мыса; пройдя большой островъ С. Антоніо, вошли къ вечеру на рейдъ О-ва Сен-Винцента и стали на якорь въ живописной бухтѣ, по берегу которой расположился небольшой городокъ Porto-grande съ негритянскимъ населеніемъ. Яркій солнечный день въ 6 часовъ вечера быстро безъ сумерокъ смѣнился темной ночью, что обычно въ тропикахъ, и небо почти мгновенно покрылось яркими звѣздами. Пріѣхалъ harbour master[2]) и негры съ корзинами фруктовъ; здѣсь особенно хороши апельсины крупные зеленаго цвѣта и необычайно сладкіе и ароматные. Сен-Винцентъ имѣетъ значеніе только какъ угольная станція, лежащая на пути движенія всѣхъ пароходовъ между Южными Африкою и Америкою и Европой. Производятъ острова только фрукты. Уголь мы приняли на слѣдующій день, запаслись фруктами, живностью (телята, поросята, куры) и прѣсною водою, и на 3 й день вышли въ океанъ для слѣдованія въ Капштадтъ. Обычный путь парусныхъ судовъ отсюда въ Капштадтъ не идетъ по прямому направленію на SO (Юго-востокъ[3]) а наоборотъ — суда идутъ на SW (Юго-западъ), пересѣкаютъ экваторъ и затѣмъ приближаются къ берегамъ Бразиліи (иногда заходитъ въ Бахію или Ріо-Женейро — что сдѣлалъ „Разбойникъ“) опускаются вдоль ея береговъ и, прійдя на параллель Ла-Платы, поворачиваютъ круто на востокъ, идя по параллели около 30° южной широты, гдѣ дуетъ западный (попутный теперь) вѣтеръ, часто очень свѣжій, съ которымъ доходятъ до самаго Капштадта. Этотъ путь нами былъ избранъ и это разстояніе около 7000 миль мы прошли въ 35 дней.

ЖИЗНЬ В ТРОПИКАХ.

Выйдя изъ С. Винцента, мы прошли подъ парами только 1 часъ и, получивъ тутъ-же свѣжій пассатъ, вступили подъ паруса. Вѣтеръ дулъ ровный, мы несли всѣ паруса до лиселей включительно и

[1]) Южная оконечность Африки.

[2]) Начальникъ порта.

[3]) Такъ какъ пришлось-бы идти прямо противъ юго-восточнаго пассата южнаго полушарія т. е. имѣть все время противный вѣтеръ.

только ночью во время налетавших шквалов приходилось их убирать. Жара постепенно становилась чувствительнѣе и здѣсь уже от нея приходилось спасаться частыми душами из океанской забортной воды. Ежедневно, с поднятіем команды — в 5 часов утра вооружались помпы, команда раздѣвалась вся и поочереди гуськом выстраивалась под души, обильно ими освѣжаясь.

Дѣлая около 200 миль в сутки, клипер через 10 дней подошел к штилевой полосѣ (близость экватора), начинающейся около 5° Сѣв. широты и заходящей до 2° Южной широты.

ШТИЛЕВАЯ ПОЛОСА.

Полоса эта около 300 миль шириной обычно проходится под парами, но купеческія суда, неимѣющія машин, зачастую штилѣют цѣлыми мѣсяцами (прибѣгая даже к греблѣ — буксируя корабль шлюпками), пока не пересѣкут эту непріятную зону. Около 5° Сѣв. широты пассат стал замѣтно стихать, клипер едва полз, дѣлая узла по 2 в час; ярко-синее небо стало постепенно заволакиваться блѣдно-молочною сѣткою; в воздухѣ духота и туманная сырость, напоминающая баню, когда поддадут пару. Паруса наконец заполоскали и клипер потерял ход. Закрѣпив паруса, развели пары и под стук машины быстро побѣжали к экватору, который пересѣкли 14 марта около 10 часов утра. От жары так всѣ раскисли, что ни у кого на клиперѣ не было охоты устраивать традиціонныя празднества и спектакли „перехода через экватор".

НА ЭКВАТОРѢ.

Весь этот день облака стояли низко, а прорѣзывались безпрерывно молніей и зарницею, вспыхивавшими одновременно в различных частях неба; по временам ворчал гром, при полнѣйшем штилѣ и духотѣ в воздухѣ. Под 3-м градусом Южной широты стал слегка задувать слабый вѣтерок слѣва (S O пассат) и постепенно усиливаясь, дошел до силы 3—4-х баллов. Получив пассат, клипер вступил под паруса и побѣжал опять по 8 узлов в час, склоняясь к западу к берегами Бразиліи.

ЮЖНЫЕ ТРОПИКИ.

Картина возобновилась та же, что и в Сѣверных тропиках, только вѣтер дул теперь с лѣвой стороны. На 18-й день плаванія мы прошли параллель о-ва Тринидата и спустились на юг вдоль бразильскаго берега.

ВДОЛЬ БРАЗИЛЬСКАГО БЕРЕГА.

Проходя параллели Бахіи и Ріо-Женейро, нам очень хотѣлось зайти в один из этих портов и освѣжить себя фруктами, проклиная консервы и солонину, но командир, торопясь на Дальній Восток, не рѣшился туда заходить. В это время вся свѣжая провизія была уже съѣдена, всѣ шипучія воды и пиво давно было выпито, оставался рис, горох, сухари, солонина, шампанское и красное вино. Было впрочем еще нѣсколько кур и гусей, но они так отощали, что жаркое из них было жестко и безвкусно. Оставался еще теленок, два черных поросенка и двѣ газели, но эти милые звѣри, живя все время с командою, так сдружились с нами и выдрессировались, что жалко было их убивать, и офицеры рѣшили оставить их жить для развлеченія команды. По ночам в южных тропиках карта звѣзднаго неба совершенно измѣнилась: Полярная звѣзда с Малой Медвѣдицей ушла под горизонт, близкія к ней созвѣздія также спустились к горизонту и остались позади, а над головою появились южныя созвѣздія и между ними всю ночь ярко горѣл перед глазами Южный крест, невидимый в сѣверном полушаріи. В концѣ 4-й недѣли плаванія мы повернули от американскаго берега круто на восток и пошли поперек океана, направляясь к южной оконечности Африки, держа на Капштадт. Здѣсь имѣли свѣжій попутный западный вѣтер баллов 5—6 и лиселей уже не несли, так как налетавшими частыми порывами они могли быть унесены в море, клипер бѣжал по временам со скоростью 10—12 узлов.

ШТОРМ У О-ВА ТРИСТАНДАКУНІЯ.

На 31-й день плаванія, проходя меридіан группы островов Тристандакунія, мы выдержали настоящій шторм силою 11—12 баллов. 3 дня вѣтер ревѣл от норд-оста, развел громадную волну и мы штормовали в бейдевинд лѣвым галсом, неся нижній грот-марсель, фок в два рифа, фока-стаксель и штормовую бизань. Вода шумно ходила по палубѣ, всѣ люки были закупорены, стеньги и реи трещали, брамстеньги были спущены. Вѣтер пронзительно свистѣл в тонких стальных снастях, заглушая звучный голос старшаго офицера, командовавшаго в рупор. Клипер бросало как щепку, и рулевые с трудом удерживали клипер на курсѣ, чтобы не выйти из вѣтра, чего мы особенно опасались, т. к. при обстѣненных парусах, легко потерять рангоут. На штурвал поэтому вмѣсто 4-х человѣк поставили 8, и старших рулевых мѣняли каждый час; дольше они не выдерживали и едва не падали от усталости и сильнаго напряженія: вращая тяжелый штурвал, им еще прихо-

дилось балансировать на скользкой мокрой палубѣ, уходящей из под ног. В то время штурвалы были только ручные.[1]) За эти три дня мы не могли имѣть горячій обѣд, наш повар не в силах был что либо приготовить, так как камбуз (кухня), расположенный на верхней палубѣ, ежеминутно захлестывался вкатывающейся волной. Свѣжій вѣтер, испытанный нами в Нѣмецком морѣ, по сравненію с этим штормом, показался теперь нам обыкновенною свѣжею погодою.

На 3-й день к вечеру шторм замѣтно начал стихать, ночью небо прояснилось, засвѣтила луна и мы заштилѣли; паруса неистово хлопали, качаясь на мертвой океанской зыби; но вахтенный начальник, не желая будить измученную команду, терпѣливо сносил эту музыку и паруса были закрѣпленны только лишь утром, когда разбудили всю команду. До Капштадта оставалось около 500 миль; правильнаго вѣтра, в виду близкаго африканскаго берега, ожидать здѣсь было нельзя. Утром командир, оглянув кругом весь горизонт, приказал разводить пары. Всѣ сразу повеселѣли: ну, стало быть через два дня мы получим свѣжую провизію и фрукты, о которых мы давно мечтали. За послѣднія двѣ недѣли всѣ офицеры замѣтно отощали: сухари и солонина опротивѣли, а послѣднія бутылки краснаго вина и шампанскаго были выпиты еще до шторма. Под парами клипер побѣжал 12 узлов, очевидно что наши механики и кочегары давно стосковавшись по берегу усиленно старались подбрасывать уголь. Высокія горы южной оконечности Африки открылись миль за 60, а часа через 3 из туманнаго горизонта стали выясняться три высокія горы: „Столовая“ гора, „Чертов пик“ и „Львиная голова“ (Table montaigne, Deavels pick, Lion's head). Вершины этих гор были чисты от облаков, что к нашему удовольствію предвѣщало тихую погоду.[2]) Спускаясь к морю склоны этих гор образуют полукруглую бухту, по берегам которой раскинулся живописный Капштадт, или по англійски Capetown[3]) (Кэптаун).

---

[1]) В один из жестоких порывов, когда пришлось закрѣпить нижній фор-морсель (во избѣжаніе потери фок мачты) и послать команду на фор-марс, молодые матросики, пораженные картиною бушующаго океана, дрогнули, и очень не рѣшительно поползли на ванты... Мгновенно старшій офицер крикнул боковому лейтенанту—„мичмана на марс!“ и вслѣд за ними быстро побѣжали оба боцмана, а за ними—марсовые и остальные матросы.

[2]) Плоская горизонтальная вершина „Столовой горы“ покрывается обыкновенно густым бѣлым облаком перед (юго-восточн.) крѣпкими вѣтрами, дующими с сосѣдняго Индѣйскаго океана; вѣтер спускаясь по склону Столовой горы превращается в жестокую бору и, попадая на Капштадтскій открытый рейд, своими порывами часто срываает корабли с якорей и уносит их в океан.

[3]) Названіе Capetown происходит от лежащаго вблизи Мыса Доброй Надежды (Cape of Good Hope), составляющую южную оконечность Африки. Этот мыс впервые был открыт и окрещен так Португальскими и Голландскими мореплавателями, огибавшими Африку на пути в Индію (Васко-де-Гамма и др.) Южная оконечность Африки до 18-го столѣтія была Голландской колоніей, перешедшая затѣм к Англіи. Потомки голландцев поселились там под именем „буров“ т. е. „Bauer'ов“ (земледѣльцев).

КАПШТАДТ И МЫС ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ.

Войдя на рейд и отсалютовав націи, мы встали в бухтѣ на два тяжелых якоря с толстыми 13-ти дюймовыми канатами, привезенными нам с берега англійскими портовымн властями. Эти предосторожности были необходимы в виду осенняго времени (10 апрѣля соотвѣтствует 10-му октябрю Сѣвернаго полушарія) и часто дующих здѣсь осенью жестоких бор, спускающихся со Столовой горы. Командир уѣхал на берег с визитами к морским властям, а мы, принялись истреблять виноград (сладкій мускат с характерным вкусом, присущим мѣстному винограду) и другіе фрукты, привезенные туземцами на клипер. Климат Капштадта, лежащаго под 35-м градусом Южной широты, соотвѣтствует климату южной Италіи. Стояла прекрасная мягкая осень, фрукты созрѣли и мы с удовольствіем отдыхали от 35 дневнаго океанскаго перехода. По нашему календарю была страстная недѣля и в виду близости Пасхи, командѣ дан был отдых; т. к. послѣ праздников предстояло вытянуть весь ослабшій такелаж (веревки крѣпящія мачты) и готовиться к новому тяжелому 30-ти дневному переходу Индѣйским океаном (7000 миль), гдѣ в это осеннее время дуют вѣчные западные шторма — для нас попутные, т. к. мы должны были пересѣкать южный Индѣйскій океан, направляясь в Зондскій пролив (вход в Тихій океан между островами Суматрой и Явой).

В глубинѣ бухты у городского берега выстроена небольшая гавань, обносенная гранитным молом, в гавани разрѣшается стоять лишь небольшим англійским военнным канонеркам и тѣм судам, которые требуют ремонта, а всѣ вообще суда паровыя и парусныя стоят на рейдах, будучи готовыми в каждую минуту выйти в океан, чтобы не быть сорванными внезапно-задувающими порывами свирѣпствующей здѣсь боры.

Город Кэптаун похож на всѣ вообще англійскіе портовые города: улицы прямыя, на углах полисмены, извозчики — кэбы, освѣщеніе газовое. Масса магазинов с англійскою мануфактурой и мѣстными кустарными издѣліями. Мелкіе торговцы, рабочіе, кучера и вся вообще прислуга — негры. В тот год (1880) Кэптаун имѣл рѣдкую для англійской колоніи физіономію военнаго города по случаю войны, которую Англія вела с возставшими зулусами, — с королем их Сечевайо — во главѣ; город был полон англійскими солдатами, одѣтыми в красные мундиры и бѣлыя тропическія каски. В момент нашего туда прихода война была уже окончена, Сечевайо был взят в плѣн и войска ежедневно отправлялись домой на больших океанских пароходах, топливших ся у гаванскаго мола, откуда производилась посадка войск. Побѣдителем зулусов был молодой генерал Уольслей —

(Walsley [1]), оставшійся в Капштадтѣ до окончанія эвакуаціи войск. Мы были приглашены на прощальный банкет, данный губернатором Капколоніи в честь генерала Уольслея, который долго бесѣдовал с нашими офицерами на этом вечерѣ. В это же время в Капштадт пріѣхала из Англіи экс-императрица французская Евгенія за тѣлом своего сына „Lu-lu", — служившаго лейтенантом в англійской арміи и убитаго зулусами в одном из сраженій; в торжественной процессіи перенесенія тѣла принца на пароход участвовал весь город, на том же пароходѣ уѣхала императрица в Англію, гдѣ принц и был похоронен.

В тот год Капштадт был наводнен нахлынувшими туда со всего міра капиталистами и всяними спекулянтами по случаю недавняго открытія богатых алмазных копій, находящихся в горах Капской колоніи в разстояніи 400 верст к сѣверу от Капштадта. В ювелирных магазинах и уличными торговцами продавалась масса необдѣланных камней; причем как нас предупреждали, — фальшивых было значительнр больше, чѣм настоящих; впрочем у нас на клиперѣ на этот товар охотников не было. Вскорѣ послѣ нашего прихода к нам на клипер пріѣхали мѣстные землевладѣльцы-собственники извѣстных виноградных имѣній „High Constancia" и „Great Constancia", в которых с половины 18-го столѣтія выдѣлываются извѣстныя „Константскія" сладкія вина, имѣющія кромѣ прекраснаго вкуса, еще и цѣлебныя свойства. Хозяин перваго имѣнія голландец Mr. Clöte, потомок древняго основателя виннодѣла, а Mr. Van Renen хозяин второго имѣнія — также голландец, но его имѣніе Great Constancia, болѣе позднаго происхожденія. Оба пригласили нас посѣтить их усадьбы, расположенныя в 15 верстах от Капштадта. Ѣхали туда в парных колясках по живописной дорогѣ, обсажденной живою изгородью из кактусов и кусков алоя. По дорогѣ встрѣчали в попутных фермах пасущихся домашних страусов, содержимых спеціально с доходною цѣлью для продажи перьев и яиц. В обоих имѣніях хозяева встрѣтили нас очень радушно, показывали свои старинные погреба, утопленные глубоко в землю с исполинскими дубовыми бочками, древностью до 150 лѣт. Послѣ осмотра имѣнія и пробы всевозможных вин, хозяева предложили нам обѣд, за которым присутствовала вся многочисленная семья (Clöte) и затѣм мы составили список заказанных вин.

На обратном пути мы заѣхали попутно в Капштадтскую астрономическую обсерваторію, гдѣ осмотрѣли полуденный телескоп — один из величайших в мірѣ. Поздно вечером мы вернулись домой, а на слѣдующій день обѣ смѣны офицеров поѣхали вторично, но уже в другія Константціи.

---

[1]) Впослѣдствій (1901 г.) Уольслей был главно-командующим англійских войск в Южной Африкѣ во время войны с „бурами".

Послѣ нашей Пасхи, отпразднованной, с куличами и яйцами, заказанными на берегу для офицеров и команды, клипер начал серьезно готовиться к плаванію Индѣйским океаном, для чего был тщательно вытянут весь такелаж; паруса замѣнены новым комплектом, т. к. — старые значительно потрепались за переход Атлантическим океаном; палуба была вновь проконопачена, т. к. пазы ея разсохлись в тропиках и давали течь.

ВЫХОД В ИНДѢЙСКІЙ ОКЕАН.

Около 28-го апрѣля мы снялись с якоря и вышли в океан; как рекомендует Лоція — парусным судам, идущим на восток, слѣдует спускаться из Капштадта прямо на юг на 4 градуса, т. е. дойти до параллели 40° Юж. широты, гдѣ уже начинается полоса свѣжих западных вѣтров и идти по этой параллели с попутным свѣжим вѣтром.

Мы, слѣдуя этому правилу, прошли прямо на юг и 1-го мая уже на параллели 39° Южн. широты нашли западный вѣтер силою в 8-9 баллов и, поставив только штормовые паруса (фок, нижніе марсели, фока-стаксель и гр-трисель), имѣли уже 10 11 узлов ходу. По временам клипер забирался нѣсколько южнѣе, идя по 41° параллели и тут вѣтер дул с силою шторма, давая ходу 12-13 узлов (до 300 миль в сутки). Здѣсь была настоящая зима: часто шел снѣг. Вѣчно дующій здѣсь шторм развел исполинскую волну, настигавшую нас сзади, и по временам казалось, что эта водяная гора догонит клипер и зальет его всей своей массой, но клипер, неся достаточно парусов, убѣгал от нея: корма быстро взлетала кверху, нос падал точно в пропасть и казалось, что он встанет на попа и сдѣлает сальтомортале, но туго вздутый на носу фок дѣлал свое дѣло: он высоко подымал нос клипера, корма опускалась и так — до слѣдующей нагоняющей волны. Боковые размахи качки достигали 30-35 градусов. Клипер болтался как маятник, мачты скрипѣли, снасти трещали, а лопнувшій внезапно шкот стрѣлял точно из пушки. На мостикѣ вахтенные привязывались к поручням, иначе неминуемо вылетишь за борт. По ночам спать на койкѣ было совершенно невозможно, из нея выбрасывало при каждом размахѣ, несмотря на высокіе борта койки. При попутной волнѣ нос клипера описывает громадные круги и рыщет вправо и влѣво почти на 45 градусов; вот тут рулевым требуется большое искусство, чтобы удерживать нос, иначе клипер может стать поперек вѣтра и тогда догоняющая волна окажется уже не за кормой, а сбоку, она неминуемо вас накроет и паруса обстенят; этот момент очень опасен, т. к. можно потерять всѣ мачты сразу. Рулевые здѣсь мѣнялись каждые 1/2 часа, дольше

никто из них не выдерживал. Обѣд при этих условіях не готовили и мы питались холодными закусками.

Около 15 мая прошли мимо островов „Павел и Амстердам"; это два скалистые необитаемые утеса, торчащіе из воды среди океана; от них держатся обыкновенно подальше, чтобы ночью не наткнуться. — Весь этот переход мы солнца не видѣли и потому обсерваціи у нас не было. Небо и горизонт кругом почти черные с кое-гдѣ бѣлѣющими снѣжными облаками. Ночь длинная, а день очень короткій, как это и должно быть в зимнее время.

Около 20 мая мы стали постепенно сворачивать к сѣверу, направляясь к Зондскому проливу; с уменьшеніем широты стало нѣсколько тише и замѣтно теплѣе, ход уменьшился и мы понемногу прибавляли парусов, но волна была еще громадная и качка не уменьшалась. За кормой цѣлый день гнался кит (с добрую миноноску величиною), пуская фонтаны и питаясь отбросами клипера; это нас развлекало и мы выбросили ему цѣлую бочку протухшей солонины, за нею он видимо вырнул в глубину и затѣм уже больше мы его не видѣли. Около 25 мая мы уже пересѣкли Южный тропик и получили SO (юго-восточ.) пассат с правой стороны и пошли под всѣми парусами в полвѣрта (галфвинд). Стало тепло и мы переодѣлись во все бѣлое. Раскупорили всѣ люки, просушивали жилую палубу и всѣ офицерскія каюты; возобновилась опять правильная тропическая жизнь корабля с полным обѣдом до супа включительно и из открытаго каюткампанейскаго люка стали доноситься на верх звуки веселых мелодій, разыгрываемых нашим симпатичным „Маленьким".

ЗОНДСКІЙ ПРОЛИВ. ОСТРОВ ЯВА.

29 мая мы вошли в Зондскій пролив, придерживаясь к правому берегу о-ва Явы с ярко зеленым тропическим лѣсом. Обогнув входный маяк „First point" и пройдя нѣсколько миль, мы стали на якорь в маленькой зеленой бухтѣ, чтобы простоять здѣсь ночь и на утро с разсвѣтом слѣдовать вдоль берега в Батавію, до которой осталось еще пройти около 100 миль. В бухтѣ была мертвая тишина засыпающаго тропическаго дня: был 6-ой час вечера, когда жара уже спала, но ночь еще не наступила. Всѣм нам захотѣлось на берег походить по зеленой травкѣ послѣ 30-ти дневнаго балансированія по мокрой качающейся палубѣ. Вся каюткампанія высыпала на катер и мы поѣхали на берег. На пристани нас встрѣтил голландец — смотритель маяка с двумя слугами малайцами, вооруженными охотничьими ружьями и пиками, с фонарями в руках в виду быстро наступавшей темноты, обычной в тропиках. Голландец

привѣтствовал нас с приходом и пригласил нас пройти к нему на маяк полакомиться фруктами и холодной водой, о чем мы давно мечтали. До маяка отсюда было 3—4 версты, путь шел тропинкой, проложенной среди густых зарослей тропической растительности. Выстроив нас гуськом, голландец пошел впереди, а малайцы слѣдовали сзади. Нам было объяснено, что здѣсь часто встрѣчаются дикіе звѣри (пантеры и ядовитые змѣи) и потому необходимо быть внимательными. В лѣсу быстро стемнѣло и наш путь освѣщался фонарями малайцев. По лѣсу распространялось гудѣніе и трескотня многочисленных насѣкомых и птиц На маякѣ мы с удовольствіем насладились фруктами и, отблагодарив любезнаго хозяина, отправились таким же порядком на пристань. Ночь была темная, мы шли густым лѣсом и насреди нѣ дороги вдруг раздался выстрѣл малайца, идущаго сбоку, второй малаец подскочил к нему и пикою колол что-то в густой травѣ, освѣщая фонарем. Оказалось, что то была крупная змѣя, и по словам голландца — очень ядовитая. Мы вернулись на клипер и спали эту ночь крѣпко без качки и без океанскаго шума. На утро прибыл лоцман и под его проводкою пошли вдоль низкаго берега Явы, покрытаго тропическим лѣсом, направляясь в Батавію.

БАТАВІЯ.

Остров Ява лежит всего на 7° южнѣе экватора, поэтому и климат здѣсь экваторіальный; погода напомнила нам штилевую полосу Атлантическаго океана: жарко, тихо, парит, низкія облака и по временам — зарница. Невдалекѣ от нашего курса двигались медленно два прозрачных небольших смерча; старшій офицер приказал зарядить пушку, но смерчи скоро растаяли и стрѣлять не понадобилось. На этом пути мы видѣли на горизонтѣ с лѣвой стороны вулканическій остров Кракатоа, впослѣдствіи погибшій во время большого землетрясенія, бывшаго в Тихом океанѣ в 1883 году. Вечером мы вошли на совершенно открытый Батавскій рейд и стали на якорь. Город расположен в тропическом лѣсу, причем улицы его представляют тѣнистыя аллеи с широкими промежутками между каменными котеджами, выкрашенными сплошь ярко-бѣлою известью для избѣжанія сильнаго накаливанія тропическим солнцем. Дома — особняки красивой архитектуры; все это принадлежит богатым голландцам негоціантам. Ява одна из богатѣйших голландских колоній, вывозит кофе, фрукты, сахарный тростник, черное и красное дерево. Днем в городѣ мертвый сон: всѣ ставни закрыты и европейскіе жители спасаются в полумракѣ закупоренных домов от тропическаго солнца. В 6-м часу вечера когда жара спадает, весь город оживает и всѣ стремятся на улицу, в

городской парк и ботанический сад подышать свѣжим воздухом; но этот промежуток бывает не долго, скоро наступает темная ночь, воздух насыщается теплою влагою и сон в такой атмосферѣ томителен и мало обновляет организм. Лишь под утро перед восходом солнца воздух дѣлается свѣжим и всѣ спят крѣпко; но теперь уже надо вставать т. к. в 6 ч. утра в торговом городѣ начинается жизнь, а в полдень все замрет и закроется ставнями. Климат этот с трудом переносится европейцами: живущіе здѣсь голландскіе колонисты, в особенности дамы и дѣти блѣдны, вялы и напоминают тепличныя растенія. Частные дома и отели устраиваются так, чтобы внутри было больше сквозного воздуха: жалюзи вмѣсто окон и дверей, качающіеся вѣера (спанкеры), винтеляторы и проч. Воду и всѣ напитки обильно охлаждают льдом, выдѣлываемым искуственно на спеціальных фабриках. Душами окачиваются по 4 раза в день. Но все это лишь пальятивы и каждый европеец, нажив здѣсь капитал, стремится скорѣе вернуться в Европу.

На стоявшем на рейдѣ клиперѣ с накаленными бортами и душными каютами выносить жару было гораздо труднѣе, чѣм на берегу, поэтому мы посмѣнно съѣхали в город и по 3 дня пожили в роскошных просторных отелях, окачиваясь душами. Для нас это было пріятным отдыхом послѣ океанскаго перехода. За это время мы посѣтили ботанический сад, музей, объѣхали загородныя малайскія деревни, расположенныя в пальмовом лѣсу на высоких сваях. Перед обѣдом мы ежедневно гуляли в городском тѣнистом паркѣ вмѣстѣ со всѣм европейским населеніем, затѣм брали душ и в 7 часов садились обѣдать. Вечера всѣ жильцы отеля проводят на верандах, располагаясь на бамбуковых лонг-черах с вытянутыми ногами. В 10 ч. всѣ ложатся спать, чтобы к восходу солнца на утреннем холодкѣ подышать свѣжим воздухом, взять утренній душ и позавтракать бананами и кофе. Всѣ цѣнят этот короткій прохладный час дня и стараются им пользоваться для всякаго дѣла, п. ч. скоро наступит жара и человѣк так раскисает, что не способен ни к какому труду.

Пока мы поочередно прохлаждались в отелѣ, наш старшій офицер на рейдѣ под палящим солнцем тянул на клиперѣ такелаж, ослабшій в штормовом переходѣ Индѣйским океаном. Но к концу работ и ему наконец удалось съѣхать на берег и освѣжиться хоть на один денек в прохладном отелѣ. Командир, не раздѣвавшійся 30 дней в океанѣ, теперь, пользуясь своим положеніем, отдыхал на берегу всю недѣлю и готовился к новому переходу в Японію, который займет не менѣе 2-х недѣль.

Числа 8-го іюня клипер наш был готов слѣдовать дальше, направляясь в Японію. Такелаж был вытянут, паруса замѣнены новым комплектом, рангоут и борт блестѣли послѣ окраски. В Нагасаки, куда мы шли, была уже собрана вся эскадра

адм. Лессовскаго и нам слѣдует явиться на рейд в щегольском видѣ.

Утром с разсвѣтом мы снялись с якоря и вышли в море под 3 мя котлами. В штилевой полосѣ вѣтру не было и мы шли под парами; на 3-й день пересѣкли экватор, за ним еще двое суток (до 8-го градуса Сѣверной широты) были штили. Тут-же на параллели южной оконечности (10° Сѣв. шир.) Кохинхины мы получили слабые вѣтра и, прекратив пары, пошли под парусами. Несли всю парусину, стараясь нагнать побольше ходу. По временам вѣтер свѣжѣл, вгоняя клипер до 9-ти узлов. Жара умѣрялась тѣнью от парусов; клипер дѣлал не менѣе 200 миль в сутки. Вахтенные начальники теперь понатарѣли и умѣли пользоваться всяким засвѣжѣвшим порывом, стараясь прибавить лишній парус или покруче обрасопить рей. Прошли Филиппины, прошли Гон.-Конг, Формозу. На 16-й день перед нами открылись южныя оконечности Японских островов. Опять развели пары и 24 іюня в 11 ч. утра прошли обрывистый Папенберг [1]) и, обогнув его, вошли на рейд Нагасаки. Был мертвый штиль. Полуденое солнце стояло в зенитѣ и перед нами открылась живописная бухта элиптической формы длиною в 3 мили. В глубинѣ рейда, на зеркальной поверхности заснувшаго моря дремали вдали под палящим солнцем суда русской эскадры. На фонѣ зеленых гор сѣрыми пятнами по всюду пестрѣли японскіе домики, будійскіе храмы с загнутыми крышами и кое гдѣ котеджи европейскаго типа.

Войдя на рейд, клипер отсалютовал націи, потом адмиралу и стал на якорь. С адмиральскаго корабля прибыл лейтенант поздравить с приходом и сообщил командиру, что сейчас послѣ отдыха т. е. в 2 часа дня прибудет адмирал (Лессовскій) и сдѣлает смотр [2]). Офицер был в траурѣ с эполетами, покрытыми крепом по случаю смерти императрицы Маріи Александровны. со всѣх сторон клипер окружили японскія шлюпки (фунэ) с Сѣстными торговцами, знакомыми всему русскому флоту. Тут мыли: Бенгоро-сан, Сига-сан, Iезаки-сан („черепаха человѣк"), бемомото-сан, Цанитара-сан, хозяйки ресторанов в Иносѣ-Юматсу-сан и многіе другіе. Раскланявшись с ними, хорошо их знавшій наш старшій офицер попросил их удалиться от борта на время ожидаемаго смотра и пріѣхать потом.

В 2 часа ровно прибыл на клипер Степан Степаныч, не высокаго роста, широкоплечій, подвижной старик, хохлацкаго

---

[1]) Названіе „Папенберг" сохранено в англійских лоціях от имени голландских монахов, приплывших сюда в XVII столѣтій в числѣ первых піонеров, посѣтивших Японію и сброшенных японцами с обрывистых утесов этого острова в море.

[2]) На приготовленіе к смотру адмирал нарочно не дал времени, чтобы судить, какой вид имѣет клипер в морском переходѣ, а не прибранный к смотру.

типа с бѣлыми усами, черными большими глазами и черными густыми бровями. Он быстро обошел фронт, поздравил с приходом, обѣжал весь клипер до трюмов включительно, на ходу задавая отрывистые вопросы. Своим орлиным опытным глазом он успѣл все разсмотрѣть и, вызвав команду на верх, объявил командиру, что клипер в отличном порядкѣ. Дал 5 дней сроку на отдых и приказал быть готовыми взять адмирала Асланбекова и с ним обойти порта Японіи и отправиться во Владивосток. Офицеры с судов эскадры сообщили нам извѣстія из Россіи, говорили о положеніи переговоров с Китаем, о готовности эскадры к войнѣ, о дружественном отношеніи к нам Японіи, и проч... Пріѣхал наконец и наш русскій консул[1]), привез нам давно ожидаемую почту, но... к сожалѣнію, не нашу, а адресованную на клипер „Джигит", ушедшій во Владивосток. Он по своей обычной разсѣянности, нашу почту отослал во Владивосток и мы, неполучая писем от выхода из Бреста (февраль), получим их, благодаря нашему консулу, только через два мѣсяца, во Владивостокѣ.

Вернувшись к нам вторично японскіе торговцы с низкими поклонами привѣтствовали нас и заполнили кают-кампанію, устроив в ней выставку своих изящных издѣлій: тут были золотые и серебряные кортики, броши, сабли, черепаховые вѣера, портсигары, рамки, гребенки, вазы фарфоровые и клоазоне, сервизы, лаковыя чашки, пепельницы, тарелки, старинныя японскія сабли и проч. и проч... У нас глаза разбѣгались и все хотѣлось купить, но офицеры с эскадры удерживали нас, совѣтуя не торопиться набрасываться в первый-же день на эти „дрова", что за долгое пребываніе в Японіи мы успѣем осмотрѣться и всего накупить с основательным выбором, и, наконец, что всѣ японскія издѣлія в Іокогамѣ в большем выборѣ и гораздо дешевле и лучше.

На клиперѣ не сидѣлось, и нас потянуло на берег повидать Нагасаки и хотя бы пообѣдать в хорошем отелѣ, т. к. наш судовой повар, задержанный смотром адмирала, еще не вернулся с берега с провизіей и не успѣл-бы к сроку приготовить обѣд.

На набережной нас обступили десятка два рикшей и с криками „рус", „рус", брали нас с бою и, посадив в коляски, помчались без оглядки в кильватер друг другу по узким улицам города... Уже стемнѣло, в дверях магазинов мерцали бумажные фонари и на порогах сидѣли торговцы, поджавши ноги, обмахиваясь вѣерами и вглядываясь пристально в наш быстро мчавшійся кортеж. Мы ѣхали долго; проѣхав весь город, передній рикша, а за ним и весь отряд, круто завернув

[1]) В Нагасаки был консул штатный, т. е правительственный чиновник, он был очень разсѣян и неакуратен, не знал русских судов, перепутывал почту и вообще обладал всѣми качествами, неподходящими к блюстителю интересов русских подданных в иностранном государствѣ.

в окраинную улицу, остановился, как вкопанный, у ряда домов, ярко-освѣщенных. Всѣ выскочили из колясок, спрашивая друг друга, зачѣм нас привезли в чайные (публичные) дома? Вѣдь мы ѣхали в ресторан обѣдать. Но оказалось, что на головном рикшѣ сидѣл наш офицер новичек, не бывавшій в Японіи, а его возница, не спросивши его, поскакал прямо за-город, полагая, что русским молодым офицерам некуда больше ѣхать, как в чайные дома. Недоразумѣніе выяснилось и мы поѣхали в один из лучших ресторанов.

Хозяйка ресторана, привѣтливая японка, угостила нас даже настоящею водкой и русскими закусками: икра, балык, огурцы и проч. пріобрѣтаемыми у буфетчиков „Добровольнаго флота“ привозящих эти продукты из Одессы. Послѣ обѣда поѣхали посмотрѣть гейш, а затѣм за город в—чайные дома. Гейши — это молоденькія мусумэ, разодѣтыя в богатые киримоны с необычайно сложной прической на головѣ и ярко накрашенным миловидным дѣтским лицом. Под заунывный шамшин музыканта онѣ танцуют с вѣером в руках и гнусаво тянут однообразную мелодію; на ногах короткіе чулки (мужскіе носки) с большим пальцем и скинутыми сандальями. Танцы совершаются на бамбуковых циновках и состоят из разных pas топтанія на одном мѣстѣ. Обыкновенно нѣсколько гейш изображают какую нибудь пантомиму. У каждой гейши имѣется обыкновенно свой постоянный обожатель из городской буржуазной молодежи; ему гейша вѣрна до тѣх пор, пока он ее не покинет; послѣ чего она переходит к другому. Зрители обыкновенно разсаживаются кругом на циновках, пьют „саки“, или „оча“ (чай) и ѣдят миканы и разныя сласти. Нам — новичкам профанам гейши не понравились, но в Японіи между европейцами есть много любителей этого своеобразнаго балета.

Чайные дома расположены за городом, занимая цѣлый квартал. В каждом домѣ десятка два молодых дѣвиц — по японски — красивых и миловидных; онѣ обыкновенно сидят на выставкѣ в широком окнѣ, выходящем на улицу и изображают неподвижную живую картину, но при нашествіи компаніи посѣтителей вся эта ватага дѣвиц срывается со своих мѣст и, окружив гостей, привѣтливо и мило ухаживает за ними, угощает чаем и фруктами, а затѣм разыгрывают под музыку одну из пантомим[1]), в концѣ которой всѣ танцовщицы оказываются в костюмѣ Евы. Такой спектакль нашей молодежи понравился гораздо больше, чѣм гейши.

Город Нагасаки расположен у подножія гор, окружающих одну из живописнѣйших в мірѣ бухт; это совершенно закрытая от океанских волн бухта длиною около 3 миль и шириною 1/2 мили. На правом берегу расположен собственно город, а лѣвый берег застроен доками, портовыми мастерскими и пре-

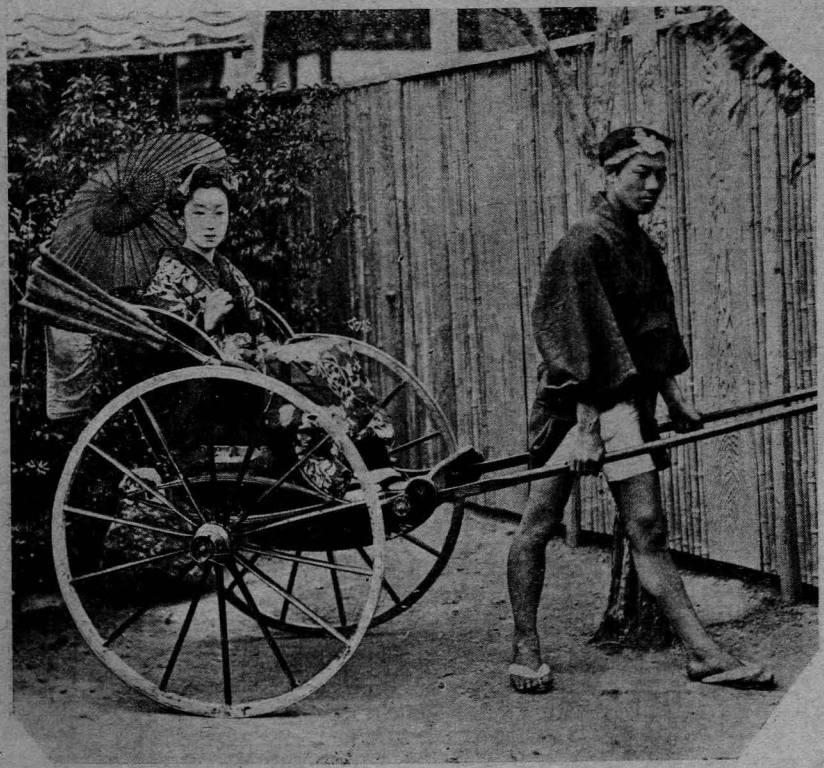
[1]) Большей частью извѣстную „Джон-кина“.

Гейша „Окини-Сан“.
К стр. 52.

Египет. Каирская красавица.
К стр. 95.

Зулуски.
К стр. 40.

Гейши в Иносѣ.
К стр. 49.



Гейша на рикши.
К стр. 49.

словутой деревней „Иносой“ (русская колонія). Над городом амфитеатром разбросаны в горах живописные японскіе домики и котеджи консулов и всѣх тѣх богатых жителей, кои не обязаны по роду своих занятій тѣсниться в низколежащем старом городѣ, с узенькими улицами и густо скученными торговыми конторами и рынками. Много магазинов с японскими издѣліями из фарфора, черепахи, слоновой кости, дерева, шелка и проч. При каждом съѣздѣ на берег невольно глаза на них разбѣгаются и что нибудь купишь. Подробно описывать город нѣт надобности, т. к. он много раз описан в гидах и путешествіях. Лучше проѣхать в „Иносу“ и посмотрѣть, как живут на дачах русскіе молодые офицеры со своими „временными женами.“

ИНОСА.

Подплывая на шлюпкѣ к Иносѣ вы невольно обратите вниманіе на нѣсколько десятков японских фунэ (шлюпки), тѣснящихся у самой пристани, это собственные „экипажи“, нанятые помѣсячно каждым офицером для постояннаго сообщенія своего корабля с берегом, гдѣ проживает на дачѣ „супруга“.

Далѣе, выйдя на берег, вы пападете в деревню, состоящую из 40 50-ти маленьких японских домиков, раскинутых в живописной зеленой рощѣ у подножія обрыва невысокой горы, на верхней площадкѣ которой недавно образовалось русское кладбище с часовней и караулкой, в которой проживает японскій бонза (священник). Послѣ 5 ч. вечера, когда на судах окончена служба, офицеры съѣхали уже на берег, жизнь в Иносѣ в полном разгарѣ; проходя мимо домиков, вы невольно натыкаетесь на трогательныя сцены: в раскрытых комнатах (стѣны в домах раздвигаются) и на верандах молодые мужья, переодѣтые в легкіе киримоны, кейфуют со своими „супругами“ и добросовѣстно проводят медовые мѣсяцы. Здѣсь офицеры ночуют если ночью не надо на вахту, и возвращаются на корабль на утро к 8 ч. Причем супруга провожает его на шлюпкѣ до самаго борта. Вернувшись домой, молодая жена обычно укладывается спать и отсыпается весь день до пріѣзда супруга. Хозяйством ей заниматься не приходится, т. к. для этого имѣются в Иносѣ два ресторана, которые кормят всѣх жен. Рестораны содержатся двумя извѣстными японками; Ойе-сан и Оматсу-сан, — бывшими в свое время „женами“ нынѣшных (1880 г.) уж старших офицеров. В жены онѣ сами больше не поступают, имѣя солидных покровителей, и занимаются хозяйством в своих ресторанах, кормят всѣх офицерских жен и имѣют большой штат молоденьких прислуг (мусумэ), — кандидаток в жены для вновь прибывающих офицеров, ищущих „супружескаго“ счастья. За содержаніе жены офицер в то время

платил всего 40 іен (японских долларов) в мѣсяц, и за дачу-особняк платил 20 іен. Итак за 60 рублей офицер имѣл дом и жену. С уходом корабля из Нагасаки супружества обыкновенно разстраивались, и жены поступали в резерв одного из этих ресторанов, если сейчас не находилось непосредственнаго пріемника-кандидата на дом и жену ушедшаго офицера. Окрестностей Нагасаки нам в этот раз осмотрѣть не удалось, т. к. мы скоро ушли с адмиралом Асламбековым по портам Японіи. На одном рейдѣ было три адмирала и Лессовскому хотѣлось разгрузить рейд от такого обилія — а главное, отдѣлаться от назойливаго и совершенно неплававшаго берегового адмир. Асламбекова, про котораго на эскадрѣ разсказывали массу забавных анекдотов. Простояв в Нагасаки не болѣе 10 дней, мы взяли Асламбекова с музыкой (в 30 чел.) и двумя флаг-офицерами (Фридрикс и Абаза) и пошли по японским портам.

До своего неожиданнаго назначенія в Тихій океан, Асламбеков много лѣт командовал 8-м флотским экипажем, страстно любил попу и свою экипажную музыку, и превратился в сухопутного командира. Назначенный смѣнить адм. Штакельберга в Тихом Океанѣ, он прежде всего озаботился забрать с собой экипажный оркестр и, прибывши с ним на „Азіи“ в Нагасаки, возился с ним, как с писанной торбой. Наш маленькій клипер был очень стѣснен нахлынувшими 34 мя лишними пассажирами; адмиральскіе ящики с накопленными долорами[1]) и музыкальные инструменты отняли у команды половину жилой палубы. Был іюль мѣсяц и несмотря на тропическую жару, адмирал требовал, чтобй мы ходили в черных сапогах, сюртуках и с кортиком, на вахтѣ на ходу, — что противно морскому уставу (сталь кортика нарушает показаніе компаса); между тѣм на всѣх судах в океанѣ допускались нѣкоторыя вольности в формѣ, — разрѣшалось носить бѣлый тропическій костюм с бѣлыми башмаками и англійскую бѣлую каску, спасавшую от солнечнаго удара. Но наш петербургскій адмирал знал хорошо пѣхотный устав Марсоваго Поля и Михайловскаго манежа и отступленій от принятой там формы не допускал.

Выйдя из Нагасаки мы прошли мимо острова Цусима, вошли в пролив Симонасаки, откуда под проводкой лоцмана пошли Средиземным японским морем, лежащим между островами Нипон, Сикок и Кіузіу. Шли под парами, т. к. приходилось идти все время в узкостях между различными островами; бывали крутые повороты на значительном теченіи. Идя два дня через Японію мы имѣли возможность наблюдать близко жизнь этого народа, как на ладони. По пути встрѣчались живописные ландшафты вулканических гор, потухших кратеров, покрытых хвойным лѣсом, рядом внизу под берегом густо росли

[1]) В то время жалованіе выдавалось исключительно серебряными мексиканскими долорами, монета очень громоздка и неудобна для храненія

тропическія пальмы и бамбуковыя рощи. На водѣ жизнь кипит ключом каждую минуту встрѣчаются большія и маленькія фуне под парусами, снующія между берегами с различными грузами. Масса также рыбацких шлюпок, занятых ловлей рыбы; при проходѣ клипера они предлагают свою красную рыбу „Той“ (Кету), только-что пойманную. Через два дня мы пришли на обширный рейд и стали на якорь у города Кобэ.

КОБЭ.

Адмирал со своими флаг-офицерами уѣхал по желѣзной дорогѣ внутрь страны в древнюю столицу Японіи Кіото. В его отсутствіи мы понакомились с Кобэ. За городом в горах масса водопадов, охотно посѣщаемых туристами. У каждаго водопада на обрывах горы лѣпятся изящные чайные домики, в которых мы видѣли много недурненьких мусумэ. Здѣшняя мѣстность, как увѣряют японцы, славятся красивыми женщинами.

По возвращеніи адмирала мы пошли дальше, направляясь в Іокогаму[1]). Кончилось Средиземное море и мы вышли в океан, огибая берег встрова Нипона с востока. Здѣсь по пути встрѣчались островки с дымящими вулканами, а на другой день рано утром открылся высоко в небѣ бѣлый снѣжный конус великолѣпнаго вулкана „Фузи-яма“ высотою 4 версты, открывающагося миль за 80; он особенно хорош рано утром при восходѣ солнца, когда на темном еще небѣ горит снѣжный его кратер, точно висит в воздухѣ пока склоны горы покрыты еще ночною мглою.

ІОКОГАМА.

На широком плесѣ Іокогамскаго рейда стояли под тентами: англійскій, американскій и нѣмецкій военныя канонерки — станціонеры. Адмирал обмѣнялся салютами и визитами и уѣхал со свитою в Токіо представляться Микадо с надеждою получить орден „Восходящаго солнца“.

Присутствіе большого числа в Іокогамѣ банков, контор, европейских торговцев и консулов всѣх націй, придало этому городу европейскій, или вѣрнѣе, международный характер. По низкой набережной, усаженной платанами и пальмами красуются отели, банки и частные особняки европейскаго стиля. Публика на набережной также в большинствѣ — леди и джетелмены, выхоленные подтянутые нѣмцы и дѣловитые американскіе янки. Японцы в этой части города встрѣчаются лишь джинерыкши и

[1]) Морской порт возлѣ столицы Токіо.

отельная прислуга. Но в центральной торговой части стараго города японцы составляют главный контингент. Здѣсь идет оживленная торговля шелковыми издѣліями, японской мануфактурой и предметами художественнаго искусства.

Вся красота Іокогамы заключается в красавицѣ Фузиямѣ, господствующей над всею бухтою, совершенно так, как Везувій господствует над Неаполитанским заливом.

За городом в обширном паркѣ на морском берегу раскинулась знаменитая „Канагава“ — японскій парадис, — это цѣлый город чайных домов, гдѣ собраны лучшія красавицы со всей Японіи[1])

Скоро из Токіо вернулся адмирал. Повидимому он не был доволен пріемом в Токіо, и Восходящаго Солнца не получил.

В началѣ августа мы вышли под парами в Океан и пошли вдоль восточнаго берега Японіи на сѣвер, направляясь в Сенгарскій пролив и в г. Хакодате, лежащій на островѣ Мацмаѣ[2]). Мы шли вдоль берега почти все время в туманѣ, т. к. попали в холодное теченіе „Кура-сива“, идущее с Охотскаго моря и, производящее здѣсь туманы. В океанѣ наш „сухопутный адмирал“ на верх не показывался. Очевидно его укачивало, и наши гардемарины зубоскалили говоря, что на клиперѣ единственным новичком в морском отношеніи был только адмирал.

Через пять дней мы вошли в Сангарскій пролив, при в сплошном туманѣ. На хакодатскій рейд мы проскочили просто фуксом: на минуту туман разсѣялся когда мы проходили траверз входа на рейд и пользуясь этим случаем, командир ловко повернул и вошел на рейд Хакодате. Там мы застали англійскій броненосец „Iron-duc“ и кононерку. У англичан в этот момент была шлюпочная гонка, обычная в воскресный день.

Г. Хакодате имѣет вид совершенно японскаго города, европейцев здѣсь мало—только консула. — Между прочим здѣсь имѣется небольшая православная церковь, несь причт которой составляют природные японцы православные. [3])

Наша стоянка здѣсь была внезапно прервана. Ушедшій с рейда вскорѣ послѣ нашего прихода „Iron-duc“, пробираясь вдоль западнаго берега о-ва Матсмая на сѣвер, к Сахалину — выскочил на камень у Японскаго берега. Это мѣсто мало населенное и за отсутствіем телеграфа англійскій капитан прислал

---

[1]) В одном из домов на „101 ступенькѣ“ жила извѣстная в это время красавица гейша „Окини-Сан“, воспѣтая в лирической поэмѣ-пародіи лейтенантом Хамратом (плавал на „Пожарском“, впослѣдствіи на обраном пути в Россію сошел с ума и застрѣлился в Килѣ).

[2]) Сѣверный остров Японіи.

[3]) Православіе распространяется в Японіи из Токіо, гдѣ имѣются цѣлая епископія с православным собором, выстроенным извѣстным русским миссіонером преосвященным Николаем. Все духовенство, причт, учителя в школах и ученики — природные японцы.

сюда офицера на шлюпкѣ, он шел сюда болѣе суток. В это время на Хакодатскій рейд пришел французскій броненосный фрегат „Triomphant“ с адмиралом, и вот — оба адмирала — нам и француз условились идти вмѣстѣ к „Iron-duc“. Сидѣл он крѣпко и с мѣста не двигался. Тогда командир англійскаго броненосца рѣшил разгружать свой корабль частью на свою же канонерку, частью на берег. Эти мѣры оказались дѣйствительными и на слѣдующее утро, когда мы с французом снимались с якоря, чтобы уходить во Владивосток, англичанин неожиданно сам тронулся с мѣста (вслѣдствіе наступившаго прилива) и перешел своей машиной на глубину. Мы его поздравили, проигравши ему англійскій гим и ушли в море.

ВЛАДИВОСТОК.

Разстояніе в 600 миль до Владивостока клипер при тихой погодѣ прошел в 2-е суток, и в темную августовскую южную ночь (широта южнаго берега Крыма) подошел к „Босфору восточному“. Несмотря на извилистый и трудный вход, командир лихо вошел на хорошо знакомый ему рейд при совершенной темнотѣ и стал на якорь вблизи берега против Штаба порта.

На утро адмирал с флаг-офицерами и, конечно с музыкой, съѣхал жить на берег, а на клиперѣ (нам в утѣшеніе) оставили поднятым свой флаг. Мы по адмиралу не скучали; и долго еще в кают-кампаніи „Никольс“ карикатурно изображал его, будтобы пускающагося в пляс под акомпанимент канкана из „Герцогини Герольштейнской“, наигрываемаго нашим „маленьким“ артистом.

Город Владивосток широко раскинут в безтолковом безпорядкѣ по холмам и балкам, окружающим прекрасную, совершенно закрытую владивостокскую обширную бухту, в которой мог бы помѣститься самый многочисленный флот. Деревянные домики настроены как попало, без всякаго плана. По кочкам, по балкам, без фонарей пролегает вдоль сѣвернаго берега бухты немощеная, пыльная „Свѣтланская“ улица [1]). Она то и служит главной артеріей раскинутаго на нѣсколько верст города.

Горы, окружающія бухту со всѣх сторон, были когда-то покрыты густым, строевым лѣсом, но со времени присоединенія Уссурійсуаго края, [2]) беззаботные россійскіе піонеры вырубили эти лѣса на постройку своих домов и на топливо, (хотя рядом на рѣкѣ Сучанѣ имѣются рудники каменнаго угля).

---

[1]) „Свѣтланская“ улица названа в честь фрегата „Свѣтланы“, с которым сюда приходил в концѣ 1860-х годов в. кн. Алексѣй Александрович в чинѣ лейтенанта.

[2]) Кап-лейт. Невельским в 1861 г.

Южный берег бухты, именуемый почему-то „Итальянским", сохранил еще мѣстами молодыя деревья и кустарники южной флориды.[1]) В окрестностях Владивостока дозрѣвают арбузы, дыни и даже виноград. Владивостоковская бухта защищена с юга строющейся теперь крѣпостью, форта располагаются на матером берегу и на островѣ Русском (Козакевич), лежащем у южнаго входа. Для Владивостокской флотиліи, состоящей из нѣсколькихъ канонерок и небольших пароходов - транспортов, имѣется пока небольшой порт-база (для ремонта) с нѣсколькими мастерскими. Сибирскій флотскій полуэкипаж, пѣхотный полк и одна казачья сотня составляли пока военныя силы порта. На берегу из домов выдѣляются — морской штаб, дом главнаго командира порта и морское собраніе, гдѣ морскіе мѣстные офицеры обѣдают и проводят вечера. Для перевода сюда из Балтійскаго флота офицерам назначились усиленные прогоны (до 2000 р.) и с цѣлью заохотить — молодым мичманам и даже гардемаринам разрѣшалось жениться и, таким образом, здѣсь накопился контингент, численностью достаточной для обслуживанія Владивостокской флотиліи. Но попавшія в в это захолустье из Петербурга молодыя жены скоро разочаровываются, скучают и... семейное счастье часто разрушается в этом замкнутом кругу. Лѣтом с приходом сюда Тихоокеанской эскадры мѣстное морское общество оживляется: на пріемах и балах, даваемых судами эскадры, заводятся знакомства с пришедшими офицерами, поѣздки за город, пикники и нерѣдко заканчиваются увлеченіями..., а вѣдь свои сибирскіе мужья в то время отсутствуют — флотилія находится в плаваніи по Восточным морям. И вот по Владивостоку ходила молва (конечно — облыжная), что мѣстныя дамы, уѣзжая с балов с мичманами на берег, любили слушать ночных соловьев в рощах Итальянскаго берега... Но осенью, с уходом эскадры, когда Владивостокская флотилія возвращалась домой, каждый вернувшійся Уллис находил свою вѣрную Пенелопу в добром порядкѣ. Мы офицеры „Наѣздника" можем разсѣять этот поклёп на Владивостокских дам, т. к. у нас на клиперѣ тоже был дан вечер с танцами и музыкой, и мы ручаемся, что послѣ бала ни один из нас не слушал в ту ночь соловьев на Итальянском берегу.

Из Тихоокеанской эскадры в то лѣто, кромѣ „Наѣздника" на рейдѣ стояли фрегаты „Минин" и „Пожарскій"; команды с этих судов таскали орудія на форты строющейся крѣпости, а „Наѣздник" обновлял свой рангоут и паруса, требовавшія ремонта послѣ океанских переходов.

Август и сентябрь — лучшіе мѣсяцы во Владивостокѣ, — мы пользовались хорошими погодами и бывали часто на берегу.

[1]) Широта Владивостока та-же, что у Крыма, но в началѣ лѣта здѣсь стоят дожди и холодные туманы от холоднаго теченія из Охотскаго моря, омывающаго восточные берега этого края.

Я встрѣтил там нѣсколькихъ своихъ товарищей, переведенныхъ сюда чуть ли не со школьной скамьи и всѣх уже женатых. В Морском Собраніи бывали вечера в отвѣт на наши пріемы. Время нашей стоянки пробѣжало быстро, а в концѣ сентября мы получили приказ идти в Шанхай. Мы были очень рады попасть в этот большой город — „Нью-Іорк Дальняго востока". Собрались быстро и без сожалѣнія оставили Владивосток. По пути забѣжали на один день в Нагасаки получить у адмирала инструкціи и тронулись дальше. Шли под парами. На 3-й день плаванія цвѣт морской воды из синяго стал мутно-желтым — признак близости устья Янце-Кіанга. От крѣпости Усунг и рѣки того-же имени тянется далеко в море мелководный бар наноснаго из рѣки песку. Здѣсь берут лоцмана и с ним идут до входа в рѣку Усунг и затѣм миль 15 по самой рѣкѣ. На ея берегах раскинут город Шанхай. Мы встали на якорь в самой оживленной части — у Англійскаго квартала. На длинной набережной, застроенной большими домами, помѣщаются банки, дворцы консулов, почтовыя конторы, клубы и отели. Несмотря на полное хозяйничанье здѣсь европейцев — Шанхай находится и до сего времени в суверенной власти Китая, но англичане, американцы и французы имѣют в нем каждый по отдѣльному кварталу (концессію) с экстериторіальными правами владѣнія. На этих 3 х участках каждая нація сохраняет свои гражданскія права: суд, полицію, собственную почту, муниципалитеты и проч. Шанхай один из главнѣйших портов Китая для ввоза европейской и американской мануфактуры. Китай в свою очередь отпускает отсюда шелк, чай, рис и проч. На рѣкѣ и на набережной поэтому весь день господствует необычайное движеніе: снуют пароходики, барки с грузом, шампунки (ялики), а на берегу тысячи дженерикшей запряженных полуголыми китайцами — за безцѣнок (10 коп. за конец) несутся сломя голову по улицам. Выше по рѣкѣ расположен собственно-китайскій квартал Шанхая с милліонным населеніем рабочаго класса, мелких торговцев и нищих. Здѣсь тѣснота невыразимая; по нѣсколько семейств ютится в каждой комнатѣ грязнаго дома; бѣднѣйшія семейства живут цѣлыми таборами открыто среди улиц, по которым даже узенькому дженерику не возможно проѣхать. Сотни-тысячи населенія, не помѣщаясь на землѣ, живут на плотинах рѣк и болот, а болѣе предпріимчивыя семьи заводят себѣ большія джонки (парусныя суда) и всю жизнь проводят крейсеруя в морѣ, занимаясь рыбной ловлей, собираніем ракушек и морской капусты, а при случаѣ и грабежом заштилѣвших в морѣ парусных судов.

В европейских кварталах много роскошных комфортабельных отелей и магазинов с французскою галантереей и нѣмецкою дешевою мануфактурою; эти вещи (при отсутствіи таможенной пошлины) здѣсь дешевле, чѣм в самой Германіи и в громадном выборѣ. За городом обширный парк для гуляній и

поѣздок, в нем скаковое поле, спортивные клубы с площадками для тениса, футбола и всевозможных игр; трек для велосипедистов и павиліоны для отдыха, завтраков и пикников. В 6 часов вечера с замираніем торговой жизни, парк наполняется гуляющими европейцами — в богатых щегольских выѣздах парами и четверками, на велосипедах, бициклетах, а то и пѣшком—гуляют богатые негоціанты послѣ дневного „make-money“[1]), Между собсвенными выѣздами выдѣляются своим кричащим шиком экипажи американских кокоток: у каждой красавицы своя яркопестрая ливрея, одѣтая на кучерѣ, лакеѣ и двух грумах на запятках. Такая ливрея видимая издали дѣлает рекламу каждой американкѣ, причем цвѣта ливреи очевидно распредѣлены так, чтобы не смѣшивать их между собой. Пріѣзжая в Шанхай на нѣсколько лѣт американки составляют здѣсь порядочный капитал, тоже „mak-money“, с которым возвращаются на родину и добросовѣстно выходят там замуж, или заводят торговлю.

Верстах в 12-ти от Шанхая есть извѣстная (Іезуитская) миссіонерская французская колонія Sekawey. Основанная в шестидесятых годах XIX столѣтія, колонія — вначалѣ своего существованія, была скромным религіозно просвѣтительным учрежденіем с небольшим монастырем миссіонеров, посылаемых отсюда проповѣдыват христіанство в глубь Китая. В настоящее время Сикавей разросся в обширную колонію с образцовыми агрономическими плантаціями, с фермами, огородами, ремесленными мастерскими, дѣтским пріютом, школами общими и ремесленными, духовной семинаріей, академіей и проч... При монастырѣ имѣется астрономическая и метеорологическая обсерваторія. Миссіонеры принимали безплатно в свой пріют дѣтей всѣх возрастов на полное иждивеніе и воспитаніе, с условіем крещенія в католическую вѣру. Китайцы, с целью избавиться от лишних ртов, охотно отдавали своих дѣтей в монастырь и навсегда от них отказывались. Питомцы соотвѣтственно своим наклонностям и способностям, распредѣлялись по школам и мастерским; нѣкоторые поступали в семинарію, а наиболѣе способные — в академію. По окончаніи образованія питомцы выпускались ремесленниками, агрономами, миссіонерами, нѣкоторые оставлялись при школах учителями, и даже при обсерваторіи. Всѣ абитуріенты и выпускаемые сохраняют свой китайскій облик — с бритыми головами, на затылкѣ — косами и національным костюмом. Церковная служба, проповѣди и преподаваніе в школах ведется на китайском языкѣ. Патер француз, показывавшій нам колонію, говорил, что они сознательно со-

[1]) Дѣланіе денег.

хранили китайскую внѣшность всѣм духовным лицам [1]) и в особенности миссіонерам, так как появленіе внутри страны первых миссіонеров французов, одѣтых в рясы европейскаго фасона, отстраняло народ от них, и теперешняя проповѣдь новых миссіонеров —природных китайцев дает несравненно болѣе успѣшные результаты. Сикавейская обсерваторія пользуется в тихом океанѣ заслуженной извѣстностью; она издает метеорологическія бюлетени и разсылает телеграммы по всему побережію Китая для предупрежденія мореплавателей о движеніи тайфунов (ураган) в Китайском морѣ, свирѣпствующих там в іюлѣ, августѣ и сентябрѣ.

В Шанхаѣ—нашим добровольным гидом был весьма любезный, услужливый молодой человѣк М. А. Гинсбург, начинавшій тогда свою карьеру поставщика Русских судов. Впослѣдствіи он стал весьма вліятельным человѣком на Востокѣ и пріобрѣл симпатіи всѣх морских офицеров, оказывая им всевозможныя услуги совершенно безкорыстно. Через 24 года во время Японской войны (1904—5 г.) Гинсбург на свой страх и риск заготовил в Артурѣ милліоны пудов угля дла русскаго флота, что дало возможность П-Артуру продержаться 11 мѣсяцев в осадѣ.

ЧИФУ.

В половинѣ октября адмирал вызвал нас в Нагасаки на пару дней и приказал идти немедленно в Чифу [2]), чтобы быть ближе к Тянзиню, и принять оттуда нашего посланника в Пекинѣ, так как ожидался близкій разрыв с Китаем. Шли мы туда очень неохотно: там было уже холодно, рейд открытый с частыми сѣверными штормами, и на берегу — пустынный непривѣтливый, захолустный китайскій город.

Весь ноябрь мы простояли на этом отвратительном рейдѣ и на берег не съѣхали ни разу. Терпѣли мы холод, снѣжные шторма, мотало нас на якорѣ, хуже чѣм в открытом морѣ; часто не имѣли свѣжей провизіи за невозможностью послать за нею на берег. Молили мы судьбу о скорѣйшем разрывѣ с Китаем — тогда уже навѣрное ушли бы отсюда. Единственным нашим развлеченіем был наш сосѣд по рейду — крейсер „Забіяка“ [3]),

---

[1]) В первые дни нашей стоянки в Шанхаѣ утонул в Вусунгѣ испанскій консул, ѣздившій на шлюпкѣ с визитом на пришедшій с моря испанскій корвет „S — Mariade Molina“. На похоронной процессіи консула все католическое духовенство было в китайских костюмах и с косами на затылках.

[2]) Китайскій порт при входѣ в Желтое море.

[3]) Командир К.-Л. Л.-Н. Ломен; старш. оф.-лейт. И. К. Григорович — впослѣдствіи морской министр.

присланный сюда раздѣлять нашу противную стоянку. Наши каюткампаніи ѣздили другъ к другу и кое = как развлекались.

В Чифу мы узнали что с адм. Лессовским на флагманском крейсерѣ „Европа“ произошел несчастный случай. Идя из Владивостока в Японію при свѣжем попутном NW крейсер вздумад поставить всѣ паруса, имѣя ход под парами около 13 узлов. Командир форсировил парусами, не ощущая всей силы попутнаго шторма. Но лишь только рулевой вильнул — крейсер лег на бок и адмирал, выйдя в этот момент на верх, покатился с палубы на борт и попал ногой в марсафальный кнехт, повис на нем и сломал себѣ ногу. На крейсерѣ брамстеньги и паруса полетѣли мигом за борт. В Нагасаки адмирала свезли на берег к консулу, гдѣ 70-ти лѣтній старик пролежал 6 недѣль с гипсом на ногѣ.

В концѣ ноября на открытом рейдѣ Чифу стал появляться плавучій лед, это нас приводило в отчаяніе, не замерзнем-ли мы на всю зиму на этом рейдѣ? Но к счастью мы вскорѣ получили телеграмму адмирала — идти в Кобэ. Ну слава Богу! через два часа мы были готовы и попрощавшись сигналом с „Забіякой“, ушли с родостью в теплую и милую Японію. Наш сосѣд ушел одновременно с нами, — кажется — в Шанхай.

Мы шли под парами, огибая южный берег Кореи, прошли острова: Квельпарт, Каргодо и Цусиму. На 3 й день вошли в Симоносакскій пролив и вступили в Средиземное — Японское море, гдѣ мы проходили минувшим лѣтом. Хотя здѣсь было еще тепло (около $+10^0$ R), но зимою картина уже не та: и зелень потемнѣла, и оживленіе значительно меньше. Джонки на водѣ встрѣчались гораздо рѣже, а на берегу мы уже не видѣли веселой возни и игр милых дѣтей японят с тремя черными хохлами на бритых головках и с голенькими животами. Японское солнце уже не пекло, а лишь слегка пригрѣвало, и в береговых японских домиках бумажныя стѣны были тщательно задвинуты. В ущеліях проливов бурлило сильнѣе, и наш лоцман старик англичанин лихо управлялся на крутых поворотах. Поздно вечером мы пришли в Кобэ и стали на якорь рядом с „Пластуном“, пришедшим туда за нѣсколько дней раньше. Здѣсь стоял еще „Стрѣлок“, неразлучный попутчик и соперник „Пластуна“ на длинном пути из Кронштадта в Японію [1]). На этом же рейдѣ стоял германскій учебный, старый деревянный фрегат „Vineta“, на нем плавал в качествѣ гардемарина молодой принц

[1]) Оба клипера весною 1880 г. были спѣшно отправлены из Кронштадта в Японію на пополненіе эскадры адмирала Лессовскаго через Суэц. Выходили они из попутных портов вмѣстѣ, а приходили в слѣдующіе порта вновь, соперничая в скорости. Приходя в порт командиры согласно уставу доносили в министерство телеграммами о своем приходѣ и, желая отличиться, каждый командир недовольствовался доносить о своем приходѣ, но еще добавлял о своем соперникѣ: Платун доносил: „Plastoun arrivé Strelok pas arrivé“,— а Стрѣлок доносил: Strelok arrivé, Plastoun pas arrivé.

Генрих[1]). Через двѣ недѣли сюда прибыли еще наши два клипера: „Крейсер“ и „Джигит“. Стоя здѣсь с половины декабря до половины марта 1881 г., мы усердно готовились к войнѣ с Китаем. Упражнялись в стрѣльбѣ из орудій и мин Уайтхеда. По праздникам мы собирались компаніями и ѣздили в окрестности на знакомые уже нам водопады с чайными домами и хорошенькими мусумэ. В городѣ мы посѣщали „Bowling club“-кегли, гдѣ часто встрѣчали нѣмецких офицеров и гардемарин с „Vinet'ы“ и играли с ними партію на партію.

В Кобэ мы отпраздновали Рождество, устроив для команды елку с подарками и встрѣтили Новый год.

В этот день я и Перфильев были произведены в лейтенанты, а всѣ наши гардемарины — в мичмана; об этом производствѣ нам было сообщено телеграммой из Министерства.

КІОТО.

В концѣ января я с компаніей нѣскольких офицеров — наших и с клипера „Крейсера“, поѣхали на нѣсколько дней по желѣзной дорогѣ в Кіото — древнюю столицу Японіи. Там мы вынуждены были жить в японской гостиницѣ и довольствоваться японской обстановкой, т. е. цыновками вмѣсто кроватей и бамбуковыми плетеными станками (в видѣ сѣдла) вмѣсто подушек. Но стол в ресторанѣ был сносный, — нѣчто среднее между японской и европейской кухнею. Взяв гида мы первый день употребили на осмотр древних дворцов прежних правителей Японіи — Сіогунов и современных имперій государственных учрежденій. Сложенное из толстых бревен деревянное зданіе дворца грандіозных размѣров с прилегающим к нему садом, занимает территорію около квадратной версты. Потолки и стѣны внутренних зал дворца выложены сплошь мозаикой из разноцвѣтных дерев, растущих в изобиліи в Японіи. Полы покрыты квадратами из бамбуковых цыновок, вмѣсто окон — рѣшетки, наклеенныя бумагой. Меблировка выдѣлана из цвѣтных дерев с инкрустаціей с видами природы, птиц, морских видов, драконов, аистов и проч. На стѣнах висят шелковыя картины японских морских видов с неизмѣнной „Фузи ямой“ — на горизонтѣ. Сад представляет чудо искусства человѣческих рук — это в миніатюрѣ изображеніе всей Японіи с рѣками, озерами, вулканами, водопадами, горами, лѣсами, рощами и все в маленьком масштабѣ с неизмѣнной Фузи-ямой тоже в маленьком масштабѣ. Вода всюду живая, проточная, все живет, движется и проч. и проч.

Осмотрѣв затѣм еще нѣсколько храмов с загнутыми крышами и семи-этажными башнями, и дворцы прежних государ-

[1]) Впослѣдствіи — адмирал, начальник германскаго флота.

ственных учрежденій, мы вернулись в отель послѣ обѣда утомленные, легли на циновках спать с бамбуковыми „сѣдлами“ под головами и всетаки спали недурно.

На утро осмотрѣли город, объѣхав его на рикшах и затѣм отправились на шелковыя фабрики — на краю города, гдѣ мы закупили, каждый по своим средствам, — шелковых матерій: мы, холостые, — носовых платков, а женатые — уйму всевозможных матерій, — тут была фанза для дамскаго бѣлья, цвѣтная матерія для платьев, крэп де шин разных цвѣтов, вышивки, киримоны, шелковые чулки разных цвѣтов и проч. Третій день мы ѣздили в г. Отсу и затѣм по горной рѣкѣ, изобилующей каскадами и порогами, спустились на шлюпках, управляемых искусными гребцами вниз и вечером, осмотрѣв еще фарфоровую казенную фабрику, гдѣ было пріобрѣтено нѣсколько ваз,— вернулись в Кобэ.

Февраль мѣсяц прошел у нас на рейдѣ в различных занятіях по подготовкѣ судов к ожидавшейся все еще войнѣ с Китаем, хотя до нас доходили слухи, что переговоры дипломатов в Пекинѣ клонятся к мирному разрѣшенію Кульджинскаго вопроса и Китай идет на уступки.

3-го марта в 9 часов утра на моей вахтѣ пристал на борту катер, с него вышел германскій вице-консул и, спросив командира, спустился к нему в каюту. Через 5 минут командир вышел на верх с телеграммой в руках и, собрав офицеров и команду на шканцы, объявил нам, что 1-го марта убит Император Александр II-й. Вслѣд за тѣм был приспущен кормовой флаг до половины, всѣ реи отоплены на крест и с полдня начался траурный салют (через каждые ½ часа один выстрѣл). Всѣ клипера, стоявшіе на рейдѣ, повторили то же самое; коммерческія суда всѣх націй спустили свои флаги до половины. Русскаго консула в Кобэ не полагалось, поэтому германскій консул почел своей обязанностью увѣдомить нашего командира о полученной им телеграммѣ от своего посольства из Токіо. Только поздно вечером наши клипера получили телеграммы о том-же от адмирала из Нагасаки. На утро 4-го марта всѣ надѣли мундиры и в походной судовой церкви принесли присягу на вѣрность новому царю Александру III-му.

Около 10-го марта был получен приказ адмирала — всѣм клиперам, стоявшим в Кобэ, приготовиться к походу и, по мѣрѣ готовности, слѣдовать в Сингапур с заходом в Гон Конг. Около 15-го марта „Наѣздник“ вышел в океан, направляясь в Гон Конг. В океанѣ дул свѣженькій нам попутный NO, и мы пошли под парусами, неся брамсели и имѣли до 10 узлов ходу.

Спускаясь к югу мы постепенно снимали с себя сукно и за о-вом Формозой переодѣлись во все бѣлое. За 15 миль до Гонконга закрѣпили паруса и пошли под парами. Вблизи берегов был слабый туман и из тумана скоро выяснился „Джигит“ миль на 10 впереди нас и шедшій одним курсом с нами.

Гордясь своею англійскою машиною; командир и наши механики не могли не погоняться с „Джигитом“ и давай прибавлять пару. Замѣтив, что мы его нагоняем „Джигит“ стал прибавлять ходу и началась гонка; перед входом на рейд Гон-Конга мы его обогнали и стали на якорь на полчаса раньше „Джигита“. Этот случай послужил яблоком раздора между двумя клиперами, и в дальнѣйших переходах соперничество росло crescendo до самаго Кронштадта. До сего времени каюткампаніи обоих клиперов были очень дружны и мы цѣнили его дружбу как „старожила“ Тихаго океана к „новичку“ — „Наѣзднику“, пришедшему сюда на $1^1/_2$ года позже. На этом рейдѣ наши каюткампаніи обмѣнялись еще визитами, но уже было замѣтно охлажденіе между нами; в разговорах же о гонкѣ вовсе не упоминалось, как будто ея и небыло.

ГОН-КОНГ И СИНГАПУР.

Остров Гон-Конг — главная англійская колонія в Китаѣ и база англійскаго флота на Тихом океанѣ. Рейд на стоянки судов заключен между высоким зеленым островом с пиком Viktoria и двумя малыми островами, на которых расположены доки, адмиралтейскія мастерскія, склады и форта Город расположен на берегу большого острова. Масса красивых домов европейскаго стиля, отели, магазины, клубы, площадки для игр, длинная гранитная набережная со многими пристанями. На склонах зеленой горы лѣпятся богатыя виллы; главное дачное мѣсто раскинуто на самой вершинѣ; там сравнительно прохладно, и богатые англичане имѣют там виллы, куда спасаются от городской жары по окончаніи дневных занятій („mak money“). Из города на пик проведена проволочная желѣзная дорога (Фуникюлер). Дальше в глубь города тянется китайскій квартал; это главный центр торговли китайскими шелками, издѣліями из слоновой кости, чернаго дерева и китайскаго фарфора. Здѣсь же обширная торговля манильскими сигарами. Любители покупок прекрасных вещей Китайской и Японской мануфактуры найдут в Гон Конгѣ буквально все в громадном выборѣ. Бывалые наши офицеры, хорошо знакомые с Востоком, обыкновенно воздерживаются от покупок в других городах и берегут деньги на Гон-Конг, зная что здѣсь можно сразу накупить подарков на самые изысканные вкусы и по твердой цѣнѣ.

Предчувствуя, что „Наѣзднику“ придется из Сингапура возвращаться в Россію, мы дѣлали здѣсь покупки на всѣ оставшіяся у нас деньги. Уходить из Гон-Конга нам очень не хотѣлось, но надо было выполнять предписаніе адмирала и мы ушли в Сингапур. Переход этот мы сдѣлали в 6 суток, идя большую часть пути под парусами.

В Сингапурѣ на рейдѣ мы застали наши суда: „Минин“ (флаг адмирала Штакельберга), „Джигид“, „Азію“ (флаг адмирала Асламбекова) „Разбойника“ с разбитым носом и сломанным бушпритом.

Обмѣнявшись салютами и визитами, мы прежде всего заинтересовались аваріею нашего пріятеля — прошлогодняго попутчика „Разбойника“ и поѣхали к нему в каюткампанію узнать, в чем дѣло? Оказалось, что он шел из Нагасаки совмѣстно с „Азіей“ (Адмир. Асламбековым). Адмиралу вздумалось поучить „Разбойника (к-р В. В. Житков) морскому дѣлу, приказав ему в океанѣ на полном ходу рѣзать себѣ (т. е. „Азіи“) корму, при этом требовалось рѣзать „тонко“, т. е. как можно ближе пройти с шиком к адмиральской кормѣ, для этого на „Азіи“ был выпущен за кормой буек на тонком коротком буксирѣ. „Разбойник“ обрѣзал раз, обрѣзал второй раз. „Береговой“ адмирал каждый раз подымал сигнал „ближе“. В третій раз „Разбойник“ угодил ему в корму: снес катер, отрѣзал кормовой планшир и снес гафель с флагом; себѣ снес бушприт со всей оснасткой и обломал форштевень. Словом забава адмирала (по прозванію „бум-бум эфенди“) обошлась не дешево. Оба битые пришли в Сингапур в таком плачевном видѣ.

Сингапур — низкій, покрытый зеленью остров, лежит у южной оконечности полуострова Малакки у самаго Экватора ($1^1/_{20}$ Сѣв. широты). В географическом отношеніи этот порт занимает весьма выгодную позицію, находясь на поворотном пунктѣ пароходных путей из Европы в порта Тихаго океана. Это обширная угольная станція, снабжающая топливом суда, идущія на Восток. Сам остров производит ананасы, бананы и прочіе тропическіе фрукты, вывозимые отсюда в видѣ консервов. — Сам город расположенный в зеленых аллеях тропической растительности напоминает Батавію. Есть нѣсколько хороших гостиниц; магазины с мануфактурой Востока, музеум, ботаническій сад. В глубь острова ведут прекрасныя дороги, по сторонам которых расположены ананасные и банановые сады.

В Сингапурѣ мы провели страстную и Святую недѣлю. Команда говѣла на „Мининѣ“, гдѣ имѣлся священник, а заутреню служили у себя на клиперѣ. Команда получила к разговѣнію яицы пасхи, куличи и вино. В кают-кампаніи также был полный стол.

ПОИСКИ УГОЛЬНЫХ СТАНЦІЙ.

Послѣ Пасхи адмирал Лессовскій приказал судам разойтись по одиночкѣ в плаваніе по Зондским островам и Бенгальскому заливу с цѣлью изучать рѣдко посѣщаемыя мѣста и кстати поискать на мелких островах укромных

бухт, которыя могли бы служить нашим крейсерам угольными станціями, в случаѣ войны с Англіей, с которой Россія была все еще в натянутых отношеніях со времени турецкой войны и Берлинскаго конгресса. Вот наши суда и пошли бродить по „диким" островам: кто на Борнео, кто на Целебес. „Джигит" — на Суматру, а „Наѣзднику" было приказано изслѣдовать берега Малаки и городок на полуостровѣ — того же имени, потом бухту — „Penangbay" и затѣм забраться, вдоль Малакскаго берега, на сѣвер в Бенгальскій залив и поискать там бухту на одном из островков Сіамскаго архипелага.

В г. Малакѣ нашли маленькую гавань с пристанью, на мачтѣ был поднят англійскій флаг. Когда мы стали на якорь, то к нам на шлюпкѣ выѣхал под военным флагом harbour-master и спросил, что нам угодно? Мы отвѣтили, что остановились по случаю порчи машины. Англичанин выразил нам свое сочувствіе и сожалѣніе, что у него в гавани не имѣется ремонтных, но он пошлет в Сингапур телеграмму и оттуда пришлют каких угодно мастеров для нас. Командир поблагодарил и отказался, сказав, что вѣроятно справимся сами.

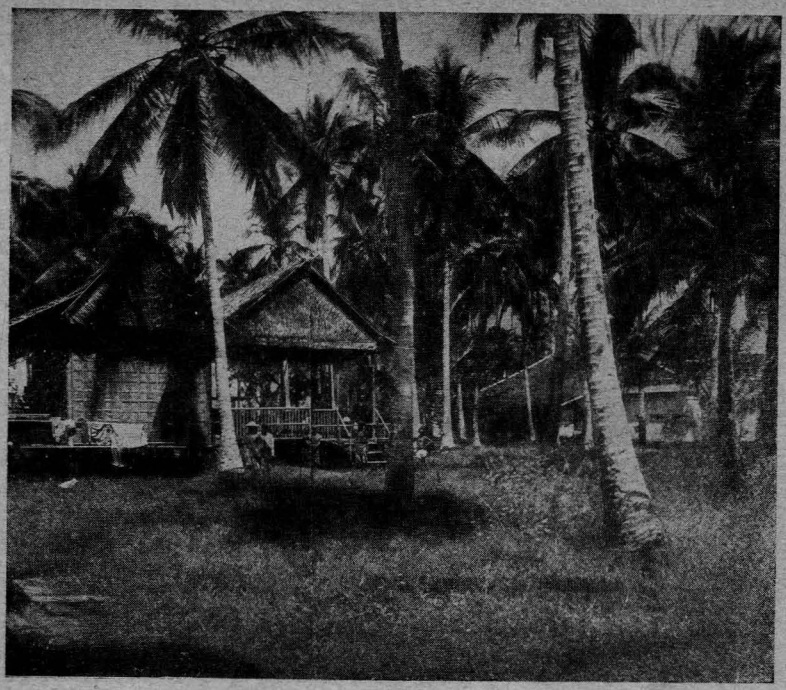
Ночью мы снялись и ушли в Пенанг. Там оказался цѣлый город с нѣсколькими отелями, порт с угольным складом и мастерскими, телеграф — во „всѣ Европы", и англійская канонерка на рейдѣ. Ну, какая же это „пустынная бухта"? — Не везет нам в поисках. Но уже В Бенгальском заливѣ мы навѣрное найдем подходящую бухту. Утром ушли туда. — На пути разсмотрѣли карты Сіамскаго архипелага и намѣтили себѣ островок „Pouket -harbour" по фигурѣ отвѣчающій нашим поискам и пошли на сѣвер, вглубь Бенгальскаго залива. Через два дня подошли к этому островку. Дѣйствительно остров имѣл внутри себя прекрасную совершенно закрытую, глубокую бухту площадью около квадратной мили, густым тропическим лѣсом замаскирован вход в бухту. Словом островок нарочно созданный Богом для наших цѣлей, приходи и бери его обѣими руками; да к тому-же еще и весь архипелаг принадлежит Сіамскому королевству, нейтральному с нами; стало быть препятствій никаких не будет. Малым ходом, ощупывая глубину лотом, мы с разсвѣтом вошли крадучись, и стали на якорь внутри прекрасной закрытой бухты, точно на озерѣ. С восходом солнца начала просыпаться расположенная на близком берегу деревня туземных обитателей: женщины пошли с кувшинами к источнику за водой, ребята выбѣгали из шалашей и играли голышем на пляжѣ, плескаясь в водѣ; залаяли на нас собаки, и домашній скот пошел на водопой. Через полчаса нѣсколько туземцев подъѣхали на долбенной шлюпкѣ к нашему борту, предлагая ананасы, мангу и еще какіе-то овощи тропической природы. На наши разспросы они показывали руками на противоположный берег внутри бухты и что-то объясняли; но мы рѣшительно ничего не могли разобрать. Разсматривая в подзорныя

трубы тот берег, мы с полным разсвѣтом и восходом солнца, разглядѣли там пристань и на мачтѣ красный флаг[1]). Вскорѣ от пристани отвалил вельбот с 5-ью гребцами под сіамским флагом и через полчаса пристал к борту европеец в тропической каскѣ и бѣлом костюмѣ, оказался англичанин — harbour master, состоящій на службѣ у Сіамскаго раджи, живущаго в глубинѣ острова. Раджа, состоя вассалом Сіамскаго короля — полный владѣтель этого острова, платит опредѣленную дань в Сіамскую казну за добываемый свинец, находящійся в горах острова. На свинцовых рудниках работают до 2000 китайских кули. Раджа имѣет во дворцѣ военную охрану в 50 чел. сіамских солдат под начальством англійскаго наемнаго сержанта. Вот тебѣ и необитаемая бухта! Habour master заявил, что Раджа приглашает командира с офицерами к себѣ во дворец в 3-х верстах от пристани и что он очень рад увидѣть русских и их корабль, т. к. ему никогда не приходилось встрѣчать этих людей из сѣверных стран. На дворцовом просторном шарабанѣ, запряженный двумя мулами командир с 5-ю офицерами поѣхали представляться. Раджа принял очень любезно, у входа во дворец был выстроен почетный караул из 12 солдат. Посидѣли в парадной залѣ, поѣли фруктов и сластей, обошли дворец и усадьбу, и поблагодарили за пріем, (переводчиком был англичанин). Командир просил Раджу посѣтить клипер. Утром к борту пристала большая джонка, с подарками раджи; для команды: 5 штук откормленных свиней, а для офицеров — нѣсколько связок зеленых прутьев сахарнаго тростника — как лакомство, и по коробкѣ манильских сигар; с джонки выбросили еще на палубу три корзины ананасов — корм свиньям. Мы рѣшили помѣняться со свиньями т. к. грызть тростниковые прутья мы не находили для себя особенным удовольствіем. . . Раджа пріѣхал на клипер в парадном мундирѣ и в каскѣ; на босых ногах были одѣты ажурные бамбуковые сандаліи. Командир принял его торжественно, выстроив караул и команду во фронт. Выпив у командира бокал шампанскаго, Раджа простился с нами и уѣхал на берег. Клипер ему салютовал, чѣм он остался весьма доволен. К вечеру мы снялись с якоря и ушли в Сингапур. Скоро всѣ наши суда, ходившіе на поиски бухт, вернулись с такими же результатами.

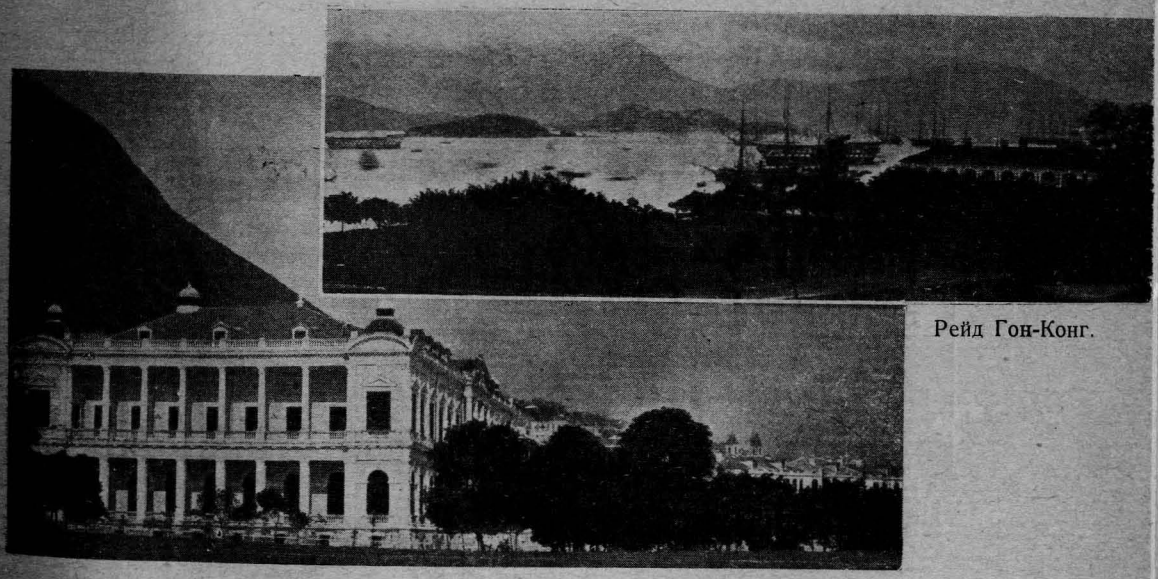
В концѣ апрѣля выяснилось, что войны с Китаем не будет и всѣ суда, кромѣ 4-х получили разные маршруты для слѣдованія в Россію.

„Наѣздник", „Джигит", „Разбойник" и „Нинин" возвращались через Суэц, идя туда Индѣйским Океаном[2]) и Красным морем. Идти туда ближайшим путим т. е. через Коломбо и Аден нам парусным судам было невозможно, т. к. в лѣтнее время в

[1]) Впослѣдствіи оказался сіамскій с бѣлым слоном внутри.
[2]) Южными тропиками.

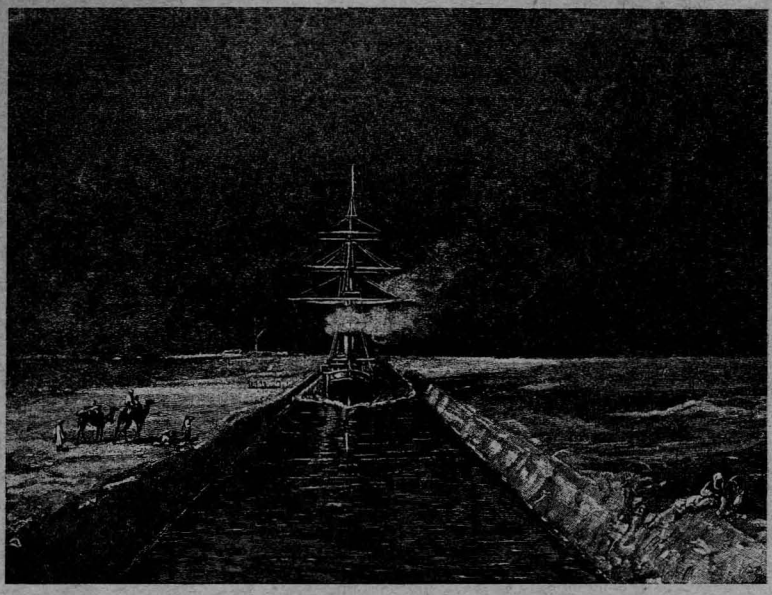


Островъ Ява (Батавія).
К стр. 45.



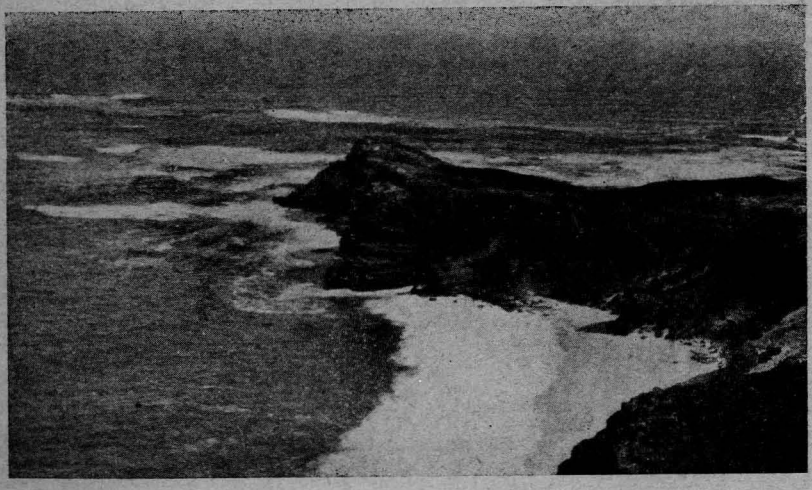
Рейдъ Гон-Конг.

Островъ Гон-Конг.
К стр. 66.



Суэцкій канал. (По зарисовкѣ худ. Каразина.)

К стр. 95.



Мыс Доброй Надежды. (Южная оконечность Африки.)

К стр. 40.

Аравійском заливѣ дует SW свѣжій муссон, противный нашему курсу, поэтому избирался слѣдующій маршрут. Суда идут в Зондскій пролив, спускаются до 12 градусов южной параллели и приблизительно у Кокосовых островов получают SO попутный пассат, и слѣдуют по этой параллели вплоть до восточнаго берега Африки; затѣм идут вдоль этого берега на сѣвер между Гвардафуем и Сокотрой; пройдя послѣднюю, вступают под пары до входа в Красное море. Перед входом в это море, запасаются углем или в Перимѣ [1]) или в Аденѣ.

Нашим попутчиком был „Джигит", с ним мы пошли в Батавію.

Из Батавіи „Джигит" вышел на день раньше нас. Командиры условились опять идти врозь, не стѣсняя друг друга, и рандэву назначили в Аденѣ.

Третьяго дня 1881 г. Наѣздник вышел из Батавіи, слѣдуя на запад вдоль знакомаго Явскаго берега; прошли мы Зондскій пролив мимо знакомаго нам маяка и вышли в Индѣйскій океан.

Два дня спускались до Кокосовых островов и там, получив попутный пассат, вступили под паруса; шли по 12^0 параллели южных тропиков.

Повторилась прошлогодняя картина пассатнаго плаванія: голубое небо, синій океан, тишина на палубѣ и легкій скрип снастей: клипер плавно скользит под высокими парусами, туго надутыми освѣжающим вѣтром. Тѣнь от парусов покрывает всю палубу, поэтому жара мало томительна. Из раскрытаго офицерскаго люка по палубѣ разносятся звуки мелодій фантазирующаго „маленькаго" штурмана, а ему вторят яркія тропическія птицы, развѣшенныя на штагах частью в клѣтках, частью пархающія на свободѣ. По ночам вѣтер свѣжѣл, клипер бѣжал быстрѣй, брам-стеньги трещали и вахтенные зорко слѣдили за лисельными рейками, изогнутыми как лук под напором порывов засвѣжѣвшаго вѣтра.

СЕЙШЕЛЬСКІЕ ОСТРОВА.

На 12-й день открылись зеленыя шапки Сейшельских островов. На большій из них — Victoria мы зашли на сутки, чтобы взять свѣжей провизіи, и стали на якорь в полукруглой зеленой бухтѣ, по берегу которой живописно раскинулся небольшой городок. Острова отняты англичанами у Франціи во время Наполеоновских войн. Victoria населен потомками французов частью перемѣшавшихся с туземцами и англичанами. Ванильныя плантаціи и фрукты — главное богатство острова. Русскаго консула конечно здѣсь нѣт, но скоро пріѣхал к нам

[1]) Остров в Бабельмандебском заливѣ.

молодой англичанин замѣняющій губернатора[1]). Угля нам не понадобилось, а попросили только свѣжей провизіи и фруктов. Англичанин сообщил нам, что нѣсколькими днями раньше сюда заходил „Минин", идя в Адэн по тому же маршруту. С берега к нам наѣхало много французских семейств — здѣшних плантаторов. Под вечер мы съѣхали на берег и посѣтили пригласивших нас французов. Они приняли нас радушно, точно старых знакомых и между прочим задарили нас ванилью, укупоренною в жестянки. Вечером, сидя в гостях на верандѣ, мы наслаждались здѣшним прекрасным климатом, умѣряемым океаном. Сюда как на Мадеру пріѣзжают слабогрудые больные. На островѣ общеупотребительный язык французскій.

С разсвѣтом мы продолжали плаваніе до берегов Африки, склоняя курс к сѣверу. Через 4 дня открылся берег Африки и задул свѣжій SW. Мы легли на NO вдоль берега, идя свѣжим попутным муссоном, дѣлая по 12 узлов в час под брамселями. С лѣвой стороны на далеком горизонтѣ виднѣлся все время желтый песчаный берег Африки, с котораго мелкая песочная пыль доносилась до нас вѣтром и покрывала всю палубу. К ночи мусон крѣпчал и вгонял клипер в 13 узлов. Через два дня впереди открылся остров Сокотра, а нѣсколько лѣвѣе — высокій обрывистый мис Гвардафуй; ночью мы его обогнули, взяв курс в лѣво на Адэн. Здѣсь паруса мгновенно заполоскали и мы заштилѣли, т. к. высокія горы у Гвардафуя точно стѣной закрывают Аденскій залив от дующаго там муссона. Развели здѣсь пары и пошли прямо в Аден. Этот переход при штилѣ и ярком тропическом солнцѣ был очень тяжел. Особенно страдали наши кочегары: им приходилось выносить в котельных помѣщеніях температуру до 45°; давали им все время воду с красным вином и смѣняли их через 2 часа. На этом переходѣ пассажирскіе пароходы, щадя своих кочегаров, обыкновенно берут мѣстных негров, обученных спеціально кочегарному дѣлу. Но нам негдѣ было их взять; такія артели негров имѣются в Аденѣ и Суэцѣ для перехода Красным морем, гдѣ ощущается наибольшая жара.

За сутки до Адена, среди бѣлаго дня, над клипером пронеслась большая красная туча, направляясь от берега Африки к берегам Аравіи. Нам показалось странным такое атмосферное явленіе, но спустя нѣсколько времени из этой тучи на нас посыпалась точно красная пыль и густо засыпала всю палубу, марсы, реи и открытые люки. Оказалось, что это проносилась саранча; на палубѣ копошились густыми кучами очень красивыя розоваго цвѣта крылатыя стрекозы, с туловищем около $1\frac{1}{2}$ вершка длиною и прозрачными сѣтчатыми крыльями. Наши макаки с жадностью накинулись на них и пожирали их с

[1]) Резиденція губернатора находится на островѣ св. Маврикія — лежащаго в разстояніи 2-х суток хода отсюда (500 миль).

видимым удовольствіем. Пришлось вызвать всю команду на верх с голиками и лопатами для очистки палубы от этих непрошенных гостей. Каюты и нижнія помѣщенія клипера только к вечеру удалось очистить.

АДЕН.

На 22-й день плаванія от Батавіи, клипер под вечер входил на рейд Адена, гдѣ стояло нѣсколько коммерческих пароходов, Русскій доброволец „Россія“ и наш попутчик „Джигит“; стоит он „именинником“, паров у него нѣт, — труба спущена, рангоут выправлен в струнку, и даже борт подправлен свѣжею краскою; его задорный вид нас заинтриговал: если он только вчера сюда пришел, то значит переход сдѣлал в тѣ же 22 дня что и мы, а между тѣм мы, идя вдоль берега Африки, форсировали так парусами, что рисковали переломать рангоут. У нашего командира глаза загорѣлись задорным огоньком и он, дав полный ход, лихо направился в узкій промежуток между „Джигитом“ и смежным пароходом, чтобы пробратъся на внутреній рейд в самую гущу стоящих там судов. На „Джигитѣ“ всѣ вышли на верх и, затаив дыханіе, молча ожидали момента, когда „Наѣздник“ проходя мимо него, задѣнет своими реями за его рангоут... Наступила мертвая тишина и наш блок на нокѣ грота реи ударил и сшиб лисель-спиртный блочек „Джигита“. Оттуда командир спокойно крикнул „Never mayn, Capšain, all right“[1])

Мы проскочили мимо и стали на якорь, а на „Джигитѣ“ послали людей на рею и через 5 минут был уже заведен новый блочек вмѣсто утонувшаго. Уже стемнѣло и наш командир отложил свой визит командиру — „Джигита“ на завтра. Каюткампаніи наши тоже не торопились с визитами. На другой день выяснилось, что „Джигит“ пришел сюда только наканунѣ, т. е. шел стокько же, как и мы, но если учесть сутки нашей стоянки на Сейшельских островах, то выходило, что „Наѣздник“ шел всего 21 день, а „Джигит“ 22 дня. Это нас утѣшало, а „Джигит“ считал, что переход оба клипера сдѣлали с равною скоростью — (22 дня), и был также доволен. Охлажденіе между судами существовало, но не очень рѣзкое.

Аден — голый скалистый остров соединен песчаной низкой косой с южным берегом Аравіи. Лежа у Бабельмандебскаго пролива на пути движенія судов, слѣдующих на Восток, Аден имѣет важное значеніе, как угольная станція. Отсюда вывозится только аравійскій кофе Мокка; другого коммерческаго значенія Аден не имѣет.

В горах Адена имѣются древніе арабскіе колодцы — цистерны, высѣченные в скалах гор, гдѣ в рѣдкіе годы собира-

[1]) Не безпокойтесь, капитан — все благополучно.

ется дождевая вода. В старину других источников прѣсной воды на всем островѣ и небыло. В настоящее время англичане построили здѣсь искусственные паровые опрѣснители, и потому дождевая вода теперь сюда привозится только для ванн и мытья. На берег сюда мы не ѣздили, так как здѣсь нечего дѣлать. У здѣшних негритян существует особый спорт и способ выманивать серебряную монету у пассажиров проходящих пароходов: подплывая голышем к пароходу на выдолбленных шлюпках, они упрашивают бросить в воду серебряную монету — за которой они стремительно ныряют в воду и ловят ее ранѣе, чѣм она долетит до дна.

Стояли здѣсь мы не долго. Приняв уголь с запасом на палубу в виду предстоящаго исключительно парового перехода до Суэца [1]), — клипер 1-го іюня с разсвѣтом вышел в море для слѣдованія в Суэц. „Джигит“ вышел туда же еще наканунѣ вечером.

ПЕРИМ. БАБЕЛЬМАНДЕБСКІЙ ПРОЛИВ.

Послѣ полдня мы прошли Бабельмандебскій пролив; в самой узкости его лежит высокій остров Перим. Это второй Гибралтарь англійскаго морского могущества; на нем гавань для военных судов, порт с угольным складком и крѣпость, вооруженная орудіями, обстрѣливающими оба берега — арабскій и африканскій. Владѣя этим пунктом англичане в любой момент могут закрыть его и прекратить сообщеніе Европы с Востоком. Войдя в Красное море мы легли на сѣвер. При мертвом штилѣ шли под 2 мя котлами, озабочиваясь сбереженіем угля на столь длинный (1700 миль) паровой переход до Суэца. С правой стороны далеко по горизонту желтѣли песчаные берега Аравійской пустыни. По ночам жара спадала, и на темном небѣ в сухом прозрачном воздухѣ ярко горѣли звѣзды. Безпрерывно открываются огни встрѣчных пароходов; пропуская их мимо себя, вахтенный начальник занят все время и вахта ночная быстро проходит. На вторую или третью ночь под утро был усмотрѣн далеко впереди клипер «Джигит“, плетаясь (под 2 мя котлами) со скоростью около 8-ми узлов. Мы шли 9 узлов тоже под двумя котлами. О „Джигитѣ“ доложили командиру; не выходя на верх он прислал приказаніе—поднять пары в третьем котлѣ. Маханики обрадовались и разгорѣлся азарт — „ну теперь уж мы его обгоним“. Через час третій котел был введен, дали 75 оборотов (11 узлов) и стали догонять „Джигита“. Он шел спокойно впереди нас сажень на 500 и наши курсы, почти парал-

[1]) В Красном морѣ в это время или совершенный штиль, или сѣверные противные вѣтра.

лельные, сближались под очень острым углом. В 7 часов утра наш нос поравнялся с его кормою и разстояніе между судами было таково, что наши реи вот-вот — сейчас задѣнут за рангоут „Джигита“ и столкновеніе было не минуемо; но ни тот, ни другой командир — из азарта, или упрямства, не желали отвести руля, чтобы избѣгнуть столкновенія [1]). На обоих судах всѣ вышли на верх и при мертвой тишинѣ ждали неминуемой аваріи. Блѣдный, с горящими глазами стоял наш командир на мостикѣ, держа руки на машинном телеграфѣ. На „Джигитѣ“ маленькій К. К. Де-Ливрон влѣз на возвышенную банкетку на мостикѣ и спокойно смотрѣл на нок нашего грота-рея, готоваго сейчас-же ударить в его фока-рей и переломать в дребезги весь его передній рангоут. Борта обоих клиперов должны были также неминуемо столкнуться своими скулами. Момент был очень опасный... Однако благоразуміе К. К.-ча взяло верх над азартом и он отвел руля покатившись влѣво. Наш командир крикнул в машину: „самый полный ход впередъ!“ и клипер выскочил сразу вперед точно скаковая лошадь на стартѣ...

К вечеру мы ушли много вперед и потеряли „Джигита“ вовсе из виду. Через два дня мы были в серединѣ Краснаго моря и здѣсь задул свѣжій противный N и сбил наш ход до 4 узлов. Ввели опять 3-й котел, спустили верхній рангоут, круто обрасопили реи, но ходу стало не больше 5 узлов. Ползли мы медленно, угля выходило много и если вѣтер не стихнет, то до Суэца его не хватит. Утром на 8-й день плаванія, мы находились миль за 70 до входа в Синайскій залив. Вышел на верх старшій механик и доложил, что угля осталось не болѣе, как на час ходу. Нам ничего не оставалось, как свернуть с нашего курса вправо и стать на якорь у песчанаго берега Аравійской пустыни. Послѣдняя щепотка угля вышла когда мы прекратили пары. Вѣтер здѣсь стих, палило горячее іюньское солнце, справа разстилалась безбрежная пустыня, с сѣвера далеко на горизонтѣ виднѣлся темный тупой конус Синайской горы на полуостровѣ того же имени. С берега ожидать помощи нам было неоткуда. Командир рѣшил пушечными сигналами вызывать о помощи у мимо проходящих пароходов; их курс лежал милях в 6 ти от нашей стоянки. Пароходов проходило много, но во весь первый день ни один из них не обратил на нас своего вниманія. Около 6-ти часов вечера по этому курсу проходил „Джигит“. Завидя нас он очевидно догадался — в чем дѣло и поднял сигнал: „что случилось“? Командир приказал поднять: „ничего, все благополучно“ (All right).

---

[1]) По общепринятым международным правилам — за столкновеніе отвѣчает обгоняющій. Но если курсы сходятся под углом то уступает дорогу тот, кто видит другого на правую от себя сторону. „Джигит“ считал, что мы его обгоняем, поэтому не отводил руля. Наш командир считал, что „Джигит“ видит нас на правую сторону, поэтому он должен дать „Наѣзднику“ дорогу.

„Джигит“ продолжал свой путь, а мы легли спать, разсчитывая на счастіе слѣдующаго дня. Утром пушечными выстрѣлами и сигналом о помощи нам удалось обратить вниманіе мимо-шедшаго на сѣвер парохода Австрійскаго Ллойда — „Calypso“. Он подошел к нам вплотную, встал на якорь борто борт, и дал нам двадцать пять тон угля не взявши денег. Мы пригласили капитана и офицеров (оказались славяне Далматинцы) в кают-кампанію, выражали им сердечную благодарность, угощали их и старались одарить их японскими художественными бездѣлушками на память. Командир донес в министерство о великодушном поступкѣ капитана и представил его к русскому ордену. Мы разстались друзьями и, разведя пары, пошли в Суэц. В Суэцком заливѣ мы проходили при закатѣ солнца библейско историческое мѣсто — бѣгства Евреев из Египта. Справа высоко подымалась священная Синайская гора с Греческим монастырем на верху во имя св. Екатерины, а слѣва далеко разстилался величественный хребет Египетских гор, освѣщенных заходящим солнцем в желто красный цвѣт.

СУЭЦ.

На слѣдующій день под вечер мы вошли в Суэц и стали на якорь на его открытом мелководном рейдѣ.

„Джигит“ стоял тут же и видимо готовился к своей очереди входить в Суэцкій канал. Ни командир, ни офицеры на „Джигит“ не поѣхали.[1])

По каналу, вслѣдствіи его узкости суда идут гуськом под проводкою мѣстных лоцманов французов с промежутками в 2-3 мили. По ночам в тѣ годы суда не ходили: не было еще переносных прожекторов, введенных в употребленіе лишь в 90-х годах. Еще дня полтора мы здѣсь простояли и затѣм, дождавшись своей очереди, вступили в канал и пошли в Порт-Саид.

Суэцкій канал соединяет Красное море со Средиземным, пересѣкая с сѣвера на юг низменный Суэцкій перешеек, соединяющій Азію с Африкой. Это замѣчательное сооруженіе, протяженіем 80 англійских миль — (140 верст) строилось французским инженером Лессепсом 19 лѣт и было открыто в 1869 г. Глубина канала в год нашего прохожденія была 22 фута; в то всемя суда с большею осадкою встрѣчались рѣдко. Впослѣдствіи канал был постепенно углублен до 28 30 фут.

Вступив в канал мы шли малым ходом (5 узлов). При полнѣйшей тишинѣ и напряженном вниманіи рулевые слѣдили за лоцманом, стоявшим на банкеткѣ мостика и слабым движе-

[1]) С тѣх пор наша былая дружба с „Джигитом“ прекратилась на все дальнѣйшее плаваніе.

ніем одного пальца, указывавшаго рулевым куда держать. Рѣзкіе уклоны руля при незначительной ширинѣ канала (мѣстами не болѣе трехсот фут) — могли бы каждую минуту привести к катастрофѣ; достаточно вильнуть рулем и нос сейчас же врѣжется в песчаный берег, и клипер, ставши поперек канала, на долго остановит движеніе судов на этом трактѣ между Европой и Востоком.

Южная половина канала до Горько-соленаго озера проходит среди песчаной пустыни и здѣсь берега канала часто осыпаются, несмотря на посаженный на склонах кустарник. Сѣверная половина канала проходит по низкой болотистой почвѣ с частыми дамбами и плотинами. На берегу Горькаго озера, оживляемаго небольшою пальмовою рощею, дремлет городок Измаилія с дворцом Египетскаго хедива (его зимняя резиденція). Горькое озеро соединено древним каналом с рѣкою Нилом. Это же озеро соединено узким каналом с Красным морем. Этот послѣдній был построен еще в библейскія времена Іосифом (по преданію — проданным братіями в Египет). Таким образом древніе арабы и египтяне имѣли возможность проходить на своих судах из Краснаго моря в Средиземное по каналу Іосифа до Горькаго озера, а затѣм рѣкою Нилом до устія (Александрія).

В Измаиліи на ночь мы стали на якорь.

На утро снялись и весь второй день мы шли каналом.

Наступал вечер. Солнце медленно садилось в воды Горькаго озера. По обѣ стороны канала на безконечном просторѣ горизонта тянется желтая песчаная пустыня, прорѣзанная отдаленными цѣпями таких же безжизненных гор, принимавших теперь кирпично красный оттѣнок. Это суровое, чисто библейское величіе пустыни здѣсь на каждом шагу напоминает страницы Ветхаго завѣта: вдали на горизонтѣ виднѣются караваны верблюдов; с изогнутыми шеями тянутся друг за другом длинною цѣпью, мѣрно раскачиваясь из стороны в сторону.. Возлѣ каждаго верблюда шагает человѣк в длинном бурнусѣ и в чалмѣ на головѣ. И желто-красный фон пустыни, и самая картина точно вышли из Библіи; вид этой мертвой библейской пустыни надолго сохраняется в памяти. Иногда кажется, что видишь сон из своего далекаго прошлаго, как-бы пережитаго в прежней жизни доисторической эры. Или может быть, это рефлекс давнишних уроков Вѣтхаго завѣта из ранняго дѣтства.

ПОРТ-САИД.

К вечеру пришли в Порт-Саид. Это — новый городок, выросшій на песчаном берегу Средиземнаго моря со времени прорытія Суэцкаго канала. Здѣсь имѣется нѣсколько угольных

складов, 5—6 гостиниц, десятка 3 магазинов, консульскія и банковыя конторы. С разсвѣтом на другой день клипер приступил к погрузкѣ угля; для этой работы нанимается обыкновенно артель негров, привыкших к жарѣ, т. к. судовыя команды не в состояніи работать под палящими лучами египетскаго солнца в іюнѣ мѣсяцѣ. Здѣсь мы охотно покупали мѣстные колоніальные предметы: кофе, египетскія папиросы, фииики, кокосы и страусовыя перья. Послѣднія были привезены на клипер типичными ветхозавѣтными евреями в бѣлых національных длинных балахонах с пейсами и бородами, как их изображают на библейских картинах.

Послѣ погрузки угля клипер здѣсь стоял недолго; вымылся весь от клотика до трюма, вымыли команду устроив ей на палубѣ баню (парусинная палатка с проведенной водой, накаченной судовыми помпами).

Отмытый от угольной пыли, тщательно подкрашенный, с выправленным рангоутом, клипер наш рано утром 15 го іюня вышел в море для слѣдованія в Неаполь.

В морѣ мы имѣли прекрасную погоду, дул слабый ветерок от NO (норд-оста) и пріятно освѣжал вахтенных на мостикѣ. Несмотря на іюнь мѣсяц и близость африканскаго берега, мы, притерпѣвшись к тропическим жарам, чувствовали себя теперь здѣсь вполнѣ удовлетворительно и даже, выходя на ночныя вахты, одѣвали суконныя тужурки. Обойдя далеким кругом Нильскую дельту с ея мелководным плёссом (у Даміетты и Александріи), мы легли на NW — южную оконечность острова Кандіи. Клипер легко бѣжал по гладкой поверхности моря, дѣлая 11 узлов под 3 мя котлами и нес косые паруса. Матросы босиком, в бѣлых рубашках копошились группами на палубѣ, „наводя чистоту", за которую принялся усердно наш Петр Иванович, чтобы придти в кокетливом видѣ в Неаполь, гдѣ, как мы узнали от русскаго Консула в Порт-Саидѣ, находились наши фрегаты: „Свѣтлана" и „Генерал-Адмирал". Качки не было вовсе. На палубѣ — полная тишина, нарушаемая изрѣдка слабым шумом гребного винта. Из открытаго офицерскаго люка доносились звуки мелодій, импровизирующаго „Маленького". К вечеру ощущался пріятный освѣжающій холодок и по ночам мы крѣпко спали, не страдая больше истомляющей безсонницей тропических ночей.

СИЦИЛІЯ. ЭТНА. МЕССИНСКІЙ ПРОЛИВ.

На пятый день плаванія утром с разсвѣтом открылся остров Сицилія, он весь был окутан туманом, и над ним высоко — на фонѣ еще темнаго неба горѣл яркій конус бѣлоснѣжнаго

кратера исполинской Этны[1]). Спустя нѣсколько часов мы подошли к берегу, и верхушка вулкана казалась над головою. Было уже далеко за полдень, когда мы проходили Мессинским проливом; с лѣвой стороны в полукруглой бухтѣ лежал г. Мессина, а на правом берегу Италіи бѣлѣли в яркой зелени разсыпанныя виллы красавицы Reggio.

Выходя из пролива на сѣвер в Тиррентское море, клипер дал полный ход, чтобы справиться с быстрым теченіем, и круто повернул в узких воротах между двумя мифологическими мысами Сциллой и Харибдой, пріобрѣвшими еще с древних времен дурную славу: здѣсь парусные суда древних мореплавателей, не справившись с крутыми водоворотами, нерѣдко выбрасывались на берег и терпѣли крушенія.

К вечеру мы вошли в Тиррентское море и взяли курс на остров Капри, направляясь в Неаполь. Послѣ полночи открылся слѣва по курсу оригинальный остров — вулкан Стромболи, торчащій из воды усѣченным конусом на подобіе турецкой фески; его верхушка на фонѣ темнаго звѣзднаго неба горѣла красным огнем, а по крутому склону вулкана ползла темно-красной широкой лентой полоса тлѣющей лавы, спускавшейся в море. На обратной сторонѣ того-же острова свѣтились огоньки мирно дремавшей рыбацкой деревни.

НЕАПОЛЬ.

„Vedere Napoli e poi morire".

Рано утром 21 іюня, пройдя остров Капри, окутанный предразсвѣтным туманом, клипер входил в Неаполитанскій залив. Перед восходом солнца звѣзды медленно погасали на блѣднѣющем уже небѣ, а вода залива, пока еще темно-синяя, постепенно принимала ярко-лазурный отлив. По берегам обширной бухты живописно раскинулись слѣва направо спавшіе еще города: Неаполь, Портичи, Разина, Помпея, Кастельамаре, Сорренто. Над ними поднимался к небу величественный Везувій; из его кратера тихо струился бѣлый дымок и прозрачною лентою плыл по темному небу под дуновеніем утренняго бриза. Восходящее солнце, скрытое еще окрестными горами, освѣщало уже верхушку кратера, а затѣм, мало по малу выходили из мрака склоны вулкана с зеленѣющими виноградниками, облитыми лучами утренняго солнца. Клипер полным ходом бѣжал по рейду, приближаясь к порту. С берега доносился уже слабый отдаленный гул просыпающагося города — точно жужжаніе пчелинаго роя. Стоя на палубѣ с биноклями в руках, мы любовались этой картиной Неаполитанскаго утра и тут невольно стала понятною поговорка „Vedi Napoli e poi mori".

[1]) 3000 метров высотою.

Подойдя ближе к берегу, мы разглядѣли „Свѣтлану“ и „Генерал-Адмирала“, стоявших за молом военнаго порта. Вскорѣ затѣм мы отдали якорь вблизи наших судов. В 8 час. утра с подъемом флага, клипер отсалютовал италіянской націи 21 выстрѣлом. Вмиг нас окружили шлюпки с музыкантами, пѣвцами и торговцами раковинами, кораллами, камэ, сигарами, фруктами и проч. В то время, как вокруг нашего борта разносились по рейду звучныя серенады и неаполитанскія пѣсни, в кают-кампаніи мы привѣтливо встрѣчали наших и италіянских офицеров, дѣлившихся с нами новостями из Европы и Россіи, от которых мы отстали на два мѣсяца, не имѣя газет с ухода из Сингапура.

Внутренняя политика Россіи представилась нам смутной и мрачной: цареубійство 1-го марта, процесс Желябова и К-о, казни революціонеров, Барановскій террор в Петербургѣ, аресты многих офицеров, новыя покушенія на сановников, — и все в этом родѣ — заставило почти всѣх нас, не связанных семьею, искренно пожалѣть о том, что приходится возвращаться в несчастное отечество вмѣсто того, чтобы остаться в Тихом Океанѣ с его разнообразною и безъзаботною жизнью свободнаго моряка.

Послѣ завтрака я поѣхал на „Свѣтлану“ [1]) и роздал своим товарищам японскіе подарки. Почти вся каюткампанія была хорошо мнѣ знакома; там было весело, многолюдно и шумно. Плавая два года в Средиземном морѣ, свѣтланскіе офицеры знали хорошо Неаполь с его мѣстным и пріѣзжим русским обществом, живущим подолгу заграницей. За обѣдом в числѣ гостей была весьма изящная красивая италіянка — графиня Lêalè — жена депутата Римскаго парламента и нѣсколько русских молодящихся вдовушек, искавших мужей, скитаясь заграницей. В графиню были влюблены, но безнадежно, всѣ фрегатскіе офицеры, а за двумя русскими усиленно ухаживали два моих товарища [2]).

Послѣ обѣда, В. Ю. и В. И. поѣхали со мною на берег показывать Неаполь. Нас сопровождали двѣ шлюпки с музыкантами и хорами пѣвцов, угощая нас на перебой с обѣих сторон оперными мотивами и неаполитанскими пѣснями.

---

[1]) На „Свѣтланѣ“ плавал Гвардейскій экипаж с моими товарищами, лейтенантами: В. Юнгом, Голиковым (убит, командуя „Потемкиным“ во время матросскаго бунта в Черном морѣ в 1906 г.), Эбелингом, Эшапаром, кн. Щербатовым и Игнаціусом (погиб в цусимском сраженіи, командуя бр. „Суворов“ 14-го мая 1905 г.) „Свѣтланой“ командовал хорошо извѣстный в то время парусник-виртуоз П. П Новосильскій; старшим офицером был Н. И. Скрыдлов. (Впослѣдствіи — вице-адмирал, умер в 1919 г. от голода в Петербургѣ, во время большевистскаго террора). „Генерал-Адмиралом“ командовал К. 1-го ранга Сѣрков, старши офицером был Г. П. Чухнин. (Убит из засады матросом в Севастополѣ в 1906 г.) Оба фрегата в том же году осенью вернулись в Россію одновременно с нами.

[2]) Через два года онѣ вышли замуж за них по возвращеніи в Россію.

Большинство из этих уличных артистов обладают природными музыкальными способностями и прекрасными голосами [1]).

Мы дали артистам по 3 франка на каждую шлюпку и они этим остались довольны. На берегу нас окружили гиды, предлагая назайливо свои услуги, но мы энергично отказались от этих извѣстных нахалов, и пока еще засвѣтло поѣхали в колясках осмотрѣть Неаполь.

Объѣхали старый и новый город, посмотрѣли на набережную Santa Lucia и проѣхали по длинной набережной Via Nationale с ея аллеями и роскошным тѣнистым садом. В послѣднем мы остались на весь вечер; здѣсь под оркестр военной музыки собирается мѣстный и пріѣзжій beau monde Неаполя; причем иностранки щеголяют здѣсь своими богатыми туалетами, а неаполитанки — своею красотою.

В тот год на гуляніях Неаполя ежедневно появлялась признанная на конкурсѣ первая красавица города la bella Angelika, продававшая розы в публикѣ. Это была скромная дѣвушка, со строгим римским профилем, и всякій кому она предлагала цвѣток, считал себя осчастливленным ея вниманіем.

Из окрестностей Неаполя мнѣ удалось побывать только в городках: Портичи, Разинѣ и Кастелямарѣ, лежащих на берегу залива.

Мы объѣхали с гидом весь берег и останавливались в каждом городкѣ для привала. Но в Помпею было рѣшено поѣхать спеціально на весь день, чтобы осмотрѣть подробно его раскопки. Туда я поѣхал с А. Г. Перфильевым.

ПОМПЕЯ.

Помпея, как извѣстно, была засыпана пеплом, падавшим из кратера в видѣ горячаго дождя во время изверженія Везувія в 80 х годах перваго столѣтія по Р. Х. За этот длинный промежуток времени над погребенным городом образовалась обширная территорія с виллами, садами, виноградниками и проч.; и только сравнительно недавно лѣт 50—55 назад Итальянское правительство рѣшилось отчуждать (по настояніям археологических обществ) участки земли, расположенные над Помпеей и

[1]) Распознав в садах и на гуляніях русскую публику, группа артистов останавливается и, желая понравиться, поет ей, коверкая по русски цыганскіе романсы, продиктованные им в шутку нашими молодыми офицерами: они между прочим пѣли:

„Ей черный клеч (хлѣб?) в обэд и ужин
„Ея штраштей нэ усыпыт —
„Ей почэлуй горащій нужин
„Но нэ в кредыт, но нэ в кредыт!“

Дрожащим голосом, с цыганской манерой они заливаясь пѣли эти романсы, не понимая слов, а русская публика встрѣчала их смѣхом.

начать раскопки. Теперь раскопанный мертвый город лежит как бы в огрмной ямѣ или в выемкѣ, окруженной высокими обрывистыми откосами, а кругом на поверхности территоріи течет обывательская жизнь современных неаполитанцев.

У входа в Помпею туристы берут контрольные билеты и вступают в раскопанный город через крѣпостныя ворота, проложенныя в древнем городском валу. За воротами начинается главная улица, по обѣим сторонам ея расположены частные и общественные дома и храмы в честь Юпитера, Аполлона, Венеры и прочих мифологических богов. Зданія эти сохранились в различной степени: у одних уцѣлѣли стѣны до самой крыши, у других сохранились только мраморные полы и нижнія части стѣн, у нѣкоторых храмов стоят еще и теперь цѣлые ряды колонн с верхними карнизами, орнаментами и портиками.[1]) В архитектурѣ зданій виден тонкій художественный вкус древних зодчих этого красиваго города, лежавшаго у самаго берега Неаполитанскаго залива. Улицы вымощены крупными глыбами из лавы и гранита, на них сохранились глубокія колеи от колес. По бокам улицы имѣются панели для пѣшеходов. На перекрестках нѣкоторых улиц стоят колодцы с гранитными бортами и слѣдами рук. Главная площадь — Форум — хорошо сохранилась с окружавшими ее храмами. Частные дома всѣ особняки с мраморными полами и освѣщеніем сверху. На внутренних стѣнах комнат кое-гдѣ сохранилась живопись: сцены из мифологіи, танцы весталок, нимфы, купидоны, цвѣты, фрукты, овощи и т. п. В центральных залах[2]) особняков сохранились мраморные фонтаны, в спальнях — мраморныя лежанки, служившія кроватями; в столовых залах — мраморныестолы и вокруг них такіе же прилавки для возлежанія. В нѣкоторых виллах имѣются заднія комнаты „lupidarium“, в которых жили гаремныя рабыни-наложницы; здѣсь на стѣнах выгравированы картинки нецензурнаго свойствм и такого-же характера мраморныя фигуры. В нѣкоторых виллах помпейских меценатов внутренняя стѣнная живопись сохранилась совершенно ясно; эти виллы реставрированы и в них работают из разных стран живописцы, копируя на свои полотна образцы помпейской живописи. На краю города мы наткнулись на производство раскопок одного полузасыпаннаго дома. Здѣсь в присутствіи комиссіи археологов рабочіе отгребали лопатами и метлами легкую сыпучую пемзу (золу из губчатой пѣны), и из под этой песчаной массы вылѣзала стѣна дома, на внутренней поверхности которой постепенно обнаруживался круглый медаліон, на темнокрасном фонѣ котораго выявлялась написанная маслянными красками сцена из миѳологіи. Пыль от золы на поверхности живописи тут же осторожно обмывалась мокрою губкою, и та-

[1]) Но ни в одном зданіи не уцѣлѣли крыши; очевидно — онѣ не могли выдержать тяжести наслоившейся почвы и всѣ провалились внутрь домов.

[2]) „Atrium.“

ким образом на наших глазах воскресала свѣжая картина, 18 вѣков не видавшая свѣта.

Из крупных сооруженій здѣсь между прочим откопан громадный цирк с хорошо сохранившимися мраморными ступенями амфитеатра и каменными наружными стѣнами. Возлѣ городского вала откопана цѣлая улица гробниц. Это наиболѣе художественная часть города. Здѣсь цѣлый ряд прекрасно сохранившихся черных и сѣрых мраморных памятников, часовень и даже небольших храмов с фигурами и барельефами.

В одной из отдаленных частей города откопана цѣлая улица публичных домов терпимости, на воротах этих домов имѣются вывѣски и нецензурными изображеніями каменнаго falus'a[1]), а внутри домов еще болѣе нецензурныя картинки, изображающія маслянными красками различныя фазы продажной любви. В эту улицу гидам запрещено водить туристок. Но к нашей группѣ незамѣтно привязались двѣ пожилыя англичанки — очевидно из очень любознательных, и желали пройти туда незамѣтно маскируясь в толпѣ; однако наш гид оказался проницательным психологом и успѣл во время спасти целомудріе этих „наивных" любительниц древней помпейской натуры.

Из погибших людей на улицах Помпеи при раскопках было найдено только 7 человѣк, из коих 5 мужчин, одна молодая женщина и мальчик. Эти окаменѣлости сохранили вполнѣ свои человѣческія формы — точно вылиты из гипса; онѣ помѣщены в Помпейском музеѣ в Неаполѣ. Такое незначительное количество погибших людей объясняется тѣм, что Помпея была не лавою залита (как Геркуланум), а лишь засыпана пеплом, причем очевидно, что жители имѣли достаточно времени убѣжать оттуда, за исключеніем очень немногих.

Поѣздки на кратер Везувія до послѣдняго времени совершались туристами в колясках — по шоссейной дорогѣ, проложенной зигзагами по склонам вулкана, удаленным от мѣста, гдѣ постоянно протекает лава. Затѣм на верху горы дорога прекращается и туристы слѣдуют к кратеру по обширной площади, засыпанной золой и мягкой известковой пылью, — проваливаясь в ней по колѣни и глубже. Такое путешествіе занимало много времени. Но недавно по крутому ребру горы, обращенному к заливу, была проведена проволочная жел. дорога — (Funiculáre) с одним вагоном, поднимавшим 20 человѣк до начала кратера. Здѣсь на обрывѣ горы ученый физик Palmieri выстроил обсерваторію с сейсмографами, гдѣ он слѣдит за внутреннею жизнью вулкана и предсказывает наступающія землетрясенія и изверженія вулкана. Поѣздка по фуникулеру отняла у нас цѣлый день, т. к. мы, недовольствовавшись только

[1]) Повѣшеннаго в том родѣ, как нынѣ висят золоченные крендели над нѣкоторыми пекарнями.

подъемом к villa Palmieri, походили еще нѣсколько часов по мягкой известковой почвѣ верхней площади вулкана.

Над самым городом Неаполем возвышается гора с монастырем, в котором благочестивые отцы монахи изготовляют прославленные ликеры Benedictine и Chartreux. Нам очень хотѣлось навѣстить почтенных отцов и отвѣдать у них знаменитых ликеров, но для поѣздки туда требовалось много времени, поэтому мы ограничились закупкою этих ликеров в городских складах, гдѣ их имѣется в достаточном количествѣ. Поставщики вин даже увѣряли, что не они поддѣлывают ликеры монахов, но наоборот — будто бы монахи подлаживаются под рецепт извѣстных мѣстных винодѣлов.

В Неаполѣ клипер пріобрѣл большую партію бочек вина Marsala, как для себя, так и по заказам Кронштадтскаго Морского собранія; это вино в тѣ годы было в большом употребленіи в морских кругах и всѣ наши суда привозили его в большом количествѣ.

В Неаполѣ мы простояли около 2-х недѣль, и нам очень не хотѣлось уходить из него, но іюль уже перевалил за половину, а нам предстояло еще обойти кругом Европы и к 1-му сентябрю прійти в Кронштадт, о чем командир наш получил напоминаніе Морского Министерства. Около 15 іюля мы ушли из Неаполя в Кадикс.

Выходя утром из Неаполя мы долго любовались им, не спуская глаз с великолѣпнаго Везувія и лазурнаго залива. За нами долго плыли шлюпки с музыкантами и, перегоняя друг друга, пѣли теперь заливаясь романсы:

„Addio, bella Napoli“, — „Jo parte“ и др.

Мы прошли мимо острова Капри, вулкана Стромболи и направились в пролив между о-вами Сициліею и Сардиніею. Затѣм, выйдя в открытое море, легли на West, направляясь в Гибралтарскій пролив. Іюль был на исходѣ, в морѣ было жарко и тихо, поэтому все время шли под парами, изрѣдка лишь прикидывая косые паруса. В каюткампаніи стало замѣтно тише и скучнѣе: мы лишились двух наших веселых любимцев: „Никольса“ и „Маленькаго“; первый был переведен на „Герцог-Эдинбургскій“, отправлявшійся в Тихій океан из Греціи, а второй — на Черноморскую канонерку, нуждавшуюся в штурманском офицерѣ. Ни звуков рояля, ни веселых опереточных арій мы больше не слышали. По временам лишь раздавались органные звуки фис-гармоніи, на ней играл ревизор в рѣдкія минуты свободнаго времени. Теперь, перед возвращеніем в Россію, он был очень занят составленіем отчета (матеріальнаго) за все двухлѣтнее плаваніе. Близость возвращенія домой замѣтно измѣнило общее настроеніе и дух каюткампаніи — против беззаботнаго веселаго настроенія, царившаго в Тихом океанѣ вдали от домашняго очага. Там всѣ живут интересами берега, или эскадры, забывая о домѣ, в который когда-то еще придется

вернуться. А здѣсь у преддверія своего дома невольно сосредотачиваются мысли на предстоящей скорой встрѣчѣ со своими близкими. Одни — холостые ни к чему не обязанные, беззаботно относятся к свиданію с родными, а вот женихи и женатые — если они усердно изучали японскій язык в Иносѣ, или американскій язык в Шанхаѣ, то возвращаясь домой, они невольно задумываются и кажутся необычно серьезными. Такая именно атмосфера царила теперь на клиперѣ, хотя женатых у нас было очень немного, но женихи были. И я думаю, что это они главным образом измѣнили общее настроеніе в кают-кампаніи.

На 4 й день клипер, приближаясь к Гибралтару, подошел вплотную к африканскому берегу и, слѣдуя вдоль него, мы ясно разсмотрѣли на берегу испанскую крѣпость Цеуту с небольшими каменными домиками и каменною стѣною, взбирающеюся по холмикам этой старинной заброшенной крѣпости. Слѣдуя далѣе и углубляясь в узкость пролива, гдѣ на разстояніи 7 миль подходит Африка к Европѣ, мы под темным грозовым облаком увидѣли мрачную, высокую скалу — Гибралтар.

ГИБРАЛТАР. КАДИКС.

Прошли от него мы далеко — в милях 5-ти, и в бинокль нашли на рейдѣ нѣсколько военных судов, и между ними стоял наш „Минин", разставшійся с нами в Сингапурѣ.

Войдя в Атлантическій океан мы круто повернули направо, чтобы лечь на сѣвер вдоль Испанскаго берега. Здѣсь клипер встрѣтил сильное течение, гнавшее воды океана в Средиземное море; вода бурлит здѣсь точно в котлѣ и отжимает клипер к берегу и назад. Машинѣ пришлось работать полным ходом нѣсколько часов, чтобы преодолѣть стремительное теченіе. Уже поздно ночью мы входили на рейд Кадикса и по указанію лоцмана стали на мертвый портовый якорь.

На высоком полуостровѣ, соединенном с материком, низкою песчаною косой, расположена старинная испанская крѣпость с городом Кадиксом, обнесенным крѣпостным валом. В былыя времена всемірнаго морского владычества Испаніи, эта крѣпость сыграла немаловажную роль в исторіи морских войн. Теперь эти каменныя стѣны потеряли уже военное значеніе; но оригинальный вид этого бѣлаго как снѣг историческаго города остается на долго в памяти туриста.

На утро при ярком солнцѣ, разсматривая с палубы клипера ослѣпительно бѣлый город, только в одном мѣстѣ я нашел зеленую полосу — это городской бульвар, разбитый на крѣпостном валу вдоль морского берега. Над бѣлыми террасами высоких домов блестят купола с крестами многочисленных хра-

мов, густо настроенных во времена господства средневѣковой инквизиціи.

Вдоль берега имѣется каменная набережная с пристанями для шлюпок; в город ведут крѣпостныя ворота.

Узкія прямыя улицы между высокими домами кажутся корридорами. В нижних этажах сигарныя и винныя лавки, кафе и очень частыя парикмахерскія. Днем на улицах женщин не видно, онѣ сидят на балконах, устроенных почти в каждом окнѣ верхних этажей, и прячутся от солнца под спущенными шторами. Вечером эти смуглыя блѣдныя красавицы выходят на улицу и на бульвар, гдѣ происходят ежедневныя гулянія и играет военный оркестр. Шляп на испанках почти не видно, а на головѣ обычно накинута черная кружевная шаль („mantelina"), скрадывающая отчасти смуглый цвѣт лица, чѣм отличаются южныя испанки, получившія по наслѣдству от предков слѣды мавританской крови. Сознаніе этой примѣси есть вѣчный предмет страданій здѣшних красавиц. Блондинка с румянцем здѣсь рѣдкость, это — или иностранка, или испанка из сѣверных провинцій. Там (Галиція, Корунья, Сантандер, Фероль) женщины встрѣчаются различных типов: блондинки, шатенки, с ярким румянцем и бѣлым цвѣтом кожи. Между ними много истинных красавиц. Гуляя по городу, мы заходили в ряд церквей, в них чувствуется пріятная прохлада — отдых от дневной жары. Молящихся нѣт, и церкви обычно пустуют. Лишь рѣдко, гдѣ нибудь в углу за алтарем можно наткнуться на лежащую крестом женщину, отбывающую эпитимію по назначенію строгаго исповѣдника.

Мужчины испанцы по большей части видные, мужественно красивые и имѣют благородную осанку. Чтобы имѣть вѣрное представленіе о жителях города, слѣдует выйти вечером на бульвар и там во время гулянія вы увидите весь цвѣт мѣстнаго населенія. Но характер и темперамент испанцев проявляется с полною яркостью на боѣ быков.

Лѣтом, каждое воскресенье и по большим праздникам в цирках больших городов даются эти національныя представленія. На них собирается буквально весь город. В день боя быков все закрыто до почты и телеграфа включительно. Все стремится туда — мужчины, женщины, дѣти и там возбужденіе, восторг или восхищеніе толпы достигает крайних предѣлов. Зрители в увлеченіи ловкими, смѣлыми выпадами тореадора, бросают на арену все, что имѣется под рукой: апельсины, шляпу, кошельки, а иной любитель и сам прыгает через барьер на арену и, схватив лежащую бандарилью, бросается на быка как профессіональный боец. А женщины?... Испанки в восторгѣ отдают тореадору все — бросая цвѣты, а за ними слѣдует сердце и сама любовь... Тореадор — это кумир часто цѣлой страны. Это не оперный тенор, котораго обожают музыкальныя психопатки и котораго ревнивая жена увозит в театральной каретѣ

домой. Нѣт, тореадор — это рыцарь, атлет, он не связан женой. Он холост, он свободен в выборѣ красавиц, и он пользуется любовью как завоеванным правом. Цирк в Кадиксѣ не из лучших, но в нем вмѣщается до 10.000 зрителей. Вокруг громадной арены, обнесенной высоким сплошным забором[1]), расположены широкія ступени амфитеатром и далѣе на самом верху — ложи для знатной публики и дам. Там же помѣщается оркестр военной музыки. Крыши над цирком обыкновенно не строят, но для защиты публики от солнечных лучей вверху протягиваются полотнища из цвѣтнаго холста, это намет „vela“. На каждом представленіи выпускают — обыкновенно 6 быков (по одному), подготовленных спеціально для убоя. Их выдерживают долго в темных сараях, выбирая для этого особую породу свирѣпых и крупных быков исключительно чернаго цвѣта с огромными рогами. Выпущенный бык встрѣчается на аренѣ верховыми пикадорами, укалывающими его слегка пиками для предварительнаго раздраженія, он в отвѣт бодает в брюхо лошадей и часто пропаривает им живот; из жалости к раненой лошади у публики является злоба к быку и на него набрасываются пѣшіе акробаты — „бандарильеросы“ с короткими ручными пиками (bandarilia), которыя ими на бѣгу ловко втыкаются в спину быку. Разсвирѣпѣвшій бык начинает гоняться за ними и получает в спину еще нѣсколько ловких бандарилій. В этот момент является на арену нарядный, блестящій тореадор с красным плащем на лѣвой рукѣ и с длинною узкою шпагою — в правой. Раздразнив еще нѣсколько раз быка играя красным плащем, он становится на пути его бѣга, и в тот момент когда бык вот-вот ударит сейчас тореадора в грудь — тот, держа шпагу наклонно сверху — вниз, прокалывает ему горб между лопатками и нижній конец шпаги выходит в брюхо насквозь, — бык падает и тореадор избѣг опасности — . . . Весь цирк неистово ликует, а тореадор, дѣлая общій поклон, подымает с земли тот цвѣток, который брошен ему наиболѣе нравящейся ему поклонницей.

Для убоя слѣдующаго быка выходит обыкновенно новый тореадор, а всѣ остальные бойцы остаются тѣ-же, кромѣ тѣх, которые получили серьезные удары. Но горе тому матадору, который вздумает заколоть мирнаго, трусливаго быка: возмущенная публика подымает неистовый крик и гонит матадора вон из цирка. Его карьера погибла навсегда.

Вечером город живет шумною жизнью: кафе, кабачки и лавочки всѣ открыты, улицы полны гуляющей публикой; слышится музыка, пѣнье и даже танцы на улицѣ. Но в поздніе часы, когда все заснуло, проходя по опустѣвшим улицам, вы часто натыкаетесь на одиноких мужчин, стоявших молча в закутанный плащ с поднятой головой к верхнему балкону, на

1) В барьерѣ дѣлаются частыя узкія калитки, в которыя мог-бы улизнуть от быка застигнутый врасплох артист.

котором сидит испанка и оба подолгу смотрят друг на друга. Это серьезный обожатель жених и будущая невѣста. По обычаю испанцев молодые люди не вхожи в семейный дом, гдѣ имѣется взрослая дочь, и даже объявленный жених может ухаживать за невѣстой только издали, стоя под окном или балконом. В дом он войдет только наканунѣ свадьбы.

В Испаніи выдѣлывается много вин: херос, манзанилла, амонтилядо, портвейны, москатели, малага, и проч. и проч. Из больших погребов извѣстна крупная фирма Lacave, вывозящая вино во всѣ европейскія государства. Мы здѣсь набрали много этого вина для себя, для каюткампаніи и для подарков в Россіи.

Флота испанскаго мы здѣсь не видѣли, он держится обыкновенно в военном портѣ Феролѣ (на сѣверо-западном берегу Испаніи). Но в тѣ годы военный флот Испаніи был в загонѣ и кромѣ учебных корветов и канонерок он имѣл лишь два или три броненосца устарѣвшаго типа. Только впослѣдствіи в 1898 году Испанія имѣла 5 броненосных крейсеров и эта эскадра была истреблена в Сант Яго[1]) — во время войны с Соединенными Штатами.

Мы неохотно разставались с этой прекрасной поэтической страной, но наступал август мѣсяц, и командир наш торопился, чтобы прибыть в Россію к 1-му сентября; оставался только один мѣсяц, а нам предстояло еще зайти в Шербург и Копенгаген, гдѣ надо было выкраситься, чтобы к высочайшему осмотру в Кронштадтѣ имѣть свѣжій блестящій вид В океанѣ пошли на сѣвер вдоль Португальскаго берега. Через 2 дня прошли Finisterre и вошли в Бискайскую бухту. Здѣсь получили попутный вѣтер и вступили под паруса и около 7 августа пришли в Шербург.

ШЕРБУРГ.

Шербургскій рейд расположен в бухтѣ, защищенной с моря полукруглым каменным молом, сооруженным при Наполеонѣ I-м, которому на набережной площади воздвигнут памятник. Мол длиною в нѣсколько верст снабжен каменными башнями, в коих когда-то стояли орудія, но теперь эти форта потеряли свое боевое значеніе. В Шербургѣ имѣется внутренняя гавань для военных судов и там-же большой порт с доками, элингами и ремонтными мастерскими. На берегу — приморская крѣпость — главная в Ламаншѣ. Город небольшой с чисто военным характером в родѣ Бреста, но здѣсь не так однообразно и скучно, потому что здѣсь окрестное населеніе — французы, а там бретонцы. В Шербургѣ мы сдѣлали запасы французских вин.

[1]) На остовѣ Куба

Около 10 августа мы ушли из Шербурга в Копенгаген. Ламанш и Падекале прошли под парами. В Нѣмецком морѣ мы встрѣтили ясную погоду и слабый западный вѣтер, прекратили пары и весь переход сдѣлали под парусами. Старшій офицер принялся на этом пути за систематическую окраску клипера, начав с трюмов и жилых палуб и довел ее до верхней палубы. Сухая ясная погода этому способствовала; но спать в каютах было несносно из-за скипидарной вони и духоты от краски. Всѣ это терпѣли, сознавая, что это необходимо, т. к. смотр клипера может быть произведен в первый же день по приходѣ в Кронштадт. Обычно в день входа на Кронштадтскій рейд вернувшагося из заграницы корабля — его посѣщал главный командир, на слѣдующій день пріѣзжал управляющій Морским Министерством, а затѣм и В. К. Генерал-Адмирал, и тут же объявлялось, когда ожидать царскаго осмотра.

15 августа подошли к Норвежскому берегу; закрѣпили паруса и пошли под парами. Обогнули датскій маяк Скаген и пошли Зундом в Копенгаген, куда прибыли 18 августа.

Здѣсь мы встрѣтились с „Разбойником", заходившим перед тѣм в Англію. Командиры обоих клиперов условились идти отсюда соединенно и войти на Кронштадскій рейд вмѣстѣ — также, как два года назад вышли оттуда вмѣстѣ.

В Копенгагенѣ стояла прекрасная погода и мы часто ѣздили на берег, проводя время в извѣстном паркѣ „Тиволи" — вмѣстѣ с нашими старыми пріятелями „Разбойницкими" офицерами.

Отсутствіе здѣсь нашего соперника „Джигита" вас удивляло, впослѣдствіи мы узнали, что он зашел в Амстердам, куда рѣдко заходят наши суда возвращаясь домой. Мы себѣ объясняли, что „Джигит" не зашел в Копенгаген только потому, что не хотѣл встрѣчаться с „Наѣздником". Но возможно что мы и ошибались.

В Копенгагенѣ мы закупили послѣдніе подарки: сигары, датскія наливки, ликеры, разные шерри-коблери и портер. Старшій офицер закончил здѣсь окраску наружнаго борта и рангоута, и к 25 августу клипер уже блестѣл точно отполированный. „Разбойник" старался не отставать от нас в наружном блескѣ, но ему это давалось очень трудно, т. к. старшій офицер „Разбойника" — кн. Галицын, обладая необычайною тучностью (10 п. вѣса) с большим трудом справлялся с условіями службы старшаго офицера; его поэтому замѣнял часто энергичный и очень дѣятельный лейтенант Н. И. Небогатов[1]).

Разсчитывая к I-му сентябрю прибыть в Кронштадт, мы вышли из Копенгагена 27 августа вмѣстѣ с „Разбойником"; в Балтійском морѣ имѣли на рѣдкость ясную погоду для конца августа. Перваго сентября около 9 часов утра мы проходили

[1]) Впослѣдствіи — в. 1905 г. К-адм. Небогатов за сдачу части эскадры японцам был осужден к разжалованію и заточенію в крѣпости на 10 лѣт.

Красную горку. Утро было ясное, всѣ одѣлись почище и с биноклями в рукахъ разсматривали старый Кронштадт с торчащею над городом трубою пароходнаго завода и черным облаком дыма, висящим над портом и гаванью. Миль за 15 до прихода на рейд на клиперѣ начали править рангоут и прихорашиваться, снасти были вытянуты в струнку; мѣдь и желѣзо блестѣло, флаг был поднят шелковый, и необычайно длинный вымпел (40 саж. длины) торжественно плыл по воздуху, а его концы касались воды за кормою. Всѣх нас вызвали давно на верх осмотрѣть свои мачты, хоть осматривать было нечего — все было прекрасно. Но старшій офицер нервничал; ему все казалось, что или брамреи косят, или гафеля не параллельны друг другу.

ПРИХОД В КРОНШТАДТ.

Наконец, подходя к входным на рейд бочкам, мы около 12 часов дня показали свои позывные, отсалютовали крѣпости и получили такой же отвѣт; прошли Большой рейд полным ходом и затѣм, прійдя на Восточный рейд, отдали якорь у Военнаго угла, рядом с „Разбойником". Здѣсь стоял „Джигит", а на большом рейдѣ — „Минин". Ну вот, мы и в Кронштадтѣ... На рейдѣ шлюпок не видно, никто нас не встрѣтил. Командир в полной формѣ уѣхал являться к Главному командиру. Через час наконец прибыл к нам адъютант Гл. Ком-ра и поздравил нас приходом. Но на мачтѣ Штаба в Кронштадтѣ взвился огорчительный сигнал: „не имѣть сообщенія с берегом"... Вот так сюрприз! Что за причина? Нечего сказать, радушно встрѣчает нас милая Родина! Неужели нам не довѣряют и мы всѣ сидим арестованными? — Да, дѣйствительно, вскорѣ пристал к нашему борту катер с жандармскими офицерами для обыска команды, подозрѣваемой в привозѣ из-заграницы революціонных прокламацій[1]) Старшій офицер холодно встрѣтил „бирюзовых полковников" и предложил им самим обыскивать, а сам рѣзко отказался принимать участіе в этом „грязном дѣлѣ" и ушел в кают-кампанію. Незваные гости, сконфуженные таким пріемом, спустились в командную палубу и бродили там, как в незнакомом лѣсу; встрѣченные враждебными взглядами матросов, они глупо и безуспѣшно порылись в нѣсколькихъ чемоданах и уѣхали на берег. Вскорѣ вернулся командир и объявил, что разрѣшается имѣть сообщеніе с Кронштадтом, но в Петербург ѣхать нельзя, так как завтра ожидается смотр Главнаго Командира и Управляющаго Морским Министерством. Кронштадтскіе офицеры съѣхали

[1]) Оказалось, что русская политическая агентура заграницей доносила вдѣшней жандармской полиціи, что в иностранных портах революціонеры раздавали возвращающимся судам литературу противоправительственнаго содержанія.

сейчас-же на берег к своим семьям, а мы — холостые — остались на клиперѣ и принимали гостей, пріѣхавших к нам с судов, стоявших на рейдѣ и из Петербурга.

Утром пріѣхал Главный Командир адм. Козакевич и бѣгло осмотрѣл клипер, а послѣ полдня прибыл на своей яхтѣ „Стрѣльна“ великій князь Алексѣй Александрович в сопровожденіи недавно назначеннаго Управляющаго Морским Министерством молодого еще адмирала А. А. Пещураго вызваннаго из Англіи, гдѣ он состоял военно-морским агентом. Оба остались довольны блестящим видом клипера и объявили командиру, что в ближайшіе дни слѣдует ожидать высочайшаго смотра.

Высочайшій смотр 7-ми судам,[1]) вернувшимся из дальняго плаванія, состоялся 6 го сентября. В 10 час. утра из Петергофа прибыл Александр III на яхтѣ „Царевна“ и, встрѣченный салютом всей эскадры с посылкой людей по реям, произвел смотр судам, начиная со старшаго „Минина“. До нас очередь дошла лишь послѣ командиаго обѣда в 3 часа дня.

На палубу вышел стройный, дородный, с бѣлокурою бородою, красивый адмирал в бѣлой фуражкѣ и в морской формѣ при кортикѣ. Привѣтливым взглядом больших голубых глаз он облил командира и меня[2]), рапортовавших ему у входа. За ним вошла императрица Марія Федоровна, молодой 13-ти лѣтній Наслѣдник в матросской рубашкѣ, Генерал Адмирал великій князь Алексѣй Александрович, затѣм адмирал Пещуров и лица свиты. Обойдя офицеров и поздоровавшись с командой, государь осмотрѣл весь клипер до машины и кочегарки включительно, а затѣм приказал пробить артиллерійскую тревогу; батарея в 3/4 минуты была готова к бою. Послѣ произведеннаго краткаго артиллерійскаго ученья[3]) и затѣм послѣ отбоя, государь приказал „всѣх наверх, паруса поставить“. В 3½ минуты всѣ паруса, до бом-брамселей включительно, были поставлены; а затѣм, послѣ короткаго, 10-минутного отдыха, паруса были закрѣплены в 4 минуты и команда была выстроена на палубѣ для прощальнаго привѣтствія. Пройдя по палубѣ и поблагодарив офицеров и команду, государь со свитою сѣл на катер и отвалил от борта. В этот момент матросы были посланы по реям кричать „Ура“, а когда катер, направляясь к „Царевнѣ“, обогнул нос клипера, мы, по уставу — начали императорскій салют в 31 выстрѣл. — И, о ужас! — с первым же выстрѣлом из орудія вылетѣл снаряд[4]) и на глазах у всей эскадры

---

[1]) „Минин“, „Свѣтлана“, „Генерал-Адмирал“, „Крейсер“, „Джигит“, „Разбойник“ и „Наѣздник“.

[2]) Смотр совпал с моей вахтой.

[3]) При этом для примѣрной, якобы, стрѣльбы по правилам требовалось вкладывать снаряд, но без запала.

[4]) а не „пробка“, что часто бывает по оплошности I-го командора, неуспѣвшаго перед салютом вынуть дульную пробку.

полетѣл по рейду на Ораніенбаумскій берег, а на лету, подлец еще рикошетирует, — точно издѣваясь над нами..

Всѣ остолбенѣли. Командор этого орудія, блѣдный, с дрожащими губами, помертвѣл от страха. Старшій офицер, стоя на мостикѣ, вспыхнув, как піон, успѣл только пригрозить ему кулаком и указал многозначительно на бортовой кранец, гдѣ недоставало одного снаряда. Но салют продолжался дальше, как ни в чем не бывало. По окончаніи его моментально была утоплена орудійная пробка, чтобы стало очевидным, что первый выстрѣл был сдѣлан ею, а не снарядом. Через нѣсколько минут на катерѣ с „Цесаревны" — прибыл адъютант с вопросом — „чѣм был сдѣлан I й выстрѣл салюта?" — Командир отвѣчал: „пробкою".

Яхта ушла в Петергоф, а мы еще долго оставались угнетенными таким несчастным финалом смотра. На берег никто не поѣхал, т. к. вскорѣ с мачты Кронштадтскаго Штаба — сигналом было объявлено, что завтра утром на клипер прибудет слѣдственная комиссія[1]) для разслѣдованія этого инцидента. В комиссіи всѣ офицеры и виновный комендор показали, что выстрѣл был сдѣлан пробкою, которую не успѣли вынуть из орудія в виду спѣшки. Для большей достовѣрности недостающій снаряд в кранцѣ был замѣнен новым, вынутым из бомбоваго погреба и за ночь отполированным.

Комиссія вынесла заключеніе благопріятное для клипера. Послѣ этого офицеры наконец получили разрѣшеніе съѣхать на берег и я отправился в Петербург повидать своих знакомых.

Семейство В в, с которым я простился 2 года назад, — в тот вечер, когда барышня с братом уѣзжала на бал, — теперь жило на Николаевской улицѣ. Я отправился к ним, захватив с собой японскіе сувениры. В передней встрѣтил меня „Муфти", но обнюхав со всѣх сторон, важно повернулся и ушел прочь, очевидно, не узнав меня. Вскорѣ вышла барышня и, видимо, обрадовалась моему возвращенію и повела меня в гостинную. Я с перваго взгляда нашел ее нѣсколько похудѣвшею. Но большіе прекрасные глаза ея оставались тѣ же и напомнили мнѣ чудные дни, проведенные в гатчинском паркѣ. Вышла ея мать и встрѣтила меня с присущею ей всегда сердечною привѣтливостью — точно родного. Я между прочим сообщил им, что в Министерствѣ рѣшено послать „Наѣздник" опять через год, и что весь старый состав офицеров пойдет на нем, т. к. считается, что клипер, вернувшись раньше срока, как-бы недоплавал по своей программѣ. Вскорѣ пріѣхал ея брат-молодой гвардейскій офицер и мы встрѣтились с ним как старые друзья.

Я роздал привезенные подарки: барышнѣ — черепаховый вѣер с золотыми драконом; мамашѣ — бѣлую шаль из креп

[1]) Под предсѣдательством Кап. I-го ранга П. П. Пилкина.

дешина, а брат получил черепаховый портсигар. Обѣдать я не остался, т. к. надо было успѣть к вечеру вернуться на клипер.

Около 10 го сентября на клипер пріѣхала экзаменная комиссія и пошла с нами в море для производства всевозможных упражненій и смотров, имѣвших цѣлью выяснить, какія за два года плаванія сдѣлал клипер успѣхи в военно-морском дѣлѣ и боевой готовности.

20-го сентября вернулись в Кронштадт, а 30-го сентября о к о н ч и л и к а м п а н і ю.

Вернулся из заграницы с фрегатом „Свѣтланой" мой товарищ В. В. Игнаціус[1]), и мы с ним поселились вмѣстѣ на берегу в Кронштадтѣ и поступили на высшіе дополнительные курсы миннаго офицерскаго класса. В. П. Верховской, будучи в комиссіи на клиперѣ, предложил мнѣ поступить в класс и я согласился, но попросил у него хоть недѣлю срока чтобы съѣздить в Вильно повидать моих родных. Всѣм офицерам за кругосвѣтное плаваніе отпуск давался на 2 мѣсяца. 1-го октября я уѣхал в Вильно, радостно встрѣтился с матерью и сестрами, окончившими в тот год институт. Только что я расположился отдохнуть в Вильнѣ, как на слѣдующій день получил от Верховскаго телеграмму, что 4 октября (то е. завтра) начинаются лекціи на дополнительном курсѣ.

Лекціи были очень интересны: проходилась высшая математика, физика, электро-техника, органическая химія и теорія постройки подводных судов. К концу годичнаго курса требовалось представить двѣ дисертаціи — по физикѣ или химіи.

Мы с Игнаціусом проводили цѣлые дни в физическом кабинетѣ и лабораторіи, а в 3 часа дня бѣгали в морское собраніе, а по субботам ѣздили в Петербург к знакомым, или в театр.

За эту зиму я часто бывал у В-ов и ко мнѣ постепенно возвращалось прежнее чувство к красавицѣ барышнѣ.

Новый год я встрѣчал у них; было большое собраніе родственников с „Пороховых" и гвардейских офицевов. . В полночь, как слѣдует, всѣ шумно чокались бокалами и взаимно поздравляли друг друга.

Занятіями я был увлечен всецѣло. Для дисертацій по физикѣ мною была выбрана (по совѣту проф. А. С. Степанова) весьмо интересная тема — „Изслѣдованіе вторичных свинцовых электр. элементов французскаго физика Planté". Эти элементы были прототипом появившихся вскорѣ вторичных акумуляторов Фора, получивших впослѣдствіи весьма важное примѣненіе в техникѣ подводнаго плаванія, электро-движеніи и авіаціи —.

---

[1]) В 1905 году, командуя бр. „Суворовым", погиб вмѣстѣ с своим броненосцем в Цусимском бою.

В концѣ года тема моя была окончена и конференціей одобрена.

Вскорѣ в журналѣ „Электричество“ появилась статья с описаніем работ англійскаго физика Спенсера об изслѣдованіи таких-же свинцовых элементов и с полученіем тѣх же результатов, что и в моей работѣ. Я был очень польщен, когда проф. А. С. Степанов на докладѣ в аудиторіи Мин. офиц. класса удостовѣрил, что наш физическій кабинет в этом отношеніи опередил Лондонскаго физика.

Вторая моя тема заключалась в изслѣдованіи явленій, происходящих в подводном телеграфном кабелѣ (как конденсаторѣ) от получаемаго им заряда станціонной батареи. Тема эта, требовавшая продолжительнаго изслѣдованія, была мною закончена только спустя нѣсколько мѣсяцев послѣ окончанія выпускных экзаменов, т. е. уже послѣ полученія мною степени миннаго офицера I-го разряда. С этим разрядом получалось право на повышеніе содержанія, а также право быть флагманским минным офицером на эскадрѣ, и преподавателем в мин. офиц. классѣ.

Наступила весна, лекціи закончились, но экзамены были отложены до осени.

На предстоящую лѣтную кампанію 1882 я был назначен командиром лучшаго в то время миноносца „Ракета“ [1]), плававшаго в Минном Отрядѣ. В это лѣто семейство В-в жила на Елагинѣ в дворцовой дачѣ.

Моя миноноска имѣла вид хорошенькой яхты и я с удовольствіем проплавал на ней эту кампанію, пробѣгая по Финляндским шкерам от Кронштадта до Гангэ.

Частые рейсы дали мнѣ возможность хорошо изучить финляндскіе шкеры и плавать потом уже без лоцмана. Для ночных якорных стоянок или для обѣда заходил в попутные порта — Гельсингфорс, Лавизу, Роченсальм, Выборг и наконец в Кронштадт. Лѣто было прекрасное и мнѣ удалось нѣсколько раз пробѣжать в Петербург, гдѣ я сейчас же стремился на Елагин остров на дачу к В-ам. Барышня на это лѣто буквально расцвѣла и приняла тот пышный вид, который имѣла в Гатчинѣ 3 года назад.

Быстро пробѣжало лѣто. Окончилась кампанія и осенью я принялся за выпускные экзамены. 1-го ноября я получил 1-й разряд. Теперь я уже смѣло поѣхал к В-ам и сдѣлал родителям формальное предложеніе. Пили шампанское и я стал женихом.

Свадьба состоялась 22 декабря во дворцѣ Принца Ольденбургскаго.

---

[1]) Заграничной постройки на заводѣ „Wulcan“ в Штетинѣ.

Занимаясь преподаваніем в Минном классѣ я вынужден был жить в Кронштадтѣ и ежеднедѣльно на два-три дня пріѣзжал к молодой женѣ в Петербург.

Так прошла зима и весна 1883 г., а на лѣто я опять получил в командованіе миноносец „Самопал“ (той же постройки что и „Ракета“) и плавал лѣто по Финляндским шкерам числясь в Минном Отрядѣ.

30-го сентября 1883 г. у жены родилась дочь Маргарита „Daisy“. Это был прелестный здоровый ребенок — точная копія жены. Роды были трудные и женѣ пришлось вынести очень тяжелую хирургическую операцію. Но, благодаря крѣпкой здоровой натурѣ, она через 2 мѣсяца совершенно оправилась.

Вторую зиму я жил по прежнему в Кронштадтѣ, занимаясь в Минном классѣ, а жена с дочерью в Петербургѣ.

Но такая жизнь — на два дома — была признана нами невозможной и мы рѣшили на слѣдующее лѣто переѣхать совсѣм в Кронштадт.

Лѣтом в 1884 году я плавал минным офицером — инструктором на бр фрег. Адм. „Лазаревѣ“ в Учебном минном отрядѣ. Лѣто прошло в практических занятіях с офицерами— слушателями миннаго класса и с будущими минерами.

По окончаніи кампаніи переѣхала в Кронштадт жена с дочерью. Зимой часто ѣздили в морское собраніе на вечера и, благодаря привѣтливому характеру жены, мы имѣли большой круг знакомой молодежи и не скучали всю зиму. Я по прежнему вел занятія в минном классѣ.

Весною 1885 года я плавал опять инструктором на крейсерѣ „Африкѣ“ под командою кап. II р. Ѳ. В. Дубасова. Почти все лѣто мы провели в Біоркэ, практикуясь в стрѣльбѣ минами Уайтхеда и занимаясь электротехникой и прочими предметами минной спеціальности. На дачѣ в Біоркэ жила в то лѣто жена командира — Александра Сергѣевна и часто пріѣзжала на крейсер обѣдать. За это лѣто Ѳед. Вас. очень со мною сдружился и впослѣдствіи, плавая с ним много лѣт в различных чинах и должностях, я постоянно пользовался его особенным вниманіем и расположеніем.

Осенью 30 го октября у жены родился сын — Евгеній [1]). Ѳедор Васильевич был его крестным отцом и это нас еще болѣе сблизило.

---

[1]) Это был милый мальчик с очень ласковым, мягким характером. В первые годы дѣтства он перенес столько болѣзней (воспаленіе легких, тиф, скарлатина и проч.) что невольно вызвал к себѣ жалость и сердечное сочувствіе. Возможно, что это было одной из причин того, что вѣчно дрожа за его здоровье и жизнь, жена питала к нему особенную нѣжность. Впослѣдствіи — когда он стал подрастать — в нем постепенно обнаруживались способности ко всему изящному: он хорошо рисовал, писал фантастическіе разсказы из морских путешествій, обладал прекрасною памятью и имѣл талант вѣрно схватывать и зарисовывать фигуры и лица наших знакомых, многих изображал в карикатурном видѣ, чутьем угадывая их смѣшныя типичныя стороны.

Зимою я опять занимался в Минном офицерском классѣ, а лѣтом плавал флагманским минным офицером на Балтійской практической эскадрѣ под командою адмирала К. П. Пилкина на кораблѣ „Петр Великій". Командиром был В. П. Верховской, флагкапитаном — Н. И. Скрыдлов.

Слѣдующую кампанію 1887 г. я опять плавал на той-же эскадрѣ и с тѣм-же начальством, но флаг-капитатном был Ѳ. В. Дубасов.

В этом году в высших военных сферах был поднят вопрос о постройкѣ для Балтійскаго флота, вмѣсто устарѣвшаго Кронштадта, новой оперативной базы — крѣпости выдвинутой болѣе вперед и в незамерзающих водах. Были намѣчены два пункта — Моонзунд, или Либава. Рѣшить этот вопрос было поручено комиссіи из наших военных и морских чинов под предсѣдательством Великаго Князя Владимира Александровича с вице-предсѣдателем генералом Бобриковым. В числѣ морскихъ членов были Пилкин, Верховскій и Дубасов (всѣ трое на „Петрѣ Великом"). Наша эскадра заходила с комиссіей в Монзунд и в Либаву, чтобы намѣстѣ рѣшить этот вопрос. Но окончательное рѣшеніе об избранном мѣстѣ было вынесено лишь послѣ кампаніи слѣдующаго 1888 года.

НИКОЛАЕВ И СЕВАСТОПОЛЬ.

В первых числах сентября я был командирован с лейт. Витгефтом [1]) в Николаев и Севастополь для испытанія новаго способа установки миннаго загражденія и новых ножей, надѣваемых на мину Уайтхеда для прорѣзыванія стальных сѣтей, защищающих суда от минных атак.

Когда наши испытанія были окончены, в Николаев пріѣхала моя жена.

Осень была чудная и мы с женою посѣтили окрестности Николаева и были в Адмиралтействѣ на постройкѣ новаго броненосца „Екатерина II", возрождавшагося тогда Черноморскаго флота. Затѣм поѣхали на параходѣ в Одессу и оттуда в Севастополь, который в то время только начинал отстраиваться послѣ разгрома 1855 года.

В Севастополѣ было еще жарко, мы объѣхали всѣ его памятники Крымской войны (Братское кладбище, Малахов курган, Лазаревское Адмиралтейство, 4-й бастіон и проч.); на многих зданіях виднѣлись еще слѣды снарядов. На Екатериненской ул. начали уже строиться новые дома. — Спустя нѣ-

[1]) В 1904 г. в чинѣ контр-адмирала, командуя Порт-Артурской эскадрой, убит 28 іюля на броненосцѣ „Цесаревич".

сколько дней, мы в коляскѣ, запряженной тройкой, выѣхали в Ялту. На срединѣ пути, в Байдарской долинѣ мы ночевали и на утро, с разсвѣтом, выѣхали дальше, с разсчетом быть при восходѣ солнца в Байдарском ущельи, откуда открывается внезапно вид на Черное море. Это очень эффектная картина, не уступающая по красотѣ видам Италіи или Японіи. Спускаясь к Ялтѣ зигзагами мы любовались расположенными внизу живописными виллами Алупки, Масандры, Симеиза, Оріанды, Ливадіи. В Ялтѣ купальный сезон был уже окончен, но виноградный сезон был еще в разгарѣ. В Ялтѣ пробыли два дня. На обратном пути в Севастополь, когда пароход огибал мыс Фіолент, его нѣсколько раз качнуло на зыби и дамскую публику здѣсь порядком укачало.

Из Севастополя в тот-же день уѣхали в Петербург. Жена была очень довольна всѣм путешествіем и я за нее радовался, т. к. это был ея единственный отдых от дѣтей за нѣсколько лѣт.

Лѣтом 1888 г. я опять плавал флагманским минным офицером на Балтійской практической эскадрѣ, под командою Н. М. Чихачева, энергичнаго и умнаго адмирала. Но будучи с 60-тых годов в „Русском О-вѣ Пароходства и Торговли", он нѣсколько отстал в военно-морском дѣлѣ. Но проплавав двѣ кампаніи на эскадрѣ и занимая должность Начальника Гл. Морского Штаба, он вскорѣ усвоил себѣ всѣ эволюціи того прогресса, который произошел за послѣдніе 20 лѣт. Держал он флаг на „Герцогѣ Эдинбургском", часто интересовался новым для него минным дѣлом и старался вникать во всѣ детали этого вооруженія. Может быть, поэтому моя спеціальность на эскадрѣ не была в загонѣ и мнѣ все это лѣто было много дѣла.

Впослѣдствіи будучи в Морск. Технич. Комитетѣ (с 1893 по 1897 г.) я часто бывал у Н. М. Чихачева на докладах по своей спеціальности, он был управляющими Морским Министерством — и адмирал, вспоминая наше совмѣстное плаваніе, относился ко мнѣ всегда с особенным вниманіем и даже симпатіей. А затѣм в 1896 году, дал мнѣ секретную командировку в Босфор для изученія на мѣстѣ вопросов, связанных с минною обороною Босфора — на случай новой войны с Турціей и Англіей.

Зимою в этот год (1888-1889) в Кронштадтѣ было очень оживленно. Общество веселилось на рѣдкость. Вечера в морском собраніи, балы, маскарады, блины, катанія на вейках, все это мы с женой посѣщали усердно.

Лѣтом 1889 г. и 1890 г. я плавал на крейсерѣ „Африкѣ" [1]) в качествѣ инструктора. „Африка" провела все лѣто на Транд-

[1]) Командовал крейсером К. М. Тикоцкій.

зундском рейдѣ, занимаясь минной практикой с офицерами и минерами.

На „Африкѣ“ я, будучи старшим лейтенантом, замѣнял часто старшаго офицера А. Е. Нидермиллера, уѣзжавшаго нѣсколько раз в отпуск. Он доджен был вскорѣ получить в командованіе судно 3-го ранга, а вмѣсто него, Тикоцкій готовил меня в старшіе офицеры на „Африку“. Такое назначеніе лейтенанта по 10 му году — считалось очень лестным, даже на судно 2-го ранга (до сих пор здѣсь были капитаны 2-го ранга в этой должности).

Но судьба рѣшила иначе. В эту же осень я получил назначеніе старшим офицером прямо на заграничный фрегат (судно I го ранга) „Владимир Мономах“, находившійся в это время в Средиземном морѣ и собиравшійся оттуда идти вскорѣ с Наслѣдником-Цесаревичем в Тихій Океан. Дѣло было так: около 1-го октября Главный Морской Штаб сообщил телеграммой в Кронштадт, что по требованію командира „Владимира Мономаха“ (Кап. I го р. Дубасова) — я назначен старшим офицером на этот фрегат, и должен без замедленія выѣхать через Одессу в Пирей и явиться на фрегат, который вмѣстѣ с „Памятью Азова“ вскорѣ уходит оттуда в Тріест, гдѣ на отряд 19-го октября сядет Наслѣдник. Такое назначеніе молодого офицера на боевой заграничный корабль I го ранга, с новой артиллеріей и большим рангоутом, считалось весьма лестным. Но в морских кругах в тоже время ходили слухи, что служба на фрегатѣ в Средиземном морѣ была невыносима, и там смѣнилось уже два старших офицера: Хмелевскій и Молас; списан был ревизор П. О. Серебреников и еще нѣсколько лучших летенантов. Говорили, что командир нервничал, придирался и требовал от офицеров невозможнаго. Поэтому, считая себя далеко не подготовленным к занятію такой отвѣтственной и трудной должности, я рѣшил „заболѣть“. Комиссія врачей признала меня больным и я надѣялся, что в виду спѣшности — будет начначен другой кандидат на эту должность. Но Главный Морской Штаб, спустя 10 дней прислал телеграфный запрос: когда лейтенант Ц кій сможет выѣхать по назначенію? Было очевидно, что спорить с судьбой не приходится, и я должен был „выздоровѣть“. В Штабѣ мнѣ объявили, что теперь уже оба фрегата ушли из Пирея в Тріест, куда и мнѣ слѣдует ѣхать безотлагательно по желѣзной дорогѣ через Вѣну.

Прибыл я в Тріест вечером 18-го октября наканунѣ пріѣзда туда Наслѣдника. Переночевав в гостиницѣ, я на утро, в парадной формѣ, поѣхал явиться на фрегат, стоявшій на рейдѣ рядом с „Памятью Азова“. Командир встрѣтил меня довольно сухо и, повидимому, не вѣрил в мою болѣзнь. Он отозвался очень не лестно о бывших двух старших офицерах[1]) и обо всем судовом

[1]) Это были лучшіе офицеры флота.

составѣ. В адмиральской каютѣ я представился женѣ командира (бывшей на фрегатѣ), она выразила надежду, что я сумѣю урегулировать обострившіяся до крайности отношенія между командиром и офицерами. В кают кампанію я встрѣтил сочувствіе со стороны офицеров моему трудному положенію между двух огней. Они предсказывали, что недѣли через двѣ и мнѣ придется уѣхать по примѣру моих предшественников. Затѣм весь день до вечера я употребил на изученіе фрегата: в сопровожденіи трюмных спеціалистов я ознакомился с водоотливной и пожарной системою и вечером принялся за чтеніе судовых расписаній, составленных моими предшественниками. Несмотря на безукоризненность этих расписаній, они были предметом постоянных недоразумѣній между командиром и старшими офицарами.

В этот вечер на фрегатѣ был бал. Офицеры пригласили с берега много знакомых дам и барышень живущих здѣсь — итальянских семейств. С „Азова“ были приглашены офицеры и между ними великій князь Георгій Александрович в чинѣ мичмана. Танцовали на шканцах и потом в кают-кампаніи под фрегатскую музыку. Но ни командир, ни его жена, хотя оба были вечером на фрегатѣ, на бал приглашены не были. Это мнѣ показалось прямо невѣроятным и грубым, и когда я заявил офицерам, что я желаю их также пригласить в кают-кампанію, то встрѣтил бурный протест и заявленіе, что всѣ оттуда выйдут и гости разъѣдутся. Бал затянулся до поздней ночи, и при отъѣздѣ гостей на берег, их на катерах провожали офицеры. Георгій Александрович также провожал барышень итальянок, (за одной из них он сильно ухаживал весь вечер) — сидя на катерѣ в одном сюртукѣ без пальто; так как ночь была холодная, то возможно, что этот вечер был первой причиной обострившейся впослѣдствіи его болѣзни легких.

На слѣдующій день из Вѣны в Тріест пріѣхал Наслѣдник и около 12-ти часов прибыл на „Память Азова“. Суда салютовали и вскорѣ снялись с якоря и ушли в Пирей. Отряд из 3-х судов шел в строю кильватера, концевым была канонерка „Черноморец“, присланная сюда нарочно для увеличенія числа судов. На головном фрегатѣ „Памяти Азова“ был поднят флаг Наслѣдника; адмиралом был Басаргин. Число лиц избранных для неотлучнаго сопровожденія Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича было весьма ограничено и состояло: из главнаго руководителя, облеченнаго довѣріем Государя, Свиты Е. В. г м Кн. Вл. Апат. Барятинскаго, флигель-адъютанта Кн. Н. Д. Оболенскаго (л-гв. Коннаго полка), Кн. В. С. Кочубея (Кавалергардскаго Е. В. полка) и Е. Н. Волкова, Кн. Э. Э. Ухтомскаго (для составленія описанія путешествія и офиц. корр.) акварелист Н. Н. Гриценко и военно-морского врача В. К. фон-Рамбаха.

В морѣ было тихо, шли со скоростью 12 узлов и на другой день поздно вечером пришли в Патрас; город был илюминован. В 6 часов утра при совершенной темнотѣ Наслѣдник съѣхал с „Азова“ на берег и по желѣзной дорогѣ уѣхал в Коринф осмотрѣть строившійся тогда Коринфскій канал, перерѣзывающій Коринфскій перешеек. Канал имѣл цѣлью соединить Адріатическое море с Афинами, (гаванью Пирей) т. е. чтобы параходам сократить путь и не огибать весь полуостров Морею. Послѣ съѣзда Наслѣдника суда, снявшись с якоря, пошли в Пирей, куда прибыли 25-го октября под вечер. В Пиреѣ нас встрѣчали с большим парадом: Король и Королева Ольга прибыли тотчас на „Память Азова“. Люди у нас стояли на реях и мы салютовали, установившись в Пирейской Гавани на якорь. — Послѣ обѣда нас посѣтила Королева Ольга, а затѣм вскорѣ Наслѣдник и Греческая Королевская чета уѣхали в Афины. В. К. Георг. Александров. и принц Георгій Греческій, в качествѣ несущих морскую службу совершенно наравнѣ с прочими лейтенантами и мичманами, находятся в маленьких каютах кормовой части фрегата.

К столу Наслѣдника на завтрак и обѣд, поочередно, приглашаются по три лица из числа офицеров „Азова“.

Августѣйшій мичман и Королевич Георгій завтракают и обѣдают в кают-кампаніи, раздѣляя трапезу Брата только в очередь, наравнѣ с другими.

Вечера обычно В. К. Ник. Александрович проводил в кают-кампаніи.

Обостренныя отношенія командира с офицерами все еще продолжались, и здѣсь было списано в Россію еще нѣсколько офицевов.

Чтобы дать мнѣ время на составленіе новых корабельных расписаній, командир освободил меня временно от службы на верху, но командованіе авралами и ученіями лежало на мнѣ, поэтому я не имѣл возможности углубиться серьезно в составленіе расписаній, и занимался этим лишь ночью, когда все на рейдѣ успокоится и всѣ улягутся спать. Нервы мои были сильно разстроены, я лишился сна и стал серьезно подумывать об отъѣздѣ в Россію.

В Пиреѣ отряд простоял 10 дней, пока Наслѣдник объѣзжал достопримѣчательности древней Греціи. Его сопровождала свита свѣдующих лиц из мѣстных археологов, в числѣ коих был наш посланник в Афинах г-н Ону, как знаток Ближняго Востока. Он сопровождал Наслѣдника и далѣе по Египту и по Индіи.

Около 5-го ноября поздно вечером отряд вышел из Пирея и направился в Порт Саид. Ночь была лунная, дул холодный бриз, суда шли в кильватер и, отойдя миль 5 от берега мы отпустили лоцманов, выводивших нас из Пирея. Вмѣстѣ с лоцманом на его шлюпку сѣла жена командира, провожавшая

мужа до выхода в открытое море. Занятый съемкою с якоря из Пирея, я совершенно забыл о ней и только теперь вспомнил, увидѣв ея фигуру в мужском дождевикѣ у трапа и трогательно прощавшуюся с командиром; затѣм в темнотѣ обѣ фигуры — она и грек-лоцман спустились за борт на шлюпку и исчезли за кормой . .

В Порт-Саид отряд вошел в 10 ч. утра и ошвартовился к набережной у самого города. Пристань и всѣ дома были убраны русскими и греческими флагами. На берегу собралась масса народа, главным образом, многочисленная здѣсь колонія грековъ, привѣтствовавшая наслѣдника и греческаго принца Георга [1]) криками „ура“ и „элекен“. Наслѣдник со свитой и принцем съѣхали сейчас же на берег и отправились осматривать Александрію, Мемфис, пирамиды и Каир, а мы принялись за погрузку угля, продолжавшуюся около 2 х суток. При этой непріятной работѣ суда утопали в облаках сухой угольной пыли, забиравшейся во всѣ щели, поэтому приходилось закупоривать всѣ люки и илюминаторы; но и это не спасало внутренія помѣщенія от черной пыли. Внизу становилось душно, а всѣ находящіеся наверху пріобрѣтают вид трубочиста. По окончаніи погрузки угля, я мыл фрегат цѣлыя сутки.

На 4-ый день высокіе путешественники вернулись с берега и отряд отправился каналом в Суэц. На срединѣ канала в Измаиліи суда ночевали на якорѣ, а к вечеру слѣдующаго дня пришли в Суэц и ошвартовились у набережной этого городка. Наслѣдник с принцем и свитой сейчас-же уѣхал по желѣзной дорогѣ в Каир, чтобы продолжать путешествіе по Египту, а суда стояли здѣсь цѣлую недѣлю и приводились в порядок. Я занялся составленіем расписаній, в чем мнѣ много помог симпатичный и веселый мичман И. Скаловскій, знавшій хорошо всю фрегатскую команду и обладавшій необычайною памятью. Здѣсь в Суэцѣ, при постановкѣ на якорь у командира с мичманом П. вышла большая „драма“. Вечером в темнотѣ командир, сердясь за что-то на француза лоцмана, бывшаго на мостикѣ, излил свой гнѣв на ни в чем неповинном баркасѣ, стоявшем у борта, выругав его непечатными словами. С баркаса из темноты откликнулся мичман П., обидѣвшись на ругань. Тогда командир — вмѣсто извиненія крикнул в сердцах, что ругань относится именно к нему, мичману П. По окончаніи работ П., спустившись в каюту, подал через меня рапорт командиру о болѣзни и просил о списаніи его в Россію, так как при таких условіях службы он плавать больше не может, и просит об этом оскорбленіи довести до свѣдѣнія адмирала Бассаргина, бывшаго на „П. Азова“.

На утро командир выразил сожалѣніе о случившемся и поручил мнѣ передать извиненіе лежавшему в каютѣ мичману

[1]) Принц Георг греческій сѣл на „Азов“ в Пиреѣ в чинѣ лейтенанта русскаго флота и прошел с нами до Владивостока.

П. Тот извиненія не принял и настаивал на списаніи. Командир передал рапорт адм. Бассаргину. Вскорѣ адмирал сигналом потребовал с себѣ „старшаго офицера“ и заявил мнѣ, что он телеграммою в Петербург — просил прислать на „Мономах“ новаго командира вмѣсто Д., а мичмана П. приказал мнѣ успокоить и обѣщать ему, что в слѣдующем порту (Бомбеѣ) он будет уволен в Россію. Дѣло приняло весьма серьезный оборот...

Около недѣли суда стояли в скучном Суэцѣ и за это время Наслѣдник со свитой объѣхал по Нилу и посѣтил всѣ древности.

26-го ноября к „Георгіевскому празднику“ Наслѣдник со свитою вернулся на „Азов“.

Там этот день праздновался с большими торжеством [1]) и наш командир как георгіевскій кавалер, был туда приглашен.

Дня два спустя, около 28 ноября „Азов“ и „Мономах“ вышли из Суэца и Красным морем пошли в Бомбей. На этот раз жары большой не было (декабрь мѣсяц) и переход был бы почти пріятен, если бы не тяжелое настроеніе в кают-кампаніи из-за послѣдней „драмы“ с мичманом П. „Мономах“ весь переход держался точно за кормой „Азова“ на разстояній I-го кабельтова и переговоры между судами легко были слышны по мегафону. Погода все время стояла прекрасная, дул освѣжающій вѣтерок и отряд шел со скоростью 12 ти узлов. На пятые сутки мы прошли мимо острова Перима [2]) и вступили в Индѣйскій океан [3]). 3-го декабря зашли в Аден, чтобы захватить почту и наскоро пополнить уголь. Короткой стоянкой здѣсь воспользовались, чтобы Наслѣднику показать древніе колодцы — бассейны для собиранія дождевой воды. Из Адена направлялись в Бомбей. В это время года в сѣверной части Индійскаго океана дует слабый NO-й муссон и поэтому весь переход до Бомбея (6 суток) был замѣчательно тих и спокоен; качки не было ни малѣйшей и даже горшки с цвѣтами стояли на столѣ в кают-кампаніи не привязанными. Оба фрегата шли ровным 12-ти узловым ходом, переговариваясь по мегафону.

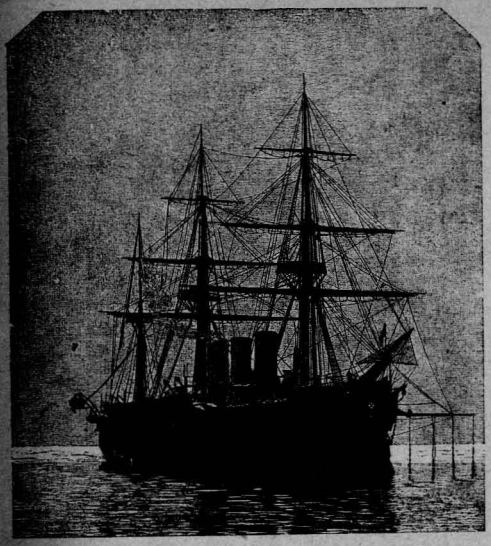
Жизнь на кораблѣ у нас шла по расписанію, погода была великолѣпная, на палубѣ тишина, изрѣдка лишь прерываемая командой вахтеннаго начальника и свистками боцманской дудки. Паруса ставились только косые. В кают.-кампаніи настроеніе было мирное, т. к. командир на этом переходѣ был молчалив и спокоен.

---

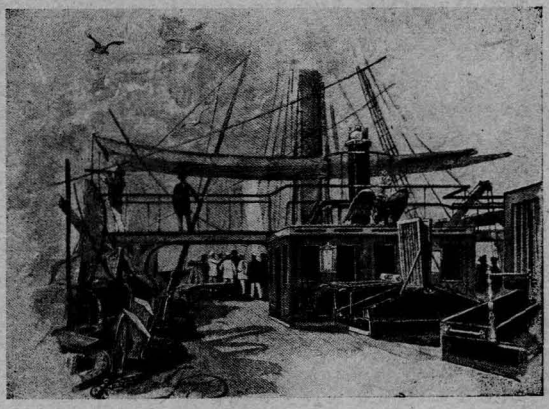
[1]) На „Памяти Азова“ кормовой флаг имѣл георгіевскій орден пожалованный за Наваринское сраженіе (1828 г.) кораблю носившему имя „Азов“.

[2]) Бабельмандебскій пролив.

[3]) Аравійское море.



Фрегат „Память Азова“.



На палубѣ фрегата „Память Азова“.
К стр. 93.

Бомбейскій рейд в день прибытія эскадры Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича в 1890 г.
К стр. 96.

Храм в Кіото.
К стр. 59.

Рейд в Нагасаки.
К стр. 48.

Этот спокойный переход дал мнѣ возможность составить судовыя расписанія и к приходу в Бомбей они были почти закончены. Оставалось их только перекликнуть, что было мною сдѣлано потом в Бомбеѣ.

На этом переходѣ 6 го декабря, в день именин Наслѣдника, вечером оба фрегата зажгли электрическую иллюминацію по всѣм мачтам и реям. Устроен был фейерверк и жгли фальшфеера.

БОМБЕЙ.

10-го декабря утром оба фрегата вошли в Бомбей. Нашему отряду была устроена торжественная встрѣча: стоявшія на рейдѣ суда расцвѣтились флагами, а военныя салютовали Наслѣднику в 21 выстрѣл; городская пристань была убрана цвѣтами и флагами и на ней была установлена из ярких индійских матерій палатка: в ней губернатор Бомбея ожидал Наслѣдника; там же был выстроен почетный караул из рослых и стройных индійских сипаев, одѣтых в эффектные мундиры с красными чалмами на головѣ. Свита губернатора в числѣ нѣсколькихъ англійских офицеров была одѣта в красные мундиры, синіе брюки и бѣлыя тропическія каски с золотыми шишаками. Приняв на скоро на „Азовѣ“ визиты морских капитанов судов, стоявших на рейдѣ, Наслѣдник со свитою на парадном катерѣ отправился на пристань, гдѣ его встрѣтил губернатор и бомбейская публика, усѣявшая всю набережную и площадь, привѣтственно гудѣла прибывшим в Индію русским гостям. Длинный проход к экипажам был окаймлен растеніями и цвѣтами. Из-за прикрытых алой матеріей балюстрад на гостей смотрѣли нарядныя дамы и блистающія драгоцѣнностями жены парсов.

Великій князь был в формѣ лейб.-гвардій гусарскаго полка — мѣховой убор производит большое впечатлѣніе на туземцев. Трудное было бы подыскать болѣе живописное одѣяніе. Горят на солнцѣ золотой и серебряный двухглавные орлы на каскахъ офиц. Коннаго- и Кавалергодскаго полка свиты. Утро было ясное и солнце припекало порядочно.

Бомбей расположен на западном берегу Индіи в бухтѣ, образуемой длинным, узким полуостровом „Malabar-Hill“, закрывающим рейд от SW муссона, дующаго здѣсь лѣтом в дождливое время года; а в наш приход (декабрь) здѣсь совершенно тихо, и зимою дождей вовсе не бывает. Стоит все время ровная ясная погода и только при закатѣ солнца около 5 ч. вечера задувает на полчаса довольно сильный береговой бриз при необыкновенно эфектной малиновой окраскѣ неба. В 6 ч. вечера небо быстро мѣняет свой цвѣт на темно-синій с ярко горящими звѣздами и на рейдѣ наступает без сумерек полнѣйшая темнота. В громадном городѣ с милліонным населеніем виднѣется много

высоких зданій и храмов древне-индійскаго стиля, и на первом планѣ выдѣляется здѣсь — же на набережной грандіозный монументальный вокзал, соединенный желѣзными дорогами с главными городами Индіи.

За городом со стороны океана поднимается высокій полуостров „Malabar-hill", весь покрытый густою тропическою зеленью, среди которой выдѣляются двѣ бѣлыя „Башни молчанія", в них парсы укладывают своих покойников на съѣденіе грифам. В глубинѣ бухты возвышается каменистый остров „Элефантин", внутри котораго в глубоких пещерах высѣчены в камнѣ древніе буддійскіе храмы.

Наслѣдник со свитой первый день провел на берегу, обѣдал в губернаторском дворцѣ и к вечеру вернулся на „Азов".

Отъѣзд его для путешествія по Индіи был назначен через два дня, а прежде всего здѣсь слѣдовало рѣшить вопрос о дальнѣйшем плаваніи Великаго Князя Георгія Александровича, здоровье котораго внушало опасенія. Дѣло в том, что Георгій Александрович еще в Тріестѣ простудился и теперь у него была постоянно повышенная температура. Лихорадка обнаружилась еще в Суэцѣ, когда он вернулся из Каира; ночью проѣзжая в вагонѣ по песчаной пустынѣ, он заснул при открытом окнѣ; это было в ноябрѣ мѣсяцѣ, когда по ночам бывают порядочные холода.

На „Азовѣ" был собран консиліум из наших морских и англійских врачей, причем было установлено, что у Великаго Князя туберкулез легких, и что влажный жаркій воздух тропиков способствует усиленію болѣзни. Ему надлежало вернуться в Европу и проживать в холодном климатѣ на высоких горах (Абас-Туман, Давос и проч.). О заключеніи врачей телеграфировали в Гатчину, и Александр III-й отвѣтил:

„Вернуться немедленно на первом же суднѣ".

Г. Ал—чу очень хотѣлось продолжать плаваніе на Д. Восток, и это приказаніе отца привело его в очень грустное и мрачное настроеніе. Для возвращенія его в Россію было рѣшено воспользоваться крейсером „Корниловым[1]), который в это время находился на обратном пути в Россію из Тихаго океана. На слѣдующій день послѣ консиліума Наслѣдник со свитой, в сопровожденіи нѣскольких англичан отправился по желѣзной дорогѣ путешествовать по Индіи, а наши суда остались на рейдѣ и занялись чисткой и окраской, готовясь к Рождественским праздникам.

Командир уѣхал внутрь страны, и я воспользовался его отсутствіем, чтобы перекликнуть оконченныя мною расписанія, имѣя в виду сейчас послѣ праздников начать правильныя заня-

[1]) Командир Е. И. Алексѣев, впослѣдствіи — адмирал — намѣстник на Д. Востокѣ (1904-5 г.)

тія всевозможными ученіями, как этого требовал адмирал Бассаргин.

Команда (640 чел.) получила новые номера и понемногу стала втягиваться в свои новыя обязанности. Теперь уже „блуждающих“, или „мертвых“ душ не было и всякій матрос видѣл, что он на учетѣ и ему скрываться по трюмам и огуряться от службы впредь уж не удастся, как это бывало раньше. Такая безалаберность царила на фрегатѣ в послѣднее полугодіе потому, что ни одному из моих предшественников не удавалось перекликнуть новых расписаній из за безконечных споров с командиром.

Мнѣ же удалось перекликнуть только благодаря тому, что командир, на мое счастіе, был цѣлую недѣлю в отсутствіи. Почувствовав порядок команда сразу подтянулась и со 2-го января я ежедневно начал производить рангоутныя, артиллерійскія и прочія ученія. Вернувшись из поѣздки, командир был пріятно удивлен, что матросы довольно исправно бѣгают по реям, крѣпят и отдают паруса, и что у орудій знают свои обязанности.

Я забыл упомянуть, что в один из первых дней послѣ нашего прихода в Бомбей, на отрядѣ прозошел весьма непріятный для Д. инцидент, но окончившійся совершенно благополучно и даже забавно. Пароходом прибыл капитан I-го ранга Бауэр, назначенный экстренно Морским Министерством смѣнить Д-ва; это назначеніе было вызвано телеграммой Бассаргина, посланной в Министерство вслѣдствіе исторіи с мичманом П.

Когда Бауэр явился на „Азов“, то Бассаргин потребовал меня сигналом и заявил мнѣ, что прибыл новый командир на „Мономах“ для замѣны Д-ва и посмотрѣл на меня вопросительно. Я отвѣтил — „есть“. Помолчав нѣкоторое время и видя, что я тоже молчу, он спросил: „Ну, а каковы были отношенія у командира с офицерами за послѣднія двѣ недѣли, т. е. послѣ Суэца“? Я заявил, что за это время „драм“ не было.

— „Ну так вот,— сказал Бассаргин, — Наслѣдник и я находим, что теперь на виду у иностранных эскадр, мѣнять командира было бы неблаговидно, и поэтому Д-в останется командиром „Мономаха“ до прихода во Владивосток, а Бауэр переѣдет к нам на фрегат и будет жить там в качествѣ флаг-капитана при мнѣ. „Бауэр переѣхал на „Мономах“ и жил у нас очень мирно; обѣдали они вмѣстѣ с Д-вым, и через нѣсколько дней они, повидимому, даже сдружились, и нерѣдко совмѣстно съѣзжали на берег.

На Рождество для команды была устроена елка, и приглашались с берега индусскіе фокусники-факиры.

Для елки достали на берегу — не то бамбук, не то олеандр, т. к. хвойных деревьев здѣсь не оказалось.

Елка была устроена на шканцах под тентом, вечером играл наш судовой оркестр. Послѣ ужина и розыгрыша лотерреи „баковая аристократія“ — (писаря, фельдшера, подшкипер и

проч. — словом „литературно образованные интеллигенты“) разыгрывала на шканцах „Царя Максимиліана“. Эта солдатская пародія-драма была передѣлана для морской корабельной сцены и оказалась очень забавной: зрители матросы безпрерывно сопровождали взрывами громкаго хохота различныя пикантныя словечки и явныя нелѣпости в этой комедіи. Актеры были конечно одѣты в морскіе мундиры и „Царь Максимиліан“ — в формѣ адмирала в шляпѣ и эполетах; сын его — „непокорный Адольф“ — лейтенантом; затѣм в порсоналѣ участвовали какіе-то гробокопатели в длинных балахонах-халатах и с бородами из смоленой ворсы.. Тут были еще рыцари, воины и проч.

Исполняя комедію, дѣйствующія лица выстроились в двѣ шеренги лицами внутрь. В концѣ каждаго монолога „Царя Максимиліана“[1], хор стоящій отдѣльно, поет под музыку — „Хвала, хвала тебѣ, герою“, или „Гром побѣды раздавайся“ или наконец, „Боже царя храни“.

Но забавнѣе всего то, что пѣснь хора по своей торжественности вовсе не отвѣчает вульгарному часто смыслу высказаннаго монолога. Так напримѣр, когда „Царь Максимиліан“ требует к себѣ провинившагося сына и говорит: „Подите и приведите мнѣ непокорнаго сына Адольфа“, гробокопатели отвѣчают: „Пойдем и приведем ему непокорнаго сына Адольфа“ — Царь Макс: — „Ты мой сын? — Адольф: — „Я твой сын“.

Ц. Макс: — „Сукин сын!“... Пауза, а здѣсь хор поет: „Боже, царя храни“ — или „Хвала, хвала тебѣ, герою“. — Команда, конечно, смѣется и всѣм весело.

Затѣм факиры представляют собой довольно интересное явленіе. На палубѣ разсѣлись два индуса в пестрых чалмах с смуглыми лицами и большими черными впавшими глазами, при них был мальчик лѣт 10 ти, державшій на плечѣ маленькую обезьянку; из принесенной с собой корзины, один индус вынул сонную большую очковую змѣю аршина в 2 с $^1/_2$ длиною и

---

[1]) Ц. М.

Здорово, друзья! За кого вы меня принимаете:
За царя русскаго, или Наполеона французскаго,
За короля шведскаго или султана турецкаго?
Но нѣт, я — не царь русскій,
Не Наполеон французскій,
Не король шведскій,
Не султан турецкій.
Из дальних русских стран
Прибыл грозный царь Максимиліан.
Но не затѣм я к вам прибыл: пропал у меня сын Адольф
3 года...
Фу, что я вижу перед собой! Для кого сей честной трон
Так великолѣпно сооружен?
Не для меня-ли, царя Максимиліана?
Хор:
Для царя Максимілісна.

широкою головою и под звуки небольшой дудочки заставлял змѣю принимать различныя позы и становиться на согнутом хвостѣ в вертикальном положеніи, причем голова ея поднималась на высоту до 1½ аршина от палубы. Затѣм змѣя обвивалась вокруг тѣла индуса, сжимая его руки и шею; языком своим шевелила по его губам; потом, уложив ее в нѣсколько колец, он клал себѣ на голову в видѣ второй чалмы и вообще продѣлывал с ней различныя манипуляціи. Другой индус показывал на палубѣ различныя фокусы, так напр. в кучкѣ песку, посадив зерно, через 15 минут выращивал небольшое зеленое деревцо и еще нѣсколько фокусов в этом же родѣ. Финалом этих зрѣлищ был трудно объяснимый фокус с обезьянкой: вынув из корзины легкій стеклянный с серебряным блеском шарик[1]) с привязанным к нему длинным волоском, индус подбросил шарик кверху на воздух, дав ему двумя пальцами быстрое вращательное движеніе и разматывая одной рукой клубок, другой подкручивал вертикально натянутый волосок, чѣм усиливал вращеніе шарика и заставлял его подниматься все выше и выше; вскорѣ шарик получил столь быстрое вращеніе, что казался как-бы стоящим высоко в воздухѣ на мѣстѣ на вертикально натянутом волоскѣ. Очевидно, центробѣжная сила шарика была столь значительна, что преодолѣвала собою силу тяжести. Но зрители ахнули от удивленія, когда индус взял у мальчика обезьянку и заставил ее подняться вверх, цѣпляясь по вытянутому волоску до самаго шарика. Этим фокусы были закончены, и индусы получили условленную плату. Офицеры, озадаченные послѣдним фокусом, пытались добиться от индусов объясненія этого явленія, но попытки эти осуществить не удалось: по англійски они почти не говорят, а кромѣ того производившій этот фокус индус дал понять мимикой, что его нервы и организм послѣ сеанса так утомлены, что он от слабости едва держится на ногах.

Весь январь мѣсяц 1891 г. Наслѣдник путешествовал по Индіи, посѣщая важнѣйшія историческія мѣста и храмы и охотился на тигров, а наши суда, стоя на рейдѣ, занимались ученіями, чистились и вообще приводили себя постепенно в тот щегольской вид, какой на флотѣ издавна установился на заграничных судах. Мнѣ удалось за этот мѣсяц вытянуть такелаж, выправить рангоут, покрасить фрегат и перевязать всѣ паруса, замѣнив их новым комплектом, т. к. старый комплект заплеснѣл и покрылся зелеными пятнами, потому что уже болѣе полугода, как паруса не отдавались даже для просушки — (не было парусных расписаній). В Бомбеѣ по вечерам офицеры съѣзжали на берег, а нѣкоторым удалось посѣтить ближайшіе города Дели, Бенарес и др. Команда по праздникам свозилась на берег. В свободное от занятій время на фрегат пріѣзжали

[1] Нѣчто вродѣ садовых шаров.

торговцы — индусы и парсы и раскладывали на палубѣ свои товары индійскія ткани, фрукты, сигары, раковины, издѣлія из бронзы и чернаго дерева, жемчуг, драгоцѣнные камни и пр.

Со дня моего поступленія на фрегат я еще не был на берегу, и по установившемуся на флотѣ обычаю, ожидал когда командир сам предложит мнѣ съѣхать на берег. В одно прекрасное утро он вспомнил об этом и я съѣхал на берег, чтобы осмотрѣть Бомбей.

Меня вызвался сопровождать познакомившійся уже с городом наш милѣйшій ревизор, симпатичный, жизнерадостный мичман М. М. С. Наняв коляску на цѣлый день, мы отправились по магазинам и я накупил различных индійских матерій и шалей ярких цвѣтов, и горсть жемчужин розсыпью и заказал сдѣлать из них браслет. Затѣм мы объѣхали европейскую часть и туземный квартал, были в ботаническом саду, осмотрѣли нѣкоторые храмы и перед закатом солнца проѣхали загород на Malabar hill; это живописный холм, покрытый тропическим лѣсом, в его возвышенной части разбиты парки и над верхушками деревьев господствуют двѣ мрачныя круглыя „башни молчанія“: на верхних кромках башень дремлют громадные грифы (кондоры), или чистят свои клювы послѣ обильной трапезы над трупами привезенных и положенных здѣсь парсов. Когда над башнями грифы летают, то это признак, что покойника еще укладывают и грифы готовятся к своему завтраку. В этом же паркѣ построен бѣломраморный храм-усыпальница с красивою колонадою; в храмѣ происходят отпѣванія умерших парсов и в стѣнах устроены ниши, в которых сохраняются урны с костями, обглодаными грифами и обмытыми дождем. В храмѣ пріятная прохлада и спокойная тишина, но „башни молчанія“ с их противными грифами производят тяжелое впечатлѣніе.

Уже начало темнѣть, когда мы спускались берегом моря по крутой дорогѣ с высокаго Malabar hill'a. При закатѣ солнца небо было ярко-малиновое и этим заревом освѣщался океан и весь полуостров со своим лѣсом, ставшим теперь красным; бѣлыя верхушки башень и ошейники дремлющих грифов также окрасились в красный цвѣт, но сами башни и сидящіе на них грифы оставались такими же черными и мрачными.

Спустившись вниз, мы проѣхали мимо индусскаго квартала, расположеннаго по самому берегу океана и здѣсь наткнулись также на похоронное зрѣлище огнепоклонников, но уже совершенно другого характера; там у парсов, при „башнях молчанія“ чувствуется мрачная торжественность, а здѣсь слишком уже просто: в огороженном саду, небольшом и грязном, был разложен костер из обыкновенных дров, на пылающем кострѣ лежало два трупа, а вокруг нѣсколько индусов с красными чалмами на головах — пошевеливали длинными кочергами полѣнья и опаливали покойников, вродѣ того, как у нас, в

Россіи, опаливают свиней, заготовляя рождественскіе окорока. Вокруг костра толпилось десятка два индусов и между ними нѣсколько женщин. Никаких богослужебных обрядов или молитв при этом не было.

В городѣ мы обѣдали в англійских отелей и я был очень рад, что избавился в этот день от фрегатскаго обѣда китайца А-фу (ресторатор кают-кампаніи), кухня которого за 4 мѣсяца подряд мнѣ очень пріѣлась. На фрегат мы вернулись около полуночи и я был очень доволен, что эта поѣздка на берег отвлекла меня от фрегатской напряженной, нервной и очень утомительной службы [1]). За недостатком времени мнѣ не удалось посѣтить бомбейскую достопримѣчательность — пещерный, доисторической эпохи храм, находящійся на полуостровѣ Elefantin.

В подземельи этого полуострова высѣчен в скалистой почвѣ древній храм с исполинскими колоннами, и до настоящаго времени эта титаническая постройка сохранилась в достаточной степени.

20-го января „Корнилов" прибыл в Бомбей. Наслѣдник прервал свое путешествіе, чтобы проститься и проводить брата. Георгій Александрович был мрачен огорченный тѣм, что не может больше плавать на Восток и со слезами на глазах пере-

---

[1]) Служба старшаго офицера на большом рангоутном кораблѣ в заграничном плаваніи вообще не легка, а в данных условіях, в отрядѣ Наслѣдника прибавились всевозможныя церемоніи, салюты и масса излишних обрядов, требующихся Морским уставом — при сношеніях с иностранными судами на иностранных рейдах. Запущенный и давно не крашенный фрегат необходимо было держать в щегольской чистотѣ, а громадный рангоут и большая парусность отнимали много времени на содержаніе их в исправном видѣ. К этому необходимо прибавить безпрерывные конфликты кают-кампаніи с командиром, и мнѣ как посреднику между ними, приходилось разбираться в этих „драмах" и отвлекаться от работ по составленію расписаній, которыми я занимался по ночам, т. к. за весь день мнѣ рѣдко удавалось сойти с верхней палубы. Вставать же приходилось вмѣстѣ с командой в 5 час. утра, чтобы наблюдать за утренней приборкой корабля.

При такой жизни я имѣл не болѣе 2—3-х часов в сутки на сон; это в конец разстроило мои нервы и бывало так, что я по нѣсколько ночей сряду не мог уснуть от нервнаго переутомленія и докучливых мыслей, что мнѣ не справиться в этом хаосѣ и что я вынужден буду списаться и вернуться домой.

Об этом впрочем мнѣ предсказывал П. П. Тыртов [Нач. Главн. Морского Штаба], еще в Петербургѣ, когда я заѣхал к нему откланяться перед отъѣздом в Тріест.

Но вот, благодаря-ли моему крѣпкому [в то время] здоровью, или настойчивой попыткѣ установить — таки надлежащій порядок в общей службѣ корабля, я в Бомбеѣ со 2-го января почувствовал под собою твердую почву и послѣ первой недѣли правильных ученій, я с радостью замѣтил, что офицеры и боцмана меня сочувственно поддерживают; в кают-кампаніи даже заговорили о возможности состязаній с „Азовым" в рангоутных и парусных маневрах. Побывавши на берегу еще раз, я опять вернулся на фрегат освѣженным, и с тѣх пор моя нервная система мало-по-малу стала приходить в норму; в кают-кампаніи я чувствовал себѣ поддержку и рѣшил остаться на фрегатѣ и продолжать это весьма важное для моей дальнѣйшей морской карьеры плаваніе. Об этом я написал женѣ в Кронштадт и предупредил, чтобы моего возвращенія больше не ожидали.

ѣхал на „Корнилов“. На катерѣ, при переѣздѣ, азовскіе офицеры сидѣли гребцами, а кап. I ранга Ломен — на рулѣ. Через нѣсколько минут „Корнилов“ снялся с якоря и ушел в Суэц, а Наслѣдник уѣхал на берег, продолжать путешествіе по Индіи.

В концѣ января „Азов“ и „Мономих“ вышли в Тутикорын [1]), чтобы принять Наслѣдника, прибывшаго туда по желѣзной дорогѣ. Мѣсто это совершенно открыто и на рейдѣ была крупная океанская зыбь.

Фрегаты стояли далеко от берега и качались, как маятники, с борта на борт. Для перевозки Наслѣдника по столь крупной зыби азовскіе катера считались недостаточно большими, поэтому Бассаргин приказал „Мономаху“ послать за Наслѣдником наш большой катер „миноноску“. Я выбрал лучших офицеров на руль, а к машинѣ—мичмана Тимрота и инж.-механика Винтера. Приняв с берега Наслѣдника со свитой, миноноска наша держалась на зыби прекрасно, по временам она совершенно скрывалась за гребнем океанской волны и затѣм появлялась на ея верхушкѣ идя малым ходом, чтобы не обливать пассажиров. Через час ходу путешественники прибыли к „Азову“. „Азов“ уже начал сниматься с якоря и мнѣ предстояло торопиться, чтобы слѣдовать за „Азовом“, но на такой громадной зыби, когда сам фрегат болтался, как пьяный, схватить и быстро поднять катер вѣсом в 10 тонн не легкая задача, но благодаря тому, что на нем сидѣли такіе бравые офицеры и такая же команда, мнѣ удалось улучить момент, когда фрегат склонился на сторону катера, и мигом заложить тали и сразу вздернуть катер вверх; не успѣл фрегат сдѣлать полный розмах, как катер был уже на мѣстѣ. За этот удачный маневр „Мономах“ получил с „Азова“ сигналом „Благодарность“.

Мы догнали „Азов“ и пошли в Коломбо.

КОЛОМБО. СИНГАПУР

Остров Цейлон, отдѣленный от Индіи мелководным проливом, составляет как бы южную оконечность Индостана и выгодно расположен на пути пароходнаго движенія из Европы на Дальній Восток, поэтому англичане устроили здѣсь угольную станцію для военных и коммерческих судов и держат там постоянно эскадру. На Цейлонѣ нѣт глубоких закрытых бухт, поэтому для постройки гавани пришлось воспользоваться обширной и совершенно открытой бухтой — Коломбо на западном берегу острова и защитить ее молом от дующаго здѣсь в теченіи полугода (лѣтом) свѣжаго S. W. муссона. Сооруженіе мола в открытом океанѣ, да еще под вѣтром у муссона, представля-

[1]) Южная оконечность Индіи.

ло для строителей его трудную задачу, и эти работы продолжались много лѣт. Дамба состоит из внутренней бетонной стѣнки длиною болѣе версты и шириною около 10 саженей, а для защиты ее от разрушенія вѣчно-бьющей по ней океанской волны — с внѣшней стороны набросаны громадные бетонные массивы. Борьба строителей порта с океаном продолжается еще и теперь, но это происходит, главным образом, зимой в тихое время года, когда муссон не дует.

Мы вошли в Коломбо 31 января 1891 днем, при ясной и тихой погодѣ и ошвартовились у стѣнки рядом с „Азовым".

Англійская эскадра встрѣтила Наслѣдника салютом и установленными почестями. Коммерческіе пароходы и большіе океанскіе парусники расцвѣтились флагами. В портѣ большое оживленіе: безпрерывно входят и выходят суда, идущія на Восток и обратно, а за стѣной в океанѣ по горизонту, насколько охватывает глаз — снуют под высокими парусами быстроходные „катомаранты"[1]).

Город Коломбо весь утопает в яркой и тропической зелени. На набережной возвышается грандіозный отель „Continental", с высоким в два свѣта столовым залом, в нем электрическіе вентиляторы и качающіеся „спанкеры"[2]) доставляют свѣжій воздух и прохладу, спасающіе посѣтителей от тропической жары.

Послѣ пріема на „Азовѣ" мѣстных властей, у англійскаго адмирала на кораблѣ был парадный обѣд для Наслѣдника, свиты и командиров. Вечером на иллюминованных шлюпках англійскіе офицеры устроили „венеціанскій карнавал" с серенадою, причем на головной шлюпкѣ помѣстился квартет с командиром англійскаго крейсера и его офицерами; они дефилировали мимо наших судов и в тихую тропическую ночь по гавани разносилась мелодія серенады Генделя... На судах всѣ вышли на верх и молча слушали очарованные льющимися звуками знакомой мелодіи, напомнившей прекрасную Венецію. Эта трогательная тишина, как-бы замечтавшейся гавани была внезапно нарушена бравурным диким безтактным маршем, раздавшимся у нас на „Мономахѣ" из 28-ми духовых инструментов нашего судового хора... Желая отвѣтить на серенаду англичан, командир приказал вызвать наш хор. Когда музыкантов сонных подняли из коек, то каждый бѣжал голышем за своей трубой и, построившись на ютѣ, они по комадѣ капельмейстера — „марш № 40-ой"! без нот и впопыхах затрубили на весь рейд.

Очарованіе серенадой у слушателей на сосѣдних с нами судах внезапно замѣнилось возмущеніем на такую дикую профанацію.

---

[1]) Это парусныя шлюпки с придѣланными к борту лыжами, недающими им опрокинуться. На них ловят рыбу и, отчасти жемчуг сингалезы—смуглые, с черными глазами, стройные красивые туземцы, сходные с индусами.

[2]) вѣера

На „Азовѣ“, (стоявшем рядом) поняли в чем дѣло, и оттуда дружно раздался хохот всѣх офицеров, бывших на верху вмѣстѣ с Наслѣдником и свитою. Наш командир, недовольный неудавшимся эффектом, выругал ни в чем неповинных голых музыкантов и ушел в каюту спать.

Утром Наслѣдник уѣхал в Kandy (Кэнда) — город, расположенный в возвышенной части Цейлона, куда спасаются от жары европейцы несвязанные дѣлами с Коломбо, гдѣ благодаря низменному положенію и значительной влагѣ воздуха, климат для европейцев слишком тяжел.

В Коломбо я был в первый раз и потому с удовольствіем поѣхал на берег спустя дней 5, когда на фрегатѣ всѣ работы были окончены. Весь город в зелени, каждый дом есть коттедж, окруженный садом и утопает в пальмах и цвѣтах. Как всюду в англійских колоніях, тут есть обязательно музей и ботаническій сад. Западная часть города примыкает к океанскому берегу и нѣсколько возвышена, здѣсь чувствуется прохлада от дующаго по вечерам бриза и дышется легко. На самом берегу океана гостиница „Gall fast“, гдѣ мы вечером обѣдали, на открытой верандѣ вѣтер настолько свѣж, что нерѣдко все летит со стола и публикѣ часто приходится разставаться с освѣжающим воздухом и оканчивать обѣд в залѣ.

Объѣзжая город, мы свернули загород, в негритянскую деревню, расположенную в густом лѣсу из стройных высоких кокосовых пальм. Негры сюда занесены из Африки еще во времена рабства. С китайцами и малайцами они составляют главный контингент рабочих кули в гавани, гдѣ ежедневно грузятся нѣсколькоѣ пароходов углем и другими товарами заѣшняго экспорта. Отсюда вывозятся: кофе, чай, кокосы и фрукты. На мѣстѣ производится оживленная торговля драгоцѣнными камнями, жемчугом и всевозможными индійскими издѣліями. Магазины с этижи товарами находятся в руках парсов, индусов и сигналезов. Рубины, сапфиры и лунный камень продают россыпью в необдѣланном видѣ, но часто можно нарваться на фальшивые, поэтому рекомендуется покупать их не у бродячих торговцев, а в солидных магазинах.

7-го февраля Наслѣдник вернулся из Кэнди и мы ушли в Сингапур. Переход был такой-же пріятной прогулкой, как и предыдущій; в океанѣ дул слабый NO муссон, спасавшій нас от тропической жары; оба фрегата, покачиваясь слегка, бѣжали по 12 узлов, держась вблизи друг друга. На 4-й день обогнули сѣверную оконечность Суматры и пошли Малакским проливом и на 2-х-дневном переходѣ этим проливом мы имѣли погоду, присущую штилевой экваторной полосѣ; жарко, как в банѣ, пасмурно, над головой висят грозовыя облака с частыми молніями и зарницами.

14-го февраля мы вошли в Сингапур. Здѣсь стоял Тихоокеанскій отряд Вице-Адмирала П. Н. Назимова [1]). На рейдѣ было еще нѣсколько англійских станіонеров. Первый день прошел весь с обычными салютами, почестями и визитами. Вечером обѣд на „Азовѣ“ для иностранных властей, а на утро Наслѣдник уѣхал к Тагорскому раджѣ, приглашенный погостить в его дворцѣ, чтобы избавиться от несносной жары на рейдѣ и от непріятной погрузки угля, котораго здѣсь пришлось принять полный запас.

Сингапур, как повротный порт, лежащій на пута пароходнаго движенія в Тихій океан, имѣет огромные запасы угля и хорошо устроенную длинную пристань, к которой подходят вплотную коммерческіе пароходы и принимают уголь с берега. гдѣ имѣется на готовѣ всегда нѣсколько сот китайских и малайских кули; уголь подается в тачках прямо на борт и нагрузка оканчивается в 3—4 часа. Но военныя суда, стоящія на рейдѣ вдали от угольной пристани — лишены этого удобства, и процедура тянется иногда нѣсколько дней, в теченіи коих корабль, окутанный угольной пылью, задыхается в ней.

Освободившись от угольной пыли и вымывшись от клотика до киля, мы на 3-й день начали наконец дышать свѣжим воздухом. Наѣхали с „Нахимова“ и „Джигита“ наши товарищи и соплаватели по прежним плаваніям и взаимно дѣлились новостями.

Командир предложил мнѣ поѣхать на берег и я, воспользовавшись этим, прокатился в знакомый мнѣ ботаническій сад, пообѣдал в Hotel de l'Europe и покейфовал там на верандѣ, вытянув ноги на long chear'ѣ в темную прохладную ночь послѣ обѣда.

Отряд в Сингапур стоял всего 5 дней и торопился в Банкок к Сіамскому королю в гости или, вѣрнѣе, с дипломатической миссіею от Александра III-го, который охотно откликнулся на дружеское приглашеніе Сіамскаго короля и поручил Наслѣднику зайти в Банкок.

Сіам, окруженный с трех сторон и сдавленный англійскими колоніями, для избѣжанія быть проглоченным этою сильною державою, искал поддержки у Россіи — страны в то время почти враждебной Англіи (все из-за той-же Индіи), и поэтому Сіамскій король воспользовался путешествіем Наслѣдника на Восток для заключенія— если не формальнаго союза, то хотябы дружественнаго покровительства Россіи. Приглашеніе это было сдѣлано еще задолго да отъѣзда Наслѣдника из Петербурга, поэтому в Банкокѣ имѣли достаточно времени сдѣлать грандіозныя приготовленія к охотѣ (облавѣ) на слонов. Но из Сингапура отряд направился не в Сіам, а совершенно в обратную сторону, на юг — в Батавію, лежащую в 7° Южной ши-

[1]) „Нахимов“, „Джигит“, канонерки „Манджур“ и „Кореец“.

роты. Не знаю, насколько это достовѣрно, но мичмана с „Азова“ нам говорили, что адм. Назимов, чтобы дать возможность Наслѣднику пересѣчь экватор [1]) и видѣть традиціонную комедію матросов „переход через экватор“, рѣшил для этого спуститься на юг в Батавію, куда отряд из 3-х больших судов теперь отправился, а клипера из 5 канонерок были посланы прямо в Банкок.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ЭКВАТОР.

17 февраля „Азов“, „Мономах“ и „Нахимов“ направились к экватору и пересѣкли его на слѣдующій день утром. У нас на фрегатѣ матросы стали с утра готовиться к этой комедіи. На бакѣ за обвѣсом из парусины была устроена „ателіе-уборная“, гдѣ художники из фрегатских маляров и офицеры-любители размалёвывали разными красками тѣла совершенно голых актеров, изображавших Нептуна, Меркурія, Шторма, Урагана, Пассата, Нимф, Русалок, попутнаго вѣтра и прочих добрых и злых богов морской стихіи. Костюмов на тѣлѣ не полагалось никаких, исключая головных уборов, но лица богов были загримированы согласно мифологіи. Для грима употреблялись бѣлила, чернеть, киноварь и сурик, а для бороды Нептуна — бѣлая пакля; на волосы Нимф и Русалок шла та-же пакля, но прокрашенная охрой. Головные уборы богов из раскрашеннаго картона, подгонялись под фасоны мифологическаго рисунка, но Нептун настоятельно требовал себѣ адмиральскую треугольную шляпу, как атрибут высшей власти. На шканцах во всю ширину фрегатской палубы был установлен грандіозный бассейн из паруса (триселя), в котором предстояло купать всѣх новичков, небывших на экваторѣ. Послѣ обѣда, по командѣ: „всѣх наверх экватор пересѣкать!“ — с бака на шканцы тронулась процессія богов, предшествуемая музыкантами, также совершенно голыми и выстроилась перед мостиком, на котором собрались адмирал, командир и офицеры, проходившіе уже экватор ранѣе. Когда музыканты смолкли[2]), то Нептун пріѣхавшій на десантном станкѣ, запряженном 6 ю вычерненными негритятами, обратился к командиру: по каким морям и океанам он плавал? Пересѣкал-ли экватор? и какую погоду он желает имѣть в дальнѣйшем плаваніи? — За хорошую погоду требовал выкуп. Получивши нѣсколько золотых, Нептун этим ограничился и обѣщал попутные вѣтра. Купать не пришлось, т. к. командир

[1]) До сего времени весь маршрут Наслѣдника проходил только по Сѣверному полушарію.

[2]) Музыканты играли марш коллективный, т. е. каждый инструмент играл свой марш — выходила китайская музыка.

уже пересѣкал экватор. Затѣм со старшаго офицера (т. е. меня), старшаго штурмана, старшаго механика и нѣсколькихъ лейтенантов Нептун получил только выкуп (по 2 фунта) — как пересѣкавших уже не раз экватор. Но потом началась перекличка по списку остальных офицеров, их по очереди погружали в бассейн, причем „Нимфы", прыгнув туда сами, усердно старались окунуть отбивавшихся новичков по нѣсколько раз. Больше доставалось тѣм, кто сопротивлялся. Поэтому нѣкоторые офицеры переодѣвшись заблаговременно в старый китель и снявши ботинки, сами добровольно прыгали в бассейн и там происходила общая возня в водѣ под музыку и всеобщій хохот. Юнкеров[1]) наших купали и в особенности досталось скромному и симпатичному Н. К. Пашенному (кандидат математических наук), забравшемуся на марс, но о нем вспомнили, спустили с марса в бассейн, тут-же его окунули раз 10, причем еще окачивали струею из брандспойта. Послѣ офицеров купали молодых матросов, загоняя их в бассейн сразу человѣк по двадцати. Потом уже пострадавшіе (выкупанные) вспомнили, что между богами были также и не пересѣкавшіе экватора. Им досталось не менѣе, чѣм нашему любимцу математику и особенно пострадали писаря и содержатели (баковая аристократія). В концѣ концов выкупали общими силами и самого Нептуна, несмотря на его протесты. Это был толстый фельдфебель, гроза молодых матросов, и хотя он не раз бывал на экваторѣ, но толпа уже тут не разбирала и зараженная общим весельем и под видом шутки отомстила своему строгому начальнику.

С нашего мостика было видно, что на „Азовѣ" происходило то-же самое, но Наслѣдника не купали.

На третій день рано утром пришли в Батавію. Нѣсколько коммерческих пароходов грузились колоніальными произведеніями этого богатаго острова, отсылаемыми в метрополію (в Голландію). Из военных судов стояла здѣсь одна канонерка год голландским флагом. Наслѣдник со свитою в тот-же день уѣхал в столицу Явы, к Намѣстнику Зондских островов.

На островѣ Наслѣдник прожил три дня, охотился там на крокодилов. На 4 й день мы ушли в Сіам. Пересѣкли экватор вторично, но уже без всяких празднованій. В Батавіи всѣ постарались забрать побольше тропических фруктов: (бананы, ананасы и мангустаны), которыми были завѣшаны всѣ снасти на бакѣ и шкафутѣ и заполнены офицерскія каюты. Плаваніе в экваторіальной полосѣ сопроваждалось обычными здѣсь штилевыми пасмурными погодами с частыми грозами и молніей.

---

[1]) И. А. Нелидов, Н. М. Пашенный и Гурко.

СІАМ.

Через 5 дней вошли в Сіамскій залив и стали на якорѣ в открытом морѣ милях в 15-ти от берега на мелководном лиманѣ. На Сибирской канонеркѣ „Манджурѣ“ Наслѣдник со свитой ушел в Банкок, а большіе суда остались здѣсь за невозможностью подойти ближе к берегу. Сіамскій король прислал на рейд цѣлый пароход с живностью, фруктами и овощами для команды, и подарками для офицеров (сигары, папиросы, шипучія воды и фрукты). Стоя здѣсь, суда от скуки чистились, мылись и красились, а там в Банкокѣ, в королевском дворцѣ, ежедневно происходили различныя празднества с парадными обѣдами, зрѣлищами, балетом и иллюминаціею по вечерам. Офицеры с судов приглашались туда поочередно. Симпатіи короля к русской эскадрѣ выразились необычайным радушіем и щедростью. Празднества закончились грандіозной облавою на слонов в лѣсу, расположенном недалеко от Банкока. На протяженіи нѣскольких верст в лѣсу был построен загон из двух деревянных заборов, пересѣкающихся под углом, в вершинѣ котораго были устроены высокія ложи для высочайших особ и свиты. В широкое отверстіе этого загона загонялись дикіе слоны облавою при посредствѣ нѣскольких сот егерей — сіамцев, вооруженных пиками, в этом им помогали многочисленныя своры охотничьих собак и нѣсколько десятков дрессированных слонов — „предателей“.

Загон диких слонов начался исподволь — задолго до прибытія Наслѣдника: слоны накоплялись внутри треугольника как бы в неводѣ, а окончательный загон к вершинѣ его, т. е. к царским ложам состоялся в день высочайшей охоты. По мѣрѣ приближенія слонов к ложам, стаи их сгущались, дикія животныя, чувствуя предательство приходили в ярость, кидались во всѣ стороны, чтобы вырваться из загона, бросались на егерей и собак, и в бѣшенствѣ выривали своими хоботами деревья с корнями. Ручные слоны старались их ублажить и ласкали их, обмахивая зелеными вѣтками. Разъяренные слоны кидались на них своими бивнями, а собак подбрасывали на воздух, точно играя в мяч. К утомленным животным подбѣгали егеря и ловкими взмахами окутывали их ноги ліанами, и запутавшіеся слоны свалились на землю. К вечеру было свалено около 200 слонов, а остальные разбѣжались проламывая заборы. Охота этим окончилась, а пойманные слоны впослѣдствіи приручаются постепенно в ручных, т. е. в рабочій скот, составляющій в Сіамѣ собственность государства, как рабочая сила на мельницах, плантаціях и как транспорт грузов.

Вечером в королевском дворцѣ бы парадный обѣд, на котором присутствовали и офицеры приглашенные на охоту. В числѣ трофеев охоты было два малых слоненка, которых король подарил Наслѣднику и впослѣдствіи они были присланы

к нам на фрегат для дальнѣйшей перевозки их во Владивосток. Эти забавные „поросята“ бѣгали свободно у нас на палубѣ и жалобным завываніем тосковали по своим маткам. Кормили их травою и рисом, но впослѣдствіи по мѣрѣ предвиженія нашего на сѣвер, они не выдержали холоднаго климата и оба погибли от холода. В Банкокѣ нам были еще присланы двѣ черныя пантеры, подаренные Наслѣднику — в прочных желѣзных клѣтках. Эти очень красивые, но весьма свирѣпые звѣри, были нами переданы во Владивостокѣ на пароход добровольнаго флота для отвоза в Россію и были подарены Зоологическому саду в Петербургѣ.

Формальнаго союза Россіи с Сіамом заключено не было, но спустя нѣсколько лѣт в Пажеском Корпусѣ в Петербургѣ воспитывался молодой наслѣдник Сіамскаго престола, сын короля. Он бывал при дворѣ и пользовался гостепріимством молодого царя Николая II го.

САИГОН. (Кохинхина). ГОН-КОНГ.

В мартѣ отряд наш ушел из Сіама и направился в Сайгон, столицу Кохинхины (Южный Китай), принадлежащей французам. Дня через три мы подошли к устью рѣки Mekong. Около устья рѣки остался „Нахимов“ с малыми судами, а „Мономах“ и „Азов“, взявши лоцманов, пошли рѣкою в Сайгон. Идя против необычайно сильнаго теченія по извилистой рѣкѣ, фретат под управленіем лоцмана — француза ловко изворачивался на изгибах, имѣя полный ход. Кругом на далекое разстояніе виднѣлись низменныя зеленыя поля, — рисовыя и маисовыя плантаціи с разсыпанными по горизонту китайскими деревушками. Узкая извилистая рѣка прячется в обильной зелени, и по временам кажется, что идущій впереди „Азов“ катится по зеленому лугу, заросшему высокою густою травою и гаоляном. Здѣсь в жарком воздухѣ, пропитанном влажными испареніями, трудно дышать при отсутствіи малѣйшаго вѣтра. К вечеру оба фрегата подошли к Сайгону и ошвартовились у самаго города. У набережной убранной цвѣтами и флагами находился губернатор и французскія власти. Послѣ нашего салюта Французской націи, Наслѣдник принял французов и скоро вмѣстѣ с ними отправился на берег в губернаторскій дворец, гдѣ он проживал за все время нашей здѣсь стоянки.

Еще не был заключен формальный союз с Франціей, но он уже назрѣвал и отношенія обоих правительств и общества были взаимно весьма сердечны. Пріем Наслѣднику со стороны французских властей и города имѣл характер отмѣнной торжественности. Вся набережная и прилегающія к ней улицы были заполнены народом и в воздухѣ гудѣло: „Vive la Russie!“ — по

всему пути слѣдованія Наслѣдника от набережной до губернаторскаго дворца. Сейчас-же пошли обычные визиты со стоящих здѣсь французских судов на наши фрегаты, посыпались приглашенія в городскіе и военные клубы, на обѣды, вечера, спектакли и проч.

Самый город Сайгон раскинут на низком, слегка отлогом берегу рѣки и мало отличается от всѣх колоніальных французских городов. На набережной — рестораны и кафе, далѣе — магазины с французской мануфактурой. Городское населеніе состоит из французов и китайцев: первые — служебный и военный элемент, прибывающіе сюда на нѣкоторое время, а мѣстные жители — китайцы — торговцы, прислуга и рабочіе кули. Не видно здѣсь той особенной строгой чистоты и обилья зелени, наблюдаемых в англійских колоніях. Не видно здѣсь и той строгой уличной дисциплины, в какой англичане держат туземцев в своих колоніях. В этом отношеніи французскія колоніи сходны с нашим Владивостоком, гдѣ господствующая нація якшается с туземцами на равных правах. Наоборот в англійских колоніях Востока вы не увидите англичанина ни в качествѣ прислуги в отелях, ни кучера на козлах, ни лакея на запятках, — низшія должности только для туземцев.

На слѣдующій день, несмотря на палящій зной, французскія власти устроили за городом парад и маневры своим колоніальным войскам, собранным заблаговременно из различных мѣст Кохинхины для представленія Наслѣднику. Невзрачные туземцы во французских мундирах не имѣли воинственнаго вида и мы, видѣвшіе недавно англійскія войска в Индіи — высоких стройных индусов, не могли особенно восхищаться мизерными кохинхинцами Но собравшаяся на смотру сайгонская публика была в восторгѣ от своих войск и при церемоніальном маршѣ [провожала] их криками: „Vive l'armée"! очень уж им хотѣлось скорѣйшаго союза с Россіей, или вернѣе реванша нѣмцам за 1870-й год. Здѣсь в один из вечеров мнѣ удалось съѣхать на берег. Со мной был наш симпатичный ревизор М. М. С. Мы с ним пообѣдали в довольно посредственном французском ресторанѣ с верандой, на набережную, покейфовали, вытянув ноги на бамбуковык лонг-чэрах и в полночь вернулись на корабль. Здѣсь хотя имѣется нѣсколько кафэшантанов и французская плохая оперетка, но по вечерам так раскисаешь в удушливой жарѣ, господствующей в Сайгонѣ, что о театрѣ не хочется и думать.

Через недѣлю оба фрегата вышли тѣм-же путем в море и, встрѣтившись в устьѣ Mekong с остальными судами эскадры, отправились в Гон-Конг. Имѣли слабые попутные вѣтра и при ясной жаркой погодѣ на 4-й день вошли на рейд.

Англичане собрали большую часть судов своего Тихоокеанскаго флота и потому пріем нашей эскадры был обставлен внушительной помпой. Громыхали привѣтственные салюты и

Путешествіе Императора Николая II-го по Востоку в бытность Наслѣдником.

(В центрѣ) Е. И. В. Наслѣдник Цесаревич, Е. К. В. принц Греческій, (сидят) М. Опу, кн. Барятинскій, Волков, (сидят на землѣ) Гриценко, Мунши Азизуддин, (стоят) полк. Джерард, Гардинг, Д-р. Рамбах, поручик Ньюнхем, Мэкензи Уоллес, кн. Кочубей, кн. Оболенскій, кн. Ухтомскій, капитан Гровер (Индія 1890 год.).

К стр. 98.

Вид Порт-Артура и Перепелиной горы.

отвѣты на них с посылкой людей по реям, визиты продолжались до вечера, послѣ чего наслѣдник уѣхал на берег, а мы на фрегатѣ устанавливались на два якоря „фертоинг“ — чтобы при обиліи судов на рейдѣ свободно вращаться на мѣстѣ при мѣняющихся приливных теченіях. Возвышающаяся над рейдом густо-зеленая гора „Victoria-pick“ с бѣлѣющимися живописными котеджами, напоминала мнѣ мое плаваніе на „Наѣзникѣ“ и я с удовольствіем полюбовался этой исполинской горой, подымающейся к небу крутыми зелеными скатами, у подножія которых, на берегу моря, расположен красивый Гон-Конг.

Гон-Конг, как военный порт и главная база англійскаго флота на Дальнем Востокѣ, не имѣет значенія торговаго экспорта китайских произведеній, но в нем в изобиліи имѣются товары Востока, на которые так падки европейскіе туристы; здѣсь по дешевой цѣнѣ можно пріобрѣтать манильскія сигары, китайскіе и японскіе шелка, издѣлія из слоновой кости и чернаго дерева, фарфоровыя и бронзовыя вазы, сервизы, японскій лак и всѣ вообще художественныя произведенія японскаго и китайскаго искусства. Путешествующіе на дальній Восток европейцы находят здѣсь все в изобиліи и могут, не заходя в китайскіе и японскіе порта, пріобрѣсти все, что им угодно. Наши офицеры, побывавшіе уже на Востокѣ, воздерживаются от покупок в Китаѣ и Японіи, приберегая деньги для Гон-Конга, гдѣ накупают сразу все для подарков в Россію.

Наслѣдник из Гон-Конга отправился со свитою на зафрахтованном пароходѣ в Кантон[1]), гдѣ он провел нѣсколько дней для ознакомленія с жизнью и характером Китая в самом его центрѣ. Это входило в программу его образовательнаго путешествія.

В концѣ марта отряд наш ушел из Гон-Конга в Японію. На этом пути зашел на рейд „Sedles islands“, гдѣ мы большія суда, за невозможностью войти в Шанхай (как глубоко сидящія) остались на якорѣ ждать, пока Наслѣдник вернется из Шанхая, куда он отправился на Добровольцѣ „Петербург“. Дня через три он вернулся, и мы всѣм отрядом отправились в Нагасаки. Пробывши около полугода в жарких странах на этом пути, мы почувствовали здѣсь рѣзкій холод и переодѣлись в сукно, хотя термометр в тѣни показывал 16·17° по Реомюру.

НАГАСАКИ.

В вербное воскресенье 1891 г. утром отряд наш вошел на знакомый нам всѣм Нагасакскій рейд. На рейдѣ стоит еще утреній туман, но яркое весеннее солнце уже поднялось над вершинами гор. Воздух пропитан пряным, спеціально-японским за-

[1]) Главный торговый центр Южнаго Китая,

пахом, напоминающій Иносу и прически мусумэ'шек. Японская весна — лучшее здѣсь время года — в полном разгарѣ: по склонам окружающих бухту гор зеленѣют сосны, бамбук и цѣлыя рощи миндальных деревьев, усѣянных сплошь розовыми цвѣтами. Отряд еще на ходу, но по зеркальной поверхности бухты уже скользят к нему от берегов легкія японскія фунэ с почтой, с поставщиками, с фруктами, с сигарами, с рекламами от магазинов и проч. На шлюпках уже виднѣются знакомыя нам лица: Бенгоро-сана, Іозаки-сана, Іемото, Цанитара, с товарами и издѣліями японскаго искусства. Отсалютовали націи, и к „Азову" потянулись катера с русским посольством, генеральным консулом, японскими властями и вельботы — с офицерами стоящих на рейдѣ иностранных судов, чтобы привѣтствовать с приходом.

Японскій флот в то время еще и не мечтал о морском могуществѣ и состоял из старых рангоутных судов и нѣскольких канонерок, вооруженных гладкостѣнными пушками. Командиры были, за небольшим исключеніем, американскіе и англійскіе офицеры. Армія японская еще только создавалась по германскому образцу с инструкторами нѣмцами. Кавалерія почти не существовала за неимѣніем в Японіи собственных лошадей. Лошади были только священныя[1]) по одной при каждом храмѣ. Онѣ стояли в рѣшетчатых будках под навѣсом маленькой крыши и были доступны богомольцам, приносившим им рис и воду. Японцы-буддисты, вѣрующіе в безсмертіе души и с благоговѣніем относящіеся к памяти предков — весьма равнодушны к внѣшним церковным обрядам и потому храмы их всегда пустуют, а бѣдныя лошадки давно окалѣли бы с голоду, если бы бонзы и служители храмов сами об них не заботились.

До пасхи оставалась только одна недѣля. Я выкрасил фрегат от клотика до киля. Рангоут был тщательно выправлен, снасти вытянуты в струнку, и наши офицеры, возвращаясь с берега, с радостью сообщали мнѣ, что нашим рангоутом всѣ издали любуются, и сами они гордились фрегатом, который еще полгода назад, плавая в Средиземном морѣ, считался „замухрыгой". Командир теперь бывал постоянно в хорошем расположеніи духа, бластящій вид фрегата его радовал, и конфликтов с офицерами у него не было. Ко мнѣ он относился с искренним дружелюбіем.

Наслѣдник на Страстной Недѣлѣ говѣл и пока по Японіи не путешествовал.

Но ежедневно он съѣзжал на берег с молодыми офицерами, дѣлал покупки и раза два посѣтил Иносу, гдѣ ему представлялись наши старыя знакомыя матроны Ойе сан и Оматсу-сан: обѣ онѣ удостоились получить по золотой брошкѣ с сапфирами (надо полагать, „за долголѣтнюю вѣрную службу мичманами"). Оматсу-

[1]) Исключительно бѣлой масти.

сан теперь уже вела скромную жизнь хозяйки ресторана, прокармливая иносинских офицерских жен, а Ойе-сан, сохранившаяся еще хорошо, — под брошкою Наслѣдника не прочь была вспомнить свою былую славу, и наши Мономаховскіе новички мичмана стали за ней усиленно ухаживать и один из них с несомнѣнным успѣхом.

Результатом этого романа, как воображал мичман К-в, — был рыженькій мальчик, родившійся у Ойе-сан ровно через 9 мѣсяцев, когда мы с фрегатом в слѣдующем году зашли опять в Нагасаки. Роды происходили во время нашей стоянки и наш младшій доктор — симпатичный Сергѣй Егорович С-в был пріемным отцом этого мальчика. Роды были трудные, и наша кают-кампанія или вѣрнѣе, товарищи мичмана К-ва — искренно ему соболѣзновали и возили ежечасныя донесенія с берега о всѣх эволюціях этого тяжелаго процесса. В концѣ вторых суток поздно ночью мичмана еще не ложились спать и с трепетом ожидали результата событій. Больше всѣх волновался предполагаемый отец — (типичный южанин-смуглый брюнет) — мичман К-в, бѣгавшій по кают-кампаніи из угла в угол. — Его успокаивали товарищи, предлагая ему по временам коньяк для укрѣпленія нервов. Наконец около 2 х часов ночи вернулся с берага доктор С-в; весь красный, в испаринѣ и с сильным запахом карболки и поздравил К-ва с новорожденным сыном. — Вмиг появилось шампанское, захлопали пробки, послѣ поздравленія всѣ наконец успокоились и разошлись по каютам спать. Шум хлопающих пробок разбудил и меня: узнавши в чем дѣло я, невставая с койки, поздравил через жалюзи своей каюты молодого отца.

Но этот эпизод вскорѣ пріобрѣл довольно забавный характер. Оправившись от болѣзни шаловливая „старушка“ (ей уже около 35-ти лѣт) — Ойе-сан, разглядывая своего рыженькаго курносаго мальчика, признала в нем несомнѣннаго сына рыжаго лейтенанта, с которым она жила в то время, когда мичман К-в завел с ней случайный роман, и в своем простодушіи призналась в этом нашим мичманам. Они не замедлили разгласить об этом в кают-кампаніи и от сконфуженнаго К-ва потребовали теперь вина — как реванш за напрасно выпитое ночью шампанское, и на этот раз веселая молодежь праздновала разжалованіе К-ва из „отцов“ в „кукушки“.

Пасха на судах отряда была встрѣчена с подобающим торжеством заутреней. В кают-кампаніи был богато-убранный стол с куличами, окороками и всевозможными тортами — („таберо“), исполненными японскими кондитерами с отмѣнным искусством. Для команды были заказаны пасхи, куличи и проч. Командиры судов были приглашены Наслѣдником разговляться на „Азов“, а я, оставаясь за командира, ночью послѣ заутрени христосовался с командой.

Наслѣдник, пріѣхавшій к нам на фрегат христосоваться, поздравил меня с производством в капитаны II-го ранга („за отличіе“); об этом была получена телеграмма из Петербурга от Морского Министерства. Меня это очень обрадовало и подбодрило. Для производства „по линіи“ моя очередь подошла-бы только через два года, т. к. в то время лейтенанты сидѣли по 12 лѣт в чинѣ. Для нашего командира это было тоже сюрпризом; очевидно представленіе шло или от адмирала Бассаргина (от имени Наслѣдника), или что еще вѣроятнѣе — со стороны Начальника Гл. Морск. Штаба адмирала П. П. Тыртова, которому командир „Азова“ Н. Н. Ломен сообщал в письмах о всѣх условіях нашей службы на „Мономахѣ“.

В воскресеніе наши суда и стоявшіе на рейдѣ иностранцы разцвѣтились флагами, а с японских судов пускали „дневной фейерверк“, состоящій в том, что каждая ракета в концѣ своего полета выбрасывала в воздухѣ различныя фигуры из тонкой бумаги: русскій флаг, модель корабля, матрос, двуглавый орел и проч.; эти фигуры, раскрывшись парашутами, медленно плыли в воздухѣ и уносились вѣтром в море.

Из Токіо прибыл министр двора и привез от Микадо ордена для Наслѣдника и офицеров нашего отряда. Я получил орден Восходящаго Солнца 3-й степени[1]).

В концѣ пасхальной недѣли наш отряд вышел, с цѣлью обойти главнѣйшіе порта Японіи и закончить Іокогамой, гдѣ Микадо ожидал Наслѣдника. Со времени послѣдняго политическаго переворота в 1871 г. т. е. образованія цѣльной Японской Имперіи, Сацумскій князь — единственный из бывших удѣльных князей и до сего времени сохранил свою автономію. В Кагосиму отряд пришел в тот же день около 4 х часов дня. Это просторная совершенно закрытая бухта, на западном берегу ея — на высоком обрывистом утесѣ расположен древній город — столица Сацумскаго Княжества. Черныя густыя облака, висѣвшія над городом скрывали его от глаз, лишь изрѣдка показывались нѣкоторые крупнѣйшіе из храмов или остроконечныя башни характернаго стиля с 7-ю — 8-ю крышами, расположенными одна над другой. Кагосима — есть как-бы центр или узел вѣчно бурлящих подземных сил японскаго архипелага. Здѣсь землетрясенія — обычныя явленія; очертанія берегов, морское дно и окрестныя горы с частыми вулканами постоянно мѣняют свои контуры. За два дня нашей стоянки мы неба не видѣли; над головою висѣли черныя тучи, воздух пропитан удушливыми газами — на ближайших вулканов и по небу безпрерывно сверкает молнія или зерница.

---

[1]) Спустя нѣсколько времени послѣ покушенія в Кіото на Наслѣдника Микадо засыпал нас орденами и я тогда получил еще орден „Священнаго сокровища“ — офицерской степени.

Княжество славится издревле своими издѣліями из Сацумскаго фарфора, на золотом фонѣ художественная живопись тушью и красками, различныя сцены из рыцарской эпохи Японской исторіи. Этот фарфор очень дорого цѣнится и в настоящее время стараго сацума в продажѣ нигдѣ уже нѣт. Он сохранился лишь в княжеских сокровищницах и дворцах: маленькія вазочки и чашки, которыя продаются под именем сацума— есть художественной работы поддѣлка. Европейцы успѣли давно вывезти все, что было в продажѣ из стараго сацума.

Наслѣдник провел день у князя. Князь ему отвѣтил визитом на „Азов" и подарил ему нѣсколько цѣнных ваз. В концѣ второго дняотряд наш направился Симоносакским проливом в Японское Средиземное море и 25 апрѣля стал на якорь в Кобэ на рейдѣ, выстроившись вдоль городской набережной, всѣ 7 судов: „Азов", „Мономах", „Нахимов", „Джигит", двѣ сибирскія канонерки „Манджур" и „Соболь" и доброволец „Петербург". На рейдѣ стояли два Японскія учебныя судна: корвет и канонерка.

В Кобэ отряд зашел с тѣм, чтобы отсюда Наслѣдник мог проѣхать внутрь страны и ознакомиться с самым центром японской промышленности, сосредоточенной в Осакѣ и древней столицѣ Кіото, лежащей в 2 х часах ѣзды отсюда по желѣзной дорогѣ.

26-го Апрѣля Наслѣдника и принц Греческій Георг отправились со свитой в Кіото, в сопровожденій посланника Шевич и японских властей присланных от Микадо в качествѣ гидов.

Для избѣжанія помпы и офиціальных встрѣч путешественники были в штатских платьях; в Кіото остановились в гостиницѣ с японской обстановкой и вели жизнь частных туристов, объѣзжая ежедневно на джинрикшах город и его окрестности для осмотра дворцов, храмов, фарфоровых и шелковых фабрик и. т. п.

ПОКУШЕНІЕ НА НАСЛѢДНИКА.

29-го апрѣля в 5 час. вечера была получена срочная телеграмма из Кіото от кн. Барятинского о покушеніи на Наслѣдника при проѣздѣ его со свитой в сосѣдній городок Отсу. Стоявшій на улицѣ на посту полицейскій офицер (состоявщій в политической партіи [1]) самураев націоналистов) ударил его два раза саблей по головѣ, причем разсѣк котелок и нанес двѣ рѣжущія раны на лѣвой сторонѣ темени с обильным кровотеченіем. В этот момент джинрикша и весь кортеж ѣду

[1]) Партія самураев- націоналистов „придерживается лозунга -- японія для японцев". Они враждебно относятся к европейцам вообще; (нѣчто в родѣ нашего „союза русскаго народа").

щій за ним гуськом — остановился; принц Георг, ѣхавшій вторым выскочил из колясочки и на отмашь ударил офицера по головѣ толстой бамбуковой тростью [1]) и свалил его с ног, а японец рикша везшій Наслѣдника схватил саблю упавшаго преступника и стал пилить ею по шеѣ. Преступник был сейчас же связан и арестован, а Наслѣдник, присѣв на порогѣ дверей находящейся рядом лавки, носовым платком удерживал кровотеченіе. Доктора Попов и Рамбах на коро промыли рану водой, принесенной японкой—хозяйкой лавки. Остановив кровотеченіе доктора потребовали немедленно возвращанія раненаго в гостиницу; в тот-же вечер была произведена операція с наложеніем швов на оба разрѣза. К вечеру температура поднялась до 38° Ц. Но Цесаравич все время был совершенно спокоен и уговаривал свиту остаться в Кіото и продолжать начатыя экскурсіи в окрестностях древней столицы. Но доктора требовали возвращенія на корабль как только температура упадет до нормальной.

Полученная телеграмма произвела на отрядѣ тревогу и в тот же день с „Мономаха“ и других судов было отправлено в Кіото по нѣсколько офицеров [2]) вооруженных револьверами в качествѣ охраны к Наслѣднику, так как на отрядѣ предполагалось, что нападеніе было не единичным, а результатом цѣлаго заговора. Свита Наслѣдника нервничала и волновалась, но по пріѣздѣ в гостиницу наших офицеров, всѣ вскорѣ успокоились. Наслѣдник поблагодарил офицеров и просил их возвратиться послѣ ужина в гостиницѣ на отряд, так как он не вѣрит в заговор, а в своем довѣрчивом простодушіи считал это покушеніе единоличным, или даже припадком умопомѣшательства больного японскаго фанатика. Дня через два температура у Наслѣдника понизилась до нормальной и он возвратился со свитой на „Азов“. От Государя была уже получена срочная телеграмма „отставить дальнѣйшее путешествіе по Японіи и немедленно идти во Владивосток“.

Одновременно Микадо телеграфировал Наслѣднику, что он немедленно сам прибудет в Кобэ, чтобы извиниться перед ним за дерзкое преступленіе его сумасшедшаго подданнаго и просить продолжать путешествіе с ним вмѣстѣ до Іокогамы и Токіо, гдѣ его ожидают уже давно. Дѣйствительно на слѣдующій день в Кобэ прибыл Микадо на военном кораблѣ и его сопровождал новый быстроходный крейсер „Яйеяма“. Прибытіе императора было встрѣчено по морск. уставу церемоніально, с многочисленными салютами и расхожденіем по реям, с криками „ура“, и проч. и проч... Потом Микадо поѣхал на катерѣ с визитом на

[1]) Эту историческую трость в слѣдующем 1892 г. Император Александр III-й выписал из Афин в Петербург, отдал ее ювелиру обдѣлать драгоцѣнными камнями и дату 29 Апрѣля 1891 г. и отправил принцу Георгу в Афины со своим генерал-адъютантом.

[2]) Набралось до 25 человѣк.

„Азов", ему при отваливаніи с „Азова" — салют. Затѣм Наслѣдник поѣхал с отвѣтным визитом на японскій корабль и при отваливаніи ему опять салют с японца. В этот день было шесть салютов, каждый по 21 выстрѣлов. Микадо со своими кораблями оставался до слѣдующаго дня, ожидая отвѣтной телеграммы от Александра III го на его повторную просьбу разрѣшить Наслѣднику продолжать путешествіе в Іокогаму. Но полученный отвѣт был тверд и настаивал вторично на немедленном уходѣ всей эскадры из Японіи во Владивосток.

8-го мая наша эскадра под флагом Наслѣдника и японскій отряд под штандартом императора одновременно снялись с якоря и, отсалютовав взаимно друг-другу, покидали рейд Кобэ и направились в разныя стороны: мы на запад во Владивосток, а Микадо на Восток в Іокогаму.

11-го мая 1891 г. отряд наш под флагом Наслѣдника в пасмурный, холодный, туманный день входил на Владивостокскій рейд. С крѣпости и судов Сибирской флотиліи гремѣл салют, а на пристани были собраны высшія военныя и морскія власти Дальняго Востока, выстроены шпалерами гимназіи и городскія школы, а берега и Свѣтланская улица пестрѣли городскими жителями. Вновь построенная на берегу каменная тріумфальная арка „Николаевскіе ворота", пристани и городскія улицы были убраны флагами и зеленью. Суда нашего отряда выстроились вдоль берега в одну линію. Приняв рапорты властей на „Азов", Наслѣдник съѣхал на берег вмѣстѣ со свитою и обошел фронт выстроенных войск. „Ура" гремѣло в воздухѣ, институтки бросали цвѣты, а одна мѣщанка в порывѣ энтузіазма скинула с себя шелковую косынку и бросила Наслѣднику под ноги, очевидно с цѣлью получить на ней отпечаток его ноги, но он акуратно перешагнул через и, не задѣв ее, пошел по фронту войск и школ. Приняв „хлѣб соль" и депутатскія привѣтствія, Наслѣдник поѣхал в собор, в крѣпость и порт.

Установив фрегат на два якоря „фертоинг", я с мостика в бинокль обозрѣвал город, котораго не видѣл 10 лѣт. Город значительно вырос и измѣнился: появились каменные дома, новый дом с парком главнаго Командира, дом военнаго губернатора, морской клуб, нѣсколько новых пристаней, коммерческій порт с краном, вокзал желѣзной дороги, а вокруг бухты на горах появились крѣпостные форты и шоссейная дорога между фортами. Но пресловутая Свѣтланская улица была вымощена лишь в центрѣ — у собора, а в остальном своем протяженіи шла по балкам и ухабам, как 10 лѣт назад.

На западном берегу бухты был уже построен небольшой вокзал — конечный пункт строющагося тогда „Великаго Сибирскаго пути", и от вокзала была проложена наскоро жел. дорожная вѣтка в 2 версты длиною — в направленіи на Хабаровск. Здѣсь на слѣдующій день возлѣ вокзала Наслѣдник произвел закладку будущей Сибирской дороги, положив первый камень

и серебряную закладную доску. Затѣм на небольшом поѣздѣ строители дороги провезли его до конца вѣтки. Тогда же была произведена и закладка перваго сухого дока, названнаго „Николаевскій".

Дней пять ушло на всѣ эти торжества и наконец был назначен день отъѣзда Наслѣдника черезь Сибирь в Петербург; первую часть пути он должен был ѣхать до Хабаровска на лошадях, затѣм по Амуру на параходѣ до Срѣтенска, и далѣе опять на лошадях до Челябинска, гдѣ уже строилась западная часть Сибирскаго Пути.

Наканунѣ отъѣзда Наслѣдник принял от офицеров эскадры прощальный обѣд, и изъявил желаніе, чтобы обѣд состоялся на „Мономахѣ", т. к. ему хотѣлось побывать в нашей каюткампаніи и на прощаніе занести свое имя в Мономаховской почетной „трубѣ" т. е. в свѣтовом стеклянном люкѣ.

В эту трубу поднимались рѣдкіе почетные гости (вмѣсто качаній на „ура") при званных обѣдах и торжественных чествованіях.

Чтобы размѣстить 170 офицеров эскадры, пришлось всю верхнюю палубу фрегата превратить в грандіозную столовую. Наши офицеры энергично принялись за дѣло; поставлен был тент, внутренность затянули флагами; с берега привезли кадки с пальмами и цвѣтами; устроили фонтан, и вся палуба под тентом превратилась в роскошный столовый зал. В полдень съѣхались всѣ командиры судов и офицеры, затѣм прибыл Наслѣдник со свитой и адмиралами Назимовым и Бассаргиным. В виду того, что у Наслѣдника на головѣ была еще повязка и рана не освобождена от швов, то доктора просили вина ему не наливать и не упоминать в тостах о покушеніи, чтобы этим не вызвать у него волненій и прилива крови к головѣ. Но тѣм не менѣе в концѣ обѣда Ф. В. Дубасов произнес глубоко-прочувствованную рѣчь, в которой он выразил Цесаревичу благодарность от имени всѣх чинов эскадры за его сердечныя заботы и милостивое вниманіе ко всѣм чинам. Наслѣдник был тронут словами Дубасова и в нѣсколькик словах выразил чувства искренней признательности всѣм соплавателям на его эскадрѣ. Всѣ тосты сопровождались соотвѣтственными гимнами или маршами нашего судового оркестра.

Послѣ обѣда всѣ спустились в кают-кампанію и здѣсь при тостѣ за Наслѣдника — офицеры подхватили его на руки и с криками „ура"! подняли его в „трубу". В ней на стѣнкѣ он начертил: „Николай. Прощай дорогой Мономах 17/V 1891 г.". Когда его спустили вниз то на лицѣ его играла радостная улыбка, что наконец то и он побывал в „трубѣ". Потом на верхней палубѣ был снята группа всѣх офицеров с Наслѣдником в центрѣ.

Простившись с нами и поблагодарив нас за обѣд он переѣхал на „Азов" на нашем катерѣ, офицеры были гребцами на

веслах, а я на рулѣ. Наша команда с марсов проважала его криками „ура"! Вечером с „Азова" были присланы подарки: Командиру и мнѣ — чеканнаго золота чарки в древне-русском стилѣ, усыпанныя драгоцѣнными камнями. Офицеры получили перстни, часы и запонки; боцмана — часы, а команда — деньги.

18 го мая послѣ напутственнаго молебна, в соборѣ, Цесаревич со свитой уѣхал на тройках в Хабаровск. Тройку наслѣдника (убранную цвѣтами) вызвались конвоировать верхами до первой станціи „Никольское" — кавалькада десятка два офицеров и с ними двѣ барышни Старцевы — лихія спортсменки, дочери извѣстнаго піонера и колонизатора Дальняго Востока — Старцева. Дальше до Хабаровска их сопровождал конвой из забайкальских козаков.

На отрядѣ сразу все стихло, он как-бы осиротѣл. Командиром „Азова" назначен был Бауэр, (Ломен уѣхал в Россію через Америку). Нашим отрядм командовал П. Н. Назимов, собиравшійся вернуться скоро в Россію и ожидавшій на смѣну адм. П. П. Тыртова. У нас на „Мономахѣ" Командир скучал и нервничал — ожидая приказа о сдачѣ фрегата новому командиру.

Мой фр егат почувствовал наконец усталость и потребовал капитальнаго ремонта всѣх своих частей. Обязанный каждый момент быть готовым слѣдовать в килеватер за „Азовым" и принимать участіе в торжественных встрѣчах и пріемах, ему за весь послѣдній год некогда было и думать об отдыхѣ и каком либо ремонтѣ.

Теперь обнаружилось, что всѣ его механизмы требуют капитальной переборки, котлы — чистки, рангоут пришлось весь снять и нѣкоторыя его части замѣнить новыми. Наружная мѣдная общивка обросла ракушками и требовала обмѣна многих листов, оборванных еще в Суэцком каналѣ.

Для послѣдней работы фрегат требовалось ввести в док, поэтому онѣ были отложены до осени, т. е. до ухода в Японію, гдѣ большой док в Іокосукѣ мог вмѣстить наш фрегат. Всѣ остальныя работы было рѣшено произвести теперь во Владивостокском портѣ, на это мнѣ дано было около 3-х мѣсяцев сроку, и окончить к I-му августу.

Фрегат я перевел ближе к порту и приступил к его ремонту при посредствѣ судовой команды, а порт давал нам только средства своих мастерских и матеріалы.

За день до перехода в порт Адм. Назимов получил телеграмму о замѣнѣ Дубасова новым командиром.

По объявленіи приказа Дубасов сдал фрегат к-ну 1 ранга С. и рѣшил съѣхать с фрегата поздо вечером около 10 ч. ни с кѣм не прощаясь, когда команда уже спала, а большинство офицеров было на берегу. Он простился только со мною и на своем вельботѣ переѣхал на японскій пароход, с которым должен был отправиться в Іокогаму, а оттуда через Америку в

Европу и вернуься в Россію. Таким образом была избѣгнута возможная демонстрація и мы очутились перед лицом новаго командира, который на утро прибыл на фрегат и был принят сразу в кают-кампанію и приглашен к обѣду (это было воскресеніе). И так, наша кают-кампанія (послѣ двухлѣтняго плаванія) стала опять видѣть у себя за воскресным обѣдом своего командира.

К н I-го ранга С. — спокойный и молчаливый флегматик — имѣл характер типичного финляндца, ничему не мѣшая и ни к кому не придираясь, предоставлял фрегатской службѣ идти своим порядком. Мнѣ он предоставил полную самостоятельность в производствѣ начатаго ремонта. Сам он неизмѣнно ночевал на берегу, на фрегат являлся (к 8-ми час. утра) — к подъему флага и послѣ завтрака уѣзжал домой до слѣдующаго утра. По воскресеніям я от имени кают-компаніи приглашал каждый р аз и жену его Марію Ивановну.

При таком порядкѣ командир вечером никогда не бывал на фрегатѣ и я за первые два мѣсяца (іюнь и іюль) не имѣл возможности съѣхать на берег даже в баню. В концѣ іюля у командира на берегу был назначен вечер, и от имени жены он пригласил нашу кают-компанію и меня особо. Но так как он сам съѣхал к себѣ на берег, то я не мог нарушить Морск. Устав и на вечер к ним не явился. На утро, пріѣхав на фрегат, командир сообщил мнѣ, что жена его очень сожалѣла о моем отсутствіи. На это я очень корректно дал понять ему, что оставить фрегат в отсутствіи на нем командира я не имѣл права.

В началѣ августа он однажды предложил мнѣ съѣхать на берег. Я воспользовался, пообѣдал в клубѣ и сдѣлал прогулку в окрестностях Владивостока. Но когда я вечером вернулся на фрегат, то командир только этого и ожидал, и тотчас же уѣхал ночевать на берег.

Сам С. был симпатичен, но вмѣстѣ с ним на фрегат появился новый ревизор, списавшійся с „Азова“ — лейтенант М., служившій с С. ранѣе на одной из сибирских канонерок. Этот офицер, антипатичный и злой на язык, внес в кают кампанію атмосферу скуки и раздора. В нашей кают-компаніи было нѣсколько талантливых офицеров: музыкант-мичман Михайлов, живописец лейт. Дядин, математик — Пашенный, лингвист и остроумный разсказчик И. А. Нелидов, и наконец милый весельчак и атлет М. М. Скаловскій бывшій ревизор.

Общее настроеніе Мономаховской кают-кампаніи — до сего времени отличавшееся веселым остроуміем и дружественной благовоспитанностью, замѣнилось теперь сдержанной молчаливостью, в которой преобладали хамскіе возгласы и прибаутки одного человѣка. Почти всегда бывает так, что благовоспитанное общество невольно уступает грубому нахальству и хамскому невѣжеству нѣскольких дикарей-босяков, не стѣсняю-

щихся взять в свои руки главенство над совѣстливым обществом.[1])

Я поднял обновленный рангоут; вытянул такелаж и привязал паруса; судовые механизмы, артиллерія и минное вооруженіе было также приведено в порядок и фрегат послѣ капитальной окраски принял вид красиваго морского щеголя.

С половины августа я начал правильныя ежедневныя ученья, чтобы освоить команду с корабельным росписаніем, которое пришлось составить вновь, так как в это время мы получили около 150 человѣк новобранцев, взамѣн ушедших в запас. К I-му сентябрю правильность и быстрота всѣх судовых маневров достигла той лихости и виртуозности, каковыя в ту эпоху требовались от судов дальняго плаванія.

В сентябрѣ адмирал Назимов отправил нас в двухнедѣльное практическое парусное крейсерство в водах Японскаго моря.

Первые два дня мы производили артиллерійскія и минныя стрѣльбы, а затѣм прекратили пары. При своем громадном водоизмѣщеніи фрегат не мог ходить под парусами, болѣе 8-ми узлов, но повороты оверштаг и через фордевинд нам удавалось дѣлать довольно удачно. В это осеннее время бывали и свѣжіе вѣтра, баллов до 9: налетали и шквалы; приходилось брать рыфы. Это непродолжительное крейсерство было полезно для молодых матросов, и пріучило их нѣсколько к корабельному порядку. Сдѣлавши нѣсколько рейсов в заливѣ Петра Великаго от берегов Кореи до Японскаго берега фрегат вернулся во Владивосток, гдѣ мы простояли октябрь, занимаясь исподволь судовыми ученіями. За это время я съѣзжал нѣсколько раз на берег и к вечеру возвращался на фрегат, гдѣ уже с нетерпѣніем ждал меня командир и стремительно улетал на берег ночевать к женѣ. Нам — балтійским морякам, считавшим каюткампанію своим домом и привыкшим к холостой скитальческой жизни за дальнія плаванія, было странно видѣть стараго моряка, который за полгода стоянки во Владивостокѣ, не мог хоть одной ночи проспать без жены, в капитанской каютѣ, обставленной с полным комфортом и всѣми удобствами. В нашей кают-кампаніи на эту тему нерѣдко острили и подымали вопрос: как же будет потом, когда мы уйдем в Японію и далѣе — в Россію? Неужели жена командира не отпустит его, и будет сопровождать нас во весь предстоящій еще год дальнѣйшаго нашего плаванія? И увы! опасенія наши сбылись. Мы — в Японію — и Марія Ивановна за нами. Там мы проболтались всю зиму (до апрѣля 1892 года) и она прожила в Нагасаки полгода, и командир неизмѣнно ночевал на берегу. Затѣм, когда на обрат-

[1]) В справедливости этого явленія мы достаточно убѣдились во время террора (1918-1919 года) большевиков-коммунистов, которые диким нахальством и хамской жестокостью взяли верх над интеллигенціей и растоптали народную честь и совѣсть 100 милліоннаго русскаго населенія.

ном пути мы в апрѣлѣ ушли в Гон-Конг и Марія Ивановна туда же отправилась на Японском пароходѣ; потом мы в Сингапур и она в Сингапур и так далее вплоть до Порт-Саида, гдѣ уже поневолѣ пришлось разстаться потому что оттуда пароход пошел на восток в Одессу, а мы должны были идти на запад, чтобы через Гибралтар вернуться в Кронштадт.

Наши офицеры натерпѣвшіеся много горя от присутствія на кораблѣ в первый год плаванія — жены І-го командира, теперь уже с большой тревогой ожидали повторенія непріятных эпизодов, и хотя симпатизировали О. С, но в душѣ многіе сожалѣли об уходѣ Д-ва, который теперь уже несомнѣнно был-бы одиноким, а новый командир был всегда нераздѣлен с супругой. Утѣшались только тѣм, что сама Марія Ивановна была проста и привѣтлива; но боялись не каждаго супруга в отдѣльности, а комбинаціи из обоих вмѣстѣ; тяжким опытом было неоднократно дознано, что каждый в отдѣльности мог быть очень мил, но „винегрет“ из капитана и капитанши, при условіях корабельной службы, был часто невыносим для офицерства.

В октябрѣ стало холодно и скучно. Рейд опустѣл, сибирскія суда окончили кампанію; адмирал Назимов с крейсером „Нахимовым“ ушел в Японію, гдѣ он должен был сдать эскадру адмиралу Тыртову, прибывшему туда через Америку, а сам собирался уѣхать в Россію так-же па пасажирском пароходѣ, а „Нахимова“ отослать в Кронштадт.

На рейдѣ появился тонкій лед, и верхніе склоны окрестных гор покрылись снѣгом. На берег уже никто не ѣздил, исключая командира, и всѣ с нетерпѣніем ожидали ухода в Японію.

Получив приказ и 2-го ноября фрегат при неожиданно прояснившейся солнечной погодѣ, попрощавшись салютом с крѣпостью, ушел в Іокогаму, гдѣ он должен был войти в док порта Іокосука для ремонта подводной обшивки. В тот-же день Марія Ивановна с 8 ми лѣтней дочкой Олей переѣхала на „Азов“ и уѣхала на нем в Нагасаки, гдѣ она должна была поселиться на всю предстоящую зиму, так как наш фрегат должен был по окончаніи доковых работ перейти на зимовку тоже в Нагасаки.

Обойдя остров Аскольд мы легли на восток и пошли Сангарским проливом, затѣм в океанѣ мы имѣли довольно свѣженькій вѣтерок, прикинули паруса и побѣжали в Іокогаму. Здѣсь в Курасивѣ, даже при неправильной волнѣ, фрегат покачивало очень плавно и мы еще раз убѣдились в его прекрасных морских качествах. С таким кораблем можно сродниться и полюбить его как нѣчто живое, как кавказскій горец сживается со своим конем. Теперь в особенности фрегат чистенькій и обновленный от киля до клотика стал родным для меня и всѣх тѣх старых офицеров, которые плавали на нем еще в Средиземном морѣ.

Бѣлый снѣжный конус красавицы „Фузіямы", освѣщенный восходящим солнцем высоко горѣл на зимнем темноголубом небѣ, когда мы поворачивали из океана, входя в Іокогамскій залив. Пересѣкая его мы пошли прямо в Іокоску — Японскій военный порт, лежащій в ущельях высокаго берега в разстояніи 15-20 миль от Іокогамы. Вошли в док и принялись за ремонт подводной части. Адмирал П. П. Тыртов был уже в Іокогамѣ со своим флаг-офицером-лейт. Дюшеном[1]) и временно проживал в гостинницѣ. Спустя нѣсколько дней адмирал посѣтил наш фрегат в докѣ. Он привез мнѣ письмо от жены. Тыртов видѣл мою жену перед отъѣздом из Петербурга и передал мнѣ, что она совершенно здорова. Он обѣщал мнѣ, что „Мономах" через год, т. е. к осени 1892 года вернется в Кронштадт. Тогда же он сообщил мнѣ, что высшее Морское Начальство оцѣнило мои труды по приведенію фрегата в должный боевой вид, а прекращеніе конфликтов кают-кампаніи с бывшим командиром приписало моему такту. Это и было причиной моего производства „за отличіе" в капитаны 2-го ранга. Письмо жены и благопріятныя извѣстія из дому меня очень обрадовали и успокоили. Теперь я мог уже спокойно и терпѣливѣе ждать возвращенія домой.

За три недѣли нашей стоянки в докѣ, мнѣ удалось побывать нѣсколько раз в Іокогамѣ (теперь в отсутствіи жены сам командир постоянно сидѣл на фрегатѣ) и я сдѣлал там много покупок-подарков для привоза в Россію.

Іокоско соединен жел.-дорожной вѣткой с Іокогамой; это разстояніе поѣзд проходит около 40 минут. На срединѣ этого пути имѣется буддійскій храм и возлѣ него стоит извѣстный бронзовый „Дайбудс"; это исполинская фигура Будды с полузакрытыми глазами в „состояніи рамолисмента", как его обычно изображают. Внутри пустотѣлой литой фигуры находится молельня и помѣщеніе для бронзы. В одну из проѣздок в Іокогаму, я с офицерами остановился там и осмотрѣл этого идола.

В первых числах декабря фрегат вышел из дока и, послѣ пробы машины, мы покинули Іокоску и пошли океаном в Нагасаки, там уже с мѣсяц жила Марія Ивановна и командир торопился послѣ столь „долгой" разлуки как на медовый мѣсяц[2]).

Зима стояла в этом году холодная и сырая. В Нагасаки было пасмурно и даже темно от висѣвших низко темных облаков; верхушки гор были покрыты снѣгом; по ночам бывали заморозки до —2° R. В первый же день по приходѣ командир перебрался на берег и затѣм ежедневно пріѣзжал на фрегат

---

[1]) В 1909-11 г. Генерал-лейтенант по адмиралтейству С. Л. Дюшен был Начальником Главн. Управл. Кораблестроенія и впослѣдствіи — членом Гл. Морского Суда.

[2]) Этому супружеству было в то время в сложности не менѣе 90 лѣт (ему — 48, а ей около 42 лѣт).

только к подъему флага, а послѣ обѣда исправно уѣзжал домой. Капитанша была на „сносях“ и потому пріѣзжала на фрегат не каждое воскресеніе. Фрегат поставили в глубинѣ рейда — поближе к Иносѣ, чѣм воспользовались мичмана и завели сейчас-же себѣ жен на цѣлую зиму.

Перед Рождеством на рейд прибыл „Азов“ под флагом адмирала Тыртова и оба фрегата[1]) безвыходно провели здѣсь всю зиму до апрѣля 1892 г. Темные и сырые зимніе дни с поздно восходящим солнцем (около 9-ти ч. утра) породили у нас на рейдѣ эпидемію инфлуэнціи[2]), и на обоих наших судах переболѣли поочередно буквально всѣ офицеры и вся команда. В нашей кают-кампаніи только старшій врач и я не подверглись этой болѣзни.

Рожденственскіе праздники на обоих судах прошли с обычными елками и подарками для команды. —

Январь и февраль протекли на фрегатѣ монотонно: при сырых погодах пришлось отвязать паруса, поэтому парусных и рангоутных ученій не было вовсе. На берег я съѣзжал очень рѣдко. — В концѣ января жена командира родила сына; наш доктор его принимал и на фрегатѣ его крестили в орудійной кадкѣ вмѣсто купели, П. П. Тыртов был его крестным отцом; его назвали Владиміром в честь корабля[3])

В мартѣ стало тепло, горы позеленѣли и зацвѣла японская весна. На фрегатѣ снасти оттаяли и я перед Пасхой вытянул такелаж к предстоящему плаванію и привязал паруса. Рангоут и наружный борт были заново выкрашены и к Пасхѣ фрегат принял опять щегольскій вид. Теперь уже мы ожидали со дня на день телеграммы об уходѣ в Россію. Приготовлен был традиціонный вымпель в 40 саж. длиною, чтобы поднять его с торжеством в день ухода из Нагасаки. На второй день Пасхи офицеры „Азова“ пригласили нашу кают-компанію на прощальный обѣд и там узнали, что адмирал Тыртов получил уже телеграмму о нашем уходѣ.

День был назначен адмиралом 9-го апрѣля, а час ухода — 2 ч. пополудни был выбран самим командиром и, надо признаться — очень неудачно: в этот час, под дѣйствіем приливных теченій суда на Нагасакском узком рейдѣ стояли поперек бухты, загораживая выход, и нашему фрегату, стоявшему внутри рейда, пришлось выходить мимо „Азова“ и рѣзать адмиралу корму (что требуется морскими обычаями), пробираясь в узком промежуткѣ между „Азовом“ и берегом, гдѣ глубина была около 18 фут.[4]). В торжественный момент огибанія адмираль-

---

[1]) Приказом по флоту названіе „фрегат“ было замѣнено словом крейсер.
[2]) В тот же год эпидемія инфлуэнцы обошла всѣ страны земного шара.
[3]) „Владимір Мономах.“
[4]) фрегат наш сидѣл 25 фут.

ской кормы, когда команда была послана по марсам и кричала „ура“ музыка играла на обоих судах и матросы бросали старые шапки за борт — наш командир, мало знакомый с поворотливостью фрегата, не съумѣл тонко обрѣзать корму „Азова“ и приткнувшись к отмели, сѣл на 18-ти футовую банку!

Фрегат остановился как вкопанный и далѣе ни с мѣста. А в то время Марія Ивановна на адмиральском катерѣ, провожая фрегат, слѣдовала за нами с букетом в руках и трогательно махала платочком, не сознавая вовсе опаснаго момента в положеніи корабля нашего.[1]) Ну теперь командир исполнил свою миссію и за дѣло пришлось приниматься старшему офицеру. Моментально были осмотрѣны трюмы и закрыты непроницаемыя перебовки, обмѣрили глубину вокруг фрегата,[2]) стальные буксиры и становые якоря приготовлены к завозу; с берега от Гиндзбурга я получил пароход для завоза буксиров и двѣ большія фунэ для завоза якоря. Только к ночи все было готово и при дружной работѣ всей команды затянувшей „дубинушку“ и „феню“, были нажаты кормовые перлиня и лѣвый становой якорь, — фрегат тронулся с мѣста, медленно пополз влѣво и в 2 ч. ночи был на свободной водѣ. Команду уложили спать, а на утро пришлось с позаранку приводиться в порядок, чтобы в приличном видѣ выйти из Нагасаки. Под вечер мы вышли в океан, но на этот раз скромно, без музыки и криков „ура“; шапок не бросали, и длинный вымпел спрятали до дня возвращенія в Кронштадт. Вечером в кают-компаніи суевѣрные из мичманов утверждали, что аварія произошла потому, что рядом с фрегатом был катер с женой командира, а присутствіе женщин вообще приносит кораблям несчастье.

Мы бѣжали в Гон-Конг, со свѣжим попутным вѣтерком, прикидывая по временам косые паруса, и на пятый день плаванія, подходя к Гон-Конгу, мы передоѣлись во все бѣлое. На этом пути я с нашими плотниками занимался исправленіем бизань-русленей, шлюп-балок и шлюпок, поломанных лопнувшим буксиром во время стаскиванія с мели.

В Гон-Конг мы вошли в приличном видѣ и сейчас же принялись за погрузку угля. Под вечер в тот же день на рейд пришел пароход с командиршей, слѣдовавшей за нами по пятам; но пароход, слава Богу, ушел в тот же вечер дальше на Юг и мы были избавлены от женскаго присутствія. При отвѣтных визитах англійских береговых властей у командира вышел маленькій инцидент с сухопутным генералом, — командиром мѣстной бригады. При отваливаніи этого генерала командир приказал отсалютовать 11 выстрѣлов. На слѣдующій день ока-

---

[1]) В тот же день вечером она уже приготовилась отплыть на пассажирском параходѣ и нагнать нас в Гон-Конгѣ.

[2]) Оказалось, что фрегат сидѣл правой кормой.

залось, что он считал себя дивизіонным генералом и послал русскому консулу дипломатическій протест, требуя 13 выстрѣлов[1]). По полученіи от консула огорчительной переписки, командир должен был исправить его недоразумѣніе и фрегат произвел новый салют в 13 выстрѣлов.

Спустя 5 суток, в двадцатых числах апрѣля вышли в Сингапур. На этом переходѣ солнце в полдень бывало в зенитѣ и мы порядочно раскисли от невыносимой жары. Взятый с берега лед вышел очень скоро; шпучія воды также были скоро выпиты; ни холодныя ванны, ни души забортной воды нас не могли освѣжить, т. к. вода сама была около 24° R. Ночи я с офицерами проводил на полуютѣ, валяясь в истомѣ на бамбуковых лонгчерах, но сон являлся только под утро, когда надо было вставать, т. к. начиналась утренняя уборка и мытье палубы. Мясные запасы на второй день плаванія уже испортились и мы пробавлялись рисом, салониной и быстро съѣли всѣ фрукты.

В концѣ апрѣля пришли в Сингапур[2]) и прямо направились к угольной пристани, гдѣ и ошвартовились для немедленной пріемки угля.

Здѣсь же у пристани стоял „доброволец“ „Петербург“ (командир лейт. Ан. К. Ивановскій),[3]), перевозившій около 2000 челевѣк переселенцев — хохлов Черниговской губерніи из Одессы на Дальній Восток. Пароход здѣсь дезенфикцировал и красил всѣ свои трюмы и эмигрантскія каюты, вслѣдствіе развившейся эпидеміи оспы между пассажирами; эти послѣдніе были выселены на берег и размѣщены в карантиных бараках, у пристани. Забавно было видѣть наших типичных хохлов в валенках и полушубках, обливавшихся потом под лучами экваторіальнаго солнца. Они выѣхали из Россіи в началѣ марта, когда лежал еще снѣг и разумѣется одѣлись потеплѣе. Они направлялись на „новыя мѣста“ в Уссурійскую область и везли с собою весь домашній скарб. На обзаведеніе хозяйства им давалось от переселенческаго Комитета по 100 р. на душу.

Приняв уголь, фрегат перешел на рейд и вымылся, а затѣм люди отдыхали, и команда по частям свозилась на берег. Здѣсь каждый матрос скупает на всѣ свои деньги — консервированные ананасы, платя по 25 коп. за банку, в Кронштадтѣ продает лавочникам по рублю.

Условившись с А. К. Ивановским, съѣхал раз на берег. Мы пообѣдали с ним в „Hotel de l'Europe“; вечером посидѣли там на верандѣ, кейфуя на лонг-черах и подѣлились взаимно о наших плаваніях и о протекшей службѣ за 16 лѣт послѣ Ли-

[1]) Обыкновенно при отъѣздѣ с корабля иностранных визитеров командиры спрашивают их о числѣ полагающихся им выстрѣлов во избѣжаніе недоразумѣній, но наш командир упустил это из виду по неопытности.

[2]) Четвертый раз я был в нем.

[3]) Мой старый сослуживец по Таможенной флотиліи в Либавѣ в 1876 г,

бавы. Он остался холостым и скитался безпрерывно на Восток и обратно, командуя различными „добровольцами".

Это был человѣк рѣдкой доброты и честности[1]). В Либавѣ называли его рыцарем „sans peur et sans reproche".)

В первых числах мая ушли в Коломбо торопясь прибыть в Россію к 1-му сентябрю; на весь переход оставалось менѣе 4-х мѣсяцев.

В Малакском проливѣ мы имѣли обычныя там грозы, облачность и проходящіе ливни. Обогнув на 3-й день Суматру, легли на о-в Цейлон и при тихой и жаркой погодѣ, дѣлая по 300 миль в сутки, на 6-ои день пришли в Коломбо.

Здѣсь S. W-ый муссон был уже в полном разгарѣ и мы, под проводкою мѣстнаго лоцмана сингалезца, ловко вскочили в гавань и укрылись за гранитным молом о который с шумом разбивались океанскія волны и перекидывались громадными каскадами через мол в гавань.

Главная забота судов, идущих в это время года на запад состоит в том, чтоб принять здѣсь уголь наилучшего качества и набить им всѣ угольныя ямы, и даже взять побольше на палубу, т. к. выгребать приходиться против свѣжаго, противнаго муссона и океанской волны. Суда, не сдѣлавшія таких запасов, рискуют остаться среди океана без угля и попасть в критическое положеніе. Поэтому, казалось бы что и нашему „опытному" (новому) ревизору и старшему механику, поѣхавшим на берег быбирать уголь, слѣдовало бы позаботиться о хорошем качествѣ угля. Но человѣк предполагает, а діавол (в этом случаѣ) располагает и наши „спеціалисты" выбрали уголь у какой то мошеннической фирмы, состоявшей под протекціей нашего временнаго и. д консула Лейтенанта Ф-а. Грузили мы его долго чуть ли не 3 суток, набрали и на палубу. Потом мылись мы два дня и, утомленные погрузкой и тропическою жарою, вышли наконец в Океан. Наш прекрасный старшій штурман — Э. Г. Егерман[2]), — руководствуясь лоціею, посовѣтовал спуститься прямо на юг к экватору и, минуя полосу свѣжаго муссона, сдѣлать круг, пройдя штилевою полосою и затѣм, обогнув о-в Сокотру, вступить в Аденскій залив, чтобы избѣжать противнаго вѣтра, хотя бы увеличив разстояніе на тысячу миль. Спустившись на юг, мы скоро попали в штилевую полосу, но... увы! наш лаг показывал скорость не болѣе 5 узлов в час. Что за причина столь малаго хода? спрашивали с мостика в машину. Наконец из кочегарки добились отвѣта, что уголь вновь принятый вовсе не горит, и что вмѣсто угля принят какой-то „бенгальскій камень". Положеніе незавидное, простой подсчет по-

[1]) Продолжительными плаваніями за 20 лѣт А. К. Ивановскій так разстроил свои невры, что в 1900 году заболѣл умопомѣшательством и умер в Кронштадском госпиталѣ. Я был на его похоронах.

[2]) Совершающій 3-е кругосвѣтное плаваніе.

казал, что нам до Адена не дойти. Что-же дѣлать? Один выход: вернуться и перемѣнить уголь. Послѣ недолгих размышленій командир так и поступил, и мы через двое суток возвратились в Коломбо. В гавани встрѣтил нас лейт. Ф., как бы ожидая нашего возвращенія.

На рѣзкій окрик командира он съежился и, заморгавши глазами, вошел на палубу, притворяясь недоумѣвающим младенцем. Поставщики отказались взять уголь обратно, ссылаясь на то, что его выбирали сами наши „опытные спеціалисты“ — ревизор и старшій механик. Пришлось покупать уголь у другой фирмы, а наш „бенгальскій камень“ рѣшено было свезти на берег и поручить самому Ф-у продать его за безцѣнок, если найдутся охотники на это добро. И наша куча с надписью „Monomack's sool“ еще много лѣт оставалась на берегу.

Началась новая страда — выгружать около 800 тонн угля через узкія трубы угольных ям, по маленьким корзинкам. Эта работа при тропической жарѣ и частых дождях продолжалась около недѣли. Затѣм мы приняли новый уголь и дней через 10 вышли в океан.

Угольная эпопея отняла у нас 20 дней. В послѣдних числах мая мы вышли в океан, спустились на Юг и пройдя штилевой полосой, обогнули о-в Сокотру; на этом кругѣ мы не чувствовали свѣжаго муссона.

Уголь горѣл отлично и мы шли 12 узлов. На 8-й день прошли Гвардыфуй и вошли в Аденскій залив, взяв курс на NW. Здѣсь под африканским берегом муссон был ослаблен и дул он не в нос, а в лѣвый борт, давая возможность нести косые паруса, прибавлявшіе нам ходу.

На этом пути командир заболѣл очень серьезно, по отзыву доктора воспаленіем легкаго; а мичмана болтали, что причиною его угнетеннаго настроенія был инцидент с углем: ему тяжело было разочароваться в избранном им самим ревизорѣ. Мнѣ и старшему штурману пришлось его замѣнять.

В Аденѣ ему стало лучше и он вышел на верх.

В Аден мы пришли в первых числах іюня. Здѣсь уголь опять пришлось принимать в запас, так как предстоял длинный переход Красным морем, с противными (лѣтом) сѣверными вѣтрами. Дня три мы опять промучились окутанные угольной пылью и, вымывшись, пошли дальше в Суэц и Порт Саид.

Проходя остров Перим [1]) с его сильными укрѣпленіями, невольно отдашь должную дань разумной, дальновидной политикѣ англичан, сумѣвших занять всѣ проливы на земном шарѣ и этим крѣпко держащих в своих руках все мировое мореплаваніе.

В Красном морѣ, не встрѣтив ожидавшихся сѣверных вѣтров, пришли благополучно в Суэц на 7-е сутки. На слѣдующій

[1]) В Бабельмандебском проливѣ (прохожу им 3-й раз).

день, дождавшись своей очереди, мы вошли в Суэцкій канал. На ночь мы стали на якорь в Измаиліѣ и на утро пошли опять каналом и поздно вечером пришли в Порт-Саид. Здѣсь благодаря хорошо организованным артелям туземцев и негров, погрузка угля происходит очень быстро и в один день мы уже с нею покончили. Освободившись затѣм обильным мытьем от угольной пыли и устроив для команды „баню" в импровизированной палаткѣ, мы слѣдующіе три дня отдыхали ничего не дѣлая и спуская команду на берег, чтобы освѣжить их послѣ томительных переходов и угольной эпопеи в злополучном Коломбо. Почти вся команда успѣла перебывать здѣсь на берегу и сдѣлать запасы табаку и фруктов (фиников). Офицеры же покупают так называемые „Каирскія" папиросы из Египетскаго табака, который извѣстен по всей Европѣ, он очень душист и мягок.

Русскій консул нѣмец Brun прислал почту и я получил от жены письмо, послѣ долгаго промежутка.

20-го іюня направились на остров Мальту—опять в Англійскій порт. На четвертый день утром фрегат вошел в обширную почти круглую гавань города La Valetta. Этот порт принадлежавшій когда-то Малтійскому ордену, теперь служит главною стратегическою базою Англійской Средиземной эскадры. Бросаются в глаза ярко-желтые обрывистые берега (малтійскій известняк)— точно выкрашенные охрой с довольно узкими воротами. Эта природная гавань имѣет вид котла, на вертикальных стѣнках котораго лѣпятся старинные дома, церкви и вообще всѣ городскія и портовыя постройки. La Valetta представляется городом сохранившим характер средних вѣков, а стоящій на рейдѣ англійскій флот с современными броненосцами, являет собой рѣзкій контраст с городом. Здѣсь рядом как-бы совмѣщены двѣ картины из различных эпох. Военныя и морскія власти всѣ англичане, а жители города сохранили свою національность и свой язык. Пополнив уголь, мы ушли в Кадикс.

Всѣ наши переходы Средиземным морем сопровождались ясными, тихими погодами. Послѣ того пекла, которое мы испытали в тропиках и в особенности в Коломбо, здѣсь мы чувствовали себя прекрасно, точно лѣтом на дачѣ. Приближалось время возвращенія в Россію, и я принялся „наводить чистоту" и окраску.

Гибралтар мы проходили на 3 й день плаванія, а на слѣдующее утро с восходом солнца вошли в Кадикс. Бѣлый город с крѣпостными стѣнами блестѣл под яркими лучами южнаго солнца, и мнѣ было пріятно вспомнить, как 10 лѣт назад я был очарован этим живым памятником былого могущества средневѣковой Испаніи, с ея гордым поэтическим народом, с красавицами испанками, боями быков и прекрасными винами... Но теперь при входѣ на рейд, старшему офицеру слѣдует отбросить поэзію: надо заботиться о прозѣ — скорѣйшей погрузкѣ угля,

чтобы обезпечить фрегату безпрепятственное стремленіе домой — в родную страну, хотя и бѣдную, темную, в сравненіи с проѣденными нами богатыми колоніями, но в страну, гдѣ нас ждут с нетерпѣніем дорогія нашему сердцу и близкія нам семьи.

Здѣсь я получил с полдюжины писем от сослуживцев с заказами на вино [1]), каждый просил привести по нѣсколько бочек мадеры, марсалы и испанских вин. Это обычныя порученія, получаемыя судами на пути в Россію и проходящими по „винным портам". Для себя я то тоже рѣшил взять немалые запасы испанских вин, и на этот раз я сам съѣхал на берег. Громадные погреба фирмы „La Cave" находятся за городом. Времени ушло много на выбор вина и только поздно вечером я вернулся в город.

Офицеры трунили, что в Кадиксѣ фрегат наш сѣл на цѣлый фут глубже от принятой массы вина: для Кронштадтскаго Морского Собранія, Гвардейского экипажа, для своей каюткампаній, кромѣ того, каждый офицер взял для себя по нѣсколько боченков вина. Здѣсь были взяты хереса: amontilado, manzanilla, malaga, oporto, pajaretta, lacrima Cristi и друг. Мадерой и марсалой мы запаслись в обиліи еще на Малтѣ. Теперь наши трюмы и погреба были битком набиты этим драгоцѣнным грузом.

В письмѣ своем К. І. р. А. А. Вирениус [2]) сообщал мнѣ, что я буду назначен помощником Главнаго Инспектора по Минному дѣлу на должность соотвѣтствующую чину Капитана І-го ранга. Странно, я еще не вернулся, а меня не спросив, назначили на „береговую", хотя и высшую должность.

Я готовил себя для чисто морской карьеры, в первое мгновеніе по полученіи письма А. А-ча, я был недоволен засѣсть в Адмиралтействѣ на „береговой" должности, но, теперь, окончив (сравнительно) рано ценз старшаго офицера, я разсудил что корабль 2-го ранга получу в командованіе не ранѣе, как через 5 лѣт, и чѣм эти годы тянуть лямку в Кронштадтских береговых экипажах без дѣла, то лучше жить в Петербургѣ и занимать почти адмиральскую должность по интересующей меня техникѣ и моей спеціальности — миннаго офицера. Во всей дальнѣйшей моей службѣ судьба мнѣ покровительствовала: всѣ высшіе чины и должности — до Начальника эскадры включительно я получал всегда неожиданно и ранѣе сверстников.

12-го іюля фрегат вышел в Шербург. В Бискайском морѣ, как и слѣдовало ожидать в лѣтнее время, погода стояла на рѣдкость „дамская" и позволяла мнѣ продолжать окраску фрегата. В Ламанш вошли мы так-же при ясной

---

[1]) От Скрыдлова, Пилкина, Бирилева, Нидермиллера, Винеріуса.

[1]) Он служил в тѣ времена в Морском Техническом Комитетѣ в должности помощника главнаго инспектора Минного дѣла.

погодѣ, и 20 іюля стали на якорь на обширном Шебургском рейдѣ. Пріемки угля и французских вин здѣсь нѣсколько затруднялись большим волненіем, разводимым довольно свѣжим вѣтерком, стихавшем обычно только по ночам.

Я здѣсь закупил женѣ французской мануфактуры, матеріи шелк, перчатки, духи, и. т. п.

В послѣднх числах іюля вышли в море для слѣдованія в Киль. В Ламанщѣ мы шли в обычном густом туманѣ, хотя сверху жгло ясное іюльское солнце. Кругом по всему горизонту, закрытому от глаз молочною мглой, слышатся со всѣх сторон гудки и сирены снующих здѣсь многочисленных пароходов, идущих в океан или обратно, сдавленных в Ламаншѣ, как в узкой воронкѣ. Плаваніе здѣсь усложняется еще большим числом банок и отмелей, разсыпанных по всему проливу, и чѣм ближе к узкому Па-де-Кале, тѣм они гуще. Каждая банка со стороны фарватера обставлена плавучим маяком или баканом с гудящими сиренами, и нужно быть хорошим лоцманом, чтобы умѣть отличить по слуху гудок искомой банки в этом безграничном оркестрѣ гудящих кругом пароходов. Наш опытный старшій штурман [1]) прекрасно оріентировался в этой опасной толчеѣ, и с привычным искусством подвел фрегат к англійскому порту Dover, а затѣм на утро мы, пройдя маяк „Галопер", вошли в Нѣмецкое море. Там имѣли ясную погоду и попутный вѣтер, позволявшій нести паруса в помощь машинѣ. Дня через три подошли на вид высокаго Норвежскаго берега, и, склонившись отсюда на SO (ЮВ), обогнули датскій маяк Скаген и вошли в пролив Бельт.

Здѣсь приняли датскаго короннаго лоцмана и пошли вдоль неизменнаго покрытаго зеленными лугами датскаго берега. На ночь стали на якорь у гор. Ниборга, а на утро, перемѣнив лоцмана, пошли до выхода в Южное Балтійское море, 6-го августа фрегат вошел в Кильскую бухту и отдал якорь у города.

Здѣсь я был в первый раз. Закрытая со всѣх сторон, кромѣ узкаго входа в Сѣвера, Кильская бухта имѣет форму растянутаго эллипса, длиною около 3-х миль. В южной части бухты расположен старый голштинскій город Киль, перешедшій к Пруссіи от Даніи в 60-х годах прошлаго столѣтія. На самом берегу стоит древній замок незатѣйливой архитектуры с черепичной крышей и остроконечными башенками по углам: это — памятник господствовавших здѣсь когда-то голштинских курфюрстов. Из этого замка был вывезен в Россію в первой половинѣ 18-го столѣтія сын гр. курфюрста Фридриха—юный принц Петр III-й, ставшій потом злополучным русским импера-

[1]) Э. Г. Егерман—весьма симпатичный, любимец кают-кампаніи, прекрасный штурман, владѣющій многими иностранными языками, долго проживавшій на Востокѣ; это было его третьим кругосвѣтным плаваніем.

тором и родоначальником возобновленной династіи Романовых [1]).

В настоящее время этот замок реставрирован и в нем живет принц Генрих Прусскій, адмирал Германскаго флота. От замка к сѣверу по обоим берегам залива тянутся старые, заботливо-оберегаемые парки, из этой зелени выглядывают крупныя и мелкія зданія и бѣлѣют чистенькія дачи растущаго новаго города. На западном берегу из них выдѣляется монументальный дворец — Морское Училище, откуда выпускаются офицеры Германскаго флота. В юговосточном углу бухты устроен Военный порт с доками, элингами и мастерскими. Рядом с ним находится верфь коммерческаго флота и судостроительные заводы извѣстной Круповской фирмы „Germania". В южной части обширнаго рейда стоят суда Германской эскадры. По своим размѣрам Кильская бухта могла бы вмѣстить не только весь современный Германскій флот, но тут хватило бы мѣста и доброй половинѣ англійскаго королевскаго флота. В сѣверной части этой бухты недалеко от выхода в море на западном ея берегу построен шлюз, это ворота для входа в недавно прорытый канал „Вильгельма", выходящій к устью рѣки Эльбы к порту Брунсбютелю. Этим каналом [2]), чисто стратегическаго значенія, Германія может передвинуть свой флот из Балтійскаго моря в Нѣмецкое, не обходя кругом Даніи.

Город Киль не отличается ничѣм от нѣмецких портов с преобладающим военно-морским населеніем: казармы, клубы, площадки для парадов, рестораны, магазины с нѣмецкой мануфактурой, гамбургскими сигарами и нѣмецкими рейнскими винами.

Погоды здѣсь стояли пасмурныя, поэтому навести на рангоут окончательный лоск я отложил до Бьерке, куда я просил командира зайти перед входом в Кронштадт, так как на этом 3-х суточном паровом переходѣ наш борт был-бы закопчен дымом, чего никак нельзя допустить, являясь в Кронштадт к смотрам.

Из Киля мы вышли 15-го августа в Кронштадт, куда и я теперь стремился с большою радостью и нетерпѣніем. Разставаясь с женою два года назад, я ѣхал в Тріест на „Мономах" с тяжелой думой и мрачным предчувствіем. Но, благодаря Бога, я счастливо вышел из хаоса, царившаго тогда на фрегатѣ, а теперь, возвращаясь в Россію, к предстоящим смотрам, я был

---

[1]) Впослѣдствіи, в 1901 г. командуя „Герцогом Эдинбургским" я зашел в Киль, возвращаясь из Атлантическаго океана в Россію и был приглашен принцессою Ирeною на обѣд в этот замок, гдѣ я имѣл случай видѣть старинный портрет курфюрста, Фридриха отца Петра III-го.

[2]) В 1899 г., командуя клипером „Крейсер", я прошел этим каналом возвращаясь из Тихаго океана в Россію. Разрѣшеніе на этот проход я получил лично от принца Генриха, будучи у него в Гон-Конгѣ на обѣдѣ, когда к нему туда пріѣхала принцесса Ирена.

спокоен за фрегат, офицеры гордились его щегольским видом, а команда на марсах работала лихо, чего я достиг частыми ученіями на якорных стоянках на обратном пути. В кают-кампаніи было весело и шумно, о бывших „драмах" давно позабыто. Всѣ охотно стремились домой к ожидавшим их родным и семьям. В тот год, 1892, в Россіи был голод [1]) и холера в Москвѣ, Петербургѣ и Одессѣ, но мы, вдали от родины, не испытывая на себѣ остроты этих бѣдствій, почти не думали о них, занятые мыслями о предстоящих радостных встрѣчах с родными.

В Балтійском морѣ мы имѣли ясную погоду с свѣжим попутным вѣтром. Механики стремились нагнать больше пару и фрегат бѣжал домой точно по наклонной плоскости, дѣлая до 13 узлов в час.

На 3 ьи сутки мы прошли о-в Гогланд и к вечеру вошли на рейд Бьерке, гдѣ и стали на якорь. На утро спозаранку, я принялся за окраску борта лаком. День к счастью был солнечный, борт быстро высох и вечером мы пошли в Кронштадт. Около 9 ч. вечера было уже темно, когда мы вошли на большой рейд и отдали якорь. Ну, слава Богу, вернулись домой! Командир в мундирѣ поѣхал сейчас к главному командиру являться, и я с большим волненіем ожидал его возвращенія, надѣясь, что он предложит мнѣ съѣхать сейчас на берег, так как я знал, что Маріи Ивановны нѣт еще в Кронштадтѣ.

Вернувшись скоро на фрегат, командир отпустил меня и я захватил с собой нѣсколько некрупных вещей для подарков женѣ и дѣтям. Я был счастлив найти ее здоровою, но нѣсколько утомленною вслѣдствіе пережитых ею за мое отсутствіе многих тревог за меня и забот о дѣтях, которые в теченіе двух лѣт оставались на ней одной без мужской помощи, или совѣта отца. Дѣти были здоровы и на дачном воздухѣ совершенно поправились.

Два дня прошли в смотрах Главнаго Командира, разных начальствующих лиц и многих знатков — любителей морского дѣла, интересующихся состояніем корабля, вернувшагося из заграничнаго плаванія. Посѣтил нас адмирал С. О. Макаров[2]), я его обвел по всѣм артиллерійским погребам и закоулкам фрегата: уѣзжая он обратился к командиру со слѣд. словами: „Вы можете вполнѣ гордиться таким кораблем". За эти же дни перебывали у нас многіе морскіе капитаны, которым было привезено вино; они нагружали бочками миноносцы и уходили с ним в Петербург. Со дня на день поджидали день Высочайшаго

---

[1]) Вслѣдствіи постигшаго Россію неурожая (1891) в Юговосточных и Волжских губерніях.

[2]) Он недавно вернулся на „Витязѣ" из кругосвѣтнаго плаванія и был Гл. Инспектором Артиллеріи. Во время японской войны, командуя флотом в П. Артурѣ, погиб 31 марта 1904 г. на взорванном бр. Петропавловскѣ.

смотра и потому офицеры съѣзжали на берег только в Кронштадт и то лишь на короткое время. В ближайшее воскресенье, послѣ обѣда не ожидая смотра, я начал было отпускать команду на берег и сам собирался съѣхать, как был получен сигнал с Кронштадтскаго штаба: „В 2 часа дня ожидать прибытія Государя-Императора". В миг все преобразилось, спуск на берег отставлен, команда переодѣта в смотровое платье, офицеры — в мундиры, шлюпки спущены на воду, рангоут был выправлен, снасти обтянуты, мины Уайтхеда приготовлены к стрѣльбѣ и пары готовы в одном котлѣ.[1]) Был ясный солнечный день. В 2 часа дня из Петергофа пришла яхта „Царевна" на Большой рейд и, спустя минут 15, к борту фрегата пристал царскій катер.

На палубу вышел Александр III в бѣлом кителѣ, за ним Марія Федоровна, Наслѣдник, Ксенія, Ольга и Михаил. В свитѣ были: В. Кн. Алексѣй Александрович, Управляющій Морским Министерством — адмирал Шестаков, и все Морское начальство. Обойдя офицеров и поздоровавшись с командой, Государь подробно осмотрѣл фрегат; Марія Федоровна входила во всѣ офицерскія каюты и интересовалась фотографическими карточками офицерских жен и семейств; В кают-кампаніи Наслѣдник показал Государю „трубу" и свою в ней надпись, оправленную в золоченую раму. Младшія дѣти интересовались привезенными звѣрьми, — тут были лайки сибирскія, макаки, попугаи всяких пород, и другія тропическія птицы. Послѣ артиллерійскаго ученія Марія Федоровна сама произвела выстрѣл миною Уайтхеда, нажав на мостикѣ кнопку. Мина прошла совершенно правильно и, пройдя 200 саженей, всплыла, выскочив на верх возлѣ стоявшей на якорѣ чухонской лайбы. Чухны всполошились, начали сниматься с якоря, чтоб уйти подальше от столь опаснаго мѣста, но их успокоила наша шлюпка, пришедшая за миной, и привела его к борту. Послѣ этого Государь, бросив взгляд на наш стройный рангоут, приказал „поставить всѣ паруса". Я вышел на мостик и привычным морским тэмбром „запѣл" на весь рейд. Матросы лихо взбѣжали на марсы и, разойдясь по реям, стройно исполнили этот маневр; в 3 минуты паруса были поставлены. Затѣм послѣ короткаго отдыха, паруса также чисто и лихо были убраны и закрѣплены. Я был в голосѣ и со спокойным сознаніем чувствовал, что оба эти маневра произвели хорошее впечатлѣніе на Государя и окружавших его лиц, слѣдивших внимательно за быстрыми и ловкими акробатическими фокусами матросов на всѣх трех мачтах. Уѣзжая с фрегата Государь, попрощавшись с командою и офицерами, подошел ко мнѣ и, подав руку, сказал „б л а г о д а р ю

[1]) Все что требовалось (по тогдашним правилам) имѣть готовым к Высочайшему смотру.

вас за фрегати за все".[1]) Когда катер отвалил, я послал людей по реям кричать „Ура"... и в это же время был произведен салют, в 31 выстрѣл (помня инцидент с салютом на „Наѣзднике" я предупредил командоров, чтобы у салютных орудій пробки были вовсе убраны подальше, а во время ученія снарядов совсѣм не вкладывать)

Когда яхта „Царевна" уходила с рейда в Петергоф, на ней был сигнал „Государь Императоръ изъявляетъ свою особенную благодарность".

Наш командир провел около 20 лѣт на Дальнем Востокѣ и, не бывши никогда раньше на высочайших смотрах, был очень доволен исходом смотра и выразил мнѣ свою признательность. На самом дѣлѣ он очень плохо знал внутреннія помѣщенія фрегата и рѣдко присутствовал на ученіях, т. к. за все время плаванія он на якорных стоянках сидѣл у жены на берегу, а на ходу по долгу службы бывал на мостикѣ, когда парусных и других ученій не бывало.

В этот день вечером я с полным правом уѣхал на дачу к женѣ в Ораніенбаум и вернулся на фрегат только на слѣдующій день.

Спустя нѣсколько дней, около 25-го августа в Бьеркэ были морскіе маневры и Высочайшій смотр всему Балтійскому флоту. Фрегат участвовал на смотру; а затѣм, вернувшись в Кронштадт, мы получили приказ ожидать экзаменную комиссію для всесторонняго испытанія фрегата в смыслѣ боевой готовности и судового порядка. Предсѣдатель комиссіи, Адмирал В. П. Мессер, получил от Гл. Морского Штаба инструкцію производить смотры с особенной строгостью, в виду хаоса и безпорядков, бывших на фрегатѣ в 1890 году в Средиземном морѣ, о чем Морскому начальству было хорошо извѣстно. Адм. Мессер увел нас в Бьеркэ и продержал там цѣлую недѣлю: ежедневно фрегат снимался с якоря, и выходя в море, производил всевозможные маневры: стрѣльбу из орудій, минныя ученья, парусныя и водяныя тревоги, испытанія механизмов на полном ходу, маневрированіе под парусами, причем мичманов заставляли командовать авралами и т. п. По ночам на якорѣ производились внезапныя ночныя тревоги со стрѣльбою в щит, отраженіе атаки миноносок, освѣщаемых судовыми прожекторами, и проч. и проч. Словом, фрегат был испытан по всѣм статьям боевой готовности и правильности судовых расписаній. Адм. Мессер дал отзыв о блестящем состояніи фрегата, о чем он лично объявил командиру и мнѣ. Вскорѣ был объявлен приказ по Мор. Вѣдомству: „Высочайшая благодарность за отличное состояніе фрегата и 2-х мѣсячный отпускъ офицерам с сохраненіем содержанія", причем командиру было предложено представить офицеров к

[1]) Ему от Наслѣдника было извѣстно о фрегатских „драмах" и о безобразном видѣ в котором содержался фрегат до моего пріѣзда.

наградам[1]) (орденам), которые обыкновенно объявлялись Высочайшим приказом в день Новаго Года.

10 го сентября мы получили приказ окончить компанію. В теченіе 3-х дней фрегат был разоружен, мачты вынуты из степсов, артиллерія, механизмы и все вооруженіе свезено в Порт, т. к. фрегату предстояло войти на долго в док для капитальнаго ремонта и перестройки его в современный тип безрангоутнаго крейсера.

3 сент. 1892 г. был уже издан Высочайшій приказ о моем назначеніи Помощником Гл. Инспектора Миннаго Дѣла в Морском Техническом Комитетѣ, находившемся в Петербургѣ в Гл. Адмиралтействѣ. Я торопился сдать фрегат в Порт, чтобы переѣхать в Петербург, гдѣ уже мною была занята квартира, (против Зимняго Дворца), вблизи от мѣста новой службы.

---

[1]) Впослѣдствіи оказалось, что ордена получили: сам командир, его любимец — ревизор и нѣсколько младших офицеров, не игравших замѣтной роли в корабельной службѣ.

II-ая часть.

1892 — 1906 г.г.

МИННОЕ ПЕРЕВООРУЖЕНІЕ ФЛОТА.

20-го сентября 1892 г. мы переѣхали в столицу и я, отказавшись от двухмѣсячного отпуска, принял от кап. 2-го ранга Витгефта завѣдываніе минным отдѣлом.

В Комитетѣ предсѣдателем был адм. К. П. Пилкин, главн. инспектором к.-адм. Диков[1]) а его помощниками А. А. Вирениус и я. Я рѣшил использовать это время и принял дѣятельное участіе в работах по перестройкѣ миннаго вооруженія. В виду появленія новых быстроходных судов и миноносцев, достигавших 28-ми узлов в час, наши надводные бортовые аппараты для выбрасыванія мин Уайтхеда оказались устарѣвшими, т. к. уже при 10 узлах мины откланялись от прицѣльной линіи, а при больших ходах онѣ шли за корму и даже тонули.

Надо было выработать аппарат такого типа, чтобы мина вылетала из него горизонтально и падала плашмя на воду.

Проект такого аппарата был составленый в нашей чертежной, и, заказанный заводу Лесснера, был готов к лѣту 1893 г. и установлен для испытанія на одном из миноносцев. Кромѣ того было приступлено к измѣненію многих других приборов минного вооруженія: разрабатывались приборы для стрѣльбы минами бездымным порохом; создавался проект подводнаго траверзнаго аппарата и был заказан также заводу Лесснера. Мѣнялись приборы миннаго загражденія и пр. и пр.

При наступленіи лѣта я почувствовал усталось от сидячей комитетской работы, и меня потянуло на чистый морской воздух, к чему я привык за 20 лѣт предыдущей службы. Я воспользовался готовностью нового аппарата и отправился в Транзунд, гдѣ плавал в то лѣто Минный отряд с крейсером „Африкою", под командою А. А. Вирениуса. Мы с комиссіей ежедневно выходили в море и испытывали стрѣльбою аппарат.

Ход при стрѣльбах прогрессивно увеличивался, и к концу лѣта мы уже вели стрѣльбу при 20 узлах и мина шла совершенно правильно. Рѣшено было продолжать опыты в будущее лѣто при максимальных ходах. В первых числах сентября 1893 г. при свѣжом SW-тѣ на переходѣ из Ревеля в Гельсингфорс утонула канонерская лодка „Русалка" под ком. кап. 2 р. Усниша. Точное мѣсто гибели лодки не было опредѣлено — несмотря на тщательные поиски водолазами и тралящими судами. Предполагалось что она утонула вблизи о-ва Грохару т. к. там был

[1]) В 1907—08 г. морской министр.

выброшен катер лодки с одним мертвым офицером втиснутым под баки.

7-го августа 1893 года у жены родились близнецы Ольга и Жорж. Крестным отцом Жоржа был кап. 2-го ранга П. О. Серебренников[1]), а Ольги — кап. 1-го ранга К. М. Тикоцкій — мой сослуживец по Комитету, замѣнившій А. А. Вирениуса.

Я занимался с двумя старшими дѣтьми подготовляя их к гимназіи.

Весна 1894 года была раняя и теплая, мы рано выѣхали на дачу в Лѣсной.

В это лѣто в Петербургѣ свирѣпствовала холера и мы были лишены ягод и фруктов.

Конец лѣта я пробыл в Транзундѣ, продолжая испытанія того же аппарата на другом миноносцѣ, доведя скорость его хода до 24-х узлов. Аппарат удалось еще нѣсколько обрѣзать, т. к. мины шли прекрасно, отклоняясь неболѣе 2^0—3^0 от прицѣльной линіи.

Ожидался из Англіи новый миноносец „Сокол“ с ходом в 28 узлов, то рѣшено было наш аппарат испытать на нем при наибольшем ходѣ, и лишь послѣ этого утвердить окончательно чертежи аппаратов „с совком“, и ввести их на всѣх судах флота. Мы усиленно занялись разработкой чертежей таких же надводных аппаратов, но для больших кораблей (с яблочным шарниром), и заканчивали чертежи подводнаго аппарата, который предполагалось за зиму построить и весною установить его на крейсерѣ „Память Меркурія“.

20-го октября 1894 г. скончался в Ливадіи Император Александр III, откуда его тѣло было привезено в Петербург, и 6-го ноября были торжественные похороны в Петропавловском Соборѣ. Траурная процессія проходила мимо нашего дома, и к нам наѣхало многое наших родных и знакомых смотрѣть из окон на прохожденіе кортежа. Адмирал С. О. Макаров нес адмиральскій флаг и его бравая фигура замѣтно выдѣлялась из общаго строя.

Спустя двѣ недѣли послѣ погребенія Александра III-го в Зимнем Дворцѣ состоялось вѣнчаніе новаго Государя на Принцессѣ Алисѣ Гессенской. Я присутствовал на этом выходѣ. В первой парѣ к вѣнцу шел молодой Государь с матерью, одѣтой в траур (бѣлое платье без всяких украшеній), а невѣста — в таком же траурѣ шла во второй парѣ с В. К. Владимиром Александровичем. Военные в этот день сняли креп с эполетов.

В мартѣ я отправился с новым Главным Инспектором к.-адм. Н. И. Скрыдловым в Севастополь для испытанія новаго подводнаго аппарата, на крейсерѣ „Память Меркурія“; по пути, в Николаевѣ и Одессѣ — инспектировали минныя учрежденія

---

[1]) Погиб в Цусимском сраженіи, командуя бр. „Бородино“.

и заводы. В Севастополѣ мы три недѣли выходили ежедневно на стрѣльбу минами.

К Пасхѣ мы вернулись в Петербург.

Лѣтом я в третій раз поѣхал в Транзунд для стрѣльбы из аппаратов „с совком“ с миноносца „Сокол“ при ходѣ 28 узлов. Аппарат был окончательно признан вполнѣ годным и по его типу были заказаны на многих заводах аппараты для всѣх новых миноносцев и для больших судов. Всѣ суда флота получили новое минное вооруженіе.

За разработку новых аппаратов я получил Высочайшую денежную награду в 1000 рублей, а мои сотрудники по Комитету — Беклемишев и Андерсон — по 500 рублей [1]).

КОМИССІЯ ПО БОСФОРУ.

Осенью была учреждена секретная комиссія, засѣдавшая в Инженерном замкѣ для разсмотрѣнія „особаго запаса“. Это скромное, мало понятное названіе было присвоено весьма важной в стратегическом отношеніи комиссіи, состоявшей под предсѣдательством Нач. Главн. Штаба ген. Обручева; членами ея были высшіе чины военной іерархіи, а представителями от флота были спеціалисты: ген. маіор А. С. Кротков— по артиллеріи и я — по Минному дѣлу. Комиссіи поручалось составить подробный план и перечень боевых средств, необходимых для военных операцій в Босфорѣ.

Послѣ турецкой войны 1878 г. Императоp Александр II поручил ген. графу Тотлебену [2]) разработать план завладѣнія Босфором со стороны Чернаго моря, избѣгая сухопутнаго похода через Балгарію и Балканы, в виду тѣх громадных жертв, которыя понесла Россія в этом походѣ. В концѣ 70-х годов в военных канцеляріях разрабатывался этот проект, и даже около 100 орудій („особый запас“) были приготовлены в Одессѣ для этой авантюры. Но со смертью Александра II-го, работы комиссіи были отложены в долгій ящик. Но теперь политическими смутами и рѣзнею Армян Турція опять напомнила о себѣ и слѣдствіем этого было учрежденіе новой комиссіи для разсмотрѣнія забытаго плана, который состоял в слѣдующем:

„Россія под видом учебнаго сбора производит дессантные меневры, перевозя нѣсколько дессантных дивизій в один из своих Кавказских портов. Этот отряд транспортов сопровождается Черноморской эскадрой. На транспорты сверх войск погружаются орудія и мортиры со своими платформами — „особый запас“, заготовленный для сего в Одессѣ: для чего должен

[1]) По тому времени сумма совершенно удовлетворительной.

[2]) Бывш. главнокомандующему.

быть мобилизован весь Черноморскій Коммерческій флот— „Добровольный флот“, „Русское О-во Мореходства и Товговли“ и друг. В назначенный момент внезапно прерываются всѣ телеграфные провода Черноморскаго побережья с Европой, и вся армада выходит в море и на пути вмѣсто Кавказа слѣдует в Босфор. Эскадра врывается в пролив и форсирует его ночью, пройдя до Буюк-дере, гдѣ становится на якорь. Турки, не ожидая прорыва, остаются с разинутыми ртами и из своих фортов, стрѣляющих только по направленію к Черному морю, не могут достать проскочившей им в тыл эскадры. За эскадрой слѣдуют транспорты, а десант в рукопашную захватывает всѣ турецкіе форта и поспѣшно устанавливает свои орудія на высотах горы Бейкоса, господствующих над западною частью Босфора. Успѣх этой операціи, разсчитанный только на внезапность, с нѣкоторой вѣроятностью может быть осуществим. Но теперь надо ожидать через 72 часа прихода англійскаго Средиземнаго флота с острова Мальты [1]). Для его отраженія уже установлены пушки на Бейкосѣ и, два заградителя, Буг и Дунай, должны поставить поперек Босфора мины. По расчету комиссіи, придававшей большое значеніе 9-и дюймовым мортирам, установленным спѣшно на Бейкосѣ и минному загражденію, англійскій флот, состоящій из 12 броненосцев, сверху получит на свою палубу град снарядов и снизу взрывы мин и потому немедленно должен погибнуть“.

Новой комиссіи подлежало обсудить правильность этого „смертнаго приговора“ англійскому флоту и разсчитать, достаточно ли заготовленных средств артиллерійской и минной обороны Босфора. По разсчету сухопутных артиллеристов новой комиссіи, число мортир признано было увеличить на нѣсколько дасятков штук, и тогда успѣх предпріятія считался обеспеченным.

Вот — против этих заключеній запротестовали ген. Кротков и я. Он точным расчетом доказал, что срок прохожденія англійскаго флота, малый процент попаданія и разрушительная сила мортирнаго огня столь незначительны, что попавшіе на палубу нѣсколько снарядов не выведут из строя ни одного броненосца. Я же наглядно объяснил, что миннаго загражденія при быстром теченіи [2]) и большой глубинѣ Босфора и вовсе поставить не удастся [3]). Наши неожиданные отзывы старые гене-

---

[1]) Морской базы.

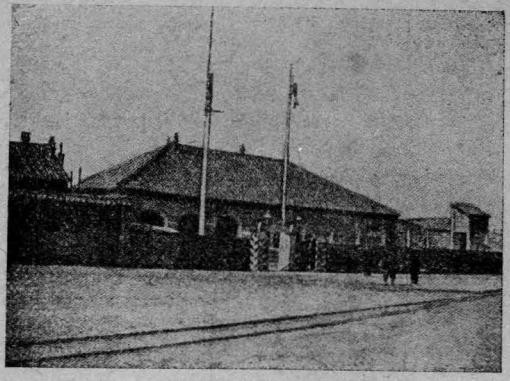
[2]) Теченіе до 5 узлов; ширина Босфора мѣстами суживается до 1/2 мили.

[3]) А в лучшем случаѣ мины лягут на дно и будут раскиданы по всему проливу, угрожая своим судам.

ПРИМѢЧАНІЕ. Я вовсе отказался от проекта постановки миннаго загражденія, так как заградителю на ходу их поставить нельзя, в виду узкаго пролива и большого теченія, а со шлюпок ставить их очень долго, между тѣм, как до прихода англійской эскадры остается лишъ трое суток не болѣе.

Адмирал Ф. В. Дубасов.

Собор в Порт-Артурѣ.



Домъ командира порта в Порт-Артурѣ.

Адмирал А. В. Колчак.

ралы приняли за легкомысленную профанацію. Диспуты продолжались в теченіи многих засѣданій и обѣ стороны — сухопутная и морская, оставались при своих мнѣніях.

Но однажды, я наткнулся на статью австрійскаго военнаго журнала „Militärs Nachrichten“: „Может ли Россія отважиться захвтить Босфор со стороны Чернаго моря, не проходя через Болгарію“? В статьѣ генеральнаго штаба австрійскаго полковника с протокольною точностью изложен подробно весь „секретный“ план старой комиссіи с критическим заключеніем и, с нескрываемою ироніею, план этот назван „авантюрою“. Журнал этот я принес в комиссію и статья произвела большую сенсацію и сухопутные члены стали понемногу сдавать и, послѣ продолжительных диспутов, предсѣдатель рѣшил предложить морским членам представить в комиссію доклад с изложеніем их мнѣнія о способѣ выполненія разсматриваемаго плана. Посовѣтовавшись с Кротковым, я взялся за составленіе этой записки.

Не касаясь первой половины плана, т. е. овладѣнія Босфора, я изложил в запискѣ слѣдующій план отраженія прорыва Англійскаго флота: Освободившіеся от высаженнаго десанта транспорты (30—40 штук) становятся в двѣ линіи поперек Босфора на якоря с трюмами, заполненными пустыми бочками (для плавучести) и глухо-задраенными непроницаемыми переборками, всѣ — носами к непріятелю; капитаны и матросы съѣзжают с транспортов. Этот плавучій забор устанавливается в районѣ Босфора, обстрѣливаемом нашей береговой артиллеріей, поставленной на Бейкосѣ и судами нашей эскадры. Затѣм за корпусами пустых пароходов (с нашей стороны) спрятано 20—30 небольших миноносок с готовыми минами Уайтхеда. Англійскій флот, форсируя [1]) Босфор и встрѣтя под нашими выстрѣлами эту живую изгородь, постарается их таранить; передніе мателоты неминуемо завязнут своими таранами в корпусах 2 х тонущих пароходов, а задніе вынуждены будут остановить свой ход; затѣм на сильном теченіи в узком корридорѣ корабли без хода и лишенные поворотливости поплывут лагом (боком) и весь строй собъется в кучу. В это время из-за пароходов выскакивают всѣ 20—30 миноносок и аттакуют скученную эскадру. Кромѣ того с обоих берегов из привезенных легких аппаратов также выстрѣливаются мины Уайтхеда. Вся эта картина была изображена на планѣ Босфора в большом масштабѣ и даже раскрашена. Представляя проект, я скромно оговорился, что не считаю его непогрѣшимым, но он имѣет больше шансов на успѣх, нежели старый план с минным загражденіем. Послѣ долгих обсужденій комиссія рѣшила принять этот проект, но с оговоркой, что морскіе члены должны секретно

[1]) Малая ширина Босфора не позволит англійскому флоту идти иначе, чѣм в строѣ 2-х кильватерных колонн.

поѣхать в Босфор и на мѣстѣ изучить берега и фарватер и вернувшись оттуда, представить комиссіи результаты своих изслѣдованій. Морской министр приказал мнѣ и Кроткову отправиться в Босфор.

Мнѣ был дан заграничный паспорт как штатскому больному туристу, ѣдущему на купальный сезон на Принцевы острова[1]) (около Константинополя). Причем, во избѣжаніе всяких подозрѣній со стороны турецких властей, я поѣхал не из Одессы[2]) а через Тріест на пароходѣ „Австрійскаго Ллойда". Перед отъѣздом я получил от нашего посла в Турціи А. И. Нелидова (бывшаго временно в Петербургѣ) рекомендательное письмо к Ген. Консулу Лаговскому для оказанія мнѣ всяческаго содѣйствія. 15 мая я выѣхал через Варшаву и Вѣну в Тріест. В купэ я познакомился с молодым секретарем[3]) русской миссіи в Египтѣ, ѣдущим в Александрію по тому же маршруту.

В Вѣнѣ мы пробыли с ним цѣлый день, ожидая вечерняго поѣзда; он уговорил меня ѣхать через Венецію, гдѣ его ожидала знакамая итальянка — артистка Каирской оперы. Я охотно согласился, чтобы воспользоваться удобным случаем повидать этот оригинальный отжившій город. В день нашего выѣзда 18 мая, на улицах продавались экстренныя телеграммы о несчастном побоищѣ на Ходынском полѣ, гдѣ кормили народ послѣ коронаціи, бывшей 14 мая.

Мы прибыли в Венецію 19 мая рано утром. Выходя с вокзала, я был удивлен не слыша городского шума и, спустившись с его лѣстницы, мы тут же очутились на гранитной набережной канала с толпившимися на нем черными гондолами. Мы плыли по „Canale Grande" при тихом всплескѣ весла стоящаго на кормѣ гондольера, любуясь старинными дворцами отжившаго свой славный вѣк историческаго города. По обѣ стороны канала спали в летаргическом снѣ молчаливые pallazzo мавританскаго, ренессанса и арабскаго стилей, многіе из них еще хорошо сохранились. У каменных подъѣздов (пристаней) дворцов торчат из воды фонарные столбы, теперь не нужные с введеніем электричества. Дворцы, исключая нѣсколькихъ передѣланных в отели, необитаемы; но сохранилась древняя обстановка; сторожа этих молчаливых музеев их показывают туристам за деньги.

Мы наскоро позавтракали в своем отелѣ „La luna" отправились на площадь св. Марка посмотрѣть сборище традиціонных голубей, разлетающихся при полуденной пушкѣ. Обойдя колоннаду кругом этой площади мы осмотрѣли храм св. Марка византійскаго стиля и поднялись на „компанилу" (4-хугольную

---

[1]) Ген. Кротков, занятый по своей должности вооруженіем судов к плаванію, должен был выѣхать туда-же недѣлю спустя.

[2]) В Константинополѣ осматриваются паспорта только у русских пассажиров, пріѣзжающих на пароходах из Чернаго моря. Пассажиры, прибывающіе с западных стран паспортов не предъявляют.

[3]) Воскресенскій.

башню), откуда виден весь план Венеціи с ея лагуной и частью моря на далеком горизонтѣ. Обошли магазины, расположенные под колоннами Palazzo Reale и здѣсь в одном из кафе мы пообѣдали под звуки городского оркестра. Каждый вечер на эту музыку собирается нарядная, пріѣзжая из разных стран, публика.

На площади заставленной столиками, публика лакомится мороженным, подаваемым из маленьких кафе, расположенных под той-же колоннадой. Вечер мы окончили в театрѣ, гдѣ давали оперу „Кармен". Слѣдующій день мы осмотрѣли палаццо Дожей с его знаменитою картинною галереею и историческими подвалами, гдѣ томились политическіе узники, передававшіеся отсюда по перекинутому „мосту вздохов" — (Ponte suspire) в сосѣднюю венеціанскую тюрьму. Нашим гидом была знакомая моего спутника итальянка, урожденка Венеціи. Послѣ завтрака мы на пароходикѣ отправились на остров „Lido" с его прекрасным морским пляжем и грандіозным отелем „Excelsior". Там-же на верандѣ, выходящей к морскому берегу, мы пообѣдали и вечером вернулись домой.

Третій день мы побродили по городу, дѣлали покупки „некудышных вещей" [1]) и объѣхали по каналам, гдѣ расположены разные чѣм либо примѣчательные историческіе дворцы, между прочим дворец мавра Отелло[2]) и ночью мы разъѣхались в разныя стороны.

Воскресенскій с дамой поѣхал на экспрессѣ через Рим и Неаполь в Александрію, а я на ночном пароходѣ — в Тріест, куда я прибыл в 6 час. утра.

Я невольно вспомнил, как 6 лѣт назад я ѣхал по этому же рейду на „Мономах" с тревожным предчувствіем о предстоящей трудной службѣ на этом кораблѣ; а теперь я ѣхал с полным спокойствіем свободного туриста, имѣя в виду интересную задачу и ознакомленіе с мѣстами исторической и стратегической важности. На пароходѣ Австрійского Ллойда я получил каюту 1-го класса за 300 крон (франков) до Константинополя.

Легкій морской бриз пріятно освѣжал пассажиров, расположившихся под тентом и любовавшихся игриво блестящею лазурью Адріатическаго моря. Пароход был не из самых новых, но он содержался чисто, и кормили нас прекрасно.

На пути пассажиры скоро перезнакомились; здѣсь ѣхали нѣмцы, австрійцы, нѣсколько шведов и двѣ гречанки. Публика скромная: тут были туристы, ѣдущіе посмотрѣть города ближняго Востока, с билетами международнаго „О-ва Кука" и нѣсколько больных, ѣхавших на купальный сезон в окрестностях

[1]) По выраженію моего спутника — холостяка.
[2]) может быть это лишь фальсификація — для приманки туристов.

Босфора. Я познакомился с пароходным врачем [1]); он дал мнѣ нѣсколько полезных указаній о курортах на Принцевых островах, куда я будто бы стремился.

На второй день зашли в Бриндизи забрать итальянскую почту и их пассажиров; города я не видѣл, т. к. была уже ночь.

С восходом солнца мы вошли на рейд о-ва Корфу. Пассажиры всѣ высыпали на верх полюбоваться высокими берегами, покрытыми яркою растительностью. Уже подымался утренній туман и сквозь него блестѣли на берегу окруженныя тропическою зеленью красивыя виллы и меж них выдѣлялся дворец Имп. Вильгельма „Achileion", ранѣе принадлежавшій Елизаветѣ Австрійской. Май был на исходѣ и южное солнце уже чувствительно стало припекать собравшихся на палубѣ пассажиров. Послышался звонок к утреннему завтраку и ресторатор угостил нас свѣжими фруктами, привезенными только что с берега. К вечеру пароход зашел в знакомый мнѣ по „Мономаху" Патрас, гдѣ 6 лѣт назад мы высадили Наслѣдника для обзора строившагося тогда Коринфскаго канала. На утро мы заходили в Наварин, в исторической бухтѣ котораго Русскій флот [2]) в союзѣ с французским в 1827 году разгромил турецкую эскадру, стоявшую там на якорѣ. Обогнув мыс Матанан мы к разсвѣту слѣдующаго дня вошли в Пирей, гдѣ пароход простоял цѣлый день; я воспользовался случаем и поѣхал посмотрѣть Афины (12 верст). Под палящим зноем по песчанной дорогѣ пара мулов тащила меня болѣе часа, но я был вознагражден живописным видом Афин с ея древним Акрополем, блестѣвшим бѣлым мрамором на высоком холмѣ, огороженном стѣною, частью уже развалившеюся. Я поднялся на холм и, сидя в тѣни на портикѣ, любовался этим древним исполином, окруженным мраморной колоннадой, сохранившейся в цѣлости десятки вѣков. Лишь от 2-х, 3-х упавших колонн лежали здѣсь правильныя цилиндрическія массивныя глыбы слегка пожелтѣвшаго почти прозрачнаго мрамора.

Отсюда вдоль по гребню холма тянутся колонны, частью разрушенныя — это остатки Пропилеев и далѣе, у края холма, стоят развалины храма Апполона с тонкой изящной колоннадой. Я объѣхал город. Город точно спал полуденым сном: при палящем зноѣ ставни в домах были закрыты и на улицах пусто, и посмотрѣв на королевскій дворец, я зашел в пустое кафэ и в прохладной тѣни позавтракал. Мнѣ объяснили, что лѣтом, всѣ, кто только могут, уѣзжают на морской берег в Фалеро. Рано утром мы вошли в Дарданеллы и остановились в Чанакѣ (Кале-Султаніе) — в самом узком мѣстѣ пролива, между двумя фор-

[1]) Поляк из Кракова.

[2]) Под флагом Адмирала гр. Гейдена на кораблѣ „Азов", под командой Лазарева.

тами; из амбразур этих фортов торчали большія орудія современнаго типа. С высокаго пароходнаго мостика я их легко сосчитал. Послѣ формальнаго осмотра документов, пароход получил пропуск, прошел проливом и к вечеру вошел в Мраморное море. Здѣсь чарует особенная яркость звѣзд южнаго неба; ночь была тихая, теплая, и пассажиры долго не расходились по каютам, стараясь надышаться живительным воздухом Мраморнаго моря. Утром рано пароход подходил к Царьграду. По лѣвому берегу тянулись небольшіе городки, селенія, Сан-Стефано, кое-гдѣ мечети, минареты; наконец, открылся Стамбул с древним Византійским сералем у самаго берега, в нем нѣсколько небольших дворцов с гаремами, музеем и гробницами Византійских императоров и турецких султанов. Дальше виднѣются купола и башни мечетей самого Стамбула и выше всѣх огромный купол Св. Софіи.

Пароход повернул влѣво и вошел в Золотой Рог, отдѣляющій Стамбул от Галаты и Перы (европейская часть города). У таможенной пристани в Галатѣ мы вышли на берег. Отсюда по фуникюлеру, проложенному в наклонном тунелѣ, я поднялся в Перу и взял номер в „Pera-palace“. Было жарко и душно,[1]) улицы узкія, грязныя, с цѣлыми стаями бродячих собак, подбирающих мусор и всякіе отбросы. На главной улицѣ „Grand rue Pera“ — такой же узкой и кривой, толкотня уличных продавцов, выкрикивающих названія товаров.

Генеральный консул, встрѣтив меня весьма привѣтливо и познакомив с семьею, Лаговскій, прикомандировал ко мнѣ драгомана посольства — пожилого турка[2]) — Визирова („Визироглы“) в качествѣ гида. С ним я в тот же вечер переѣхал на шеркетѣ в Терапію (на берегу Босфора, рядом с Буюк-дере, гдѣ находится лѣтній дворец нашего посольства) и там поселился в „Summer palace“ на набережной Босфора.

Мы условились, с Визировым послѣ утренняго завтрака отправляться в экскурсіи по берегам и окрестностям Босфора, чтобы ознакомиться с расположеніем фортов и числом орудій, затѣм изслѣдовать берега и выбрать приглубыя мѣста, куда могли бы пристать транспорты с дессантом; осмотрѣть Бейкосскій холм и ближайшій к нему берег, на который будут выгружать орудія „особого запаса“; намѣтить мѣсто, гдѣ должна быть поставлена живая изгородь из пустых пароходов. Наконец, измѣрить теченіе Босфора в нѣкоторых важных для нашей „авантюры“ точках. Эту программу мы с ним аккуратно выполняли: с утра я ходил для вида в купальню, стоявшую на

---

[1]) Лѣтом город обычно пустует. Всѣ, кто только могут, выѣзжают на дачи на берега Босфора. Вдоль всего пролива (около 17 миль) по обѣим его берегам в богатой южной зелени расположены виллы, особняки и лѣтніе дворцы всѣх европейских посольств. Сообщеніе с городом на параходах — „шеркетахъ“.

[2]) Русскаго поданнаго с Кавказа.

берегу у самаго отеля, затѣм пріѣзжал Визиров, и послѣ завтрака, мы оба в турецких фескак отправлялись на каюкѣ через пролив на намѣченный берег и затѣм гуляли пѣшком, дѣлая по нѣсколько верст; каждый раз мы выбирали нашей цѣлью осмотр одного форта; с ближайших холмов это не трудно: обойдя с двух-трех сторон батарею, с биноклем лєгко сосчитать число орудій и даже разобрать их калибр.

Важнѣйших фортов от сѣвера (т. е. от Чернаго моря) до Терапіи оказалось семь: два форта у входа возлѣ маяков, затѣм идут: „Анатоліи-Ковак“ и „Румели-Ковак“, далѣе сильный форт „Маджар“ (36 орудій), против него 6 й форт и, наконец, „Кирич-бурну“, стрѣляющій прямо вдоль пролива на сѣвер. Расположенія фортов и орудій таково, что они обстрѣливают подход из Чернаго моря, а за спиною у них обрывы гор. Стало быть, если русская эскадра пройдет этот промежуток ($^1/_2$ часа) и войдет на Бейкосскій плес, то ни один форт не может туда достать и эскадра окажется уже в тылу всѣх фортов. Генеральный штаб был в этом отношеніи прав, что форсировать Босфор не трудно, но затѣм трудно его удержать за собою от атакующаго с юга (англійскаго) флота.

Когда темнѣло, мы гуляли по набережным и в намѣченных мѣстах мы садились на траву у самаго берега и мирно бесѣдовали, покуривая сигары; я вынимал приготовленный легкій ручной лот [1]) и незамѣтно мѣрил глубину. На таких же прогулках была измѣрена скорость теченія Босфора: бросались на воду одна или двѣ щепки, а секундомѣр показывал время. В концѣ 4-й недѣли моего „леченія“, всѣ нужныя свѣдѣнія были собраны. Тогда пріѣхал Кротков; я с ним подѣлился собранными данными; его интересовал плацдарм, выбранный на Бейкосских высотах для установки крупных мортир. Мы туда проѣхали и, вернувшись ко мнѣ в гостинницу, обѣдали втроем с Визировым, а затѣм вечером поднялись в садик, разбитый на горкѣ сзади отеля и оттуда, как на ладони, был ясно виден весь форт „Кирич-бурну“. Поздно вечером Кротков уѣхал через Батум в Кисловодск на курортный сезон.

Один день в недѣлю мы отдыхали — по пятницам — в Турецкій праздник „Селямлик“; Визиров оставался в городѣ и я к нему пріѣзжал. Получив от султана пригласительный билет [2]) на военный парад, мы с утра отправлялись с ним в ложу, устроенную на верандѣ одного из дворцовых домов, лежащих на пути слѣдованія султана из Ильдиз-Кіоска к новой мечети Сулеймана. По улицѣ с обѣих сторон разставлена была шпалерами конная гвардія султана, одѣтая в блестящіе мундиры,

---

[1]) Длинный тонкій линь с намеченными футами глубины.

[2]) Такіе билеты выдавались „знатным иностранным“ путешественникам-туристам через свои посольства.

на кровных арабских лошадях, войска производили очень хорошее впечатлѣніе. В полдень, в парной открытой колясѣ проѣзжал Абдул Гамид[1]) со своим генерал адъютантом Осман-пашею[2]) — защитником Плевны, и привѣтливо отвѣчал по турецки рукой на поклоны иностранцев и почести гвардіи. Вслѣд за ним таким-же медленным алюром ѣхали три закрытыя кареты с султанскими важнѣйшими женами. Пока в мечети происходило богослуженіе, иностранным гостям подавался чай от султанскаго двора. Послѣ службы султан проѣзжал таким-же порядком обратно, а нам, туристам, предоставлялись дворцовые каюки для поѣздок по Босфору и осмотра дворцов. Мы с Визировым отправлялись вначалѣ в „Долма-бахче", это красивый дворец с бѣломраморной изящной тонкой колоннадой на самом берегу. Ослѣпительный блеск его бѣлаго мрамора красиво отражается в водах пролива. Внутри это — цѣлый лабиринт зал, украшенных золотом, картинами, фонтанами и роскошной мебелью. Сам султан здѣсь не живет[3]).

Отсюда мы переѣхали в близлежащій, темнаго цвѣта мрачный дворец „Чараган", охраняемый военной стражею. Здѣсь уже 20-й год томится в заточеніи бывшій султан Абдул-Мурад (выданный за сумасшедшаго), давшій в 1876 году Турціи (номинально) конституцію. Дворец этот разрѣшается осматривать только снаружи. Он лишен зелени, и скорѣе напоминает тюрьму, чѣм жилище султана.

Переправившись на скутарійскій берег, осматривали в цвѣтущем паркѣ с пахучими магноліями и другими тропическими деревьями — дворец „Беллер бей". Это лѣтній дворец, вдвое меньше Долма-бахче, но отдѣлан внутри со вкусом. В нем показывают залы, в которых гостила в 60 годах прошлаго XIX вѣка Императрица Евгенія[4]). Переѣхав обратно на сторону Стамбула, мы пристали к берегу у древняго Византійскаго Сераля. В огороженом саду масса небольших дворцов, служивших нѣкогда флигелями Византійскато дворца, теперь они превращены: храм—в мечеть, а дворцы и гаремы — в музеи; в послѣдних собраны драгоцѣнности, военные доспѣхи, убран-

---

[1]) Султан Абдул-Гамид вступил на престол послѣ кратковременнато царствованія Абдул-Мурада, признаннаго умалишенным и заточеннаго во дворец „Чараган", гдѣ он в то время отсиживал уже 20-й год.

[2]) Осман-Паша пользуется большим почетом в Турціи за свою геройскую упорную защиту Плевны, на штурм которой русская армія потеряла сотни тысяч людей убитыми и ранеными. Послѣ 3-х неудачных штурмов, Плевна была взята только правильной осадой по совѣту ген. Тотлебена. Осман, вынужденный голодом и недостатком патронов, пытался прорваться в районѣ Румынских союзных линій и, будучи ранен, сдался генералу Ганецкому.

[3]) Это мѣстопребываніе его предшественника Абдул-Азиса, убитаго в 1876 г. во время волненій в Турціи и возстанія Балканских славян.

[4]) Жена Наполеона III-го, бывшаго союзника султана во время Крымской войны.

ства и оружіе Османов — завоевателей Стамбула. В одном из больших зданій помѣщены древнія гробницы великих завоевателей и между ними выдѣляется огромный саркофаг Александра Македонскаго из бѣлаго мрамора, на четырех гранях гробницы изображены скульптурные рельефы различных сцен из его военных походов.

Пошли пѣшком осмотрѣть мечеть св. Софіи. Снаружи — это исполинскій, облѣзлый, точно неоконченный храм с обсыпанной мѣстами штукатуркой, но войдя внутрь, мы были поражены его строгою красотою и чистым византійским стилем. Громадная площадь крестообразнаго пола, выложеннаго черным с мелкими узорами мрамором, пріятно гармонирует с бѣлыми тонкими, двойными колоннами, расположенными в четырех придѣлах в формѣ креста. Здѣсь только два цвѣта: черный внизу и бѣлый вверху. Это отсутствіе пестроты придает византійскому стилю строгій оттѣнок. Хоры над придѣлами служат теперь в обращенной из храма мечети мѣстом, гдѣ собираются на молитву женщины, лишенныя права быть вмѣстѣ с мужчинами даже на богослуженіях.

Из Софійскаго храма мы прошли в Караван-Сарай — это грандіозный рынок Стамбульской мануфактурной торговли. С большими деньгами здѣсь можно накупить прекрасных издѣлій ближняго Востока: богатѣйшіе ковры смирнскіе, кавказскіе, турецкіе, персидскіе, шелковыя матеріи на самые изысканные вкусы, издѣлія из серебра, золота, драгоцѣнные камни, и пр., и пр.

Вечер этого дня мы, как обычно, кончали в одном из лѣтних театров, гдѣ давались попеременно оперы и оперетки.

В таком же родѣ мы проводили всѣ пятницы.

В Босфорѣ большое движеніе пароходов, идущих в Черноморскіе порта и обратно, а лѣтом еще снуют с утра до вечера многочисленные „шеркеты“, битком набитые дачною публикою, ѣдущею в город на службу и обратно. На каждом шеркетѣ корма отгорожена завѣсою, за которою прячутся от мужских взоров турецкія дамы. Мнѣ говорили, что онѣ в общем красивы, но удостовѣриться в этом было очень трудно, а судя по открытым ушам и подбородку, можно лишь сказать что цвѣт лица у них очень нѣжный. Ни на улицах, ни в ресторанах, ни на публичных гуляніях в садах турецких дам не видно вовсе, но Визиров мнѣ обѣщал показать их открытыми на так называемых „Сладких водах“[1]), гдѣ онѣ завоевали себѣ право пока-

[1]) „Сладкія воды“ — это небольшая рѣчка, протекающая загородом по зеленым лугам. На берегах рѣчки в тѣнистых рощах располагаются [пикником] отдѣльными группами и в одиночку турецкія дамы и дѣвицы без всяких покрывал. Онѣ лакомятся привезенными с собою сластями и поджидают своих женихов, или вообще мужчин. Доступ на эти свиданія им разрѣшается турецкими обычаями; здѣсь заключаются браки и разрѣшается ухаживаніе.

зываться без чадры. В одну из пятниц послѣ Селямлика на дворцовом каюкѣ мы из Золотого Рога проѣхали в эту рѣчку, и на обоих ея берегах наблюдали группы и одиноких дам и дѣвиц, скромно бесѣдующих с мужчинами, сидя прямо на травѣ „ins grüne". Были брюнетки, были блондинки, и в общем надо признать их красивыми; онѣ отличаются особым блеском черных глаз, но цвѣт лица у них слишком нѣжен и блѣден, точно это тепличныя растенія. Турки-мужчины наоборот, отличаются своим красивым, здоровым, чистокровным типом; это отчасти объясняется тѣм, что строгій патріархальный быт турецкаго семейнато очага является причиною отсутствія в их крови алкогольнаго и сифилитическаго яда.

Но на улицах и в публичных мѣстах встрѣчаются часто турецкіе офицеры под руку с дамами цвѣтущей южной красоты; одѣтыя в европейскіе модные костюмы — это так называемыя, — левантинки. Онѣ — христіанки, и мужья их или греки, или армяне, или, наконец, левантинцы, служащіе в турецкой арміи. Происхожденіе этой красивой мѣстной національности объясняется смѣсью древних византійцев, т. е. греков, с армянами, южными славянами и весьма рѣдко — турками.

В Константинополѣ, его окрестностях на каждом шагу встрѣчаются многочисленныя турецкія кофейни, переполненныя турками, пьющими кофе[1]) и запивающими его водой. Это единственные два напитка, разрѣшенные магометанам. Такой кофе очень крѣпок, душист, и сладок и обычно вызывает жажду, поэтому на улицах и в публичных мѣстах часто встрѣчаются разносчики, предлагающіе чистую воду и только.

Бывая в городѣ, я объѣзжал мѣстных фотографов, и выбирал у них снимки тѣх мѣст берегов Босфора, которыя лежат вблизи фортов, или являются наглядным дополненіем интересных для нашей комиссіи пунктов. Всѣ свои замѣтки и фотографіи я не держал в отелѣ, а отвозил на русскую посольскую яхту „Колхиду", бывшую тогда под командою Кап. 2 ранга В. С. Сарнавскаго[2]).

На селямликах и в консульствѣ я встрѣчался с нашим морским агентом лейтенантом Вл. Ал. Степановым[3]), раза два он пріѣзжал ко мнѣ в Терапію и давал мнѣ не мало полезных свѣдѣній. Он избѣгал часто ко мнѣ ѣздить, т. к. его знали хорошо агенты турецкой военной развѣдки и могли бы по нем выслѣдить меня.

---

[1]) Подаваемый в маленьких каструльках с гущей.

[2]) В 1904—5 г. командовал кр. „Палладой" подорванной в Артурѣ японцами. Командовал Черноморской эскадрою в 1908—10 гг. В чинѣ Вице-Адмирала был членом Адмиралтейст. Совѣта и умер в 1913 г.

[3]) Это был очень талантливый морской офицер, спеціалист по кораблестроенію, артиллеріи и минному дѣлу. По его проекту были построены первые минные заградители. Погиб около Порт-Артура в 1904 г. от взрыва мины, командуя заградителем „Енисей"

В концѣ іюня я считал свою миссію оконченною и, уложив свои замѣтки и фотографіи в портфель, я свез его в наше посольство для наложенія посольских печатей. Оттуда я переѣхал на яхту „Колхиду“[1]), с которой пересѣл на русскій пароход. Пароход был „Лазарев“ — старый и содержался грязно. Через 36 часов мы прибыли в Одессу. Благодаря посольским печатям мой багаж не осматривался.

Недѣлю я составлял отчет по обслѣдованію Босфора, по моими эскизным наброскам был нарисован в красках и в большом масштабѣ (a‘ vol d‘oiseau) план Босфора с разставленными орудіями на Бейкосских высотах и заграждающими параходами. Я представил отчет новому морскому министру[2]). По прочтеніи он был переслан главном штабу. Лѣтом высшія военныя власти были в отсутствіи: кто на Нижегородской Всероссійской выставкѣ, кто на маневрах, — и потому комиссія „по особому запасу“ собиралась позднею осенью и разматривала мой отчет без меня, так как Высочайшим приказом был назначен командиром клипера „Крейсер“, находившагося в составѣ Тихоокеанской эскадры[3]) в Японіи.

НАЗНАЧЕНІЕ КОМАНДИРОМ „КРЕЙСЕР“.

Перед отъѣздом на Восток, я узнал от профессора Инж. академіи К. И. Величко, что комиссія согласилась с моим проектом, а об отчетѣ дала отзыв: „изложено-точно офицером генеральнаго штаба“. По мнѣнію комиссіи, такой отзыв я должен был считать для себя очень лестным, но я уже интересовался предстоящим командованіем клипером и сборами на Восток.

2-го января 1897 г. простился с женою и дѣтьми; наши милые „малыши“ лежали в то время в кори.

Пароход Добровольнаго Флота „Тамбов“ вышел из Одессы на Дальній Восток через Суэц. На нем было около 40 пассажиров I-го класса и баталіон пѣхоты, переводимой во Владивосток. Моими попутчиками были кап. 2-го ранга А. А. Купреянов, ѣхавшій командовать „Отважным“ и А. П. Варнек, назначенный старшим офицером на „Гремящій“ (он ѣхал с женой и маленькой дѣвочкой). Тут было еще нѣсколько морских офицеров, и сухопутные офицеры баталіона, большинство с женами. „Тамбов“ был уже не новый пароход, с машиной „компаунд“ и средній ход имѣл 10—12 узлов, по командир лейтенант Пауре содержал его в порядкѣ, подражая в чистотѣ

[1]) Яхта стояла здѣсь на Буюкдерском рейдѣ против Русскаго Посольства и вблизи моей гостинницы.

[2]) П. П. Тыртов смѣнил в то лѣто Н. М. Чихачева.

[3]) Эскадрою командовал В. Адм. Е. И. Алексѣев.

военным судам. Первый наш порт был Константинополь, там мы простояли весь день на Буюкдерском рейдѣ, куда пріѣхал меня проводить наш морской агент В. А. Степанов. В Порт-Саид мы прибыли на 5-й день.

Прошли Суэцким каналом и, выйдя в Красное море, мы переодѣлись в тропическіе костюмы. Но штатскіе пассажиры, в особенности сухопутные офицеры, не ожидая столь быстрой смѣны русских морозов на тропическую жару, парились в своих зимних костюмах и высоких сапогах в заправку. Пароход зашел на остров Перим, и, сдав какой то груз, вышел в Индѣйскій океан.

Январь — лучшій мѣсяц в этом океанѣ, — мы имѣли прекрасную погоду: дул слабый NO-ый муссон и пріятно освѣжал публику, собиравшуюся на ютѣ под тентом; любители винта играли в карты, молодые офицеры ухаживали за армейскими дамами, правду сказать, мало интересными, остальные читали книги из судовой библіотеки, или просто скучали. Скука и сосредоточенное молчаніе суть отличительныя свойства русскаго общества, гдѣ бы оно ни собралось: будь то в вагонѣ, или на пароходѣ. На иностранных пароходах, в экспрессах, в общих столовых отелей заграницей вы слышите оживленный разговор, шутки, смѣх; вообще чувствуется пульс бьющей общественной жизни — и всѣ быстро знакомятся. Наоборот, русскіе люди в собраніях любят закутываться в тогу апатичнаго молчанія или печоринской отчужденности. Впрочем, на пароходѣ избавлял нас от скуки общій любимец интересный, остроумный разсказчик — судовой доктор [1]). Он обладал необычайной памятью и каждый вечер собирал вокруг себя все пароходное общество и из его уст лились безконечные разсказы правдивых, волшебных и даже невѣроятных событій из исторій Индіи, Египта, Греціи, Китая, Нормандскіе саги, буддійскія преданія, разсказы Диккенса, Боккачіо и пр. и пр. По нѣсколько раз в день мы окачивались душами океанской воды, но спать в каютах было трудно и мы устраивались на ютѣ. На пароходах в бездѣльи и отсутствіи моціона сон вообще плох. На военном кораблѣ в этом отношеніи лучше: там за день так набѣгаешься, что ночью хоть нѣсколько часов проспишь и подкрѣпишь свои силы.

Около 20-го января мы прибыли в Коломбо. Пассажиры, небывшіе в тропиках, были в восторгѣ; дамы набрасывались на индійскія шелковыя ткани, покупали жемчуг и разные камни; мужчины осматривали город и отдыхали на тѣнистых верандах роскошнаго отеля „Continental". Только нашим армейцам, без тропических костюмов и штатскаго платья, было нѣсколько трудно: сняв с себя длиннополый суконный мундир, они съѣзжали на берег в русской косовороткѣ и офицерских брюках в

[1]) Молодой человѣк, кажется из евреев; фамиліи его не помню.

заправку; на берегу их принимали за простых мужиков, и в столовой отеля лакеи-сингалезцы обходились с ними довольно небрежно. Один собрался съѣхать в красной рубашкѣ, но наш любимец — доктор удержал его от этого, объяснив ему, что его могут принять за палача. Пассажиры остались довольны, повидав хоть небольшой кусочек Цейлона. Вѣдь многіе армейцы и чиновники зачастую переводятся на службу нарочно на Дальній Восток, отправляясь на пароходѣ, с надеждой „повидать свѣт". Но наши „добровольцы", спѣша прибыть через 6 недѣль во Владивосток, заходят в рѣдкіе порта и то не надолго. Из попутных портов только Коломбо, Сингапур и Нагасаки представляют интерес для туристов; остальныя мѣста только скучныя угольныя станціи. Такіе пассажиры прибывают во Владивосток совершенно разочарованными: они за 6 недѣль, кромѣ воды двух океанов и синяго неба, почти ничего не видѣли.

„Тамбов" через 6 дней прибыл в Сингапур. Наши пассажиры с жадностью набросились на ананасы, повидали ботаническій сад и пожили два дня в отелѣ.

Отсюда пароход пошел прямо в Нагасаки. Через 5 дней стало замѣтно холоднѣе; был февраль мѣсяц, и мы подвигались к сѣверу. У острова Формозы задул свѣжій NO (балов до 8-ми) пароход закачало и пассажиры разлеглись по каютам.

На 9-й день вѣтер стих, стало теплѣе и при ясной погодѣ „Тамбов" вошел на рейд Нагасаки 6-го февраля утром.

На рейдѣ стояла эскадра Адм. Алексѣева [1]). Моего клипера на рейдѣ не было; он был в Кореѣ и на съемкѣ острова Каргодо. Надѣв мундир, я явился адмиралу. Он принял меня очень привѣтливо, сказав, что знает меня, как бывшего старшаго офицера „Мономаха", и предложил мнѣ поселиться в гостиницѣ на берегу, пока клипер „Крейсер" не вернется сюда из Кореи, куда ему была послана об этом телеграмма. Четырех-недѣльное пребываніе в тропиках на „Тамбовѣ", да еще без всякаго моціона, дурно повліяло на мои нервы и я там почти лишился сна; поэтому я был очень рад случаю отдохнуть нѣсколько дней в гостиницѣ. В Нагасаки зима был прекрасная: днем горѣло умѣренно солнце, а ночи были холодныя и, благодаря этому, я начал быстро приходить в себя и спать вполнѣ удовлетворительно в холодном отельном номерѣ под 3-мя теплыми одѣялами. Когда через недѣлю пришел „Крейсер", то я был уже совершенно здоров и поѣхал на клипер принимать его от кап. I ранга Н. А. Беклемишева [2]).

Он представил мнѣ офицеров и команду. Затѣм мы обошли весь корабь и, съѣздив на „Рюрик" с рапортом к адмиралу,

---

1) „Рюрик" (под его флагом), „Память Азова", „Всадник" и „Гайдамак" и канонерки „Манджур" и „Кореец".

2) В 1906 году А. А. Беклимишев ранен в плечо во время Кронштадтскаго бунта — умер 1907 г.

мы вернулись на „Крейсер". Был прощальный обѣд для него и привѣтственный — для меня. Уже поздно вечером окончился обѣд с пьяными застольными пѣснями „Чарочка моя". Беклемишев прямо с клипера переѣхал на пароход, уходившій во Владивосток, а я лег спать, чтобы завтра с утра идти на пробную милю для ознакомленія с морскими качествами крейсера. Это был старый корабль постройки 1875 года [1]) с плохой машиною „компаунд" Ижорскаго завода, дававшей ему не болѣе 10 узлов. Имѣя высокій рангоут, он был хорошим парусником и в морѣ держался недурно. Под парусами ворочал исправно, но циркуляцію имѣл большую. Командный мостик был у бизань-мачты (сзади), откуда невидно под своим носом, поэтому управляться на тѣсных рейдах было довольно трудно. Но изучив его качества, мнѣ удавалось выходить на нем даже задним ходом из узких рейдов, управляясь кливером и бзианью попеременно. Я явился к адмиралу, он уже и раньше знал о недостатках крейсерских механизмов. Поэтому мнѣ была предложена к исполненію слѣд. программа: март и половину апрѣля я продолжаю начатую съемку этого острова Каргодо, праздники Пасхи провожу с эскадрою в Нагасаки, а в концѣ апрѣля мнѣ идти в Владивосток, отремонтировать механизмы и приготовить клипер к отдѣльному крейсерству (на все лѣто) в Беринго́во море для охраны Командирских островов, т. е. тюленьяго промысла от набѣгов хищнических шкун[2]).

Ознакомившись с личным составом, я 20-го февраля вышел продолжать картографическія работы по съемкѣ острова Каргодо, считавшагося в то время важным[3]) стратегическим пунктом на случай войны с Японіей. Прійдя туда, я раздѣлил офицеров на двѣ партіи, я отправлял одну на берег с инструментами для береговой съемки, а другую — в море для промѣра бухт и окрестных заливов.

К вечеру обѣ экспедиціи производили обработку наблюденій, нанося их на карты и планы. Погода стояла ясная, и ра-

---

[1]) В год нашего выпуска из Училища клипер, только что построенный, уходил в первое кругосвѣтное плаваніе с моими товарищами-гардемаринами.

[2]) „Крейсер" был единственный парусный корабль в эскадрѣ, годный для крейсерства в океанѣ, поэтому ему давались всегда отдѣльныя назначенія, а совмѣстно плавать с боевыми судами он не мог, имѣя малый ход под парами.

[3]) Остров Каргодо лежит у юговосточнаго берега Корейскаго полуострова в Корейском проливѣ против [печальной для нас памяти] острова Цусима, в разстояніи 10 миль от послѣдняго. Каргодо богат удобными закрытыми бухтами, заливами и холмами, годными для постройки фортов. Вооруженный крѣпостными орудіями, он мог-бы соперничать и даже господствовать над своим сосѣдом Цусимой, лежащем в узкости при входѣ в Японское море. В то время Россія при поддержкѣ Европейской коалиціи, [Франція, Германія] добивалась получить протекторат над Кореей и занять Порт Артур, чтобы вывести Великій Сибирскій путь к незамерзающему Желтому морю, но Порт-Артур и Корея, перед тѣм за два года, были заняты Японіей послѣ войны [1895] с Китаем. Так как по требованію Россіи, Японія была лишена этих плодов своей побѣды и они достались Россіи, — Японія рѣшила отнять все это силою оружія. В отвѣт на это мы собирались вооружать о-в Каргодо.

боты изо дня в день подвигались с полным успѣхом. Когда задувал свѣжій вѣтер, партіи оставались на крейсерѣ и занимались составленіем карт. Примѣтным мѣстам этого острова давались имена по фамиліям офицеров, так были заливы Беклемишева, Цывинскаго, бухты Міонсарова и Григорьева, (и. д. старшего офицера), мыс Родіонова и. т. д. К концу мѣсяца остров весь был описан. Стоял я в это время на якорѣ (без паров) в открытом заливѣ своего имени и разсчитывая на утро уйти в Нагасаки. Но под вечер задул жестокій SO с порывами, достигавшими степени шторма. За кормою клипера оставалось до обрывистаго берега не болѣе двух кабельтовых (200 сажень).

Пришлось отдать 2-ой якорь, но он держал плохо, и к полночи клипер начале дрейфовать. Положеніе было не из важных: травить канат нельзя было, т. к. до берега оставался уже один кабельтов. Пришлось развести пары и работать машиной на якорѣ. Вѣтер развел большую волну и гнал ее с моря в залив прямо клиперу под нос. Он подымался, как конь на дыбы, цѣпные канаты трещали и били по клюзам, а корма мало по малу приближалась к утесу...

Я рѣшил уходить в море, удалось бы только быстро поднять якоря[1]). С разсвѣтом разбудил команду и, при дружной работѣ шпиля, быстро подхватили якоря; дав полный ход машинѣ, я бросил клипер вперед и вышел в море. Под японским берегом вѣтер стал стихать и с восходом луны установилась хорошая погода. Утром я пришел в Нагасаки и, обрѣзав адмиралу корму, стал на якорь в глубинѣ рейда, около Иносы. Была страстная недѣля, наша команда говѣла на „Рюрикѣ". Японская весна была в полном разгарѣ: горы быстро зазеленѣли, миндальныя рощи и мандариновыя деревья покрывались розовыми и бѣлыми цвѣтами. 3-го апрѣля праздник „цвѣтов и змѣи", жители большими толпами пестрѣли на склонах гор, а над ними в воздухѣ на большой высотѣ парили бумажныя змѣи, украшенныя цвѣтами. При огромном ликованіи ребят происходит забавный спорт, состоящій в том, чтобы своим шнуром срѣзать в воздухѣ шнур змѣя своего соперника и упавшій змѣй побѣжденнаго партнера дѣлается призом побѣдителя.

Пасха была отпразднована с подобающим торжеством. Послѣ заутрени на „Рюрикѣ" адмирал пригласил разговѣться к своему столу всѣх командиров. У нас в кают-кампаніи по заказу заботливаго содержателя (доктора Ромашева) японскіе искусные кондитеры напекли массу всевозможных куличей, баб и всяких „таберо".

---

[1]) На клиперѣ был еще старый ручной шпиль, с которым только при очень опытной и бравой командѣ можно быстро поднять якоря и двинуть корабль вперед раньше, чѣм его корма ударится о близкій берег.

Прибыл в Нагасаки (через Америку) новый командующій эскадрой к-адмирал Ф. В. Дубасов.

Он поднял свой флаг на „Памяти Азова“ и считался пока младшим флагманом, до отъѣзда адмирала Алексѣева. Ф. В. встрѣтил меня очень сердечно, как стараго соплавателя и мы с ним облобызались, несмотря на разность положеній. На фоминой недѣлѣ я ушел во Владивосток для ремонта клипера.

Я нашел этот порт много измѣнившимся к лучшему: на рейдѣ для судов были поставлены бочки; в военном портѣ был готов каменный сухой док[1]) и строился другой — больших размѣров; портовыя зданія и мастерскія были всѣ каменныя, много пристаней, плавучій док; на берегу новый вокзал; два дворца с садами для главнаго командира[2]) порта, и военнаго губернатора, и наконец Свѣтланская улица была вся вымощена. (Sic!)

Выросло нѣсколько больших каменных домов, открылись двѣ большія торговыя фирмы „Кунст и Альбертс“ и „Чурин“, и появилась наконец первая большая гостиница „Тихій Океан“, с претензіей на заграничные отели; но с первых же дней своего существованія была загрязнена по русскому обычаю.[3])

Я немедленно приступил к ремонту клипера, а сам крейсер был поднят на плавучій док для очистки подводной части. К концу мая я вышел из дока и готовый к уходу на сѣвер, но пришла на рейд вся Тихоокеанская эскадра с обоими адмиралами, и судьба моего крейсера рѣшилась иначе. В виду того, что в эскадрѣ единственным парусником был мой клипер, пригодный для учебнаго плаванія, адмирал рѣшил готовить на нем боцманов и унтер-офицеров, причем крейсер должен был уходить в отдѣльныя практическія плаванія в Японское и Китайское моря, учебные курсы проходить там-же. А в Беринговo море была отправлена канонерка „Кореец“.

В то переходное время паруса — как двигатель, уже отслужили свой вѣк, и на новых судах были замѣнены паровыми, воздушными, электрическими и другими механизмами; но для развитія в будущих боцманах ловкости, находчивости и лихости, во всѣх флотах „учебные корабли“ были парусные. Их обыкновенно отправляли надолго в отдѣльное плаваніе под парусами; этим пріучали их к морю и в результатѣ получали бравых и лихих боцманов и унтер-офицеров.[4])

---

[1]) Заложенным Наслѣдником в 1891 году.

[2]) Адм. Г. П. Чухнин.

[3]) Здѣсь я застал также своего брата Вячеслава с женою; он в качествѣ инженера был прислан для работ по изысканію Вост. Кит. ж. дороги.

[4]) Но введеніе на современных судах всевозможных механизмов неминуемо потребовало большого числа спеціалистов [машинистов, мотористов, гальванеров, электротехников, торпедистов и проч...], для обученія коих были устроены в портах школы, но в эти школы пришлось поневолѣ набирать молодежь из фабричнаго контингента, людей уже испорченных, сомнительной нравственности и пьющих; поступая на службу на корабль, они приносили дух мрачнаго недовольства, уны-

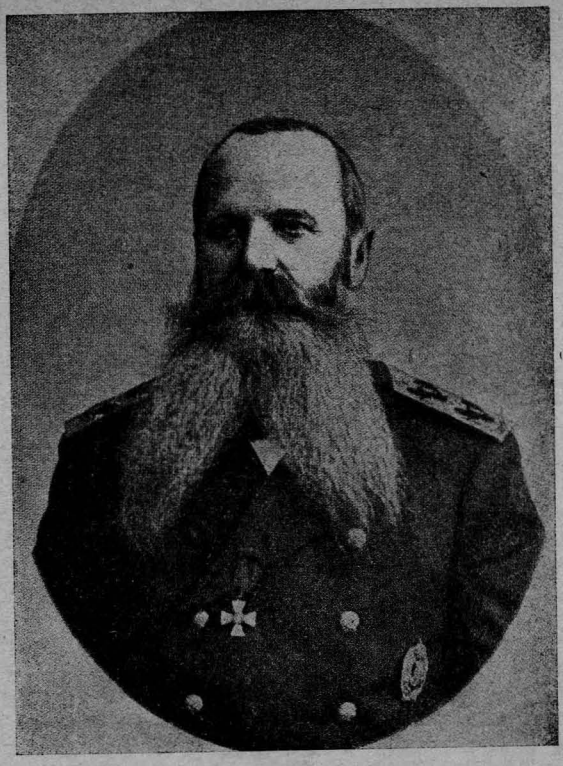
На крейсер было прислано с эскадры 100 человѣк лучших, здоровых и грамотных матросов для подготовки в унтер-офицеры. Они были раздѣлены на 4 вахты и в каждую вахту назначен офицер, он же и учитель своей вахты.

Якорной базой был назначен порт Гензан в Кореѣ, откуда я должен был выходить в крейсерство под парусами в Японском и Китайском морях, а в дни якорных стоянок — тренировка на катерах под парусами и прохожденіе курса морской практики; в программу входили артиллерійскія стрѣльбы и минныя ученія. Одним из вахтенных учителей был мичман А. В. Колчак.

Это был необычайно способный, знающій и талантливый офицер, обладал рѣдкою памятью, владѣл прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоціи всѣх морей, знал исторію всѣх почти европейских флотов и морских сраженій. Служил на крейсерѣ младшим штурманом до возвращенія в Кронштадт в 1899 году. В 1900—1901 году участвовал в полярной экспедиціи барона Толя. Затѣм, пройдя артиллерійскій класс и Морскую академію по отдѣлу Генер. Штаба, — читал лекціи в той-же академіи, а лѣтом занимал должности на эскадрах, по своей спеціальности. В 1912—1913 был начальником экспедиціи Ледовитаго океана с цѣлью пройти от Беринговаго пролива до Архангельска, но война 1914 г. застаивала его вернуться и тогда он поступил в штаб адм. Эсена, гдѣ пробыл до 1916 года. В чинѣ адмирала назначен командующим Черноморским флотом. В 1918 году, не желая подчиняться большевистскому безтолочью уѣхал в Англію; затѣм в Америку, а оттуда побрался во Владивосток; в Сибири стал во главѣ арміи Чехо-словаков для борьбы с совѣтским правительством и для возстановленія законнаго порядка в Россіи; но интриги сибирскаго правительства и измѣна чехов, предавшей его в руки большевиков, погубили этого энергичнаго и достойнаго героя, который был единственным из всѣх вождей, пытавшихся спасти Россію — способным возстановить порядок и спасти ее от гибели и разоренія... В 1920 г. разстрѣлян в Иркутскѣ.

29-го мая я ушел в Гензан. На русских картах он назван портом „Лазаревым“. Это огромный рейд с глубиною, достаточною для больших судов, вполнѣ защищен с моря островами „Нахимовым“, „Корниловым“ и „Купреяновым“. Между двумя послѣдними в проливѣ лежало до сих пор разломанное днище корвета „Витязя“, разбившагося здѣсь в туманѣ под командою кап. I ранга Зорина в 1895 году.

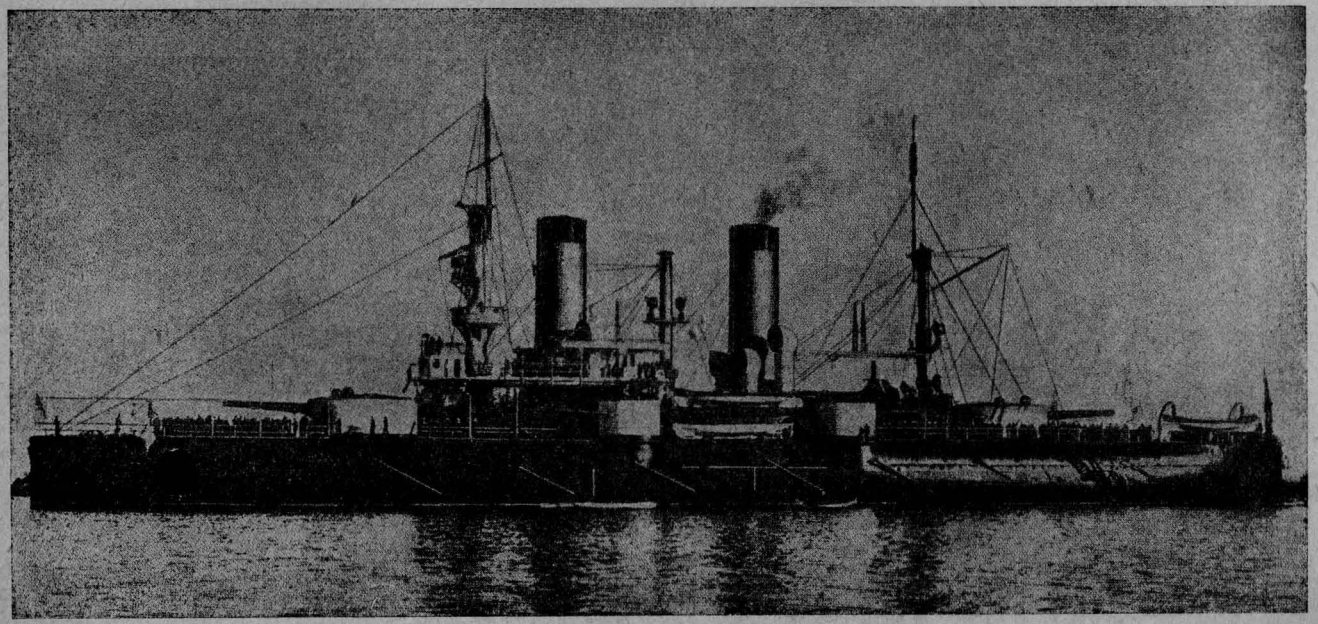
нія и недовѣрія к начальству. Поэтому для подготовки в боцмана и строевые унтер-офицеры, в виду поддержки корабельной дисциплины и порядка, выбирались молодые люди хорошей нравственности, здоровые, жизнерадостные, из архангельских поморов, бывших судоводителей, рулевых парусных судов, и вообще людей, привыкших к морю и любящих свое ремесло.



Вице-адмирал С. О. Макаров,
погибшій на броненосцѣ „Петропавловск“ у Порт-Артура 13-IV 1904 г.

Вел. кн. Кирилл Владимирович,
с фотографіи 1904 г.

Знамен. художн. В. В. Верещагин,
погибшій на „Петропавловскѣ“.



Эскадренный броненосец „Петропавловск“.

В южной части бухты расположен глухой корейскій городок, Гензан; но, благодаря предпріимчивости нѣскольких японских торговцев, мы могли получать все необходимое для команды и кают-кампаніи: свѣжую провизію, мясо, зелень и хлѣб. Европейцев всего было трое: м-р Ойсен—датчанин, вдѣшній старожил, женатый на китаянкѣ, на службѣ в корейской таможнѣ.

Один русскій — агент пароходства „Старцева“ и француз-миссіонер Pere Bréte.

Мѣстечко вообще не из веселых: ни отелей, ни ресторанов, а о театрѣ нечего и думать. Прійдя туда, я начал парусные рейсы в Японском морѣ. Тут приходилось, в зависимости от вѣтра, ходить всякими галсами; дѣлать повороты, на ночь брать рифы и проч. Обучались принимать шквалы, спускаясь на фордевинд и наоборот — в крутой бейдевинд, приходилось и штилевать, болтаясь на мѣстѣ под хлопающими парусами. Иногда задувал непродолжительный штормик, очевидно это часть разсѣяннаго тайфуна, дувшаго в Южном Китайском морѣ. По воскресеніям мы возвращались на рейд. Команда свозилась гулять на берег, а мы офицеры, пригласив с берега европейцев, отправлялись с ними прогулкою в лѣс к развалинам и могилы какой-то древней корейской королевы.

Послѣ вся компанія приглашалась на клипер к обѣду, а иногда и наоборот — мы всѣ обѣдали у М-ра Ойсена. Pere Bréte и русскій хозяйства не держали. Личность французскаго миссіонера заслуживает вниманія.

Это был молодой еще человѣк (лѣт 35), типичный провансалец, крѣпкаго тѣлосложенія, смуглый брюнет с окладистой черной бородой, живой, интересный и остроумный разсказчик. Всесторонне образованный, он знал, кромѣ своего роднаго, италіянскій и англійскій языки, а также китайскій и корейскій, на послѣднѣм он вел в Кореѣ пропаганду — удаляясь на многіе мѣсяцы вглубь страны и проповѣдуя там Евангеліе. Изучив хорошо новое отечество[1]), он посылал корреспонденціи и статьи в миссіонерскія журналы в Европу. Таких одиночек проповѣдников разсыпано нѣсколько десятков человѣк по самым диким странам Восточной Азіи. В качествѣ контроля и духовной опеки над ними Миссіонерская Консисторія в Шанхаѣ с епископом во главѣ. Pere Bréte — это убѣжденный миссіонер, глубоко преданный своему дѣлу, разсказывал нам много интересных случаев из своих странствованій по глухим и диким мѣстам Азіи, гдѣ он неоднократно подвергался опасности быть закиданным каменьями из-за ненависти китайцев к „бѣлым дьяволам“. Эти эпизоды наш добродушный собесѣдник разсказывал с таким

[1]) По регламенту французскаго О-ва Миссіонеров Дальняго Востока — проповѣдник, уѣзжавшій в дикія страны, должен навсегда покинуть свою родину и вполнѣ ассимилироваться в своем отечествѣ.

забавным юморомъ, какъ если бы разсказъ касался шуточнаго случая.

Pere Bréte жилъ въ домикѣ при капеллѣ и питался скромными подношеніями крещенныхъ корейцевъ — прихожанъ. Мы его часто приглашали на клиперъ къ обѣду и снабжали его сухой провизіей, консервами и виномъ.

Второй нашъ частый гость — датчанинъ Мр Ойсенъ, очень свѣтлый блондинъ, шведскаго типа съ наружностью англійскаго джентльмена, очень корректный, вѣжливый и гостепріимный человѣкъ, жилъ на морскомъ берегу; его собственный домъ, обставленный съ полнымъ англійскимъ комфортомъ, имѣлъ видъ коттеджа съ круговой верандой, при немъ былъ садъ и виноградникъ. Женатый на китаянкѣ имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей: дѣвочку (13 л.) свѣтлую, очень хорошенькую блондинку съ голубыми глазами и нѣжнымъ цвѣтомъ лица. Мальчикъ (10 л.) наоборотъ, былъ кофейнаго цвѣта мулатъ, съ черными воловьими глазами и густой щетиной черныхъ волосъ, у дѣвочки голосъ былъ нѣжный дискантъ, мальчикъ говорилъ гортаннымъ басомъ. Дѣти между собой и матерью говорили по китайски, а съ отцомъ по датски и по англійски. Въ нашихъ прогулкахъ къ гробницѣ королевы дѣти всегда принимали участіе, они ѣхали верхами, дѣвочка на мулѣ, а мальчикъ на пони. Жена Ойсена къ намъ не выходила; во время его званыхъ обѣдовъ она распоряжалась за стѣною, но въ столовую показываться стѣснялась.

Третій европеецъ — былъ русскій, какъ уроженецъ Сибири, могъ впрочемъ, и не числиться европейцемъ. Онъ былъ роста средняго, глаза имѣлъ сѣрые, носъ обыкновенный, лицо чистое, особыхъ примѣтъ не имѣлъ, впрочемъ былъ грамотенъ и водку пилъ умѣренно. Другихъ качествъ за нимъ не числилось и потому сказать о немъ нечего.

КОРЕЯ.

Корея — страна исключительно земледѣльческая; рисъ, ячмень, кукуруза и гаолянъ — главные продукты вывоза. Жаркое лѣто и влажный климатъ способствуютъ разведенію огородной культуры; здѣсь зрѣютъ ъыни, арбузы, свекла, и мѣстами — виноградъ. Рыбный промыселъ и скотоводство составляютъ также важныя статьи народнаго богатства. Что же касается обрабатывающей промышленности, то вблизи Сеула есть нѣсколько лѣсопильныхъ заводовъ и паровыхъ мельницъ, вотъ и все, и то они въ японскихъ рукахъ.

Отсутствіе культуры, народнаго самознанія, арміи и флота, ставило эту страну всегда въ политическую зависимость отъ болѣе энергичныхъ и сильнѣйшихъ сосѣдей. Корейскій король и его дворъ въ 1897 г. находился въ рукахъ двухъ борющихся партій

— русской и японской. Японія, считая издавна эту страну своей колоніей, и завладѣв ею во время побѣдоносной войны (в 1895 г.) с Китаем, не хотѣла отдать ее Россіи, захватившей королевскій двор и насадившей в Сеулѣ своих министров. Японія, задыхаясь от тѣсноты на своих островах, должна имѣть выход на азіатскій континент, а Россія, владѣя необозримыми площадями Восточной Сибири и Уссурійскаго края, не сумѣла справиться с ними и их культивировать, а еще полѣзла в Корею. Это соперничество двух восточных держав породило в началѣ между ними охлажденіе, и мало помалу привело к національной враждѣ. В это время постройка Сибирской дороги подходила к концу (к Владивостоку), и от Харбина строилась вѣтвь через Манджурію на Порт Артур[1]), о пріобрѣтеніи котораго Россія вела переговоры с Китаем — тайно от Японіи. Этот „секрет полишинеля" был извѣстен всему міру, и Японія стала серьезно готовиться к войнѣ.

Корейскій народ миролюбив, скромен и трудоспособен; при рѣдком, сравнительно, населеніи, он имѣет земли вдоволь, потому сыт и не стремится к прогрессу. Національный цвѣт одежды корейцев — исключительно бѣлый, даже и зимой, только куртки и брюки подбивают ватой; женщины только поверх платья носят розовыя кофты. В корейских деревнях у каждаго дома можно видѣть цѣлыя стаи откормленных щенков; пушистые, короткомордые, со стоячими ушами, они напоминают сибирских лаек; их разводят, как у нас поросят, ими питаются.

Климат в Кореѣ, тот же, что и во Владивостокѣ: лѣтом сильныя жары при постоянных туманах и дождях, а зимою морозы и на рейдѣ плавает лед. Холодное теченіе из Охотскаго моря, по берегам Уссурійскаго края, проходит на юг вдоль Корейскаго берега и производит туманы. Лѣтом рѣдкій день бывает без дождя. Такія погоды очень мѣшали нашим якорным ученіям и только выходя в море, мы могли обсушиться и отдохнуть от банной атмосферы, стоявшей постоянно на рейдѣ. Эти неудобныя условія Гензанскаго рейда заставили адмирала на будущій учебный сезон якорной стоянкою для учебнаго корабля избрать Чифу.

В сентябрѣ туманы прекратились и наступила прекрасная осень, напоминающая Крым: созрѣл виноград, поспѣли груши, арбузы и дыни; за обѣдом у нас на кораблѣ и у м-ра Ойсена подавались роскошные фрукты. Но 1 го октября кончался учебный сезон и мы ушли в Владивосток сдать обученных унтерофицеров. Адмирала Алексѣева я не застал, он сдал эскадру Ф. В. Дубасову и ушел на „Рюрикѣ" в Іокогаму, откуда через Америку и Париж отправился в Россію.

---

[1]) Отнятый у Японіи и возвращенный Китаю.

Во Владивостокѣ стояла прекрасная погода, на рейдѣ большое оживленіе — вся эскадра была в сборѣ: новый адмирал дѣлал смотры и знакомился с судами; по праздникам — гонки шлюпок, и в эти дни у адмирала на „Памяти Азова“ бывали пріемы гостей[1]) с береговыми дамами. Хозяйкою была сама Александра Сергѣевна, пріѣхавшая со всѣми дѣтьми через Сибирь из Петербурга.

Она, как старшая дама, приняла на себя предсѣдательство в различных благотворительных учрежденіях для матросов с цѣлью отвлечь их от пьянства в береговых кабаках; она раздѣлила эту обязаннность с м-м Чухниной[2]), которая сохранила за собою предсѣдательство в таких же учрежденіях для команд береговых сибирских экипажей; было затѣяно устройство сада „без крѣпких напитков“ и театра для отпускавшихся на берег наших команд. Завѣдываніе этим театром она возложила на меня и В. В. Игнаціуса[3]). Но я сославшись на экзамены моих учеников подсунул ей своего офицера мичмана Алешу Геркена[4]). За устройство же театра принялся Игнаціус с присущей ему энергіей и художественным вкусом.

Наша адмиральша, заняв большой дом на берегу бухты и, подняв на нем флаг с гербом Дубасовых[5]), любила представительность и устраивала у себя пріемы, а иногда и обѣды, на которые приглашались командиры судов и береговыя власти.

Когда на рейдѣ появляется лед, эскадра, по заведенному издавна порядку, потянулась на юг в Японію, а нѣкоторым судам предписывалось (до декабрьских заморозков) обойти берега Кореи и ознакомиться подробно с ними, как мѣстом возможным в будущем военных операцій в случаѣ войны с Японіей. Мнѣ выпало послѣднее и я пошел обходить Корею. По пути зашел в Гензан, там наших друзей мы не застали: Ойсен уѣхал по службѣ в Сеул, а француз ушел на проповѣдь в глубь страны. На рейдѣ плавал лед и мы вскорѣ ушли в Фузен принять участок земли под будущій угольный склад. Прошли по Корейским шкерам вплоть до большого рейда „Rechy bay“ на котором застал адмирала на „Памяти Азова“. Через недѣлю и вслѣдствіе наступивших холодов, ушли грѣться в Нагасаки.

Было начало декабря, но в Нагасаки солнце хорошо грѣло и только по ночам чувствовался холод. Эскадра пополнилась — из Балтики прибыли: „Наварин“, „Сысой Великій“, „Дмитрій Донской“, а с ними младшій флагман к. адм. Реунов; пришел из Камчатки и „Кореец“.

---

[1]) На англійскій лад — five o'clok tea.

[2]) Жена командира порта адм. Чухнина.

[3]) В то время командовал крейсером „Гайдамак“.

[4]) В чинѣ лейтенанта погиб в бою на бр. „Бородино“ в Цусимском проливѣ.

[5]) Дубасов, получив орден Георгія, выхлопотал себѣ в турецкую войну в Департаментѣ герольдіи герб с военными атрибутати.

П. О. Серебренников купил для меня собольих шкур и красных лисиц. Эти мѣха я отослал женѣ с добровольцем „Петербург".

Адмиральша с дѣтьми поселилась в Нагасаки на дачѣ Гинсбурга и мы с ней часто встрѣчались на „Рюрикѣ", куда адмирал перенес свой флаг. В Нагасаки я застал новаго консула М. М. Устинова (бывшаго морск. офицера), с первых же дней своей службы выказавшаго много энергіи и заботливости об интересах русских судов в Японіи, чѣм он сразу пріобрѣл всеобщія симпатіи офицеров эскадры. Его предшественник, наоборот, был типичным русским консулом — чиновником: разсѣянный, забывчивый, добродушный лѣнтяй; судов русских не знал, перепутывал почту, приходившую на суда и вообще не заботился о защитѣ интересов русских подданных в Нагасаки.

На Рождество на судах для команды были елки с лотереею и подарками. Под новый год, по пути во Владивосток зашли на рейд два добровольца с командами волонтеров для охраны от разбойничьих шаек хунхузов строившейся в Манджуріи ж. дороги. Начальник охраны полковник Гернгрос привел на елку к адмиралу на „Рюрик" десятка два кавказцев, артисты танцовавших лезгинку с кинжалами под свои зурны на палубѣ.

ЗАНЯТІЕ ПОРТА АРТУРА.

В эту зиму стояли на рейдѣ англійскіе крейсера: „Immortality" и „Undaunted", наблюдавшіе за движеніями нашей эскадры, т. к. всѣм стало извѣстно, что русское посольство в Пекинѣ настойчиво добивается получить от Китая в долгосрочную аренду Порт-Артур и Таліенван (как конечный пункт южной части Восточно Китайской дороги). Тогда же нѣмцы требовали у Китая уступки бухты Кяу-чау в отплату за убійство хунхузами нѣмецкого миссіонера. Союзница Японіи, Англія, зорко слѣдила в Пекинѣ за этими переговорами и намѣтила себѣ в компенсацію порт Вейхавей, а за нашей эскадрой наблюдали эти два крейсера. Это не мѣшало обоим капитанам держать себя с нами вполнѣ по джентельменски, и даже часто по вечерам они играли с нами (А. В. Вирениус, В. В. Игнаціус, П. О. Серебренников и я) в кегли в Bowling club'ѣ a captain Chechester, лихой спортсмен, был дружен с нѣкоторыми нашими командирами, сопутствовал нам в прогулках в окрестныя горы и приглашал нас к обѣду на крейсер, и обѣдал часто у наших командиров.

В концѣ января 1898 Ф. В. Дубасов получил от нѣмецкаго адмирала Дидерихса телеграмму, что он своею эскадрою[1]) занял

[1]) четыре старых броненосца.

по приказу из Берлина [1]) бухту Кяу-чау. В Берлинѣ хорошо знали рѣшительный характер Дубасова (он там был перед тѣм военно морским агентом) и были увѣрены, что этот захват заставит нашего адмирала поспѣшить двинуться на П. - Артур. Дѣйствительно, Ф. В. в тот же день отправил в Петербург срочную секретную телеграмму, испрашивая разрѣшенія занять Порт Артур (не ожидая оканчанія пекинских переговоров), дабы предупредить возможный захват его судами англійскаго, или японскаго флата. В бюрократическом Петербургѣ с отвѣтом не торопились, отложили телеграмму до дня очереднаго доклада министра иностр. дѣл в Царском Селѣ. Дубасов „рвет и мечет". Между тѣм на рейдѣ и в городѣ носятся слухи, что англійскій флот собирается в Порт-Артур, чтобы встать первым у входа и не допустить к нему наши суда. Выждав нѣсколько дней, Ф. В. посылает вторую и на этот раз уже рѣшительную телеграмму самому Царю, испрашивая повелѣнія немедленно занят Артур. Отвѣт был расшифрован самим адмиралом, поэтому никто не знал его содержанія. Но от штаба эскадры по рейду был пущен фальшивый слух, что в Сеулѣ произошли какія то волненія корейцев (недовольных интригами японской миссіи при дворѣ короля) и что для охраны русскаго посольства туда посылаются три наши корабля [2]) и дѣйствительно адмирал Реунов получил от Дубасова запечатанный секретный пакет (который обыкновенно раскрывается уже при выходѣ в море), гдѣ указывается ему порт назначенія. На 3-х судах его отряда начали готовиться к походу с расчетом на разсвѣтѣ выйти в море и с вечера задымили их трубы, разводя пары.

Был ясный прохладный февральскій вечер, по набережной Нагасаки гуляли офицеры с эскадры и береговая русская публика. Я шел с А. А. Вириніусом, возвращаясь из Bowling Club'а, гдѣ мы сыграли с англійскими капитанами 2 партіи в кегли. При встрѣчѣ с Гинсбургом зашла рѣчь о предстоящем походѣ отряда адм. Реунова. Гинсбург с улыбкою освѣдомленнаго человѣка выразил сомнѣніе о походѣ в Сеул, и указав рукою на дымящіяся трубы англійских крейсеров, сказал: „вот эти навѣрное знают, куда идет наш отряд и боюсь, что они предупредят наших."

И дѣйствительно, когда стемнѣло, оба крейсера без шуму ушли с рейда в море. Отряд Реунова только спустя 7 часов ушел в море; впослѣдствіи мы узнали, что он ушел в П.-Артур и, прійдя туда через двое суток, застал там обоих наших пріятелей, стоявших у самаго прохода в порт и загораживавших

---

[1]) Это был провокаторскій ход Вильгельма II-го толкавшаго Николая II-го (как впослѣдствіи подтвердилось из опубликованных писем его к царю) — на Дальній Восток, чтобы отвлечь его вниманіе от Басфора и Малой Азіи, куда он сам стремился, прокладывая жел. дор. на Багдад — в Персидскій Залив.

[2]) „Сысой Великій", „Наварин", „Дмитрій Донской".

вход. Дубасов, возмущенный нахальством англичан, срочно донес об этом в Петербург, требуя энергичнаго представленія нашей дипломатіи в Лондонѣ и ухода англичан из Порт Артура.

В это-же время русскій посланник в Пекинѣ—Павлов [1]) телеграфировал Дубасову, что Пекинское правительство окончательно согласилось на уступку нам Порт Артура, и что теперь пора идти принимать этот порт от мѣстных китайских властей. Адмиральскій штаб отдал приказы и инструкціи о предстоящих операціях эскадры для овладѣнія крѣпостью и портом в случаѣ сопротивленія китайцев [2]). Из Владивостока пришли два „добровольца" с полком пѣхоты и 2-мя казачьими сотнями. Гинсбург приготовил два больших транспорта с углем. Все было готово к походу, ожидали только сообщенія Реунова об уходѣ англичан.

Мѣстныя англійскія газеты, в угрожающих статьях возбуждали общественное мнѣніе Востока против захватов Россіи, а под этот шум англійскій адмирал Buller на броненосцѣ „Centurion" занял без сопротивленія китайских властей Вейхавей [3]). Получив наконец извѣстіе, что англійскіе крейсера ушли [4]), Дубасов со всѣм флотом двинулся 10-го марта 1898 года в Артур. 13 марта эскадра вошла на Артурскій рейд и приготовилась на утро по боевому расписанію и с десантом на катерах войти в гавань. 14-го марта первым вошли в порт оба „добровольца" с сухопытным войсками. В гавани на стѣнкѣ собралась большая толпа китайской черни и кули, и с радостными привѣтственными криками, они взбѣгали на сходни помогая сводить казачьих лошадей. При таком мирном пріемѣ со стороны китайцев, на эскадрѣ пробили отбой и суда малой осадки (до 22 фут.) поодиночкѣ входили в гавань. К вечеру стало извѣстно, что обѣ китайскія дивизіи отступили [5]) за предѣлы черты, отчужденной нам территоіи Квантунскаго полуострова. Моему крейсеру, как „учебному кораблю" не было дано никакой роли в этой „воинственной" операціи Я был отправлен в Шанхай в качествѣ представителя от эскадры на случай заказов на тамошних заводах различных сооруженій [6]) для возстановленія разрушеннаго порта, а равно и для капитальнаго ремонта крейсерских механизмов и рангоута. Я был

---

[1]) Лейтенант в отставкѣ русскаго флота

[2]) В Артурѣ загородом стояли двѣ дивизіи китайских войск, генерал Ли, командир I-й дивизіи получил 100.000 руб. от посольства за невмѣшательство во время нашего занятія Артура, но генералу Фу—командиру 2-й дивизіи, по какому то недоразумѣнію, ничего не было дано, поэтому ожидалось сопротивленіе со стороны 2-й дивизіи.

[3]) На сѣверн. берегу Печилійскаго залива, против Порт-Артура в 85 милях.

[4]) Они ушли в Вейхавей на соединеніе с отрядом адмирала Buller'а

[5]) Оказалось впослѣдствіи, что и второму китайскому генералу дали 50.000 р. отступного.

[6]) Землечерпательных машин, кранов, опрѣснителей и т. п. механизмов для возстановленія разрушеннаго порта.

очень доволен провести зиму в большом, европейскаго типа городѣ, с театрами, клубами и проч. чѣм стоять в глухом П.-Артурѣ.

В Шанхаѣ я стал на рѣкѣ Усунгѣ возлѣ судостроительнаго завода „Old Dock“ и, послѣ переговоров с директором, был рѣшено ввести меня в док.

На всѣ работы заводу потребовалось около 6-ти недѣль сроку. Англичане принялись за работу добросовѣстно и я был спокоен за своевременное их окончаніе.

Зимній сезон был в полном разгарѣ: французскія и англійскія общества устраивали в своих клубах вечера, любительскіе спектакли, маскарады[1]). Наш генеральный консул Димитревскій и его жена, весьма радушные хозяева—принимали у себя ежедневно на five o'clock tea и наши офицеры охотно у них бывали.

В мартѣ настала теплая погода и наши офицеры в обществѣ семейства консула устраивали прогулку в загородный парк, гдѣ устроены площадки для всякаго рода спорта.

Эта зима вознаградила наших офицеров за скучное учебное плаваніе в пустынном Гензанѣ и такое же плаваніе предстояло в Чифу и к этому учебному сезону.

В мартѣ прибыл с германской эскадрой принц Генрих Прусскій для открытія памятника[2]) погибшему в тайфунѣ крейсеру „Iltis'у“. Я салютовал его флагу и поѣхал представиться. Предложив мнѣ выпить с ним по бокалу шампанскаго, он пригласил меня принять участіе в торжествѣ открытія памятника.

Торжество открытія было назначено через два дня. Перед памятником выстроились взводы от всѣх націй: тут были американцы, японцы, италіянцы, англичане, мой взвод и цѣлый баталіон от германской эскадры[3]).

Принц принимал парад, отдавая честь по военному, а нашему взводу крикнул по русски „спасибо, ребята“. Затѣм командиры судов возлагали вѣнки.

Наш серебряный вѣнок от русской эскадры принц рѣшил не оставлять на памятникѣ[4]), а отослать его в Кяу-Чау и хранить там в лютеранской церкви.

Послѣ у германскаго консула был обѣд, на который от имени принца были приглашены командиры всѣх судов и консула націй, бывших па торжествѣ.

Как было упомянуто, я получил порученіе адм. Дубасова предложить Шанхайским фирмам взять на себя оборудованіе разрушенных сооруженій Артурскаго порта. Но ни завод „Old Dock“, ни другія фирмы не имѣли технических средств для

---

[1]) По случаю карнавальнаго сезона.

[2]) Памятник был построен на набережной рѣки Усунга.

[3]) Французскій крейсер, не желая участвовать в парадѣ, ушел наканунѣ из Шанхая в море.

[4]) Чтобы ночью его не украли китайцы.

столь значительных работ и отказались от нашего предложенія. Поэтому пришлось обратиться в С-Франциско [1]), как ближайшій промышленный центр. Установив крейсер в док, я по порученію адмирала отправился в С-Франциско. В Іокогамѣ я пересѣл на один из новых быстроходных пароходов срочной „Тихоокеанской линіи „Pacifique“ в 16,000 тонн, проходящій разстояніе в 6,000 слишком миль до С-Франциско в 13 дней. На пути он зашел пополнить уголь на нѣсколько часов в Хонолулу [2]), чѣм воспользовались пассажиры, сдѣлав прогулку за город и повидав мѣстный вулкан Manna-loa — 8000 mtr. высотою. По пути пару дней нѣсколько покачало, и за табельдотом в эти дни мы не видѣли американок и англійских lady'c. В С-Франциско я обратился, по указанію нашего консула, к одной из значительнѣйших фирм North-America Shipbulding ingens's comp.“ Их инженеры освѣдомились с большою подробностью о состояніи Артурской гавани и порта, мастерских и доков; смотрѣли планы, соображали и обѣщали через два дня дать отвѣт — принимают-ли на себя работы по оборудованію П.-Артура. Я жил в отелѣ и за эти два дня объѣхал город с его небоскребами, садами и окрестностями.

Завод „Shipbulding“ заявил мнѣ, что общество их рѣшило командировать своего главнаго инженера для личнаго ознакомленія со всѣми деталями оборудованія порта и города, и что он собирается отправиться в Артур на пароходѣ, уходящем завтра в Іокогаму. Я взял мѣсто на том-же быстроходном пароходѣ и через 13 дней мы были в Іокогамѣ. Я возвратился в Шанхай. Работы на крейсерѣ подходили к концу за тѣ 29 дней, что я употребил на поѣздку.

Стоя у завода, заканчивая ремонт механизмов, мы отпраздновали Пасху, пригласив к заутрени всю русскую колонію с нашим консулом во главѣ. 25 апрѣля я ушел в Порт-Артур.

Этот новый опорный пункт Россіи достался нам в том же полуразрушенном состояніи, в каком он был возвращен Китаю японцами. Дубасов энергично принялся за составленіе плана работ для созданія новой твердыни. Присланные из Петербурга военно-инженерная и артиллерійская строительныя комиссіи развернулись в многолюдныя канцеляріи и пошли строчить милліоныя смѣты и чертить планы сооруженій. В порту требовалось расширить большой док, исправить малый, углубить восточную гавань и построить новую в западном маловодном бассейнѣ, а в мастерских пополнить комплекты станков и механизмов. Составлялись планы новаго города на берегу западнаго бассейна с грандіозным парком и православным Николаев-

---

[1]) Натянутыя отношенія с Японіей исключали возможность обращаться к японским фирмам.

[2]) В группѣ островов Гавайя.

ским собором. Предсѣдательницей[1]) комиссіи двух послѣдних построек была назначена жена адмирала. Игнаціусу было и здѣсь поручено устройство для матросов театра и надо отдать ему справедливость — его театр был готов одним из первых, и к началу лѣта в нем давались уже народные спектакли. Пріѣхали инженеры Ст. Кербедзь[2]) и Югович и открыли свое бюро по постройкѣ южной линіи Вост. Китайской жел. дороги. Там я видѣл уже готовые планы постройки коммерческаго порта в Таліенванѣ („Порт Дальній") с доками и гаванью, а также планы вокзала и пристаней в новом Порт-Артурѣ. Проекты по созданію „новой твердыни" пеклись, как блины, и посылались планы и миліонныя смѣты, испрашивая срочных ассигнованій для спѣшных[3]) сооруженій по порту и крѣпости, но в Петербургѣ никто и не думал о далеком Артурѣ, там были заняты „текущими дѣлами", урѣзывали смѣты, и переводы денег оттягивали на цѣлыя полугодія.

4-го мая прибыл принц Генрих с германской эскадрой; Дубасов, знакомый с ним по Берлинѣ, принял его с должным почетом и сердечным радушіем. Они совмѣстно объѣхали порт, обѣ гавани, Золотую Гору и территорію будущей крѣпости. На „Рюрикѣ" был парадный обѣд, на нем присутствовали всѣ командиры германской и нашей эскадры. Дубасов на французском языкѣ сказал соотвѣтствующую случаю рѣчь с тостом за принца и его эскадру. Принц сердечно благодарил за пріем и за наше участіе на открытіи памятника, и поднял бокал за Дубасова и русскій флот. Я сидѣл рядом с уже знакомым мнѣ лейт. гр. Spee[4]) Принц отвѣчал обѣдом на „Deutschland" и на третій день он ушел в Кяу-чау устраивать свой новоприобрѣтенный порт.

Лѣтом в Артурѣ установилась жаркая погода, ежедневныя грозы и духота; в гавани, закрытой Золотой горой, воздух был как в банѣ. Собрав учеников с эскадры, рад был освободиться от этого душнаго пекла и ушел в Чифу для учебнаго плаванія. В этом глухом китайскаго типа городкѣ нам предстояло как в прошлом году в Гензанѣ, пробыть до осени, выходя періодически в крейсерства для тренировки команды.

---

[1]) В члены этой комиссіи попал и я, но скоро от нея освободился, уйдя в учебное плаваніе в Чифу.

[2]) Кербедзь был предсѣдателем правленія О-ва Восточно Кит. ж. д., Югович — начальником постройки всей В. Кит. ж. д., Гиршфельд и Игнаціус — Нач. Пост. Южн. линіи. Они мнѣ сообщили, что мой брат Вячеслав, проводившій в Манджуріи изысканія Вост.-Китайск. жел. дор. был в тайгѣ серьезно ранен (в плечо и в грудь) хунгузами, стрѣлявшими из засады в лѣсу. По окончаніи работы на своем участкѣ он вынужден был отказаться от дальнѣйшаго участія в постройкѣ и возвратился в Россію через Америку и западную Европу.

[3]) Из донесеніи наших военно-морских агентов было извѣстно, что Японія готовила свой новый флот к 1904 году для войны с Россіей.

[4]) Впослѣдствіи к-адм. граф Шпее во время всеевропейской войны командовал отрядом германских крейсеров, потопленных англійскою эскадрою у Фалкландских островов (1914 г.)

Стоянка в Чифу много лучше Гензана. Здѣсь на берегу имѣется прекрасный пляж с курортом и котеджами, куда на лѣто выѣзжает европейская публика, спасаясь от духоты ближайших китайских городов. Из русских здѣсь проживали на дачѣ адмиральша А. С. Дубасова с дѣтьми, военный агент в Китаѣ полк. Ген. Штаба Десино с семьей и агент Добровольного Флота; здѣсь кромѣ дач имѣется на берегу в обширном паркѣ школа для совмѣстнаго обученія юношей и дѣвочек европейцев. Школа поставлена на англійскій лад; на классныя занятія положено только 3 часа до полудня, а весь остальной день школьники заняты разнаго рода спортом: гимнастика на открытом воздухѣ, игра в фут-бол, верховая ѣзда и морской спорт на парусных яхтах и шлюпках; устраиваются парусныя и весельныя гонки с призами. Школа имѣет свой оркестр; по праздникам бывают концерты и вечера, на которые приглашаются живущіе на курортах родственники и знакомые учеников. На рейдѣ вмѣстѣ со мною стоял крейсер „Корнилов" (командир С. С. Черкасс). По праздникам мы поочередно обѣдали друг у друга и съѣжали вмѣстѣ погулять на пляжѣ.

В наших прогулках участвовали семейства адмиральши и полковника Десино. Дѣти их любили ѣздить к нам на крейсер, гдѣ их обыкновенно на шлюпки и под парусами катали по рейду. Это для них было большой радостью и они приходили в восторг, когда в свѣженькій вѣтерок катер ложился на бок и почти черпал бортом. Послѣ катанія дѣтей угощали на судах традиціонным шоколадом и разными сластями. В будни я по прошлогоднему крейсеравал под парусами в Пичилійском заливѣ и Японском морѣ, и дважды ходил на стрѣльбу из орудій и мин.

В іюлѣ я сходил в Артур сдать учеников и набрать смѣну. В Артурѣ было душно и жарко: зелень вся выгорѣла и, при обычных там вѣтрах, по гавани носилась песчаная пыль и засыпала суда.

Адмирал показался мнѣ похудѣвшим, усталым и недовольным петербургским начальством, апатично относившимся к его требованіям средств на вооруженіе крѣпости и Артурскаго порта.

К осени, в морѣ дул чаще свѣжій вѣтерок и наше парусное крейсерство стало веселѣе. В августѣ, через Чифу прошел обычный в то время тайфун, но ослабленный горами Шантугскаго полуострова, он в Чифу не произвел значительных опустошеній. Я отошел под высокій остров и укрылся за ним, стоя на двух якорях и под парами, верхній рангоут был спущен, поэтому дувшій на нашем рейдѣ SO был крѣпок, но не превышал 10 баллов. Но этот шторм на открытом Артурском рейдѣ произвел много аварій: русскія суда, не успѣвшія скрыться в гавани, должны были выйти в море и штормовать под парами за подвѣтренным берегам Квантунскаго полуострова. Но китайскій

военный транспорт прозѣвал начало шторма и был выброшен на скалистый берег „Тигроваго хвоста“. Портовыя команды подавали ему с берега помощь, пустивши на пароход спасательную ракету, но китайская команда не сумѣла закрѣпить спасательный линь и бросалась вплавь[1]), они десятками разбивались о бушующій скалистый утес. Всю ночь наши команды работали на берегу, но спаслось китайцев немного.

Сентябрь в Чифу был очень хорош, наступил виноградный сезон, поспѣли фрукты, в курортах прибавилось публики и на пляжѣ по вечерам бывало очень оживленно. В сентябрѣ в Артурѣ послѣ экзаменов ученики были произведены в унтер-офицеры и расписаны по своим судам, а адмирал произвел подробный инспекторскій смотр[2]). Прибыв на крейсер в 9 час. утра со своим штабом, адмирал долго обходил фронт, опрашивая претензіи; произвел артиллерійское ученіе, пожарную и водяную тревогу с посадкою людей на шлюпки, заставил спустить и поднять рангоут, поставить и закрѣпить паруса. Наконец подробно осмотрѣв всѣ внутреннія помѣщенія до трюмов включительно, спрашивал хозяев кингстонов и кранов их назначеніе. Только в 3 м часу пополудни окончился смотр, и адмирал нашел, что „крейсер находится в боевой готовностн и в совершенном порядкѣ“. В каютѣ, он объявил мнѣ, что получил разрѣшеніе моему крейсеру теперь же возвращаться в Россію и что об этом радостном для меня извѣстіи он не рѣшился объявить мнѣ лишь пока не убѣдился, что крейсер находится в том состояніи, в каком суда должны возвращаться в Кронштадт.

Адмирал предложил мнѣ самому избрать маршрут, только назначил мнѣ день ухода из Артура 5 ноября и день прибытія в Кронштадт — 1 мая 1899 г. Но за этот мѣсяц я должен еще входить во Владивосток, сдать там вышедших в запас[3]) старых матросов и принять новобранцев, потом зайти в Нагасаки, принять полный запас угля и к 5 ноября прибыть к адмиралу за инструкціями и секретными пакетами в Петербург. Я утром ушел во Владивосток. На этом переходѣ 2300 миль всѣм было радостно и весело: из кают-кампаніи доносились звуки рояля, а на бакѣ команда заливалась веселыми пѣснями под гармонію и унтер-офицерскія дудки. Механики старались нагнать побольше пару, а вахтенные начальники пользовались малѣйшим вѣтром и прикидывали парусов, сколько возможно. Старый крейсер бѣжал точно по наклонной плоскости.

---

[1]) Китайцы — фаталисты и в виду опасности предают себя на волю судьбы, не принимая мѣр к спасенію.

[2]) Инспекторскіе смотры по положенію производились обыкновенно судам, возвращавшимся из отдѣльнаго плаванія; судам, пришедшим из Россіи, а равно и судам, уходящим с Дальняго Востока в Россію

[3]) Окончивших срок службы, для отсылки на добровольцѣ сейчас в Кронштадт.

В Владивостокѣ стоял адм. Реунов со своим отрядом. Он поздравил меня с возвращеніем в Россію и представил мнѣ свободу дѣйствій. На слѣдующій день я списал стариков, они должны были через два дня уѣхать на добровольцѣ, а из Сибирскаго экипажа получил новобранцев. Во Владивостокѣ октябрь был ясный, солнечный, зелень на „Итальянском берегу“ еще была свѣжа, но в воздухѣ чувствовался осенній холод.

Сдѣлав прощальный визит адмиралу Чухнину[1]) и Реунову, я 20 октября, подняв традиціонный длинный вымпел, пошел по рейду вдоль стоявших судов эскадры, имѣя матросов на марсах, а смѣльчаки забрались даже на клотик. Под кормою адм. Реунова они в отвѣт, на его прощальный возглас, гаркнули во всю грудь радостное „ура“, и посыпались в воду их старыя фуражки[2]). На адмиральском кораблѣ оркестр играл нам напутственный марш, а наше громкое ура гремѣло долго по рейду, пока я не завернул за входной маяк...

В третій раз я возвращался с Дальняго Востока домой, но этот момент ухода на родину мнѣ был наиболѣе памятен и радостен.

Я знал из писем жены, что она, оставшись одна, имѣет много забот с дѣтьми: старших дѣтей пришлось опредѣлять — дочь в институт, а старшаго сына — в Морское Училище, и он из первых уже выдержал туда экзамен; малышам было еще 5 лѣт и оба они требовали за собой постояннаго ухода. Она одна без мужской помощи должна была устать за три года моего отсутствія.

Я с радостью стремился домой и рѣшил не задерживаться в попутных портах, чтобы своевременно прибыть в Россію.

Идя в Нагасаки с попутным вѣтром и ясной погодой, крейсер бѣжал как хорошій рысак, чуя скорое возвращеніе в родную конюшню. И паруса надутые, и старая машина работали совмѣстно, точно состязаясь, кто лучше везет. Механики частенько смотрѣли за корму на работу винта.

К концу третьяго дня я пришел в Нагасаки. На рейдѣ стоял только что прибывшій в Тихій океан новый крейсер „Россія“ под командой Капитана I-го ранга Доможирова;[3]) а в должности вахтеннаго лейтенанта плавал в. к. Кирил Владимирович. Я долго не задерживался, принял уголь и разные запасы на плаваніе, и закупил нѣсколько пар ваз, нѣсколько сервизов, лаковых и черепаховых вещей для подарков в Петербургѣ.

Я помню до сих пор день выхода с рейда. Было ясное осенне утро, я стоял рядом с „Россіей“, вокруг меня за ночь набралось много пароходов, а около борта толпились шлюпки

---

[1]) Гл. Командир Владивостокскаго порта.

[2]) Длинный вымпел и бросаніе старых фуражек с марсов в ходу — это традиціонный прощальный пріем на судах всѣх флотов при уходѣ на родину.

[3]) Впослѣдствіи в 1901 г. был Нач. Мор. Корпуса в чинѣ к.-адмирала.

с провожавшими нас японскими торговцами. Развернуться поред ним ходом при одной машинѣ и выйти из этой тѣсноты не было возможности.[1]) Я рѣшил испытать крейсер, выйдя задним ходом. Управляясь рулем и подняв кливер и бизань, мнѣ удалось проскользнуть кормой между двух пароходов[2]) и, выйдя на свободный простор, я дал полный ход машинѣ и повернул в море. Ну, теперь прощай, прекрасная Японія! Едва ли я приду сюда еще когда-нибудь. Война с ней на носу, а послѣ войны бывшія симпатіи на долго замѣнятся взаимной враждой.

К вечеру слѣдующаго дня, обогнув Корею, я стал подниматься к сѣверу и у острова Квельпатра стало пасмурно, а за ним я встрѣтил свѣжій NW баллов 7 и крейсер заболтался на крутой и неправильной волнѣ: ход убавился до 6-ти узлов и так пришлось мотаться еще двое суток. Вблизи Артура вѣтер этот стих, а на 5-й день плаванія — 1-го ноября я отдал якорь на Артурском рейдѣ, и к вечеру с приливом вошел в порт и явился к адмиралу. Он предоставил мнѣ 4 дня на сборы перед плаваніем, а сам со штабом готовил в Петербург свои секретныя донесенія, касавшіяся артурских крѣпостных и портовых построек. В откровенной со мною бесѣдѣ адмирал выразил недовольство Петербургом, апатично относившимся к его представленіям (вооруженіе Артура) и желаніи своем скоро вернуться в Петербург.[3])

Наканунѣ ухода я сдѣлал прощальные визиты портовым властям, затѣм объѣхал суда эскадры, простился с всѣми командирами, а своих ближайших товарищей я пригласил к себѣ на крейсер позавтракать. За завтраком было шумно и весело. Нѣкоторые из моих гостей поручили мнѣ посылки своим родным в Россіи. Вечером я был приглашен обѣдать к адмиралу; он передал мнѣ секретные пакеты для Мор. Министра. Я представил адмиралу список портов, куда я намѣрен был зайти по пути: Шанхай, Гон-Конг, Сингапур, Пуло-вей у острова Суматры, Коломбо, Аден, Джибути, Суэц, Порт-Саид, Неаполь, Кадикс, Шербург, Канал Вильгельма, Киль, Ревель.

5 ноября 1898 г. был на рѣдкость в то время года ясный, солнечный день. В 9 час. утра крейсер с длинным вымпелом тронулся к выходным воротам. На стѣнкѣ гавани стоял адмирал с женою и дѣтьми, командиры судов и портовыя власти, у самых ворот выстроился оркестр, играя напутственный марш. Моя команда с марсов кричала ура... и бросала в воду старыя

---

[1]) В то время на всѣх судах было по двѣ машины, с которыми легко развернуться на точкѣ, но старый мой крейсер при одной машинѣ имѣл діаметр циркуляцій около 4-х кабельтовых (400 саж).

[2]) Там весь экипаж вышел на верх смотрѣть — удастся-ли мнѣ этот рискованный маневр, и когда я вышел из тѣсноты, они по знаку своего боцмана всѣ дружно захлопали в ладоши.

[3]) Через годъ его замѣнил адмирал Е. А. Алексѣев, назначенный Намѣстником всего Дальняго Востока.

шапки. Пройдя ворота у „Тигроваго хвоста“ начал салют адмиральскому флагу. Получив отвѣт, я дал полный ход и вышел на рейд; стоявшія там суда послали по марсам своих людей и провожали нас таким-же „ура“.. Крейсер, выйдя в открытое море, убрал длинный вымпел и закрѣпил орудія по походному. Обогнув Шантунгскій полуостров, я вошел в Китайское море и лег на юг до параллели устья Янцекіанг. На этом пути ночью пришлось проходить рыболовную банку, а на ней, как на Дагербанкѣ [1]), толпятся тысячи крейсирующих китайских джонок, занимаясь ловлей рыбы. В этой толпѣ мелькающих безчисленных огней надо очень искусно лавировать, чтобы не раздавить какого нибудь китайца. Эти рыбаки и частью просто — пираты, сами лѣзут под нос проходящим судам, чтобы потом получить выгодную плату за полученную аварію. Кадитаны коммерческих судов поэтому держатся правила не давать джонкам дороги и идут прямо, не сворачивая с курса, в расчетѣ, что ночью парусныя джонки не догонят парохода и не узнают его имени. Всю ночь до разсвѣта мнѣ пришлось не сходить с мостика.

В густом туманѣ я пришел на параллель р. Янце. Здѣсь по цвѣту морской воды [2]), легко опредѣлить черту, гдѣ слѣдует мѣнять курс на восток. За 20 миль до входа в рѣку Усунг [2]) тянется широкая отмель, в которой имѣются два параллельные фарватера, безпрестанно заносимые песками и ежедневно поддерживаемые землечерпалками компаніи Шанхайских лоцманов, которые за довольно дорогую плату вводят всѣ пароходы, в Шанхай, причем южный фарватер служит для входа в Усунг, а сѣверным фарватером лоцмана ведут суда, входящія в р. Янце. У начала фарватера я встал на якорь и по мѣстным правилам ждал очереднаго лоцмана. Хотя на картѣ подробно обозначены глубины по всей длинѣ фарватера, но так как он постоянно заносится песком, то ни один пароход не рискует идти сам без лоцмана. Я долго ждал лоцмана и не дождавшись его до 3-х час. дня, когда уже наступали сумерки я, уступая настойчивым многократным увѣреніям (недавно ко мнѣ назначеннаго) старшаго штурмана лейт. Не...ва, что он недавно шел сѣверным фарватером и знает его очень хорошо, осторожно малым ходом с лотовыми по бортам, пошел под проводкою этого лейтенанта по сѣверному фарватеру, обставленному баканами и вѣхами. Пройдя не болѣе 6—7 миль, я почувствовал, что крейсеру тяжело и что он ползет килем по песку, точно на салазках, и в тот-же момент лотовый с лѣвой крикнул „15 фут“!... (крейсер сидѣл кормой 16 фут). Я моментально застопорил машину и

[1]) В Нѣмецком морѣ.

[2]) Рѣка Янцекіанг из своего устья выгоняет массу песку в море и уже за 60 миль от берега морская вода мѣняет свой синій цвѣт на желтый.

[3]) Устье рѣки Усунг, куда слѣдовало войти крейсеру для входа в Шанхай находится в смежности с устьем рѣки Янце.

дал задній ход, а Не.....ва прогнал с мостика; он, сконфуженный убѣжал вниз и на ходу продолжая увѣрять, что слѣдует продолжать идти тѣм же курсом. Крейсер не послушался и остановился. Вызвав всю команду на верх, я приказал им быстро перебѣгать с правого борта на лѣвый; раскачав таким образом крейсер, я опять дал задній ход и сошел благополучно с мели. Стал на якорь на достаточной глубинѣ, а на катерѣ отправил мичмана Колчака за лоцманом. Лоцман ощупью, малым ходом повел нас в Шанхай. Он объяснил мнѣ, что за послѣднюю недѣлю землечерпалки не успѣли углублять сѣверный фарватер и его занесло мѣстами песком. Только на утро я прибыл в Шанхай. Мнѣ предстояло разсчитаться с заводом за произведенный в прошлую зиму ремонт, получить запасныя части нѣкоторых механизмов, и принять сухую провизію на плаваніе. В Шанхаѣ я простоял 2 недѣли и там часто встрѣчался с нашими друзьями из русской колоніи. Зимній сезон в городѣ уже начинался, возобновились спектакли, вечера и званые обѣды.

На пути в Гон-Конг, в Китайском морѣ уже начал задувать NO муссон, но еще не равномѣрно, поэтому я шел то под парусами, то над парами. На 5-й день вечером я пришел в Гон-Конг.

На рейдѣ стоял англійскій Тихоокеанскій флот под командой адмирала Фрименталя и германская эскадра принца Генриха; тут еще были три американских крейсера, пришедшіе недавно из Филиппинских[1]) островов и японская канонерка. С подъемом флага я салютовал англійской націи, а затѣм принцу Генриху и англійскому адмиралу. Получив отвѣты, я сдѣлал визиты обоим адмиралам. Принца Генриха я не застал на кораблѣ, меня принял гр. Spee и сказал, что принц нанял на горѣ виллу для принцессы Ирены, которая прибывает сюда из Европы.

Декабрь был в самом началѣ, в Гонконгѣ было тепло, но не жарко, а на „Викторія пик", гдѣ расположены дачи, погода напоминала осенній сезон в Крыму.

На день Николая Чудотворца я пригласил всѣ военные суда принять участіе в салютѣ и расцвѣчиваніи флагами. В 11 час. утра прибыл на крейсер с отвѣтным визитом принц Генрих и поздравил нас с царским праздником. Он пригласил меня на виллу к обѣду на другой день послѣ принцессы Ирены, которую он ожидает сегодня или завтра.

Утром пришел большой германскій пароход новаго типа. На мостикѣ стояла группа дам и придворных кавалеров, вытянутых по военному и одѣтых с нѣмецким шиком. В этот момент к пароходу пристал принц Генрих и послѣ взаимных привѣтствій все общество отправилось на берег.

---

[1]) В войнѣ с Испаніей Сѣвероамериканцы захватили Филиппинскіе острова в 1898 г.

На слѣдующій день к 8-ми час. вечера я, поднявшись на фюникюлерѣ, прибыл в виллу „Victoria Lodge“. Принц представил меня принцессѣ и за обѣдом мнѣ было указано мѣсто рядом с хозяйкой. Кромѣ хозяев за столом сидѣл почтеннаго вида старый гофмейстер, сопровождавшій принцессу, одна статс-дама, одна фрейлина, капитан 1-р. Миллер и лейтенант гр. Spee. Принцесса была проста и привѣтлива и разсказывала мнѣ о своем путешествіи. Дѣтей (двух сыновей) она оставила перед отъѣздом в Ливадіи у своей сестры Александры Федоровны. За обѣдом, кромѣ обычнаго шампанского, подавалось в венеціанских бокалах рейнское вино и баварское пиво „Pschor“ в спеціальных старинных кружках; то и другое было, очевидно, привезено с собою на пароходѣ из Германіи. Послѣ обѣда в гостинной, под рояль фрейлины, любезные хозяева бесѣдовали со мною до поздняго вечера. Принц предложил мнѣ для сокращенія пути, пройти каналом Вильгельма [1]) вмѣсто того, чтобы огибать Данію. При моем прощаніи принцесса поручила мнѣ по прибытіи в Россію передать поклон Государынѣ, ея сестрѣ.

Я простоял еще три дня; спустил здѣсь команду поочередно на берег, дабы дать им возможность закупить китайских и японских издѣлій для подарков в Россіи. Я пріобрѣл здѣсь партію манильских сигар; на них есть много любителей между нашими моряками.

12 декабря, я вышел в Сингапур. На этом пути — в тропической полосѣ — NO муссон дул уже довольно правильно и первые четыре дня плаванія я шел под парусами, мѣстами неся и лиселя. Дѣлая по 200 миль в сутки, я на 5-й день подошел к 5-му градусу сѣверной широты и здѣсь заштилѣл, и пошел далѣе под тремя котлами и на 7-й день поздно вечером вошел в Сингапур. На утро я послал ревизора за углем, чтобы принять его полный запас на плаваніе до Коломбо, но оказалось что англійскіе углеторговцы, под давленіем своего правительства [2]) устроили стачку спеціально против русских судов, подняв цѣну кардифа до 60 шиллингов за тонн, вмѣсто 30-ти. Я приказал пока принять только 1/4 полнаго запаса, разсчитывая при помощи нашего консула попытаться развѣдать, нѣт-ли по близости (хотя бы на Суматрѣ) угольной станціи, придналежащей голландцам (напр. в Ачинѣ), или другой націи, но не англичанам.

---

[1]) Недавно открытый канал Вильгельма имѣл чисто стратегическое назначеніе для прохода по нем только германских военных судов. Но принц обѣщал мнѣ оказать протекцію и сообщить об этом в Берлин и в Киль.

[2]) Это была месть за захват нами Порт-Артура. В это время для пополненія нашей Тихоокеанской эскадры двигалось много наших судов из Кронштадта в Порт-Артур. На поворотном пунктѣ в Сингапурѣ им приходилось обязательно брать полные запасы угля, а близ этого мѣста был извѣстен только порт Пенанг и еще маленькій порт Малакка и оба англійскіе; судам нашим приходилось невольно переплачивать за уголь, т. к. другого выхода не было.

Рождество я рѣшил провести здѣсь, устроив командѣ елку и освѣжить их, спуская на берег.

Елка была, как полагается, с подарками, а вмѣсто елки наш поставщик привез какую то пальму. На крейсерѣ спать в каютѣ было жарко и душно, поэтому я на три дня переѣхал в гостиницу и там в просторном номерѣ на широкой кровати отоспался авансом, имѣя в виду, что на предстоящем переходѣ в океанѣ мнѣ придется проводить всѣ ночи на верхней палубѣ, полулежа на бамбуковом лонгчерѣ. Днем, по заведенному там порядку, я освѣжался по нѣсколько раз в день душами. Гостиницы в Сингапурѣ, как и всюду в тропиках, устроены так, чтобы квартиранты страдали как можно меньше от жары: для этого комнаты расположены всѣ в один ряд, имѣя двѣ противоположныя стѣны с выходящими дверьми на веранды, покрытыя очень широкими крышами, в дверях вмѣсто стекол сдѣланы жалюзи для сквозного вѣтра: потолка нѣт, а черепичная крыша положена на стропила с протоком воздуха между балками. Лицевой вход — с парадной веранды, а выход на черную веранду, и далѣе-против каждаго номера на дворѣ построено такое же длинное зданіе с отдѣльной ванной для каждаго жильца. В серединѣ стоит огромная кровать с жестким травяным матрацем и жестким же валиком вмѣсто подушки, вся кровать обтянута кисеей для защиты от москитов, а на стѣнах и потолках дремлют бѣлыя ящерицы, разводимыя нарочно для истребленія насѣкомых и в особенности скорпіонов, часто там встрѣчающихся. В столовых у потолка устроены автоматическіе большіе спанкеры [1]), качающіеся посредством электрических проводов. К каждому напитку за столом прислуга обносит лед и кладет его кусками без спроса в бокалы. При таких условіях жизнь европейцев в тропиках становится сносною. Но такого комфорта устроить на судах не возможно, а потому, каждый моряк в порту старается дать себѣ отдых, прожив хоть нѣсколько дней в комфортабельном отелѣ.

В один из дней я был приглашен вмѣстѣ с нашим консулом к губернатору Сингапура, на обѣд. Губернаторскій дворец находится загородом в роскошном паркѣ. Весь дом и самая крыша выкрашена в бѣлый цвѣт, высокія в два свѣта залы с глухими ставнями и жалюзи дают массу свѣжаго воздуха и все вообще приспособленно так, чтобы жара наружнаго воздуха была внутри наименѣе чувствительной. В просторной столовой качался больших размѣров спанкер и своим вѣтром производил ритмическое колыханіе цѣлаго газона нѣжных папоротников, поставленных в центрѣ элиптическаго стола. Губернатор, пожилой лорд с наружностью сановника, был с нами корректно любезен, а его жена изыскано радушна и говорила довольно правильно по французски. Все общество было в тропических бѣлых платьях,

[1]) Вѣера.

причем для жаркаго климата англичане изобрѣли бѣлые фраки[1]) без фалд в родѣ куртки с открытой манишкой и со шнипиком сзади. Я, в бѣлом кителѣ, но в эполетах и с орденами, не нарушил этикета англійскаго свѣтскаго общества. За обѣдом было довольно скучно, но когда хозяйка увела дам в гостинную, чванные лорды сразу преобразились: появились сигары, кофе, коньяк, и сода-виски, — и стало громко, весело, анекдоты, веселые разсказы, и даже сам губернатор положил ноги на сосѣдній пустующій стул и разсказал веселый анекдот из времени своей молодости в Индіи. Часов в 11 вечера всѣ собрались в гостиной, гдѣ под аккомпанимент одной молодящейся старой дѣвы, один из кавалеров пропѣл довольно фальшивым баритоном нѣсколько романсов. Послѣ концерта мужчины перешли на веранду и там уже на прощаніе выпили по большому стакану сода-виски. Этот весьма распространенный в тропиках напиток вначалѣ, с непривычки, кажется даже противным, но впослѣдствіи к нему так привыкаешь, что ни один обѣд в англійском обществѣ не обходится без него.

Послѣдніе два дня в Сингапурѣ мы провели в Johore[2]). Наша компанія, состоявшая из меня, консула и нѣскольких крейсерских офицеров отправилась туда в двух колясках. Дорога по острову проложена через тропическіе лѣса и обширныя ананасныя плантаціи[3]); мы проѣжали мимо богатых коттеджей, утопавших в пальмовых рощах, с оранжереями и цвѣтниками самых нѣжных растеній жаркаго климата. Через пролив переправились на паромѣ и на противоположном берегу очутились во владѣніях раджи. Дворец его расположен на самом берегу. Самое зданіе построено в том же родѣ, как и губернаторскій дом в Сингапурѣ. Управляющій встрѣтил нас и предложил осмотрѣть дворец, но извинился, что за отсутствіем раджи, уѣхавшаго в Лондон, он не может нас помѣстить в самом дворцѣ[4]), но предложил нам помѣстится в дворцовой гостинницѣ, гдѣ мы найдем полный комфорт, обставленный по европейски.

Послѣ осмотра дворца и звѣринца с дикими пантерами и ягуарами, а также птичника с попугаями всевозможных цвѣтов, черных лебедей и павлинов, нам был предложен от двора завтрак с англійским мэню и рѣдкими тропическими фруктами из собственных оранжерей раджи. Когда спала жара мы обошли

---

[1]) Фрак, по традиціям англичан, обязателен для мужчины за обѣдом, на котором присутствуют дамы, даже и в общих столовых в отелях или ресторанах.

[2]) Маленькой автономной провинціи владѣтельнаго мэллакскаго раджи, расположенной на материкѣ от котораго остров Сингапур отдѣлен узким (в 125 саж.) проливом.

[3]) Ананасы свѣжіе и консѣрвы главный продукт вывоза из Сингапура.

[4]) По словам знавшаго его нашего консула, раджа очень гостепріимен и оставляет у себя обыкновенно европейцев-туристов гостить во дворѣ на нѣсколько дней.

всѣ владѣнія раджи. По словам консула, это вполнѣ джентельмен, с англійским воспитаніем и ежегодно проводящій зимній сезон в Лондонѣ, гдѣ он принят в высшем обществѣ. Проведя так двое суток, мы оставили раджѣ свои визитныя карточки и возвратились в Сингапур.

Перед уходом из Сингапура консул передал мнѣ русскую почту и в ней между прочим был секретный пакет от морского министерства на мое имя. Бумага была слѣдующаго содержанія; „Французское Правительство предложило нам в своей африканской колоніи Джибути[1]) участок территоріи под угольный склад для военных судов, проходящих на Восток. На переходѣ из Коломбо в Красное море зайдите в этот порт, не оглашая об этом в Аденѣ, и войдите в соглашеніе с губернатором Джибути об уступкѣ нам площади размѣров, достаточных для указанной цѣли, выбрав ее у приглубаго берега."

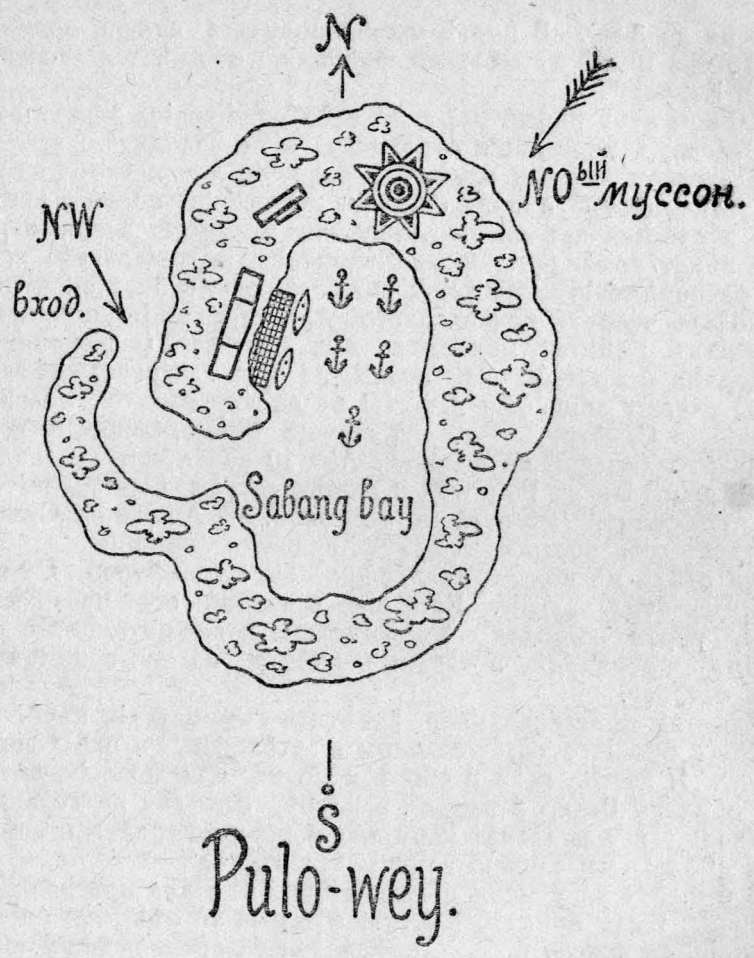
„На прилагаемом планѣ показаны двѣ площадки; выберите ту, которая по вашему усмотрѣнію окажется болѣе подходящею для наших цѣлей."

Ну слава Богу! Наконец то наш флот получит угольную станцію и собственный порт в „незамерзаемом" морѣ, да еще в открытом океанѣ, на пути к Дальнему Востоку. Меня радовало, что в этом историческом событіи, к чему стремилась Россія со времени Петра Великаго, я буду принимать личное участіе. Мнѣ вспомнилось, как в 1881 году наши суда были разосланы в Зондскій архипелаг и в Бенгальскій залив на поиски необитаемых островов для угольных станцій, и всѣ вернулись с пустыми руками — не найдя таких островов. А тут предлагают нам станцію даром, да еще на главном пути движенія на Восток и у самаго Бабельмандебскаго пролива!

Как я упоминал выше, меня занимал вопрос о поисках угольной станціи вблизи Сингапура, не принадлежащей англичанам; и вот наканунѣ моего ухода консул привез мнѣ мѣстную англійскую газету и в ней я прочел объявленіе Голландской частной фирмы об открытом ею недавно портѣ с угольным складом на островѣ „Pulo-wey" — у сѣверной оконечности Суматры, против порта Ачина. Так как о-в Pulo-wey лежит на моем пути, то я рѣшил зайти туда и удостовѣриться в мощности этой голландской морской базы.

28 декабря я вышел в Коломбо. В Маллакском проливѣ была погода обычная в штилевой полосѣ: жарко, душно и тихо, с висящими над головою облаками и переходящими дождями — с грозою. Шел я под парами, сберегая уголь под двумя котлами, дѣлая по 9 узлов в час. 31 декабря ранв утром я прошел параллель сѣверной оконечности (г. Ачин) Суматры и, пройдя еще около 20 миль, увидѣл на своем курсѣ

[1]) Порт Джибути находится в Таджурском заливѣ, на восточном берегу Африки, к югозападу от Бабельмандебскаго пролива.



два зеленых островка, из коих восточный Pulo-wey я обошел с сѣвера, чтобы войти в его бухту Sabang-bay, открытую с сѣверо-запада. Этот круглый, покрытый тропической зеленью островок, с бухтою в формѣ спирали, является природною гаванью для глубоко-сидящих судов. На сѣверной части острова виднѣется небольшое укрѣпленіе с голландским флагом. На встрѣчу мнѣ выѣхал на вельботѣ в тропической каскѣ бѣлокурый голландец harbour-master и узнав, что мы русскіе и зашли за углем, повел нас в гавань и поставил крейсер прямо к пристани, с которой можно принимать уголь[1]). Бухта с глубиною до 25 сажень может вмѣстить 5—6 кораблей на якорях, но когда будут поставлены бочки, то число судов может быть

[1]) Цѣна угля нормальна — 30 шилингов за тонн.

увеличено до 8-ми. В портѣ можно получить сухую провизію, мясо, зелень и лед из мѣстной фабрики, и имѣется телеграф „во всѣ Европы".

Словом этот новый порт во всѣх отношеніях может замѣнить Сингапур, куда наши суда могут и не заходить.

Для порта заказан желѣзный плавучій док и скоро в бухтѣ будут установлены якорныя бочки. Описаніе порта с картою гавани я отослал при своем донесеніи морскому министру.[1]) Я сдѣлал визит коменданту форта капитану колоніальной арміи. В его распоряженіи имѣется I рота пѣхоты с 3-мя офицерами и нѣсколько человѣк артиллеристов для управленія крѣпостными орудіями. Капитан, показывая мнѣ крѣпость, (с деревянными брустверами и проволочным огражденіем на гласисах) объяснил, что она служит лишь для защиты от диких племен малайцев, населяющих Суматру, и до сих пор не примирившихся с господством голландцев на островѣ. Лѣт 10 назад эти племена напали на шлюпках на Pulo-wey и вырѣзали там европейцев. Поэтому голландцы вооружили островок. В Ачинѣ на Суматрѣ также пришлось построить болѣе сильную крѣпость и содержать на рейдѣ нѣсколько канонерок. Не весь остров Суматра подчинился голландцам. Есть еще в южной его части много племен, управляющихся самостоятельно и враждующих с голландцами, производя внезапные набѣги на не защищенные города острова.

Капитан пригласил меня посѣтить офицерскій клуб. Это павиліон с библіотекой, теннисом и столовой, в ней офицеры обѣдают. Я застал всѣх в сборѣ и по их приглашенію остался у них обѣдать Вечер я провел в клубѣ, отдыхая на верандѣ.

Уходя, я пригласил капитана и всѣх офицеров к себѣ на завтра обѣдать по случаю нашего новаго года.

В 6 ч. вечера у меня в каютѣ был обѣд для приглашенных офицеров. Были конечно взаимные тосты за обѣ дружественныя націи, за флоты обѣих держав, пожеланія к нашему новому году и отмѣчен историческій факт обученія юнаго царя Петра в Голландіи корабельной техникѣ.

Приняв полный запас угля, свѣжаго мяса, леду и фруктов, я вышел в Коломбо. Ночью при полной лунѣ и ясном небѣ, я шел под парами; но с разсвѣтом задул ровный, не свѣжій (NO) муссон (или вѣрнѣе — пассат) и я выступил под паруса. Стук машины замолк, на крейсерѣ все стихло, по временам лишь слышался шелест воды за бортом, и ясный голос вахтеннаго офицера гулко разносился по палубѣ. К полудню установился ровный пассат силою в 4 балла и крейсер нес

---

[1]) Впослѣдствіи, уже будучи в Средиземном морѣ, я получил от гл. мор. штаба увѣдомленіе, что Мор. Министр, соглашаясь с моим донесеніем, приказал судам, идущим на Восток и обратно — заходить за углем на Pulo-Wey, а не в Сингапур.

уже всѣ паруса, имѣя ходу от 8-9 узлов. К ночи вѣтер нѣсколько свѣжѣл, паруса надувались сильнѣе, слышался чаще скрип снастей и гнувшихся в дугу лисельных рейков. Повторялись чаще оклики вахтенных начальников: „на шкотах и фалах стоять!“ — когда темныя облака проносилось над крейсером и ожидался проходящій шквал. Но шквалы в это время года здѣсь рѣдки и лиселя стояли всю ночь.

Ночи я проводил на полуютѣ, лежа одѣтым на бамбуковом лонгчерѣ и под утро, когда становилось нѣсколько свѣжѣе, я уходил в каюту и старался заснуть.

В половинѣ 8 го окатишься душем забортной воды выходишь на верх к подъему флага. Так проходили всѣ дни плаванія в тропиках.

О-В ЦЕЙЛОН.

8-го января поздно вечером открылся темный силуэт острова Цейлона. На этом курсѣ еще в темнотѣ я встрѣтил пароход Добровольнаго флота[1]), шедшій на Восток. Этот гигант, по сравненію с моим маленьким клипером, шикарно пронесся вплотную мимо моего лѣваго борта. На нем шло много морских офицеров на эскадру Дубасова и между ними шел К-адм. М. Т. Веселаго.

Около 9½ утра я вошел в гавань и стал на 2 якоря фертоинг. Пріѣхал консул д-р Матвѣев,[2]) смѣнившіи лейтенанта Фриша;[3]) поздравил с приходом и привез мнѣ почту, доставленную сюда „Москвой“. Мы сдѣлали визиты англійским властям и заѣхали в агентство Добровольнаго флота. Там мнѣ представился московскій коммерсант г. Котов, имѣющій на Цейлонѣ большія плантаціи индѣйских чаев. Чаи этой торговой фирмы „Котов и Щербаков“ — подмѣшиваются в китайскіе чаи, так как к цейлонскому чаю русскіе потребители относятся недовѣрчиво. Узнав, что я, собираюсь переѣхать в „отель Континенталь“ проспать с комфортом нѣсколько ночей, г-н Котов пригласил меня осмотрѣть их загородную виллу, там-же пообѣдать русскими блинами и переночевать. Мы отправились загород на рикшах. В тропическом котеджѣ устроенном на англійскій лад, сплошь обросшим от крыши до земли ползучими растеніями, встрѣтил нас сотоварищ г на Котова г-н Щербаков (блѣдный чахоточнаго вида молодой еще человѣк), и оба радушные хозяева повели нас осматривать свои владѣнія. При самой усадьбѣ находился только образцовый питомник, с котораго соби-

---

[1]) „Москву“.

[2]) Переведенный сюда из русской миссіи в Персіи.

[3]) Соучастник угольной эпопеи „Владимір Мономах“, упомянутой в описаніи предыдущаго плаванія.

рается и высушивается чай различных сортов для пробы и сортировки. Оптовый чай произрастает в глубинѣ острова на больших плантаціях, арендуемых русскою фирмою.

Когда стемнѣло мы перешли в просторную столовую с высокою крышею и качающимся спанкером. Радушные москвичи удивили нас настоящим русским обѣдом. Тут была водка „вдовы Поповой", к закускѣ — икра, балыки и осетрина[1]) под хрѣном, затѣм блины, настоящіе блины со сметаной, икрой и семгой, хотя до настоящей масленицы оставалось еще больше мѣсяца. Вечером меня уложили спать в довольно прохладной комнатѣ, гдѣ держат ставни круглыя сутки плотно закрытыми. Я спал крѣпко всю ночь, чего не испытывал от самаго Сингапура.

В тропиках всѣ встают с восходом солнца и это лучшій час дня. Мои хозяева разбудили меня, и послѣ холоднаго душа мы вошли в сад.

Небо на западѣ было еще совершенно темное, но приближаясь к востоку, оно постепенно переливало во всѣ цвѣта радуги до свѣтлорозоваго. Ночная роса блестѣла радужными алмазами, отражая солнечные лучи. Щебетаніе проснувшихся птиц оживляло эту картину тропическаго утра. За утренним завтраком, по англійски — подали вначалѣ душистые бананы, ветчину, яичницу и кофе. Затѣм я уѣхал на крейсер, пригласив москвичей к обѣду. Днем я был занят судовыми дѣлами, а вечером к моему обѣду вмѣстѣ с москвичами пріѣхал и консул.

Обойдя и осмотрѣв подробно весь крейсер, мои гости получили на память по коробкѣ манильских сигар и разныя вещицы из японской черепахи. Москвичи настойчиво уговорили меня еще одну ночь провести у них в котеджѣ, хотя я отказывался, но в душѣ был рад принять это приглащеніе, т. к. на клиперѣ в тѣсной каютѣ спать было невозможно. В Коломбо я простоял еще дней пять, давая возможность всей командѣ поочередно перебывать на берегу; офицеры воспользовались этой стоянкой, чтобы съѣздить в Кэнди.[2])

Перед уходом я получил от министра шифрованную телеграмму: „Французское правительство отказало нам в уступкѣ территоріи для угольной станціи в Джибути, а потому зайдите туда, но не вступая в переговоры об уступкѣ, ознакомьтесь с устройством порта, его средств и запасов, а также удобств якорной стоянки на случай захода туда наших судов".

Вот так сюрприз!?.. Во Франціи смѣнили министерство, и пропали наши надежды на „незамерзающій порт" в открытом

---

[1]) Закуску и водку цейлонскіе москвичи получают с проходящих русских „добровольцев", запасающихся этими продуктами в Одессѣ на все плаваніе; в рефрижераторах они сохраняются до самаго Владивостока.

[2]) Кэнди — город в возвышенной [нѣсколько прохладной] части острова, куда европейцы удаляются в жаркое время; мѣсто считается родиной Адама. В главном храмѣ этого города хранятся нѣкоторые рекливіи Будды.

океанѣ... Прав был А. А. Бирилев[1]), разсказывая не рѣдко в веселой компаніи анекдот о том „как рыжій поп при Петрѣ Великом проклял русскій флот“ и будто по этой причинѣ он в своей дальнѣйшей исторіи терпѣл постоянныя невзгоды.

В ПАССАТѢ.

15-го января я вышел в Аден. В 50 милях от берега, я уже получил ровный, правильный NO ый пассат силою в 4 балла и вступил под паруса.

Потянулось тихое, безмятежное плаваніе в пассатѣ: голубое небо с кучевыми облаками, сбитыми к горизонту; на темно-синем фонѣ безграничнаго океана — ярким лазоревым блеском искрятся синія волны с бѣлыми гребешками; за бортом слабый шелест воды; маленькій клипер с гигантским вѣером бѣлых парусов привычно рѣжет воду океана и лишь на девятом валу чуть замѣтно качнется, напоминая этим о своем движеніи. На палубѣ тихо: матросы небольшими группами расположились по мачтам у своих снастей и старики объясняют молодым матросам назначеніе и роль каждой веревки при парусных маневрах; с бака слышатся голоса судовых звѣрей: то карканіе попугаев, развѣшенных на штагах, то скрипучій писк играющих макак, то возня молодых собак. С мостика гулко раздаются шаги вахтеннаго начальника, изрѣдка спокойным увѣренным баритоном окликающаго свою команду поправить парус, или подтянуть какую нибудь снасть. Каюткампанія, спасаясь от духоты, перебралась на полуют и здѣсь мирно протекает день этой корабельной семьи. Если время до полдня, то за каюткампанійским столом сидит группа человѣк 6-7 офицеров с старшим штурманом во главѣ, занятая вычисленіем долготы мѣста по высотѣ солнца, „пойманнаго“ секстаном сегодня в 9 ч. утра. В полдень эти же офицеры пойдут с инструментами „ловить“ высоту солнца для вычисленія широты мѣста, и в 20 минут 1-го часа они должны представить командиру результаты своих обсерваціи. Свѣрив полученныя числа, командир со старшим штурманом наносит на карту мѣсто корабля на сегодняшній полдень. Ряд ежедневных таких точек даст тот путь, по которому шел корабль между двумя смежными портами. Офицеры в кают-кампаніи — кто читает, кто пишет; любители играют в шахматы, или в трик-трак[2]), а стоявшіе ночныя вахты, спят в своих каютах. Старшій офицер почти весь день проводит на верху, он наблюдает за исправностею рангоута и парусов, чтобы заблаговременно предупредить возможную аварію,

[1]) Был морским министром в 1905-1906 годах.
[2]) Игра в карты на кораблѣ не допускается вовсе.

или поломку при наступленіи свѣжаго вѣтра. В 11 ч. утра команда обѣдает на верхней палубѣ, а офицеры завтракают в каюткампаніи; командир — в своей каютѣ отдѣльно от офицеров. Время от 12-2 ч. дается на отдых, всѣ кромѣ вахтенных спят, кто гдѣ попало (без роздачи коек). В 2 ч. чай команды и офицеров. С $2^1/_2$ часа—5 ч. послѣобѣденныя занятія по спеціальностям со своими спеціалистами, а мичмана занимаются грамотностью с молодыми матросами. С 5-6 ч. общая приборка и чистка корабля. С 6-7 ч. команда ужинает, офицеры обѣдают. Три раза в день вся команда и желающіе офицеры принимают душ забортной воды из судовых помп. С 7-8 ч. время для различных развлеченій на бакѣ: выносятся гармоніи и гитары, под их акомпанимент поются хоровыя пѣсни, плясы и устраиваются различныя игры. Новобранцы в это время гоняются через салинг и часто на призы. Любители звѣрей-дрессировщики занимаются воспитаніем своих друзей, и часто достигают поразительных результатов, которым позавидовал бы извѣстный Анатолій Дуров. Живя близко между людьми, корабельные звѣри приручаются очень быстро, и между собою живут в дружбѣ. На крейсерѣ часто играли совмѣстно кошка, поросенок, собака и 2 газели. Только однѣ макаки ни с кѣм не умѣли ладить: эти проказливыя обезьянки всѣм надоѣли и поэтому их одних держали на привязи. В 8 ч. вечера, послѣ общей молитвы командѣ раздаются койки. В таком родѣ протекают дни на парусном кораблѣ при плаваніи в пассатѣ.

На 10-й день плаванія, открылся длинный остров Сокорты; вдоль его берега я шел почти цѣлыя сутки. Свернув на NW, я вошел в Аденскій залив, здѣсь уже вѣтер начал пошаливать, отступая от своей правильности; пришлось часто брасопить реи и даже по временам лавировать; наконец он стих и паруса заполоскали. Разведя пары, я пошел прямо в Аден.

На 13-й день вошел на рейд Адена. Заказал консулу уголь и прѣсную воду для котлов. На этой угрюмой, высокой скалѣ с песчаною площадкой у самаго берега, раскинут полукругом городок из сотни домов — не болѣе. На площади — без малѣйших признаков зелени спят на солнцепекѣ усталые верблюды. Ставни в домах закрыты весь день и можно думать, что это заснувшее царство. Сдѣлал визит губернатору (он же командир порта), откопав его в закупоренном домѣ. Здѣсь на берегу больше дѣлать нечего. Единственный продукт вывоза из Адена кофе „Мокка“, хорош и не дорог — 2 ф. стерл. за пуд. Кромѣ ревизора никто из офицеров на берег не поѣхал.

Весь второй день на крейсерѣ шла пріемка угля. На 3-й день на ночь я покинул Аден. Ни офицеры, ни консул не знали, что я иду в Джибути. У Бабельмандебскаго прволива, я приказал взять курс на запад, а не в пролив. Старшій штур-

ман [1]) посмотрѣл на меня вопросительно думая, что я оговорился. Но узнав секрет, радостно улыбнулся и перемѣнил курс на запад. Из кают-кампаніи раздался бравурный французскій гимн-марсельеза. Офицеры еще не спали и очевидно, узнав о заходѣ крейсера к французам, — сразу повеселѣли, разсчитывая во французской колоніи пріятно провести время. За все наше двухгодовое плаваніе мы со своими союзниками на Востокѣ почти не встрѣчались. Мы пользовались широким радушіем англичан и нѣмцев, но гостепріимства французов мы еще не испытали. Утром я вошел в Таджурскій залив. На правом берегу лежал Обок [2]), а далеко на южном берегу открывался Джибути, африканскаго характера городок, без крыш небольшія бѣлыя зданія и высокій маяк у входа на рейд. Оставалось еще миль 20 до входа в порт; путь этот был не легок: впереди виднѣлись в ровень с водой большія площади коралловых рифов; при наступавшем приливѣ они закроются и на них тогда легко напороться. Очевидно новые владѣльцы [3]) еще не успѣли оградить подход к порту лоцманскими знаками. Идя осторожно, ощупывая фарватер лотом Томсона, я наконец благополучно вошел на рейд.

ДЖИБУТИ.

По юговосточному берегу бухты, закрытой с востока и запада коралловыми рифами и открытой с сѣвера,—расположен городок из бѣлых глиняных домиков с рѣдкими пальмами, наполовину высохшими под тропическим солнцем. На восточном берегу виднѣется каменная пристань с небольшим краном и нѣсколько сараев с углем. Это пристань кампаніи „Messagerie Maritime", пароходы ея обязательно заходят сюда с почтой на пути в Мадегаскар. За угольным складом глубже на берегу виднѣются двѣ черныя болотистыя площадки — это тѣ самыя „Plateau de seirpents" и „Plateau de Marabouts", которыя были нам обѣщаны свергнутым французским министерством. По-

[1]) Вмѣсто лейтенанта Не...ва списанаго в Коломбо для отправки в Россію на мимопроходящем „Добровольцѣ" — назначен мною старшим штурманом лейт. А. Ф. Геркен; младшим штурманом был назначен мною А. В. Колчак.

[2]) В 80-х годах русскій казак Ашинов, набрав братію из искателей приключеній, отправился из Одессы на пароходѣ Обок (владѣнія Абиссинскаго царя Менелика), надѣясь там основать новую русскую колонію. Но французы в то вромя уже считали весь залив под своим протекторатом и вели переговоры с Менеликом об уступкѣ Франціи эту колонію. Ашинова французы в Обокѣ встрѣтили тогда пушечными выстрѣлами и он „посрамлен удалился".

[3]) Французское правительство, желая имѣть у Бабельмандебскаго пролива (на пути к Дальн. Востоку) свою морскую базу, арендовало на 25 лѣт земли по берегам Таджурскаго залива у Менелика с обязательством, между прочим, построить жел. дорогу от Джибути до Адиса-бебы — резиденціи Абиссинскаго царя.

зади главной береговой улицы на холмѣ двухъэтажный с французским флагом дом, огороженный красной кирпичной стѣной дом губернатора. На южном берегу стоит маяк еще неоконченный и не освѣщающійся. На рейдѣ пусто — судов не видать, исключая нѣсколькихъ парусных фелюг, спящих в глубинѣ бухты. Вот и весь Джибути. Прійдя на рейд, я не салютовл французской націи, так как здѣсь не имѣется пушек для отвѣтнаго салюта [1]). К нам вскорѣ пристало нѣсколько шлюпок с пріѣзжими сюда из Франціи агентами и подрядчиками различных строительных компаній для устройства новаго города и порта. Тут были и комерсанты, успѣвшіе открыть уже пару кафе-шантанов, и нѣсколько магазинов с французской мануфактурой. Первым вышел на палубу, как и слѣдовало ожидать, суетливый репортер мѣстной газеты „Djibouti“ и, сняв шляпу на шканцах, чичиковским шагом подлетѣл ко мнѣ, шаркая ножкой и привѣтствовал с приходом. Он торопливо отмѣчал в записной книжки названіе корабля, имя командира, откуда у куда плавает, и. т. п.

Затѣм попросился в каюту и второпях разсказал мнѣ, что уже нѣсколько лѣт как французы взяли Джибути в аренду у Менелика без права имѣть здѣсь свои войска, а лишь милицію из туземцев и полицейскую охрану города и линіи жел. дороги, которую они обязались построить отсюда до Адис-Абеба. 35 километров дороги уже построено. Но дикія кочующія племена по пустынѣ Сомали враждебно относятся к бѣлым пришельцам, разрушают их дорожныя постройки [2]) и грозятся напасть на незащищенный город и вырѣзать европейцев. Город поэтому находится постоянно под страхом нападенія Сомалійцев, а полицейская охрана, состоящая наполовину из туземцев, не может служить надежной защитой. В виду этого французское общество и губернатор рады приходу русскаго корабля, который, как вѣрный союзник, будет для них желанным гостем и останется здѣсь подольше для защиты города и прочее в этом родѣ. Затѣм ко мнѣ явился Атто-Іосиф племянник царя Менелика (с Владимиром на шеѣ), бывшій в Россіи во главѣ Абиссинскаго посольства к Импер. Алекс. III-му. Теперь он здѣсь вмѣстѣ с двумя офицерами семеновскаго полка занят был перевозкою в Адис-Абеб ста тысяч ружей, подаренных русским царем Менелику. Ружья эти лежали в сараѣ на берегу и партіями отправлялись на верблюдах. Эти офицеры также были у меня с Атто-Іосифом; они числились при миссіи посланника Власьева в Абиссиніи. В этот же день пріѣхал ко мнѣ полковник генер.

---

[1]) По международному уставу военный корабль салютует лишь в тѣх портах, гдѣ он увѣрен, что получит отвѣт.

[2]) В таком-же положеніи находилась постройка Манджурской жел. дороги в 1900 году, когда хунгузы разрушали его из вражды к русским захватчикам этой области.

штаба Артамонов [1]), путешествовавшій с какими то загадочными цѣлями по этим мѣстам. Освободившись от назойливых гостей, я одѣл эполеты и поѣхал к губернатору с визитом, а для большей помпы взял с собой ревизора в качествѣ адъютанта. Губернатор ожидал меня, выстроив у своего подъѣзда взвод туземной милиціи с ружьями и унтеръ-офицером французом, и встрѣтил меня на дворѣ; одѣт он был в мундир гражданской формы, при шпагѣ и в трехугольной шляпѣ с плюмажем. В кабинетѣ, он знаком показал, что желает говорить со мною конфиденціально — глаз-на-глаз и сообщил мнѣ, что он уже два мѣсяца ждет моего прихода и имѣет мнѣ сообщить секретное порученіе французскаго правительства об очень важном политическом актѣ, состоявшемся между двумя союзными и дружественными державами, — (я с первых же его слов понял, что французское правительство не увѣдомило его об отмѣнѣ обѣщанной уступки) — и спросил меня, какія я имѣю по этому дѣлу приказанія русскаго правительства? — Я, руководствуясь послѣдней шифрованной телеграммой, — отвѣтил ему совершенно простодушно, что никаких инструкцій не имѣю, а зашел сюда по пути, возвращаясь в Россію, чтобы принять уголь и запасы, и ознакомиться с новым портом дружественной державы, лежащим на пути движенія наших судов на Восток. На этом наш дѣловой разговор и окончился (возможно, что губернатор догадался об отмѣнѣ обѣщанной концессіи). Он сообщил мнѣ все то, что было мнѣ извѣстно от репортера газеты, и просил меня подольше остаться здѣсь (до прихода ожидавшагося сюда французской канонерки) добавив, что джибутійское общество постановило сдѣлать пріятным наше здѣсь пребываніе и устроить послѣ завтра в честь русскаго крейсера бал в новом городском „казино“[2]). Я поблагодарил за лестное вниманіе его и сообщил, что возвращаюсь в Россію к назначенному сроку и потому подолгу задерживаться в попутных портах я не могу. С утра мы принимали уголь, его потребовалось немного, т. к. в Аденѣ был взят полный запас. К вечеру успѣли вымыть крейсер, а на 3-й день офицеры побывали на берегу и видѣли „казино“ убранным флагами и зеленью к вечернему балу. Но под вечер нам было прислано экстренное прибавленіе к газетѣ „Djibouti“, в которой сообщалось о неожиданной смерти французскаго президента [3]) и об отмѣнѣ назначеннаго бала. На 4-й день рано утром я ушел из Джибути в Суэц.

В Красном морѣ были штили; парусов нести было нельзя и я, дѣлая по 200 миль в сутки, через 8 дней одолѣл наконец это жаркое непріятное море, и 11-го февраля вечером стал в

[1]) В 1906 году был главноначальствующим в Кронштадтѣ во время безпорядков — при роспускѣ Госуд. Думы 1-ой сессіи.

[2]) Наскоро сколоченный из досок балаган.

[3]) Феликс Фор.

Суэцѣ на якорь. Пошли опять по обѣ стороны канала, желтыя библейскія пустыни с красными горными цѣпями по отдаленному горизонту, с рѣдкими караванами верблюдов, с горькосоленым озером и Измаиліей, с дворцом Египетскаго хедива; затѣм потянулась вторая половина канала с сѣрыми болотистыми лагунами, и наконец грязный, черный от угольной пыли — Порт-Саид.

Программа для этого порта всегда одна и та же: пріемка угля, генеральное мытье крейсера, затѣм импровизированная баня для команды в палаткѣ на верхней палубѣ, потом спуск команды на берег, и затѣм уход вон отсюда дальше.

От Порт-Саида остался еще в памяти великолѣпный обѣд, которым нас угостил русскій консул — нѣмец Брун — хлѣбосоль, старый холостяк и гастроном.

17 февраля я вышел в Неаполь. Мнѣ вспомнилось как 18 лѣт назад я этим-же путем шел на „Наѣзникѣ", но тогда и Средиземное море сіяло тогда своей обычной лѣтней красотой. Теперь была зима на исходѣ, погода стояла пасмурная, и казалось нам холодно послѣ пребыванія долго в тропиках, хотя термометр в тѣни показывал 12° С. За шесть дней я прошел мимо знакомых мнѣ Кандіи, Этны, Мессины, Реджіо, вулкана Стромболи, острова Капри и 24-го февраля около полудня пришел в Неаполь. Видом залива с величественным Везувіем восхищались наши офицеры, небывавшіе раньше в Неаполѣ, но сохранившееся в моей памяти очарованіе, произведенное его лазурным заливом и грозным вулканом, освѣщенным восходящим іюльским солнцем, было во много раз сильнѣе, чѣм теперь при свѣтѣ зимняго солнца и мглистой мартовской погодѣ. Войдя на рейд, я поднял италіянскій флаг, отсалютовал націи. Один из броненосцев, стоявших за молом, отвѣтил на мой салют и прислал лейтенанта поздравить с приходом. От него я узнал, между прочим, что наслѣдній принц Виктор Эмануил проводит зимній сезон в Неаполѣ, проживая во дворцѣ „Сан Карло" с женою — принцессою Еленою [1]). Крейсер окружен массою шлюпок с музыкантами, пѣвцами и торговцами мѣстных товаров.

Одѣв эполеты я поѣхал с визитами к адмиралу на рейдѣ и старшему командиру бронепосца, к командиру порта, губернатору, и нашему генеральному консулу старому дипломату Сержпутовскому. Старик был очень привѣтлив, угощал меня русским чаем и посовѣтовал мнѣ представится принцессѣ Еленѣ.

Он тут протелефонировал во дворец, и получил отвѣт, что принцесса может меня принять [2]) на слѣдующій день в 3 часа.

Высокаго роста, темная брюнетка с смуглым цвѣтом лица принцесса говорила чисто по русски и вспоминала время своего

---

[1]) Урожденная княжна черногорская, воспитанная в Смольном институтѣ.
[2]) Принц Эмануил находился в окрестностях Неаполя в военном лагерѣ.

пребыванія в Петербургѣ в институтѣ. Здѣсь я рѣшил простоять двѣ недѣли и за это время начать готовить клипер к предстоящим смотрам в Россіи и дать командѣ и офицерам отдых. Дувшій до сих пор африканскій вѣтер „Siroccо", приносившій обыкновенно сюда пасмурную, сырую погоду — стих, и в Неаполѣ возстановилась южная весна, позеленѣли склоны вулкана и зацвѣли сады по берегам прекраснаго залива. На масленицу я пригласил нашего почтеннаго консула, а с ним и нѣсколькихъ русских туристов на блины и, благодаря хозяйственным способностям крейсерскаго доктора, содержателя каюткампаніи — мои гости остались вполнѣ довольны. В числѣ гостей был Н. Н. Чихачев (сын бывшаго Мор. министра) — немолодой уже, жирующій по заграницам холостяк. Проживая здѣсь в зимніе сезоны и знакомый хорошо с Неаполем, он предложил мнѣ быть моим гидом при поѣздках в окрестности Неаполя.

В Помпеѣ за 18 лѣт я нашел много перемѣн: раскопана улица гробниц и реставрировано нѣсколько богатых вилл с прекрасною живописью на внутренних стѣнах.

В Неаполѣ я закупил партію мѣстных вин и ликеров, а также предметов мѣстной мануфактуры, шелковых матерій и „некудышных" вещей для подарков в Россіи. Здѣсь-же были заказаны шелковыя ленты цвѣтов андреевскаго флага для букетов, которые предполагалось поднести обѣим императрицам при посѣщеніи ими крейсера во время высочайшаго смотра в Кронштадтѣ. Извѣстный художник — маринист Desimone росписал на них пастелью крейсер в морѣ под парусами и шифры обѣих императриц.

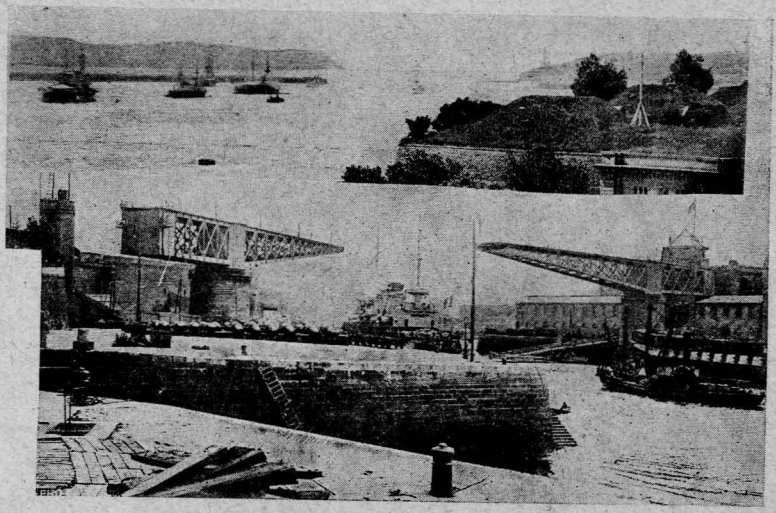
Весна уже была в полном разгарѣ и не хотѣлось уходить из Неаполя. Но к I-му маю надо прибыть в Россію; имѣя это в виду я 10-го марта вышел в море, направляясь в Кадикс. В Тиренском морѣ погода была сносная, шел под парусами, но обогнув южный берег Сардиніи, я встрѣтил противный свѣжій NW постепенно крѣпчавшій и уже на вторыя сутки дувшій с силою 10 баллов. Пришлось идти под парами. В этот сезон равноденственных бурь нельзя было ожидать хорошей погоды и я проболтался под африканским берегом 4 суток с водою на палубѣ при закупоренных люках. У испанскаго берега вѣер ослаб и ход стал прибавляться до 8 узлов. На 7-ой день прошел Гибралтар; войдя в Атлантическій океан встрѣтил уже ясную тихую погоду. 17-го марта я вошел на рейд знакомаго мнѣ К а д и к с а. Был понедѣльник страстной недѣли новаго стиля, бѣлый как алебастр историческій Кадикс сіял под яркими лучами испанскаго солнца. Отсалютовал націи и с крѣпости получил сейчас - же отвѣт. Ко мнѣ явился командир стоявшей здѣсь русской канонерки „Гремящій" [1]) — А. Н. Арцеулов —

[1]) Старшим офицером на „Гремящом" был К. 2 р. Н. О. Яссен впослѣдствіи — во время всеевропейской войны 1914 г. главнокомандующій Балтійским флотом в чинѣ вице — адмирала. В 1916 г. раннею весною простудился и умер на посту, не сдавая эскадры.

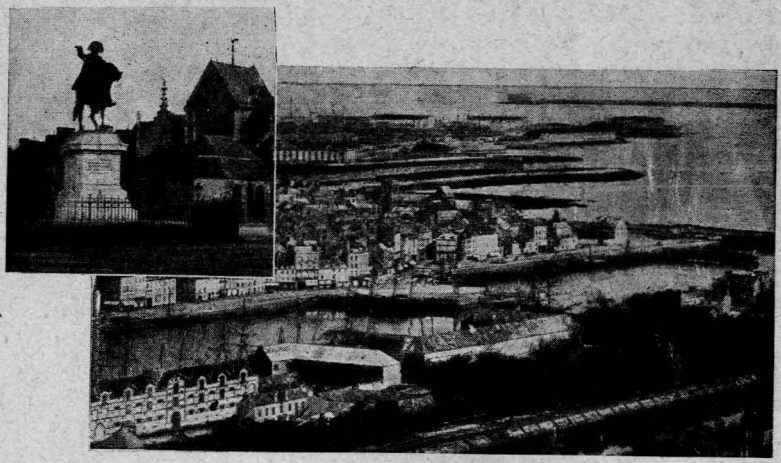
мой товарищ по выпуску. Испанских судов на рейдѣ не было. В прошлогодней войнѣ с Америкой эскадра адмирала Серверы была истреблена у порта Сант-яго (на островѣ Куба) и от былого могущества испанскаго флота теперь осталось лишь нѣсколько мелких судов. Испанцы потеряли всѣ свои колоніи, и богатѣйшіе Филипинскіе острова отошли также к С. А. Штатам.

Послѣ обычных визитов кадикскому губернатору и портовым властям, я заѣхал к русскому генеральному консулу г-ну Цѣхановецкому. Этот весьма изящный и привѣтливый дипломат оставил меня обѣдать, а затѣм любезно предложил сопровождать меня и Арцеулова при наших дальнѣйших съѣздах на берег. С четверга начались религіозныя процессіи, сохранившія в Испаніи своеобразный характер еще со времени инквизиціи. Три дня под ряд я с консулом из окна кафе на центральной площади наблюдали эти интересныя зрѣлища. Процессіи, двигаясь по улицам, пріостанавливалась у церквей, для кратких богослуженій. Впереди ѣхало шесть всадников в блестящих кирасах, затѣм шел военный оркестр, играя бравурные марши, далеко не гармонировавшіе с печальными воспоминаніями Христовых страстей, затѣм шествовали попарно со свѣчами в руках различные монашескіе ордена: бѣлые — доминиканцы, коричневые — францисканцы с капюшонами на головах, черные босые, опять бѣлые с высокими коническими колпаками, закрывающими лица и с прорѣзами для глаз и такіе же с черными колпаками — остатки инквизиціи, затѣм сонм бѣлаго духовенства; епископы, и наконец торжественный балхадин на 6-и штангах и под ним с Св. Причастіем в руках выступал сам главный кардинал, окруженный мальчиками в кружевных рубашках с кадилами в руках.

Между различными орденами монащенки несли площадки с фигурами во весь рост: с распущенными волосами — Богородицы, одѣтой в яркое бальное шелковое платье со шлейром и пестрыми лентами, далѣе фигуру Христа, упавшаго под тяжестью громаднаго креста, в бархатной малиновой хламидѣ и также с живыми волосами и бѣлокурой бородой; на той же площадкѣ нѣсколько фигур римских воинов в доспѣхах с веревками и пиками в руках, и. т. п. Вокруг этой прецессіи, имѣющей театральный характер, бѣгут уличные мальчишки весело прыгая под музыку, а взрослая публика, продолжают курить, не снимая головного убора и ведут себя так, как если бы проходил карнавал. В страстную пятницу кортеж был такой же, но фигура Христа была замѣнена лежащим в пещерѣ, а Богородица была в черном платьи и молилась у гроба. В субботу вечером Христос воскресал. Во всѣ три дня кафе и уличные лотки торговали с большим успѣхом. В воскресеніе, на улицах было пусто и в этот день, против обыкновенія, не было боя быков.

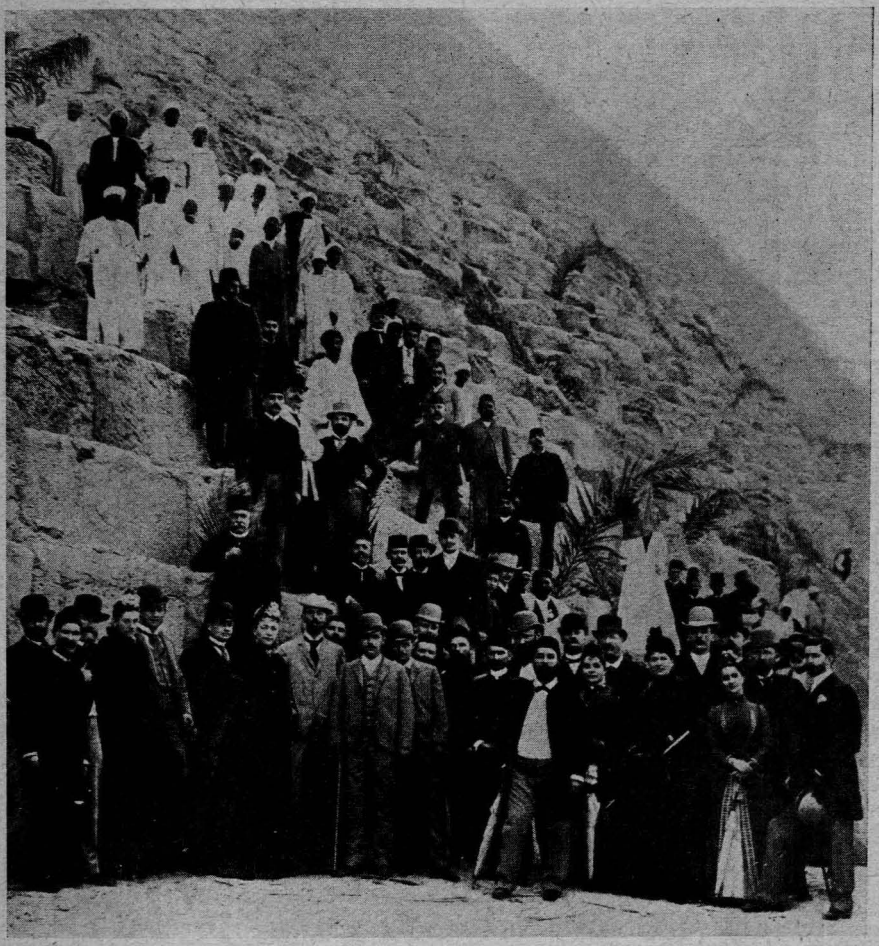


Французскій военный порт Брест и рейд.



Французскій военный порт Шербург (вверху памятник Наполеону).

К ПЛАВАНІЮ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II. НА ВОСТОК, В БЫТНОСТЬ НАСЛѢДНИКОМ.



В центрѣ с тростью в рукѣ Николай II, справа кронпринц Шведскій Густав (нынѣ король) с кронпринцессой, далѣе принц Греческій, слѣва Великій Князь Георгій, далѣе Хедив Теврик-паша адмирал Басаргин, графиня Делягарди и др. (Снято у пирамид перед завтраком).

На крейсерѣ я нашел письма из Россіи от знакомых морских офицеров с заказами на испанскія вина. В извѣстном погребѣ фирмы Lacave я выбрал нѣсколько десятков боченков различных хересов и сладких вин.

Кают-кампанія закупила также большую партію этого добра. Уходя из Кадикса в 3-й раз я с волненіем прощался с этой прекрасной страной и ея поэтическим народом, гордящемся своею былою славою, своими всемірными владѣніями, в которых никогда не заходило солнце... я точно предчувствовал, что в послѣдующих моих плаваніях мнѣ придется ближе познакомиться с нею и полюбить ее, как родную страну. Я мечтал, что по выходѣ в отставку на склонѣ своих лѣт я переселюсь в Испанію, объѣду всѣ историческіе города и памятники и останусь там доживать свой вѣк не сомнѣваясь, что моя жена согласится на это.

Но революція, с ея безтолковым хамством и диким звѣрьством — растоптала нормальный ход жизни цѣлаго народа, лишила людей человѣческих прав, отдала их в рабство к преступникам и сыщикам. Самыя скромныя мечты граждан дикой сраны о спокойном доживаніи на склонѣ своих лѣт, являются в нынѣшней Россіи несбыточным мечтаніем...

Под испанским берегом ходила мертвая зыбь и клипер бѣжал под 3-мя котлами, качаясь как маятник с борта на борт. Я обогнул мыс С-Винцент и лег на N—вдоль Португальскаго берега. 28 го марта, пройдя мыс Finisterre, я лег на NO и вошел в Бискайскую бухту. Здѣсь получил западный вѣтер и прекратил пары. Погода была подозрительная: небо покрыто сплошь черными тучами и зыбь шла от NW-та, предвѣщая свѣжій вѣтер от того-же румба. Я шел в полвѣтра лѣвым галсом и нес марсели в I риф и брамсели, ходом 8 узлов.

За отсутствіем солнца обсерваціи не было, но было очевидно, что при боковом вѣтрѣ — меня сносило дрейфом к французскому берегу. Вѣтер постепенно свѣжѣл и зашел к NW-у, пришлось взять 3-й риф и убрать брамсели, ход уменьшился до 5 узлов, дрейф очевидно стал больше и я не знал точно своего мѣста. В 4 ч. утра на 30 марта вкатил с лѣвой (навѣтренной) стороны огромный вал, залил всю палубу и выломал фальшборт по всей длинѣ шканец [1]). В этот длинный пролом пошел-бы вал за валом и пришлось бы худо, я вызвал плотников и приказал им как можно быстрѣе задѣлать досками зіяющій лѣвый борт. Через пол часа все было готово. Не получая на 3-й день обсерваціи я рѣшил идти далѣе под парами, взяв курс N на Ирландію, чтобы выбраться на вѣтер, избѣгая близости французскаго берега с его рифами и островами, которых за пасмурностью не было видно. Но к счастью к по-

[1]) Это случилось в 4 ч. утра при смѣнѣ рулевых: обычно это так и бывает, п. ч. новый рулевой со сна еще не успѣл осмотрѣться и, вильнув рулем, принял вал на палубу вмѣсто того, чтобы встать к нему в разрѣз.

лудню 30-го на короткое время выглянуло солнце, старшій штурман удачно выхватил его в секстан и оказалось, что крейсер отнесло дрейфом на 90 миль к французскому берегу. Пришлось взять курс еще лѣвѣе — на NW 20°, чтобы не напороться на банки острова Уэсана... К вечеру разъяснилось и ярко замерцали звѣзды, что обыкновенно указывает на окончаніе шторма. Справа блеснул электрическій луч Уэсанскаго маяка; опредѣлив на нем свое мѣсто, я лег на NO и вошел ночью на 31-ое в Ламанш. Пролив прошел при набѣгавшем часто туманѣ, и с разсвѣтом вошел на обширный рейд Шербурга. С подъемом флага салютовал націи и, получив отвѣт, отправился тотчас же к Préfet-maritime [1]) с визитом и просить его о ремонтѣ сломаннаго борта. В тот же день портовый инженер с мастерами снял лекала шканечнаго пролома, обѣщая через недѣлю окончить работу. В Шербургѣ весна запоздала, на рейдѣ дул свѣжій вѣтер, ходила крутая волна, и сообщеніе с берегом подерживалось на парусных ботах.

На рейдѣ ожидалась „Escadre du Nord", ходившая на морскіе маневры с новым министром (штатским) m-r Laucroix. 3-го апрѣля под салют крѣпости стройно вошли на рейд 6 больших броненосцев под командой вицеадмирала de-Sallandrouza, а за ними вошел учебно-стратегическій отряд [2]) из 4-х крейсеров под флагом К-адм. Bienaimé. Пріѣхав с визитом к старшему адмиралу, я застал в его каютѣ морского министра — нервнаго, подвижнаго старика, с красным как рак лицом и совершенно бѣлыми волосами. Он привѣтствовал меня как представителя дружественнаго флота и узнав, что меня слегка потрепало, сказал что ему также пришлось испытать с эскадрой тот-же шторм и убѣдиться в хороших морских качествах французских броненосцев. Он видимо был утомлен непривычною для него качкою и похрамывая удалился в свою каюту. В числѣ начальствующих морских лиц — был один штатскій во фракѣ; это депутат палаты от департамента Lamanche; он пригласил меня на парадный обѣд, даваемый завтра в городской ратушѣ в честь морск. министра Сѣверной эскадры. Начальник учебнаго отряда сообщил мнѣ, что во Франціи недавно открылся факультет генеральнаго мор. штаба при морской академіи и что на отрядѣ плавает, по приглашенію правительства, в качествѣ слушателя русскій лейтенант Кладо [3]).

Вечером вошел на рейд наш учебный корабль крейсер „Герцог Эдинбургскій" возвращавшійся из Атлантическаго океана

[1]) Глав. командир порта.

[2]) Слушателей академіи мор. генеральнаго штаба.

[3]) В 1904 году во время японской войны писал рѣзкія статьи в „Новом Времени", нападая на косность морск. министерства и требуя посылки всѣх (даже старых) судов в помощь эскадрѣ В. Адм. Рожественскаго. За строптивость был уволен в отставку. Впослѣдствіи принят на службу, в чинѣ генерала он был профессором военно-морской исторіи, стратегіи в Морск. Академіи во время европейской войны и революціи.

с учениками — квартирмейстерами, под командою к. 1 ранга О. А. Энквиста[1]).

В ратушѣ, украшенной французскими и русскими флагами, был накрыт стол, убранный цвѣтами, севрским фарфором и старинной французской бронзой в стилѣ empire. Министр сидѣл с обоими адмиралами по сторонам; против него на хозяйском мѣстѣ сидѣл депутат и портовые морскіе чины, затѣм командиры судов эскадры и мы с Энквистом между ними. Обѣд был двух-актный — изысканной французской кухни с страсбургским паштетом и пуншем-глясе в антрактѣ, а во 2-ой половинѣ — спаржа, volaille, salade, glace и fruits. Шампанское стояло в кувшинах, как простое питье, как ставят у нас квас и лакеи обносили различныя вина, но красное бургундское и старый шамбертен наливались в бокалы с особенным почетом. В общем — вся обѣденная обстановка скорѣе напоминала пышныя времена королевской Франціи, чѣм скромной демократической республики. К концѣ хозяин — депутат в привычной ораторской рѣчи привѣтствовал министра и „Сѣверную эскадру", и выразил увѣренность, что под защитою грозных броненосцев Франція может спокойно смотрѣть в глаза будущему и продолжать свой культурно-просвѣтительный труд, стоя во главѣ мірового прогресса.

Рѣчь закончилась тостом за французскій флот, „Сѣверную эскадру", ея представителей и самого министра. Старик Laucroix нервно вскочил и, поблагодарив в началѣ за привѣтствіе, говорил с большим подъемом, нервно потрясая красною рукою, что: „совершенно вѣрно: он сам лично на маневрах убѣдился в доблести личнаго состава бравых моряков, и в прекрасных морских качествах эскадры, но для полнаго обезпеченія Франціи — далеко недостаточно судов, коими располагает „Сѣверная эскадра". Между тѣм еще на днях Палата, к сожалѣнію, отвергла программу Правительства, отказав нам в ассигнованіи испрашиваемых сумм на постройку новых судов, а вы, господин депутат, кажется числитесь в той партіи, которая вотировала за сокращеніе бюджета?!" — В залѣ нѣсколько минут стояла мертвая тишина, министр и депутат молча стояли друг против друга, но взрыв рукоплесканій прервал эту тишину, и министр взволнованный сѣл на свое мѣсто. Неожидавшій подобнаго финала, депутат однако быстро нашелся и, перейдя в игрывый тон, сказал:

„Дѣло еще не погибло, я обѣщаю г-ну Министру, что на вторичном вортированіи морской программы, и лично я, и вся наша партія будет голосовать за усиленіе флота..." Новый взрыв аплодисментов, и вся зала весело зашумѣла, оставшись довольной и министром и депутатом.

[1]) В 1904—05 г. командовал крейсерск. отрядом в сраженіи при Цусимѣ и отступил с отрядом к Филипинским островам, был под судом, но оправдан.

Ремонт фальшборта задержал меня в Шербургѣ на 10 дней сверх программы, и если я пойду домой Нѣмецким морем с заходом в Копенгаген,[1]) то к 1-му маю не успѣю вернуться в Россію; поэтому я воспользовался предложеніем Принца Генриха пройти каналом „Вильгельма“ в Киль, чѣм сократится время почти на недѣлю, и телеграфировал в Киль русскому консулу, испросить на это разрѣшеніе германских властей, упомянув о предложеніи принца. Получив отвѣт, я вышел к устью рѣки Эльбы — в гарманскій порт Куксгафен.

КАНАЛ ВИЛЬГЕЛЬМА.

Задерживаясь туманами я только в ночь на 15-ое апрѣля подошел к острову Helgoland и утром вошел в Куксгафен. Нѣмцы, с присущею им аккуратностью, тотчас-же прислали на крейсер офицера — лоцмана. Это был стройный блондин с закрученными к верху усами, одѣт в морской синій сюртук с иголочки, в новой фуражкѣ и при кортикѣ; он браво вошел на мостик, отдал мнѣ честь и повел крейсер в шлюз Брунсбютеля. Построенный с чисто-стратегической цѣлью — для быстраго перевода военного флота из Нѣмецкаго моря в Балтику — канал „Вильгельма“ имѣет 70 миль[2]) длины, с глубиною в 28 фут (в мое время), поэтому самые крупные броненосцы германскаго флота свободно по нем проходят. Канал оборудован прекрасно: откосы вымощены и обложены дерном и засажены кустами.

Ширина канала позволяет встрѣчным судам разойтись не останавливаясь[3]). Канал пересѣкается нѣсколькими желѣзными мостами, разводящимися в одну минуту. На пересѣченіях канала с желѣзными дорогами построены каменные мосты такой высоты, что под ними свободно проходит высокій рангоут больших броненосцев. Бравый наш лоцман вел крейсер 8 узловым ходом и не задерживаясь при встрѣчѣ с судами; он только просил обрасопить круче наши длинныя реи. Проходя по зеленым полям и цвѣтущим лугам, мимо чистеньких каменных ферм и усадьб, мы наблюдали повсюду порядок, культуру и благоустройство народа сытого и собою довольнаго. Из расположенных по берегам военных казарм выходил оркестр и играл нам марш или русскій гимн, я вызывал им в отвѣт наш судовой караул, отдавал им честь. В обѣд я позвал лоцмана в каюту,

[1]) В это время в Копенгагенѣ гостила вдовствующая Имп-ца Мар. Фед. и было принято мимо-проходящим русским судам заходить туда и представляться ей. Она обыкновено посѣщала наши суда, что задерживало их на нѣсколько дней.

[2]) 120 километров.

[3]) В Суэцком каналѣ это невозможно, там при встрѣчѣ судов — одно из них обязано прижиматься к берегу в особо вырѣзанные затоны.

предложив вмѣсто него остаться на мостикѣ, но он рѣшительно отказался сойти вниз даже на одну минуту, и обѣд ему подали на мостикѣ; не сводя глаз с носа крейсера, он ѣл стоя, и с благодарностью взглянул на моего вѣстового, отдавая ему опорожненную кружку мюнхенскаго пива „Pschor", и был очень рад, когда ему была принесена вторая. В 9 ч. вечера мы вошли в концевой шлюз и час спустя я отдал якорь на Кильском рейдѣ.

КИЛЬ.

Утром переходя ближе к городу я салютовал націи с подъемом флага. Отвѣтила мнѣ крѣпость, т.к. германская эскадра была на маневрах. Я сдѣлал визиты только портовым властям и нашему консулу — нѣмецкому коммерсанту г-ну Брауну. В Килѣ погода стояла пасмурная с частыми туманами. Здѣсь пришлось простоять с недѣлю, чтобы выкрасить крейсер и отпраздновать Пасху.

На 2-ой день праздников я получил телеграмму из Гл. Марс. Штаба с Высочайшим приказом о моем производствѣ в капитаны I-го ранга „за отличіе" [1]). С. П. Б. метеорологическая обсерваторія телеграфировала, что Кронштадскій рейд еще закрыт льдом, и я 25 Апрѣля вышел в Ревель.

До параллели Либавы было тепло и ясно, я шел по 10 узлов в час, прикидывая косые паруса и доканчивая окраску крейсера. Против рижскаго залива начались перемежающіеся туманы, а острова Эзель и Даго открывались только по временам. Дагеортскіе маяки открылись на короткое время.

В Финском заливѣ, я встрѣтил сплошной туман, обычный весною, идущій со льдами из Ботническаго залива. Окруженный густым льдом, я медленно пробирался на восток вдоль эстляндскаго берега. У Оденсхольма и Наргена стоял сплошной лед, пригнанный вѣтром с финляндскаго берега. Оберегая мѣдную обшивку, я с частыми остановками обогнул Нарген и 29 апрѣля вошел на Ревельскій рейд, совершенно очищенный от льда.

Вечером я ошвартовился в гавань у стѣнки и о приходѣ послал телеграмму мор. министру и женѣ. Министр приказал ждать в Ревелѣ до очищенія от льда Кронштадта, а жена телеграфировала, что пріѣдет в Ревель.

5-го мая, по очисткѣ от льда Финскаго залива, я перешел в Кронштадт. Войдя на рейд в пасмурный, прохладный вечер,

[1]) Впослѣдствіи я узнал, что представленіе о производствѣ было сдѣлано опять самым министром П. П. Тыртовым: за успѣшную организацію в Тихом океанѣ учебнаго корабля и за открытіе голландской угольной станціи в „Sabang bay" на о-вѣ „Pulo-Wey".

я не застал там ни одного судна, а проходя мимо брандвахты, я услышал со стѣнки нѣсколько нескладных сдавленных голосов, догадавшихся по моему длинному вымпелу и привѣтственному ура! моей команды, стоявшей на марсах, что это пришел корабль из дальняго плаванія... Я отдал якорь у „Военнаго угла". В городѣ, как и на рейдѣ была полная тишина: Гл. ком. Н. М. Казнаков был в Петербургѣ, новый начальник штаба еще не вступал в должность, и я нашел только к-адм. К. М. Тикоцкаго [1]). Как старый сослуживец по минному Комитету и мой кум он принял меня радушно, и обѣщал пріѣхать завтра на крейсер для краткаго смотра, а к вечеру я должен идти в Петербург и стать на Невѣ у Балтійскаго завода, гдѣ я буду 9-го мая участвовать на церемоніи спуска крейсера „Громобоя". Там-же будет мнѣ произведен и Высочайшій смотр.

Утром 7-го мая, пріѣхал ко мнѣ из Петербурга сын Евгеній. Я был очень рад видѣть этого милаго мальчика в кадетской формѣ; формою своею он очень гордился и напускал на себя важность, обходя всѣ закоулки крейсера. Но увидѣвши на бакѣ наш судовой звѣринец, он быстро спустил с себя важность и тут же сдружился и начал играть со всѣм звѣрьми; дрессировщик звѣрей и мой вѣстовой— Петр сразу его полюбили и к вечеру оба они с ним были „на ты".

Сына я оставил ночевать на крейсерѣ [2]) и утром пошел морским каналом в Петербург.

Около 2 ч. дня я стал на якорь у Балтійскаго завода и отправился к морскому начальству.

Министр меня поздравил с производством за отличіе и предупредил, что сейчас же послѣ спуска „Громобоя" я должен ожидать Высочайшаго смотра. Нач. Штаба адм. Авелан, подтвердил тоже самое; а затѣм, переходя к вопросу о моей дальнѣйшей службѣ, сообщил, что уже заготовлен Высочайшій приказ о моем назначеніи командиром Учебнаго экипажа, т. е. школы строевых квартирмейстеров, а через два года я буду командовать учебным кораблем „Герцогом Эдинбургским", плавающим по 2 года в Антлантическом океанѣ. Из Адмиралтейства я проѣхал по Невѣ на Мытнинскую набережную к себѣ на квартиру [3])

Вечером мы с сыном уѣхали на крейсер.

9-го мая, в 11 ч. под гром салюта с судов, стоящих на Невѣ, торжественно выполз из элинга завода — огромный корпус „Громобоя", ускоряя свой ход, он с шумом всплыл на воду и, повернув по теченію, отдал два якоря и стал. Объѣхав на катерѣ вокруг „Громобоя", государь со свитою направился прямо

---

[1]) Капитана над портом.

[2]) Он был несказанно рад, что ему удалось сдѣлать переход в Петербург на кораблѣ, вернувшемся из Тихаго океана: весь переход он простоял на полуютѣ, слѣдя за курсом и не спускаясь ни разу вниз.

[3]) Выходящую на Неву против зимняго дворца.

ко мнѣ на крейсер. Приняв на палубѣ мой рапорт, он пошел по фронту офицеров. Вслѣд за ним вышла вдовствующая Им-ца Марія Ѳедоровна[1]) за нею в. к. Ксенія, Ольга, Марія Павл., ея дочь Елена и прочія дамы; потом в. к. генер.-адм. Алексѣй Алндров, Александр Михайлович, Михаил Алексѣевич, мор. министр П. П. Тыртов, Авелан и свита. Пока государь обходил фронт и осматривал клипер, дамы интересовались офицерскими каютами и колекціей наших звѣрей. Послѣ обхода в моей каютѣ, я докладывал на картѣ государю маршруты нашего плаванія за 2½ года. Затѣм была пробита артиллерійская тревога. Послѣ отбоя, посмотрѣв на рангоут, государь по совѣту генерала-адмирала, рѣшил, во избѣжаніе дрейфа, парусов не ставить вслѣдствіе довольно свѣжаго вѣтра и тѣсноты от многих судов, стоявших на рѣкѣ. При отъѣздѣ высоч. особ люди были посланы по реям; произведен салют в 31 выстрѣл. Во дворцѣ у генерал-адмирала был завтрак, на который я был приглашен вмѣстѣ с командирами судов, участвовавших в церемоніи спуска. Послѣ завтрака, всѣ перешли в дворцовый сад для куренія. Здѣсь Им-ца Марія Ѳедоровна, обратилась ко мнѣ с вопросом, почему крейсер не зашел в Копенгаген, возвращаясь в Кронштадт? Я объяснил, что за недостатком времени я должен был сократить путь, идя каналом „Вильгельма".

10-го мая я ушел в Кронштадт, взяв в собой сына на послѣдніе дни плаванія. 5 дней подряд крейсер с экзаменаціонной комиссіей выходил в море для различных маневров, стрѣльб и парусных ученій. Послѣ экзамена я получил приказ к I-му іюню окончить кампанію. Высочайшим приказом была объявлена благодарность крейсеру за „блестящее состояніе корабля" и за его плаванія, и разрѣшеніе всему личному составу 3-х мѣсячнаго отпуска с сохраненіем содержанія. Я приступил к разоруженію крейсера и свозу всего имущества в порт.

Приняв от А. Л. Бубнова учебную команду, взяв отпуск, поѣхал в Петербург, и с семьею переѣхал в Лѣсной на дачу.

Я частенько навѣдывался в Кронштадт, прослѣдить за ремонтом казарм Учебной команды, куда осенью к началу курса предстояло принять новый состав — 300 учеников.

1-го сентября, мы переѣхали в Кронштадт и я начал занятія в учебной командѣ. Школа моя готовила будущих боцманов и унтер-офицеров („квартирмейстеров")[2]) строевых, т. е. не спеціалистов. Кромѣ знанія всѣх устройств на кораблѣ, они обязаны слѣдить за порядком своей части, поддерживать дисциплину, служить примѣром отваги, находчивости, бодрости духа и исполнительности. И хотя паруса, как двигатель отжили свой вѣк, тѣм не менѣе во всѣх флотах на учебных кораблях

[1]) Молодая императрица Алекс. Ѳед. была беременна, потому на крейсер не пріѣхала.

[2]) „Квартирмейстер" — от англійскаго слова „Quarter-master" т. е. Начальник 4-ой части [вахты] команды корабля.

были оставлены паруса для тренировки, как имѣющіе воспитательное значеніе. Признано было, что эти качества вырабатываются продолжительными плаваніями в открытом морѣ на судах под парусами. В школу поступают молодые матросы, прошедшіе в своем экипажѣ или в народном училищѣ общій подготовительный курс, а в морской учебной командѣ проходят: географію морей, русскую исторію (флота), устройство корабля, морскую практику, артиллерію, корабельные механизмы и строевой пѣхотной устав.

Всѣ выдержавшіе выпускной экзамен отправляются в плаваніе в Атлантическій океан на учебном кораблѣ на 1 год.

По возвращеніи — производство в унтер-офицеры и уже дальнѣйшая служба их даст им чин боцмана и наконец кондуктора (палубный офицер).

Режим в самой школѣ и далѣе — на учебном кораблѣ, должен вполнѣ соотвѣтствовать требованіям приведенной здѣсь программы.

К новому году в Кронштадтѣ смѣнилось высшее начальство. Главным командиром порта и военным губернатором Кронштадта был назначен энергичный, дѣятельный адмирал С. О. Макаров. Служба при нем по всему порту и на судах пошла с интенсивной бодростью[1]). Он имѣл способность придать жизненную силу и поднять дух во всяком учрежденіи, прозябавшем до того времени. Не ограничиваясь одной служебной частью морского элемента он, обладая живым веселым характером, умѣл воодушевить и расшевелить морское и коммерческое собраніе, соединять общества, устраивая кромѣ вечеров и обычных обѣдов — лекціи, доклады по самым современным вопросам и новостям науки (мор. стратегія, подводное плаваніе, авіація, радіотелеграф, полярныя экспедиціи, и т. п.), приглашяя для этого из Петербурга компетентных знатоков и профессоров этих предметов.

Переведенный 1-го января 1896 г. в Балтійскій флот, С. О., уже с 1892 лелѣявшій мысль о достиженіи полюса с помощью мощнаго ледокола, рѣшил воспользоваться удобным

---

[1]) Будучи признанным ученым С. О., в то же время, был выдающимся военным человѣком — морским офицером до мозга костей. В декабрѣ 1903 г., в Морском Сборникѣ, появилась его послѣдняя статья „Без парусов", посвященная вопросам боевого обученія и воспитанія личнаго состава. В ней С. О. выдвинул новый лозунг: „В морѣ — значит дома!"

В особой секретоой запискѣ „О программѣ судостроенія на двадцатилѣтіе 1903-1923 год" адмирал доказывал неизбѣжность боевого столкновенія с Японіей, но ему не вѣрили...

— „Чтобы этого не случилось — писал С. О. — нужно имѣт на Дальнем Востокѣ флот значительно болѣе сильный, чѣм у Японіи, и быть готовым к военным дѣйствіям во всякую минуту Разрыв послѣдует со стороны Японіи, а не с нашей и весь японскій народ, как один человѣк, поднимется, чтобы добиться успѣха"...

С. О. чувствовал, что мѣсто его во главѣ Тихоокеанской эскадры для надлежащей подготовки ея к боевому испытанію.

случаем и вернуться через Сѣверную Америку, дабы ознакомиться с ледокольным дѣлом.

В 1897 г. он приступил к пропагандѣ идеи о постройкѣ двух ледоколов по 6.000 тонн для изслѣдованія Ледовитаго океана, открытія правильнаго лѣтняго сообщенія с устьем рѣки Оби и зимняго — с Петербургом. Умѣло поставленная пропаганда быстро дала свои результаты, и тогдашній министр финансов С. Ю. Витте, отпустил средства для постройки одного пробнаго ледокола „Ермак“ (8.000 т. водоизмѣщенія), который строился в Англіи. Всѣ важнѣйшіе чертежи присылались на просмотр адмиралу в Кронштадт или же разрабатывались, при его участіи, во время частых пріѣздов С. О. на постройку. 16 (4) марта 1898 г., пробившись сквозь льды Финскаго залива, „Ермак“ прибыл в Кронштадт, восторженно привѣтствуемый населеніем и войсками.

У себя в домѣ он собирал городское общество еженедѣльно: жена его Капиталина Николаевна — женщина свѣтская, любившая пріемы, своею привѣтливостью вполнѣ поддерживала радушіе адмирала. При Макаровѣ в Кронштадтѣ и служба шла с должною энергіею, и жизнь общественная „била ключем“.

Подошла весна 1900 года; у меня в школѣ окончились занятія и 15-го мая ученики отправились на учебный корабль „Герцог Эдинбургскій“.

Я рѣшил воспользоваться каникулами и, взяв отпуск, отправился с семьею в Швейцарію. Остановившись на пару дней в Лозаннѣ и объѣхав ея живописныя окрестности (Женевское озеро, Уши, Signal, Parc Sovabeline и т. п.) мы поселились в отелѣ „Villa des bains“ в долинѣ рѣки Роны у городка Вех. С нашего балкона открывался вид на вершину „Dent du midi“, вѣчно покрытую снѣгом. Задній фасад отеля упирался к подножію гор, густо заросших деревьями всевозможных пород.

Горы были разбиты дорожками, с указаніем маршрута для экскурсій туристов. В горах шумѣл водопад, питавшій водою сосѣдніе отели. Плата за комнату с полным пансіоном — была по 6-ти франков с персоны, а за дѣтей — по 4 фр. Стол был прекрасный. Утром подавали кофе, шоколад. В $^1/_2$1 часа дня завтрак — 4 блюда с фруктами, в 7 ч. обѣд в 5 блюд, так-же с сладким и фруктами.

Дешевизна швейцарских отелей, чистота, комфорт, прекрасный стол, обиліе мѣст для экскурсій и всѣ климаты по желанію — от жарких до холодных (на горных курортах) — привлекают сюда туристов всѣх стран и націй.

В отелях всѣ встают рано, в 8 ч. уже всѣ отпили кофе и группами отправляются в экскурсіи по окрестным мѣстам и в горы. Дѣти знакомятся быстро и шумными веселыми толпами, болтая на смѣшанном международном жаргонѣ, гуляют до завтрака по ближайшим горам. Из этой толпы слышатся возгласы на всѣх языках. Нерѣдко отправлялись по жел. дорогѣ на

берег озера для осмотра Шильонскаго замка, воспѣтаго Байроном. Туристы и в особенности англичане с большим интересом осматривают подземелья замка с 7-ю коллонами, гдѣ были прикованы два брата Бонивары. Желѣзная цѣпь с кольцом, висящая на одной из колонн и дорожка, протоптанная узниками на днѣ подвала настолько свѣжи, что надо обладать большою долею иллюзіи, что то и другое сохранилось со времени этих печальных событій.

Из русских мы познакомились и близко сошлись с семьею извѣстнаго в то время талантливаго віолончелиста А. А. Брандукова, пріѣхавшаго из Парижа, с ним была его жена (пьянистка) и ея 10 лѣтній сын.

По вечерам он по просьбѣ публики давал концерты под аккомпанимент своей жены. Эти вечера сблизили общество. В началѣ іюля наступили жары. По совѣту Брандуковых мы переѣхали в S-t Beatenberg — городок в горах[1]) между Тунским и Бріенцким озерами — над Интерлякеном. Быстро собравшись, мы отправились по желѣзной дорогѣ в Берн, оттуда на параходѣ по Тунскому озеру. Пароход высадил нас у подножія крутой горы к станціи фуникюлера, на нем нас подняли в S-t Beatenberg. Это ряд отелей числом до 10-ти, всевозможных разрядов и цѣн.

Здѣсь солнце днем грѣло, а ночью было прохладно и спалось хорошо. Отель стоял в сосновом лѣсу, пахло смолой, воздух был чистый; гуляли мы много. Аппетит у всѣх был прекрасный, в горных курортах это обычное явленіе. Из наших окон по ту сторону долины горѣли на солнцѣ снѣжныя вершины 3-х извѣстных гор: Юнгфрау, Монк и Eurep; внизу под нами лежал Интерлякен на перешейкѣ между двух лазарево-синих озер. Иногда прогулкой туда мы спускались дорогой зигзагами, проложенной в тѣнистом лѣсу. Там мы попадали точно в горячую ванну и набрасывались на горную холодную воду, фрукты и мороженное. Дѣти наши любили особенно эти прогулки.

По вечерам наш милый артист давал и здѣсь концерты. Хозяин отеля был очень доволен, что благодаря Брандукову, его отель был всегда полон.

Но пришлось разставаться с прекрасной Швейцаріей. 5-го августа мы переѣхали в Люцерн, оттуда дальше через Букс в Вѣну, Варшаву и наконец к 15-му августу вернулись в Петербург. С 1-го сентября у меня в Учебной Командѣ начались занятія с новым составом.

Зима 1900/1901 г. в Кронштадтѣ протекала также оживленно, как и предыдущая; морское общество, руководимое С. О. Макаровым, не могло скучать, и в клубѣ, и в минном

[1]) Высота около 1000 метров над уровнем моря.

классѣ, гдѣ были такія ученыя силы, как А. С. Попов[1]), И. М. Чельцов и другіе професора, бывали доклады по открытіям современной науки, как радій, жидкій воздух, безпроволочный телеграф и проч.

Весной — вернулся из плаванія „Герцог Эдинбургскій“ и Высочайшим приказом я был назначен его командиром. Старшим офицером на нем был оставлен мой бывшій помощник А. А. Баженов, чѣм я был очень доволен. Корабль был введен в док и перевооружен заново. В іюлѣ на один мѣсяц я дал Баженову отпуск отдохнуть с семьей на дачѣ перед вторичным плаваніем.

К 15 му августу крейсер был готов и, стоя на большом рейдѣ, я занимал молодых матросов и назначенных на крейсер волонтеров-юнкеров и сухопутных офицеров парусными ученіями, чтобы в морѣ они не боялись марсов. Пополнил комплект судовых офицеров, сформировал хор музыкантов, набрав их частью из порта, частью из вольнонаемных. Капельмейстером был молодой талантливый музыкант из консерваторіи. Оркестр еще до выхода в море играл николаевскій и другіе марши и гимны всѣх европейских націй. В августѣ я получил из гл. мор. штаба слѣдующій маршрут: Христіанзанд (Норвегія), Портланд или Плимут, Брест, Фероль, Виго или Кадикс, Мадера, Канарскіе острова (Тенериф и Гран-Канарія), О-ва Мартиник и Св. Фомы, Шербург, Киль и к І-му маю 1902 г. вернуться. Перед моим уходом на рейд пришел адм. Макаров, возвращаясь из пробнаго полярнаго[2]) плаванія на ледоколѣ „Ермак“. Я вызвал оркестр, проиграл ему „встрѣчу“ и послал команду по вантам привѣтствовать его криками „ура“.

30-го августа отсалютовав крѣпости, я вышел в Норвегію. Я шел под парами, в Финском заливѣ был штиль, пасмурно, мѣстами над водою прокосились туманы. За Дагерортом выглянуло солнце, задул попутный вѣтерок: в добавок к машинѣ поставил паруса. Они надувались плохо, но для молодых матросов это было полезно, чтобы постепенно пріучать их к парусам. На 3-й день прошел Борнгольм, затѣм у Лянгелянда вошел в Большой Бельт и, взяв здѣсь датскаго лоцмана, прошел с ним до г. Ниборга. На слѣд. день вышел в Скагерак, пересѣк его и пройдя 150 миль, вошел в Христіанзанд.

ХРИСТІАНЗАНД.

Этот укрѣпленный порт лежит внутри совершенно закрытой бухты, окруженной дикими, гранитными скалами, за-

[1]) Изобрѣтатель радіо-телеграфа.

[2]) Он ходил к Шпицбергену, пробуя крѣпость носа ледокола против полярных льдов и торосов.

росшими соснами. На рейдѣ тишина, лишь нѣсколько пароходов стоя у пристани скрипят лебедками, нагружаясь лѣсом.

В глубинѣ бухты военный станціонер — небольшая канонерка проснулась с нашим проходом и готовит офицеру шлюпку, чтобы нас поздравить с приходом. Подняв норвежскій флаг я отсалютовал націи, и с невидимых орудій, скрытых за лѣсом, раздался отвѣт, отражаясь эхом в гранитных глыбах, окружающих бухту. Сдѣлал визит коменданту крѣпости — долговязому, худощавому генералу. Говорил он мало, угощал сигарой и шведским пуншем.

Здѣсь, 5 дней мы подготовляли команду к дальнѣйшим плаваніям: старшій офицер провѣрял расписанія, пріучая матросов к корабельному порядку. В городкѣ тихо, развлеченій никаких; наши офицеры съѣзжали на берег лишь для закупки пунша. Намѣчая порта штаб избирал такіе, гдѣ нѣт развлеченій и шумной жизни, имѣя в виду, что учебный корабль, на рейдах, должен заниматься морским дѣлом, а не баловством на берегу.

10-го сентября я вышел в Портланд [1]). Несмотря на осеннее время — сезон равноденственных бурь — мы имѣли тихія погоды; было пасмурно, прохладно и мѣстами туманно. По временам задувал слабый NW, но паруса стояли плохо, я шел под парами. На вторую ночь прошел Догер-банку с массою огней крейсерующих здѣсь рыбаков. У входа в Па-де-Кале маяк Galoper[2]) был закрыт туманом — пришлось идти по лоту. Но к моему счастью туман скоро поднялся и этот маяк оказался у самаго борта; я лег на должный курс и вошел скоро в пролив. Прошел ясновидимый Dover и, взяв здѣсь лоцмана, пошел Ламаншем. Ночь по обыкновенію была неспокойна — кругом по всему горизонту мелькала масса пароходных огней.

Утром рано прошел остров Уайт, покрытый зелеными рощами, замками, котеджами и кое гдѣ церковными башнями готическаго стиля.

Послѣ полудня вошел в Портландскую гавань, окруженную каменными молами со всѣх сторон.

АНГЛІЯ.

На рейдѣ стоял старый 2-х дечный деревянный корабль, превращенный в блокшиф — это учебный корабль для молодых юнгов; тут же стояло четыре парусных брига, на них юнги тренируются под парусами. На мой салют, отвѣтил блокшиф; на

[1]) Порт на южном берегу Англіи между островом Уайтом и портом Плимутом.

[2]) Для входа в Па-де-Кале необходимо пройти мимо плавучаго маяка Galoрега и, опредѣлившись по нем, слѣдовать в пролив.

нем командирскій флаг начальника учебнаго отряда. — Я поѣхал к нему с визитом, и по обычаю англичан, он пригласил меня в тот же вечер к обѣду. Обѣд обычный карабельного типа с казенным портвейном за здоровіе „Kinga“, но на этот раз—односложный тост был замѣнен двусложным „Zar and King“. Командир, рыжій англичанин высокаго роста, привѣтливый джентельмен, охотно говорил о системѣ обученія англійских морских юнгов, набираемых с 14-ти лѣтняго возраста. Два года они обучаются на блокшифѣ и тренируются на 4-х бригах под парусами, крейсируя в виду Портландской гавани. Затѣм они отправляются на два года в крейсерство на парусных учебных кораблях по Атлантическому океану, заходя в англійскія колоніи. Возвратясь оттуда они получают званіе матроса 2 статьи и с этих пор получают жалованіе и полное казенное довольствіе. Дальнѣйшее движеніе по службѣ зависит от личных качеств, окончанія школ и спеціальных курсов.

Портланд—это длинная коса с обширною гаванью и нѣсколькими портовыми зданіями. Собственно города здѣсь вовсе нѣт. Но в трех верстах отсюда[1]) лежит хорошенькій городок — курорт Weymouth в полукруглой бухтѣ с богатѣйшим пляжем для купающихся. Туда мы ѣздили для прогулок на берегу. Там есть достаточно магазинов, ресторанов, отелей и всего того, что необходимо для жизни наѣзжающаго сюда в купальный сезон high—life'a[2]).

На этом рейдѣ мы начали правильныя — по установленной программѣ — занятія. За двѣ недѣли нашей стоянки в Портландѣ при такой избранной командѣ, какая была на учебном кораблѣ, не трудно было добиться совершенной правильности и отчетливости во всѣх рангоутных, парусных и других корабельных маневрах, а вслѣд за тѣм достигли и быстроты, хотя к ней не стремились. В матросах стала развиваться лихость, отвага, вкус к морскому спорту и соревнованіе между отдѣльными мачтами или катерами. Наказаній налагать не приходилось вовсе; если они и случались в отдѣльных вахтах (классах), то это было исключительной рѣдкостью.

Поощреніями-же служили призы за гонку и спуск на берег не в очередь. По праздникам очередная вахта обязательно спускалась на берег; при чем не было случая, чтобы ученик вернулся с берега выпившим. Нашим уставом это вовсе не допускалось, такой ученик был-бы исключен из списков учебной команды. За два года плаванія, было два—три случая, не болѣе.

Пользуясь близости Лондона (2 ч. ходу), я, пригласив в попутчики ревизора мичмана М. А. Кедрова, отправился с ним в Лондон на три дня. Там мы осмотрѣли всѣ достопримѣча-

---

[1]) сообщеніе трамваем.
[2]) Высшій свѣт.

тельности British museum, парламент, Аббатство и проч., побывали в театрах и парках, накупили англійских подарков.

К концу сентября курорт в Веймутѣ опустѣл, в Портландѣ стало монотонно и скучно, и я 1-го октября ушел отсюда в Брест.

В океанѣ погода была осенняя: пасмурно, тихо, ходила мертвая зыбь. Шел под парами это короткое разстояніе и через сутки вошел в Брест.

БРЕСТ.

На том же мѣстѣ за молом, как и 20 лѣт назад, стоял старый корабль „Borda" (морское училище), а рядом с ним броненосцы Escadr du Nord под флагом вице-адмирала de-Courtille. Далѣе на открытом рейдѣ стоял особняком учебный парусный фрегат с учениками (как и мои) „gabiers".

Русскій консул оказался тот-же de-Keros, бывшій здѣсь консулом в 1880 году, когда я приходил сюда мичманом. Он постарѣл, но помнил аварію с нашим клипером, когда французскій пароход ударил и проломал нам борт. Жена его сильно располнѣла, а дочь вышла замуж за морского офицера, теперь она у родителей, родила сына (bebé), и меня тут-же пригласили на крестины младенца Gui. Город Брест, как и наш Кронштадт, за протекшіе двадцать лѣт нисколько не перемѣнился: та-же длинная и узкая Rue de Siam, тот же театр с площадью, обсаженною рѣдкими деревьями с играющими на ней дѣтьми, тот-же парк на крѣпостном гласисѣ и та-же гранитная лѣстница с безконечным числом ступеней, подымающаяся от пристани к городу. Казалось, что я здѣсь был вчера.

Обмѣнявшись визитами с судами эскадры, я был с визитом у гл. командира порта в-адмирала Roustan'a; это характерный тип французскаго моряка времен паруснаго флота, безусый, с рыжими баками, худой, высокаго роста человѣк.

В Брестѣ наши занятія продолжались по установленной программѣ: утром с подъемом флага игрался русскій гимн и марсельеза, а затѣм ставились всѣ паруса, потом весь день с перерывами для обѣда и отдыха шли ученія, и в числѣ их главную роль играли маневрированія наших 8-м катеров под парусами по рейду кругом всей эскадры.

Gabiers, увлеченные нашим парусным спортом, вскорѣ приняли в нем участіе. Между нашими мичманами и французскими завязались знакомства, а спустя нѣсколько дней я поѣхал на фрегат познакомиться с командиром. Это был черный, как цыган, типичный крѣпко-сколоченный провансалец, с красным загорѣлым лицом; всей своей фигурой и манерой держаться он походил скорѣе на шкипера паруснаго барка. Набираемые из

Бретани и берегов Бискайскаго моря юнги [1]) французскаго флота уходили на учебном фрегатѣ в парусное крейсерство по Атлантическому океану с заходом на острова, в Бразилію и в свои колоніи Гвіана, Мартиник. Через 2 г. послѣ экзамена получали званіе матроса. А по окончаніи школы производились в строевые унтер-офицеры и впослѣдствіи дослуживались до чина метра [2]).

Капитан фрегата побывал у меня, ознакомился с нашей программой и одобрил лихость наших утренних парусных ученій, находя их весьма полезными для развитія в юнгах ловкости и отваги, он тѣм не менѣе отказался ставить паруса одновременно с нами, боясь состязанія на скорость между обѣими командами, т. к. люди невольно горячатся и нерѣдко бывают несчастные случаи паденія с марсов и другія увѣчія. Но на катерах под парусами катанія бывали часто одновременно.

Жизнь в Брестѣ проходит монотонно; семейства офицеров морских и сухопутных, получающих скромное содержаніе, живут замкнуто; клубной жизни — как в Англіи здѣсь не существует; морскіе офицеры, избѣгая лишних расходов, не плотят за обѣд в кают-кампаніях, а в 5 ч. вечера по окончаніи занятій съѣзжают на берег к женам обѣдать. Семейных знакомых, исключая консула, наши офицеры не имѣли. Только по вечерам можно было развлечься в здѣшнем театрѣ, с весьма не дурным составом. Давались оперы, драмы и оперетки. Лишь один раз за нашу стоянку по какому-то случаю адмирал Рустан устроил большой обѣд и вечером раут, на котором были собраны морскіе и военные начальники с женами. За обѣдом было около 40 человѣк, а вечером собралось до сотни. Играл портовой оркестр, но танцев не было.

На судах эскадры жизнь течет также очень скромно: англійскаго обычая приглашать обѣдать здѣсь не существует. У начальника эскадры один лишь раз я удостоился приглашенія обѣдать и то только по случаю торжества спуска в этот день новаго крейсера „Гамбетта“ и пріѣзда на это торжество морского министра Peltan'a. Спускали крейсер с открытаго элинга; при малых размѣрах бассейна были употреблены рвущіеся канаты. Послѣ всѣ начальствующія лица с министром во главѣ были приглашены на флагманскій корабль обѣдать. Обѣд был хорош с винами и проч. Только было довольно скучно и тихо, т. к. адмиралу на „Сѣверной эскадрѣ“ музыки не полагается.

В отвѣт на эти два пріема мы устроили на крейсерѣ бал. Пригласили береговых властей,—морских и сухопутных с женами и дочерьми, а с Сѣверной эскадры — командиров и всѣ кают-кампаніи. Набралось человѣк 150 с дамами. На крейсерѣ верхнюю палубу убрали флагами, цвѣтами, бьющими фонта-

[1]) „Gabiers“
[2]) Наши кондукторы.

нами;[1]) из матросских коек, покрытых флагами и коврами построили у бортов мягкіе диваны; в кают-кампаніи были сервированы столы с угощеньями, тортами, закусками, винами и лимонадами для танцующих, а в моей столовой — для высших чинов. Вся верхняя палуба была иллюминована электрическими лампочками; на полуютѣ была устроена гостиная, на шкафутѣ помѣщался наш оркестр, и наконец оба прожектора бросали лучи вдол наших мачт, освѣщая наш крейсер для подъѣзжающих гостей.

Дирижировал лейт. Армфельд, приводя в восторг публику, изобрѣтая массу невѣроятных и забавных фигур в котильонѣ, его достойными помощниками были два ловких танцора: мичмана Бибиков и Голубев. В антрактах наш оркестр играл оперы и другія серіозныя пьесы, а наши офицеры в столовой угощали дам, от вин онѣ отказывались, ссылаясь на крѣпость, но охотно набрасывались на ледяной, сладкій с апельсинами предательскій крюшон, в котором кромѣ шампанскаго были намѣшаны разные ликеры. Незамѣтно всѣ дамы стали очень веселы, и на послѣднюю мазурку с фигурами кавалеры были только наши офицера, т. к. из французов никто ее не умѣл танцовать, но дамы расхрабрились и прыгали как трясогузки, — вышли на палубу полюбоваться старые адмиралы и капитаны, проводившіе время в столовых за вином и сигарами. Дамы уѣхали домой с котиліонными подарками[2]) и букетами. Видимо всѣ остались довольны. Нѣсколько молодых офицеров остались ночевать в мичманских каютах, т. к. были „очень трудны“ как выражались наши вѣстовые. У консула de Kerossa также был один пріем по случаю крестин внука—младенца Gui. Кромѣ молодых родителей и ближайших родственников, приглашен был я и нѣсколько наших офицеров. За обѣдом принесли на подушкѣ нарядно разодѣтаго в кружевных пеленках новорожденнаго младенца и предложили старшим из родственников, а также и мнѣ покачать его на руках. Затѣм от его имени всѣ присутствующіе получили на память изящныя бомбоньерки с конфектами, с именем Gui, заказанными нарочно в Парижѣ. Торжество закончилось домашним концертом.

Через три недѣли я 20 го октября ушел в Виго. В океанѣ было ясно, прохладно, дул слабый SW. Среди Бискайской бухты задул слабый NO и дал возможность идти под парусами. Молодые матросы, стоя на снастях внимательно слѣдили за всѣми маневрами паруснаго плаванія; ход был небольшой 6—7 узлов; для практики учеников ставили бом-брасели, то их убирали, а на ночь закрѣпили брамсели и взяли один риф у марселей. На слѣдующій день к ночи, обогнув Финистерре, я лег

[1]) Обычно это дѣлается на судах—брандепойтные пипки замаскировываются цвѣтами, а к ним приводятся шланги от паровых помп, дѣйствующих весь вечер

[2]) Вѣера, бомбоньерки, ленточки разных цвѣтов с золотой надписью „Герцог Эдинбургскій“, букеты цвѣточные с длинными лентами и проч.

вдоль испанскаго берега. Утром взошло из-за гор яркое испанское солнце и освѣтило зеленые берега, наш высокій рангоут и бѣлые паруса; на палубѣ стало тепло, офицеры вышли на верх в бѣлых кителях — полюбоваться живописным берегом; от него доносился аромат цвѣтущих „оранче“[1]) и слабый звон церковных колоколов. Вѣтер стих и я пошел под парами отыскивать вход на рейд города Виго. Старшій штурман—капитан Шольц[2]) легко нашел этот вход, т. к. бывал здѣсь уже не первый раз. Обойдя высокій остров, закрывающій вход, я вошел на обширный (длиною до 7 миль) рейд города Виго.

ВИГО. (ИСПАНІЯ).

По обоим берегам его, на фонѣ яркой зелени апельсиновых рощ и камелій, бѣлѣли городки, селенія, деревенскія церкви и кое-гдѣ живописныя развалины старинных замков, один из них „el Gastillo“ вѣнчает вершину обрывистаго утеса отдѣльнаго острова, лежащаго у входа с океана на рейд. В послѣдствіи по праздникам мы устраивали экскурсіи в этот замок, принадлежавшій какой-то русской графинѣ, проводящей зимній сезон на Мадерѣ. У самаго города отдал якорь и отсалютовал испанскому флагу. Отвѣт получил с береговой батареи, а с одинокой канонерки стоявшей в гавани пріѣхал лейтенант (он-же и командир судна) и поздравил с приходом. У городской стѣнки[3]) под краном стояло нѣсколько пароходов, грузившихся олифой и мѣстными сардинками. Вскорѣ к нам пріѣхал консульскій агент Sr Менаріо, поздравил с приходом и предложил свои услуги. Сам консул „El Condedetorro—Cederia“ — больной старик по судам не ѣздит и носит консульское званіе больше для рекламы.

Занимаясь крупными коммерческими дѣлами, к старости он разбогатѣл, пріобрѣл большое имѣніе и графскій титул, которым он очень гордился. Но семья его очень симпатичная, в послѣдствіи мы с нею близко познакомились. Два взрослых сына часто бывали у нас на кораблѣ, исполняя за отца консульскія обязанности. Старая графиня и красавица дочь всегда привѣтливо принимали у себя наших офицевов.

Виго—порт теперь лишь коммерческій. Но в окрестностях города расположены армейская бригада, ею командует генерал Enrico Hore, которому я сдѣлал визит; отвѣтив мнѣ на слѣдующій день, он был очень доволен, получив салют в 11 выстрѣлов.

---

[1]) Апельсинных деревьев.

[2]) Прекрасный штурман, весьма уважаемый и любимый в каюткампаніи офицер. В 1905 г. 15 мая, на слѣд. день послѣ Цусимскаго боя убит снарядом на „Дм. Донском“ у острова Дажелета.

[3]) Соединенной рельсами с общей жел.-дорожной сѣтью страны.

Городок Виго служит нынѣ лишь коммерческим вывозным портом. Прежнее значеніе этого обширнаго рейда, как оперативной базы могущественнаго нѣкогда испанскаго флота— теперь пропало, в особенности послѣ несчастной войны с Сѣв. Америкой (1898 г.) и потери колоній и флота. Мѣстное общество отнеслось к нам весьма радушно: мы получили приглашенія в офицерское казино, в городской и коммерческій клубы, к мэру города, в городскую библіотеку и другія общественныя учрежденія города. Затѣм через дом консула офицеры завели знакомства с многими семейными дамами, и вскорѣ наша кают кампанія по воскресным дням стала наполняться гостями, чаще всего к завтраку, или к обѣду, когда играл наш оркестр, управляемый энергичным виртуозом Пушкиным. Мелодичные мотивы различных опер и пьесы испанской музыки[1]), привлекали туда публику; концерт заканчивался обычно испанским національным гимном, приводящем публику в восторг: с берега посылались на крейсер аплодисменты, крики ура! Evviva Russia, и проч. Впослѣдствіи городской мэр просил отпускать наш оркестр играть в городском саду по большим праздникам. Наш капельмейстер и музыканты охотно играли, но от платы они отказывались, принимали лишь от города угощеніе.

По утрам на крейсерѣ получались ежедневно испанскія газеты и журналы; интересуясь новостями дня и отчастью политикой приходилось невольно читать их с помощью лексикона, а спустя мѣсяц нѣкоторые наши офицеры, особенно лингвисты — заговорили очень недурно по испански.

За два мѣсяца нашей здѣсь стоянки, городской мэр, русскій консул граф de Торе Седейра, оба клуба и офицерское казино устраивали вечер с танцами в честь офицеров крейсера. Мы не оставались в долгу и дали три бала, один в ноябрѣ и два в декабрѣ; послѣдніе пріурочивались к праздникам Рождества новаго стиля — испанскаго и стараго стиля — русскаго. Для балов верхняя палуба крейсера превращалась в танцовальный зал украшенный флагами, цвѣтами, фонтанами и проч. Здѣсь, при заведенных уже знакомствах и создавшихся взаимных симпатіях молодежи, было очень весело. Наши танцоры лихо выдѣлялись в мазуркѣ и русских національных танцах; в отвѣт на это четыре дочери[2]) Sra de Molins-a с чисто испанским подъемом и изящной граціей танцовали Seveliany, и другіе національные танцы.

Стоянка в Виго отнюдь не была лишь одной забавой. Учебная программа на крейсерѣ проходилась в строгом порядкѣ.

---

[1]) Как то: „Кармен“ Бизе, „Тореадор и андалузка“ Рубинштейна, различныя „хоты“ и проч.

[2]) Старшая блондинка—замужем за англичанином Ойен, вторая брюнетка—красавица m-me Monacho и двѣ младшія—еще дѣвицы. В домѣ de Molins-ов наши офицеры бывали принимаемы как в родном семействѣ.

Как и в Брестѣ день начинался с 8 ч. утра: с подъемом флага всѣ вызывались на верх: ставились паруса, затѣм гонка катеров на веслах по рейду, затѣм паруса крѣпились; с 9—11 ч. ученія: артиллерійскія, минныя и проч. Послѣ обѣда занятія по росписанію, с 5—6 ч. всевозможныя тревоги; в 8 ч. вечера спуска на ночь рангоута; ночью иногда ночныя тревоги и т. д. Раз в недѣлю я выходил с крейсером в океан для стрѣльбы из орудій и минных упражненій.

По табельным царским дням устраивались парусныя гонки с призами офицерам и денежными наградами — гребцам. Так протекли два мѣсяца.

День Новаго года был днем прощанія: к нам пріѣхали всѣ наши знакомые; тут были: консул — сам старик с семейством, городской мэр, генерал — бригадный, презусы и члены всѣх 3 х клубов, частныя семейства — гдѣ бывали наши офицеры; кают-кампанія и мои каюты едва могли вмѣстить всю пріѣхавшую публику. Оркестр, игравшій на полуютѣ, оживлял это общество, чувствовавшее себя на крейсерѣ как в родном домѣ. Недолго думая наши офицеры под шканечным тентом устроили зал и начались танцы. Быстро явились цвѣты, фуражечныя ленты, раздаваемыя в котиліонѣ дамам на память о „Герцогѣ".

За вином и конфетами дѣло не стало. Уѣзжая на берег гости прощались как с родными, просили приходить на будущій год и передавали поклоны на Тенериф и Гран—Канарія[1]), куда мы шли проводить зиму.

2-го января 1902 в полдень я снялся с якора и под звуки оркестра двинулся к выходу в океан. С набережной, усѣянной провожавшей нас публикой, неслись нам вслѣд прощальныя привѣтствія.

Солнце играло на бѣлѣвщих виллах и развалинах замков, раскинутых на склонах прибрежных гор; аллея красных камелій уходила назад. Прощай до будущаго года прекрасная Испанія, гдѣ нас принимали как в родной странѣ!

На параллели Лисабона задул слабый NO и дал возможность вступить под паруса. Вѣтер постепенно свѣжѣл, но правильнаго пассата здѣсь еще не было. Вѣтер часто мѣнялся, крейсер нес бом-брамсели и имѣл ходу от 7—8 узлов.

На 5-ый день трюмный механик доложил мнѣ, что в румпельном отдѣленіи кормового трюма быстро прибывает вода. В трюмѣ я увидѣл фонтан, бьющій в круглое отверстіе мѣдной стѣнки винтоваго колодца. Не оглашая[2]) по крейсеру о появившейся течи, я приказал немедленно приготовить металлическую пробку и заткнуть ею круглое гнѣздо от выпавшей заклепки. Капитальную задѣлку я рѣшил отложить до Мадеры, так как

[1]) Тоже испанскіе острова.

[2]) Чтобы не вызвать в командѣ возможнаго замѣшательства среди океана при глубинѣ около 2000 сажень.

на ходу в океанѣ посылать водолаза в колодец было невозможно, да и не совсѣм безопасно при встрѣчающихся здѣсь акулах. Скоро течь прекратилась, набравшуюся в трюм воду выкачали паровой турбиной и все обошлось благополучно. Наступившую ночь я шел под парусами, чтобы работой винта не будоражить в колодцѣ воду, избѣгая сотрясенія загнанной пробки. На 6-й день утром открылся, покрытый зеленью, высокій остров Мадера.

О В МАДЕРА.

Обогнув его с востока я стал на якорь в небольшой бухтѣ у г. Фунчала. Суда здѣсь становятся вплотную к берегу на глубинѣ 20—30 сажень и не надолго,—чтобы сдать груз и пассажиров, а затѣм — наполнив трюмы мѣстным вином, уйти дальше. Бухта открыта от южных вѣтров; даже в тихую погоду океан дышет и на его мертвой зыби суда качаются, стоя на якорѣ и рискуют выскочить на берег, т. к. при большой глубинѣ — якорь легко дрейфует. Суда стоят здѣсь под парами.

Городок Фунчал расположен на крутой горѣ. Весь остров покрыт роскошной тропической зеленью: внизу пальмы, бананы, ананасы, повыше апельсины, и на верху—виноградники. Ѣзда по улицам города вымощеннаго крупным гравіем и затвердѣвшею лавою — на санях, при чем вверх тащут мулы, а вниз сани скатываются сами, управляемые ловким возницею. Коренные жители острова португальцы[1]) и частью Тагалы, всѣ почти садоводы и большинство владѣльцы виноградников, поставляют свои продукты[2]) крупным здѣшним винодѣлам каковы: „Крон—братья“, „Уэльш“, „Бленди“ и другіе.

В городѣ и его окрестностях много вилл богатых американцев и европейцев, проводящих здѣсь зимній сезон. Климат здѣшній рекомендуется слабогрудым и потому встрѣчаются на улицах нерѣдко лица с явными признаками чахотки. Из русских туристов здѣсь между прочим жили в ту зиму граф Стенбок и Кн. Урусов — офицеры гвардейской кавалеріи — женатые на двух сестрах — урожденных Харитоненко[3]), они занимали большую виллу, пріѣхав сюда на зимній сезон со всей прислугою.

Вечером, прибыл русскій консул — американец Уэльшь и предложил свои услуги и привез прейс-курант своих вин. Мягкая, сладковатая мадера Уэльша т. наз. „дамская“[4])—самая

[1]) Остров Мадера — Португальская колонія.

[2]) Виноград на Мадерѣ отличается своеобразным терпким вкусом, этот характерный „букет“ сохраняется и в самом винѣ; старыя выдержанныя вина пріобрѣтают значительную крѣпость, утрачивая сладость.

[3]) Дочери милліонера сахарозаводчика.

[4]) В большом уротреблеіи в морских кружках в Кронштадтѣ.

низкая цѣна которой — 4½ ф. стерл. за боченок в 65 бутылок, имѣла наибольшій успѣх: 200 боченков было заказано кают-кампаніей.

Вина „бр. Крон“ дороже и крѣпче (5—12 ф. стерл.) — но заказ на число боченков был не меньше, чѣм на мадеру Уэльша т. к. эта фирма пользуется всеобщей извѣстностью в Россіи у привычных потребителей. И наконец фирма „Бленди“ получила очень небольшой заказ; ея вина очень дороги и крѣпки — вывозятся главным образом в Англію и Америку.

С утра я приступил к задѣлкѣ дыры в кормовом трюмѣ. В винтовой колодец был спущен в водолазной рубашкѣ судовой машинист и загнал в дыру болт, зажатый гайкой внутри трюма.

Я донес морскому министру о приходѣ на Мадеру и о бывшей маленькой аваріи.

Остров Мадера вулканическаго происхожденія, как Канарскіе и Азорскіе острова. По преданіям вся эта группа составляет остатки нѣкогда погибшей Атлантиды. Жители Мадеры считают свой остров совершенно мертвым и не участвующим в подземных пертурбаціях тѣх островов, в особенности Азорских, гдѣ землетрясенія и даже подводные фонтаны повторяются почти ежегодно. Кратер вулкана Мадеры 400 лѣт как потух и это дает ея жителям спокойствіе за свое будущее. Но однако в слѣдующем году, когда я стоял в той-же бухточкѣ—ночью было землетрясеніе. На берегу у г. Фунчала, в западном углу бухты круто спускается с обрывистаго берега в море грандіозный утес губчатой лавы и загибается внутрь, образуя естественную дамбу, за которой пристающія к берегу шлюпки укрываются от морского прибоя вѣчно волнующагося океана. Этот осколок нѣкогда льющейся лавы напоминает собою о „momento—mori“ жителям Мадеры.

Стоять на безпокойном рейдѣ, болтаясь на океанской зыби, дальше было незачѣм; сдѣлав отвѣтные визиты — консулу и русским туристам, вышел вечером на Канарскіе острова[1]). Был попутный — NO предвѣстник пассата и я шел под парусами. В океанѣ было хорошо, тепло и спокойно. На 3-й день с восходом солнца впереди, миль за 60, стал очерчиваться на темном еще небѣ бѣлый снѣжный конус пика Тенерифа[2]), окутанный облаками. С приближеніем к Канарским островам, он медленно выползал из под горизонта и наконец явился во всей своей красотѣ. Теперь уже открылась и вся остальная группа и между ними остров „Гран—Канарія“, куда я направлялся. В полдень, я вошел в гавань „Puerto de la Luz“.

Лежа на пути движенія судов между Европой, Южной Америкой и Южной Африкой, эта обширная гавань с богатой

[1]) Разстояніе от Мадеры около 350 миль.
[2]) Около 3½ верст высоты.

угольной станціей всегда заполнена пароходами, подгружающими здѣсь уголь и запасающимися живостью и фруктами.[1])

В гавани стоял англійскій учебный крейсер с морскими кадетами[2]), проводя здѣсь зимній сезон и выполняя программу практических занятій по морским наукам под руководством плавающих с ними профессоров.

От гавани по берегу проложен трамвай до столицы острова—„Las Palmas“ с населеніем около 40,000 жителей — торговцев фруктами и корабельными снастями. Параллельно желѣзной дорогѣ тянется вдоль всего острова горный хребет, на склонах котораго расположены многочисленныя фермы с ананасными и банановыми плантаціями. Восточные склоны хребта во многих мѣстах засыпаны мелким песком, приносимым сюда из Сахары восточными вѣтрами через океан за 300 слишком миль. Этими песчаными заносами, навѣянными волнистыми сугробами, засыпаны горныя ложбины и из под них часто виднѣются крыши зданій и верхушки пальм, в родѣ того, как зимою бывают занесены снѣжною мятелью цѣлыя деревни[3]). Такіе ежегодные песчаные шторма приносят плантаторам большіе убытки.

На островѣ нѣсколько кратеров давно потухших вулканов. В 15 верстах от порта, в живописной мѣстности, покрытой тропической растительностью лежит кратер „Galdero“. Наши офицеры нѣсколько раз отправлялись туда пикником. Вблизи вулкана отель, в нем проводят зимній сезон многіе англичане. Из гостинницы берут верховых лошадок и верхами подымаются на самый кратер по горной тропинкѣ.

На круглом гребнѣ кратера (діаметром версты 3)—мѣстами сохранились утесы из застывшей губчатой лавы, а внутри сам кратер представляет собой темный котел глубиною с ½ версты и на днѣ его виднѣются распланированные участки виноградных плантацій и цѣлая деревня живущих там фермеров.

Здѣсь за двухмѣсячную стоянку ученики наши тренировались в морской практикѣ и мало по малу из них вырабатывались лихіе и знающіе мотросы. В парусных маневрах у них не было соперников. Во время катанія и парусных гонок к ним присоединялись часто шлюпки с англійскими кадетами, и таким образом оба корабля завели между собою знакомства и даже дружбу, стоя в этом довольно скучном портѣ; обѣ кают-кампаніи время коротали взаимно посѣщая друг друга; вмѣстѣ играли в „фут—

---

[1]) Здѣсь богатыя плантаціи ананасов и бананов. Здѣсь также идет оживленная торговля канареек, привозимых из Европы для продажи проѣзжающим туристам, как сувенир о Канарских островах.

[2]) Мидшип-мэны.

[3]) Однажды в нашу стоянку при свѣжем восточном вѣтрѣ мы были свидѣтелями такой песчаной бури. Весь горизонт был в туманѣ, солнце едва проглядывало и всѣ корабли стоявшіе в гавани и наш крейсер в том числѣ были засыпаны мелкою песчаною пылью.

бол", на устроенной близ гавани игорной площади, а по воскресным дням ѣздили на „Galdero". К тѣсному сближенію обоих крейсеров послужило слѣдующее обстоятельство: в концѣ февраля во время испанскаго карнавала, толпа замаскированных и пьных гуляк, встрѣтив проходящаго по улицѣ капитана англійскаго крейсера, в темно-синем[1]) сюртукѣ, атаковала его в шутку мѣловыми шариками. У пьяных разгорѣлся азарт и они усилили нападенія, пустив в ход яйца с затвердѣвшим мѣлом и конфети; но тогда кто то крикнул, что эти англичане распространяют у нас оспу (в береговом, испанском госпиталѣ, было нѣсколько англ. кадет больных корью); но толпа пьяных перепутала названія болѣзней — кори[2]) и оспы и, встрѣтив капитана в темном костюмѣ, суевѣрно приняла этот эпизод за дурное предзнаменованіе, и в несчастнаго капитана полетѣли уже булыжники и он упал на улицу с разбитой головою. Старшій офицер англійскаго крейсера сейчас-же сообщил мнѣ об этом, прося послать на берег защиту его капитана от дальнѣйших нападеній, не рѣшаясь послать свою вооруженную команду, чтобы не раздражать существующей національной вражды испанцев к англичанам. Я моментально послал на берег офицера, говорящаго хорошо по испански с 10 ю вооруженными матросами и под его защитой капитан был доставлен к себѣ на крайсер.

Врач англичан, вмѣстѣ с нашим врачем хирургом произвели операцію черепа и наложили швы. К вечеру капитан пришел в сознаніе, но сильно страдал головной болью. Болѣзнь осложнилась и капитан сдал командованіе старшему офицеру. Губернатор Гран-Канаріи пріѣзжал с извиненіем на англ. крейсер и обѣщал строго наказать виновников. Я навѣщал больного капитана и ежедневно посылал наших врачей для консультаціи и перевязки. Спустя двѣ недѣли крейсер ушел в Англію. Перед его уходом я заѣхал на крейсер с прощальным визитом к больному капитану. Он лежал на койкѣ и чувствовал себя плохо. Вмѣстѣ со мною пріѣхали от нашей кают-кампаніи 3 представителя с корзиною цвѣтов, обвитою лентою с надписью „Герцог—Эдинбургскій". — Когда крейсер тронулся из гавани, я вызвал на „Герцогѣ" караул и оркестр и был проигран англійскій гимн, и люди посланы по марсам для прощальнаго „Ура"! Англійскій крейсер отвѣтил мнѣ тѣм-же[3]).

---

[1]) По традиціям карнавала не допускается ходить по улицѣ на встрѣчу шествію в черном или темном костюмѣ. Нарушитель традиціи обыкновенно получает из толпы манифестантов цѣлый град наполненных мѣлом шаров из яичной скорлупы.

[2]) Reugella—Корь, Veruella—оспа.

[3]) Впослѣдствіи—через полгода когда я лѣтом с крейсером стоял в Кронштадтѣ гл. мор. штаб прислал мнѣ оффиціальную бумагу англійскаго посольства с выраженіем мнѣ благодарности англійскаго правительства за сочувствіе и помощь, оказанныя капитану англ. крейсера.

В тот год окончанія войны англичан с бурами, происходило оживленное движеніе англійских транспортов, заходивших на пути в Las—Palmas за углем. На огромных пароходах под военным флагом провозились из Капштадта в Англію и обратно цѣлые полки и бригады солдат, отслуживших и раненых на Сѣвер, и новых— на Юг. Гавань была заполнена транспортами, а по берегам тысячи солдат толпились на открытых базарах, покупая фрукты, табак и обязательно клѣтку с канарейкой — как сувенир о посѣщеніи Канарских островов.

15 марта закончив программу занятій, я вышел на Азорскіе острова. На этом пути [1]) я шел под парусами, дѣлая по 150 миль в сутки при перемѣнных вѣтрах, дувших от сѣверной половины компаса. Курс наш был в NW-ой четверти, поэтому приходилось держать крутой бейдевинд с частыми поворотами оверштаг. Миль за 100 до острова St. Miguel'я вѣтер стихал и повороты уже не удавались. Пока разводились пары я оставил одни марсели и косые паруса, чтобы удерживать крейсер только на курсѣ. Ночь была темная, над головою низко висѣли черныя облака и в них по временам мерцала зарница. Вѣтер дразнил, задувая порывами, и около полночи налетѣл вдруг жестокій шквал с дождем и градом; марсели надулись, заскрипѣли мачты и крейсер лег на правый борт. Стоя на мостикѣ, разставив ноги, мы с трудом удерживались на мѣстѣ, ухватившись крѣпко за поручни. Отдали марсафалы, но с марселями туго надутыми, реи вниз не двинулись; пришлось осаживать их гитовыми; но силы всей команды не хватало, и реи по прежнему висѣли на мѣстѣ. Вѣтер ревѣл, заглушая голос старшаго офицера. Крейсер все лежал на боку, а спуститься под вѣтер не было возможности, т. к. кливер вырвало вѣтром, а бизань пузатилась и не шла на гитовы. Оставалась уже крайняя мѣра отдать марса—шкоты, но к счастью шквал внезапно стих, крейсер выпрямился и мы, убрав паруса, вступили под пары и пошли в Ponte Delgada на о-вѣ Сан-Мигуелѣ, и утром ошвартовились к стѣнкѣ мола.

АЗОРСКІЕ ОСТРОВА.

Группа Азорских островов — одна из колоній Португаліи, выгодно расположена среди Атлантическаго океана на пути между Америкой и Европой. На островѣ в Ponte Delgada устроена гавань с каменным молом и угольная станція.

Португальцы имѣют здѣсь плантаціи фруктовых деревьев всевозможных пород, вывозя свои продукты в Европу. Между землевладѣльцами есть много любителей разведенія деревьев

[1]) Около 850 м.

самых рѣдких пород, для этого они выписывают их из Бразиліи и разводят у себя в своих ботанических садах.

Азорскіе острова—как центр легендарной Атлантиды—вулканическаго происхожденія и на них подземныя силы функціонируют почти ежегодно. Землетрясенія на островах — явленія обычныя; в этом раіонѣ даже в океанѣ появляются часто новыя банки, мели и подводные вулканы, поэтому лоція совѣтует судам подходить к ним с осторожностью, измѣряя глубину лотом Томсона, даже в тѣх мѣстах, гдѣ на картах глубина показана в сотнях саженей. Замѣчательно, что при изверженіях или безпокойствах Везувія и „Лысой горы“,[1]) Азоры всегда детонируют и там каждый раз бывают землетрясенія. По острову вдоль его долины тянется высокій хребет, усѣянный многими потухшими вулканами; из них выдѣляются два больших кратера: „Furnas“ и „Sete Sidades“.[2]) Это огромныя территоріи котловин в окружности по нѣсколько сот верст, покрытыя озерами, парками, лѣсами, горячими источниками, курортами и виллами—представляли собою когда-то бушевавшіе кратеры, а нынѣ это плодороднѣйшая почва для тропических лѣсов и фруктовых деревьев. Из расположенных по берегам городов, на одном лишь Ponte Delgoda устроена гавань с молом. Портовые сборы дают возможность и порт и город содержать в хорошем порядкѣ.

Послѣ взаимных салютов и привѣтствій явился представитель русскаго вице-консула с предложеніем услуг. Как всюду — нам потребовался конечно уголь и провизія. Сам вице-консул Da Costa—почтенный старик 80 ти лѣт, на суда не ѣздит, а эти функціи исполняют за него пріѣхавшій к нам его племянник в должности королевскаго прокурора, и два его внука—молодые люди в возрастѣ 25-27 лѣт. Всѣ трое относились к нам с отмѣнной любезностью и радушіем. Привезли приглашенія в городской и военный клубы, билеты на мѣста на трибунах, устроенных на главной площади для обозрѣнія религіозных процессій, а равно и приглашеніе старика Da Cost'ы — считать его дом своим домом. Прокурор познакомил меня с топографіей острова, мѣстной общественной жизнью и предложил свои услуги быть нашим гидом в страстную пятницу—во время процессій, а затѣм поѣхать пикником на оба кратеры „Furnas“ и „Sete-Sidades“. Я выразил желаніе сдѣлать визит старику и на слѣдующій день на пристани встрѣтил меня прокурор и отвез меня в дом отца. Двухэтажный дом почтеннаго консула, построенный его прадѣдом еще в 18-м вѣкѣ представляет собой музей, в котором собраны коллекціи домашней обстановки за два столѣтія; стиль самаго дома, внѣшній фасад, живопись на

---

[1]) На Мартиникѣ.

[2]) Т. е. „Ад“ и „Семь городов“. В этом кратерѣ по древнему преданію погибло семь городов.

стѣнах и потолках комнат, мебель[1]), картины, посуда и проч. Все это дышет стариной и изяществом. Старик привѣтливо встрѣтил меня и повел осмотрѣть его „музей". Высокіе сводчатые потолки, узкія высокія стрѣльчатыя окна с цвѣтными стеклами и вся вообще старинная обстановка и особая тишина в домѣ производят впечатлѣніе, какое испытываешь в храмѣ готическаго стиля в жаркій лѣтній день. Послѣ завтрака, я и пригласил консула к себѣ на крейсер, предложив ему назначить день с тѣм, что пришлю за ним удобный катер с крытой рубкой.

В колясклѣ консула прокурор повез меня к знакомым садовладѣльцам, большею частью титулованным старым дворянам осмотрѣть их сады.

Сад Borges выдѣляется, как по своим размѣрам, так равно и по числу рѣдких ботанических экземпляров, вывезенных из Бразиліи.

Здѣсь обиліе различных пород пальм, фикусов, гигантских „Упеса" в возрастѣ нѣскольких вѣков.

В страстную пятницу мы заняли трибуны на городской площади и нѣсколько часов наблюдали религіозныя процессіи, направляющіяся от одной церкви к другой. Здѣсь на деревянных рѣзных фигурах святых не было ни париков распущенных волос, ни бархатных шлейфов, ни кружев, ни золотых и брилліантовых украшеній. Проходящіе кортежи не сопровождались оркестрами, а впереди шел скромный полисмэн и указывал путь.

В день католической Пасхи мы устроили на крейсерѣ бал и просили консула пригласить к нам высшія городскія власти с женами и взрослыми дочерьми, а равно и мѣстную знать. Городок оживился, к консулу потянулись напомнить о себѣ тѣ мамаши, которых он упустил из виду, при разсылкѣ приглашеній. Крейсер преобразился; верхняя палуба превратилась в роскошный салон, украшенный разноцвѣтными флагами и тропическими цвѣтами, присланными с утра от приглашенных садовладѣльцев, присылались не только цѣлыя шлюпки, наполненныя цвѣтами, но и цѣлые лѣса кадок с деревьями.

Шесть наших катеров, наполненных гостями, сновали по гавани от городской пристани к борту крейсера под звуки марша нашего оркестра. Танцовали на шканцах и на ютѣ, а в промежутках между танцами офицеры угощали дам в кают-кампаніи сластями, фруктами, прохладительным крюшоном и шампанским. Буфет был устроен на шкафутѣ с вином и закусками, а в моей столовой был сервирован стол для городских властей, консулов и пожилых дам. На моем балконѣ была устроена курилка. Оживленіе было большое, но конечно оно

[1]) Столовая напр. мебель—с высокими спинками обитыми черной кожей, узкіе стулья с золочеными гвоздями—эта мебель, по словам старика, помнит времена короля испанскаго Филиппа II-го.

не могло сравняться с тѣми горячими симпатіями и взаимными увлеченіями, бывавшими на наших пріемах в Виго. Ни темпераментом испанок, ни красивыми лицами португальскія дамы не обладают. Невысокаго роста, смуглыя, блѣдныя, онѣ напоминают тагалок. Между мужчинами случаются типы, похожіе на японцев. Но высшій класс, т. е. титулованные дворяне ничѣм не отличаются от французов. Бал наш закончился котиліоном, за которым дамы получили сувениры: бомбоньерки, букеты цвѣтов и фуражечныя ленточки с надписью „Герцог-Эдинбургскій", — послѣдними онѣ наиболѣе дорожили. При разъѣздѣ наши прожектора яркими лучами освѣщали всю гавань и пристань, куда высаживалась публика.

Оставался один только мѣсяц до прихода в Россію. Поѣздки на „Furnas" пришлось отложить до будущаго года, и через два дня я ушел в Шербург. Первые 4 дня шел под парусами, но вѣтер вилял — ходу было мало; поэтому пошел в Ламанш под парами. В проливѣ часто находил туман, гудѣли сирены с всѣх сторон; на 8 ой день плаванія 9-го апрѣля я стал на якорь на шербургском рейдѣ.

Тут стояло нѣсколько брененосцев „Escadre du Nord". Обмѣнявшись салютами, визитами на рейдѣ, я сдѣлал визит главному командиру [1]). Вечером взял теплую ванну и лег рано спать раздѣвшись, чего нельзя было сдѣлать в океанѣ, а послѣднія двѣ ночи, идя каналом, и вовсе не сходил с мостика по случаю тумана. Утром купил французских вин для себя и для заказчиков — сослуживцев, прославших по обыкновенію письма в Шербург. Здѣсь же, как и всегда, пришлось пріобрѣсти шелка и дамской галантереи для подарков в Россіи.

На пятый день я ушел в Киль. В Нѣмецком морѣ погода была ясная, старшій офицер пользовался ею и красил крейсер, готовясь к смотрам. Идя под парами на 4 ый день, обогнув Скаген, вошел в Б. Бельт и с лоцманом пошел проливом на юг. На ночь у Ниборга стал на якорь. На этом пути ученикам производился экзамен, офицеры были всѣ заняты, поэтому парусов не ставили.

КИЛЬ.

На 6-ой день я вошел на Кильскій рейд. Германской эскадры не было, она находилась под командой принца Генриха в плаваніи в водах Португаліи. Узнав от командира порта, что Принцесса Ирена в своем замкѣ, я заѣхал к ней и оставил ей

[1]) Vice-admiral Touchard — впослѣдствіи (1909—10—11) был франц. послом в Петербургѣ.

визитную карточку. Утром я получил приглашеніе к ней на обѣд.

Принцесса приняла меня с присущею ей любезностью и радушіем; вспомнила Гон-Конг и в восторгѣ была от своей поѣздки на Дальній Восток. За столом сидѣл тот же старый гофмейстер, сопровождавшій ее на пароходѣ, двѣ придворныя дамы и нас трое: я, старшій штурман — кап. Шольц [1]) и лейт. Кедров [2]). Этикет соблюдался: придворный-лакей в ливреѣ, вина были старыя рейнскія из погребов принца.

В библіотекѣ, куда был подан кофе, принцесса обратила мое вниманіе на старинный портрет владѣльца замка курфюрста Фридриха — отца русскаго Императора — злополучнаго Петра III-го, родоначальника династіи Романовых. При прощаніи принцсса поручила мнѣ передать привѣт своей сестрѣ — имп. Александрѣ Ѳедоровнѣ.

Простояв в Килѣ дни русской Пасхи, я 27-го апрѣля вышел в Ревель, т. к. Кронштадт был еще во льдах. В Балтійском морѣ было туманно и сыро. За Оденсхольмом перед островом Наргеном стояло сплошное поле пригнанных с Сѣвера плавучих льдин. Пробираясь осторожно по бѣлому полю, я мало по малу продвинулся за Нарген и вошел на Ревельскій рейд чистый от льда.

Было прохладно, но майское солнце весело освѣщало старинный город с остроконечной башней св. Олая. Отсалютовал 21 выстрѣлом. Со стѣнки гавани раздался отвѣтный салют, и на душѣ ощущалась радость возвращенія домой. Одѣв мундир, я поѣхал к командиру порта к-адм. Вульфу. От него я узнал, что к 8-му маю ожидается в Кронштадтѣ визит вице-адмирала Roustan с „Escadre du Nord“; но едва ли к тому времени Кронштадт очистится от льда, — то в Ревелѣ дѣлаются приготовленія для пріема французов в салонах Екатериненталя и в морском клубѣ, а на рейдѣ, представителем от флота будет мой крейсер и зазимовавшій здѣсь броненосец „Адм. Ушаков“. Но неожиданно задул теплый SW и море за Гогландом очистилось от льда. Пріем французов опять был назначен в Кронштадтѣ, а для проводки моего крейсера туда был прислан ледокол „Могучій“, а для „Escadre du Nord“ Ермак.

6-го мая я прибыл в Кронштадт. Салют, визиты и все прочее, как бывало не раз. На рейдѣ, вытянувшись в одну линію, стояли суда Балтійской практической эскадры и в этой линіи моему крейсеру было назначено мѣсто. Для французских судов были поставлены буйки на линіи параллельной нашим судам — друг против друга.

---

[1]) В 1905 г. 15 мая убит на „Донском“ в Цусимском бою.

[2]) Во время всеевропейской войны, в званіи флигель-адъютанта, был в Штабѣ адм. Эссена.

8-го мая в полдень вошла на рейд французская эскадра[1]). Послѣ взаимных салютов, привѣтственных криков „vive la Russie!“ „vive la France!“ и визитов, адмирал Рустан с командирами отправился на яхтѣ к государю в Петергоф. Остальных французских офицеров чествовали обѣдом в Кронштадтском морском собраніи. Слѣдующій день офицеры провели в Петербургѣ, гдѣ им показывали зимній дворец, эрмитаж, музей Александра III и острова. В тот-же день мэтры и унтер-офицеры обѣдали в Кронштадтском клубѣ кондукторов, а матросы в манежѣ. Во французском посольствѣ был отвѣтный пріем, гдѣ был государь и высшіе чины русскаго флота. На 4-ый день французская эскадра ушла в море. Послѣдовал обычный обмѣн орденов и я получил „Legion d'honeur“ командорскаго класса — золотой с розеткой.

Настали теплые майскіе дни, и мнѣ был назначен Высочайшій смотр. Прибыл Государь в формѣ — кап. I ранга, Императрица Александра Ѳедоровна, В. Кн. Алексѣй Александрович, Мор. Министр П. П. Тыртов и проч. власти. Государь с привѣтственным взглядом опять вспомнил „Мономах“ и пошел по фронту офицеров; императрица была великолѣпна: высокая, стройная, красивая; приняв от меня традиціонный букет, подала мнѣ руку, полную, тяжелую, для поцѣлуя и прошла со своей фрейлиной на полуют.

Послѣ обычнаго осмотра всѣх помѣщеній крейсера, артилерійскаго ученія, всѣ вышли на полуют, откуда смотрѣли постановку и уборку парусов. Перед отъѣздом с крейсера государь благодарил команду, а затѣм салют, по реям ура!

Уходя на яхтѣ в Петергоф государь поднял сигнал: „Государ изъявляет крейсеру свое особое удовольствіе“.

Для испытанія боевой готовности крейсера и экзамена ученикам, крейсер ушел в Біоркэ.

20-го мая я вошел в гавань для ремонта и обновленія состава учеников. Ко мнѣ был назначен новый старшій офицер[2]), и я с сожалѣніем разстался с А. А. Баженовым. Все лѣто стояли прекрасныя погоды, и работы по изготовленію крейсера к плаванію шли с должным успѣхом.

По воскресеньям семью приглашал к обѣду. Дѣти с нетерпѣніем ждали этого дня; на крейсерѣ было интересно: офицеры показывали привезенных звѣрей и птиц, за обѣдом играл оркестр, а ресторатор старался всегда составить меню по ихнему вкусу... Вина были свои, преимущественно отдавалось сладким — испанским. При отъѣздѣ с крейсера барышни получали разноцвѣтныя ленты с надписью „Герцог Эдинбургскій“.

---

[1]) 2 броненосца, 2 крейсера, 2 торпедоистребителя и 1 легкое авизо—яхта адмирала.

[2]) Лейт. Г. Огильви — женатый на дочери Адм. Авелана — начальника гл. Мор. Штаба.

В іюлѣ приходила в Кронштадт италіянская эскадра с королем Виктором-Эмануилом II. Пока король гостил у государя в Петергофѣ, италіянским офицерам дѣлались пріемы в Морском Собраніи и у Адм. Макарова. В один из дней я на крейсерѣ устроил обѣд, на котором присутствовало нѣсколько италіянских офицеров, Адм. Макаров с женой и русскій посол в Римѣ А. И. Нелидов[1]). На италіянской эскадрѣ плавал изобрѣтатель радіотелеграфа Маркони в качествѣ инструктора при установленных на судах его приборах. Я с ним познакомился на одном из пріемов у гл. командира.

В августѣ крейсер был готов к плаванію и я вышел на рейд.

Затѣм, получив от гл. Мор. Штаба программу и маршрут плаванія, я 27 августа ушел заграницу. Маршрут был почти тот-же, что и в прошлом году. Пройдя под парами Балтійское море и Датскіе проливы, простояв 5 дней в Христіанзанд, 12 сентября вышел в Плимут. В Нѣмецком морѣ было пасмурно и тихо—но по временам для практики учеников ставил и убирал паруса. На 6 й день стал на якорь на обширном Плимутском рейдѣ. Послѣ обычнаго салюта и визита старшему на рейдѣ командиру[2]) я проѣхал к гл. командиру почтенному адмиралу Scott'у и по обыкновенію был приглашен им в тот же вечер к обѣду. Высокій сѣдой старик с фигурой сановнаго лорда и худощавая старая леди—его жена были изысканно любезны. Чувствовалась простота и непринужденность, точно в семьѣ своего дѣдушки. Послѣ обѣда до поздняго вечера мужчины сидѣли на верандѣ с ногами на лонг-черах, курили сигары и потягивали сода виски. Адмирал вспоминал эпизоды из своих давнишних плаваній и индійской службы. Вернувшись на крейсер я крѣпко заснул, утомленный, неспавшій послѣднія двѣ ночи в туманном каналѣ.

ПЛИМУТ.

На южном берегу Англіи, почти у выхода в океан, в широкой части канала, в глубоком заливѣ, огражденном с юга молом, расположен Плимутскій порт. Океанская волна в осеннія бурныя погоды, прорываясь на обширный рейд, дѣлает стоянку на нем весьма безпокойной. Но в сѣверо-западной части рейда залив глубоко вдается в берег и там в спокойном мѣстѣ устроен плимутскій военный порт—с адмиралтействоm, элингами и

[1]) Его сын А. И. Нелидов плавал у меня на крейсерѣ вахтенным лейтенантом. В 1904 году, идя на эскадрѣ адм. Рождественскаго в Японію, заболѣл на пути и умер в Дакарѣ — (на берегу Африки — французск. колонія), там похоронен.

[2]) Брон. „Minotaver".

доками. Для коммерческих судов тут нѣт особой пристани. Как Шербург во Франціи, так и Плимут в Англіи имѣет характер чисто военный: сам город обычнаго типа англійских городов: с широкими улицами, трамваями, магазинами и парками, с зелеными площадками для игр и спорта. Есть музей, нѣсколько театров, военный и морской клуб; балаганнаго характера — „music-hall"—для солдат и матросов.

Русскій консул англичанин Belami предложил свои услуги быть гидом, и затѣм сдѣлал визит кают-кампаніи, быстро со всѣми познакомился и радушно предложил нам поѣхать пикником на слѣд. день загород в шарабанах в обществѣ собранных им дам и барышень. Между ними была одна русская дама, жена англійчанина, морского инженера; обладая веселым характером, она оживляла этот пикник и быстро познакомила англичанок с нашими офицерами. Пикник сдѣлал привал на горѣ возлѣ 3-х бассейнов (фильтров)—водопровода снабжающаго город. В своем загородном котеджѣ-дачѣ радушный консул предложил нам завтрак „a la fourchette"—в англійском вкусѣ. На дессерт были поданы бананы и ананасы, доставляемые с островов Мадеры и Азорских. Мы пригласили любезнаго консула и дам к нам на крейсер в ближайшее воскресеніе. Офицеры на крейсерѣ были в большинствѣ прошлогодніе, музыка та-же самая; поэтому первый пріем наш был вполнѣ удачен.

В Лондон я не ѣздил, т. к. для покупок англійских матерій и различных подарков, плимутскіе магазины удовлетворяли самым изысканным вкусам. На плимутском безпокойном рейдѣ невозможно производить ученія с той систематическою правильностью каковая требуется при начальном прохожденіи курса морской практики. Поэтому я рѣшил уходить в Брест.

Перед уходом был несчастный случай. Вечером послѣ спуска брам-рей один из лучших учеников, сбѣгая по вантам вниз, оступился и, перевернувшись в воздухѣ, ударился головой о запасный якорь и упал в воду. Его моментально подняли на шлюпку. Когда он пришел в сознаніе наш доктор наложил ему швы на разсѣченную на темени рану. К счастью его натура была столь крѣпкая, что осложненій не послѣдовало, и через двѣ-три недѣли он выписался из лазарета. Впослѣдствіи (в 1905 г.) я встрѣтил его уже в чинѣ боцмана на „Александрѣ II-м"; на нем я держал свой флаг, командуя Балтійским отрядом.

На рейдах, гдѣ нѣсколько судов производят одновременно один и тот-же маневр (парусный или рангоутный), людей невозможно удержать от состязаній между судами; в этом их гордость. В 80-х и 90-х годах такія состязанія поощрялись даже морским начальством на наших судах Тихоокеанских отрядов в японских водах; эти суда, вернувшись в Кронштадт, удивляли скромных балтійцев молніеносной быстротой своих маневров. Балтійскія суда внутренняго плаванія старались неотставать от

заграничных, и этот обычай гонки на скорость распространился в тѣ годы на весь рангоутный наш флот. Но бывавшіе частые несчастные случаи мало по малу образумѣли наконец наших морских „волков“ и к началу 1900 годов этот обычай вышел из моды.

БРЕСТ.

3-го октября я перешел в Брест. На рейдѣ, как и в прошлом году, за молом стоял старичек „Borda“[1]) и часть „Сѣверной эскадры“; внѣ мола на рейдѣ—учебный парусный фрегат с учениками „gabiers“. Послѣ обычных салютов я сдѣлал визиты старшим командирам, оказались все знакомыя лица. Пріѣхал наш консул m-r de Keros,—с ним мы встрѣтились как старые родственники, и поѣхали с ним сдѣлать визиты береговым властям. Послѣ визитов консул оставил у себя обѣдать. Madame de Keross за год еще потолстѣла и приняла меня как кума. Дочка уѣхала с маленьким Gui в Константинополь, гдѣ ея муж —лейтенант командовал миноносцем—станціонером при французском посольствѣ.

В Брестѣ я начал правильныя занятія и простоял там три недѣли. Вскорѣ зашел сюда по пути в Тихій океан крейсер „Новик“[2]), куда в тот год соередоточивались наши суда в ожиданіи войны с Японіей. Старшим офицером на „Новикѣ“ был Кап. 2 р. Ѳедор Ник. Иванов.[3])

В это время в Брестѣ был получен подарок Государя „Сѣверной эскадрѣ“ — серебряная братина для жженки (вѣсом в 2 пуда) художественной ювелирной работы Сазикова, украшенная крупными драгоцѣнными камнями. Братина изображала древнюю кочерму, на носовую часть которой снизу ползал трехглавый дракон, а на палубѣ встрѣчал его булавою на отмаш русскій богатырь, в кольчугѣ и шлемѣ. Французам очень нравилась эта братина, аллегорически изображающая пораженіе „Тройственнаго союза“. Для обновленія этой братины адмирал Рустан устроил у себя в морской префектурѣ торжественный раут, пригласив нас и офицеров „Сѣверной эскадры“ и мѣстное морское начальство с женами. Жженку варили по нашему указанію французскія дамы и разносили их гостям; говорились соотвѣтственныя торжеству рѣчи, а на хорах играл оркестр. Потом танцовали, но довольно вяло.

---

[1]) Морское училище.

[2]) Недавно построенным в Эльбингѣ на заводѣ Шихау.

[3]) Впослѣдствій—в 1904 году во время войны с Японіей, командуя заградителем „Амур“, получил Георгія 4-ст. за удачную постановку мин возлѣ П. Артура, на каковом загражденіи были взорваны два сильнѣйшіе японскіе броненосцы.

В отвѣт французам мы на крейсерѣ устроили бал. Пригласили всѣх бывших на раутѣ, но для большого оживленія и танцев просили привезти не только степенных матрон, но и барышень. Вина были в изобиліи; в котиліонѣ раздавали цвѣты и судовыя ленточки. Но той беззаботной веселости и увлеченія в танцах, какое наблюдалось в англійском обществѣ и в особенности в Испаніи — здѣсь не ощущалось: французское общество казалось нам довольно сдержанным.

1-го ноября[1]) празднуется день „Touts Saints". В этот день по всей Франціи общество „Société de Souvenir Français" устраивает патріотическія процессіи к памятникам, воздвигнутым в честь героев „погибших за отечество" — в войну 1870-71 г. г. Президіум общества пригласил меня и офицеров принять участіе в этих процессіях. Весь день 1 го ноября мы фигурировали в этом „Pelerinage'ѣ", обходя памятники в самом го одѣ и закончили загородом — на военном кладбищѣ. Возлагались вѣнки и говорились рѣчи; я пожертвовал обществу 200 франков и вскорѣ получил из Парижа серебряную медаль и диплом на званіе „вѣчнаго члена" общества — „Membre donateur à Perpetuitèe".

Вскорѣ я ушел в Испанію, в Ферольь, желая ознакомиться с этим чисто военным портом Испаніи. В океанѣ для осенняго времени была довольно сносная погода, я шел то под парами, то под парусами, тренируя учеников в парусных упражненіях.

5 ноября я подошел к мысу Finisterre и, отыскав бухту у входа в Корунью, вошел в нее.

Утром лоцман повел нас узким Ферольским каналом. Длиною около $1^1/_2$ мили и шириною — мѣстами не болѣе 100 сажень, канал пролегает между вертикальных стѣн высоких скалистых утесов. Идешь точно в исполинском коридорѣ; здѣсь вѣчная тѣнь и лишь высоко над головою виднѣется ярко-синее испанское небо[2]). Идя малым ходом, как в Суэцком каналѣ, искусно лавируя в извилинах, испанец через $^1/_2$ часа вывел нас на обширный ферольскій рейд. Отсалютовав націи, я стал на якорь. Рядом стояли старый броненосец „Vittoria" и королевская яхта.

В сѣверной части рейда на выдающемся полуостровѣ—город, имѣющій характер чисто военный. Здѣсь дом гл. командира, Морской Штаб, Морское училище, матросскія казармы, офицерское казино и проч., далѣе на восточном берегу адмиралтейство, арсенал и судостроительная верфь. На ней я видѣл

[1]) Нов. стиля.

[2]) В отвѣсных стѣнах виднѣются амбразуры; мѣстами висят, как ласточкины гнѣзда — высѣченныя в скалѣ полукруглыя ложи для старых пушек — нѣкогда грозной, а нынѣ отжившей испанской крѣпости, охранявшей „непобѣдимую армаду" могущественнаго флота великой Испаніи, в обширных колоніях которой „незаходило солнце".

— четыре строющіеся крейсера(легкаго типа 4800 тонн) для возрожденія испанскаго флота, вмѣсто разбитаго американцами в войну 1898 г.

Получив отвѣтный салют, я посѣтил командира „Vittoria" Почтенный капитан — Victor-Maria Concas — оказался очень интересный моряк — герой нѣскольких войн, раненый в руку в послѣднем сраженіи при Сант-Яго, командуя головным крейсером „Maria-Tereza", на котором адмирал Servera держал свой флаг. Вся эскадра Серверы, выйдя из Сант-Яго, была разбита американцами: горѣвшія суда выбросились на берег и весь уцѣлѣвшій личный состав с адмиралом Серверой и его флаг-капитаном Конкасом, попал в плѣн. Раненный Конкас в Нью Іоркѣ был окружен трогательным уходом американских моряков, узнавших в нем того самаго командира, котораго они за нѣсколько лѣт перед тѣм — чествовали в Нью-Іоркѣ, куда он тогда привел океаном 3 старинныя каравеллы,[1]) на торжественный праздник 400 лѣтія открытія Америки (1492 г.). Concas вошел в Нью-Іорк на головной — „Santa Maria" — каравеллѣ Колумбѣ, окруженный кораблями всѣх націи,[2]) — а теперь — спустя 6 лѣт — он в том-же Нью Іоркѣ в качествѣ плѣнника!.. По исцѣленіи от ран американцы тотчас-же его с почетом отпустили домой.

Нынѣ, командуя учебно-артиллерійском кораблем, он тренирует будущих наводчиков для возрождающагося флота. Он подарил мнѣ свою книгу с описаніем злополучнаго похода и самого сраженія.[3]) Он предложил мнѣ свои услуги — для сопровожденія меня с визитами к морским властям, замѣняя русскаго консула, а равно и для осмотра ферольскаго порта, строющихся судов и морское казино. Потом по его иниціативѣ в мор. казино был устроен раут в честь нашего прихода в Ферроль. На раутѣ он между прочими представил мнѣ 18-лѣтняго гардемарина герцога Бурбонскаго с характерным фамильным носом Людовика XVI. На раутѣ была морская музыка, танцы, шампанское и испанскія вина, и ужин „a la fourchette". Испанское общество принимало нас весьма радушно, и мы вспомнили наших друзей в Виго.

Мы отвѣтили балом на крейсерѣ и постарались сдѣлать все так, как дѣлали только в Виго. Флаги, цвѣты, фонтаны, вина, крюшоны, конфеты, ленточки и другіе сувениры — все было самое лучшее. Кап. Конкас собрал от моего имени вла-

---

[1]) Скопированныя с каравелл Колумба.

[2]) от русскаго флота были „Донской", „Пам. Азова", „Ген-Адмирал" и "Нахимов".

[3]) Во время нашей войны с Японіей (1904/5) г. Конкас был начальником Гл. Мор. Штаба, а адм. Сервера — мор. министром. Я получил тогда от него из Мадрида нѣсколько писем, в них он касался нѣкоторых страгических ошибок нашего флота, запертаго в П.—Артурѣ и полагал, что его слѣдовало сосредочить во Владивостокѣ.

стей и дамскую публику, был приглашен и герцог Бурбонскій со старшими гардемаринами. Наши танцоры — мичмана постарались, бал был оживлен и весел; в антрактах между танцами говорились дружественныя рѣчи и провозглашались тосты „Evviva la bella Espagna", „Evviva Russia", под гимны обѣих націй. Публика разъѣхалась довольная и веселая, а дамы всѣ с ленточками и сувенирами, полученными за танцами.

Конкас пригласил меня пріѣхать к нему на праздники рождества в Мадрид, гдѣ жило постоянно его семейство — жена[1]) и дочь. Он собирался встрѣтить меня в Мадридѣ; показать мнѣ город, быть в оперѣ и на боѣ быков, и познакомить меня с адм. Серверой, мечтая, как он мнѣ однажды признался, через меня положить начало будущаго тройственнаго allianca[2]) Россіи, Франціи и Испаніи — конечно в будущем, когда Испанія возродит свой флот.

Пора было уходить в Виго, гнѣ нас давно ожидали, а мѣстныя дамы в письмах к офицерам недоумѣвали, что с крейсером случилось, что он так долго не приходит в Виго? Поэтому— как ни пріятно было стоять в радушном Феролѣ, я 15-го ноября ушел в наш родной Виго.

ВИГО.

17 ноября при всходѣ солнца я вошел в Виго. Верхушки гор слабо бѣлѣли подернутыя ночным инеем, неуспѣвшим еще растаять от только что восшедшаго зимняго солнца. Пока я шел вдоль длиннаго залива, проползая медленно по склонам гор, солнечные лучи освѣщали знакомые холмы, зеленыя рощи, развалины замков и аллею камелій, ведущую вдоль берега к замку „Castello". При моем салютѣ город догадался, что пришел „Герцог"; вскорѣ на стѣнкѣ собралась публика, привѣтствуя крейсер маханіем шляп и платков. Тут всѣ знакомые. Пріѣхал S-r Menachho, сыновья консула, молодые Molins'ы и лейтенант с канонерки привѣтствовали с приходом. Я сдѣлал визиты городским властям и в знакомые дома. Вездѣ встрѣчали точно родные. Дамы ревниво упрекали наш крейсер за долгую стоянку в Феролѣ, и тут же составлялись проекты предстоящих вечеров в городском клубѣ, казино и у графа de Torro-Cedeir'ы.

---

[1]) По отзыву ферольских офицеров—жена Конкаса, хотя уже не молодая блондинка, считалась в мадридском обществѣ одной из первых красавиц.

[2]) Здѣсь кстати вспомнить, что одним из піонеров Франко-Русскаго allianc'а был вѣдь такой-же учебный корабль „Минин", как и наш крейсер; долго простаивая в Брестѣ (1891/2 г.) командир его к. І. р. А. А. Бирилев устраивал пріемы, балы, участвовал с офицерами в патріотических процессіях об-ва „Souvenir de France" и проч.; правительства обѣих стран невольно втянулись в эти дружественныя манифестаціи. Затѣм послѣдовали визиты эскадр в Тулон (Адм. Авелан) и Кронштадт, и все это кончилось формальным союзом.

С утра я начал на крейсерѣ правильныя занятія с учениками. Только с 7 ч. вечера офицеры освобождались и могли съѣхать на берег. По большим праздникам и табельным дням устраивались гонки с призами и денежными наградами гребцам. В дни гонок приглашались с берега гости и послѣ раздачи призов устраивались „five o'clok tea", заканчивавшійся обыкновенно танцами. В отвѣт на городскіе пріемы, как и в прошлом году, на крейсерѣ были два больших бала в Рождество и на новый год, а наканунѣ ухода малый пріем только для знакомых.

В Мадрид, к моему сожалѣнію, я опять не мог поѣхать. Случилось так, что почти наканунѣ испанскаго Рождества (нов. ст.) на рейдѣ заревѣл форменный шторм от NW та; пришлось отдать второй якорь и развести пары. Оставить крейсер при таких условіях я не рѣшился, а к тому-же мой молодой старшій офицер был недавно назначен и мог не справиться в серьезную минуту. Я послал телеграмму Конкасу и остался на крейсерѣ. Шторм стих лишь по прошествіи 3-х дней, а тогда ѣхать было уже поздно.

В половинѣ декабря в Виго пришел отряд русских судов под командою к-адмирала барона Штакельберга, направлялся он на дальній Восток, гдѣ сосредоточивались наши морскія силы на случай войны с Японіей, которая в то время явно готовилась к войнѣ. В отрядѣ были почти всѣ суда новыя: бр. „Ретвизань" —к. I р. Ценснович, „Полтава"—к. I р. В Задаренный, „Побѣда" —к I р. Успенскій, Кр. „Богатырь" — к I р. Ал. Стеман и кр. „Варяг"—к I р. Руднев, и два миноносца. Испанское общество устроило нашей эскадрѣ торжественный пріем в театрѣ, убранном русскими и испанскими флагами. Шла опера „Фауст" с прологом, на котором военный оркестр играл русскій гимн. В ложах сидѣл адмирал, командиры и офицеры с судов. Городскія власти, командующій войсками генерал, консул и важнѣйшія дамы принимали гостей и хозяйничали за чаем и вином, подаваемым в антрактах. В городском казино был парадный раут с танцами.

Адмирал Штакельберг, торопясь на Восток, ушел утром в море и просил меня отвѣтить за него на пріем испанцев. На крейсерѣ был устроен еще один бал. Собрались всѣ, кто бывал на крейсерѣ. Подъем был исключительный. Все общество чувствовало, что больше сюда мы не вернемся [1]) — трогательныя были прощанія при разъѣздѣ публики: тут давались на память не только цвѣты и перчатки, но обмѣнивались браслетами и даже кольцами... а молодыя барышни не сдерживали слез. С обѣих сторон давались обѣщанія писать письма, а может быть и болѣе серьезныя... Но время и забвеніе суть лучшія средства от всевозможных увлеченій.

[1]) Это было послѣднее плаваніе крейсера.

В первых числах января я вышел из Виго в океан, направляясь на остров Мадеру. Отойдя от испанскаго берега миль 200, я получил слабый O. N. и, прекратив пары, вступил под паруса. На переходѣ тренировали учеников в парусном дѣлѣ, как и в прошлом году. На 8-ой день плаванія я пришел в Фунчал.

Все повторилось по прошлогоднему: пріѣхал консул M-r Walsh, агенты от фирмы „Krown b-rs“ и „Blandy“. Всѣм им заказали по нѣскольку десятков бочек вина и ими заполнили судовые трюмы. Я сдѣлал визиты береговым властям. Офицеры уѣхали на берег, но их предупредили, чтобы в глубь острова не ѣздили и, в случаѣ сигнала—2 пушки [1]) — возвращались на крейсер.

Океан все время дышал крупной зыбью и крейсер всю ночь качался на ней. На слѣд. день губернатор острова, моложавый полковник в формѣ колоніальных войск—сидѣл со мной на моем балконѣ и, куря сигары, мы любовались видом тропической зелени на обрывистой горѣ, подымавшейся к небу почти в упор перед нашим носом. На мое замѣчаніе, что глыба застывшей лавы должна простерегать мѣстным жителям, губернатор с увѣренностью заявил:

— О, мы совершенно спокойны, уже 400 лѣт, как заснул наш вулкан, и остров надо считать мертвым.—Утром, когда мы снимались с якоря, пріѣхавшіе на крейсер торговцы фруктами говорили, что ночью весь город был в тревогѣ—многіе дома качались от бывшаго землетрясенія. Прійдя на Канары, мы узнали из полученных телеграмм, что в тот именно день был грандіозный взрыв вулкана „Лысой горы“ [2]) на островѣ Мартиникѣ, спалившій до тла весь город Сен-Пьер с его портом и судами, бывшими в гавани, и что в то-же время усиленно бунтовал старик Везувій, лежащій на разстояніи нѣсколькихъ тысяч миль от Мартиника. Ну и конечно Азоры не могли оставаться равнодушными при этой подземной пляскѣ, и приняли в ней участіе. Приходится заключить, что существует какая-то подземная связь между вулканами—даже удаленными на значительныя разстоянія. [3])

---

[1]) Этот условный сигнал означал, что задувшій с моря вѣтер заставляет нас сняться с якоря и уйти в океан.

[2]) „Mont-pele“.

[3]) На моей памяти сохранился случай подобной связи, испытанной во Владивостокѣ в 1891 г. на фрегатѣ „Мономахъ“. Ночью при тихой погодѣ неожиданно прошел тропическій ливень и на судах, стоявших на рейдѣ, были оборваны якорные канаты; суда наши „Мономах“, „Азов“ и „Джигит“ перемѣнили мѣста, потеряв свои якоря. В ту ночь в Японіи было грандіозное землетрясеніе: на островѣ Нипонѣ провалилась огромная площадь, в ней погибло нѣсколько городов и 80.000 жителей.

20-го января перешел на Тенериф. Его снѣжный пик при ясной погодѣ открывается за 80 миль. На восточном берегу острова у порта Санта—Круц имѣется небольшая гавань для мелких судов и мало защищенная бухта; в послѣдней я стал на якорь.

„Harbour — master" типичный испанец, старый моряк предложил мнѣ тяжелый портовый якорь и толстый канат в виду того, что бухта здѣсь открытая и стоять в океанѣ будет безпокойно. Я принял его якорь, (хотя он немногим тяжелѣе моего собственнаго), — считая, что если в дурную погоду оборвется канат, то лучше пусть будет потерян чужой, чѣм терять свой якорь. Со стоящей здѣсь канонерки пріѣха́л капитан и любезно предложил свои услуги замѣнять нам консула—быть моим гидом на берегу и при сношеніях с мѣстными властями. Санта—Круц — столица всѣх Канаров, поэтому здѣсь имѣется генерал-губернатор и командующій войсками дивизіонный генерал Pietro Suero.

Старинный городок, помнящій средневѣковыя времена могущества великой Испаніи,—Санта-Круц носит на себѣ отпечаток городов, почти не тронутых позднѣйшим прогрессом культуры; в родѣ того, как сохранилась Венеція, или даже Помпея. У пристани лежит небольшая, бѣлым мрамором выложенная площад с готическим храмом и казенными зданіями, тоже как снѣг—бѣлыми. Вспоминается невольно венеціанская Piazetta, пожалуй даже помпейскій форум; за площадкой в разныя стороны идут узкія улицы с магазинами shipchendler'ов и фруктовыми лавками. Дальше за ними идут сады, подымаясь к подножью склонов величественнаго Pick de Tenerif. Весь остров собственно тѣло огромнаго вулкана. Из города на гору проложен трамвайный путь; опоясывая спиралью склоны горы, он доходит до мѣста, гдѣ начинается бѣлый снѣжный покров. Трамвай проходит мимо нѣсколькихъ курортов и отелей, куда в лѣтнее время туристы спасаются от жары. На высотѣ около версты, лежит древній городок „Laguna", в нем тихо и пусто, дома почернѣли от старости; на улицах мы встрѣтили всего 2-х 3-х женщин с блѣдными лицами и полусонным взглядом; онѣ точно нѣмыя — звука их голоса мы вовсе не слышали. В этом умирающем городѣ осталось уж немного жителей, их считают потомками тѣх берберев, которыми нѣкогда была населена Атлантида. Это племя родственно с народом, обитающим на сѣверо-западной окраинѣ Африки[1]) В одном из здѣшних садов имѣется странное дерево „drago"—живущее уже нѣсколько десятков вѣков (помнящее будто бы Атлантиду). Это исполинское дерево имѣет ствол от самаго низу мясисто-зеленый діаметром до 2-х метров, а к верху развѣтвляясь оно похоже на качан цвѣтной капусты. В городѣ имѣется театр и офицерское

[1]) Марокко.

казино. В послѣднем для нас был устроен раут, на который мы отвѣтили балом на крейсерѣ. По письмам от родных из Виго, здѣсь нас ожидали и знали о наших радушных пріемах, поэтому собрался почти весь город и даже барышни подростки. Но пріем наш не носил здѣсь того задушевнаго и веселаго характера, каким отличались пріемы в Виго, а к тому же танцам помѣшала погода; Нептун подшутил над нами и внезапно развел зыбь в океанѣ: крейсер начал медленно качаться, и наши гости почувствовали вначалѣ странную легкость в ногах, потом онѣ догадались в чем дѣло и многія дамы отказались от танцев, а двѣ подростки, сердясь на палубу, уходящую из под ног, сбѣжали от своих кавалеров и ударились в плач. Наши танцоры старались убѣдить своих дам, что теперь при качкѣ танцовать легче, но все было напрасно. Публика разъѣхалась, сердясь на Нептуна, но при отъѣздѣ дамы получили крейсерскія ленточки, вѣера и разные сюрпризы. На наш не совсѣм удачный пріем город отвѣтил маскарадом в театрѣ; были серпантины, бой цвѣтов и стрѣльба конфети; танцовали в партерѣ, а на сценѣ был устроен ужин. Было радушно и весело. Маскарад кончился поздно; на крейсер офицеры вернулись под утро. Стоять на открытом рейдѣ долго невозможно и я перешел в Пуэрто-де-ля-Люз на Гран Канаріи (разстояніе 35 миль).

О-В ГРАН—КАНАРІЯ.

Стоянка в этом портѣ была при тѣх же условіях, что и в прошлом году: по будням у нас шли ученія, а в праздничные дни мы отправлялись в г. Ляс—Пальмас, ѣздили на вулкан „Caldero“ и оставались обѣдать в сосѣднем отелѣ. Послѣ обѣда в гостиной собралось все общество живших там туристов (всѣ почти англичане) и устраивался домашній концерт под акомпанимент рояля.

Из этого порта, я должен был перевалить океан и зайти в Сен Пьер на о-вѣ Мартиникѣ — (французская колонія в группѣ Антильских островов).

Но вслѣдствіи того, что порт Сен—Пьер был до тла сожжен при взрывѣ вулкана Лысой горы[1]), я получил измѣненіе маршрута и остался на Гран—Канаріи на цѣлый мѣсяц.

---

[1]) Вулкан перед изверженіем выпустил огромное облако черных горючих газов, спустившихся по склонам горы, покрывших собою весь город С—Пьер и его гавань. В наэлектризованной атмосферѣ появилась молнія и произвела грандіозный взрыв газа, от котораго сгорѣл весь город и суда на рейдѣ со всѣми обитателями (30.000 жит.). — Уцѣлѣл только один негр (преступник), сидѣвшій в подвальном этажѣ мѣстной тюрьмы, и один французскій пароход, уходившій в этот момент в море и бывшій внѣ дѣйствія взорваннаго газа. Это были единственные свидѣтели, от которых узнали подробности катастрофы.

Послѣ я перешел на Азоры. В Сен—Мигуелѣ мы встрѣтили старых знакомых: пріѣхал прокурор—любезный Borges Dacosta, два внука консула и владѣльцы ботанических садов, которых я посѣтил в прошлом году. Губернаторша, при моем визитѣ, сразу приступила к „дѣлу": „дамы готовят наряды для вашего бала и просили узнать, когда он будет?" — Я отвѣтил: В день вашей Пасхи.

Пришлось повторить прошлогодній пріем, и на этот раз было веселѣе: гости были развязнѣе, встрѣчая знакомыя лица, и легко оріентировались на крейсерѣ: кавалеры быстро находили буфет, а дамы дамскую. Конфет и сластей было много; к крюшону приступали смѣло. Котиліонные сюрпризы были торжественно ввезены в танцовальный зал на изящной бамбуковой колясочкѣ, запряженной парой бѣлых фокстеріеров, убранных лентами и цвѣтами. Мѣстные садовладѣльцы прислали такую массу самых рѣдких тропических цвѣтов, что ими были буквально завалены всѣ помѣщенія крейсера. Один титулованный садовод прислал мнѣ лично в подарок 3 кадки с апельсинными деревьями: на одной плоды висѣли зрѣлые, другая была обсыпана бѣлыми цвѣтами fleurs d'oranges, а третье маленькое деревцо—в ½ аршина ростом — было усѣяно маленькими зелеными еще мандаринами, тут же он прислал еще три корзины ананасов. Двѣ корзины я отдал в кают-кампанію, а из третьей я выбрал десяток самых крупных незрѣлых ананасов и развѣсил их на своем балконѣ, разсчитывая довезти их до Шербурга для подарка адмиралу Тушару[1]). Три из них за 10 дней пути дошли до Шербурга созрѣвшими. Апельсинныя деревья я не довез до Ревеля, т. к. в Килѣ было холодно, и они начали чахнуть.

ШЕРБУРГ.

25 марта я ушел в Шербург. Я старался идти под парусами, но попутнаго вѣтра не имѣл. Дул он из NW-ой четверти и часто пошаливал, мѣняясь как в силѣ, так и в направленіи. По временам налетали шквалики, но вахтенные начальники принимали их должным образом — без поломок рангоута, имѣя за плаваніе достаточно практики. На этом пути я внезапно заболѣл, отравившись не свѣжим паштетом из дичи. Я лежал в каютѣ. Доктор лечил меня противоядіями и ко входу в Ламанш мнѣ стало лучше. Здѣсь я уже вылѣз на мостик, но стоять не имѣл сил и управлялся сидя до Шербурга. На рейдѣ, к счастью, эскадры „Сѣверной" не было и это меня избавило от обяза-

[1]) Гл. командиру порта — vice admiral Touchard — впослѣдствіи был в 1909-10-11 г. г. французским послом в Петербургѣ.

тельных визитов. К адмиралу Тушару я послал вмѣсто себя старшаго офицера с объясненіем, что явлюсь к нему сам, как только поправлюсь. Тогда-же отослал ему и три ананаса, как сувенир с Азоров. Два дня я отпивался водою „Vichy", и когда на крейсер пріѣхал адм. Тушар, я был почти здоров. Он пригласил меня обѣдать. Я поѣхал к нему в „Prefecture Maritime". Жена его—дебелая не молодая дама, но хорошо сохранившаяся, с первых-же слов заговорила по русски... Мое удивленіе вскорѣ разъяснилось. Оказалось, что адм. Тушар — еще молодым офицером, был ottaché naval[1]) при посольствѣ в Петербургѣ и женился там на русской нѣмкѣ, — дочери московскаго фабриканта. За обѣдом было нѣсколько морских чинов с женами. Сервировка парадная с цвѣтами, старинною бронзою и хрустальными вазами; на послѣдних красовались мои три ананаса, обложенные разными фруктами. Вина были старых французских марок и меню — двухэтажное с punch glacé и страсбургским паштетом по срединѣ. Было довольно оживленно и хозяева выказали неподдѣльное гостепріимство и радушіе, что во французском высшем служебном обществѣ бывает, по моему личному опыту,—довольно рѣдко.

В Шербургѣ я съѣхал купить вина и подарков, и 12 апрѣля вышел в Киль.

В Нѣмецком морѣ погода была ясная, старшій офицер, пользуясь ею, красил крейсер. Офицеры были заняты экзаменами учеников. Датскіе проливы прошел с лоцманами и 18 апрѣля я прибыл в Киль, гдѣ была собрана вся германская эскадра Балтійскаго моря, и на броненосцѣ „Friedrich der Grosse" развѣвался флаг принца Генриха Прусскаго — командующаго флотом. Теперь уже суда были всѣ новаго типа: броненосцы, крейсера, дестроеры и миноносцы. Подводных лодок на рейдѣ не видно, онѣ прятались в гавани и по временам проходили рейдом, отправляясь в море для упражненій.

Отсалютовав націи, я отправился на флагманскій корабль, но принца не застал, он уходил в тот день в море на одном из новых крейсеров для пріемных испытаній. На слѣдующій день он пріѣхал ко мнѣ с отвѣтным визитом. Я принял его по Уставу, с командою во фронтѣ, музыка играла „встрѣчу" и германскій гимн. Молодой, высокій, стройный, он всей своей фигурой напоминал англійскаго джентельмена, только бѣлокурая бородка „a la Henri IV", придавала его лицу не англійскій характер. Отсалютовав офицерам, он здоровался с командою по русски, потом зашел ко мнѣ в каюту и, при поданном шампанском, вспоминал Шанхай и Гон Конг. Замок был пустой, т. к. принцесса с дѣтьми уѣхала на все лѣто в Гессен-Дармштадт к своему брату.

---

[1]) Морским агентом.

На страстной недѣлѣ команда говѣла, затѣм мы праздновали Пасху с куличами, яйцами и всѣм, что полагается. За 4 дня праздника команда перегуляла на берегу и закупила дешевых сигар для обычной спекуляціи в Кронштадтѣ.

Окончив окраску крейсера и экзамены, я на пятый день Пасхи вышел в Ревель.

В Финском заливѣ я встрѣтил массу плавучаго льда и до самаго Наргена медленно продвигался в этой бѣлой кашѣ, избѣгая крупных глыб, рѣзавших мѣдную обшивку борта у ватерлиніи. На Ревельском рейдѣ было уже чисто. 30 го апрѣля я стал на якорь и отсалютовал націи. От командира порта к-адмирала П. Н. Вульфа я узнал, что Кронштадт еще закрыт льдом, и здѣсь придется простоять нѣсколько дней до очистки от льда. Обшивку моего борта, подрѣзанную льдом, адмирал приказал исправить портовыми средствами.

На слѣд. день в Ревель пріѣхала жена, я рад был узнать, что дѣти здоровы; старшій сын Евгеній был уже гардемарином и собирался в плаваніе на Кадетской эскадрѣ.

2-го мая на Ревельскій рейд вошел адмирал Чухнин с 4-мя судами [1]), возвращавшимися из Порт-Артура для обмѣна устарѣвшей артиллеріи и ремонта механизмов. Эти суда предполагалось вернуть обратно, в виду ожидавшейся войны с Японіей.

Под проводкой ледокола „Ермака“ отряд адм. Чухнина и я им в кильватер 7-го мая пошли в Кронштадт. Всѣ суда старались идти в струѣ „Ермака“, оберегая борта от льдин. 8-го мая в полдень отряд вошел на Кронштатскій рейд и выстроился в линію. В Кронштадтѣ было холодно и сыро, по временам шел снѣг. Утром адмирал Ф. К. Авелан [2]) произвел бѣглый смотр прибывшему отряду. Было объявлено, что высочайшій смотр будет произведен послѣ визита французскаго президента Emil Lubet.

ВИЗИТ ФРАНЦУЗСКАГО ПРЕЗИДЕНТА.

15-го мая вошел на рейд крейсер „Moncalm“ под флагом президента, его сопровождали два крейсера и два истребителя. Наши суда и крѣпость встрѣтили его салютом; пока он шел по рейду на наших судах гремѣло „ура“ и люди стояли на реях. Французы кричали „vive la Russiel“ и отвѣчали таким-же салютом. На мостикѣ „Moncalm'a“ стоял без шляпы сѣдой старик и кланялся в отвѣт на привѣтствія. К борту французскаго крейсера пристал генерал-адмирал В. Кн. Алексѣй Александрович и вскорѣ они оба с президентом и его свитой отправились на яхтѣ в Петергоф, к государю. От грандіозной канонады на рей-

[1]) „Наварин“, „Сисой Великій“, „Дм. Донской“ и „Мономах“.
[2]) Управляющій мор. мин., назначенный вмѣсто умершаго адм. П. П. Тыртова

дѣ стоял бѣлый дым; гонимый внезапно поднявшимся вѣтром, он вскорѣ прополз в открытое море. Пасмурность исчезла и рейд освѣтился солнцем. Стало тепло, всѣ повеселѣли и по рейду задвигались катера с офицерами: кают-кампаніи взаимно мѣнялись визитами. В морском собраніи в тот день был парадный обѣд; в кондукторском клубѣ был обѣд для мэтров, а в манежѣ—для матросов. На каком языкѣ объяснялись хозяева с гостями—трудно сказать, но в концѣ обѣда было там шумно и весело, мѣнялись шапками и многих качали при криках „вива ла Франц", и „Vive la Russie!" В слѣдующій день французы осматривали Петербург, а вечером у главнаго командира был парадный обѣд. Адмирал Макаров—с присущим ему остроуміем—развеселил все общество, сказав что „у нас до сего времени был холод и лед, но с приходом французов наши горячія к ним симпатіи вызвали подъем температуры: лед растаял и стало тепло".

На 3-ій день на „якорной площади" была торжественная закладка морского собора; тут был президент, Государь с Императрицей, Великіе Князья, французскій посол и морскія власти. Послѣ закладки был церковный парад: дефилировали команды кронштадтских экипажей. Оттуда к 3-м часам всѣ поѣхали на „Moncalm", гдѣ президент давал парадный завтрак. Вся верхняя палуба крейсера была превращена в шатер, покрытый сукном и убранный флагами. Вдоль всей палубы стоял обѣденный стол с богатым сервизом французскаго двора королевских времен. В центрѣ подковы сидѣл президент, справа от него—императрица, слѣва государь, против президента сидѣл фр. посол, по сторонам его В. К. Алексѣй и наш министр иностр. дѣл, потом Великіе Князья, морской министр, затѣм адмиралы и командиры наших судов, стоявших на рейдѣ, затѣм французскіе командиры и наконец флаг офицеры и адъютанты и т. д. На каждом приборѣ лежало изящное мэню [1]) с акварельной картиной, изображавшей нос корабля, на котором стояли обнявшись двѣ женщины — Россія и Франція в кокошникѣ и фригійской шапочкѣ.

За обѣдом президент и государь обмѣнялись краткими политическими рѣчами о взаимной дружбѣ и союзѣ двух націй. На четвертый день французы ушли. Спустя два дня в ясный, солнечный день на яхтѣ из Петергофа прибыл на рейд государь и произвел смотр всему отряду. Начал с флагманскаго корабля—„Сысоя Великаго", объѣхал затѣм всѣ суда отряда адм. Чухнина и к 3-м часам дня прибыл на „Герцог". Привѣтливо приняв мой рапорт, он как и в прошлом году, вспомнил „Мономах" и пошел по фронту. За ним вошла императрица и, приняв букет, подала мнѣ полную, красивую руку и пошла на полуют. Затѣм вошел В. К. Генерал-Адмирал, морской министр

[1]) Заготовленное во Франціи.

и прочія власти. Послѣ осмотра корабля и артиллерійскаго ученія были поставлены всѣ паруса, затѣм их крѣпили. Все было согласно уставу и наша команда лихо работала на марсах. Простившись и поблагодарив команду, государь уѣхал, провожаемый салютом и людьми стоявшими на реях.

Утром с экзаменаціонной комиссіей я ушел в Біоркэ. Оттуда ежедневно выходили в море для всевозможных испытаній крейсера в смыслѣ боевой готовности и практическаго экзамена судового состава. В Кронштадт вернулись 25 мая, развооружил крейсер и к 1-ому іюня окончил кампанію.

„Герцог" поступал в капитальный ремонт, а в учебное плаваніе с учениками был назначен „Генерал-Адмирал". Командир его Кап. I р. Н. В. Юнг[1]) был один из немногих, уже в то время, опытных и лихих парусников. Из рангоутных судов оставалось эти два учебных крейсера, и три корвета в кадетской эскадрѣ. Всѣ остальныя суда были боевыя, и рангоут на них служил уже для боевых марсов, сигналов и радіотелеграфных сѣтей. Паруса отслужили свой вѣк и оставались лишь на учебных судах для тренировки команды.

I-го іюня был получен приказ о назначеніи моем командиром 10-го экипажа, а крейсер сдалъ кап. I. ранга Боеводскому[2]).

Лѣтом команды экипажа плавали и я воспользовался 3-х мѣсячным отпуском и уѣхал с семейством провести лѣто на Рижское взморье.

ЛѢТО НА РИЖСКОМ ШТРАНДѢ.

Мы выбрали „Эдинбург", как самый чистый и здоровый, закрытый дюнами от морского вѣтра, с прекрасным пляжем в нѣсколько верст и расположенный в сосновом паркѣ—Эдинбург надо считать лучшим курортом на берегу Рижскаго залива. Лѣто было отличное, дѣти купались въ морѣ и дѣлали прогулки в Маіоренгоф, гдѣ была их любимая кондитерская. Оттуда иногда возвращались назад на пароходикѣ по рѣкѣ Аа. В пансіонѣ жило около 40 лиц и всѣ конечно были между собой знакомы.

Раз в недѣлю собиралась компанія и мы ѣздили в Ригу, дамы—за покупками „ненужных вещей", а мужчины — чтобы

---

[1]) Этот прекрасный морской офицер, живой, энергичный, моложатый, холостой, сдѣлавшій нѣсколько дальних плаваній на парусных судах, погиб доблестной смертью в Цусимском бою (1905 г.) командуя броненосцем „Орел" — смертельно раненый в I-ый день сраженія „Орел" на утро присоединился к отряду адм. Небогатова и сдался японцам, но Юнг в то время был уже мертв и предан морю; его замѣнил старшій офицер. Юнг не допустил-бы сдачи „Орла".

[2]) В 1909-10 г. был морским министром.

посмотрѣть городъ, а больше затѣмъ, чтобы погулять въ Верманпаркѣ, выпить хорошаго пива.

Дѣтямъ надо учиться, и 15 августа мы вернулись въ Кронштадтъ. Теперь я уже выплавалъ Владимира за „20 кампаній“[1]) и выслужилъ „Морской Цензъ“ для производства въ адмиралы, и получалъ пенсію „за долговременное командованіе судами“. Стало быть, морская карьера была уже обезпечена. Поэтому пришлось поступить на береговую должность и принять 10 ый экипажъ. Признаться я неособенно охотно принялся за очистку „Аггіевых конюшенъ“, но порядокъ прохожденія службы требовалъ пройти и этотъ цензъ до производств въ адмиральскій чинъ.

Часть судовъ, зачисленныхъ въ 10-ый экипажъ плавала въ Тихомъ океанѣ, поэтому изъ общаго списка 3000 чел. судовыхъ командъ, въ экипажѣ къ осени оставалось половина. Флотскихъ офицеровъ въ экипажѣ не было вовсе, всѣ они плавали заграницей. В экипажѣ имѣлось два офицера по адмиралтейству[2]), на каждаго изъ нихъ приходилось по 5—6 ротъ командованія; сверхъ того старшій былъ моимъ адъютантомъ и командовалъ всѣмъ баталіономъ во время парадовъ и строевыхъ ученій, а младшій завѣдовалъ столовой, мастерскими, экипажнымъ обозомъ и ремонтомъ зданія.

При такомъ недостаткѣ офицеровъ, команды были предоставлены сами себѣ, и мало по малу въ экипажахъ стали учащаться случаи нарушенія порядка и дисциплины, и развелось бродяжничество по кабакамъ. Получались извѣстія изъ Чернаго моря о начавшихся бунтахъ тамошнихъ экипажей, вначалѣ — незначительныхъ, а потомъ и крупныхъ. Эта зараза приходила къ намъ на Сѣверъ и наши команды постепенно стали появлять духъ „сознательности“.

Зимою въ послѣдніе мѣсяцы 1903-го года по ночамъ въ различныхъ частяхъ Кронштадта вспыхивали внезапные пожары; адмиралъ Макаровъ всегда пріѣзжалъ самъ и энергично распоряжался тушеніемъ. Всѣ были убѣждены, что это были поджоги, но виновниковъ не находили. Тогда же распространилась въ средѣ женской молодой прислуги нелѣпая манія безпричиннаго самоотравленія уксусной эссенціей, продаваемой въ лавкахъ для истребленія клопов. Зараза этой дикой психопатіей была столь сильна, что уксусную эссенцію запретили продавать.

В командахъ Кронштадта морскихъ и сухопутныхъ участились случаи подачи общихъ претензій[3]) всѣмъ кагалом: то жаловались на ближайшихъ начальниковъ, требуя ихъ смѣны, то на дурную пищу, то на экипажные порядки. Причемъ команды не расходились до тѣхъ поръ, пока не получали удовлетворенія.

---

[1]) Орденъ св. Владимира съ бантомъ „20 камп.“ давался за 120 мѣсяцевъ проведенныхъ въ морѣ.

[2]) Переведенные изъ сухопутныхъ частей, находившихся въ Кронштадтѣ и не имѣвшіе въ глазахъ матросовъ никакого авторитета.

[3]) Большею частью неосновательныхъ.

Из разных концов получались извѣстія о волненіях в деревнях, в войсках и о еврейских погромах. В обществѣ ощущалось тревожное, нервное напряженіе.

Между тѣм Японія посылала Россіи ноту за нотой, предлагая нам протекторат Манджуріи, а ей предоставить Корею, убрать из Суела русских министров, и оставить двор корейскаго короля. Наше правительство молчало, игнорируя ноты, считая, что маленькая Японія не отважится поднять руку на Великую Россію; а к тому-же вернувшійся из Японіи генерал Куропаткин[1]) — доложил Царю, что он был принят миролюбивымя японцами очень радушно, и что Японія и не помышляет о войнѣ. Между тѣм намѣстник на Дальнем Востокѣ адм. Е. И. Алексѣев — зная от Кап. I ранга Русина—морского агента в Токіо—что Японія готова к войнѣ и начнет ее в началѣ 1904 года — настойчиво требовал скорѣйшей присылки судов и вооруженія для П.-Артурской крѣпости. Лишь только в морских кругах столицы и Кронштадта не было сомнѣнія о скорой войнѣ:[2]) возвращавшіеся с Востока офицеры были очевидцами явно враждебнаго отношенія японцев к нашему флоту и спѣшных работ в японских портах и арсеналах. Но доклад Куропаткина всѣх успокоил, хотя в воздухѣ пахло войной.

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА.

Настал 1904-ый год. Печальный год! Он был началом крушенія и гибели Россіи!.. Трудно повѣрить, но это правда: при Высочайшем Дворѣ на январь было назначено три больших бала: 12-го, 19 го и 26-го числа. На 2 м придворном балу 19-го янв. я был по служебной обязанности, как командир экипажа.

В морозную январьскую ночь 19-го весь зимній дворец сіял милліонами электр. огней. Скользя по зеркальному паркету великолѣпных зал дворца, двигалась и жужжала 3-х тысячная толпа нарядных богато разодѣтых дам со шлейфами и голыми плечами: статс дамы, украшенныя орденом св. Екатерины, фрейлины с брильянтовыми шифрами в красных бархатных придворных „робах"; кавалеры в парадных мундирах: чины двора, дипломатическій корпус, министры, сенат, петербургская гвардія и флот. В Николаевском залѣ на эстрадѣ расположен оркест „Придворной капеллы" в красных мундирах. К 9-ти часам всѣ стараются протиснуться к дверям внутренних покоев, откуда сейчас выйдет Государь и вся царская фамилія попарно, и под

[1]) Военный министр

[2]) уже в 1896 году В. К. Александр Мих-ч подал государю обстоятельную записку о необходимости спѣшной постройки судов к 1904-му году—ко времени, когда Японія начнет войну с Россіей.

звуки полонеза откроет бал. В этот вечер Царь был в бѣлом кавалергардском мундирѣ и шел с В. К. Маріей Павловной, и императрица (Ал. Фед.) — с В. К. Владимиром Ал-чем, затѣм по старшинству слѣдовали парами: В. К. Генерал-Адмирал (Ал-сѣй Ал-вич) с В. К. Ксеніей Ал-ной и прочіе великіе князья и княгини. Второй тур полонеза кавалеры мѣнялись: императрица шла с французским послом, а третій с германским. Послѣ полонеза начались легкіе танцы—вальсы, в которых царская фамилія участія не принимала. В это время в других залах были установлены столы, сервированные тортами, конфетами, фруктами и шампанским, возлѣ которых толпились тысячи гостей, не принимавших участія в танцах, тут же подавался чай и прохладительные напитки.

Около 10 ч. вечера, не задолго до ужина в одном из зал я стоял в кружкѣ нѣсколькихъ морских офицеров: адм. Чухнин, Паренаго, Бирилев, Рожественскій и друг. и говорили о предстоящей войнѣ: кто-то перадавал слух о том, что адм. Чухнина предполагают командировать во Владивосток начальником Тихоокеанской эскадры. Недалеко от нас стоял японскій посланик, окруженный своими чиновниками и в полголоса о чем то они шептались; спустя нѣсколько минут к ним подошел японскій младшій чиновник и подал посланнику телеграмму. По прочтеніи всѣ они вмѣстѣ двинулись медленно к выходу и ушли изъ дворца не дожидаясъ ужина. Оказалось, что в эту ночь японскій посланник получил ноту о разрывѣ дипломатич. сношеній с Россіей, послал ее сейчас-же нашему министру иностр. дѣл, а сам со всею миссіею уѣхал ночью через Финляндію в Швецію. А во дворцѣ бал был в полном разгарѣ — всѣ сѣли ужинать... Государь обходил столы и бесѣдовал любезно с гостями. — Никто не замѣтил отсутствія японцев. Они в этот час уже были на финляндском вокзалѣ.

Утром слух о перерывѣ дипл. сношеній с Японіей быстро разнесся по всей столицѣ. Всѣ волновались: по улицам сновали курьеры, в министерских концеляріях текущая работа валилась из рук, — чиновники, сбитые с нормы дѣлились меж собой тревожными слухами... Министр военный и гр. Ламсдорф поскакали с докладами в Царское Село. Но там еще надѣялись, что войны не будет: что вчерашняя нота о разрывѣ сношеній есть только угроза Японіи, „однако,какая дерзость!“ с цѣлью вынудить отвѣт на предложеніе ея о раздѣлѣ вліяній[1]). Но у нас в Кронштадтѣ никаких сомнѣній не было и мы считали себя в войнѣ с Японіей. Ходили уже слухи — кто будет назначен в П.-Артур, а кто во Владивосток. Каждый думал о том, какую роль он сыграет в предстоящей войнѣ. Говорили о Макаровѣ, о Скрыдловѣ, о Чухнинѣ. В Кронштадтском штабѣ составлялись

[1]) Но 3-й придворный бал, назначенный на 26-ое января, догадались однако отмѣнить.

списки командиров и офицеров для пополненія комплекта на судах, зимующих в „вооруженном резервѣ“ в Артурѣ и Владивостокѣ. Молодежь волновалась, забѣгая в штаб, опасаясь, чтобы не пропустили — не остаться бы в Кронштадтѣ.

Из Морского Корпуса был сдѣлан ускоренный выпуск, и мой сын Евгеній, 18 лѣт был произведен в мичмана и пріѣхал в Кронштадт. В Артурѣ Намѣстником сидѣл адм. Алексѣев, эскадрой командовал адм. О. В. Старк[1]), а гарнизоном генерал Стесель. Во Владивостокѣ отрядом 4-х крейсеров[2]) командовал адм. бар. Штакельберг. В Артурѣ по нашей безпечности весь флот состоял в „вооруженном резервѣ“ и зимовал в гавани с половинным числом офицеров и неполной командой („для сокращенія расходов“), и только когда наше посольство (бар. Розен) из Токіо переѣхало в Артур, адм. Алексѣев — не дождавшись приказанія из Петербурга, своею властью приказал всему зимующему флоту начать кампанію и выйти на рейд.

Главнокомандующим был назначен сам министр Куропаткин и вот он поѣхал по Россіи собирать иконы.

„И грянул бой, жестокій бой!“ В ночь на 26-ое января японскіе миноносцы, подкравшись на П.-Артурскій рейд, атаковали нашу эскадру и подорвали минами три корабля: „Ретвизань“, „Цесаревича“ и „Палладу“[3]). Телеграмма об этом—как громом поразила нашу столицу. — „Как?, без формальнаго объявленія войны — возмущались наши дипломаты! Это подлость! Это не бывалый случай в исторіи дипломатических сношеній! Они обязаны были предупредить нотой!“ и т. п. „Ну да! вот теперь посылайте ей ноту, а она нам посылает снаряды“. — отвѣчало возмущенное общество и нѣкоторые болѣе смѣлыя газеты, за что были оштрафованы цензурою.

Первым дѣлом было приказано во всѣх церквях отслужить молебны „о дарованіи побѣды“. Всѣ нарядились в мундиры и потянулись в храмы. У нас в Кронштадтѣ собрали всѣх в манежѣ и перед молебном адмирал Макаров, чтобы подбодрить команды, сказал воинственную рѣчь[4]). Началась спѣшка — собирали команды, грузили оружіе, снаряды, патроны и потянулись из обѣих столиц и пороховых заводов тяжелые поѣзды на Дальній Восток по Сибирской дорогѣ.

Гвардію было рѣшено оставить в покоѣ и от западной границы армію не трогать. Но многіе офицеры гвардіи переводились сами в Дѣйствующую Армію для быстрѣйшаго успѣха военной карьеры.

---

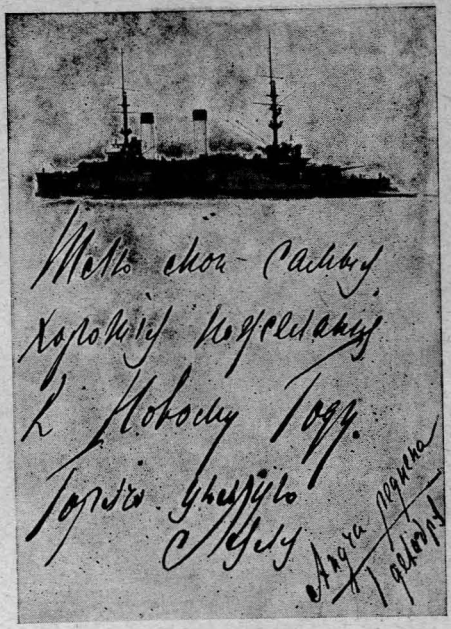
[1]) Мой бывшій командир на “Мономахѣ“.

[2]) „Рюрик“ „Россія“, „Громобой“ и „Богатырь“.

[3]) Командиры: кап. I. р.: Щенснович, Григорович и Сарнавскій.

[4]) В это-же время на рейдѣ Чемульпо (возлѣ Сеула) затопили сами себя два наши корабля: кр. „Варяг“ и канонерка „Кореец“, отказавшіеся вступить в бой с отрядом 4-х крейсеров адм. Камимуры, команды были пересажены на франц. крейсер и увезены в Сайгон.

Мичман Е. Цывинскій
пал в Цусимском бою на бр. „Бородино“.



Письмо Е. Цывинского родителям
с эскадры Рождественскаго.

Вице-адмирал З. И. Рождественскій на броненосцѣ „Кн. Суворов“ (перед Цусимским боем).

Контр-адмирал Н. И. Небогатов
командир 3-ей Тихоокеанской эскадры в Японскую войну.

Из послѣдняго выпуска мичманов теперь была отправлена на Восток только половина по списку, а остальных в числѣ которых был мой сын Евгеній, оставили в Кронштадтѣ для укомплектованія достраивающихся судов, которые по готовности должны отправиться с адм. Рожественским на помощь П. Артурскому флоту.

К началу военных дѣйствій в П. Артурѣ и городах Манджуріи (Мукден, Ляоан, Тюренчен, Таліенван и Ньючьванг, было всего нѣсколько дивизій и поэтому посылку туда подкрѣпленій из Сибирских гарнизонов слѣдовало считать дѣлом первѣйшей важности, но далекія пространства и отсутствіе путей сообщенія в сибирских губерніях тормозили дѣло мобилизаціи.

О дальнѣйшей подготовкѣ к войнѣ, а равно о самом ходѣ военных дѣйствій коснусь лишь тѣх событій, которых я был сам участником, или свидѣтелем, или которыя касаются близких ко мнѣ людей.

Один артурскій корреспондент петербургской бульварной газеты — большой проказник и сплетник сообщил, что вечером перед атакой японцев в П-Артурѣ, на берегу Марія Ивановна [1]) праздновала свои именины, и будто у нея в гостях находились многіе командиры и офицеры с судов, стоявших на рейдѣ, ну и конечно — муж, начальник эскадры. Услышав взрывы, всѣ будто бросились на рейд на свои суда, а начальник эскадры поспѣшил к адмиралу Алексѣеву и спросил — что ему дѣлать? — Эту недостойную сплетню перепечатали всѣ петербургскія газеты и потом еще долго пережевывали, издѣваясь над порядками флота и начальником эскадры. Артурская эскадра — с выводом из строя 3-х сильнѣйших кораблей, сразу ослабла [2]) и всѣ упали духом и там на мѣстѣ, и здѣсь в Петербургѣ. В Царском Селѣ долго совѣщались, кого туда послать для поднятія духа, и для ремонта [3]) подорванных судов было рѣшено послать туда адм. Макарова. Приказ о его назначеніи вышел 1-го марта. Он быстро собрал небольшой штаб: нач. Штаб к.-адм. М. П. Молас, кап. 2 ранга В. И. Семенов — автор „Расплаты“ и многих морских разсказов, лейт. М. А. Кедров — фл. офицер, инженер Н. Н. Кутейников и нѣсколько кораб. мастеров для постройки кесонов и ремонта судов; 5-го марта отправился через Сибирь в Порт Артур. Наканунѣ отъѣзда у него в небольшом кругу сослуживцев был прощальный обѣд. Я был там с женой и с сыном Евгеніем. Макаров был серіозен, шутил, против обыкновенія, мало, сознавая, что при существующих условіях в Артурѣ (отсутствіе доков) трудно исправить подбитыя суда, а без судов невозможно ожидать успѣшных морских

[1]) Жена начальника эскадры.

[2]) Японскій флот в полном составѣ на утро послѣ взрыва — атаковал Артур безнаказанно, т. к. наш ослабленный флот не мог выйти из порта ему на встрѣчу.

[3]) Подходящаго размѣра дока не было в Артурѣ.

операцій. В день его отъѣзда на Николаевскій вокзал собрался его проводить весь петербургскій beaumonde и всѣ высшія власти с В. К. Алексѣем Алексѣевичем во главѣ. На пути он безпрерывно работал в вагонѣ, диктуя чинам своего Штаба различныя инструкціи, приказы и проч, чтобы с перваго же дня по прибытіи в Артур всѣ знали, кому что дѣлать. По совѣщаніи в Мукденѣ с адм. Алексѣевым [1]) — он уже 15 го марта (на 10 ый день пути) прибыл в Порт Артур.

А генерал Куропаткин в то время все еще ѣздил по Россіи и собирал иконы. Во Владивосток начальником эскадры был назначен адм. Н. И. Скрыдлов, он тоже не особенно спѣшил с отъѣздом и немало собрал икон.

С прибытіем Макарова в Порт Артурѣ воспряли всѣ духом: в гавани принялись за постройку кесонов [2]), а на судах готовились к бою, т. к. Макаров рѣшил при первой возможности дать сраженіе японскому флоту. Спустя двѣ недѣли он это сдѣлал, вступив в бой с флотом адмирала Того, заманивая его под выстрѣлы крѣпости. Но японскій флот уклонился от боя и скрылся из вида Порт Артура.

31 го марта японскій флот опять подошел к Артуру. Макаров быстро снялся с якоря и со всей эскадрой двинулся за ним, но спустя нѣсколько минут головной корабль „Петропавловск“ попал на японскую мину [3]) и послѣ ужаснаго взрыва опрокинулся днищем кверху (работая винтами). Погиб адм. Макаров, Молас, художник В. В. Верещагин, 30 офицеров и 652 матроса. Со всѣх судов эскадры были спущены шлюпки и спасали плавающих людей. Спасено было 7 офицеров, в том числѣ командир Н. Яковлев и В. Кн. Кирилл Владимирович. Через 17 минут опрокинутый корабль погрузился на дно. Тѣла адм. Макарова, Моласа и Верещагина не всплыли и не были найдены. Послѣ взрыва „Петропавловска“ флот адм. Того удалился из вида, а наша эскадра вернулась на якорь.

Порт Артур теперь был в полном унынiи, а вся Россія погрузилась в траур. В морских кругах всѣ предчувствовали, что теперь война проиграна.

В Артурѣ вмѣсто Макарова был временно назначен к-адм. Витгефт [4]), а младшим флагманом к-адм. Кн. П. П. Ухтомскій. Наш флот до конца іюля прятался в гавани; подбитыя суда исправлялись в Макаровских кесонах. В море выходили лишь отдѣльныя суда: заградители „Амур“ и Енисей“ и в различных мѣстах ставили мины; „Амур“ удачно набросал мин в районѣ

---

[1]) Назначенным главным Нач. всѣх вооруженных сухопутных и морских сил на Д. Востокѣ.

[2]) Кесоны—желѣзные ящики, приставленные лекально к борту в мѣстѣ подводной пробоины.

[3]) Предполагалось, что наканунѣ ночью японскіе миноносцы прокрались на рейд и набросали мин.

[4]) Он был у адм. Алексѣева начальником Морскаго Штаба.

крейсерства японской эскадры, слѣдствіем чего два лучших корабля адм. Того были взорваны [1]). Но „Енисей“ наоборот — наскочил неудачно на собственную мину и взорвался. Командир [2]) его в отчаяніи убил себя выстрѣлом из револьвера, бросаясь в воду.

В это время — с ранней весны до поздней осени в Петербургѣ и Кронштадтѣ шли спѣшныя работы по достройкѣ новых судов (броненосцы — 4 большіе, 2 крейсера и 2 истребителя и 8 эск. миноносцев) и перевооруженію старых для скорѣйшей отправки их на Восток в помощь ослабленной там эскадрѣ.

День и ночь по Кронштадтским гаваням разносился безпрерывный стук молотов.

Командовать этой эскадрой был назначен адм. Рожественскій с младшими флагманами: Фелькерзамом, Небогатовым, Энквистом и Добротворским.

Порт Артурскія потери, и в особенности катастрофа с Макаровым, вызвала в Петербургском обществѣ тревогу и страх за исход морской войны с Японіей. Два морских писателя Кладо и „Брут“ [3]) возбудили в газетных статьях вопрос о том, что для успѣха морской экспедиціи готовящихся судов (14 больших и 8 миноносцев) недостаточно, и что к ним надо прибавить всѣ старыя суда и даже броненосцы береговой обороны [4]). Газеты, не имѣя понятія о типѣ и боевых качествах этих судов, а равно и не знакомыя вовсе с основами морской тактики и стратегіи, подхватили проект морских писателей и пошли травить Морское Вѣдомство, обвиняя его в косности и рутинерствѣ. Напрасно мор. генеральный Штаб возражал, что старые тихоходы будут только тормозить и стѣснять эскадру. Поднялась жестокая полемика; общество приняло сторону горячих борзописцев, и Мор. Вѣдомство уступило и стало готовить и эти суда. Кладо был уволен в отставку за строптивость, но общество, возмущенное этим, собрало подписку и поднесло ему почетный золотой кортик, а „Брут“ был принят постоянным сотрудником в редакцію „Нов. Времени“. Мой сын мичман Евгеній был назначен на „Нахимов“, но так как было сомнѣніе, будет-ли отправлен этот устарѣвшій корабль на Восток, то он всѣми силами начал стараться о переводѣ на один из новых больших кораблей. По протекціи адм. Дубасова он наконец попал на кор. „Бородино“ к моему пріятелю командиру П. О. Серебре-

---

[1]) Командир К. І. р. Ф. Н. Иванов получил за это орден Георгія 4 ст.

[2]) К. 2 р. Вл. Ал. Степанов — высокообразованный, талантливый офицер; по его проэкту были построены первые минные заградители.

[3]) Полк. мор. артиллеріи Алексѣев, уволенный из флота за строптивость в печати и какія то неблаговидныя дѣла.

[4]) Адм. Апраксин, Ушаков, Сенявин и крейсера Донской и Мономах.

никову и все лѣто очень усердно принимал участіе в изготовленіи этого корабля.

Недовольствуясь прибавкой старых судов, морское вѣдомство, уступая требованіям печати, стало хлопотать заграницею о пріобрѣтеніи покупкою 4-х новых крейсеров в Аргентинѣ. Явились комиссіонеры, обѣщавшіе за хорошую мзду перекупить у аргентинскаго правительства эти „экзотическіе крейсера". В Парижѣ предполагалось заключить сдѣлку с комиссіонерами, для чего был туда секретно командирован к адм. А. М. Абаза. Дѣло это тянулось очень долго; в Кронштадтѣ в моем экипажѣ комплектовалась команда (из запасных) на эти 4 крейсера. Но в концѣ концов оказалось, что Аргентина и не думала продавать нам судов, а это была лишь мошенническая уловка темных спекулянтов. Для укомплектованія громадной эскадры Рожественскаго потребовалось большое число унтер-офицеров, но пришедшіе из запаса люди совершенно отстали от современнаго вооруженія, поэтому Мор. Вѣдомство рѣшило послать на 6 мѣсяцев в Балтійское море[1]) учебный корабль „Генерал Адмирал", и на нем спѣшно готовить унтер-офицеров. На этом же кораблѣ было рѣшено тренировать и послѣдній выпуск гардемарин Мор. Училища.

Я был назначен командиром[2]) учебнаго корабля.

Я крейсеровал понедѣльно под парусами в морѣ, а для якорных ученій заходил в Гангэ, Балтійскій порт и Гельсингфорс. Один раз в мѣсяц я приходил в Кронштадт возобновлять запасы. Бывая в Кронштадтѣ, я каждый раз заѣзжал в „Бородино" навѣстить сына. Сын мой был всегда весел и счастлив, что идет на боевом кораблѣ в интересную (как всѣм тогда казалось) экспедицію. Командир был очень доволен его службою и назначил его командиром башни 6-ти дюймовых орудій. Однажды в августѣ я с ним вмѣстѣ съѣхал в Ораніенбаум на дачу. На утро мы вернулись на свои корабли.

Я ушел в море, а „Бородино" в сентябрѣ перешел в Либаву, откуда с эскадрой пошел (4 октября) на Восток. Сына я больше не видѣл; в Цусимском бою погиб мой милый Евгеній... А на театрѣ войны все это лѣто мы терпѣли однѣ неудачи. Вслѣдствіе бездѣйствія нашего флота японцы свободно перевезли три большія арміи на корейскій берег и двинулись на Манджурію по трем направленіям: на Артур и порт „Дальній", на Ляоян и на Мукден. Встрѣчая на путях наши укрѣпленные пункты с небольшими гарнизонами, они легко их разбивали и двигались дальше, не встрѣчая сопротивленій. Подкрѣпленія по

---

[1]) Во время войны плавать в заграничных водах не мог-бы учебный корабль, т. к. в нейтральные порта он не был-бы допущен болѣе, чѣм на 24 часа.

[2]) В то время я уже выслужил ценз командира корабля и считался во флотѣ опытным парусником для морской тренировки и воспитанія моряков. На эскадру-же Рожественскаго назначались командиры моложе меня.

Сибирской дорогѣ прибывали очень медленно. Но наконец прибыл в Манджурію и сам генерал Куропаткин. В то время Артур был уже осажден японцами и главныя их силы подступали к Ляояну. Главнокомандующим всѣх японских армій был старый генерал Оки. Его система вести войну напоминала тактику Кн. Кутузова (1812 г.): он предоставлял свободу дѣйствій своим генералам, а их войска рвались вперед, вѣруя, что смерть в бою даст блаженный рай в будущей жизни[1])

Так японцы брали города один за другим; сѣверныя арміи подошли к Мукдену. Генерал Куропаткин отступал мало-по-малу приближаясь к границам Сибири. Из Петербурга его запросили: „Гдѣ и когда он даст сраженіе"? Он отвѣтил два слова: „терпѣніе и терпѣніе!"... и кончилось тѣм, что он был смѣнен, а вмѣсто него назначен старый генерал Линевич[2]).

В осажденном в то время Артурѣ флот бездѣйствовал в гавани; а сухопутными силами командовал печальной памяти генерал Стессель. Он, подражая графу Ростопчину — балаганному герою Москвы (1812 г.), подбадривал команды тоже „афишами": на словах, в приказах храбрыя фразы, а сам сидѣл под блиндажом и одну за другой сдавал окрестныя позиціи[3]).

Во Владивостокѣ отряд крейсеров тоже терпѣл неудачи. Крейсер „Богатырь" у бухты Славянки[4]) наскочил на скалу и разбил себѣ нос. Затѣм в Маѣмцѣ остальные три крейсера („Громобой", „Россія" и „Рюрик"), выйдя в море под командой к.-адм. Іессена[5]), у берегов Кореи встрѣтили японскій крейсерскій отряд. Послѣ жестокаго боя „Рюрик" утонул со всей командой, а „Громобой" с „Россіей" сильно подбитые, насилу добрались до Владивостока.

Но самое печальное — по своим послѣдствіям — было пораженіе нашего флота 28-го іюля. Артурскому флоту, запертому в гавани, больно доставалось от перекидных снарядов японской осадной артиллеріи. Сам он почему-то не рѣшался выйти в море и помѣряться силами с адмиралом Того[6]), но получил на замаскированной шлюпкѣ (из Чифу) телеграмму из Петербурга с приказаніем „Всему Артурскому флоту выйти в море и попытаться прорваться во

---

[1]) По религіозным воззрѣніям японцев буддистов и фаталистов—чтущих своих умерших предков, души этих послѣдних, обитающих в раю, примут в свое лоно каждаго героя умершаго в бою.

[2]) Герой Пекина (1900 г.)

[3]) Но офицеры и команды (частью морскія, снятыя с судов) геройски защищали форты под руководством храбраго генерала Кондратенко.

[4]) В Амурском заливѣ — возлѣ самаго Владивостока.

[5]) Он замѣнил заболѣвшаго К-адм. Штакельберга.

[6]) Хотя в то время подбитыя минами 3 наши корабля были уже отремонтированы, и наш флот был сильнѣе Японскаго, потерявшаго два лучших их броненосца на минном заграждені поставленном „Амуром".

Владивосток, избѣгая боя". Вот эта нелѣпая прибавка сбила с толку адмирала Витгефта— начальника эскадры. Принципы морской стратегіи — (наоборот) повелѣвают флоту искать непріятельскій флот и разбить его, или хотябы ослабить, а отнюдь не избѣгать боя.

Выйдя из Артура, наш флот вскорѣ встрѣтил эскадру адмирала Того. Преимущество в силах было у нашего флота, но нелѣпый приказ „избѣгать боя" взял свое: наш флот, будучи сильнѣйшим, должен был со всею энергіей нападать на японскій и гоняться за ним, а он проскочив мимо него лишь два раза контрагалсами, старался вырваться из боя подальше с цѣлью бѣжать потом во Владивосток. Силы японскія были подбиты и адм. Того считал бой проигранным, как вдруг случайный снаряд[1]) рѣшил судьбу: адм. Витгефт был убит, а командир „Цесаревича" Н. М. Иванов, контуженный в голову, лежал без чувств. Командованіе принял старшій офицер и, по указанію чинов штаба, вырвался из боя и пошел на юг[2]) (вмѣсто сѣвера), за ним пошел „Аскольд", а затѣм и „Діана" (к-п Кн. Ливен). Принявшій команду младшій флагман князь Ухтомскій— лишенный трех головных кораблей не нашел ничего лучшаго, как поднять сигнал „возвратиться в Артур" — о чем только и мечтал адм. Того, считая себя наполовину разбитым. Но увидя наш флот, возвращавшимся в Артур, он от радости бросил фуражку на палубу и возблагодарил предков за упавшую с неба неожиданную побѣду. А вернувшаяся эскадра уменьшилась на 4 корабля[3]). Вѣсть о пораженіи нашей эскадры и смерти адм. Витгефта привела в уныніе всю Россію.

Шел уже открытый ропот по всей странѣ. Газеты безцеремонно поносили армію, флот и все правительство. В посылаемых на войну подкрѣпленіях происходили скандалы, пьянство, разбиваніе станціонных буфетов, неповиновенія офицерам и открытое дезертирство. В Кронштадтѣ и Севастополѣ призванные из запаса матросы явно выказывали нежеланіе идти на суда в плаваніе. На строющихся броненосцах происходили злостныя аваріи, то сыпали песок в механизмы, то открывали кингстоны, (на кораблѣ „Орел") и корабль лег на бок и сѣл на дно гавани. Революціонные комитеты воспользовались настроеніем общества и смѣло работали в городах, деревнях и в осо-

[1]) Попавшій в рубку „Цесаревича" — (головной корабль) — флаг адмирала Витгефта.

[2]) „Цесаревич" и „Аскольд" зашли в германскій порт Кяу-чау и были там разоружены и интернированы до конца войны, а „Діана" добѣжал до Сайгона и тоже разоружен.

[3]) Прорвался еще один (4-ый) корабль — быстроходный крейсер „Новик", он один побѣжал на сѣвер, но не дойдя до Владивостока — у Сахалина затопил себя сам, чтобы не отдаться в плѣн настигнувшим его двумъ японским крейсерам.

бенности в войсках. В окраинных провинціях, не стѣсняясь, стали требовать реформ, автономіи и конституціи. В Гельсингфорсѣ, куда я зашел с учебным кораблем, был убит генерал-губернатор Бобриков — упорный обруситель Финляндіи.

30 іюля родился долгожданный Наслѣдник. Я в тот день выходил в крейсерство из Либавы в море. В аванпортѣ нагнал меня катер и подал двѣ телеграммы: Главный Мор. Штаб сообщал в первой — о несчастном боѣ 28 іюля с приказаніем отслужить панихиду по „убіенным воинам и адмиралу Витгефту; во второй телеграммѣ (срочной) — о рожденіи Наслѣдника — отслужить благодарственный молебен и произвести салют в 25 выстрѣлов". В морѣ я исполнил то и другое в хронологическом порядкѣ—вначалѣ панихиду, а затѣм молебен и салют.

С рожденіем Наслѣдника при дворѣ оживились, но не долго. С разных концов Россіи опять получались извѣстія о бунтах и волненіях, а с театра войны — о пораженіях.

Не только печать, но и многіе сановники из высшей власти посылали в столицу проекты реформ для спасенія всколыхнувшейся Россіи. Но в Царском Селѣ оставалось по прежнему. Революціонные комитеты и подпольная пресса стали уже настойчиво требовать „активных дѣйствій", начались покушенія на высших чинов административной власти и на жандармов. Тогда был убит министр внутр. д. Д. С. Сипягин, потом Плеве, и наконец В. К. Сергѣй Алексѣевич [1]).

В Кронштадтѣ — главным командиром был назначен А. А. Бирилев; он энергично принялся за достройку судов, ежедневно сам их объѣзжал и выгонял из гавани на рейд тѣ корабли, которые по его мнѣнію, не нуждались уже постоянных сношеній с пароходным заводом. Кронштадтскій рейд в то лѣто сильно обмелѣл [2]), и потому большіе корабли, сѣвшіе 30 фут и болѣе, отсылались достраиваться в Ревель. Запоздавшій постройкой злополучный [3]) „Орел", выйдя на рейд у самых бочек завяз в грунтѣ дном. Присланные из порта буксиры, тщетно пытались по грунту его волочить. Бирилев с горяча отдал приказ— объявил выговор всѣм командирам судов, стоявших на рейдѣ за то, что не подали помощи „Орлу". Спустя пару дней „Орел" разгрузился, задул западный вѣтер, вода поднялась, и он благополучно ушел в Ревель.

В августѣ, зайдя с учебным кораблем в Гельсингфорс, я застал там уже новаго генерал губернатора И. М. Кн. Оболен-

---

[1]) Московскій генер.-губернатор.
[2]) Вслѣдствіи дувших часто восточных вѣтров.
[3]) Попал в плѣн к Японцам послѣ Цусимскаго боя.

скаго [1]). Это был тип настоящаго русскаго барина: добродушен, спокоен и хлѣбосол. Финляндцы приняли его дружелюбно, т. к. знали его характер и независимый образ мысли. Как человѣк богатый, он не старался подлаживаться в угоду обрусительной политики столичных властей, и никаких репрессій в Финляндіи не производил. Любя большое общество, он еще на дачѣ задавал обѣды, собирая у себя представителей правящаго класса, как русскаго, так и финляндскаго.

К концу сентября всѣ готовыя суда эскадры Рожественскаго сосредоточились в Либавском порту.

3-го октября (1904 г.) адмирал [2]) Рожественскій вышел из Либавы в море для слѣдованія на Дальній Восток. Впереди шел адм. Энквист с крейсерами [3]), затѣм он сам с 4 мя новыми большими кораблями [4]), за ним адм. Фелькерзам с броненосцами [5]), и наконец Кап I. р. Радлов—с транспортами, мастерскими и плавучим госпиталем [6]). Вся эта армада из 20 ти слишком судов двинулась в морe с промежутками в 10 миль между отрядами. В Датских проливах адм. Рожественскій получил от русской военно-политической агентуры [7]) предупрежденіе, что на дальнѣйших путях ему слѣдует остерегаться внезапных нападеній — высланных ему навстрѣчу — японских миноносцев (?). Вот эти то фальшивыя донесенія агентов — бездѣльникив были причиною нелѣпаго скандала, разыгравшагося ночью в Нѣмецком морѣ на „Догербанкѣ“, когда наши суда открыли огонь по мирным рыбакам, приняв их за японцев. Один пароходик был утоплен, два-три подбиты, причем утонуло нѣсколько англійских рыбаков. Англичане (союзники Японоцв), подняли бурю и потребовали международнаго суда над Рожественским. Эскадру задержали в Виго (Испанія), а в Парижѣ экстренно был собран суд, с обвинителем — адм. Веренсдерфом [8]) от Англійскаго правительства. От русскаго флота депутатом был послан в Париж адм. Дубасов. Адм. Рожественскій был признан виновным и русское правительство уплатило в пользу потерпѣвших рыбаков нѣсколько милліонов рублей. Англійская пресса, раздув

---

[1]) Мой товарищ по выпуску из Мор. Училища, он лейтенантом вышел в отставку и служил по выборам предводителем дворянства в Симбирской, Полтавской и Харьковской губерніях.

[2]) В этот день он высочайшим приказом был пожалован в генерал-адъютанты.

[3]) „Аврора“, „Олег“, „Вл. Мономах“, „Дм. Донской“.

[4]) „Суворов“, „Александр. III.“, „Бородино“ и „Орел“.

[5]) „Ослябя“, „Наварин“, „Сысой Вел.“ и „Нахимов“.

[6]) В Либавѣ остался с неготовыми судами: „Николай II.“, „Апраксин“, „Ушаков“ и „Сеньявин“ — адм. Небогатов, и К. I р. Добротворскій-с миноносцами.

[7]) Обычно плохо освѣдомленных шпіонов.

[8]) Извѣстный своим враждебным отношеніем к Россіи.

скандал, требовала запрещенія русской армадѣ двигаться далѣе, и вооружила против Россіи почти всѣ націи, поэтому в дальнѣйшем слѣдованіи наша эскадра не встрѣчала сочувствія в нейтральных портах. Наоборот, ее отовсюду гнали, запрещая грузиться углем, даже со своих транспортов, когда она становилась на якорь в разстояніи 3-х миль от берега т. е. внѣ территоріальных вод. Из Виго, как извѣстно, Рожественскій с кораблями и отрядами броненосцев (Фелькерзам), и транспортами (Радлов) пошел кругом Африки [1]) — на о-в Мадегаскар — в порт Носи-бей, а Энквист — с крейсерами и вскорѣ Добротворскій — с миноносцами пошли Средиземным морем, через Суэцкій канал в Джибути, и впослѣдствіи соединились на Мадегаскарѣ. У меня сохранились письма сына Евгенія с описаніем этого тяжелаго перехода кругом Африки и пребыванія эскадры на Мадагаскарѣ. В виду отказов попутных портов — дать пріют эскадрѣ для погрузки угля, адмирал был вынужден на рѣдких остановках загружать корабли углем не только в угольныя ямы, но и во всѣ помѣщенія: кают-кампанія и офицерскія каюты были завалены углем, поэтому офицеры за весь переход были лишены возможности отдохнуть в каютах, и в тропической жарѣ слонялись как тѣни в угольной пыли по верхней палубѣ, ища уголок, гдѣ бы можно было прикурнуть хоть на час, свободный от вахты. Такова жизнь была на судах эскадры в теченіи нѣскольких мѣсяцев перехода кругом Африки до Мадегаскара. Огибая южную Африку при входѣ в Индѣйскій океан, эскадра выдержала шторм, и перегруженным кораблям на океанской волнѣ было нелегко.

В октябрѣ закончил кампанію, выпустив на флот около 150 молодых унтер офицеров (попавших на эскадру Небогатова и Добротворскаго) и принял в командованіе опять свой экипаж.

В экипажѣ моем, кромѣ хозяйственной роты, жили сформированныя команды (около 1600 чел.) 4-х „экзотических“ крейсеров, напрасно ожидаемых от Аргентины. Крейсеров мы не получили и люди в экипажах сидѣли безъ дѣла. В концѣ декабря ушел из Либавы послѣдній отряд Небогатова.[2]) С его уходом затихла жизнь в балтійских портах и прекратился неугомонный стук молотов в Кронштадтѣ, звучавшій в теченіи цѣлаго года.

Все русское общество жило теперь извѣстіями с театра войны, а мы в Кронштадтѣ слѣдили с тревогой за движеніем нашей эскадры. Писем от сына я ждал с нетерпѣньем; но эти рѣдкія письма приносили нам тяжкія думы и смутныя предчувствія приближающейся катастрофы.

---

[1]) Зайдя в Танжер, Дакар, Либр-виль, Камерун, Англа-пекена.

[2]) Как извѣстно он соединился с эскадрою Рожественскаго, уже в Китайском морѣ у острова Хайнан в поелѣдних числах апрѣля 1905 г.

В декабрѣ эскадра сосредоточилась на Мадегаскар. Но приход в Носи-бей не дал личному составу эскадры желаннаго отдыха; декабрьская жара[1]) и влажный климат острова давал ощущеніе паровой бани. Соланина и всѣ продукты сгнили. Туземцы не могли доставить провизіи на 15.000 человѣк эскадры. Всѣ были измучены физически и нравственно, к тому-же в то время было получено извѣстіе, что Артур сдан[2]) Японцам со всѣм, находящимся в нем флотом. Цѣль экспедиціи — выручить осажденный Артур и соединиться с замкнутым в нем флотом теперь казалось пропала и Рожественскій запросил царя телеграммой, слѣдует-ли ему идти дальше, или вернуться в Кронштадт? — В Петербургѣ молчали, и он три мѣсяца простоял в Мадегаскарѣ, испытывая всѣ невзгоды мѣстнаго климата и создавшихся условій. Вялость, апатія, безцѣльность стоянки, и отчаяніе в успѣхѣ — обуяли всѣх от адмирала до послѣдняго матроса. Такое состояніе духа у одной из воюющих сторон — вѣрный проигрыш кампаніи.

В Манджуріи дѣла шли плохо; Куропаткин отдал Мукден, и смѣнившій его генерал Линевич засѣл со своей русской арміей на снѣжных вершинах Хинганскаго хребта.

Наконец новый удар поразил Россію: 20 декабря ген. Стессель сдал Артур. Его самого и морских начальников японцы отпустили домой, а команды были взяты в плѣн и перевезены в Японію, гдѣ их помѣстили в концентрац. лагеры Стессель с женою и накопленным имуществом[3]) вскорѣ на частном пароходѣ отправился в Россію. Прибыв в Одессу он держал себя героем и, окруженный газетными репортерами, засыпал их эпизодами из своих „геройских подвигов“. Но пришедшія в Петербург телеграммы столичное общество встрѣтило с недовѣріем и никаких овацій с пріѣздом самого Стесселя не сдѣлало. Только одии царь принял его радушно и пригласил его с женою обѣдать[4]) в семейном кругу в Царском селѣ. В послѣдствіи ореол героя с него был снят и он был отдан под суд за сдачу Артура и приговорен к 10-ти лѣтнему заключенію в крѣпости.

1905 ГОД.

В опустѣвшем Кронштадтѣ зима тянулась уныло и скучно. Остались только спеціальныя школы да учебные от-

[1]) Южное лѣто.
[2]) 20 декабря 1904 г.
[3]) Злые языки говорили, что в числѣ его багажа была даже корова, т. к. и в осадѣ, и на пути в Россію он не лишалъ себя молока
[4]) Этому тоже трудно повѣрить, но это факт.

ряды (Артиллерійскій, Кадетскій и Минный), которые ранней весной должны были начать кампанію и готовить спеціалистов для пополненія неминуемой убыли оперирующаго на Дальнем Востокѣ флота. Их предполагалось лѣтом отправить (через Сибирь) во Владивосток, куда ожидалось прибытіе эскадры Рожественскаго. В мартѣ производились выпускные экзамены и я был назначен предсѣдателем всѣх экзаменных комиссій.

1 го апрѣля я принял опять „Генерал-Адмирал". Ко мнѣ был назначен старшій выпуск гардемарин с. к.-адм. Н. А. Римским-Корсаковым[1]) и 150 учеников-квартирмейстеров. С открытіем навигаціи я вышел для учебнаго крейсерства между Либавой и Ганге.

С эскадры Рожественскаго было получено извѣстіе, что весь его флот в полном составѣ (и с адм. Небогатовым) вышел из острова Хайнана на сѣвер к Японіи. Роковой момент встрѣчи с адмиралом Того, стало быть близок; и у нас в домѣ, и в морских кругах всѣ ждали с тревогой извѣстій — точно предчувствуя неминуемую катастрофу.

„Всѣ наши дѣла—писал Имиератор Петр Меньшикову 21 декабря 1716 г. — ниспровергнутся ежели флот истратится.".

14 го мая с тяжелым чувством я вышел в море, направляясь в Балтійскій порт. Прійдя туда мы приступили к рейдовым ученіям: адмирал с гардемаринами, а я с учениками. Два дня спустя получили газеты и точно удар грома меня поразил в сердце:

„Был бой при Цусимѣ, погибли почти всѣ суда, исключая 4 х, сдавшихся в плѣн: имена спасенных офицеров будут сообщены впослѣдствіи".

О Боже! Неужели мой сын в числѣ погибших?!. Я ждал со страхом дополнительных извѣстій. Они пришли. В них сообщалась жестокая истина: с трех больших кораблей („Суворов", „Александр III" и „Бородино"[2]), утонувших в первом періодѣ боѣ, погибли всѣ... Но с концевых судов, утонувших ночью при атакѣ минной, спаслось много офицеров, имена их сообщались в длинной телеграммѣ. Надежды нѣт! погиб мой мальчик! У меня мгновенно сдавило грудь и сердце перестало биться... Держа газету дрожащею рукою, я безнадежно про-

[1]) Директор Морского училища.

[2]) Кор. „Бородино" в боевой линіи шел 3-м, в 7 ч. опрокинулся и утонул со всѣм экипажем.

бѣгал глазами по списку спасенных. В каюту вошел адмирал (тоже с газетою в руках) и обнял меня, раздѣляя мое горе. Из глаз моих хлынули слезы и мнѣ стало легче. Я остался один и не находил себѣ мѣста. Я упрекал себя, что помог сыну прошлой весной перевестись на „Бородино“ со стараго „Нахимова“, всѣ офицеры с котораго были в спискѣ спасенных.

Но что теперь дѣлается с женой в Ораніенбаумѣ?! Очевидно — таже мысль явилась адмиралу; он предложил мнѣ поѣхать в Ораніенбаум. Жену я застал в отчаянном горѣ: ея любимый мальчик лежит теперь на днѣ моря и нѣт подробностей о его геройской смерти: был лион убит еще во время боя? обожжен ли огнем от взрывов на палубѣ японских снарядов? или быть может (что еще ужаснѣе) — он ушел живым на дно океана внутри корабля, и в адском хаосѣ опрокинутых в кучи сотней живых и мертвых людей, долго еще боролся со смертью задыхаясь в спертой атмосферѣ, пропитанной дымом и паром взрывающихся котлов?.. Послѣднія минуты жизни сына (как и многих погибших внутри кораблей) остались для нас неразгаданной тайной.

Ода Веселкиной, воспѣвшей Храм-памятник, построенный о память погибших при Цусимѣ.

Янтарный сумрак, тишина,
Скрижали вдоль колонн,
А на скрижалях — имена...
Ряды, ряды имен...
О, гдѣ Вы тѣ, кто их носил?
Гдѣ нынѣ Ваш пріют?
Ряды зеленых волн — могил
В отвѣт кругом встают.
Над их несмѣтною толпой,
По лону бурных вод
Воздушно-легкою стопой
Христос идет вперед.
Идет сюда, в далекій храм,
Гдѣ каждую скрижаль
Воздвигла братским именам
Народная печаль
Печален сумрак золотой,
Печален бѣлый стяг,
И полон скорби лик святой,
И скорбен Божій шаг.
Пройди, пройди, благой Христос
По волнам мук людских,
Чтоб океан скорбей и слез
Улегся и затих...

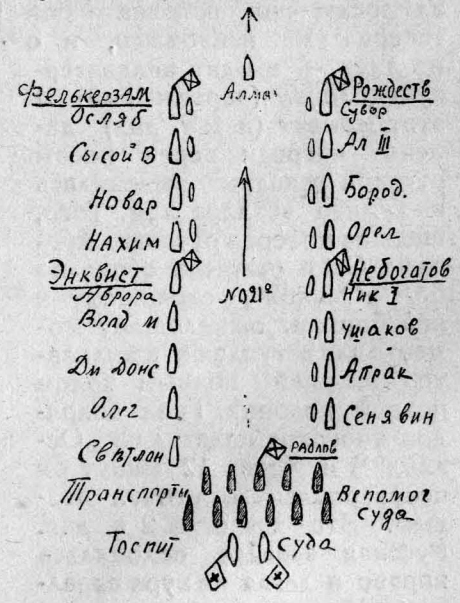
26. сент. 1911. г.
Веселкина-Кильштет.

В глубокій трауp облачились почти всѣ морскія семьи. В этом бою погибло свыше 200 офицеров и до 7000[1]) матросов. Вскорѣ стали появляться телеграммы (из англійских и японских газет Дальняго Востока) с дополнительными списками спасшихся случайно людей, приплывавших на шлюпках и обломках рангоута на берега Кореи и Японіи. Всѣ с жадностью искали фамилій своих близких, и у нас с женой явились проблески

[1]) В память погибших людей в Петебургѣ на набережной новаго адмиралтейства был построен храм с выгравированными на досках именами всѣх погибших.

надежды : может быть каким нибудь чудом спасся и наш сын. Но эти мечты и слѣдовавшія за ними горькія разочарованія еще глубже терзали наши измученныя души. И наконец в Гл. Мор. Штабѣ получилось извѣстіе (офиціальное), что с „Бородино“ дѣйствительно спасся один только матрос[1]), подхваченный японским миноносцем; спустя нѣкоторое время он был отправлен в Россію. Я его отыскал в Петербургѣ и узнал, что мой сын был командиром средней 6-ти дюймовой башни лѣваго борта и вмѣстѣ с кораблем утонул; но был-ли он жив, или убит ранѣе опрокидыванія, матрос Г у щ и н этого не знал, т. к. сам находился в отдѣльном носовом казематѣ и в момент аваріи выскочил за борт в лѣвый орудійный порт, а карабль опрокинулся на правую сторону, описывая в бою циркуляцію. Всѣ моменты Цусимскаго боя изложены подробно в офиціальных изданіях[2]) Мор. генеральных Штабов Русскаго и Японскаго; поэтому только перечислю нѣкоторые главные эпизоды этого боя.

13-го мая адм. Рожественскій вышел из послѣдней стоянки у Седельных островов (около 200 миль от южной оконечности Японіи) и двинулся со всей армидой на Сѣвер, надѣясь проскочить (не вступая в бой) Корейским проливом мимо Японіи и прійти во Владивосток, без потер или с минимальными потерями[3]). У него было даже намѣреніе обойти Японію с востока, чтобы избѣгнуть встрѣчи с японским флотом. Однако, на случай встрѣчи с непріятелем, он в этот день перестроил свой флот из походнаго в „боевой порядок“ —в двѣ кильватерныя колонны по 8-ми кораблей в каждой, миноносцы—внутри колон по одному у каждаго корабля, а транспорты отодвинул назад (см. I ый чертеж). Головным лѣвой колоны шел кор. „Ослябя“ под флагом а[1]дм. Фелькерзама, который наканунѣ умер и лежал в гробу в своей каютѣ (предполагалось с прибытіем во Владивосток его там похоронить.)



черт. I.

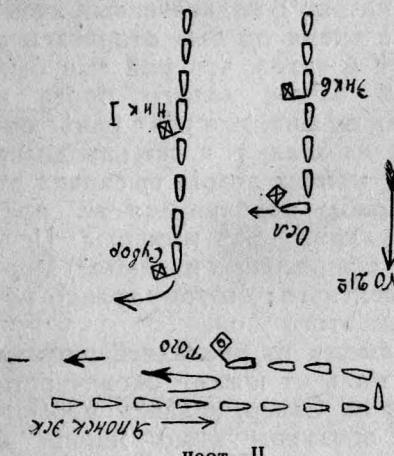
[1]) Григорій Гущин. О нем я упоминал уже в I-ой части моих мемуаров.

[2]) Мнѣ пришлось состоять членом Истор. слѣдственной комиссіи при Адмиралтействѣ — сов. для составленія исторіи экспедиціи адм. Рожественскаго.

[3]) Он избѣгал встрѣчи с Японским флотом, т. к. и сам был измучен 8-ми мѣсячным переходом, и знал, что его команда не практиковалась в артил. стрѣльбах и боевых операціях ; всѣ были измучены, унынie и апатія в личном составѣ.

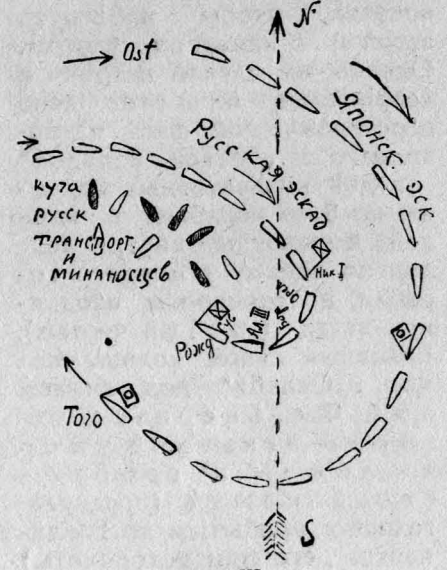
Смерть адм. Ф. из суевѣрія[1]) — была скрыта от всей эскадры и флаг его продолжал развѣваться на передней мачтѣ „Ослябя".

Эскадра 10 ти узловым ходом 14-го мая с разсвѣтом подходила к Цусимскому проливу. В морѣ был туман, давшій надежду на удачный прорыв, избѣгая[2]) боя. Одако на радіотелеграфах русских судов стали получаться непонятные сигналы — т. е. переговоры невидимых за туманом непріят. судов. И дѣйствительно — около 8 ч. утра из разрѣжавшагося тумана по обѣ стороны эскадры — стали выясняться силуэты японских крейсерских отрядов (по 4 кор.), шедших на далеком разстояніи по одному направленію с эскадрой, т. е. как бы конвоирующіе ее для совмѣстнаго входа в пролив. Они держались внѣ выстрѣлов, поэтому стрѣлять в них было безполезно.



черт. II.

Присутствіе крейсеров показало адмиралу, что встрѣча и бой с главными силами непріятеля теперь уже неизбѣжен, и он начал перестраивать эскадру из двух — в одну кильватерную колонну (чертеж II-ой). В этот момент (в 1 ч. дня) далеко впереди перед носом русской эскадры выяснилась из тумана эскадра адм. Того, шедшая поперек русскаго курса на Ost и открыла огонь по бр. „Ослябя", стоявшему к ней бортом, ожидавшему момента для вступленія в кильватер шедшей полным ходом правой колоннѣ. Град снарядов японских полетѣл на „Ослябя"[3]) и через 12 минут он перевернулся и утонул первым. Это было в 2 ч. дня. Русская эскадра склонилась вправо и легла на курс параллельный курсу японской эскадры т. е. на Ost (черт. III).



черт. III.

[1]) Дурное предзнаменованіе.

[2]) Вопреки установившимся принципам Морской стратегіи — „Флот должен искать встрѣчи с непріятельским флотом и разбить его или ослабить".

[3]) Адмиральскій флаг на „Ослябя" издали был принят адмиралом Того за флаг Рожественскаго и потому сосредоточил на нем огонь своей эскадры.

Вытянувшись в линію, обѣ эскадры стали описывать концентрическія дуги и стрѣлять друг в друга, причем японцы, имѣя преимущество в ходѣ, охватывали своей дугой русскую эскадру и сосредоточивали огонь всей эскадры на головном кораблѣ. Вслѣдствіе чего „Суворов" через 20 минут весь пылал и огнѣ и, выйдя из строя, остался догорать, стоя на мѣстѣ. К нему подскочил миноносец „Буйный" (лейт. Коломейцев) и с горѣвшаго корабля снял раненаго[1]) адмир. Рожественскаго и весь его штаб и вышел из сферы огня на свободу. „Суворов" затѣм вскорѣ аатонул со всѣм экипажем. Бой продолжался в том же строю, головным теперь шел „Александр III". Огонь японцев сосредоточен на нем и через 1/2 часа он вышел из строя и около 4 ч. утонул со всей командой. Затѣм шел головным 3-й корабль „Бородино". Теперь град японских снарядов летѣл на него; разрываясь на палубѣ, они зажигали все: горѣли мостики, шлюпки, горѣла краска на трубах, мачтах и башнях. Над ним подымался к небу высокій факель огня и дыму[2]) Сотни японских снарядов, перелетавшіе через корабли, поражали транспорты, сбившіеся в кучу внутри круга, описываемаго русской эскадрой. Часть их утонула на мѣстѣ, другая сильно подбитая старалась вырваться на волю из этого ада кипѣвшей воды. Одному „добровольцу", госпитальному судну и 2-м, 3-м миноносцам удалось спастись и они впослѣдствіи очутились в Китайских портах.

Однако „Бородино" долго водил флот, описывая дуги и отстрѣливаясь удачно. Был 6-ой час, стало темнѣть и огонь японцев значительно ослаб[3]). Внутренних пробоин на Бородинѣ не было и машины его работали исправно; но он имѣл крен на правую сторону и в открытые порта нижней батареи вода вливалась увеличивая крен. В 7 ч. вечера, описывая дугу вправо, он еще болѣе увеличил свой крен и вдруг опрокинулся на правую сторону. Продержавшись на водѣ днищем вверх (с вращающимися в воздухѣ винтами) — он через нѣсколько минут утонул со всѣм экипажем[4]).

Теперь стемнѣло, стрѣлять безполезно, и адмирал Того увел свой флот из раіона сраженія, приказав своим миноносцам, державшимся днем вдали от мѣста боя, напасть теперь ночью на уцѣлѣвшій русскій флот. В нем еще осталось 12 судов[5]) из

---

[1]) На „Буйном" был поднят сигнал: „Передаю командованіе адмиралу Небогатову".

[2]) По словам очевидцев.

[3]) Ослабленіе японскаго огня объясняется аваріями, полученными многими судами, а равно и наступившею темнотою.

[4]) За исключеніем упомянутаго ранѣе матроса Гущина.

[5]) 4 корабля („Ослябя", „Суворов", „Александр III" и „Бородино) из боевой линіи утонули в дневном бою.

боевой линіи, хотя и сильно подбитых, но еще живых и способных к бою.

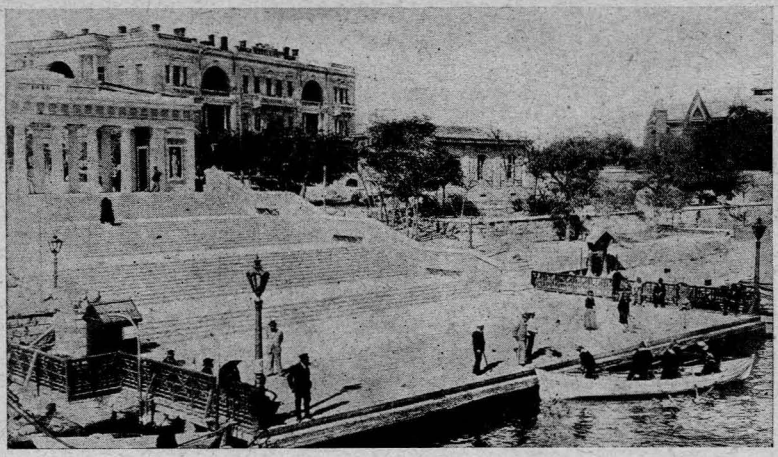
Приняв командованіе над оставшимися судами, адм. Небогатов выстроил их в двѣ линіи и повел их на Сѣвер, направляясь во Владивосток[1]). Но с наступленіем темноты японскіе миноносцы, догнав, атаковали их на ходу и 6 кораблей и кр. „Свѣтлана" были подбиты минами. Эти 7 судов, несмотря на подведенные пластыри, двигаясь малым ходом, наполнялись постепенно за ночь водою и медленно утопали в различных мѣстах к сѣверу от острова Цусимы, спасая команды на своих — шлюпках. Адм. Небогатов остался таким образом с 4-мя кораблями („Николай I", „Орел", „Апраксин" и „Синявин") и двигался с ними на Сѣвер. Но с разсвѣтом 15 мая он увидѣл перед собой всю вчерашнюю эскадру адм. Того и, по его предложенію, сдался в плѣн, собрав предварительно совѣт из 4 хо командиров. До Владивостока добѣжали только 2 судна: яхта „Алмаз" (к. I р. Чагин) и миноносец „Бравый" (лейт. Андржеевскій.)

Что-же касается адм. Рожественскаго, то м-ц „Буйный", будучи сам с проломанным носом, шел малым ходом, везя адмирала всю ночь на Сѣвер и, увидя на утро миноносца „Бѣдового", бѣжавшаго туда же и совершенно невредимаго, — передал ему адмирала со штабом, а свой раненый миноносец утопил и пересѣл с командою на кр. „Дм. Донской"[2]), бѣжавшій во Владивосток. „Бѣдовый" вскорѣ был настигнут 2-мя японскими миноносцами и сдался им с адмиралом и всѣм экипажем. Всѣ попали в плѣн, впослѣдствіи вернулись в Россію и были судимы. Так окончилась эта печальная экспедиція, и был поднят вопрос о заключеніи перемирія.

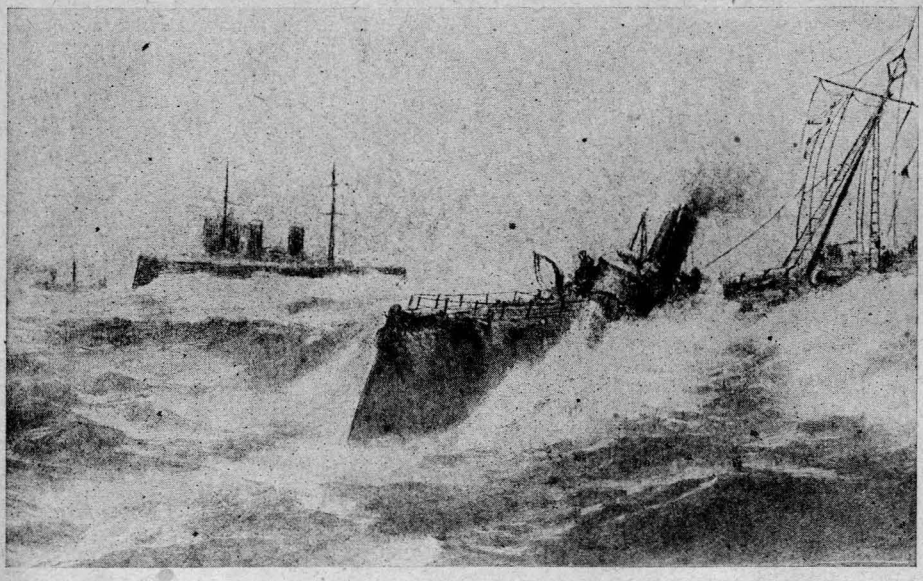
Посредником для веденія мирных переговоров — был президент С. Амер. Соед. Штатов Рузевельт; мѣсто переговоров — Портсмут, а представителем Россіи был С. Ю. Витте. Этот позорный разгром русскаго флота и всѣ неудачи в Манджуріи вызвали во всем русском народѣ ропот, волненія и бунты в военных командах. Революціонные комитеты теперь не стѣснялись, пошли покушенія и убійства правительственных лиц (Плеве, Трепов, Дубасов, Вел. Кн. Сергѣй Александрович и многіе другіе), а в Черном морѣ бунтовал „Потемкин", перебив предварительно командира К. I р. Голикова и всѣх судовых офицеров. (Новый броненосец „Кн. Потемкин" стоял в пустынной Тендровской бухты, производя пріемныя испытанія. Перед

[1]) Из 12-ти оставшихся боевых судов с ним шло 10, т. к. „Аврора" с „Эквистом и „Олег" с Добротворским ушли на юг, спасаясь первый в Манилу, а второй — в китайскій порт.

[2]) „Дм. Донской" был так-же настигнут 2-мя крейсерами, и сильно подбитый выбросился на о-в Дажелет, откуда весь экипаж был взят в плѣн.



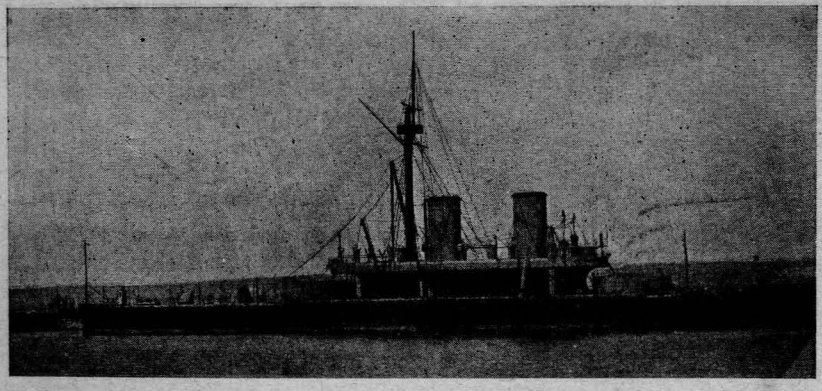
Графская пристань.



Черноморскій флот в шторм (1915 г.)

Верховно-Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевич в эмиграціи

Великій князь Николай Николаевич — молодой офицер Ген. Штаба в Турецкую войну.



Первый в мірѣ (англійскій) „Dreodnout“ (стр. 24.)

полднем команда собиралась обѣдать Машинист Евтушенко замѣтил в борщѣ капустнаго червяка (что бывает нерѣдко даже в цвѣтной капустѣ) и это было предлогом для возбужденія команды против начальства. Команда бросила обѣдать и потребовала наверх старшаго офицера (лейт. Гиляровскій) для заявленія общей претензіи на дурную пищу. Один из зачинщиков дерзко призывал к бунту. Ст. офицер, чтобы прекратить бунт в самом его началѣ, взял винтовку у караульнаго матроса и выстрѣлил в зачинщика, ранив его в грудь. Тогда Евтушенко поднял всю команду, и убив Гиляровскаго, бросил его за борт. Вышедшій наверх командир, К. І р. Е. Н. Голиков, был убит, а затѣм матросы бросились по каютам и перебили всѣх офицеров. Спасавшагося в плавь, мл. доктора Е. Смирнова застрѣлили на водѣ. Оставшись без начальства, матросы выбрали своим командиром одного из старших кондукторов и, подняв красный флаг (вмѣсто андреевскаго), Потемкин пошел гулять по портам Чернаго моря. Прійдя в Ѳеодосію, принудил мѣстный порт выдать ему полный запас угля, — угрожая открыть огонь по городу в случаѣ отказа; затѣм пошел в Одессу, гдѣ такое-же угрозою потребовал свѣжей провизіи. Вскорѣ на „Потемкинѣ“ начались внутренніе безпорядки; он отправился в румынскій порт Констанцу и там сдался румынским властям, а команда дезертировала и разбрелась по Румыніи. Впослѣдствіи корабль был возвращен Россіи, и в 1906 году я поднял на ней адмиралскій флаг, приняв в командованіе Черноморскую эскадру.) Печать и русское общество уже открыто требовало реформ и конституціи. К Царюявилась депутація от московскаго университета с профессором Кн. Трубецким во главѣ. Он принял их любезно и, по обыкновенію, будто согласился. Однако нѣскольким сановникам было поручено составить проект о созданіи нето комитета, нето представительнаго собранія из представителей от каждой губерніи, с правом совѣщательнаго голоса, но без права контроля правительствен. учрежденій и отнюдь не законодательнаго. Проекты эти печатались в газетах и конечно никого не удовлетворяли. Начались забастовки на фабриках и на заводах, а потом и на нѣкоторых желѣзных дорогах. Когда из Манджуріи двинули домой войска дѣйствующей арміи, а за ними стали прибывать во Владивосток плѣнные из Японіи, то вся Сибирская дорога была в руках бунтующих и пьянствующих военных команд. Поѣзда брались с бою, игнорируя желѣзнодорожное начальство.

Начали искать виновных. С леглой руки ярых „нововременских“ борзописцев Меньшинова и „Брута“, вся печать, а за нею общество напало на флот и Морское Вѣдомство. Требовало реформ для морскаго Корпуса, допуская в него дѣтей всѣх сословій, а не сыновей только дворян и мор. офицеров, т. к. будто выпущеные до сих пор молодые офицеры были причи-

ною разгрома флота (?!). Нам — отцам погибших сотни мичманов, было больно слышать этот гнусный поклеп на наших юных героев, стремившихся добровольно в бой, и без ропота отдавших свою молодую жизнь за честь страны. Не их вина, что флот был отправлен в бой с наскоро-напиханной необученной командой, что суда достраивались даже в морѣ, и что командующій флотом в военных операціях поступал против принципов тактики и стратегіи.

В. Кн. генерал-адмирал, обиженный недостойными намеками печати, подал в отставку и уѣхал в Парiж. Управляющій мор. министерством Авелан был уволен и заменен адм. А. А. Бирилевым, с отвѣтственным титулом „мор. министра“, а Морской Корпус переименовали „Мор. Училище“, с правом поступать туда мѣщанам и крестьянам.

В срединѣ лѣта Царь со всей семьей на яхтѣ „Штандартъ“ отправился в Финляндскія шкеры, надѣясь найти там душевное спокойствіе вдали от тревог и волненій страны, а равно и от назойливых совѣтов перепуганной бунтами придворной камарильи.

Я со своим крейсером „Генерал-Адмирал“ до конца лѣта ходил по Финляндіи с гардемаринами. В концѣ іюля я стоял на рейдѣ Роченсальма, куда зашла яхта „Элекен“ с Бирилевым и Кн. Оболенским (финлянд. генер. губернатором). Возвращаясь в Гельсингфорс с сосѣдняго рейда[1]), гдѣ стоял с Царем „Штандарт“, они провели у Царя в гостях нѣсколько дней, и теперь забѣжали сюда пикником половить форелей у Кюменскаго водопада[2]). По их веселым разсказам о жизни на „Штандартѣ“, там царит благодушное спокойствіе: Царь и не подозрѣвает, что через какой нибудь мѣсяц вся Россія будет охвачена революціонным пожаром. В концѣ августа мирные переговоры в Портсмутѣ подходили к концу и вся манджурская армія, а с ней сотни-тысяч плѣнных, отпущенных из Японіи, двинулись Сибирью обратно домой. Эти массы распущенных людей разлились по всей Россіи и принесли с собой дух безправія, разгула и чисто русскаго бунта — „безсмысленнаго и безпощаднаго“. Это волненіе передалось в гарнизоны крѣпостей (Гельсингфорс, Свеаборг, Севастополь, Кронштадт), к ним наконец примкнули забастовавшіе чиновники почты, телеграфа жел.—дорог и вся Россія запылала революціонным пожаром.

---

[1]) Бухта „Питкопас“.
[2]) Я был приглашен на этот пикник.

НАЗНАЧЕНІЕ МЕНЯ КОМАНДУЮЩИМ БАЛТІЙСКИМ ОТРЯДОМ.

В началѣ сентября я пришел в Кронштадт сдать гардимарин и своих учеников. Явившись к гл. командиру[1]), я от него получил Высочайшій приказ о назначеніи меня командующим „Балтійским отрядом[2])" судов (4 корабля и 2 миноносца), стоявших тут-же на большом рейдѣ под флагом К-адм Н. А Беклемишева.

11-го сентября я принял отряд от адм. Беклемишева и поднял брейд-вымпел на кораблѣ „Слава", а „Генерал-Адмирал" окончил кампанію. Моей эскадрѣ была задана спеціальная программа. „Выработать методы центральнаго управленія эскадренным огнем на дальних разстояніях". Эта задача требовала выработать тѣ методы управленія боем, которыми пользовался адм. Того и которых не-было вовсе на эскадрѣ Рожественскаго, отчего она и была разбита. Да к тому же на наших судах (да и на многих европейских флотах) таблицы стрѣльбы были составлены только на дальность 42 кабельтова (т. е. 4, 2 мили). В то время считалось, что дальше этого разстоянія бой не дѣйствителен. В мою задачу входило довести дальность стрѣльбы до 100 каб. (10 миль).

Стоя на рейдѣ и занимаясь пріемками из Порта различных приборов (новые дальномѣры „Бара и струда") и предметов для выполненія своей программы, 15-го сент. мимо меня прошел на яхтѣ „Стрѣла" граф Витте, возвращаясь в Петербург из бухты Біоркэ[3]), гдѣ он докладывал Царю о заключенном мирном договорѣ. В награду он получил графскій титул. День был холодный, моросил дождь, и вскорѣ за яхтой, скрывшейся в туманѣ, показался с моря и сам „Штандарт" с брейд-вымпелом Царя[4]). К нему поспѣшили с рапортами морскіе начальники Кронштадта и я в том числѣ. На палубѣ „Штандарта" стоял Царь с Бирилевым, ему рапортовал первым—адм. Никонов, держа в руках телеграмму[5]) — с тревожными извѣстіями о революціонных безпорядках в Гельсингфорсѣ (впослѣдствіи оказавшихся сильно преувеличенных). Приняв затѣм мой рапорт, Царь привѣтливо поздоровался со мной и поздравил меня с новым назначеніем. Затѣм, обратившись к Бирилеву и, указав на меня,

---

[1]) В-адм. К. П. Никонов.

[2]) Эти суда (нов. кор. „Слава" и старые „Александр II-ой, Пам. Азова и Корнилов и 2 мин-ца) спѣшно достраивались, чтобы догнать адм. Рожественскаго под наз. „4-ая тихоокеанская эскадра", но не успѣли, а теперь оставлены дома.

[3]) Там в то время стоял „Штандарт", и Витте только что вернулся из Портсмута по заключенію мирнаго договора.

[4]) Он возвращался в Петергоф из финляндских шкер, гдѣ начались осеннія холодныя погоды.

[5]) Полученную из Гельсингфорса от К-ра Свеаборгскаго порта — адм. Клеопина.

сказал: „Вот — старшій офицер „Мономаха“[1]), „надо было его послать с эскадрой в Гельсингфорс“? — На утвердительный жест Мор. министра, он обратился прямо ко мнѣ:

— „Поручаю вам принять самыя крайнія мѣры для возстановленія порядка в городѣ и в крѣпости! Когда вы можете идти?“ — Я отвѣтил: „Есть! — через два часа — как только пары будут готовы“. Я поднял сигнал отряду: „Развести пары, приготовиться к походу“. Государь пересѣл на яхту „Царевну“ и ушел в Петергоф, а я с отрядом и 2-мя миноносцами ушел на „Славѣ“ в Гельсингфорс. Прійдя сюда на слѣдующій день, я выстроил суда на рейдѣ, имѣя заряженныя пушки. Но никакой угрозы не понадобилось, т. к. в городѣ был полный порядок. От генерал-губернатора я узнал, что телеграмму в Кронштадт послал не он, а Клеопин, которому какія то демонстративныя сборища финской черни против Сената — показались революціей. Затѣм князь сказал мнѣ: „Оставайся на рейдѣ, будь нашим гостем, а я устрою во дворцѣ обѣд всѣм твоим офицерам и приглашу Сенат и всѣ финляндскія власти“. Я поблагодарил, но просил поспѣшить с обѣдом, т. к. стоять долго я не могу, имѣя программу артиллерійских стрѣльб и уйду для этого в Ревель, гдѣ уже все заготовлено. Обѣд был на славу! Князь был в своей сферѣ: он вѣроятно вспомнил свои прежніе обѣды предводителя дворянства, на которых съѣзжалась цѣлая губернія. В большом залѣ дворца стол был накрыт на 100 слишком персон. На закусочном столѣ лежали огромные осетры, лососи копченые, балыки, икра, цѣлыми ведрами, омары, во весь рост, и прочія деликатессы. Офицеров с эскадры было человѣк 40, сухопутных из крѣпости (Свеаборг) около 20-ти, генералов (комендант, воен. губернатор, ком. порта и проч.) — чел. 5, остальные были сенаторы и высшія финляндскія власти. Всѣ стремленія князя велись к тому, чтобы между русскими военными чинами и финляндцами установить „entente cordiale“. Он был убѣжден, что финляндская революція может разгорѣться только лишь со стороны финской черни, и не против Россіи, а против своего-же сената.

Дня два спустя я ушел в Ревель. Ко мнѣ был назначен флагманским артиллеристом лейт. Зарубаев[2]). С ним мы составили план стрѣльбы, начиная ее с небольших разстояній и малаго хода эскадры, и увеличивая то и другое. Миноносцы мои буксировали щиты, а потом лайбу пустую пускали под парусами; суда отряда, производя эволюціи, в строѣ курсовой дуги разстрѣливали лайбу, гоняясь за ней. Нельзя сказать, чтобы на первых порах огонь эскадры был достаточно мѣткій: причиной

---

[1]) Каждый раз, при встрѣчѣ со мной он неизбѣжно вспоминал совмѣстное плаваніе на Дальній Восток.

[2]) Прекрасный мор. офицер, недавно вернулся с войны, георгіевскій кавалер.

тому была только что сформированная команда судов, а к тому же таблицы стрѣльбы были только на 45 кабельтовых; это и был предѣл нашей дальности. Однако пробины были и в щитах и в лайбѣ, и каждую ночь в Ревелѣ приходилось их чинить.

Так я ходил 8 дней. 30-го сентября меня вызвал с моря (радіо-телеграфом) командир Ревельскаго порта, предлагая мнѣ вернуться на рейд и взять из Ревельскаго гарнизона один пѣхотный полк с пушками и пулеметами и перевезти в Петергоф для охраны царской резиденціи и желѣзной дороги, соединяющей Петергоф со столицей, в виду резолюціонной забастовки, начавшейся тогда на всѣх почти дорогах. Я высадил этот десант в Ораніенбаумѣ, употребив с недѣлю на эту операцію. 10-го октября адм. Вульф опять вызвал меня в Ревель и просил остаться на рейдѣ и свезти в город нѣсколько рот судовой команды с пулеметами для патрулированія города и охраны военнаго порта от бунтовавших там эстонских рабочих и черни, напавших на госуд. банк, казначейство и ж.-дор. станцію. Я весьма неохотно уступал, т. к. эти полицейскія операціи отвлекали эскадру о ея прямых задач. Но вынужден был подчиниться в силу требованій Морского Устава. Послѣ успокоенія в городѣ, я опять вышел в море, но не надолго. 16-го октября вся Россія пылала в революціонном огнѣ[1]). Ревель тоже бунтовал и мнѣ пришлось остаться опять на рейдѣ. Весь день 17-го октября был очень тревожен, а на утро (18 го окт.) адм. Вульф прислал мнѣ огромную афишу—доклад министра[2]) гр. Витте Царю о необходимости дать Россіи всѣх политических свобод — до законодательнаго собранія включительно, а спустя нѣсколько часов я получил с берега уже и самый Манифест 17-го Октября, подписанный Николаем II о дарованіи тѣх-же свобод с обѣщаніем учрежденія „Государственной думы“[3])

Послѣ этого забастовки быстро прекратились, но бунты военных команд в крѣпостях и портах, и пьяный разгул на сибирских эшелонах принимал угрожающіе размѣры; бунтовал Кронштадт, бунтовал Свеаборг, Либава и Владивосток, бунтовал Черноморскій флот на Севастопольском рейдѣ с лейт. Шмитом во главѣ и наконец в декабрѣ та самая „матушка“ Москва, которая всегда подносила Царю „вѣрноподданническіе адресы“— объявила форменную войну и там на улицах пошли сраженія заводских рабочих с Семеновским полком, присланном из столицы[4]). В Ревелѣ послѣ манифеста все успокоилось и я 21-го октября рано утром вышел с отрядом опять на стрѣльбу. Око-

---

[1]) Была поголовная забастовка почты, всѣх жел. дорог, фабрик, заводов и многих правительственных учрежденій.

[2]) Гр. Витте был назначен не то диктатором, не то предсѣдателем Сов. Министров и мин. внутр. дѣл.

[3]) В манифестѣ оно еще не имѣло этого названія.

[4]) Адм. Дубасов был назначеи московским генерал-губернатором.

ло полдня мой радіо-телеграф принял от кн. Оболенскаго слѣд. депешу:

„В Свеаборгѣ бунт, в Гельсингфорсѣ полная забастовка почты, телеграфа, ж. дор., город без воды и свѣта[1]). Прошу прибыть немедленно с отрядом."

Ну, вижу, что теперь не шутки, если сам благодушный князь меня вызывает. Я прекратил стрѣльбу и с заряженными орудіями пошел в Гельсингфорс. В 3 ч. дня уже темнѣло, когда я вошел на рейд. К моему борту пристал катер, на нем был сам князь, вся его семья, два брата — генералы Кайгородовы (комендант крѣпости и военный губернатор), нач. канцеляріи полк. Зейн и два адъютанта. Я принял их в адмиральскую столовую, согрѣл и накормил обѣдом. Оказалось, что в этот день с утра финская чернь в числѣ нѣсколькихъ десятков тысяч окружила дворец и сенат и, ворвавшись к князю, потребовала отставки всего сената и его самого; а управленіе страны они берут на себя. Под угрозой силы сенат подписал отставку, а князь выговорил себѣ право проѣхать с семьей сквозь толпу в собор (находящійся на Скатуденѣ, гдѣ военный порт) для слушанія молебена по случаю царскаго дня. Экипаж князя толпа пропустила в собор, а оттуда в парадном мундирѣ он, как был, сѣл с семьей и свитой на катер и вышел на рейд, гдѣ поджидал моего прихода. Князя, жену и дочерей я размѣстил на „Славѣ" в адмирльских каютах, а сам переѣхал на „Александр II-ой" (командир к. I р. Эбергардт[2]) Финны рѣшили бастовать до полученія от царя особаго для Финляндіи манифеста, с проектом котораго князь отправил в Петергоф (морск. генерала Н. Н. Шемана на яхтѣ „Элекен". Вечером весь город оставался в полной темнотѣ, продолжая забастовку. Когда я освѣтил город с судовых прожекторов, то там вообразили, что я буду стрѣлять, улицы всѣ вдруг освѣтились, но всѣ остальныя забастовки продолжались.

22-го вечером, Шеман привез „Манифест 22 го окт. — для Финляндіи". В нем возвращались ей всѣ свободы и привилегіи, данныя Александром II-м.

23-го Князь собрал на „Славѣ" весь сенат, министров[3]) и русское военное начальство и в адмиральской каютѣ прочел им манифест. Граф Берг[4]) перевел его затѣм на финскій язык.

---

[1]) В виду того, что в Манифестѣ 17-го окт. были объявлены свободы только Россіи, а о Финляндіи не уноминалось, она считала для себя обидным оставаться при многих политических ограниченіях и рѣшила напомнить о себѣ и требовать привилегіи, данных ей еще Александром II, т. е. автономіи.

[2]) В 1914—15—16 г. командовал Черноморским флотом во время все-европейской войны.

[3]) Теперь они игнорировали вынужденную отставку и считали себя опять министрами.

[4]) Сын бывшаго нѣкогда генерал-губернатора Финляндіи, впослѣдствіи (1910—15) министр фин. жел. дорог.

Всѣ сенаторы остались довольны и разъѣхались по домам. На утро манифест был отпечатан на шведском и финском языкѣ и расклеен на улицах города. Всѣ забастовки прекратились и чернь разошлась по домам. Но князь еще цѣлую недѣлю жил с семью у меня на „Славѣ". Он выписал с берега своего повара и слуг, и ежедневно в моей адмиральской столовой давал великолѣпные обѣды. Кромѣ его семьи, меня и моего штаба, за стол садилось еще человѣк 8 его адъютантов и чинов канцеляріи, пріѣзжавших с берега. Вслѣдствіе интриг военных властей[1]) и нападок на князя („Нов. Время") за его будто мирволеніе финляндцам, князь тогда-же подал в отставку и вскорѣ уѣхал в Петербуг, поселившись с семьей в своем особнякѣ[2]). 25 окт. князь переѣхал на берег, а я собирался в Кронштадт кончать компанію, т. к. начались морозы и вести стрѣльбу было уже поздно. Ночью из Гл. Мор. Штаба пришла шифрованная телеграмма: „В Кронштадтѣ бунт морских и сухопутных команд, останьтесь пока в Гельсингфорсѣ, дабы команды эскадры не приняли в нем участія". Из всего Балтійскаго флота и портов только мой отряд не был еще заражен революціей,[3]) поэтому высшее мор. начальство разсчитывало пользоваться отрядом зимою для держанія кронштадтских команд в порядкѣ.

И только около 5 ноября получил телеграмму с разрѣшеніем идти в Кронштадт. На рейдѣ, я застал уже лед. От Гл. Командира, узнал, что в Кронштадтѣ военное положеніе и власть над портом и флотом перешла к коменданту крѣпости генералу Бѣляеву. Он принял меня довольно сурово и на первых порах не пустил отряд в гавань, боясь что мои команды тоже начнут бунтовать. Я объяснил ему, что с замерзающаго рейда по плавающему льду невозможно будет имѣть сообщеніе с Кронштадтом, а спустя нѣсколько дней гавань крѣпко замерзнет и в нее судам нельзя будет войти[4]). К тому же я поручился за благонадежность своих команд. Он со мной согласился и я вошел с отрядом в гавань. На отряд он не пріѣхал, недовѣряя командам. Установив суда на зимовку, я съѣхал на берег навѣстить семью. Квартиру в офицерском флигелѣ я нашел запертою и от дворника узнал, что жена с дѣтьми во время бунта (26-го окт.) и поголовнаго бѣгства морских семейств из Кронштадта, спаслась бѣгством, переѣхав на пароходѣ на сѣверный берег („Лисій нос") и поселилась в Тарховкѣ[5]) в пустующей дачѣ. Там они прожили до конца ноября.

---

[1]) Генер. губернаторскій пост, в Финляндіи до сего времени занимали сухопутные генералы, а князь был из моряков. Это не нравилось военным кругам, бывшим под начальством В. Кн. Владимира Ал-ча, питавшаго вражду к флоту.

[2]) Он начал хворать и умер в 1910 году.

[3]) Я это объясняю тѣм, что мои команды были заняты своим морским дѣломъ, интересуясь довольно удачной стрѣльбой, а не политикой.

[4]) Ледокол „Ермак" был в Ревелѣ или в Либавѣ.

[5]) Вблизи Сострорѣцка.

Отряд мой на зиму остался в вооруженном резервѣ и команды судов вмѣстѣ с офицерами были росписаны патрулировать порт и морскую часть города т. к. военное положеніе было продолжено до лѣта. Я жил на „Славѣ“ и по праздникам приглашал к обѣду свою семью и знакомых из города, потом всѣ гости развлекались на каткѣ, устроенном на льду возлѣ кораблей — при оркестрѣ и электр. освѣщеніи. На праздниках Рождества матросам устраивалась елка с обильным угощеніем и кинематографом. Занятія в перемѣшку с развлеченіями отвлекали людей от политики, и может-быть поэтому прокламаціи, подбрасываемыя нашим командам, успѣха не имѣли.

Кронштадскій бунт[1]) начался в крѣпостном саперном баталіонѣ, от него перекинулся на всѣ экипажи. Матросы бросились на офицерскіе флигеля, потом на морское офиц. собраніе и устроили там дебош и обильное пьянство, оттуда уже ночью двинулись по улицам, громили колоніальные магазины, похищая вино и разные продукты. Подожгли нѣсколько домов, ограбили лавки в гостинном дворѣ. Морских офицеров в Кронштадтѣ было немного[2]), сдержать бунт в началѣ было почти некому, а когда он разгорѣлся, то оставшіеся в экипажах сухопутные офицеры „по адмиралтейству“ бросились домой спасать свои семьи и перевозить их спѣшно на пароходах на „Лисій Нос“ и в Ораніенбаум. Из Петербурга утром был прислан гвардейскій полк и с его помощью генер. Бѣляеву удалось возстановить спокойствіе.

Бунт в Севастополѣ был много значительнѣе. Там 14-го ноября весь флот был на рейдѣ. Первым начал крейсер „Очаков“[3]), подняв красный флаг вмѣсто кормового. На других судах команды стали волноваться. Флагманскій корабль „Ростислав“ (к-адм Ѳеодосіев) рѣшил открыть по „Очакову“ огонь, но не мог этого сдѣлать, т. к. по распоряженію военнаго генер. губернатора[4]) на всѣх судах были у орудій вынуты бойки и сданы в арсенал. Этим безоружіем воспользовался отст. лейтенант Шмидт и, сѣв на одну из миноносок, носился безнаказанно по рейду и кричал судам, приглашая присоединиться к общему возстанію. На мачтѣ он держал сигнал:

„Я Шмидт, командующій флотом Черноморской республики“. На канонеркѣ „Терец“ — к-р кап. I ран. Д. Д. Петров, случайно пришедшей с моря, бойки оказались на мѣстѣ и он, не долго думая, открыл огонь по „Очакову“ и по Шмидту. К нему присоединился „Ростислав“ (успѣв-

[1]) 26 окт.

[2]) Весь личный состав офицеров был на эскадрах или в плѣну на Дальнем Востокѣ, остальные у меня на отрядѣ.

[3]) Он достраивался, стоя на Сѣверном рейдѣ, офицеров на нем не было, главный контингент команды были портовые рабочіе.

[4]) Власть гл. командира, как и в Кронштадтѣ, была (вмѣсто адм. Чухнина) передана сухопутному генералу Меллеру — Закомельскому.

шій привезти с берега бойки) и вскорѣ „Очаков“ запылал. Шмидт на миноноскѣ пристал было к баржѣ, желая на ней спастись, но катер с „Ростислава“ с бравым лейтенантом Николя взял Шмидта в плѣн и свез его на „Ростислав“. Впослѣдствіи Шмидт был судим и увезен на остров Березань (возлѣ г. Очакова в устьѣ Днѣпра) и там был разстрѣлян командою с „Терца“.

Бунт во Владивостокѣ был грандіознѣе всѣх. Там бунтовали десятки тысяч команд (сухопутных и морских), возвращенных из японскаго плѣна. Пылал весь город, громили всѣ лавки, морское собраніе, офицерскія квартиры, дом командира порта и многіе другіе. Пострадал больше всѣх торг. дом „Кунста и Альберса“ гдѣ были собраны большіе запасы вина и проч.

В декабрѣ бунтовала Москва. Так кончился 1905 г. Весной 1906 года, я ѣздил в Петербург на засѣданія слѣдственно-исторической комиссіи[1]) в Адмиралтейств-совѣтѣ для разбора экспедиціи адм. Рожественскаго. Он уже был возвращен из Японіи и являлся в комиссію с повязкой на головѣ. Офицеры участники Цусимскаго боя тоже привлекались в комиссію для показаній. Был сюда вызван между прочими и матрос. Гущин, спасшійся с „Бородина“, но о послѣдних минутах своего сына я ничего не узнал.

ПРОИЗВОДСТВО В КОНТР-АДМИРАЛЫ.

В Страстную субботу мор. министр[2]) прислал мнѣ в Кронштадт эполеты и Высочайшій приказ о производствѣ меня в контр-адмиралы. Я душевно был рад: мои мечты о морской карьерѣ сбылись. Одно лишь горе, что флота в Россіи почти уже нѣт, о дальних плаваніях не может быть рѣчи. В Балтійском флотѣ остался лишь мой небольшой отряд, а Черноморскій флот еще с крымской войны потерял право выходить на простор.[3]) К тому же рангоутныя суда теперь уже отжили свой вѣк. Суда новаго типа[4]) предназначены спеціально для боя, но не для океанских плаваній. Но тѣм не менѣе я рад был служебному авансу. Это мнѣ было судьбой дано как бы в утѣшеніе за печальный тяжелый 1905 год.

Навигація открылась, но отряд мой на все лѣто остался в „вооруженном резервѣ“[5]) и стоял в гавани. Я флаг свой держал на „Александрѣ II-м“, перебравшись со „Славы“, которую перевели в „гардемаринскій отряд“ (ком. к-адм. Бострем).

---

[1]) Предсѣдателем был адм. И. М. Диков.
[2]) Адмирал Бирилев.
[3]) По Парижскому трактату 1856 г.
[4]) Броненосцы, дредноуты, бр. крейсера, миноносцы и подводныя лодки.
[5]) Для „сокращенія расходов“ Мор. министерства.

ОТКРЫТІЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

В концѣ апрѣля была собрана Государственная Дума; для нея был назначен старый Таврическій дворец. Съѣхавшіеся депутаты были собраны в Георгіевском залѣ Зимняго дворца, оттуда послѣ провѣрки они в торжественном шествіи перешли в большой тронный зал, гдѣ Царь — в присутствіи членов Царской фамиліи и высших сановников правительства, стоя на тронѣ, читал манифест.[1]) Отсюда думскіе члены перешли[2]) в Таврич. дворец и там в тот же день состоялось фактическое открытіе Думы.[3])

Читая отчеты, провинція волновалась и крестьяне, подбиваемые революціонными комитетами и вернувшимися из Манчжуріи и Японскаго плѣна запасными, — стали поджигать и грабить помѣщичія имѣнія, а заводы и фабрики — бастовать. Граф Витте, обвиненный придворной партіей в либерализмѣ, вышел в отставку, его смѣнил Булыгин, но не надолго.

В іюнѣ в Кронштадтѣ в морском судѣ слушалось дѣло по обвиненію к-ра миноносца „Бѣдоваго“ и штаба адм. Рожественскаго за сдачу миноносца японцам 15-го мая послѣ Цусимскаго боя. Я был одним из членов этого суда. Адм. Рожественскій не был вызван на суд, так как в то время, т. е. в бою был раненым и лежал в каютѣ. Но он сам явился на суд и принимал на себя всю вину о сдачѣ. Но суд не признал его виновным. Командир миноносца и флаг-капитан были приговорены к 10-и лѣтнему заключенію в крѣпости, а нѣкоторые чины Штаба — к исключенію из службы и аресту на разные сроки, от 3—5 лѣт, в зависимости от степени их вины.

Первая Дума уже в іюнѣ м-цѣ была распущена. Но пред-

---

[1]) По обязанности службы я был на этом открытіи.

[2]) Не смотря на апрѣль, день был очень жаркій, совершенно лѣтній и члены Думы шествовали по набережной в одних сюртукахъ.

[3]) Предсѣдателем Думы был избран Муромцев (проф. Моск. унив.) Образовались 5 гл. партій:

1) Кр. правая и правая (монархисты, и союз Русскаго народа) лидеры: Пуришкевич, Марков, арх. Евлогій.

2) Октябристы, лидеры: Хомяков, Родзянко.

3) Кадеты (партія народн. своб.) Милюков, Петрункевич, Герценштейн, Родичов, Гессен.

4) Лѣвая (рабоч. партія) — Керенскій. Трудовики: Алобьин, Анимин, Жилкин.

5) Кр. лѣвая (соц.-дем. и эс-эр.) Чхеидзе.

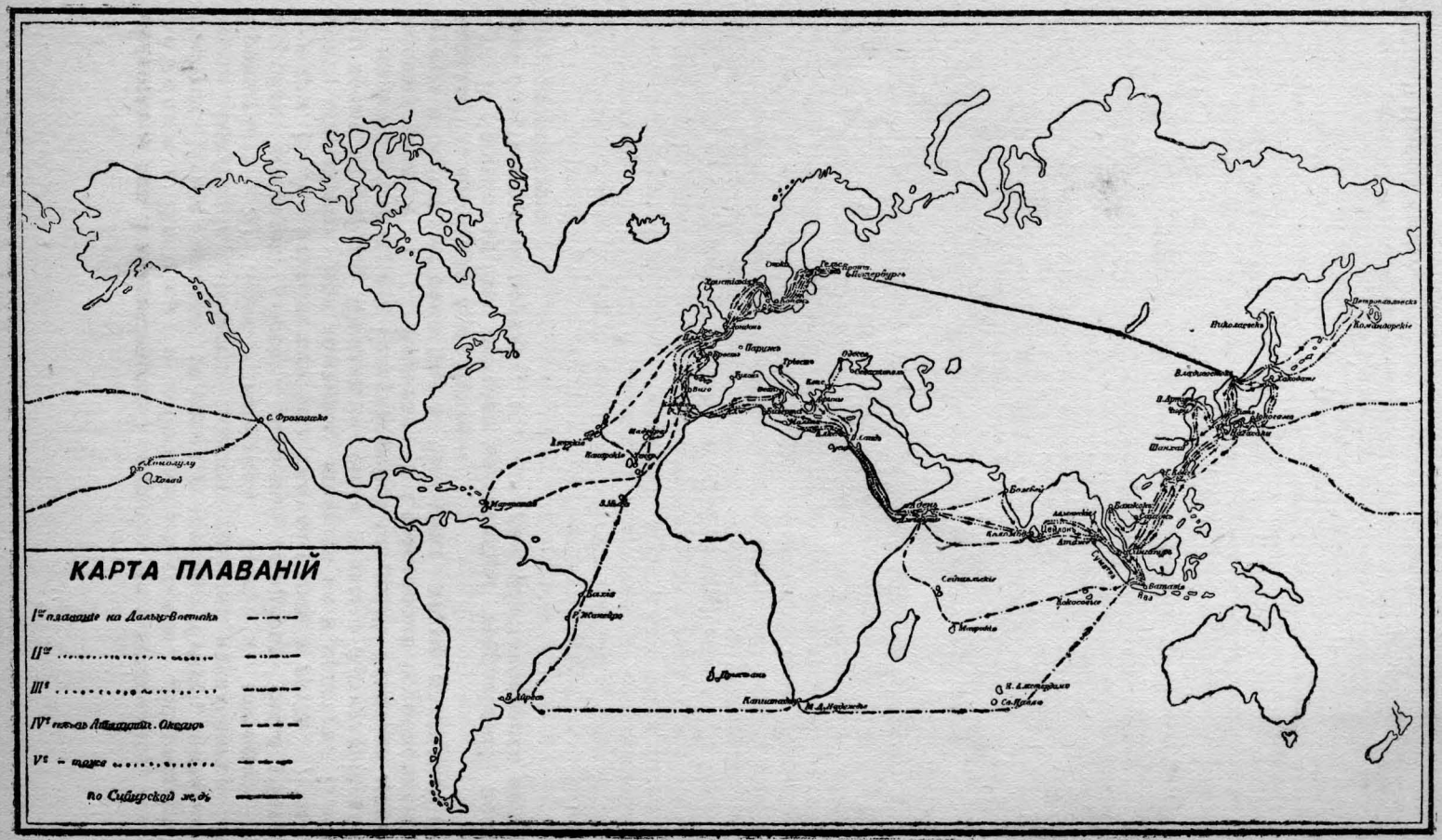
Сверх того были еще партіи отдѣльных національностей: польское коло, евреи, магометане. С первых же дней сессіи Думы, кадеты и лѣвыя партіи внесли законопроект аграрный — о націонализаціи земли, т. е. роздачи всѣх земель казенныхъ и помѣщичьих крестьянам, и еще массу законопроектов об уравненіи прав всѣх сословій, свободѣ вѣроисповѣданія, уничтоженіи цензуры, отдѣленіи церкви от государства, уничтоженіи исключ. положеній и много других. Евреи требовали уничтоженія черты осѣдлости. — Началась борьба партій: монархисты и кр. правые отстаивали всѣ старые порядки. Пошли скандалы и дебоши, в которых отличались крайнія партіи.

сѣдатель и всѣ 3 лѣвыя партіи[1]) роспуску не подчинились, п е р е ѣ х а л и в В ы б о р г и собирались в гостин. „Бельведерѣ“ Роспуск Думы вызвал волненія и военные бунты; начались опять покушенія и убійства высших военных начальников. В Кронштадтѣ 20 іюля вспыхнул бунт в военных и морских командах. Восемь морских офицеров было убито, а к-адм. Н. А. Беклемишев был тяжело ранен в грудь. Я старался сдерживать свои команды, приводя их к присягѣ. В это же время на рейдах Финляндіи были бунты в Артиллерійском и минном отрядах; а в Гельсингфорсѣ на рейдѣ бунтовал миноносный отряд К. І. р. Князева. В Севастополѣ возобновились бунты в береговых экипажах и был убит двумя матросами из засады Гл. командир адм. Чухнин.

В Кронштадт был прислан из столицы гвардейскій полк для возстановленія порядка, и в два дня возстановилось видимое спокойствіе.

---

[1]) Начиная с кадет.


КАРТА ПЛАВАНІЙ
I^го плаванiе на Дальнiй Востокъ
II^го
III^е
IV^е тѣмъ Атлантическ. Океаномъ
V^е = тоже
по Сибирской ж. д.
С. Франциско
Нагасаки
Шанхай
Гонконг
Сингапур
Коломбо
Аден
Суэцкий
Порт Саид
Мальта
Неаполь
Марсель
Гибралтар
Лиссабон
Плимутъ
Копенгагенъ
Петербургъ
Николаевскъ
Владивостокъ

III -ья часть.

1906 — 1923 г.г.

НАЗНАЧЕНІЕ КОМАНДУЮЩИМ ЧЕРНОМОРСКОЙ ЭСКАДРОЙ 1906. г.

Убійство адм. Чухнина и постоянные бунты Черноморскаго флота вызвали рѣшеніе Мор. министра смѣнить в этом флотѣ всѣх главных начальников, прислав их туда из Балтійскаго флота: Гл. командиром — адм. Скрыдлова, нач. Штаба — адм. Сарнавскаго, командующим эскадрою — меня, командирами четырех броненосцев: К. I р. Эбергарта, Шульца[1]), Акимова, Петрова и Ергамышева.

3-го августа я представился Царю в Петергофѣ и, получив от него напутственныя благопожеланія о „приведеніи в христіанство" Черноморской эскадры, я уѣхал в Севастополь.

Черноморскій отряд („Пантелеймон", „Ростислав", „Три Святителя", „Кагул", „Пам. Меркурія", 8 миноносцев, заградитель „Дунай" и трансп. „Кронштадт") я принял от адм. Матусевича, уѣхавшаго отсюда в отпуск по болѣзни.[2])

Личный состав Черноморскаго флота не любил ходить в море. Флот держался на рейдѣ, связанный с берегом, гдѣ у каждаго почти офицера жила семья, а у многих был и свой домик. До постройки броненоснаго флота[3]) весь личный состав жил в захолустном Николаевѣ. Судов почти не было, и первые шаги морской службы молодых офицеров протекали в обстановкѣ хуторской жизни. Мичмана рано женились, за женой получали дом, или пригородный хутор и заводились семьей. Потом перейдя в Севастополь, гдѣ на новых судах требовалась линейная служба, офицеров притягивал берег, а корабль был для них лишь кратковременным мѣстом нѣсколькик часов ежедневной службы. Матросы тоже были связаны с берегом, у каждаго в городѣ была кума, а у старших были и жены.

Весь личный состав флота послѣ занятій в 5 ч. вечера разъѣзжался на берег, а на корабль всѣ возвращались только к подъему флага в 8 ч. утра. Весь вечер и ночь команды оставались однѣ без надзора, революціонныя комитеты могли без-

---

[1]) К. I р. Шульц был командиром 5-го судна моего отряда — крейсера „Кагул", переименованнаго на „Пам. Меркурія".

[2]) Он страдал от ран, полученных под Артуром в сраженіи 28 іюля (1904 г.)

[3]) Черноморскій броненосный флот — по волѣ Александра III — стал возрождаться лишь с 90-ых годов.

препятственно присылать своих агентов[1]), и всю ночь свободно вести в трюмах агитацію.

Я отдал приказ, чтобы всѣ офицеры обязательно ночевали на своих судах, возвращаясь с берега не позже 12-ти ч. ночи. Главному командиру я заявил, что стоять в Севастополѣ я с эскадрой не буду, а выведу ее в море для обхода постов. Постоянной стоянкою для рейдовых ученій я избрал „Двухякорную“ бухту[2]) (гдѣ нѣт соблазна для съѣзда на берег), а в Севастополь буду заходить не чаще 1 раза в мѣсяц для возобновленія запасов и погрузки угля. Скрыдлов опасался, чтобы с эскадрой не повторилась таже исторія, что было прошлым лѣтом с „Потемкиным“,[3]) который стоя один в пустынной „Тендровской“ бухтѣ, перебил всѣх судовых офицеров и пошел гулять по Черному морю, угрожая портам своими орудіями, когда тѣ отказывались отпустить ему провизію.[4]) Но вскорѣ Скрыдлов со мной согласился и я увел эскадру в море.

Черноморскіе офицеры (в особенности их жены) на первых порах отнеслись ко мнѣ и к новым судовым командирам балтійцам далеко не привѣтливо, но я имѣл поддержку этих командиров, и усвоенный в Балтикѣ Макаровскій лозунг — „в морѣ — значит — дома“ — („my ship is my hoom“) — стал постепенно усваиваться в Черноморском флотѣ. Надо было только создать такія условія плаванія, чтобы во 1) не было на эскадрѣ скуки и бездѣлія, во 2) заинтересовать личный состав морским дѣлом, и в 3) чтобы сверх занятій в плаваніи были отдыхи и развлеченія, т. е. обхожденіе своих и иностранных портов, спуск команд на берег, гонки на призы и двухсторонніе маневры.

За мѣсяц я обошел с эскадрой Ѳеодосью, Новоросійск, бухты кавказскаго побережья и Батум, производя на переходах различныя эволюціи. В „Двух-якорную“ бухту, я занимал команды прохожденіем курса орудійной стрѣльбы, подготовляя их к тѣм стрѣльбам, кот. были начаты мною на Балтійском отрядѣ.

На эскадрѣ мало-по-малу установилась „морская“ жизнь и не было скуки. Но к сожалѣнію Гл. Мор. Штаб прервал наши занятія, приказав с 1-го ноября эскадрѣ поступить в „вооруженный резерв“.[5]) Поневолѣ на всю зиму я остался с эскадрой на Севастопольском рейдѣ, но объявил судам, чтобы всегда были готовы к выходу в море — через 2 часа[6]) от момента

---

[1]) Они переодѣвались в матросскую форму и свободно пріѣзжали с берега на судовых же шлюпках.

[2]) На восточном берегу Крыма возлѣ Ѳеодосіи.

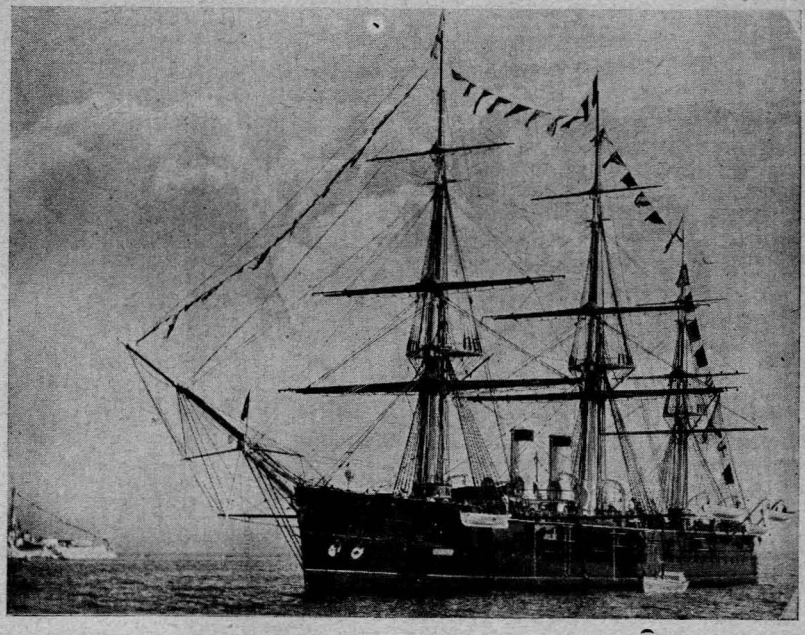
[3]) Командиром был К. І р. Е. Н. Голиков.

[4]) Видя безцѣльность болтаніи по Черному морю, он спустя нѣсколько недѣль зашел в порт Констанцію и сдался румынским властям. Команда его разошлась по Румыніи, но в послѣдствіи вернулась в Россію и была судима.

[5]) „Для сокращенія расходов“.

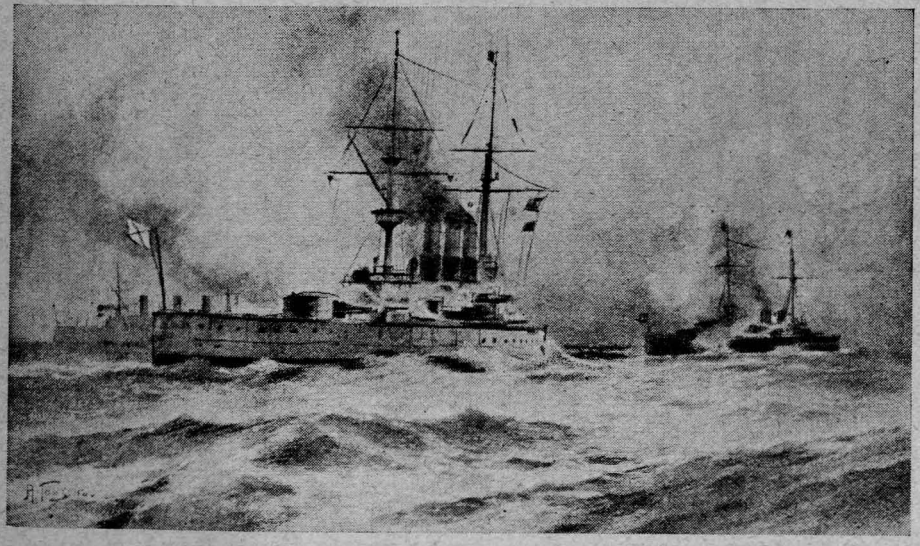
[6]) Время необходимое для разводки паров в половинном числѣ котлов.

Капитан I ранга А. Цывинскій
командир учебнаго судна „Герцог Эдинбургскій“



„Герцог Эдинбургскій.“

Командующій Черноморским флотом во время Великой войны адмирал А. А. Эбергардт.
До этого был начальником Морского Генеральнаго Штаба.



Бой „Св. Евсторія“ и крейсера „Когул“ с Турецким крейсером „Гебеном“
(„Султан-Селим“).

подъема сигнала и чтобы режим на судах оставался тот самый, что и во время кампаніи. В началѣ я поднял свой флаг на „Пантелеймонѣ“[1]) и, прожив на нем мѣсяц, я перешел на „Три Святителя“, затѣм — на „Ростислав“ (для ознакомленія с личным составом).

Усвоив обычай англійских капитанов — возвращаться на ночь всегда на свой корабль, я за два года командованія эскадрой — ни разу не ночевал на берегу. Офицеры, зная что адмирал может ночью пріѣхать внезапно на их корабль для производства тревоги[2]) — возвращались ночевать на свои корабли. И в первую зиму морскія дамы сильно на меня дулись и называли меня „строгій адмирал“. — Севастополь числился на военнном положеніи, а потому флот, считаясь в резервѣ, должен в то-же время быть „в боевой готовности“.[3]) Нѣсколько раз в зиму для провѣрки готовности адмирал Скрыдлов на мачтѣ своего штаба подымал внезапно сигнал „Кораблю (N) начать кампанію и выйти в море в (такой то) порт, вернуться через (столько то) суток“.

14 го ноября — в годовщину шмитовскаго бунта, с цѣлью отвлечь команды судов от печальных воспоминаній[4]), я устроил гонку всѣх шлюпок эскадры с призами, пригласив гл. командира с женой и морских дам. На верхней палубѣ под тентом был устроен „Five o'clock tea“, оркестр играл тущ каждой шлюпкѣ, приходившей первой, командам, получавшим приз давалось угощеніе: глинтвейн, пироги и фрукты. Гонка вызывала соревнованіе и спортивный азарт; политика в тот день была забыта, и береговая демонстрація успѣха не имѣла (она в самом началѣ была разсѣяна военной прогулкой по городу Брестскаго полка[5]), считавшагося черносотенным).

В теченіи зимы с 1906 — на 1907-ой год ни случаев нарушенія дисциплины, ни революціонных эксцесов на судах не было. Но я аккуратно получал 2 раза в мѣсяц подпольную газету, издаваемую Рев. Комитетом. В ней печатались вымышленныя и невѣроятно гнусныя обвиненія меня и командиров в жестокостях, порках людей розгами и увѣчьях. Обыкновенно команда, возмущенная ложными обвиненіями, передавала его боцману, а тот приносил его командиру и мнѣ. Но на берегу

---

[1]) Переименованный — тот самый „Потемкин“, который бунтовал в прошлом году.

[2]) Что по временам я дѣлал.

[3]) Помня печальные результаты „вооруженнаго резерва“ флота в П.-Артурѣ, Гл. Мор. Штаб теперь обусловил, чтобы эскадра в резервѣ была в „боев. готовности“. Это значит: на судах механизмы и котлы собраны, запасы угля и боевые—полные, команда в полном комплектѣ, и через два часа послѣ сигнала любому кораблю он должен выйти в море.

[4]) Мнѣ было сообщено, что на берегу революц. комитет (издававшій подпольную газету) собирался устроить демонстрацію и привлечь к ней наши судовые команды.

[5]) К-ром полка был полк. Думбадзе.

покушенія и убійства начальствующих лиц по временам случались. В порту рабочіе вывозили на тачкѣ старших мастеров, при этом нѣскольких изувѣчили, а одного офицера убили. Под коляску коменданта крѣпости Неплюева была брошена бомба. В генер. Думбадзе тоже была брошена бомба, но неудачно. Адм. Скрыдлов очень рѣдко выходил из своего дворца, и в этих случаях его конвоировал по улицам установленный шпалерами цѣлый баталіон Брестскаго полка.

Послѣ новаго года он уѣхал в Петербург. Я остался старшим и исполнял его обязанности. Я ежедневно съѣзжал с корабля на берег в Мор. Штаб принимать доклады, ходил по улицѣ без всякой охраны и никаким нападеніям не подвергался. Начальник Штаба адм. Сарнавскій также ходил свободно ежедневно по городу, а по вечерам гулял на Приморском бульварѣ [1]), окруженный тысячною толпою публики и матросов, и никаким покушеніям за два года он не подвергался.

1-го апрѣля Черноморскій флот начал кампанію. Я готовился с эскадрой пройти систематическій курс стрѣльб для „выработки метода управленія эскадренныйм огнем—на дальнія разстоянія" [2]). На судах эскадры спѣшно устанавливались новые оптическіе прицѣлы и дальномѣры „Бара и Струда". Из Мор. Техн. Комитета пріѣхала цѣлая комиссія артиллеристов и привезла с собой программу стрѣльб, каковая должна была затянуться на два года.

Скрыдлов был отозван в Петербург [3]), а на его мѣсто назначен молодой к-адмирал Вирен [4]). Он прибыл в Севастополь перед самой Пасхой и поселился во дворцѣ. Будучи по службѣ старше его, хотя в том же чинѣ, я по принятой этикѣ, заявил ему, что могу сдать эскадру и уѣхать на Сѣвер. Но он просил меня продолжать на эскадрѣ начатое дѣло. Я остался, и послѣ Пасхи ушел на Тендру со всей эскадрой. Там на пустынной косѣ был установлен огромный досчатый щит, по которому велась систематическая стрѣльба с бр. „Пантелеймона", с точно размѣреннаго разстоянія — 60 кабельтов (6 миль), а впослѣдствіи — с разст. 90 каб. (9 миль). На берегу возлѣ щита был обсерваціонный пункт, передававшій сигналами координаты для вычисленій артиллерійской комиссіи, имѣвшей цѣлью выработать теоретическія таблицы стрѣльб для больших разстояній [5]).

На остальных судах у утра до вечера подготовлялись наводчики, стрѣляя пулями из стволов Готчкиса, вставленных в

---

[1]) Лѣтом — по вечерам там играл портовый оркестр.

[2]) То же самое, что было начато мною на Балтійском отрядѣ.

[3]) Он был назначен членом Адмиралтейств-совѣта.

[4]) Тот самый который послѣ убійства адм. Витгефта был назначен командующим Порт Артурской эскадрой, сданной японцам вмѣстѣ с крѣпостью 20 дек. 1905 года.

[5]) Я упоминал ранѣе, что до сего времени в нашем флотѣ имѣлись таблицы только до растоянія 42 каб.

каналы больших орудій. Цѣлью были деревянные модели корабля, буксируемые полным ходом мимо в разст. 4—5 каб. Каждый наводчик дѣлал по нѣсколько сот выстрѣлов, чтобы сдѣлаться хорошим стрѣлком. Неудачники замѣнялись другими. В два мѣсяца получился новый комплект хороших стрѣлков и комиссія получила таблицы стрѣльбы до 100 каб. разст. В іюнѣ можно было приступить к одиночной[1]) стрѣльбѣ на ходу. Но чтобы развлечь команду я зашел в Севастополь и оттуда со всей эскадрой гулять по портам[2]) Чернаго моря, производя на переходах эволюціи а иногда и двухсторонніе маневры, задавая отряду миноносцев тактическія задачи (напасть напр. на меня ночью, или отыскать в морѣ эскадру, вышедшую по неизвѣстному курсу).

Мы зашли в Ѳеодосію, Новороссійск, Туапсе, Сочи, Гагры, Сухум и Батум, а миноносный отряд сверх того посѣтил и всѣ малыя бухты[3]). В портах команда спускалась на берег и на судах эскадры политика забылась. Из Батума я зашел в Синоп[4]) Турецкій генерал принял меня в своем канакѣ с почетным караулом, угощая черным кофе и сластями. Я его принял с таким же почетом и салютом — по чину. От шампанскаго вначалѣ он отказался, но когда его адъютант был уведен в каюткампанію (под каким то предлогом), он с удовольствіем осушил даже два бокала. Команда была здѣсь уволена на берег, турецкіе солдаты угощали ее фруктами, вернулась на суда в совершенном порядкѣ. Из Синона я зашел в бухту Ираклія[5]). Сама бухта ничѣм не замѣчательна, но в 15 милях отсюда на самом берегу моря имѣются копи, снабжающія турецкій флот углем. В виду стратегическаго значенія этой угольной станціи, я послал туда миноносный отряд ознакомиться с этим мѣстом под предлогом пополнить уголь, хотя в углѣ надобности не было. В Ираклія я сдѣлал визиты генерал губернатору прибрежной области. Это — важный сановник с европейским образованіем, хорошо говорящій по французски. Он принимал меня торжественно в присутствіи своего Штаба и угощая кофе. Я пригласил его со Штабом к обѣду, за которым были тосты за Султана и Царя. Вмѣсто шампанскаго ему наливался в бокал лимонад, но чины его штаба (два полковника и драгоман) пили вино исправно. Утром он прислал мнѣ в подарок[6]) весьма художественной работы Смирнскій ковер.

---

[1]) Каждый карабль особо.
[2]) На языкѣ черноморцев это называлось „кругосвѣтным плаваніем".
[3]) Керчь, Анапа, Геленджик, Нов. Авон, Поти.
[4]) Хотѣлось посмотрѣть тот историческій рейд, гдѣ в 1853 году Нахимов разбил турецкій флот, из за чего возгорѣлась крымская война.
[5]) На Анатолійском берегу, недалеко от входа в Босфор.
[6]) Турецкій обычай.

Затѣм мы прошли вплотную мимо входа в Босфор, с интересом осмотрѣли эту завѣтную мечту Черноморскаго флота и пройдя еще десяток миль, вошли в ближайшую бухту к сѣверу от Босфора. Она имѣет тоже важное стратегическое значеніе, как мѣсто для высадки русскаго десанта, на случай форсированія Босфора во время войны. На берег я никого не спускал, т. к. эта бухта турціей объявлена запрещенною для съѣзда иностранцев. 16-го іюля я вернулся в Севастополь[1]) за углем и щитами для стрѣльбы, но гл. командир меня не пустил уйти опять в Тандру или в Ѳеодосію для продолженія программы стрѣльб. Он получил „агентурные" доносы от „охранки" о каких то готовящихся бунтах в береговых командах и в порту, и предложил мнѣ остаться в Севастополѣ и отсюда выходить на стрѣльбы в море. Хотя в Севастополѣ стоял безвыходно цѣлый „учебный отряд"[2]) из 3-х броненосцев, но командам этого отряда не довѣрял сам начальник его. Он все еще помнил на этом рейдѣ шмитовскій бунт и будто имѣл своих „собственных агентов", пугавших его своими доносами[3]).

До осени я выходил с эскадрой в море на стрѣльбы и эволюціи, и к вечеру возвращался на рейд. Но по временам, случалось, гоняясь за лайбой, уйти далеко в море, тогда я ночевал на Качѣ, или в Евпаторіи. В октябрѣ к концу кампаніи мои командиры спѣлись и лихо управлялись на полном ходу во время эволюцій. Я мог с увѣренностью влетать полным ходом на Севастопольскій рейд, несмотря на узкій вход (устроен. гл. командиром) между 2-мя бочками,[4]) держась на разстояніи 2-х каб. между судами. Стрѣльбы на ходу в то время достигли хороших результатов. Начинались онѣ с 90 каб. по идущей под парусами лайбѣ; ближе 45 ти каб. я не подходил с эскадрой. Бой кончался обыкновенно через 15-17 минут (послѣ первой пристрѣлки), и лайба была пробита в 7-8 мѣстах, кромѣ паруса. Если она не была совершенно разрушена, то ее, притащив на рейд, старались починить, и вновь разстрѣливать. В противном случаѣ ее таранил какой нибудь корабль и обломки подбирались.

Осенью мнѣ однако удалось с эскадрой погулять по портам. Обошли все кавказское побережіе и заходили в Батум.

1-го ноября эскадра окончила кампанію, оставшись на Севастополь ском рейдѣ в „вооруженном резервѣ". В Петербургѣ в правительствѣ были в ту зиму большіяперемѣны,—мор. министр, адм. Бирилев был замѣнен адм. Диковым, а премьер-министром

---

[1]) Соскучившіеся женатые черноморцы тут уже дорвались до своего берега.

[2]) Под флагом к-адм. барона Нолькена.

[3]) Ожиданіе бунтов имѣло впрочем нѣкоторое основаніе, т. к. в то лѣто была распущена 2-ая с. Государств. Думы.

[4]) Ворота между бочками имѣли ширину лишь 200 фут. в обѣ отороны от них до берегов бухты были растянуты сѣти Буливана

был назначен П. А. Столыпин.[1]) Он весьма искусно умѣл держать в руках Гос. Думу, и в Россіи в его время возстановился порядок.

20 января 1908 г. я был вызван в Петербург для участія в Артиллерійском комитетѣ, составлявшем годовую программу дальнѣйших стрѣльб. Я взял с собой флагманскаго артиллериста кап.-лейт. Кетлинскаго[2]). Новый морской министр и высшія сферы флота интересовались серьезно результатами эскадренных стрѣльб, и об этом министр доложил государю. При моем представленіи царь, как и всегда, был очень привѣтлив, разспрашивал подробно о поведеніи команд на эскадрѣ и, заинтересованный нашими стрѣльбами, сказал мнѣ, что вскорѣ вызовет меня в Царское Село для обстоятельнаго доклада о всѣх наших маневрах. Вызванный телеграммой князя Орлова[3]), я 31-го января прибыл в Ц. Село. Царь принял меня в своем кабинетѣ, сидя за письменным столом. Он был простужен, постоянно сморкался и тянул носом. Я сидѣл рядом и, с чертежами в руках, излагал ему подробно (точно читал лекцію) всѣ детали наших эволюцій и стрѣльб. По его вопросам было очевидно, что он все усвоил, и в его глазах сіяла искра радости, что он понял то, что не было ему извѣстно раньше. Прощаясь со мной, он сказал, что осенью посѣтит эскадру, чтобы самому видѣть наши маневры.

В февралѣ я вернулся в Севастополь. К началу кампаніи на этот год число судов эскадры возросло до 20-ти вымпелов;[4]) прибавилась кононерка для стрѣльбы на волненіях, и 5 подводных лодок были присланы из Петербурга со своим отрядным начальником. В виду обилья судов различных типов ко мнѣ был назначен младшим флагманом адм. Сарнавскій[5]), ему был поручен отряд миноносцев с „крейсерскій“, и он поднял свой флаг на „П. — Меркурія“. В то лѣто в Черноморском флотѣ было около 26 вымпелов[6]), три адмиральских флага и один брейд - вымпел.

1-го апрѣля я начал кампанію, и обойдя по портам, вернулся в Севастополь и отсюда по составленной программѣ выходил ежедневно в море для стрѣльб и эволюціи. Крейсерскій

---

[1]) В 1912 г. в Кіевском оперном театрѣ убит (из револьвера) революціонером Дм. Багровым во время параднаго спектакля в присутствіи царя и высших властей.

[2]) В 1918 году, командуя отрядом судов на Мурманѣ, в чинѣ к. адмирала — убить матросами во время революціи.

[3]) Начальник собств. Е. В. канцеляріи.

[4]) 3 броненосца, кр. „П. Меркурія“, мин. заградитель „Дунай“, канонерка „Черноморец“, пар „Кронштадт“, 8 миноносцев и 5 подводных лодок. Сверх того на Севастоп. рейдѣ был еще особый „учебный отряд“ из 3-х старых броненесцев и 2-х пароходов под флагом адм. барона Нолькена.

[5]) В министерствѣ было предусмотрѣно, что к концу этого года, я исполнив программу и окончив ценз 2-х лѣтняго командованія эскадрою, буду отозван в Балтику, а на мое мѣсто эскадру пріймет адм. Сарнавскій.

[6]) Не считая яхты гл. командира и портовых судов.

отряд и подводныя лодки принимали участіе в наших маневрах. За мѣткость стрѣльбы комендоры получали большіе денежные призы (от 25 до 150 рублей); за открытіе подводной лодки давались также призы. За быструю погрузку угля (мах. 170 тонн в час) команда корабля отпускалась не в очередь на берег. На эскадрѣ началось соревнованіе и состязаніе между судами, а это вѣрный залог хорошаго успѣха. К началу іюля механики легко держали полный ход (13½ узлов), рулевые ровнялись, и командиры лихо управлялись на всѣх эволюціях[1]).

В это время всѣ снаряды, назначенные программою, были уже израсходованы и 5—6 лайб разстрѣлены. Артиллерійскій бой кончался в 7—8 минут.

О стрѣльбах Черноморской эскадры провѣдали иностранные морскіе агенты в Петербургѣ. И в іюлѣ м-цѣ прибыл в Севастополь вначалѣ американскій агент, а вслѣд за ним германскій — адм. Гинце[2]). Остановились они в гостинницѣ „Кист“ (выходящей окнами в море). Побывали с визитом у гл. командира, пробовали заговорить о занятіях эскадры, но от него ничего не узнали. Американец вскорѣ уѣхал, а Гинце остался и наблюдал из окон гостинницы наши выходы в море. В тѣ дни я уходил дальше и он ничего не видѣл. Тогда он пріѣхал ко мнѣ на корабль с визитом и сообщил, что ѣдет в Ялту, но вид Севастополя и моря его так привлекает, что он рѣшил провести здѣсь нѣсколько дней. Я принял его как подобает — любезно — шампанским, и согласился с ним, что виды Крыма несомнѣнно прекрасны. Говорил он затѣм о маневрах эскадры; я на это сказал, что это обычная лѣтняя практика, какую ведут всѣ военные флоты. С тѣм он уѣхал в Ялту.

Вскорѣ прибыл французскій агент капитан 2 ранга Marquis de-Bellois и привез письмо от морского министра с разрѣшеніем не скрывать перед ним о ходѣ наших маневров. Он выразил сомнѣніе, чтобы на разстояніях 45 ти кабельтов можно было достичь хорошей мѣткости[3]), и потому во французском флотѣ такое разстояніе считается максимальным. На это я ему возразил, что у нас корректирует стрѣльбу не наводчик, а офицер, находящійся на марсѣ (высоты 100 фут.) Я предложил ему на слѣд. день вмѣстѣ отправиться в море на нашу обычную стрѣльбу по лайбѣ.

Вѣтер был довольно свѣжій, лейба бѣжала быстро под большим парусом. Продѣлав вначалѣ нѣсколько эволюцій на полном ходу эскадры, мы в разстояніи 90 каб. начали при-

---

[1]) Я иногда во время авартной стрѣльбы на полном ходу эскадры дѣлал довольно рискованный маневр „человѣк за бортом“ — бросая буек с полнаго хода; всѣ стопорили машины, спускали шлюпки и подымали буек.

[2]) Он числился состоящим при особѣ государя — аташе от Импер. Вильгельма.

[3]) Объяснялось это тѣм, что на этом разстояніи наводчик уже не видит мѣста паденія снаряда, т. к. оно уже под горизонтом.

стрѣлку „вилкой“и, произведя залп всею эскадрой, сдѣлали вторую пристрѣлку и второй залп, по которому лайба была разбита и легла. Вся стрѣльба вмѣстѣ с 2-мя пристрѣлками продолжалась 17 минут. Маркиз слѣдил со мною на мостикѣ за всѣми манипуляціями управляющаго огнем старш. артиллер. офицера. В корпусѣ лайбы сосчитали 6 пробоин и на парусѣ три дыры. Маркиз остался очень доволен. В французском журналѣ „Le Yahtte“ появилась статья о нашей стрѣльбѣ и маневрах эскадры без описанія пріемов, которые считались секретными.

Эскадра заслужила отдых и я, взяв с собой и крейсерскій отряд, ушел гулять по Черному морю.

Из Батума я на этот раз пошел в гости к Болгарам, в Бургас и в Варну к принцу Фердинанду. В Бургасѣ на открытом рейдѣ стоять неудобно и я оставался там не долго. Съѣхав со своим флаг-капитаном[1]), я был встрѣчен на пристани депутаціей от города и собравшейся публикой со школами мужской и женской. Директор школы прочел мнѣ привѣтственный адрес в котором вѣчно благодарные „братушки“ радостно привѣтствуют представителя великодушной Россіи, избавившей Болгарію от тяжкаго 400-лѣтняго турецкаго рабства“. Эти сладкія слова, в которых чувствовалась лесть, низкопоклонство и неискренность не произвели на меня пріятнаго впечатлѣнія[2]).

Поблагодарив я громко провозгласил „да здраствует живіо! свободная Болгарія и ея народ — „наши братушки“! — Когда я двинулся к коляскѣ, я был очень смущен, когда ученицы стали сыпать мнѣ под ноги розы. Я не знал что дѣлать, и подняв одну, я воткнул ее в петлицу мундира и, сѣв в коляску с флаг-капитаном, я отправился вначалѣ в Собор, гдѣ ждал меня архіерей с кратким молебном: отсюда я зашел к нему в дом с визитом, а затѣм посѣтил городского мэра, префекта и начальника гарнизона; всѣх их на сдѣд. день я пригласил на корабль к обѣду, а вечером ушел в Варну.

Это уже благоустроенный порт: гавань обширная с каменным молом[3]), глубина 22 фута. В гавани стоял пароход-яхта „Надежда“[4]) под военным флагом, и три миноносца. Возлѣ гавани за узким перешейком лежит озеро, в котором болгарское правительство предполагает построить военный порт, прорѣзав в перешейкѣ ворота со шлюзом. За гаванью — город, он быстро растет, как единственный экспорт и импорт для богатой зем-

---

[1]) К. 2 ранга М. М. Остроградскій. В 1918 году был тов. Мор. Министра в отдѣлившейся от Россіи Украйнѣ.

[2]) Вѣдь Россія не могла забыть, как скоро послѣ освобожденія Болгаріи в 80-тых годах Болгаре выгнали из страны русских министров и самого принца Александра Батенберга.

[3]) Построенный на собств. средства принца Фердинанда.

[4]) Подарок Россіи. Капитан „Надежды“ и всѣ офицеры — молодые Болгаре, воспитывавшіеся в Морском Училищѣ в Петербургѣ

ледѣльческой страны, вывозившей пшеницу, виноград, лѣс, овощи в азіятскую Турцію и Грецію. За Варной начинаются отроги Балканских гор и здѣсь уже видны у берега скалистые обрывы, и в перемѣшку — балки. На живописном высоком мысу висит у самаго берега, окруженный роскошной зеленью, лѣтній дворец принца Фердинанда „Евкеиноград". Он там обыкновенно проводит лѣто. Но нѣсколько дней назад он уѣхал с семьей в Софію, и прислал за мною министерскій поѣзд, пригласив меня в Софію. Другой поѣзд был назначен для наших офицеров и боцманов, чтобы доставить им возможность проѣхать в Плевну, гдѣ россійская армія в 1877 году положила сотни тысяч людей. Там в честь павших русских героев недавно был открыт храм-памятник[1]).

20-го іюля я с флаг-капитаном и прикомандированным ко мнѣ лейтенантом Болгарскаго флота уѣхал в Софію. Дорога шла по зеленым полям, меж болгарских хуторов, окруженных садами; жирные снопы снятой пшеницы были уже собраны в высокіе скирды. От засухи и солнца почти каждое поле было густо обсажено тѣнистыми липами, а то и цѣлыми рощами слив. В рощах очень часто виднѣлись колодцы. Повсюду был виден достаток, крестьянское культурное хозяйство и сытость „братушек". Но по пути попадались иногда и Турецкія селенія, они казались запущенными, грязными, с засохшими деревьями.

Вдали тянулся Балканскій хребет. На рѣдких вершинах его были видны бѣлыя снѣжныя шапки, хотя іюльское солнце палило жестоко.

В полдень были в Плевнѣ; на станціи была собрана депутація офицеров мѣстнаго гарнизона во главѣ с комендантом; стоял почетный караул со знаменем и оркестром, игравшим русскій гимн[2]). Комендант привѣтствовал; я ему отвѣтил и отдал честь знамени и караулу. Но на приглашеніе завтракать, объяснил, что спѣшу в Софію к принцу, а офицеры прибудут слѣдующим поѣздом.

Вечерѣло когда мы свернули на юг, проходя в обрывах, прорѣзывающих хребет, направляясь в Софію. Здѣсь в живописных горах было нѣсколько тонелей. В Софіи, на вокзалѣ нас встрѣтил россійскій посланник г. Сементковскій-Курилло и повез к себѣ. Его семья нас ожидала в столовой за ужином и ночевали в посольствѣ, а на утро посланник повез меня с визитами к столичным властям. Дѣлая визиты, я объѣхал весь город. На улицах чисто, мостовая — плитняк и много новых красивых домов; часто сады, каштановыя аллеи и вообще много

[1]) На открытіе его ѣздили в Болгарію В. К. Владимир Ал-ч и с этого времени возобновились с Фердинандом дружественныя отношенія.

[2]) В Плевнѣ ожидали поѣзда с офицерами, полагая, что я ѣду вмѣстѣ с ними для посѣщенія Плевны. На вокзалѣ был приготовлен завтрак.

зелени. В центрѣ, на площади, конный памятник Александру II-му, возлѣ — монументальное новое зданіе „Народнаго Собранія". В 7 ч. вечера, одѣв парадный мундир и всѣ ордена, я отправился к принцу. Он принял меня в русском мундирѣ[1]) и Андреевской лентѣ. Сидя со мной в своем кабинетѣ, он выразил удовольствіе, что Черноморскій флот посѣтил Болгарскіе порта и выразил сожалѣніе, что не мог быть у меня на эскадрѣ, т. к. государственныя дѣла вызвали его неожиданно в столицу. Разспрашивал долго о состояніи нашего флота. Говорил об оборудованіи Варненскаго порта на его собственный счет и о недостаткѣ средств на постройку флота. С французскаго языка он перешел на русскій, но это был испорченный болгарскій; на нем он говорит хорошо, но с нѣмецким акцентом. Говорил он о новом храмѣ в Плевнѣ и о дружбѣ своей с В. К. Владимиром и его женой Маріей Павловной[2]). Прощаясь, он сказал, что увидит меня сейчас за обѣдом.

В большом залѣ дворца собрались приглашенные к обѣду. Были всѣ министры с премьером Малиновым во главѣ, гофмейстер двора и двѣ придворныя дамы; из морских чинов, кромѣ меня и флаг-капитана, было болгарских два офицера: капитан I ран. занѣнявшій мор. министра[3]) и мой attaché.

Из внутренних покоев принц вышел под руку с принцессой, за ними шли два сына — наслѣдник Борис[4]) и младшій Кирилл. Сдѣлав гостям общій поклон, принц представил меня принцессѣ, а потом двинулся с нею в парѣ вкруг зала, за ними всѣ гости в „кильватер" — попарно. Сдѣлав три тура, эта процессія перешла в сосѣдній столовый зал.

В большой столовой, освѣщенной электрич. люстрами, был богато сервирован стол с старинной бронзою, севрским фарфором и цвѣтами. Этикет—придворный — за каждым стулом стоял валет в ливреѣ с гербами Принца Кобургскаго. В центрѣ стола— друг против друга сѣли принц и принцесса, по обѣ стороны хозяйки сидѣли русскій посланник и я, слѣва от меня сидѣл премьер-министр Малинов. По обѣ стороны принца — мой флаг-капатан и военный министр — старый генерал Марков.

В разговорѣ со мною принцесса вспоминала свою службу старшей сестры на санитарном поѣздѣ в Японскую войну[5]), и перешла на русскій язык, изучив его за два года службы. Принцесса — старая женщина, но вышла замуж недавно за вдоваго

---

[1]) Принц числился генералом русской арміи и был шефом Минскаго полка и имѣл орден „Андрея первозваннаго".

[2]) Из Мекленбург — Шверинскаго дома — ея имя Элеонора. Мать вел. к. Кирилла Владимировича.

[3]) За неимѣніем флота в Болгаріи нѣт мор. министра.

[4]) Борис — крестник Императора Николая.

[5]) Санит. поѣзд имени В. К. Маріи Павловны — ея кузины. Поѣзд отвозил раненых русских воинов из Манджуріи в центральную Россію.

принца, ему сосватала свою кузину В. К. Марія Павловна. Сыновья принца от первой жены — принцессы Орлеанскаго дома. Принц породнен с австрійским, германским, и старым французским дворами.

Обѣд отличался тонкими блюдами[1]) и хорошими винами, старый рейн-вейн наливался в венеціанскіе бокалы. Но сам принц пил минеральную воду. Принц поднял бокал за Царя Николая и русскій флот. Наш посланник отвѣтил: — за принца, принцессу и болгарскую армію. Потом принц по русски обратился ко мнѣ: „за ваше здоровье". За обѣдом на хорах играл военный оркестр. Послѣ обѣда курили в зимнем саду, там подавали кофе и фрукты. Принцесса курила с нами, пріобрѣтя эту привычку на санитарном поѣздѣ. Она очень проста и привѣтлива, но весьма некрасива. Послѣ принц вызвал меня в тронный нал и вручил мнѣ Болгарскій орден 1-ой степени (звѣзда и крест за желто-черной лентѣ через плечо) „За военна заслуга".

Часов в 11 разносили гостям „соду-виску" и подавали чай. Затѣм хозяева простились и ушли в свои внутр. покои.

Слѣдующій день я объѣзжал с визитами всю русскую колонію — членов посольства и русских военных агентов. Вернувшись на эскадру, я получил приглашеніе от офицеров Варненской бригады на обѣд, даваемый офицерам эскадры в отвѣт на пріем, дѣланный адмиралом Сарнавским в мое отсутствіе.

100 офицеров — наших и болгарскаx собралось в манежѣ, украшенном зеленью и флагами обѣих націй. Много было дружественных рѣчей и тостов, пили изрядно с ног - сшибательной болгарской „сливницы"[2]), от которой потом с непрывычки болѣла голова. От полдня обѣд этот затянулся до 5 ч. вечера. Нашим командам город также давал обѣд послѣ посѣщенія Плевны.

24-го іюля утром я выслал в море крейсерскій отряд и дал ему тактическую задачу—отыскать меня с эскадрой в морѣ, причем ни время моего ухода из Варны, ни направленія[3]) эскадры ему неизвѣстно. Когда совершенно стемнѣло я вышел с эскадрой на сѣвер — как бы направляясь в Одессу. Утром до полдня, на аппаратах радіо стали получаться сигналы: было очевидно, что гдѣ-то недалеко ищут меня миноносцы и возможно, что теперь они меня видят, но нам их невидно[4]). Часа через два я был окружен всѣми восьмью миноносцами. Я благодарил их сигналом и всѣ вмѣстѣ пошли в Севастополь. За успѣшную

---

[1]) Принц большой гурман в молодости — теперь тянул одну ногу, страдая подагрою.

[2]) Крѣпкая болгарская водка из слив.

[3]) Я должен был идти будто в Севастополь.

[4]) Малая высота корпуса миноноснаго и уголь бездымный — кардиф—дают возможность им легко скрываться. Наоборот — высокій рангоут и дымовыя трубы броненосцов видны издали.

находку, миноносная команда была спущена не в очередь на берег.

В Севастополѣ, пополнил запасы, и на весь август ушел на Тендровскій рейд. Там артиллерійская комиссія должна была дополнить опытной стрѣльбой нѣкоторыя детали новых таблиц, а три раза в недѣлю я выходил в море для эволюцій и эскадренных стрѣльб на максимальных разстояніях — до 110 кабельтов — (ll миль). В Одессу по праздничным дням ходил миноносец, и иногда — два — за свѣжей провизіей, и для съѣзда на берег желающих офицеров и всѣх комендоров — наводчиков очереднаго корабля.

15-го августа темной ночью тихо вошел на рейд, точно крадучись, — адм. бар. Н....н на учеб. суднѣ. Не показывая позывных, он стал вдали от эскадры и вскорѣ на вельботѣ прибыл ко мнѣ сам барон.[1]) Тихо войдя без доклада в мою каюту и, оглядываясь нѣт-ли посторонних слушателей — сѣл на мою койку и шопотом спросил: „правда ли, что вы ранены, командиры перебиты, а уцѣлѣвшіе офицеры спаслись бѣгством на косу[2])?“ — Я предложил ему папиросу, приняв его вопрос за шутку. Но он продолжал с серьезной миной: „главный командир поручил мнѣ взять вас незамѣтно ночью к себѣ на мой транспорт и привезти в Севастополь, гдѣ вы можете укрыться, а когда уляжется бунт, я со своим Учебным Отрядом пойду с заряженными пушками, заставлю их сдаться и, вынув из пушек бойки — приведу усмиренную эскадру в Севастополь под конвоем своих кораблей“. — Я позвонил вѣстоваго, приказал подать чай и, привстав на койкѣ, посмотрѣл на барона. „Скажите барон, вы все это в шутку, или в серьез?“ — Он, продолжая говорить таинственным шопотом, спросил: „неужели это все сказки? — мы вѣдь имѣем точныя „агентурныя“ донесенія“. — „Это, барон, не только — сказки, но провокаторская ложь! Мои команды заняты своим дѣлом. Если-бы был хоть слабый намек на бунты, то мы и сами сумѣем оправиться с ними. А уже бросить эскадру и спасаться бѣгством я бы не мог ни в каком случаѣ. Передайте гл. командиру, что, если он боится так Тендры[3]), то я могу прійти в Севастополь, но не один, а со всею эскадрою и не сейчас, а когда комиссія закончит провѣрку таблиц“. Барон уѣхал и незамѣтно покинул рейд.

Дня три спустя гл. командир прислал мнѣ телеграмму —

---

[1]) На вопрос нашего часоваго „кто гребет?“ он у борта отвѣтил „матрос!“

[2]) Гл. Командир получил от севастопольской жандармской охранки весьма „точныя“ агентурныя донесенія, что у меня на эскадрѣ готовится всеобщій бунт команд. А по „собственным“ свѣдѣніям самого барона — „бунт будто уже состоялся“.

[3]) Черноморскіе моряки боялись этого пустыннаго Тендровскаго рейда с тѣх пор, как на нем бунтовал „Потемкин“ (1905 г.). Когда я в прошлом году уходил туда в первый раз, то получил от нѣскольких жен боцманов и кондукторов анонимныя письма с просьбой не ходить в это страшное мѣсто.

„вернутья с эскадрой в Севастополь". — 20-го августа я стал на свои бочки на Сѣверном рейдѣ.

От гл. командира, я узнал большія новости. В силу производившихся реформ[1]) „По управленію флотом и Мор. Вѣдомством" — береговая должность гл. командира упраздняется, а вмѣсто нея будет должность „командующаго мор. силами Чернаго моря" — с постоянным пребываніем на эскадрѣ. На эту должность назначен к-адм. Бострем[2]). Я — возвращаюсь в Балт. флот[3]), как окончившій 2-х лѣтній цензъ, а на мою должность назначается к-адм. Сарнавскій. Бывшіе со мною всѣ командиры — балтійцы отзываются.

Я был совершенно удовлетворен, что за свое двухлѣтнее командованіе эскадрой, мнѣ удалось направить ее и привести к боевой готовности. Я ждал пріѣзда к-адм. Бострема, чтобы сдать ему ее в м о р ѣ — на ходу, со стрѣльбой и эволюціями. Он вскорѣ пріѣхал, и поднял свой флаг на яхтѣ „Эриклик".

20 го августа я вмѣстѣ с адм. Бостремом вышел с эскадрой в море. Пустили под парусом послѣднюю еще новую лайбу и с разстоянія 90 кабельтовых продѣлали вначалѣ на полном ходу эволюціи, а затѣм, перейдя в строй курсовой дуги, начали эскадренный бой.

Мои командиры на послѣднем дебютѣ лихо управялись своими кораблями. Когда эскадра была в строѣ фронта, Бострем пожелал сдѣлать рискованный маневр:[4]) „Человѣк за бортом"; с выстрѣлом пушки был брошен буек, и всѣ корабли с полнаго хода встали на мѣстѣ как вкопанные; через минуту был спущен вельбот, он поднял буек, а через 5 минут, эскадра двинулась дальше и полным ходом продолжала маневры. С разстоянія до лайбы 90 каб. началась пристрѣлка; спустя 7 минут был сдѣлан залп, затѣм — вторая пристрѣлка, и через 8 минут второй залп по лайбѣ и она утонула. Затѣм новый начальник смотрѣл миноносные маневры, их представлял ему адм. Сарнавскій.

5-го сентября утром в 10 ч. с адмиралом Сарнавским я объѣхал всѣ суда, прощаясь с командами; на всѣх судах меня провожали криками ура! Потом в Морском Собраніи офицеры эскадры чествовали меня завтраком во главѣ с адм. Сарнавским и начальником берег. Штаба К. 1 р. Сапсаем. Мнѣ было поднесено художественно исполненное акварелью меню с изображеніем выхода эскадры с Севастопольск. рейда на стрѣльбу, с росписью всѣх офицеров, участвующих за завтраком. В прощальных рѣчах черноморцы отмѣтили, что „эскадра теперь и два года назад — представляет огромный контраст: тогда офи

---

[1]) По требованію Госуд. Думы.

[2]) Бывшій товарищ Мор. Министра, не нравившійся Гос. Думѣ, и потому смѣненный.

[3]) С назначеніем младшим флагманом Балт. флота.

[4]) Этот маневр вполнѣ безопасен при всѣх строях, но не в строѣ фронта

церы боялись команд, и возвращаться на свой корабль считалось для них тяжелой повинностью, а теперь мы гордимся каждый своим кораблем. Теперь нам вполнѣ ясно, что „строгій адмирал“ был правъ, заставив нас корабль считать своим домом“—. Пожелав им дальнѣйшаго прогресса в тренировкѣ эскадры к боевой ея готовности, я сердечно простился и покинул Морское Собраніе.

На своем кораблѣ я, поблагодарив офицеров и команду за совмѣстную службу, приказал спустить мой флаг, и на катерѣ поѣхал по рейду п р я м о н а в о к з а л. В этот момент мой флаг тихо спускался и по рейду гремѣл салют этому флагу. На перонѣ вокзала я застал всѣх офицеров эскадры во главѣ с адмиралами Бостремом и бар. Нолькеном. Тут-же был выстроен эскадренный оркестр. За шампанским Бострем произнес краткую рѣчь, я отвѣтил тѣм-же и, тронутый столь сердечными проводами, я перецѣловался со всѣми. Лишь только двинулся поѣзд, хор заиграл морш... Прощай Севастополь! Я чувствовал себя совершенно счастливым. По дорогѣ я заѣхал в Окуловку к семьѣ. Там я застал и свою дочь Наталію, пріѣхавшую из Гельсингфорса, гдѣ ея молодой муж командовал миноноскою. Я торопился в Петербург, чтобы устроить для семьи квартиру и опредѣлить сына в Морской Корпус. Жорж выдержал 5-ым, был принят на казенный счет и очень гордился, одѣв кадетскій мундир.

Я числился в должности младшаго флагмана и был первым кандидатом для производства в слѣдующій чин[1]). Но вице-адмиральскія вакансіи всѣ были заняты и я состоял при Главном мор. Штабѣ, предсѣдательствуя в различных комиссіях.

Балтійскій флот судов имѣл очень мало. Заграницу посылался лишь один отряд из 3-х броненосцев[2]) с молодыми гардемаринами. Он ходил на один год в Средиземное море. В Балтійском морѣ плавали только учебные отряды: артиллерійскій, минный и кадетскій. В виду печальнаго результата японской войны Государственная Дума открыла кампанію[3]) против Мор. Вѣдомства, требуя реформ и сокращенія личнаго состава. Министерство представило проект программы постройки новаго боеваго флота (Дредноты, крейеера, истребители, подводныя лодки и проч.) и требовало ассигнованія на это свыше 500 милліонов рублей. Дума отложила ассигнованіе до проведенія новых реформ и поголовнаго увольненія в отставку старых адми-

---

[1]) Как окончившій ценз контр-адмиральскій — 2-х лѣтняго командованія эскадрою. А лично представиться государю я не имѣл возможности, п. ч. он был в то время на „Штандартѣ“ в финляндских шкерах и принимал франдузскаго президента или Вильгельма.

[2]) „Слава“, „Цесаревич“ и „Александр II-ой“ под командою к-адм. Литвинова.

[3]) Под науськиванія писателей „Брута“ и Меньшикова.

ралов и высших чинов Мор. Техническаго комитета, Гл. Мор. Штаба и Адмиралтейств Совѣта.

В угоду Думѣ в ту зиму „жертвою пало“ около 20 человѣк[1]), и сам министр старый адмирал Диков подал в отставку. Его смѣнил молодой к адм. Воеводскій, но Дума не могла его переварить. Вмѣсто него в Думѣ являлся товарищ министра к-адм. Григорович[2]). Этот умѣл ловко подлаживаться, обѣщая Думѣ все, что угодно, и какія угодно реформы.

Реформы состряпали в 2—3 мѣсяца, перемѣнив названія нѣскольких высших учрежденій[3]) Но адм. Григорович, под шумок дебатов, отважилсл на свой страх заложить в Петербургском Адмиралтействѣ четыре дреднота по проекту Куниберти[4]). по 23.000 тонн водоизмѣщенія.

Молодой министр, выскочившій по случайной протекціи на этот пост и сам не имѣвшій вице-адмиральскаго чина, оттягивал представленіе государю о производствѣ, меня и еще двух контр-адмиралов[5]), имѣвших ценз на высшій чин.

В маѣ я нанял в Гатчинѣ зимнюю дачу и переѣхал туда с семьей на круглый год[6]). Дочь моя младшая Ольга перешла в Гатчинскую гимназію. В Петербург я ѣздил раза два в недѣлю в разныя комиссіи, а все остальнве время мы жили в Гатчинѣ точно в корортѣ: гуляли в Пріоратѣ, в Дворцовом паркѣ с его живописными прудами и прозрачной, на рѣдкость, водой. Бывали часто в Звѣринцѣ, там цѣлыми стаями пасутся олени, было там нѣсколько медвѣдей, лисиц и одна ручная волчица. Сын ходил в это лѣто в первое кадетское плаваніе, но в концѣ іюля их отпустили на каникулы до I го сентября. Весь август, занимался велосипедным спортом, в котором он достиг виртуозной ловкости. Вдвоем с сестрой они устраивали по временам дальнія экскурсіи, напр. в Царское Село, или в Павловск и обратно.

В это лѣто тов. министра адм. Григорович поручил мнѣ принять в казну недавно построенную на Копенском озерѣ[7]) пристрѣлочную станцію для мин Уайтхеда. Между озером и берегом Капорской Бухты был шириною 2 версты перешеек, поросшій лѣсом, через него была проложена на высоких столбах

---

[1]) Между прочими: адм. Скрыдлов, Верховскій, Вирениус, Нидермилер, Сидеснер, Никонов, Лавров, Рожественскій и многіе другіе.

[2]) Был командиром порта в П. Артурѣ во время его сдачи.

[3]) „Морской Технич. комитет“ переименовали в „Гл. Управленіе Кораблестроенія“, а гл. упр. кор.-в „Главн. Хозяйств. Упр-ніе“. Морской корпус — в „Мор. Училище“, „Гл. Инспекторов“ назв. — Нач. Отдѣлов.

[4]) Четыре центральныя башни с 3-мя орудіями 12-ти дюймовыми в каждой.

[5]) К-адм. Успенскій и Лилье.

[6]) Это требовалось для здоровія младшей моей дочери Ольги, несносившей Петербургскаго климата.

[7]) У южнаго берега Финскаго залива, за Красной горкой, возлѣ Капорской бухты.

проволочная висячая дорога, соединяющая пристань бухты со станціей. По проволочным канатам, — дѣйствіем электро-мотора катались взад и вперед подвѣшенныя кресла для пассажиров. Таким-же образом пересыпались с пристани на станцію привезенныя для пристрѣкли мины и разные грузы.

Лѣтом в хорошую погоду такое воздушное катаніе над лѣсом доставляет забавное удовольствіе.

Окончив пріемы, я вернулся в Капорскую бухту, а оттуда на миноносцѣ зашел в Кронштадт навѣстить семью адм. Вирена, назначеннаго Гл. командиром.

В осень Государь, проѣздом в Ливадію — остановился в Севастополѣ, чтобы сдѣлать смотр стрѣльбам и маневрам бывшей моей эскадрѣ; — за эти маневры, сопровождавшіе его министр Воеводскій и к-адм. Бострем были произведены в вице-адмиралы.

ЧЕРЕЗ СИБИРЬ ВО ВЛАДИВОСТОК.

В февралѣ, когда во флотѣ производятся т. наз. „Инспекторскіе смотры“ — я получил приказ — произвести инспект. смотр экипажам и судам Петербургскаго порта, а затѣм произвести смотр Тихоокеанской эскадрѣ и судам Владивостокскаго порта.

В теченіи 10 дней дѣлал смотр зимующим на Невѣ кораблям, а на берегу — экипажам и порту. Мнѣ в помощь был назначен флаг-офицер молодой энергичный лейтенант.

10 го марта мы с ним отправились во Владивосток по Сѣверной дорогѣ — через Вологду и Вятку. Я взял купэ I-го класса в очень удобном новом поѣздѣ, и за 10 дней долгой дороги мы составили подробный отчет о Петербургских смотрах. Я был очень доволен, что этот случай, хоть из окна вагона, дал мнѣ возможность увидѣть Сибирь и Сѣвер Россіи. Вскорѣ за Уралом путь шел по безконечным степям с богатой черноземной почвой; далѣе — в бассейнѣ Енисея потянулась тайга непроходимых лѣсов, затѣм Красноярск с исполинским мостом, и на 6-ые сутки мы прибыли в Иркутск.

Здѣсь пересадка в другой поѣзд.[1]) За Иркутском поѣзд, подойдя к Байкалу, сворачивает вправо и описывает дугу по крутому обрыву южнаго берега озера.[2]) Вид этого дикого мѣста весьма живописен: в глубоком ущельи величественных гор, поросших зеленым дѣвственным лѣсом — лежит Байкальское синее море. За Байкалом — Чита, потом граница Манд-

[1]) Петербургскій поѣзд, пройдя 4000 слишком верст, подлежит осмотру и ремонту.

[2]) „Кругобайкальская дорога“,

журіи. В манджурских степях часто попадались степные пожары[1]): горѣла сухая трава на большом протяженіи по всему горизонту, а иногда и вблизи самой дороги. Пошли манджурскія станціи: Хайлар, Цицикар и Харбин. Потом опять граница, русскій Никольск и наконец — Владивосток.

В Иркутскѣ сѣла бальзаковскаго возраста миловидная дама; провожавшій ее молодой подпоручик очень трогательно с нею прощался. На пути за обѣдом, в столовом вагонѣ-ресторанѣ, она оказалась весьма общительной, и заговорила сама с моим адъютантом. Ѣздила в Иркутск к родным, а теперь возвращается к своему мужу — командиру полка в глухом Никольск-Уссурійском.[2]) Молодой лейтенант — высокій красивый брюнет — ей видимо, очень понравился. Было несомнѣнно, что эта полковая дама была из числа тѣх, что любят слушать „ночных соловьев". Лишь неудобная обстановка вагона была помѣхой полному успѣху этого краткаго дорожнаго романа.

Во Владивостокѣ была уже весна, лед разстаял и горы кругом зазеленѣли. К-адмирал Успенскій,[3]) флаг держал на кр. „Богатырѣ" и жил на нем всю зиму,[4]) хотя был в вооруженном резервѣ. Под его командою состоял весь мѣстный флот, в том числѣ и портовыя суда. Я поселился во дворцѣ командира порта и ежедневно с утра выѣзжал на рейд для смотра судов.

Затѣм был осмотрен порт, мастерскія, арсенал с артиллерійскими и минными складами. Два дня ушло на смотр сибирскому экипажу, в котором были обнаружены значительныя злоупотребленія экипажнаго казначея.

Мнѣ было очень жаль командира — человѣка вполнѣ честнаго[5]) (георгіевскаго кавалера) — довѣрявшаго казначею, который его-же и подвел. Мы употребили цѣлый день на поѣздку на „Русскій Остров" для осмотра пристрѣлочной станціи, устроенной в бухтѣ Новик для мин Уайтхеда. По случаю наступивших праздников пришлось оттянуть окончаніе смотров до 3-го дня Пасхи.

Уже в пятницу страстной недѣли мы с адъютантом были заблаговременно приглашены Успенским на „Богатырь" к пасхальной заутрени и разговляться.

Но в субботу утром из Петербурга была получена телеграмма, что к адм. Успенскій произведен в вице-адмиралы, а я

---

[1]) Нам говорили, что мѣстные жители — манджуры сами поджигают траву для удобренія почвы.

[2]) Городок исключительно военнаго характера недоѣзжая до Владивостока. В нем расквартировано нѣсколько полков.

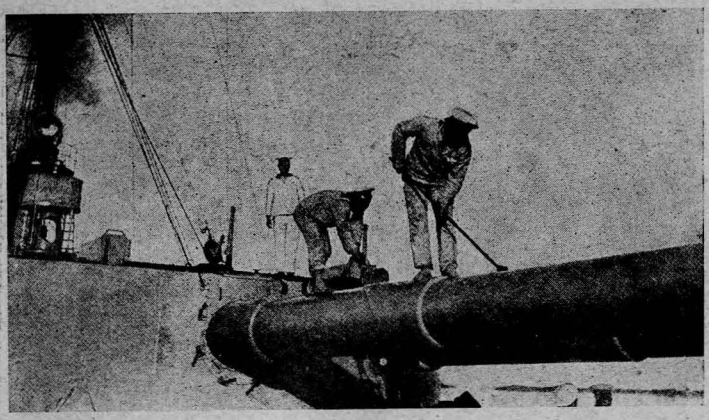
[3]) В одном со мною чинѣ, но моложе по службѣ.

[4]) Он держался того-же правила, что и я на Черноморской эскадрѣ.

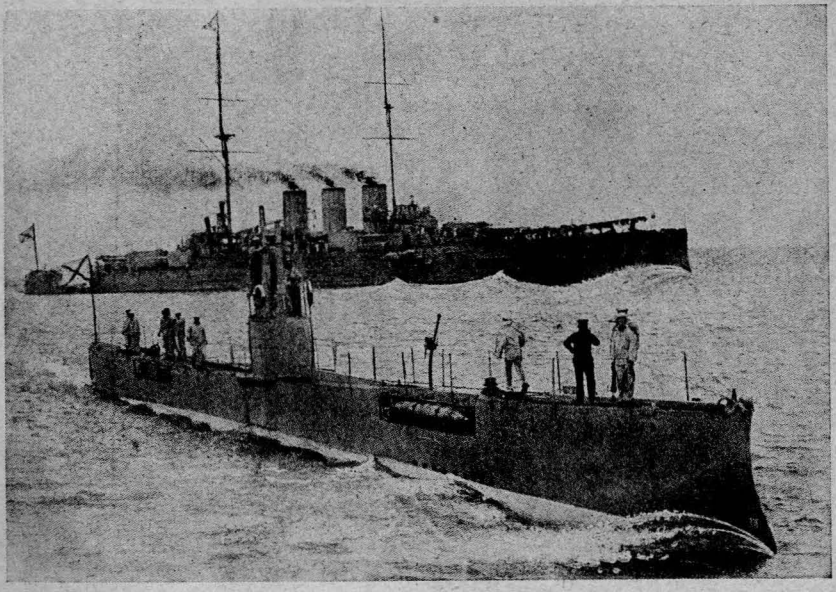
[5]) Он плавал со мною на „Мономахѣ", будучи еще молодым мичманом.

Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ среди матросовъ „Полярной звѣзды“ въ 1913 году.

Серебряная братина, въ 2 пуда вѣсомъ, подарокъ Императора Николая II французской „Сѣверной Эскадрѣ“.



За чисткой одиннадц. дюймовых орудій.



Подводная лодка „Акула“ и крейсер „Рюрик“.

— старше его, производившій ему смотр — обойден!?[1]) Теперь Успенскій оказался старше меня в чинѣ. Мнѣ ничего не оставалось, как покинуть Владивосток и я уѣхал в тот-же день — в страстную субботу в Петербург. Эта безтактность мор. министра меня вначалѣ сильно взволновала. Но затѣм в пути, составляя отчет о смотрах, я понемногу отвлекся от этой непріятной мысли. 28-го апрѣля мы перевалили Уральскій хребет. В Россіи была ранняя очень теплая весна. С вокзала, я заѣхал к начальнику Гл. Мор. Штаба[2]) заявить о своем возвращеніи, оттуда на Варшавскій вокзал, и вечером вернулся в Гатчину. С недѣлю я употребил на отдѣлку отчета владивостокских смотров и представил министру. Он выслушал мой словесный доклад и, видимо, избѣгал встрѣчаться со мною глазами: ему было совѣстно, что безтактным приказом, он вынудил меня, не окончив смотра, выѣхать из Владивостока. Но через 10 дней я был вызван к нему для прочтенія этого отчета в присутствіи адмиралов — начальников гл. управленій, созванных для этого к нему на квартиру. Выяснилось, что прочтя на единѣ мой отчет, он нашел его столь интересным, что пожелал подѣлиться его содержаніем с начальниками частей. Когда мы расходились — товарищ мор. министра[3]) шепнул мнѣ на ухо, что ближайшим приказом я буду назначен главным инспектором миннаго дѣла[4]), а затѣм к 6-му декабрю (именины Царя) я буду представлен к производству в вице-адмиралы. Ну, стало быть, „гнѣв обращен наконец на милость". В то лѣто Царь плавал заграницей на „Штандартѣ", заходя в Англію и затѣм во Францію, гдѣ он присутствовал на военных маневрах в Лонгшанѣ и, если не ошибаюсь, в то-же лѣто он отдавал визит италіянскому королю. Оттуда проводить осенній сезон он уѣхал в Ливадію. Приказ обо мнѣ вышел лишь в августѣ.

НАЗНАЧЕНІЕ ГЛ. ИНСПЕКТОРОМ МИННАГО ДѢЛА ВО ФЛОТѢ.

Служба в Мор. Техн. Комитетѣ требовала моего постояннаго присутствія, и я переѣхал в Петербург, оставив семью в Гатчинѣ.

---

[1]) Это была месть министра Воеводскаго за старые счеты, бывшіе между нами в 1905 году, когда он числился у меня в экипажѣ.

[2]) К-адм. Н. В. Яковлев — был командиром погибшаго в П. Артурѣ „Петропавловска", и был спасен в числѣ 7-ми офицеров подобранных с воды на шлюпки.

[3]) В-адм. Григорович.

[4]) Мѣсто соотвѣтствующее вице-адмиральскому чину.

В Комитетѣ у меня появилось много интереснаго дѣла. Строился новый флот: дредноты, истребители,[1]) подводныя лодки. Быстро прогрессировавшая судостроительная техника, и турбинные двигатели довели скорость больших судов — до 35 узлов и повлекли за собой значительныя измѣненія в минном вооруженіи. От мин Уайтхеда требовалась уже скорость до 40 узлов. Заряд в минах увеличен до 6½ пудов, отчего діаметр мин пришлось увеличить до 21 сантиметра; а для них потребовались новые выбрасывающіе аппараты Число самих аппаратов на миноносцах также было увеличено вдвое, да и аппараты строились парные (по два на одном поворотном штырѣ). На подводных лодках, вмѣсто 2-х, установливалось 6 и даже 8 аппаратов („Акула“) Водоизмѣщеніе лодок, вмѣсто 120 тонн, увеличенно до 600 тонн. Пироксилин теперь считался уже слабым взрывчатым порохом и заменен три-нитро-толуолом; для его изготовленія в Крон тадтѣ на фортѣ „Петр“ был открыт завод. В галерной гавани и в Севастополѣ были такіе-же заводы. На каждом кораблѣ и на миноносцѣ были установлены усовершенствованные радіо-телеграфы с очень чувствительными пріемниками. — Это дало вовможность судам принимать депеши даже из Чернаго моря и Эйфелевой башни.

Убѣдившись в Черном морѣ, как важно имѣть быструю сигнализ цію при управленіи эскадренным артиллерійским огнем, я поручил своему помощнику кап. I. р. А. А. Ремерту предпринять опыты в нашей электро-технической мастерской с цѣлью добиться выработки радіо-телефона для переговоров между судами в эскадрѣ. В вѣдѣніи гл. инспектора миннаго дѣла состояло не только минное вооруженіе и электротехника, но и инспекція над заводами казенными и частными, изготовляющими минное вооруженіе, электротехнику и взрывчатые пороха. В его же вѣдѣніи находилась постройка и вооруженіе подводных лодок, и всѣ школы, приготовляющія соотвѣтствующих спеціалистов. В нашей чертежной разрабатывались проекты новых подводных аппаратов (для выбрасыванія мин Уайтхеда) „с раструбом“ [2]). Тогда же разрабатывались чертежи подводных лодок кораб. инженера проф. И. Г. Бубнова (увеличенный тип „Акула“). По трем спеціальностям я имѣл 3-х талантливых помощников: кап. I. р Ремерта, Беклемишева (Мих) и Шрейбера. Дѣла было много, но оно было интересное и живое, т. к. часто надо было ѣздить по заводам и строющимся судам, а также в Кронштадт, Либаву и в Черное море — для экзаменов минных и подводных школ, а лѣтом на Учебные отряды. Такая дѣятельность давала разнообразіе и

---

[1]) Большіе миноносцы быстроходные — типа „Новик“.

[2]) Вмѣсто прежних — со щитом типа Вильсона — не выдерживавших большого хода судов.

подвижность, к чему я привык Я не скучал, был здоров и очень доволен своею службою. По праздникам в Гатчинѣ навѣщал своих.

1-го ноября я получил телеграмму из Вильна о смерти воспаленіем легких моей матери. В тот-же день мы с братом Вольдемаром уѣхали в Вильно на похороны. Там собралась вся наша родня, съѣхавшаяся из разных мѣст Литвы. Мать похоронили на Бернардинском кладбищѣ рядом с отцом на нашем фамильном склепѣ. Мнѣ было очень жаль, что в послѣдніе годы я — отвлеченный службой, ограничивался только посылкою ей денег и кратких писем; между тѣм она часто в своих письмах звала меня пріѣхать, предчувствуя свою кончину.

6 го декабря 1910 г. высочайшим приказом я был произведен в вице-адмиралы с утвержденіем в должности Гл инспектора миннаго дѣла.

В январѣ 1911 было представленіе в зимнем дворцѣ всѣх высших чинов, получивших 6 го декабря новые чины, или назначенія. Собралось нѣсколько десятков морских и сухопутных генералов и я в том числѣ. Подойдя ко мнѣ, Государь привѣтливо поздоровался и поздравил меня. Он вспомнил свой осенній смотр Черноморской эскадры, сказал: — „я был очень доволен видѣть вашу стрѣльбу; на большом разстояніи лайба была разбита в 1/2 часа. Желаю вам на берегу работать с таким-же успѣхом, как на экадрѣ в морѣ".

Я был вполнѣ удовлетворен, что моя дѣятельность в Черном морѣ, хотя с запозданіем, была отмѣчена Царем[1]).

Лѣтом в Ревелѣ производились пріемныя испытанія подводной лодки „Акулы"; на циркуляціи она стремилась выскочить на поверхность воды и ее с большим трудом удавалась углубить. Но когда горизонтальные рули были наложены на полный угол — вниз, она стремительно пошла на глубину и столкнулась килем о дно[2]); от сильнаго удара мы потеряли равновѣсіе, нѣкоторые упали. Дно было мягкое, песчаное и крѣпкій корпус лодки выдержал удар без малѣйших аварій. Лодка быстро всплыла и мы продолжали испытанія.

В Либаву я ѣздил весной на экзамен школы „подводнаго плаванія" (теорія) и осенью на экзамен практики. Каждаго офицера-слушателя заставляли управлять лодкою при различных эволюціях: погрузиться, пройти различными ходами, сдѣлать нѣсколько поворотов, выстрѣлить миной по подводному щиту, и наконец подняться на поверхность.

В Транзунд я ѣздил в августѣ на экзамены офицеров и

---

[1]) Впослѣдствіи я узнал от адм. Сарнавского, что когда Царь пріѣхал на эскадру смотрѣть стрѣльбу в сопровожденіе министра Воеводскаго и Бострема, то он с удивленіем спросил: „а гдѣ-же Цивинскій?" Онъ очевидно вспомнил мой подробный доклад ему в Царском Селѣ в 1908 году.

[2]) Глубина Ревельскаго рейда от 8—12 сажень.

нижн. чинов, прошедших курс минных классов и проплававших лѣто на Учебном Минном отрядѣ.

Осенью—по настоянію Гос. Думы морск. министр Воевод-скій был замѣнен адм. Григоровичем, а товарищем министра назначен М. В. Бубнов.

Из Фіуме от завода Уайтхеда и из Франціи от завода „Greusot' (m. m.rs Schneiders et C o) поступили рекламныя предложенія на покупку у того и другого завода мин. Уайт-хеда быстроходных (до 40 узлов), с усовершенствованным двигателем и подогрѣвательным прибором для увеличенія давленія сжатаго воздуха свыше 150 атмосфер. Я получил командировку во Францію для испытанія на мѣстѣ качеств мин. „Greusot", а в Фіумэ я командировал своего помощника кап. I р. Пастухова.

3 го октября 1911 г. одновременно со мною выѣхали в Парижъ: Шпан, инж. Соколовскій, Харитонович и Ракуза-Сущевскій — члены правленія „Русск. о-ва изг. снарядов". В эту кампанію ввязался под каким то предлогом оставной адм. В.[1]), сопровождаемый (по старости) неизмѣнно своей эвергичной супругой.

В Парижѣ в главном бюро „бр. Шнейдеров" условились о маршрутѣ поѣздок для осмотра его заводов в Harfleur'ѣ, в „Greusot" и около Тулона.

Париж значительно измѣнился к лучшему. Разроелись бульвары, и обновилась большая часть города, гдѣ была послѣдняя выставка; явилась Эйфелева башня, мост Имп. Александра III-го и много новых монументальных зданій; устроена „metropolitaine", и по улицам снуют быстрые таксо-моторы.

Первым на очереди стоял Harfleur[2]) гдѣ у гг. Шнейдеров имѣется арсенал с орудійными и торпедными мастерскими, и гдѣ производится окончательная сборка и вывѣрка орудій и мин. Отливка же и заготовка крупных частей производится на заводах в „Greusot". Здѣсь-же в устьѣ р. Сены на заливном лугу длиною около 25 километров, устроен артиллерійскій полигон. на котором орудія испытываются стрѣльбою.

По жел.-дорогѣ „Paris-Lyon-Medietrranée" экспрес увез нас в Шалонь, откуда по особой вѣткѣ в „Greusot". Это огромная територія, занятая заводами гг. Шнейдеров, и при них в зеленой рощѣ раскинулся свой собственный городок из небольших особняков, построенных для мастеров и рабочих[3]). В главном административном корпусѣ помѣщаются бюро, конференц зал, обширныя чертежныя, столовый зал для инженеров, библіотека и цѣлый ряд номеров для пріѣзжающих. На обрывистой горкѣ,

---

[1]) В то время он не числился у них членом правленія, но очень старался, хотя был для завода совершенно безполезен, будучи полным невѣждой в торпедное и во всякой техникѣ.

[2]) На Сѣверномъ берегу Франціи, возлѣ Havra (Гавра) н устьи р. Сены.

[3]) В тот год населеніе городка Greusot числился окнло 35.000 ч.

в паркѣ изъ вѣковыхъ липъ бережно сохраняется древній дворецъ, времен Людовика XIV-го в том видѣ, какой он был при основаніи завода в XVIII вѣкѣ. Возлѣ него стоят два круглыя коническія зданія, в них в старину были стекляныя литейныя (хуты).

Французы с утра повели нас оматривать мастерскія завода, работающаго полным алюром. Громадные корпусы, почернѣвшіе от копоти, со свистом и шипѣніем выпускали из себя струи бѣлаго пара, фонтаны искр и черныя облака дыму; а из утробы этого чудовища разносился гул катающихся механизмов, стук молотов и шипѣніе гидравлических прессов. Мы начали с литейной; там попали в момент, когда из огромнаго ковша (вагранки) ослѣпительно бѣлой струей лилась расплавленная сталь в цилиндрическую форму. Застывшая болванка под гидравлическим прессом уплотняют, как тѣсто в руках пекаря и в послѣдствіи она будет основою пушки, или торпедным резервуаром для сжатаго воздуха, или наконец корпусом фугаснаго снаряда. В слѣдующем зданіи была бронепрокатная мастерская: там отлитыя корабельныя броневыя плиты (до 12 дюймов толщиною) подвергались прокаткѣ и затѣм их закаливали, пуская на поверхность плиты струю холодной воды[1]). Затѣм снарядную мастерскую. Предварительно—отлитыя стальныя болванки (нагрѣтыя до красна) из первоначальной формы цилиндра — проходят постепенно ряд штамповальных станков. достигая в концѣ формы воронки, оставаясь в цѣльном видѣ. Этот способ штамповки снарядов принадлежит заводу „Creusot", Далѣе слѣдовала обширная мастерская гдѣ десятки сверлильных станков сверливали каналы для пушек[2]) и резервуары для мин. Затѣм идет цѣлый ряд машинных мастерских, гдѣ изготовляются моторы и Дизеля для подводных лодок. Здѣсь, между прочим, исполнялся в то время заказ нѣсколькихъ парижских фирм на выдѣлку 10.000 автомобильных моторов. В рельсопрокатной мы попали на забавное зрѣлище, — как раскаленные рельсы, точно живыя змѣи, извиваясь, бѣгают по желѣзному полу мастерской от станка к станку. К концу такой прогулкн рельсы остывают и в потемнѣвшем видѣ готовыя изгоняются за ворота.

Второй день посвятили торпедным мастерским. Здѣсь идет сборка мин и пригонка частей друг к другу. Всѣ пропускаются через калибры, дабы всѣ части одной мины приходились к другой в случаѣ порчи. У Уайтхеда в Фіумэ этого не достигалось: там работа кустарная, и мелкія части одной мины не подходят к другой. Собранныя на черно мины, отсюда пересылаются в Harfleur для окончательной сборки и вывѣрки. Для пристрѣлки онѣ затѣм идут в Тулон. Такое путешествіе по

---

[1]) Секретный — патентованный пріем завода „Creusot".
[2]) Калибров от 3—14 дюймов, длиною въ 52 калибра.

Франціи мин, родившихся в „Creusot", крещеных на Сѣверѣ Франціи, и пристрѣлываемых на Югѣ, весьма не выгодно для завода и г. г. Шнейдеры предполагают [1]) впослѣдствіи на берегу Средиземнаго моря, возлѣ мѣста пристрѣлки, построить минную мастерскую, замѣняющую „Harfleur"скую.

Три дня мы жили заводскою жизнью, обѣдая в общей столовой совмѣстно с инженерным составом, и ночевали в номерах для пріѣзжающих. Затѣм выѣхали в Тулон [2])

Как главная база французскаго флота Средиземнаго моря, Тулон обладает обширным арсеналом, гаванью и просторным рейдом. Город имѣет типичный характер, присущій всѣм военным портам Франціи — как Шербург и Брест. Мы ежедневно отправлялись смотрѣть пристрѣлки мин на рейд Іерских островов, лежащій в 20 ти километрах к востоку от Тулона. Дорога проложена по обрывистому берегу по направленію к Ниццѣ. По пути попадаются виллы, старые замки и курортные отели, утопающіе в южной зелени, хотя был уже ноябрь.

В Іерамѣ мы переѣзжали на искуственный островок [3]), гдѣ устроена пристрѣлочная станція. Мины „Creusot" давали обѣщанную скорость, но направленіе и глубину онѣ держали не вполнѣ точно. Недостаток представители завода объяснили неопытностью личнаго состава пристрѣлочной станціи. Очевидно— завод „Creusot", имѣя большіе заказы от франц. флота, не гоняется за заказчиками и потому его мастера не привыкли показывать товар лицом, как это дѣлается на заводѣ Уайтхеда в Фіумэ. Там сдатчики мин иннотранцам ловкіе доки по этой части. Вообще во французской индустріи виден талант в замыслѣ, но рядом с ним легкомысленная небрежность в осуществленіи. У англичан и нѣмцев наоборот: — педантичная аккуратность и добросовѣстное исполненіе обѣщаннаго.

26 го октября мы вернулись в Париж. Там побывал в Большой оперѣ, в малых театрых и на „Montmartr-ѣ"; заѣхал к россійскому посланнику Извольскому, к нѣкоторым членам посольства, к морскому агенту и в бюро Шнейдоров. Посѣтил Лувр, Булонскій лѣс, церковь Notre Dame, Инвалидов и проч.

27 го октября я выѣхал в Россію. Утром был в Кельнѣ; здѣсь пересадка — час свободнаго времени — он дается пасажирам, как бы нарочно, чтобы осмотрѣть Кельнскій собор, — он рядом с вокзалом.

В Эйдкуненѣ — на границѣ я взял билет через Лиду, чтобы повидать свою дочь Наталію. Там ея муж служил на новой Николаевской ж. дорогѣ.

---

[1]) Это рейд к востоку от Тулона у Іерских островов. Здѣсь обычная практика и маневры французской Средиземной эскадры.

[2]) К нашей комаиіи, на эту поѣздку присоединился морской агент в Парижѣ — кап. I ранга В. А. Карцов — впослѣдствіи бывшій Начальником Мор. Училища.

[3]) „Lille de Maures" — „Остров Мавров".

3-го ноября я представил министру отчет о результатах командировки и качествах мин завода Creusot.

ДУМА И ФЛОТ.

Осенью Дума по навѣтам газетных борзописцев [1]) предъявила нѣсколько запросов министру, обвиняя его в том, что обѣщанныя реформы были дутыя — только по названію. Требовались опять жертвы и „омоложеніе" высших начальников. Но вѣдь высшіе административные начальники были они сами: министр, его товарищ, и два начальника главнаго и генеральнаго Штаба, всѣ четыре адмирала [2]) не имѣли адмиральскаго ценза, так как ни один из них не командовал эскадрою. И вот министр с пріятелем своим начальником гл. Штаба придумали такой маневр: бросит Думѣ кость—уволить в отставку 3 х вице-адмиралов, занимавших тоже „высшія должности", но техническія (меня, Лилье и Успенскаго) и получивщих чин за дѣйствительное командованіе эскадрами; тогда получатся три свободныя вакансіи — Дума получит новыя три жертвы, и сами они попадут в незаслуженный чин, сидя спокойно в канцеляріях.

Но вѣдь по закону, уволить без причины вице-адмиралов, да еще занимавших дѣятельныя должности нельзя. И вот я (и оба мои сверстника) получил от Нач-ка Гл. Мор. Штаба весьма любезное письмо; в нем в лестных выраженіях перечислялись мои служебныя заслуги и „высокополезная дѣятельность на пользу флота", как на мореходном, так и на техническом поприщѣ. Ну, а затѣм, слѣдовал совершенно неожиданный и нелогичный переход: „в виду того, что слѣдует, мол и болѣе молодым офицерам дать возможность двигаться вперед, и проявлять свою дѣятельность, — морской министр предлагает Вам подать прошеніе на Высочайшее имя об увольненіи от службы по причинѣ-ли болѣзни, или по другой — угодной Вам причинѣ". Вот так сюрприз! Я чувствую себя совершенно крѣпким и здоровым, и нахожусь в самом живом и продуктивном курсѣ своей спеціальной дѣятельности по вооруженію флота новыми минами, подводными лодками, радіо-телеграфіей и проч., а мнѣ ни с того, ни сего предлагают заболѣть старческой дряхлостью и идти на покой! В концѣ письма нач. Штаба позолотил пилюлю слѣд. эпилогом: „Мор. министр. за Вашу высокополезную службу на пользу флота — будет Все-

[1]) „Брут" и „Миньшиков" — из „Новаго Времени".

[2]) Только один мнистр был в чинѣ вице-адмирала, а остальные трое—контр-адмиралы, и не по цензу, а лишь по занимаемой должности могли-бы попасть в вице-адмиралы, и то лишь при наличіи вакансій.

поданнѣйше просить Государя [1]) от увеличеніи Вам пенсіи до 5000 руб." — Этого мнѣ также не надо, так как я и сам за 180 мѣсяцев плаванія и долговременное командованіе судами выслужил около 5000 руб. пенсіи и эмеритуры. Зачѣм же было командировать меня во Францію, если имѣлось в виду уволнять затѣм в отставку? Очевидно, у них этот проект назрѣл внезапно, и они еще воспользовались удобным моментом — отсутствіем здѣсь Государя. Я прошел в кабинет к предсѣдателю—адмиралу Лилье подѣлиться мыслями. У него я застал в адмирала Успенскаго. Оба они получили такія-же письма и совѣщались о том, что предпринять? — Мы были возмущены, и рѣшили прошеній не подавать. Между тѣм вѣсть об этих письмах быстро разошлась в морских кругах и возмутила всѣх. Всѣ старые адмиралы [2]) говорили нам: „ не сдавайтесь".—„Если уже и этих молодых, полных силы и энергіи адмиралов они гонят из службы, то кто же тогда станет управлять новым строющимся флотом?"...

В это время в Адмиралтействѣ засѣдал Военно-Морской суд; разбиралось дѣло в-адм. Бострема, посадившаго на мель всю Черноморскую эскадру у румынскаго порта Констанцы, куда он приходил для торжественнаго визита румынскому королю, по порученію Царя. Эта позорная посадка на мель произошла на глазах собравшейся румынской публики, провожавшей эскадру дружественными овацiями и криками ура! . . .

Сидя на этом судѣ, мнѣ было обидно и грустно, что эта лихая эскадра, сданная мною назад только 2 года Бострему, за которою он (с Воеводским) получил на Царском смотру вице-адмиральскій чин — что эта эскадра так осрамилась! Про этот скандал писалось и в иностранных и в русских газетах . . .

Адм. Бострем был признан виновным и отрѣшен от командованія и подал в отставку.

В том же году судили командира Царской яхты „Штандарт" адм. Чагина, флаг капитана Е. В. адм. Нилова, и Финляндскаго Лоц-капитана за посадку на камень в шкерах яхты „Штандарт" со всей царской семьей. Финляндцы доказали, что камень острый — как игла, и никто о нем не знал.

Не получая наших прошеній, нач. гл. Мор. Штаба начал тревожиться. Между тѣм морскому министру вскорѣ пора была ѣхать в Ливадію на доклад с приказами к Государю, заготовляемыми в Гл. Штабѣ к 6-му декабрю, гдѣ уже было внесено производство в вице-адмиралы самаго начальника Штаба и двух других — и отставка „по прошеніям" — нас троих.

Тогда начальник Штаба сбросил маску и сам пришел к

---

[1]) Государь на мое несчастіе был тогда в Ливадіи; будь он в Царском Селѣ, я бы мог или лично, или через Нилова доложить ему, что мое прошеніе вызвано таким предательским принужденіем.

[2]) Верховской, Бирилев, Лавров, Скрыдлов, Вireніус, Пилкин, и другіе.

нам в Комитет[1]) с заготовленными как бы от нас прошеніями, убѣждая нас подписать их. Причем обѣщал, что, если мотивом прошенія будет „по болѣзни“,[2]) то министр дает слово выхлопотать у Государя особо увеличенную пенсію. Он ушел, оставив писаря с прошеніями.

„А ну их — к чорту!“ рѣшили мы. Сопротивляться дальше не стоит. (К тому же недавно вышел закон, что если адмирал не желает добровольно сам подать в отставку, то он остается на службѣ — „за штатом“ — с окладом жалованія 3000 руб. в год, т. е. значительно меньше пенсіи). Но в то время мы всѣ уже получили приглашенія поступить на службу на частные заводы: я — к „Русскому О-ву изготовленія снарядов и мин“ (бывш. Парвіяйнен), Лилье — к „Сименссу и Гальске“, а Успенскій — куда-то в провинцію.

6-го декабря Высочайшим приказом я и оба мои сверстники были уволены в отставку по болѣзни с пенсіей и эмеритурой в 5000 руб. в год.

С 1-го января я числился в „Русском О-вѣ изгот. снарядов“ в качествѣ техническаго консультанта по минной спеціальности. Завод получал заказы на выдѣлку мин заграждения, шаровых — с якорями и дрейфующихся, и аппаратов для мин Уайтхеда.

В чертежной завода составлялись проекты, а в опытном бассейнѣ испытывались изготовленные приборы. Техническою частью завода руководил инженер Б. Г. Харитонович.

Мнѣ, как консультанту, требовалось пріѣзжать на завод лишь в тѣ дни, когда производились испытанія наших новых приборов, или на консультацію в чертежную.

Поэтому весну и лѣто я прожил с семьею в Гатчинѣ, а осенью мы рѣшили переѣхать в Петербург.

Я нанял квартиру на Каменноостровском проспектѣ, вблизи Каменнаго острова, в здоровой мѣстности, окруженной парками и садами; и мнѣ на завод было близко: через Ботанический сад к берегу Малой Невы, а там на яликѣ прямо к заводу.

В этом году, на Петербургском горизонтѣ, вѣрнѣе — на горизонтѣ царской резиденціи появился — „старец“ Григорій Ефимович Распутин, — ставшій в послѣдствіи виновником роковых событій в исторіи крушенія государственнаго порядка Россіи.[3])

---

[1]) В том-же зданіи главн. Адмиралтейства.

[2]) Они боялись, чтобы выраженія „по домашним обстоятельствам“ не вызвало у Государя подозрѣнія: странно, что у 3-х молодых в-адм. явились одновременно дом. обстоятельства? . . .“

[3]) Я бы не упоминал здѣсь о Распутинской эпопеѣ, не входящей в программу моих мемуаров, но этот злой геній Царской семьи — был главным источником розвала и деморализаціи придворных кругов, и тогдашняго правительства

В то время царская семья была удручена болѣзнью молодого 8-ми лѣтняго наслѣдника, страдавшаго крово-теченіем из паховой раны; у мальчика одна ножка была подвернута и он хромал. Медицина была безсильна, и горю родителей не было предѣла. В Петербург в то время пріѣзжал из Тобольска вызванный в Синод архіерей Варнава — человѣк некультурный и с темным прошлым. Он разсказывал в кругах духовенства, что в Тобольскѣ проживает благочестивый „старец", имѣвшій чудодѣйственную силу исцѣлять больных[1]).

Попав ко двору, Распутин в дѣтской наслѣдника разыгривал сцены усерднаго молителя, пріобрѣл довѣріе мальчика, а матери его внушил вѣру в скорое исцѣленіе.

Появленіе Распутина в Царском Селѣ совпало с періодом болѣзни мальчика — когда кровоносные сосуды должны были постепенно окрѣпнуть и дѣйствіем жизненной силы вскорѣ прійти в норму. Об этом консиліум врачей докладывал родителям, но Царской семьѣ хотѣлось вѣрить в чудо, а не врачам.

Дѣйствительно в теченіи нѣскольких мѣсяцев ножка у мальчика выпрямлялась и он перестал хромать. Мальчик ожил, ему разрѣшено было играть, бѣгать, кататься верхом на пони и на велосипедѣ. Это обстоятельство ускорило его физическое развитіе, и радости родителей не было конца. Распутин торжествовал. Он стал своим человѣком в Царской семьѣ. На него посыпались щедрыя милости; Императрица почитала его как чудотворца, а m-me Вырубова[2]), и с нею нѣсколько придворных психопаток питали к нему нѣчто в родѣ религіознаго поклоненія, смѣшеннаго с половым экстазом[3]). Ему наняли от двора барскую квартиру на Гороховой улицѣ, приставив для его охраны нѣсколько агентов сыскного отдѣленія. Секретарем его и ментором был еврей Арон Симанович[4]).

Он оказывал протекцію перед императрицей и, мало по малу, к нему потянулись разные карьеристы, неудачники и даже сановники. Дошло до того, что по его протекціи, назначались и оставлялись от службы министры[5]).

Лѣтом в присутствіи Царя происходили юбилейныя торжества в селѣ Бородинѣ: праздновалось 100-лѣтіе Бародинскаго сраженія.

Возвращаясь к событіям 1911 г., я должен упомянуть, что послѣ празднованія 200 лѣтія полтавскаго боя из

---

[1]) Он пользовался такой-же репутаціей исцѣлителя, как и в свое время — отец Іоанн „Кронштадтскій".

[2]) Изд. „Orient" опубликовало имтимный дневник А. Вырубовой „Фрейлина ея Величества".

[3]) Примѣры подобной болѣзни описаны в извѣстном сочиненіи французскаго психопатолога Шарко.

[4]) Интригующіе исчерпывающіе данные о Распутинѣ дают записки Арона Симановича — „Распутин и Евреи", изд. „Orient", Рига.

[5]) Протопопов, Штюрмер — его протеже.

Полтавы весь двор отправился в Кіев, гдѣ производились военные маневры и торжества. Здѣсь во время параднаго спектакля в большом театрѣ, в присутствіи Царской семьи был убит премьер-министр П. А. Столыпин[1]). Это был один из самых энергичных и способнѣйших правителей. Он умѣл держать в руках Государственную Думу, не боялся и не вилял перед лѣвыми партіями; смѣло и откровенно обвинял их в сношеніях с подпольными революціонными элементами, и не остановился перед распуском 2-ой Думы, когда обнаружилось, что нѣкоторые лѣвые депутаты принимали участіе в заговорѣ произвести переворот. С Государственным совѣтом он также не церемонился; это было „Бисмарк" на русской почвѣ. Начальнику царской охраны в Кіевѣ жандармскому генералу Курлову ставилось в упрек за довѣріе, оказанное подозрительному агенту в таком серьезном мѣстѣ, гдѣ была собрана вся царская фамилія и высшія правительственныя лица.

„САМОУБІЙСТВО АДМ. ЧАГИНА."

Убійство Столыпина отрезвило русское общество, оно как бы опомнилось, почуяв в воздухѣ запах революціоннаго пожара, который все еще тлѣл с 1905 года. Общество поправѣло, а за ним и в Государственной Думѣ правыя партіи получили перевѣс. Но подпольная работа то здѣсь, то там прорывалась наружу. Невинною жертвою такой работы пал общій любимец флота молодой, изящный, симпатичный — адмирал И. И. Чагин[2]). Он командовал царской яхтой „Штандарт", имѣл орден Св. Георгія за Цусимскій бой, и носил свитскій аксельбант. В Царском Селѣ в семейном кругу Царя был принят запросто, как близкій к семьѣ человѣк. Был холост, отличный моряк, и знал языки. Казалось — счастье его баловало, а потому — его самоубійство, как громом нас всѣх поразило. Чагин был найден в своей квартирѣ мертвым с разлетѣвшейся головой;—выстрѣл бы сдѣлан водою, с очевидною цѣлью, чтобы не остаться раненым. Явившіяся утром полицейскія власти застали на лѣстницѣ у входа в квартиру дѣвушку в полузабытьѣ от горя. Слѣдствіем было выяснено, что эта молодая дама, находясь у него ночью, открыла ему тайну, что у него на „Штандартѣ", зимовавшем на Невѣ, в судовой канцеляріи печатались на ма-

---

[1]) Член революціоннаго комитета, состоя в тоже время на службѣ в качествѣ секретнаго агента „Охранки" — присяжный повѣренный Мордю Багров — во время антракта, подошел к Столыпину, стоявшему у I-го ряда кресел и двумя выстрѣлами в упор смертельно ранил министра, умершаго на слѣд. день.

[2]) В Цусимском сраженіи он командовал быстроходною яхтою „Алмазом" и наутро 15 мая оказался в отрядѣ Небогатова окруженным японскою эскадрой. Пока тот вел переговоры о сдачѣ с адмиралом Того, Чагин дал полный ход, вырвался из круга, и пришел во Владивосток невредимым.

шинѣ революціонныя прокламаціи, и на бланках царской яхты со штемпелем „Штандарт“ распространялись по Петербургу[1]). Пораженный этим открытіем, Чагин не мог перенести такого скандала, и тогда-же ночью, отпустив свою даму, зарядил винтовку и, налив ее водою (для вѣрности), выстрѣлил себѣ в рот. Голова разлетѣлась в дребезги, оставив на стѣнѣ брызги мозгов и крови. На панихидѣ гроб был покрыт андреевским флагом, и на подушкѣ на мѣстѣ головы лежал один платок. Факты обнаруженные слѣдствіем, держались в строгом секретѣ.

ВОЗРОЖДЕНІЕ ФЛОТА.

Осенью Дума утвердила законопроект дополнительной программы постройки флота, составленной Мор. генеральным штабом, по соглашенію с союзной Франціей[2]). Требовалось построить (сверх 4-х уже строющихся дреднотов), 3 сверхдреднота, 8 крейсеров, 32 миноносца (истребителя), 8 подводных лодок, нѣсколько заградителей и других мелких судов для Балтійскаго моря. Для Чернаго моря была особая программа. На казенных верфях были заложены 3 сверхдреднота, а на постройку остальных судов были вызваны на конкурс заводы: Путиловскій, „Ноо—Лесснер“, Металическій и наш Парвіяйнен. Наш завод получил заказ на 2 крейсера, 6 миноносцев и плавучій желѣзный док в 40,000 тонн. Для исполненія заказа наше правленіе закупило в Ревелѣ територію полуострова „Цигель—Копель“ и приступило к постройкѣ на нем цѣлаго порта с элингами, мастерскими, гаванью, молами и желѣзною дорогою, соединенную с городской ж. д. станціей. Составилось новое акціонерное „Русско-Балтійское судостроительное общество“. Директором распорядителем был избран инженер К. М. Соколовскій, директором правленія я, оставаясь консультантом у Парвіяйнена.

В Ревелѣ уже 3-й год строился новый грандіозный военный порт—база „Петра Великаго“. В основу его постройки были приняты во вниманіе принципы новѣйшей военно-морской стратегіи: на выдвинутых далеко вперед в море островах строились крѣпостные форты с крупной артиллеріей для защиты порта от атаки наступающаго флота с моря. В план военнаго порта входили: внутренная гавань, мастерскія, доки, элинги, магазины и проч.; на рейдѣ с Сѣвера строился громадный мол, длиною около версты, за этим молом устраи-

[1]) Один из судовых писарей — гвардейскаго экипажа нижній чин — был увлечен барышней, состоявшей в революціонном комитетѣ. Она-же будто была близка и к Чагину. Из ревности к ней дама, найденная на лѣстницѣ, донесла на нее Чагину.

[2]) Вызванный усиленным вооруженіем Германіи, готовившейся к войнѣ.

вался просторный аванпорт для якорной стоянки дѣйствующей эскадры. Правленіе „Русско-Балтійскаго судостроительнаго завода“ находилось в Петербургѣ, а в Ревель переѣхали только:— дир. распорядитель Соколовскій, начальник завода кораб. инж. полк. Гаврилов, и строители верфи и зданій.

При прогрессивном развитіи дальнобойности судовой артиллеріи[1]) — Кронштадт, со своими старыми фортами на рейдѣ, потерял уже значеніе первоклассной крѣпости, и ему предназначалась теперь роль „тыловой базы“ — для ремонта судов, потерпѣвших аварію в бою и для храненія боевых запасов. А для защиты порта выдвинутыми вперед укрѣпленіями — на обоих берегах залива были построены сильные форты на „Красной горкѣ“ (южный берег) и форт „Ино“ на Финляндском берегу.

Весною я ѣздил нѣсколько раз в Ревель на постройку нашего порта. В апрѣлѣ был уже готов гл. административный дом, десяток домов — казарм для рабочих, и открылась столовая на 1000 чел. рабочих, и при ней церковь. На торжество освященія были приглашнны из Петербурга высшія морскія власти и члены Государственной Думы: Гучков, Кн. Шаховской, Савич, Звегинцев.

ЛѢТО 1913 Г. В ШВЕЙЦАРІИ И ИТАЛІИ.

Я рѣшил взять отпуск и на лѣто с женой и дочерью Ольгой отдохнуть за границей, и в 27 мая выѣхали через Берлин в Лозанну.

Берлин был иллюминован, по случаю 25 лѣтняго юбилея царствованія Имп. Вильгельма II-го. Улицы полны ликующим народом, торжественныя процессіи перед дворцом, музыка, хоры студенческих корпорацій, цѣхов и проч. Мы рѣшили задержаться на сутки. Вечером смотрѣли „Unter den Linden“ иллюминацію. От королевскаго дворца вдоль по аллеям тянулись нарядные фаетоны с депутатами различных обществ с флагами; они продефилировали только что перед Императором, стоявшим на балконѣ и возвращались по своим клубам.

Утро поѣхали посмотрѣть город и сад Tiegergarten[2]). Затѣм мои дамы дѣлали покупки в модных магазинах на Leipziger Strasse, В Лозаннѣ, мы помѣстились в Hotel National'ѣ. В этом отелѣ, с зеленым садом из южных растеній, мы получили три комфортабельныя комнаты с платою по 8 франков с полным пансіоном.

---

[1]) 12-ти — 14-ти дюймовыя орудія в 52 калибра достигали дальности 120 кабельтовых, т. е. 12 ти миль.

[2]) Там интересный парламент: из бронзы отлитый Бисмарк, Мольтке старый Вильгельм и пресловутая „Sieges—аллея побѣд“ гдѣ всѣ нѣмецкіе старые курфюрсты стоят в 2 шеренгах, ровняясь во фронтѣ.

Ежедневно мы отправлялись прогулкой — или спускаясь в Уши на берег Лемана, гдѣ вдоль набережной тянется аллея изъ платановъ съ цвѣтниками и парками отелей; — то мы подымались на горы въ паркъ Savabelin (по фюникюлеру), откуда открывается видъ на лазурное озеро, лежащее внизу, какъ на ладони, а на фонѣ голубого неба — снѣжныя вершины „Dent du Midi". Иногда мы ѣздили на цѣлый день въ Женеву. Въ отелѣ съ нами сдружился одинъ англичанинъ — молодой докторъ съ женой, пріѣхавшій изъ Австраліи. Онъ совѣтовалъ намъ не сидѣть на одномъ мѣстѣ, и въ 29-го іюня переѣхали черезъ Симплонскій тоннель[1]) въ Италію, и сейчасъ-же за границей Швейцаріи —станція „Domo dosolo", а за нею на самомъ берегу озера Lago Maggiore курортъ Baveno. Днемъ бывала иногда жара тропическая. Когда спадала жара, мы отправлялись пароходомъ по озеру и заходили на островъ „Izola bela"; тамъ въ старомъ замкѣ графовъ Baromees имѣется музей, а въ саду замка устроена терасса въ видѣ ступеньчатаго огромнаго храма стиля „ренесанса", засаженнаго сплошь различными цвѣтами. Иногда мы на пароходикѣ ѣздили въ сосѣдній курортный городокъ Streasa. Въ отелѣ веранда лежала надъ самымъ берегомъ озера и на ней послѣ обѣда собиралось по вечерамъ все живущее тамъ общество, мирно бесѣдуя и любуясь заходящимъ солнцемъ, утопавшимъ въ лазурныя виды Лагомаджоре. Всѣ были межъ собой знакомы. Здѣсь встрѣчались семьи и одинокіе туристы изъ Бразиліи, Канады, далекой Австраліи, не считая европейцевъ различныхъ націй. Вечеромъ на озерѣ появлялись иллюминованныя гондолы[2]) съ хорами пѣвцовъ и музыкой, они тихо плыли вдоль берега съ пѣніемъ серенадъ. Мелодичные звуки итальянской пѣсни далеко неслись по зеркальной глади озера... И чудная ночь, и звѣздное небо Италіи были въ полной гармоніи съ мелодіей пѣсни. Здѣсь невольно вспоминаются слова Лермонтова:

„Ночь тиха, природа внемлетъ Богу
„И звѣзда съ звѣздою горитъ..."

Пользуясь близостью отсюда г. Милана мы выбрались на одинъ день туда.

Самое интереeное зданіе это конечно соборъ — весь изъ бѣлаго мрамора съ цѣлымъ лѣсомъ тонкихъ, изящныхъ гостическихъ игл; онъ—грандіозенъ, великъ и прекрасенъ. Ни Кельнскій соборъ, ни парижскій Notre Dame, ни лондонскій парламентъ, ни дворцы и мечети Стамбула не производили на меня такого впечатлѣнія, какъ этотъ величественый монументъ творенія Леонардо да Винчи. Мы долго любовались имъ, обходя со всѣхъ сторонъ. А войдя внутрь и, ощутивъ сразу пріятную прохладу, мы долго

[1]) Недавно прорѣзанный.
[2]) Такъ наз. „Венеціанскій карнавалъ".

оставались в нѣмом молчаніи, восхищаясь необычайной высью готических колонн; точно три исполинскія аллеи подпирали небо стрѣльчатыми сводами. Сѣв на скамью, я оставался долго в божественном настроеніи, — забыв невольно о внѣшнем матеріальном мірѣ, нѣт никаких желаній, тѣло отсутствует вовсе, а душа дремлет гдѣ то далеко в потустороннем мірѣ....

Потом осмотрѣли знаменитый старый оперный театр Scala, затѣм новый пассаж Короля Гумберта, памятник Леонарду да Винчи, сад городской. В августѣ мы отправились в Венецію.

Поѣзд проходил по долинѣ Ломбардіи (рѣка По), через Верону, Падуа и к 5 часам вечера мы прибыли в Венецію. Мы сѣли в гондолу и плыли до конца „Canale grande“ и за Палаццо Дожей мы вышли на пристань у памятника Виктору Эмануилу, и взяли 2 номера в Hotel „Angleterre“ передѣланный из стариннаго дворца в отель. Отель был обставлен с англійским комфортом и хозяин его, очевидно, старался оправдать названіе отеля и держал изысканный, обильный англійскій стол. В menu обѣда, кромѣ нѣсколькихъ мясных блюд всевозможных „regetables“ и салатов, подавались послѣ мороженнаго различные фрукты, обложенные льдом; тут были персики нѣжные и крупные с добрый апельсин величиной, клубника, бананы, ананасы, кофе с ликерами, и послѣ всего уже на верандѣ подавалась желающим традиціонная „сода—виски“. Можно только удивляться, что в такую жару англійскій желудок способен переваривать столь обильный стол. Это я видѣл повсюду в англійских колоніях: в тропиках, в Индіи, на Дальнем Востокѣ — во всѣх отелях, сверх десятка различных блюд, подается в концѣ обѣда рис, приправленный обжигающим рот кэри, chotney, пикулями и экзотическими соями с каенским перцом и горчицей.

Послѣ обѣда мы вышли на площадь Св. Марка, гдѣ по вечерам играет военный оркестр и собирается вся пріѣзжая публика. В многолюдной толпѣ гуляющих слышен говор на всѣх языках міра, а на краях площади возлѣ ресторана, на разставленных скамьях собирается дамская публика, лакомящаяся мороженным и холодной водой. Когда на воротах собора двѣ фигуры с молотами пробьют 10 час, музыка прекращается и публика расходится по домам.

На утро мы осмотрѣли (внутри) собор Св. Марка, поднялись на отстроенную вновь кампаниллу[1]), откуда открывается вид на всю венеціанскую лагуну и с близлежащим островом Lido. Осмотрѣли паллаццо Дожей с его историческими залами, картинною галареею и подвальными конурами, гдѣ нѣкогда томились политическіе узники, и гдѣ их казнили и оттуда тѣла их выбрасывали в канал. Мост вздохов „Ponte suspire“ соеди-

[1]) Старая „кампанила“ за нѣсколько лѣт перед тѣм (простояв 4 слишком вѣка) в одно прекрасное утро, без всяких видимых причин — вдруг упала и разсыпалась в кучу кирпичей и муссора, теперь она реставрирована.

няет дворец с мрачным зданіем тюрьмы[1]), куда отправлялись на долгосрочное заключеніе осужденные в „совѣтѣ 12-ти судей" преступники.

Мы простились с прекрасной Венеціей. Выйдя из Венеціи, поѣзд вначалѣ проходит по длинной дамбѣ над водою Лагуны, и, обогнув долину, вступает в гористый Тріент, проскакивая из тунеля в тунель. Отъѣхав из Венеціи, и осмотрѣвшись по сѣткам вагона, я замѣтил отсутствіе своего чемодана и послал телеграмму в отель, прося разыскать и прислать его в Вѣну. Впослѣдствіи оказалось, что носильщик положил чемодан ошибочно в Миланскій поѣзд. Через недѣлю я получил чемодан из Петербургской таможни в совершенной цѣлости.

В Вѣнѣ, до отхода вечерняго поѣзда мы успѣли объѣхать в колескѣ город. На русской границѣ вошли к нам в вагон обычные таможенные чиновники и жандармы для провѣрки паспортов и заперли нас в вагонѣ до окончанія скучной процедуры. В Варшавѣ мы не останавливались, поѣзд прямого сообщенія прошел там прямо на Петербургскій вокзал. Вильно миновали ночью, а на утро в Рѣжицѣ вышла нас встрѣтить дочь Наташа[2]). Поѣзд стоял лишь 8 минут. К полудню прибыли в Петербург. Сын Жорж, окончив кампанію, вернулся на слѣдующій день.

В октябрѣ наш судостроительный завод в Ревелѣ был готов, и на торжественное открытіе завода правленіе пригласило высшія морскія власти с мор. министром во главѣ. Опять был нанят особый поѣзд; парадный обѣд устраивал Кюба, привезя из Петербурга своих лакеев и всю сервировку. На элингах завода была торжественная закладка заказанных нам крейсеров и миноносцев. Серебряныя доски с именами судов укладывал морской министр.

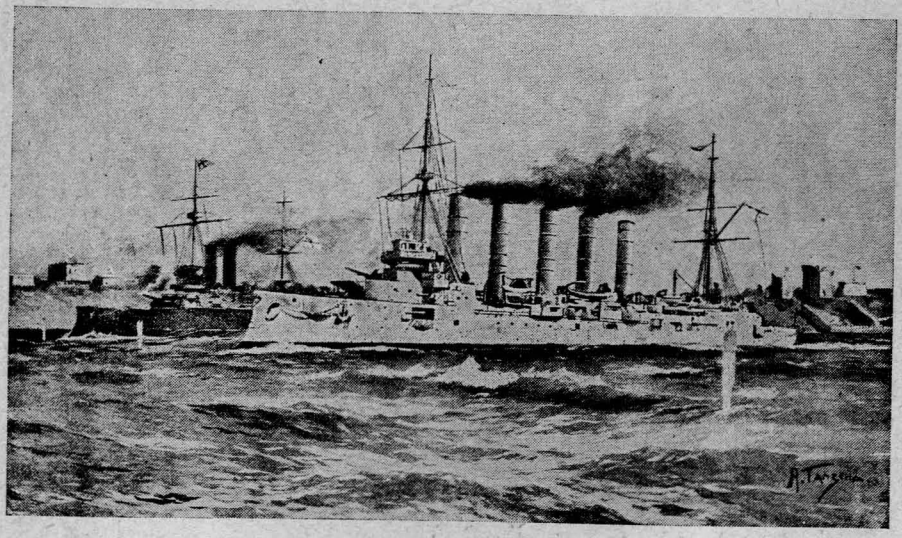
Зима 1913/14 года протекала в Петербургѣ нормально. Политическое спокойствіе обезпечивалось Государственной Думой 3 го созыва с большим перевѣсом правых партій (октябристы и монархисты) с предсѣдателем Родзянкой во главѣ. Кадеты и лѣвыя партіи потеряли апломб и поддержки не имѣли. Выступленіе Милюкова, Родичева, Шингарева, Керенскаго и Чхеидзе, встрѣчались или молчаніем, или остротами Пуришкевича. Премьер Коковцев, умѣвшій спокойной ироніей отвѣчать на запросы лѣвых партій, всегда получал поддержку значительнаго большинства Думы.

В февралѣ 1913 г. с большой помпой праздновалось 300-лѣтіе царствованія Дома Романовых; три дня Петербург был убран флагами, а по вечерам иллюминован. Столичное общество с беззаботным оживленіем забавлялось на балах, в обществен-

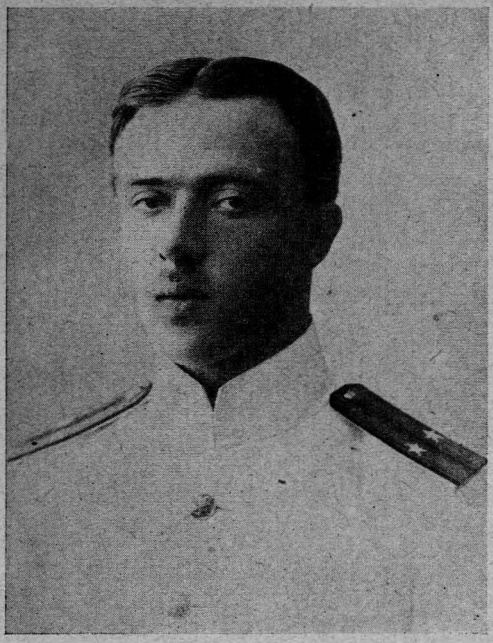
[1]) В этой тюрьмѣ отсиживала заключеніе извѣстная русская графиня Тарновская, осужденная венеціанским судом за убійство своего любовника — в концѣ 90-х годов.

[2]) Там служил ея муж.

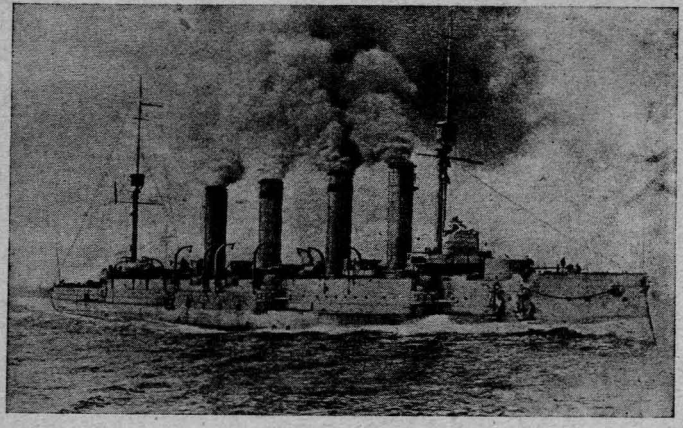
Адмирал Н. О. фон Эссен
Командующій Балтійским флотом
в Великую войну.



Русскій крейсер „Асколад“ дѣйствует совмѣстно с англо-французским флотом
в Великую войну в Дарданелах.



Мичман Г. Цывинскій
погиб на крейс. „Палладѣ“ в Великую войну.



Кр. „Паллада“.

ных собраніях, в театрах, в оперѣ и балетѣ.[1]). Царь был спокоен, наслѣдник подростал и был здоров, и Гришка Распутин был в полной силѣ. Однажды вечером, он „почтил" своим присутствіем дом одной свѣтской барыни. И я удостоился видѣть в первый раз близко этого грязного распутника. Это — крупный мужик, с обликом соборнаго діакона, с большой бородой и слегка—лысой гривой; поверх голубой шелковой косоворотки одѣт длиннополый черный сюртук, шаровары в заправку, и сапоги бутылкой; огромныя руки с черными ногтями, и на потном, широком лицѣ выступают запавшіе похотливые глаза, приводившіе в блудный экстаз его пожилых поклонниц. Выпив за ужином нѣсколько бокалов вина, он уѣхал к своим арфисткам. Хозяйка дома психопатка бальзаковскаго возраста была от него в восторгѣ. Она мнѣ признавалась, что от его взгляда она всю ночь не могла заснуть.

Весною 1914 г. мой сын Жорж окончил Училище и на Пасху был произведен в „карабельныне гардемарины"[2]), и с 1-го мая ушел в практическое плаваніе на крейсерѣ „Паллада" (в Балт. эскадрѣ). Это был красивый, крѣпко сложенный, с весьма симпатичным характером и добрым отзывчивым сердцем юноша. Товарищи его очень любили и бывали у нас в домѣ. В немногіе дни его кратких каникул он с юношескою радостью пользовался офицерской свободой и побывал в лѣтних театрах и в тѣх садах, гдѣ запрещалось бывать воспитанникам Училища.

I-го мая он отправился на эскадру: жена с ним простилась и уже больше она его не видѣла.

ПЕРЕД ВОЙНОЙ.

В эту весну, как и в два предыдущіе года явных причин для европейской войны, как будто, не было, но тѣм не мѣнѣе всѣ государства усиленно вооружались; строились поспѣшно дредноты, сверх-дредноты, подводныя лодки, аэропланы. Виновником этого напряженнаго состоянін была Германія. Для ея колосально развившейся промышленности требовались рынки и колоніи; но большинство колоній было в руках Англіи, бывшей в этом отношеніи естетственным соперником и конкурентом Германіи. Диких Африканских колоній (Занзибар и Камерун) ей было мало, а Кяу-чау в Китаѣ имѣл характер лишь военнаго порта.

---

[1]) При дворѣ давались балы, а в дворцовом театрѣ громадным успѣхом была разыграна драма — „Царь Іудейскій" — соч. Вел. Князя Конст. Конст—ча, в котор. сам автор изображал Іосифа Аримаѳейскаго.

[2]) Этот полуофицерскій чин был опять установлен во флотѣ. В этом чинѣ кор. гардемарины обязаны были проплавать на судах эскадры и осенью в октябрѣ производились по экзамену в мичмана.

Для сокращенія своего транзита на Дальній Востокъ Германія уже давно намѣтила себѣ кратчайшій путь к Персидскому заливу[1]). Путь этот вел прямо к Индѣйскому океану: он шел из Берлина через союзную Австрію и уже анексированную ею Боснію, слабую Македонію, Салоники, турецкіе проливы, перестроенные и укрѣпленные вновь германским-же генералом Гольцпашой, затѣм по Багдадской жел. дорогѣ через союзную Турцію (Мал. Азію) и далѣе — в Персидскій залив. На этом пути были только два сомнительных пункта: это маленькая, но строптивая Сербія (за ней к сожалѣнію стояла Россія), и конечный пункт — Персидскій залив; он принадлежал безсильной Персіи, но в этом заливѣ давно хозяйничала одна Англія и держала в нем свою эскадру; по Тигру и Евфрату ходили также ея канонерки. Приходилось и тут столкнуться со своей соперницей.

Что касается Россіи, то импер. Вильгельм старался жить с нею в мирѣ[2]). Мало того, он пошел дальше: изучив слабый неустойчивый характер Царя Николая, он с ним сдружился на „ты“ и употреблял всю силу своего краснорѣчія, чтобы убѣдить его не только в пользѣ для Россіи вѣчной дружбы с Германіей, но и разорвать союз с Франціей[3]). Гарантировал ему спокойствіе на западной границѣ, убрать оттуда огромную армію и обратить свое вниманіе и всѣ русскія силы на Дальній Востокъ и Тихій океан. „Ты, писал он ему нѣсколько раз, должен хозяйничать в будущем на Дальнем Востокѣ“: „ты — адмирал Тихаго океана, а мнѣ предоставь Европу и я буду адмиралом Атлантическаго океана. Единственной моей соперницей останется Англія, и я один на один с моей непобѣдимой арміей и сильным флотом заставлю ее быть со мною в дружбѣ и уступить мнѣ часть своих колоній и рынков.“ Из писем Вильгельма обнаружилось, что царь Николай в 1905/6 году сдался таки — и дѣйствительно заключил с Вильгельмом тайный личный[4]) договор на союз с ним. Но Извольскій — посол в Берлинѣ (через французскую секретную развѣдку) пронюхал и донес об этом графу Витте. Министр убѣдил Царя отказаться от тайнаго союза и грозил, что Франція, сомнѣваясь в вѣрности Россіи, сама сорвет с Россіею, и уже обратилась к Англіи с предложеніем дружественнаго соглашенія против ея естествен-

---

[1]) Чтобы из Нѣмецких портов не ходить кругом Европы и через Суэц.

[2]) Руководствуясь завѣщаніем своего престарѣлаго дѣда и продолжая политику канцлера Бисмарка.

[3]) В Подсдамѣ в 18-году были найдены письма Вильгельма к Царю, в них он в теченіи 20 лѣт убѣждал Царя сорвать союз с Франціей, заключить с ним, и обратить все свое вниманіе на Дальній Востокъ.

[4]) При свиданіи на рейдѣ в Біоркэ.

ной соперницы Германіи[1]). Извольскаго перевели из Берлина в Париж.

Вильгельм не унимался и продолжал искушать Царя. „Ты-писал он ему, должен в крѣпких руках держать свою Россію, вся ея сила в твоем самодержавіи. Тебѣ, неограниченному мо, нарху, не подобает дружить с республиканской Франціей. — В Европѣ только двѣ наши сосѣднія державы сохранили крѣпкія монархическія традиціи, и мы с тобой призваны поддерживать наши искони древнія династіи, а не враждовать друг с другом.“

С точки зрѣнія взаимной охраны династій Вильгельм был прав . . . Но остаться вѣрным союзу Франціи, ему помогла личная дружба с кузеном[2]) — королем Георгом англійским. Незадолго перед тѣм, при личном свиданіи (и при содѣйствіи обѣих дипломатій), — оба кузена установили отсутствіе враждебных интересов их стран, и признали вѣрной гарантіей мира согласіе Англіи с Франціей. Визит в Кронштадтѣ англійской эскадры с адмиралом Бety, в маѣ м цѣ 1914 года, как бы закрѣпил эту новую дружбу. В то же лѣто приходил в Кронштадт французскій президент Пуанкаре, на своей эскадрѣ. Оба эти визита отклонили Царя от искушеній Вильгельма. И так, европейскій мир, — как всѣм тогда казалось, обезпечен вполнѣ.

Наши заводскіе директора с началом лѣта разъѣхались по дачам, и я с женой и дочерью Ольгой рѣшили поѣхать опять в Швейцарію[3]), и 1-го іюня уѣхали через Берлин на том-же поѣздѣ, что и в прошлом году. Дни стояли прекрасные, нарядный, блестящій Берлин, со свѣжею зеленью своих садов (и обильем изящных дамских покупок) — приводил моих дам в пріятное настроеніе, и я был рад видѣть их веселыми и довольными[4]).

В Lugano перед самым обѣдом, в небольшом изящном отелѣ, передѣланном из богатой виллы какого-то берлинскаго барона, мы получили три комнаты с общей верандой, выходящей на озеро.

Отель окружен садом — из цвѣтущих олеандров, магнолій и платанов, защищавших его от солнца. Небольшой городок Lugano состоял из 2-х десятков отелей, расположенных дугой по берегу озера; тут были огромные „Palac'ы“ в 7 этажей, „Континентали“, „Насіонали“, „Бристоли“, „Викторіи“, — по-

---

[1]) Вскорѣ это оправдалось: в 1914 году, когда начав войну — 1-го августа (нов. ст.) Германія бросилась на Францію, то уже на 3-й день была поражена внезапной нотой Англіи, объявившей ей также войну за нападеніе на нейтральную Бельгію (предлог).

[2]) Между обоими кузенами большое фамильное сходство.

[3]) Дочь в эту весну окончила уже высшіе курсы Лохвицкой-Скалон и предполагалось послѣ Швейцаріи ее оставить во Франціи для укрѣпленія во французском языкѣ.

[4]) В особенности я радовался за жену.

меньше — „Бориважи“, „Сюисы“, обычные во всѣх Швейцарских курортах, повторяющіяся имена отелей. Набережная длиною версты 1½ была засажена липовою аллеею, это променад, посѣщаемый публикой по вечерам — когда спадала жара. На зеленых склонах гор, окружавших озеро, были устроены тропинки с маршрутами прогулок, как и вездѣ в Швейцаріи. У самаго городка по крутому склону был устроен фюникюлер к монастырю St. Bernardino, лежащем на самой верхушкѣ горы. Оттуда открывался вид на всѣ три сосѣднія озера Lugano, Como и Laggomaggiore. На пароход мы отправлялись иногда на сосѣднее озеро Como, там на островѣ Be adgio в тѣни цвѣтущей зелени было нѣсколько кафе, гдѣ мы иногда обѣдали и, вечером послѣ заката солнца возвращались к себѣ в отель. По вечерам в Lugano публика проводила время на верандах кафе, примыкавших к берегу, и под звуки небольших оркестров, лакомилась мороженным и прохладительными напитками. Когда начались жары, мы рѣшили переѣхать по ту сторону Альп в нѣмецкую Швейцарію, гдѣ значительно холоднѣе. Мы выбрали Weggis на берегу Фирвальдштедскаго озера („озеро 4 х кантонов“) возлѣ Люцерна.

Проѣхав Сен-Готардскій тоннель, а затѣм пароходом по озеру, мы вышли на пристани в Weggis'ѣ и, поднявшись на гору, взяли три номера в отелѣ „Albano“, лежащем в красивом саду, заросшем кленами, лиственницей и туей, из миртовых кустов были бесѣдки; небольшіе фонтаны орошали клумбы цвѣтов. Отель был на широкую ногу, с полным комфортом, прекрасным столом. Преобладали семейства из Германіи и Австріи, нѣсколько еврейских семейств из Одессы и Польши, доктор Поляк с женой и сыном из Варшавы, два англичанина, и один пожилой граф из Бразиліи с молоденькой красавицей — женой и грудным ребенком.

Два раза в недѣлю играл оркестр; из столоваго зала убирались столы и молодежь послѣ обѣда танцовала до полночи. Было очень весело и о близкой войнѣ никто не подозрѣвал. Но вот в газетах получились извѣстія, что судебное слѣдствіе австрійских властей об убійствѣ в г. Сараевѣ австрійскаго наслѣдника с супругой, приняло серьезный оборот. Убійцею был серб[1]). Судебныя власти обвинили Сербію в поддержкѣ этого заговора. Австрія по совѣту Германіи двинула часть войск на сербскую границу через Дунай и угрожала занять Бѣлград и нѣкоторые пункты на Сербской территоріи. Россія предупредительной нотой удержала Австрію от такого опаснаго шага, но видя безуспѣшность своей ноты, объявила мобилизацію корпусов, расположенных на австрійской границѣ и послала Австріи ультиматум — отвести войска от границ Сербіи.

Тут уже запахло войной, и у нас в отелѣ

[1]) По имени — Принцип.

публика начала тревожиться, а австрійскія и вслѣд за ними и нѣмецкія семейства[1]), покинули внезапно отель и уѣхали домой.

Одесскіе и польскіе евреи базировались на меня зная, что я адмирал и что, если я сижу спокойно, то нѣт опасности близкой войны, и они могут не торопиться возвращаться в свою „Одешу". Я тоже с тревогой слѣдил за газетами. В них сообщалось, что императоръ Вильгельм прекратил внезапно свои экскурсіи (на яхтѣ „Hohenzollern") по норвежским фіордам и вернулся в Берлин. Обмѣнялись взаимно Вильгельм с царем Николаем телеграммой. Оба увѣряли друг друга в ненарушимой дружбѣ и рѣшительном желаніи избѣгнуть войны. Но в воздухѣ, тѣм не менѣе, пахло дымом. Толпы иностранцев осаждали вокзалы и спѣшили домой; в Люцернѣ всѣ банки прекратили обмѣн иностранной валюты и закрылись. Швейцарія объявила нейтралитет и мобилизацію, закрыла свои границы для иностранцев, оставив для выѣзда одну лишь пограничную станцію Шафгаузен. Все это я узнал только в Люцернѣ, куда я поѣхал взять спальные билеты в экспресѣ на выѣзд через Берлин[2]). Мѣста во всѣх поѣздах были уже заняты вперед на три дня, и я получил билеты только на 18-го іюля[3]). Мои дамы начали поспѣшно укладывать вещи, накупленныя в большом количествѣ за лѣто и в Берлинѣ, и в городах Швейцаріи; все это с трудом упаковалось в 3 х больших кофрах.

18-го іюля была чудная погода и на пристани в Wegis'ѣ нас провожало все оставшееся там общество иностранцев. Мои дамы с букетами в руках трогательно с ними простились. Вечером в 7 часов поѣзд экспрес, набитый сплошь иностранными бѣженцами, увез нас к границѣ Германіи.

НАЧАЛО ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ 1914 Г.

Постараюсь в коротких словах изложить характер переговоров Германіи с Россіей, непосредственно перед началом военных дѣйствій.

Вернувшись в Берлин, Вильгельм отправил к Царю дружественную телеграмму, а сам объявил секретную мобилизацію. Царь отвѣтил ему такой же телеграммой, но (узнав о мобилизаціи в Германіи) — по настоянію русскаго генеральнаго Штаба была объявлена мобилизація корпусов на прусской границѣ. Германія 17-го іюля послала ультиматум Россіи — отмѣнить мобилизацію. Царь колебался и ночью на 18 ое іюля вызвал к

[1]) Оказалось впослѣдствіи, что мужчины были австрійскіе и нѣмецкіе офицеры.

[2]) По всѣм остальным направленіям выѣзд — как сказано выше — оказался закрытым.

[3]) Наканунѣ объявленія войны (31-го іюля нов. ст.).

телефону начальника генеральнаго Штаба и приказал пріостановить мобилизацію, но получив отвѣт, что теперь уже поздно и что весь западный фронт уже получил телеграммы, и остановить ход невозможно — отдал приказ печатать манифест о войнѣ с Германіей. К тому-же 18-го іюля (ст. ст.) вечером германскій посол кн. Пурталес вручил Сазонову ноту (телегр. от князя Бюлова) о разрывѣ сношеній и началѣ войны[1]).

На вокзалѣ в Шафгаузенѣ творилось „Вавилонское столпотвореніе": сотни тысяч пассажиров—выброшенных из швейцарских поѣздов, бѣжавших домой[2]) — с бою брали мѣста, наполняя нѣмецкіе товарные поѣзды—отходившіе каждые 10 минут на Сѣвер по различным линіям германских дорог. На перонѣ вокзала почти до самой крыши нагромоздилась гора пассажирскаго багажа. Старый носильщик нѣмец услужливо повел нас по темным путям, спотыкаясь на многочисленных рельсах, и впихнул нас с ручным багажем в товарный вагон, уже наполненный бѣженцами.

Всю ночь поѣзд наш шел с долгими остановками, пропуская мчавшіеся нам на встрѣчу воинскіе поѣзды, набитые солдатами, шумно распѣвавшими Wacht am Rein и другія патріотическія пѣсни. Это двигалась юго-западная армія к французской границѣ. Утром мы прибыли в Штутгарт и там на перонѣ толпилась масса народа, кричали „hoch!" и пѣли. На стѣнѣ висѣли свѣжіе плакаты о войнѣ с Россіей. Музыка играла марши и нѣмецкіе гимны, и в каскѣ стоял уже огромнаго роста офицер вмѣсто начальника станціи. Мы оказались в ловушкѣ в непріятельской странѣ[3]) и ѣдем в ея столицу. Поѣзд выбросил нас на перон, мы усталые, голодные, с ручным багажем в руках, чувствовали себя в угнетенном состояніи среди враждебной, шумной толпы. В буфет, на вокзал никого не пускали, там была давка, оттуда солдаты выталкивали публику вон. Не спавшіе всю ночь, бросили богаж на землю, и на нем усѣлись. Говорить было опасно, чтобы не выдать себя снующим в толпѣ сыщикам. По сосѣдству с нами сидѣли на чемоданах и также как и мы уныло молчали в ожиданіи поѣзда—русскіе: граф Сиверс с молодой женой, урожденной Охотниковой; мы их встрѣчали на пляжѣ в Лугано, а здѣсь уж познакомились близко. Молодая чета повѣнчалась в маѣ и медовые мѣсяцы проводили в Швейцаріи; Он отбывал повинность в кавалергардах и теперь торопился в строй. Когда подали поѣзд, мы едва втиснулись в коридор. Рядом был столовый вагон, но пробраться в него было невозможно: там в походной формѣ высокій полковник возвѣ-

---

[1]) Главнокомандующим всѣх сухопутных сил назначен был В. Кн. Николай Ник-вич; н-к Штаба — ген. Янушкевич; нач. Балтійскаго флота — Адм. Н. О. Эссен; Черноморс.—адм. Эбергарт.

[2]) Тут были запоздавшіе нѣмцы, бельгійцы, шведы, датчане, финляндцы, поляки, оствейцы, русскіе и больше всего русских евреев.

[3]) И я с паспортом вице-адмирала русскаго флота.

шал ликующей толпѣ о побѣдах, уже одержанных нѣмцами над „варварской Россіей". Пассажиры угощали его вином и кричали „Hoch Kaiser!". Поѣзд наш двигался медленно, пропуская военные поѣзды, мчавшіеся на запад к французской границѣ. В коридорѣ, набитом людьми, загроможденном вещами мы молча сидѣли на своих порт-пледах у самого прохода в сосѣдній столовый вагон, куда мимо нас поминутно проталкивались пассажиры утолить голод и послушать кичливаго полковника. Мы голодные, сонные, унылые не могли раздѣлять радостнаго ликованія нѣмецкой толпы, и мы чувствовали на себѣ подозрительные взгляды. В толпѣ были слышны разговоры об осмотрѣ паспортов пассажиров.

БЕРЛИН.

Спустя двое суток поѣзд ночью на 22-ое іюля[1]) подошел к Берлину, гдѣ долго пропускал встрѣчные поѣзды, и только под утро он выбросил нас на Anhalt'скій вокзал. Мы обошли с графом цейхгауз, ища свой богаж, сданный в Люцернѣ, но старый смотритель цейхгауза, слыша чистый нѣмецкій акцент графа, участливо отнесся к нашим поискам, и сказал, что багаж не может теперь прійти в Берлин ранѣе, как через 5 дней. Ну, дѣлать нечего, пришлось с ним разстаться, и мы с графом рѣшили не заѣзжать в отель (гдѣ нас арестовали-бы неминуемо), а сейчас-же, пользуясь темнотой, проѣхать на Штетинскій вокзал, и пробираться к морскому берегу — в Данію. Берлин не спал всю ночь: кафе и рестораны всѣ были освѣщены и в них шумѣли подгулявшіе нѣмцы; на улицах встрѣчались пьяныя группы, шумно распѣвавшія пѣсни[2]).

На Штетинском вокзалѣ было еще пусто, но к 7-ми ч. утра собирались пассажиры, ѣдущіе к сѣверному берегу. В 8-ч. отходил поѣзд через Росток на Варномюнде. Граф взял билеты 2-го класса и мы, получивши в буфетѣ кофе и бутерброды, утолили свой голод и с надеждой на удачный выѣзд из Германіи — в радостном расположеніи духа усѣлись в вагон. В нашем вагонѣ и во всем поѣздѣ слышался русскій и польскій говор, было нѣсколько остзейцев и больше всего еврейских семейств. Я рѣшил уничтожить свой паспорт и в уборную сбрить усы, чтобы принять наружность финскаго лоцмана, рѣшив выдавать себя за финляндскаго подданнаго. Мы радовались, что в полдень будем уже на морском берегу и покинем Германію. Но на первой-же большой станціи „Neustrelitz" поѣзд наш был оцѣплен солдатами, огромнаго роста с красным носом поли-

[1]) ст. стил.

[2]) По пути подхватили свѣжій номер Берлинской газеты, в ней была рѣчь Имп. Вильгельма, с балкона дворца говорившаго толпѣ, что Царь его обманул, объявив мобилизацію будто раньше нѣмецкой и он вынужден нарушить клятву, данную на смертном одрѣ престарѣлому дѣду не воевать никогда с Россіей,

цейскій комендант заорал: „alle Russen aufsteigen!“, а затѣм „schneller! schneller!“ — пассажиры поспѣшно бросали через окна багаж и выскакивали на перрон. Когда всѣ вышли — была новая команда: „Damen und Kinder zurück“! им в окно я бросил горсть нѣмецких марок и прокричал: „в Копенгагенѣ — к русскому консулу!“ и только. Поѣзд ушел. Нас окружили конвойные и, по 4 в ряд, под начальством коменданта, повели с вокзала в город. Комендант вел на цѣпи 2-х больших волчей породы собак-сыщиков и кричал нам, чтобы шли в ногу. Нас было около 400 мужчин и нѣсколко дам — евреек, не желавших оставить своих мужей. В опустѣвшем казармѣ нас выстроили в один ряд, обыскали и осмотрѣли чемоданы. Затѣм такимже порядком повели обратно и, усадив в поѣзд, отправили дальше, запретив открывать окна и подымать шторы. Мы задыхались от духоты; с моим графом сдѣлался обморок. У одной еврейки нашелся одеколон, и графа привели в чувство. Мы однако радовались, что дешево отдѣлались. Но не тут-то было: на станціи „Rostok“ опять нас окружили солдаты и, выстроив на перронѣ в 2 шеренги, приступили к осмотру паспортов, чтобы задержать всѣх мужчин призывнаго возраста (до 50-ти лѣт). В русских заграничных паспортах возраст не прописывался, а потому опредѣляли его по наружному виду. На лѣвый фланг отсылали стариков; тут был граф Сюзор, член Гос. Думы Свѣнцицкій, два три сенатора, профессора, нѣсколько старых евреев. Я стоял с графом в задней шеренгѣ и рѣшил не ждать очереди, боясь что меня, как безпаспортнаго, могут задержать и, воспользовавшись спором 2 евреев, увѣрявших, что им чутьли не 70 лѣт (хотя на вид им было не болѣе 35-ти), я пробрался сзади фронта на лѣвый фланг, и встал рядом со стариками. Человѣк 200 задержали и в том числѣ моего графа, а нас стариков посадили в поѣзд. Грустно мнѣ было прощаться с симпатичным графом. Я обѣщал ему принять под опеку его молодую жену в дальнѣйшем пути до возвращенія в Россію. Часам к 11-ти поѣзд пришел в Варне-мюнде. На морском берегу небольшой деревянный вокзал; в буфетѣ на прилавкѣ виднѣлись аппетитные бутерброды и пиво, но нас туда не пустили, объяснив, что и своим едва хватает. Комендант заявил, что сообщеніе с Даніей прекращено, и послѣдній пароход[1]) ушел туда сегодня в полдень: „и вы „Russische Schweine“ можете тут и подыхать!“. Пассажиры усталые, в совершенной апатіи, улеглись на берегу на свои чемоданы. Нѣсколько людей болѣе энергичных, и в том числѣ Свѣнцицкій, стали хлопотать о разрѣшеніи нанять частный параход. Окружной комендант по телеграфу прислал разрѣшеніе; пароход был нанят и около 3-часов ночи мы с величайшей радостью отплыли. В 6 ч. утра прибыли на датскій берег у маяка „Gieser“ и, поѣздом, уѣхали в Копен-

[1]) На нем уѣхали наши дамы.

гаген. На перронѣ встрѣтила нас графиня, поджидавшая мужа; она выходила на встрѣчу ко всѣм поѣздам, приходившим из Германіи с тысячами бѣженцев. Увидя меня одного она расплакалась; я старался, внушать ей надежду на возможное прибытіе графа на одном из слѣдующих поѣздов. У русскато консульства шумѣла на улицѣ тысячная толпа русских бѣженцев, добиваясь билетов на проѣзд в Россію, а моих дам с графиней пріютил вчера на ночлег посольскій священник. Выразив семьѣ добраго священника благодарность за участіе и пріют, мы в тот-же вечер отправились на пароходѣ в Мальмэ; там переночевали в квартирѣ подхватившаго нас иа вокзалѣ какого-то шведа,[1]) уѣхали в Стокгольм; туда прибыли вечером. Там разыскали в-морского агента кап. 2-р. Сташевскаго, он помог нам найти ночью пріют в комфортабельной гостинницѣ „Hotel Anglais".

Наша молодая графиня ходила к каждому поѣзду. Но ожиданія ея были напрасны. Наши уговоры ѣхать с нами дальше успѣха не имѣли[2])

Здѣсь русское посольство по цѣлым дням осаждалось русскими бѣженцами, добивавшимися проѣзда в Россію. Но путь туда шел на сѣвер через всю Швецію, до границы Финляндіи (р. Торнео), и шведское правительство, объявив у себя мобилизацію, не имѣло достаточнаго подвижнаго состава, чтобы перевезти сотни тысяч русских бѣженев.

В толпѣ у посольства, приходилось встрѣчать массу петербургских сановников, семейных и одиноких, уѣзжавших обыкновенно на лѣтній сезон в нѣмецкіе и австрійскіе курорты. Всѣ добивались получить билеты на эвакуаціонные поѣзды, которых было только два в сутки. В числѣ первых пассажиров проѣхали через Стокгольм Имп. Марія Ѳеодоровна, В. Кн. Константин Константинович с женой, В. Кн. Михаил Алекс-вич, россійкое посольство из Берлина и всѣ русскія миссіи германских государств.

Имѣя в виду, что в Торнео придется ночевать в лѣсу, и может быть нѣсколько дней, мы накупили здѣсь теплых вещей и вообще собирались, готовясь к долгому путешествію. Но в гостинницѣ было так уютно и так пріятно отдохнуть послѣ скитаній по враждебной Германіи, что мы, признаться, не очень назойливо добивались в посольствѣ билетов.

На городских улицах, переполненных бѣженцами, было большое оживленіе: публика толпилась у витрин редакцій, выставлявших телеграммы, приходившія с театров войны. В тѣ дни германская армія стремительным потоком ринулась на

---

[1]) Всѣ гостинницы были переполнены бѣженцами.

[2]) Тут она случайно встрѣтила брата своего мужа, и вмѣстѣ с нии осталась в Стокгольмѣ.

Францію[1]) через нейтральную Бельгію. Льеж, Антверпен, Брюсель были уже взяты, и бельгійская армія предводимая самим королем Альбертом оставила Бельгію и отступила в сѣверную Францію.

На 4-ый, или 5-ый день войны Англія внезапно объявила войну Германіи (предлог — нарушеніе нейтралитета Бельгіи), а Италія отказалась от тройственнаго союза, и бросила свою армію к границам Австріи. Это для Германіи было тяжелым ударом. Русская армія бросилась на Восточную Пруссію и брала один город за другим, имѣвшіе только небольшіе гарнизоны; пришлось часть нѣмецкой арміи отвлечь на восток. Дѣла Германіи были в то время не важны. Читая в Стокгольмѣ эти извѣстія, мы и всѣ русскіе бѣженцы воспряли духом и разсчитывали на близкій конец войны, но не в пользу Германіи, как она разсчитывала, а во славу наших союзников. Главнокомандующим германскими военными силами был рѣшительный энергичный генерал Гинденбург, начальником штаба кн. Людендорф, а имп. Вильгельм руководил всѣм планом войны; он неутомимо метался по всей Германіи, появляясь то на западном, то на восточном фронтѣ. В нѣмецких журналах он изображался несущимся на автомобилѣ с молніеносной быстротой в сѣром плащѣ и походной каскѣ. Он значительно посѣдѣл и его усы, стоявшія обычно дерзновенно кверху, теперь в безпорядкѣ опустились книзу.

В Стокгольмѣ я встрѣтил Эмиля Шпана [2]) — он с молодой женой возвращался в Петербург из Берлина, гдѣ у него с извѣстным Герцем был оптическій завод. Момент объявленія войны застал его на пути (в Копенгагенѣ) и он не рѣшался, куда ему ѣхать: в Петербургѣ остались его маленькія дѣти, но там его арестуют, как германскаго подданаго; ѣхать в Берлин— там его мгновенно заберут в армію. Живя с нами в одном отелѣ и совѣщаясь со мной — как ему быть, он рѣшил ожидать здѣсь на нейтральной почвѣ до выясненія обстоятельств войны, полагая, что через 2 недѣли (как многим тогда казалось) война должна окончиться. Узнав, что наш багаж застрял в Берлинѣ, он предложил мнѣ свои услуги — принять его и оставить на храненіе на заводѣ Герца, а послѣ войны отвезти в Петербург.

Прошло уже дней 7 от начала войны и нам пора было ѣхать домой. Там вѣдь остался сын Жорж—теперь уже—мичман и несомнѣнно, что он назначен на корабль дѣйствующаго фло-

[1]) По плану германскаго штаба, нѣмецкая армія — с момента начала войны — стремительным ударом бросается на Францію, и через 2 недѣли берет Париж, а затѣм, повернув на Восток, сосредоточивает всѣ силы тройственнго союза для удара наРоссію, в которой мобилизація проходит очень медленно, вслѣдствіи больших разстояній и небольшого числа ж.-дорожных путей. Германскій план разсчитывал на полный успѣх, разбивая по частям Францію и Россію. Он был увѣрен в нейтралитетѣ Англіи и союзѣ Италіи. Но тут-то он и обманулся.

[2]) Брат нашего Шпана, предсѣдателя правленія заводов, гдѣ я служил.

та. Случай меня избавил от долгаго пути через Торнео: я встрѣтил в „Grand Hotel'ѣ“ Эмануила Нобеля, и он мнѣ предложил поѣхать на своем пароходѣ, отправлявшемся завтра из Стокгольма прямо в Раумо на финляндском берегу возлѣ Або, я с благодарностью принял предложеніе и на слѣдующій день получили мѣста на весьма приличном пароходѣ. Там набралось до 100 пассажиров, знакомых Нобеля петербургских сановников. На ночь пароход встал на якорь в Стокгольмских шкерах. На утро с разсвѣтом шведскій морской лейтенант провел нас по минному загражденію [1]). Теперь нам предстояло проскочить поперек Ботаническаго залива до Финляндскаго берега не попасться нѣмецкому крейсеру. Поэтому в помощь шведскому капитану, на мостикѣ собрались пассажиры из наиболѣе зорких, с биноклями в руках, тут был сам Нобель, граф Берг [2]) финляндскій министр путей сообщенія, извѣстный комерсант Ст. Елисѣев, два-три финляндских яхтсмена, знакомые хорошо с финляндскими шкерами и я. День был ясный, теплый, в морѣ было тихо и наше плаваніе напоминало скорѣе пріятный пикник, чѣм довольно рискованное предпріятіе. На пароходѣ нас кормили прекрасно, чистенькія шведскія freken'ы очень заботливо нас угощали. С восходом солнца мы подошли к финляндским шкерам. Там с плавучаго маяка выѣхал к нам на встрѣчу военный лоцман с минным кондуктором и повел нас по минному загражденію, поставленному поперек фарватера. К вечеру мы ошвартовились к пристани Раумо. Тут уже стоял финляндскій поѣзд, вызванный телеграммой гр. Берга. В Петербург прибыли поздно вечером 30-го іюля. Дома я нашел телеграмму и двѣ открытки от Жоржа, он с юношеским восторгом сообщал, что произведен в мичмана и уже принимал участіе в боевых операціях на своем крейсерѣ „Паллада“—при охранѣ минных заграждений у входа в финскій залив [3]). Я рѣшил — при первой возможности поѣхать в Ревель, чтобы его повидать.

В правленіях наших заводов работа кипѣла: сыпались заказы на выдѣлку снарядов, мин, аэропланных бомб от артиллерійскаго и от морского вѣдомства. Мнѣ предстояли вскорѣ командировки за разными матеріалами для наших заводов: В Ревель, в Харьков—за углем, в Юзовку—тоже, в Або—за шведской сталью, в Біорнеборг—тоже, и в Архангельск—за снарядами от Крезо—из Франціи.

---

[1]) По общему международному праву, Швеція, объявив нейтралитет, оградила минами свои берега, дабы не давать в них укрываться военным судам воюющих держав.

[2]) В 1905 г. он был у меня на „Славѣ“ в Гельсингфорсѣ вмѣстѣ с Кн. Оболенским—читал манифест.

[3]) Минное загражденіе было поставлено между Гангэ и о-м Даго для защиты входа в Финскій залив; 4 крейсера: „Паллада“, „Баян“, „Макаров“ и „Олег“ охраняли поочередно это загражденіе. Базою их был Ревель, туда ходили возобновлять запасы.

В Петербургѣ во дворцах формировались дамскіе комитеты помощи раненым, во главѣ их становились жены министров, великія княгини и сама царица. В красном крестѣ мобилизовались санитарные поѣзды, и предложеній в сестры милосердія было значительно больше спроса на них. Многія офицерскія жены предлагали свои услуги, надѣясь попасть в тот раіон, куда двигался полк мужа. Почти всѣ правительственныя учрежденія, высшія школы, многіе заводы, фабрики и частныя торговыя фирмы открывали лазареты для раненых воинов.

Наши заводы открыли сообща богатый лазарет в домѣ Утина на Конногвардейском бульварѣ на 50 офицеров.—Наши дамы там дежурили, а дочери директоров были сестрами милосердія; ординатором был приглашен извѣстный хирург д-р Оппель.

Моя дочь Ольга, прослушав курсы сестер милосердіи—поступила вначалѣ в наш офицерскій лазарет на Конногвардейском бульварѣ, а затѣм вскорѣ перешла в лазарет при институтѣ Путей сообщенія и там дежурила около 2-х лѣт.

На нашем ревельском заводѣ спѣшно достраивались миноносцы, на них устанавливались минные аппараты. В связи с этой установкой явилась надобность в рѣшеніи нѣкоторых технических вопросов. Я воспользовался этим и уѣхал в Ревель, разсчитывая заодно дождаться там прихода „Паллады“ и повидать Жоржа. Я взял с собой цѣлую корзину офицерской обмундировки, прибавив туда комплект резиновых и теплых вещей для осенняго крейсерства. Жена приложила туда от себя спасательный пробковый жилет [1]). Я ее отговаривал, но она, по своей материнской нѣжности, настояла на посылкѣ сыну этого подарка.

Узнав на заводѣ, что в этот день крейсер „Паллада“ пришел с моря и стоит на рейдѣ, я с сигнальной мачты вызвал Жоржа на берег. Вскорѣ пришел катер с „Паллады“ с Жоржем. Я крѣпко обнял его, поздравил и был очень рад видѣть его бодрым и веселым. Он с радостным оживленіем разсказывал о стычках „Паллады“ с нѣмецкими крейсерами. Проѣхав на наш завод, мы с ним позавтракали в заводской столовой, потом обошли по элингам и строющимся судам. Затѣм на автомобилѣ прокатились по Екатеринеталю; заѣхав к фотографу — он снялся, потом обѣдали в морском собраніи. Вернувшись, я ему передал корзину с вещами; он все осмотрѣл и был очень доволен: мѣховая тужурка и резиновый дождевой шлем ему особенно понравились. Увидѣв на днѣ корзины спасательный пояс, он, с удивленіем, молча, взглянул на меня,—как мог я, старый моряк, привезти ему такую позорную вещь?! Но узнав, что это

[1]) Какіе вѣшают обыкновенно в каютах пассажирских пароходов для спасанія на случай аваріи в морѣ. Но ни один морской офицер не допустит в свою каюту такого пояса из самолюбія, считая это малодушіем. На военных судах поясами снабжаются только спасательныя катера.

от матери—он точно в смутном предчувствіи, с грустью посмотрѣл на пояс и, взяв его бережно в руки, положил в пустой шкаф, стоявшій в этой комнатѣ [1]). Под вечер я в автомобилѣ отвез его в гавань. Я с ним сердечно простился, обнял, перекрестил. И больше его не видѣл... через мѣсяц крейсер „Паллада“ был взорван и он с ним погиб... Мнѣ тяжело описывать этот новый удар, постигшій нашу семью. Но гибель „Паллады“ относится к анналам родного мнѣ флота, и я не могу в своих мемуарах пропустить это печальное событіе.

ГИБЕЛЬ КР. „ПАЛЛАДЫ“.

Как сейчас помню—в понедѣльник 29 сентября утром, одѣваясь в своем кабинетѣ, я услышал из столовой внезапный вопль и горькое рыданіе жены. Прибѣжав в столовую, я застал там жену со свѣжим номером газеты в руках, опустившихся безсильно на колѣна; из глаз ея лились горькія слезы. Взяв у нея номер, я прочел телеграмму: „Ревель 28-го сентября. Сегодня в 1 ч. 15 м. по полудни крейсер „Паллада“, взорванный нѣмецкой миной, погиб со всею командою и офицерами“...

О Боже! и второй сын, этот милый мальчик погиб безслѣдно, как и старшій, на утонувшем кораблѣ... Сердце разрывалось от отчаяніи и горя, и утѣшать друг-друга [2]) нам было нечѣм.

Но, как утопающій за соломенку хватается, так и у меня блеснул слабый луч надежды:—„авось с „Паллады“ кто нибудь спасся?“ и я поѣхал в Мор. генеральный Штаб узнать подробности катастрофы. Там встрѣтил меня адмирал Русин [3]) и, угадав—зачѣм я пріѣхал, обнял меня и стал утѣшать (он лично знал моего Жоржа, когда тот еще мальчиком пріѣзжал ко мнѣ в 1905 году на „Славу“, а потом 6 лѣт в Морском Училищѣ адм. Русин, будучи директором, опековался Жоржем из дружбы ко мнѣ). Он дал мнѣ прочесть экстренное донесеніе командира кр. „Баян“, бывшаго с „Палладой“ в совмѣстном крейсерствѣ. Оно гласило „Сегодня (28 сент.) в полдень, по сдачѣ дежурства крейсерам „Макарову“ и „Рюрику“, „Паллада“ [4]) и „Баян“ — в сопровожденіи 2-х миноносцев—отправились в свою базу (Гельсингфорс) за возобновленіем запасов. Ход был 15

---

[1]) Когда послѣ взрыва „Паллады“ я пріѣзжал осенью в Ревель и останавливался в той же комнатѣ, и затѣм еще пріѣзжал нѣсколько раз—то пояс все еще лежал на днѣ того же шкафа.

[2]) Дома мы были только в двоем с женой; дочь Ольга была в то время кажется в отъѣздѣ, она гостила в Брянскѣ у сестры Наташи.

[3]) В 1905 году плавал у меня на Балтійской эскадрѣ, командуя „Славой“.

[4]) Командир—кап. 1 ранга Магнус; он как старшій шел головным.

узлов, „Баян“ шел сзади в разстояніи 7 кабельтовых. Время было послѣобѣденное и команда отдыхала, лежа у своих орудій. Миноносцы (за ненадобностью) были отпущены и ушли вперед. В морѣ было ясно и тихо. В 1 ч. 15 м. дня я, находясь на мостикѣ в рубкѣ — услышал впереди себя потрясающій взрыв (двойной) и подбѣжав к краю мостика, увидѣл впереди высокій черный столб воды и дыму на мѣстѣ, гдѣ был корпус „Паллады“, и когда столб упал, то на поверхности моря пѣнилась вода от выходивших пузырей пара и дыму. Ни плавающих людей, ни обломков на водѣ уже не было. От момента взрыва до моего подхода к этому мѣсту прошло не болѣе 2-х минут. В этот момент я увидѣл у себя за кормой пузырный слѣд проскочившей мины Уайтхеда. Я сдѣлал залп из всѣх орудій по тому мѣсту, откуда шел выстрѣл, полагая нахожденіе там подводной лодки. Наши миноносцы, услышав взрыв, вернулись сюда, но подбирать им было нечего, т. к. от „Паллады“ не было остатков“ [1]).

Этот рапорт отнял послѣднюю слабую надежду на чье либо спасеніе. Я из Штаба вернулся домой... Жена в передней ждала меня, в ея прекрасных больших глазах стояли двѣ капли невысохших слез; луч слабой надежды блеснул в ея печальном трепетном взглядѣ, которым она молча вопрошала меня. Но этот луч мгновенно погас и смѣнился взрывом горькаго отчаянія—когда она прочла в моих глазах выраженіе безвыходнаго горя...

Бѣдный мальчик! Он не испытал еще радостей жизни, и со школьной скамьи прямо попал в бой.

Нѣт над его прахом ни креста, ни могилы; от него остался лишь фотографическій снимок, случайно в Ревелѣ снятый. Меня до сих пор мучает совѣсть, что мы так мало его баловали. Он всегда оставался на втором планѣ, т. к. его юность протекала в то время, когда я был отвлекаем революціей 1905/6 года, бунтами на судах и эскадрах, Черноморской службой и цѣлым рядом важных дѣл и служебных порученій, безпрерывно слѣдуемых одно за другим.

На сл. день в Адмиралтейском соборѣ была панихида по погибшим на кр. „Паллада“, то была первая жертва в эту войну.

Собор был переполнен: тут были высшіе представители флота,—адмиралы и многіе с женами, морской министр, родные

[1]) Такое молніеносное разрушеніе корабля без остатков представляет исключительный случай. Его можно объяснить лишь случайностью, что мина взорвалась под минным или пороховым погребом, и произвел детонацію своих взрывчатых запасов, да еще и котлов с высоким давленіем пары. Из наших минных опытов и из японской войны извѣстно, что корабль, получив минную пробоину, способен долго еще бороться. Напримѣр „Петропавловск“ только через 17 минут опрокинулся и затонул. Затѣмъ наши суда в ночь послѣ Цусимскаго боя, подорванныя минами, долго держались на водѣ и на нѣкоторых судах почти всѣ команды были спасены на шлюпках.

погибших, от Царя депутатом пріѣхал адм. Нилов, Великія князя Александр Михайлович и Кирилл Владимирович и много военных и морских чинов. Нам с женой выражали всѣ сочувствіе, но эти слова утѣшенія не могли конечно успокоить наших раздерганных нервов. Адмиральша Макарова пріѣхала к нам на дом. В Ревелѣ я нашел двѣ открытки, посланныя за нѣсколько дней до взрыва „Паллады". Он в них сообщал о перестрѣлкѣ с нѣмецкими судами. Я заѣхал к фотографу взять его снимки. Хозяйка ателье, она же ретушерка очень сочувственно отнеслась к моему горю и обѣщала постараться выполнить хорошо увеличительный портрет. Портрет был исполнен артистически—наш милый Гога вышел точно живой с оттѣнком грусти в больших красивых глазах. Я заказал массивную черную раму с серебрянной вѣткой—и таких два портрета дома у нас остались от обоих погибших сыновей...

В октябрѣ Турція скинула маску и открыто приняла участіе в войнѣ в союзѣ с Германіей и закрыла Босфор и Дарданеллы, в которых хозяйничали нѣмцы во главѣ с Гольц-пашей. Россія потеряла всѣ пути морского сообщенія со своими западными союзниками, теперь остался только один Архангельск.

Всѣ боевые припасы шли к нам через Архангельск.

Наш завод „Парвіяйнен", связанный с заводом „Creusot", получал оттуда сталь для снарядов. Мнѣ было получено вести дѣла транспорта в Управленіи Военных Сообщеній.

Я имѣл знакомства и успѣшно доставал цѣлые маршрутные поѣзды, как из Архангельска, так равно и из Харькова, откуда получался уголь для всѣх заводов, работающих на оборону. Таких заводов в одном Петербургском раіонѣ нѣсколько сот, поэтому можно себѣ представить, сколько было конкурентов на вагоны. Наш завод еще имѣл возможность получать снарядную сталь—из Швеціи потому, что наш директор распорядитель фин О. О. Брунстрем имѣл хорошія связи со шведскими металургическими заводами.

27-го октября пришел в Архангельск пароход из Бордо и привез нам нѣсколько тысяч стальных болванок от Greusot, каждая по 60 пудов вѣсу, и я отправился в Архангельск.

Здѣсь я хочу обратить вниманіе в какое критическое положеніе попала Россія, благодаря закрытію обѣих морей и слабому развитію внутренних путей сообщенія. Имѣя фронт длинною в 2000 слишком верст с 5-ти милліонной арміей, вооруженной скорострѣльной артиллеріей и пулеметами, расходовавшими милліоны снарядов и пуль, этот фронт должен был питаться собственными средствами страны, а этих средств было очень мало. Донецким углем до войны, снабжался только черноморскій флот и металургическіе заводы юга Россіи, а весь Балтійскій флот и заводы сѣвернаго раіона питались англійским углем, (а Московскій раіон работал частью на нефти и частью на до-

нецком углѣ). Всѣм было извѣстно, что Германія готовится к войнѣ на оба фронта, о ея планѣ войны писалось в военных журналах заграничных и русских.

Всѣ державы Европы старались от ней не отстать.

Германія выжидала только удобнаго случая, чтобы начать войну. Одна лишь Россія, по всегдашней безпечности, была и теперь не готова к войнѣ [1]) (исключеніем из этой общей россійской безпечности составлял адмирал Макаров, погибшій к несчастью в Артурѣ в 1904 г. у него в рабочем кабинетѣ крупными буквами стоял плакат „Помни войну"! и он всею своею дѣятельности держался этого лозунга). И вот теперь, когда наши западные союзники посылали нам в помощь боевые припасы, то все это шло в один только Архангельск, закрытый 1/2 года льдами, а из Архангельска—далѣе до самой Вологды шел один только путь—узкоколейная старая дорога (с разбитым подвижным составом) построенная когда-то на свой риск и страх Мамонтовым для подвоза московскому рынку рыбных продуктов из Бѣлаго моря. Драгоцѣнные военные грузы приходилось перегружать в Вологдѣ на широко-колейные пути. Только на 2-ой год войны, когда русской арміи пришлось очень круто, тогда догадались строить новую дорогу к незамерзающему Мурману [2]). Постройка шла наспѣх: по снѣжным пустыням, по тундрам прокладывались рельсы мѣстами прямо на снѣг. Из Петербурга путь шел на Петрозаводск на Кемь и Кандалашку (у берега Бѣлаго моря), и затѣм на дальній Сѣвер к устью р. Колы; там и был Мурман — незамерзающій порт (благодаря Гольфстрему).

В широком устьи Сѣверной Двины, на правом берегу расположен г. Архангельск и порт с пристанями и пакгаузами, куда с пришедших судов выгражаются грузы, а вокзал желѣзной дороги—по какому-то капризу—построен на лѣвом берегу с мелким песчаным пляжем, куда большія суда приставать не могут. И вот, грузы приходится с городоского берега вторично перегружать на мелкія шаланды и тащить их за три мили к вокзалу, и там бросить их на песчанный берег без пристаней. Движеніям шаланд мѣшал ледоход, шедшій в то время уже по рѣкѣ. За ночь рѣка замерзала, и на утро ледоколы ломали лед.

Такое „остроумное" устройство имѣл единственный для всей Россіи порт. Пароходов прибывало много,—шаланд и буксиров—было очень мало. Иностранные пароходы, боясь замерзнуть и остаться здѣсь до весны, на перебой друг у друга перехватывали шаланды; тут суетились агенты транспортных кон-

---

[1]) Так было перед всѣми послѣдними войнами: Японской, Турецкой и Крымской.

[2]) Постройку вели инженеры: Горячковскій, Трегубов, Истомин и мой зять В. Н. Дмитріев, вызванные из Сибири, гдѣ они строили Средне-Амурскую дорогу.

тор, представители военных управленій и безчисленных заводов, работавших на оборону. На пристанях была толкотня, точно на базарѣ. Тут суетились даже агенты шоколадных фабрик „Ж. Бормана“ и „Конради“; для них прибыл транспорт какао,—и им удалось тоже получить наряд на вагоны [1]).

Вот какую картину я застал в Архангельскѣ, когда прибыл туда получить сталь.

У пристани стоял военный транспорт „Бакан“ с командиром порта, молодым, энергичным кап. I ранга Ивановским; здѣсь в небольшой каютѣ была его канцелярія. Только благодаря неутомимой энергіи этого дѣльнаго офицера, — при столь безтолковом состояніи порта,—переотправка грузов шла довольно успѣшно.

Через 3 недѣли весь груз французской стали был доставлен на наш завод.

Правленія заводов „Р. Балтійскаго судостроительнаго О-ва“ и „Барановскаго“ предложили мнѣ взять на себя и у них обязанности „толкача“. И с тѣх пор в теченіи 3-х лѣт войны, я путешествовал по Россіи и Финляндіи.

Дома я застал жену в глубоком траурѣ, а дочь Ольга работала добровольною сестрою милосердія в лазаретѣ института Путей Сообщенія.

В ноябрѣ 1914 г. в Южной части Тихаго океана у берегов Чили (параллель порта Corouel) происходила встрѣча небольших крейсерных отрядов германскаго флота („Dresden“, „Leipzig“ и „Dueivenau“) под командой адм. гр. Spee с англійским отрядом („Good Hope“, „Monmoutta“ и „Glasgoud“). Послѣ жестокаго боя, окончившагося уже в темнотѣ наступившей ночи—англичане потеряли всѣ суда и только один „Glasgoud“ сильно побитый — уцѣлѣл и скрылся в темнотѣ. Германскіе крейсера получили значительные аваріи, для ремонта адмирал гр. Spee зашел в порт „Corouel“, гдѣ германская колонія устроила ему божественную встрѣчу как побѣдителю. Между тѣм кр. „Glasgoud“ сообщил радіо телеграммой в Англіи о гибели своего отряда, а сам отправился для ремонта на Фолкландскіе острова, гдѣ англичане имѣли порт (угольную станцію) и в нем станціонер старый крейсер „Ganopus“ с половинной командой из резервистов. В Англіи Адмирал Fisher (нач. флота) на телеграмму „Глазгова“ немедленно назначил два новых дредноута „Inflexibla“ и „Invencible“ и поручил адмиралу Sturdee отправиться к Фолкландским о-вам, поймать германскій отряд и истребить его. Между тѣм герм. адмирал по исправленіи своих судов рѣшил воспользоваться слабою обороною Фолкландских

---

[1]) Управленіе Воен. сообщеній давало наряды на вагоны только заводам, работающим на оборону. Тогда многія частныя фабрики и в том числѣ даже шоколадныя—„Ж. Бормана“ и „Конради“ открыли у себя небольшія мастерскія для обдѣлки снарядовъ, и это давало им право на полученіе вагонов.

о-вов и завладѣть ими как удобною базою для своего отряда. Прійдя туда он занял порт без боя, т. к. „Canopus“ не сопротивлялся. Вскорѣ показался отряд адмирала Sturdee. Нѣмцы вышли из порта и при встрѣчѣ с англичанами были разбиты и утоплены всѣ суда; адмирал гр. Spee погиб, а с ним всѣ адмиралы. Нѣсколько сот матросов были спасены и взяты англичанами в плѣн.

На Черном морѣ успѣшно оперировали нѣмецкіе крейсера „Geben“ и „Бреслау“, а Черноморской эскадрѣ никак не удавалось их поймать. На Балтійском морѣ адм. Эссен, благодаря благоразумію и обдуманности, потер не имѣл и даже под Данцигом утопил нѣсколько нѣмецких второстепенных судов успѣшными и осторожными набѣгами миноносцев и подводных лодок.

В декабрѣ по Петебургу ходили тревожные слухи, что положеніе русской арміи стало критическим: отступленіе по всему фронту в западной Польшѣ до р. Вислы с отдачей нѣмцам Лодзи с его богатым промышленным раіоном, а это вынудило к отступленію лѣваго крыла русских войск, успѣшно наступавших в Западной Галиціи и Силезіи. Потери в людях были колоссальны, и всѣ эти жертвы пошли на смарку. Русская артиллерія израсходовала весь запас снарядов, а у пѣхоты не доставало винтовок. Арсеналы были пусты. Ежедневный расход снарядов 45.000, а наши заводы могли подавать едва 13.000 в день. Дан был заказ Японіи и Америкѣ на 1.000.000 винтовок, но когда это будет? — Всѣм заводам, в том числѣ и нашим, были выданы авансы на усиленіе выпуска снарядов до maximuma. В Донецком бассейнѣ добыча угля и выдѣлка металла пошла с большим подъемом. Промышленные раіоны Юга Россіи, Петербургскій и Московскій принялись дружно работать на оборону. Но при Дворѣ, камарилія императрицы нашептывала царю, что пора прекратить войну, чтобы этим путем спасти престол. Царь колебался, но в манифестѣ провозгласил лозунг: „войну до полной побѣды и разгрома Германіи“. — Этот же лозунг повторялся теперь всей русской прессой и обществом, но с непритворным патріотизмом. Во главѣ русскаго правительства стоял престарѣлый бюрократ Горемыкин, а военным министром старый фальстаф — генерал Сухомлинов — прославившійся недавно перед войной скандальной исторіей отбитія чужой жены от живого мужа, не давшаго ей развода.

Не весело встрѣтило русское общество новый 15-ый год. Армія без снарядов отступала по всему фронту. В. Князь Николай Ник. нервничал и требовал снаряженія, а за спиною царя стояло правительство из недостойных лиц: Распустин, Горемыкин, Протопопов и Сухомлинов. В Госуд. Думѣ, в Совѣтѣ и во всем русском обществѣ явно высказывалось неудовольствіе правительством и всею вообще внутреннею политикою. Разоблаченіе измѣны жандармскаго полковника Мясоѣдо-

в а,[1]) пріятеля Сухомлинова, приговореннаго судом к повѣшенію, вызвало в русском обществѣ всеобщее негодованіе.

Январь и февраль я занимался в Петербургѣ на „снарядном“[2]) заводѣ опытами с приборами для плавучих мин. Это — тѣ же шаровыя мины, но без якорей. Их предполагалось набрасывать ночью с миноносцев в открытом морѣ на пути слѣдованія непріятельской эскадры. Они должны были автоматически держаться на заданной глубинѣ и послѣ 2 х 3 х часов утонуть, дабы не вредить своим судам. Приборы глубины были очень чувствительны и деликатны, поэтому над ними пришлось изрядно поработать в заводском опытном чанѣ. Нѣсколько тысяч таких мин весною отправили в Черное море.

В мартѣ был в Харьковѣ Съѣзд Горнопромышленников Юга и Россіи, которому предстояло наладить планомѣрную отправку вагонов угля с Донецкаго бассейна на всѣ заводы (около 400), работающіе на оборону. Составлялась таблица ежедневной отправки по 2-3 вагона в день — безпрерывно на каждый завод. Эта сизифова работа производилась в теченіи 2-х недѣл представителями заводов. Я был делегатом наших 3-х заводов. По окончаніи работ я объѣхал рудники,[3]) с которых наши заводы получали уголь. Между Харьковом и Ростовом, в раіонѣ Бахмута и Луганска, на безграничном горизонтѣ зеленой степи с промежутками в нѣсколько верст, высятся исполинскія пирамиды отбросов горной породы вычерпанной из нѣдр земли и возлѣ них вышки рудниковых строеній. Сѣтью желѣзных дорог, как паутиной, опутаны сотни станцій. Через них проходят двѣ магистрали: одна на Ростов, другая — на Маріуполь[4]) — откуда на пароходах вывозится уголь для Черноморскаго флота.

Взаимныя сношенія между рудниками производятся на лошадях — цѣликом по степи. Сильныя степныя лошади, запряженныя в парныя коляски, легко бѣгут по чернозему.

Глубина рудников и размѣры их подземных лабиринтов зависит от возраста самаго рудника. В рудниках существующих 50 лѣт и болѣе, корридоры пролегают на глубинѣ до 200 саженей. В больших рудниках сотни лошадей протаскивают по рельсам кабинки с углем. Наверх уголь вытаскивается проволочными канатами — гдѣ по наклонным дорогам, а гдѣ вертикально элеваторами. Воздух в подземельи освѣжается механическими вентиляторами, приводимыми в движеніе моторами, находящимися на поверхности земли. Вода подпочвенная, накопляющаяся в подземельи безпрерывно выкачивается электрическими пом-

---

[1]) Жена Мясоѣдова, пріятельница жены Сухомлинова еще перед войной была подкуплена нѣмцами и во время разгрома арміи Самсонова ея муж передавал о движеніях русской арміи.

[2]) Русск. О-во изготовл. снарядов.

[3]) Юзово, Рудченково, Мандрыкино, Кутейниково и Мушкетово.

[4]) Порт на берегу Азовскаго моря.

пами. У штейгеров имѣются ручные фонари с проволочной сѣткой, предохраняющей от взрыва угольной пыли. Но общее освѣщеніе коридоров производится электрическими лампами с предохранительными сѣтками. Спуск и подъем людей производится элеваторами в висячих кабинах. На рудниках я встрѣчал всюду привѣтливость и гостепріимство. К Пасхѣ вернулся в Петроград. —

В исторической жизни Россіи за это лѣто случилось много важных событій, чреватых послѣдствіями. Я их упомяну лишь вкратцѣ:

12 а п р ѣ л я. Грандіозный взрыв с пожаром на Охтенских пороховых заводах. Виновных поджога не обнаружено. Было несомнѣнно, что это работа германской агентуры.

15 а п р ѣ л я. Скандальныя похожденія в Москвѣ Распутина, кутящаго всю ночь с цыганками в ресторанѣ „Ярѣ". Развратник в пьяном угарѣ хвастался откровенно своими любовными похожденіями в Петербургском высшем всѣтѣ и, не стѣсняясь, упоминал Царицу (называя ее запросто „Аллиска"). Московскія газеты постарались, не скрывая, описать этот скандал.

23 м а я. Италія присоединилась к тройственному согласію, объявив войну Австріи.

12 і ю н я. Крупныя волненія в Москвѣ вслѣдствіе отступленія русской арміи из Галиціи. На красной площади многотысячная толпа требовала свержения царя, заточенія царицы в монастырь, и повѣшенія Распутина, и возведенія на престол В. Кн. Николая Николаевича.

Родзянко совѣтовал царю созвать Гос. Думу. — Царь не послушался, ему в другое ухо министры (Саблер, Маклаков и Щегловитов и в особенности Распутин) пѣли обратное: Думы не созывать, а с нѣмцами заключить мир.

26 і ю н я. Смѣнен наконец Сухомлинов, и военным министром назначен ген. Поливанов.

20 і ю л я. Нѣмцы взялы Виндаву и Митаву и подступили к Ригѣ, Варшавѣ и к Ковнѣ.

Вновь назначенные министры (либералы) вмѣсто упомянутых выше реакціонеров, настояли перед царем удалить Распутина в Тобольск. Он, уѣзжая, грубо грозил Царицѣ, предсказывая несчастіе с Россіей и Наслѣдником.

6 а в г у с т а. Отдана нѣмцам Варшава.

18 а в г у с т а. Сданы крѣпости: Ковно, Новогеоргіевск и Осовец.

22 а в г у с т а. Распутин возвращен из села Покровскаго. Его торжеством было низложеніе В. Кн. Николая Нико-ча и принятіе царем верховнаго командованія. В. Кн. Н. Н. назначен в Тифлис, вмѣстѣ с его начальником штаба Янушкевичем. С ними за одно был отправлен туда-же кн. В. Орлов, бывшій

до того начальником собств. канцеляріи царя, неоднократно настаивавшій на удаленіи Распутина.

1 сентября. Царь прибыл в ставку и нач. Штаба назначил генерала Алексѣева. — Выбор удачный — умный, опытный стратег, прекрасный начальник Штаба.

Но бѣдствія русской арміи продолжались.

18 сентября. Нѣмцы взяли Вильно и дошли до Брест-Литовска.

20 сентября. Болгарія присоединилась к Германіи и двинулась на Сербію. Нѣмцы с сѣвера взяли Бѣлград. Сербія жестоко разгромлена; в безпорядкѣ весь народ и армія бѣжали в Албанію к берегу Адріатики.

В маѣ я уѣхал в Финляндію. Из Швеціи в порта: Або, Раумо и Біорнеборг прибывали транспорты со стальными штангами и разным металлом для наших заводов. Я заѣхал в Гельсингфорс, в Штаб адмирала Эссена заручиться содѣйствіем для быстрѣйшаго полученія грузов. Адм. Эссен имѣл свой флаг на крейсерѣ „Россія". На рейдѣ был собран почти весь Балтійскій флот. Выдѣлялись чѣтыре длинные свѣтло-сѣрые дредноуты, недавно оконченные постройкой и вступившіе в „комплект „дѣйствующаго флота". Был 12-ый час; в обширной столовой „Россія" я застал адмирала, окруженнаго штабом перед закусочным столом. Небольшого роста, крѣпко сложенный, с добрыми спокойными сѣрыми глазами, с лицом шведскаго типа, обросшим рыжими короткими волосами и весь в веснушках, он напоминал скорѣе добродушнаго лоцмана из тѣх, что на ботах крейсеруют в Нѣмецком морѣ, чѣм адмирала, в руках котораго заключалась судьба всего побережія Бальтійскаго моря. Он привѣтливо встрѣтил меня и посадил с собою за стол. Разсѣлся весь штаб: тут было человѣк 20, между ними я встрѣтил своих прежних сослуживцев: К. 1 ранга Колчак, флигель-адъютант Кедров,[1]) Непѣнин... остальные кругом знакомыя все лица. В привычной обстановкѣ я чувствовал себя в своей стихіей, с которой недавно еще разстался. Было непріятно говорить за столом о боевых операціях флота, не только о продполагаемых но и о прошедших, дабы не давать нѣмцам матеріала для догадок о движенія флота. Послѣ завтрака адмирал распорядился, чтобы Штаб заготовил мнѣ документы для скорѣйшаго полученія наших грузов из финляндских портов. Вечером я уѣхал в Раумо.

Этот симпатичный, чистенькій городок раскинут в сосновом лѣсу на мшистых холмах; из под зеленаго покрова кой-

[1]) В 1901,2,3 году плавал у меня в Атлантическом океанѣ на „Герц-Эдинбургском" в должности ревизора.

гдѣ проглядывает сѣрый гранит. Командир порта лейтенант Гершнер жил на маякѣ у бухты. Я остановился в единственной гостинницѣ, и ежедневно принимал грузы. И тут же на пристани грузили в вагоны. Обѣдали мы с Гертнером в гостинницѣ. Кормили очень хорошо, кухня конечно шведская с обязательным „schmorgaten".

Вернувшись в Петроград, я отдыхал не долго. В маѣ я уѣхал в Ригу забирать оттуда станки, механизмы, сталь и другіе металлы для наших заводов, разгружая рижскіе заводы, которые было рѣшено эвакуировать в глубь Россіи, в виду ожидавшагося нашествія нѣмцев. Туда, как коршуны слетѣлись представители военных заводов Петербургскаго раіона и разбирали все, что им пригодилось. В Ригѣ сидѣл генерал губернагором извѣстный генерал Курлов, у него во дворцѣ мы собирались ежедневно и дѣлили добычу. Я жил в гостинницѣ „Рим" вмѣстѣ с инженером нашей Ревельской верфи, и мы ежедневно объѣзжали заводы и ставили свои клейма на выбранные нами станки и механизмы.

С нѣмецкой верфи „Лянге", строившей миноносцы — было рѣшено забрать недостроенные корпуса этих судов, и даже плавучій паровой кран для нашей Ревельской верфи.

Вернувшись в Петроград я сейчас-же отправился в Архангельск, куда для нас прибыло много металла из Бордо — от завода Greusot и из Америки.

Архангельскій рейд был полон иностранных пароходов. Для военной охраны рейда сюда прибыли 2 англійских крейсера. Нѣмцы при входѣ в Бѣлое море набросали мин, на них было взорвано нѣсколько пароходов с военным грузом. Для вылавливанія мин было снаряжено нѣсколько тральщиков.

Лѣто здѣсь было необычайно жаркое, не к лицу далекому Сѣверу, и к тому-же весь іюнь солнце в полночь не уходило под горизонт, и я впервые испытал то неловкое ощущеніе, когда видишь солнечный день сплошь цѣлый мѣсяц.

Раза два я ѣздил в Вологду поторопить перегрузку, и гдѣ я присмотрѣл квартиру для своей семьи, т. к. в то время из Петрограда многіе уѣзжали в ожиданіи нашествія нѣмцев.

Золотой фонд из Государственнаго банка был увезен в Нижній Новгород и в Казань.

В августѣ я уѣхал в Харьков. Там я застал „столпотвореніе вавилонское" ото всѣх заводов и фабрик Россіи наѣхали агенты за углем; номера в гостинницах брались с бою. Угля конечно всѣм не хватало. „Промышленный комитет" давал долько военным заводам.

Юркіе комиссіонеры устроили грандіозную биржу в „Метрополѣ", гдѣ за большія деньги перекупались наряды (документы), выданные комитетом на уголь. На самых рудниках шла открытая торговля вагонами: за большія взятки начальники погрузочных станцій передавали вагоны в чужія руки. Мнѣ с

большим трудом удалось получить маршрутный поѣзд с углем для наших заводов, и то благодаря экстренному наряду из Петрограда от Гл. Артил. Управленія[1])

Сентябрь и октябрь я провел в Петроградѣ, занимаясь в правленіях наших обоих заводов. По временам дежурил в офицерском лазаретѣ на Коногвардейском бульварѣ. Там хозяйкой была м-ме Соколовская — жена директора нашего Ревельскаго Судостроительнаго завода.[2])

В декабрѣ я уѣхал в Гельсингфорс заручиться в Морском Штабѣ документами и оттуда уѣхал в Раумо. На рейдѣ и в морѣ плавал уже толстый лед, и портовый ледокол с трудом с ним справлялся. В день моего прибытія один финляндскій пароход у рейда напоролся на мину, неизвѣстно чью, нашу или нѣмецкую — и сѣл под берегом. Вода попала только в один отсѣк и подмочила часть груза. Нашему заводу он вез динамомашины, онѣ были подмочены в нижней части и их впослѣдствіи удалось исправить и высушить.

Канун финдяндскаго Рож. меня застал в дорогѣ — в Гельсингфорс. По пути на больших станціях в буфетах горѣли нарядныя елки и столы были заставлены обильными блюдами шведскаго „кекса“ и украшены цвѣтами.

В Гельсингфорсѣ, в отелѣ „Fenia“, в огромном залѣ,—зимнем саду, собралась нарядная публика для встрѣчи Рождества. Под музыку струннаго оркестра, за многочисленными столиками сидѣли группами финскія семьи и русскіе офицеры с эскадры. На каждом столикѣ стояла маленькая елка, освѣщенная эл. лампочками. Я встрѣтил здѣсь адмирала Вирениуса[3]) с семьею и присоединился к ним для совмѣстной встрѣчи праздника. Здѣсь я встрѣтил многих своих прежних сослуживцев. Финское общество не боялось войны: ни воинской повинности, ни военных налогов финскому народу не приходилось нести. Ведя закулисную дружбу с Германіей и пославши ей своих волонтеров против Россіи, Финляндія была спокойна за свою територію и дѣйствительно — за рѣдкими исключеніями, германскія суда не тревожили финляндских портов. Побережья Финляндіи оберегались русской эскадрой, курс финской марки поднялся во время войны, и русскій хлѣб безпошлинно поплыл в Финляндію. Словом, война для Финляндіи была очень выгодна, и в случаѣ пораженія Россіи — Финляднія знала, что станет независимым государством.

Февраль и март я провел в Петроградѣ, принимая участіе

---

[1]) Вел. Кн. Сергѣй Михаилович покровительствовал нашему заводу за обильную продуктивную работу по выдѣлкѣ снарядов.

[2]) Значительный контингент раненых офицеров был из арміи, разгромленной нѣмцами у Мазурских озер; офицеры разсказывали, как за отсутствіем патронов, им приходилось штыками бросаться против ураганнаго огня нѣмцев

[3]) Он был в отставкѣ и состоял финляндским сенатором и министром народн. просвѣщенія.

в обсужденіи проекта постройки новаго завода бездымнаго пороха и инных взрывчатых веществ для Морского Вѣдомства во Владимірской губерніи. В это правленіе я был приглашен в качествѣ консультанта.

Дѣло в том, что Охтенскіе пороховые заводы, да еще послѣ пожара, не могли удовлетворять потребностям арміи и флота; кромѣ того, неувѣренность за Петроград, и вообще за всѣ западныя окраины, близкія к фронту, вызвали необходимость строить дальше от фронта новые заводы и фабрики военнаго характера. Морское Вѣдомство предложило тогда правленію зав. „Барановскаго“ взять на себя постройку и эксплоатацію новаго завода для выдѣлки пороха.

Во Владимірѣ был губернатором мой товарищ по Морскому Училищу, а теперь Камергер Ив. Ник. Сазонов.

В расчетѣ на его содѣйствіе Правленіе поручило мнѣ отправиться во Владимір, для скорѣйшаго полученія концессіи на эту территорію. Весна была ранняя, рѣка Клязма разлилась во всю ширину, затопив луга и лѣса, зеленѣвшіе кругом, а на высоких холмах бѣлѣли соборы старинной русской архитектуры. Сазонов принял меня с сердечный радушіем; дом его был поставлен на широкую ногу, в залѣ стоял еще пасхальный стол и любезная хозяйка с дочерью угощали меня с истинным русским гостепріимством. В 5 дней мой адвокат окончил всѣ формальности по покупкѣ земли и на Фоминой я вернулся в Петроград.

В первых числах мая я отправился в Або, туда для завода Барановскаго прибыли из Швеціи механизмы и матеріалы для будущаго завода.

В Або командиром порта был кап. 2 ранга Армфельд, плававшій у меня на „Герцогѣ“ артиллерійским офицером, мнѣ удалось быстро получить наши грузы и отправить их со скорым поѣздом в Петроград.

Из Або я проѣхал в Біорнеборг. Этот чистенькій город шведскаго типа, с заботливо оберегаемой бѣдной зеленью холоднаго Сѣвера, имѣл своеобразный вид в наступившія в то время „бѣлыя“ полярныя ночи. На улицах тихо и пусто; лошадей не видать и, благодаря их отсутствію, мостовая чиста и блестит точно отполированный паркет. Днем небо ясное и солнце свѣтит ярко, но в воздухѣ чувствуется холод. И эта вялая жизнь природы отражается на спокойном характерѣ мѣстнаго населенія: на улицах и днем не видно оживленія. В 5 верстах от города гавань, за ея молом в то время разгружалось 3 парохода, пришедшіе из Швеціи и между ними был один с грузом для нашего завода.

Командир порта лейтенант гр. Мюнстер жил в лѣсу в деревянной дачѣ на берегу у гавани. В морѣ по горизонту виднѣлись еще ледянныя поля. В этом маленьком портѣ нѣт ни магазинов, ни складов; привозимые товары с пароходов выгру-

жаются на баржи и по рѣкѣ, превращенной в судоходный канал, отсылаются в город и на желѣзную дорогу. Это — единственная в Финляндіи гавань, которая подвергалась обстрѣлам нѣмецких крейсеров[1]). Перед моим пріѣздом нѣмецкій крейсер бросил нѣсколько снарядов, повредил разгружавшійся у мола один пароход с военными грузами. Одновременно подверглась обстрѣлу и гавань в Раумо, о чем было ночью передано сюда по телефону. Это вызвало панику в военной охранѣ обоих портов. Охрана состояла из нѣскольких жандармов и небольшой портовой команды в обоих гаванях.

ЮТЛАНДСКІЙ БОЙ

31 мая произошел первый в эту войну большой морской бой между Англійским и Германским флотом в Нѣмецком морѣ, у берегов Ютландіи. До сего времени обѣ державы приберегали свои большія морскія силы для окончательнаго финала, а в морских операціях принимали участіе лишь суда вспомогательныя (миноносцы, крейсера, подводныя лодки, заградители, тральщики и пр.)

Англійским линейным флотом (дредноты) командовал адм. Джелико, а линейными крейсерами—адм. Битти.

Германским „Hoch see flotte" командовал адм. Шеер, крейсерским отрядом адм. Гиппер.

Описанія этого боя не входит в программу моих мемуаров, как не относящееся к исторіи Русскаго флота, но общіе выводы из этого боя представляют интерес в военноморском отношеніи: Англичане ввели в бой весь свой флот и даже главныя силы „great fleet'a" (17 дреднотов), нѣмцы—только два крейсерских отряда и миноносцы, стараясь завлечь англичан на свой большой флот лишь к концу боя. — В дѣйствіях англійскаго флота не было видно опредѣленнаго плана сраженія и связи между отрядами, и операціи этих отрядов не были сосредоточены в руках одного главнокомандующаго, а каждый начальник дѣйствовал по своему усмотрѣнію, причем только адмирал Битти с своим отрядом линейных крейсеров выказал большую отвагу и обдуманность, являясь всегда на помощь в то мѣсто боя, гдѣ англійскія силы терпѣли наибольшій ущерб. Стрѣльба нѣмецких судов отличалась замѣчательной мѣткостью, даже на больших разстояніях—до 100 кабельтовых; одновременно по нѣсколько снарядов попадало на один англійскій корабль —

[1]) Считая Финляндію дружественной страной, нѣмцы знали хорошо, что лежащій вдали от порта город будет не тронут, а пострадают лишь пароходы с военными грузами для Россіи.

производя значительныя опустошенія [1]). Англичане — наоборот, дальше 45 кабельтовых не стрѣляли. Из чего явствует, что боевая подготовка нѣмецкаго флота была несравненно лучше англійскаго флота. В результатѣ боя англичане потеряли свыше 120.000 тонн: 3 больших дреднота: „Indefatigable", „Qeen Mary", „Invincible", нѣсколько крейсеров и с десяток миноносцев; потери нѣмецкія были в половину меньше—около 60.000 тонн, но больших судов в этом числѣ небыло, т. к. „hoch see flotte" в бою не участвовал. Наступившая ночь вынудила прекратить бой, и оба враждебных флота возвратились в свои базы, не достигнув рѣшительных результатов.

Раннею весною этого года Балтійскій флот оплакивал потерю своего любимаго, достойнаго начальника — адмирала Н. О. Эссена; он умер от воспалѣнія легких, простудившись на переходѣ морем во льдах между Ревелем и Гельсингфорсом. На мѣсто Эссена командующим флотом был назначен вице-адмирал Канин [2]) — (большую часть службы провел в Черноморском флотѣ). Это был весьма обстоятельный, спокойный и разумный морской офицер, но он во многом уступал Эссену. Тот был природный моряк в душѣ,—его предки были шведы, и море было родною их стихіею. Канин был хорошо образован и знал в теоріи военно-морское дѣло, имѣл и достаточную практику в плаваніях, но этого мало; он, как и всѣ черноморцы,—слишком сроднился с своей Малоросіей, и его стихіей была степь горячаго Юга, а не сѣверное, туманное и бурное море.

6-го іюля я уѣхал на Юг. Мнѣ предстояло побывать в Харьковѣ, Юзовкѣ, Таганрогѣ и Новороссійскѣ. В Харьковѣ — как всегда—я хлопотал об углѣ, который с каждым днем доставался с большим трудом, т. к. требованія на уголь росли „cresecendo". Далѣе я отправился в Юзовку. Там наше правленіе строило новый снарядный завод из 8-ми огромных корпусов, и при нем строило цѣлый город для устройства квартир личному составу. Постройка домов велась из желѣзо-бетона. Работы исполнялись тремя тысячами военноплѣнными. (Нѣмцы, австрійцы и италіянцы—послѣдніе из австрійской арміи). Старшіе капралы из нѣмецкой арміи были назначены руководителями этих работ, и надо отдать им справедливость — они вполнѣ добросовѣстно относились к этому дѣлу, как бы работая для своего фатерлянда. Когда я в 1919 году был опять в Юзовкѣ, то нашел там нѣсколькихъ италіянцев из австрійской арміи, оставшихся добровольно навсегда в Юзовкѣ, женившись там на мѣстных хохлушках и служивших на нашем заводѣ уже во время гражданской войны. Територія строющагося завода нахо-

[1]) Нѣмецкій адмирал Гинце не напрасно просидѣл в Севастополѣ—(1908 г.) когда я тренировал Черноморскую эскадру стрѣльбою на дальнія разстоянія.

[2]) Был в Черном морѣ моим сослуживцем (в 1906, 7 и 8 г.), командовал бр. „Синоп" и „Георгіем побѣдоносцем".

дилась в 8-ми верстах от г. Юзовки и „Новороссійских заводов"; жить там еще было негдѣ, и я помѣстился в главном домѣ директора г. Свидзына. Дом этот двух-этажный, обставленный с англійским комфортом, был построен в концѣ XIX столѣтія основателями Юзовки братьями Юзами англичанами. Они были первыми піонерами; в 50 х годах прошлаго вѣка построили здѣсь угольныя шахты и грандіозный металургическій завод т. наз. „Новороссійскаго О-ва". Наш директор О. О. Брунстрем в Лондонѣ откупил 75% акцій у бр. Юз, и вся територія Юзовки, бывшая до сих до концессіей Англіи, стала теперь собственностью Россійских подданных.

Постройка завода требовала 300.000 пудов цемента; я отправился в г. Новороссійск [1]) за цементом, который вырабатывался там на нѣсколькихъ заводах. По пути туда я остановился в г. Таганрогѣ, гдѣ средствами нашего Ревельскаго завода строился также новый снарядный завод, для котораго вблизи морского берега была закуплена територія в 200 десятин земли. Работы производились под руководством инж.-технолога Малецкаго [2]). Этот грандіозный завод из многих корпусов бетонной постройки, требовал милліоны пудов цемента, который надо было доставлять из Новороссійска.

Был август вначалѣ; в Новороссійскѣ стояли обычныя в то время жары, и я чувствовал себя не важно.

На рейдѣ я застал отряд военных транспортов под командою контр-адмирала Львова; командиром порта был капитан I ранга Верховскій. Оба мои бывшіе сослуживцы и мнѣ удалось получить военный транспорт под командою кап. I ранга Федорова и погрузить в него закупленный в Новороссійскѣ цемент и отправить его в Маріуполь, откуда по желѣзной дорогѣ в Юзовку, а в Таганрог цемент был отправлен нѣсколько позже на другом транспортѣ.

В сентябрѣ на морских фронтах воюющих держав, положеніе было слѣдующее: Англія объявила морскую блокаду всего побережья Сѣвернаго моря; канал Ламанш был загражден Англійским флотом, дабы имѣть безпрерывное сообщеніе с Франціей. В отвѣт Германія объявила безпощадную крейсерскую (вѣрнѣе каперскую) — войну всѣм торговым и пассажирским судам, даже нейтральных стран в Атлантическом океанѣ и Нѣмецком морѣ. Нѣсколько десятков подводных лодок, которыя прорывая англійскую блокаду, взрывали в океанѣ и в Нѣмецком морѣ всѣ попадавшіеся им суда без различія націй. Между прочими был ими взорван в Атлантическом океанѣ огромный пассажирскій пароход под американским флагом „Luzitania" и на нем погибло нѣсколько тысяч пассажиров граждан сѣверной

[1]) Порт на Черном морѣ.

[2]) Служил в Артиллерійском отдѣлѣ Обуховскаго завода и пріѣзжал в 1907 и 1908 г. в Севастополь для установки на судах эскадры новых прицѣлов для наших стрѣльб.

Америки и иных нейтральных стран. С.-Америка объявила ей войну и послала во Францію свою десантную армію. Весь коммерческій флот Германіи, интернированный до сих пор в американских портах, теперь стал собственностью С.-А. Штатов. Это для Германіи был большой удар, и она с еще большим ожесточеніем топила своими подводными лодками нейтральныя торговыя суда. На это Англія стала захватывать всякія суда, везущія грузы хотя бы в порта Голландіи, Даніи и Норвегіи, зная, что оттуда они могут перейти в Германію. Ожесточеніе с обѣих сторон принимало характер безпощадной борьбы. Это вызвало в Германіи голод, и она, не стѣсняясь, стала грабить покоренныя страны: Польшу, Литву, Остзейскій край, Румынію, Сербію и тѣ русскія губерніи, которыя попали под ея власть

Начался голод в этих странах. В Россіи ощущался недостаток в хлѣбѣ. Дороговизна съѣстных припасов росла crescendo. Это вызвало волненія и забастовки на заводах и фабриках, и уныніе на фронтах. На Югѣ морскія силы Франціи, Англіи и Италіи оперировали в Адріатикѣ, заняв там порта Австріи и объявили блокаду Дарданелл. Пытаясь проникнуть в Константинополь и через Босфор в Черное море, дабы доставлять Россіи военные грузы, англійскій и французскій флоты Средиземнаго моря предприняли систематическія операціи к форсированію Дарданелльнаго пролива. Но здѣсь нашим союзникам пришлось встрѣтить упорное сопротивленіе нѣмцев. Здѣсь Гольц-Паша еще с начала войны (когда Турція считалась еще нейтральной), — сильно укрѣпил Дарданельскіе форта, а теперь нѣмцы поставили в проливѣ минныя загражденія. Одна подводная лодка англійская прорвалась в Мраморное море, но дальше всѣ попытки англичан оказались тщетны и, потеряв нѣсколько броненосцев и малых судов, англичане были вынуждены отказаться от этой затѣи.

Черноморскому флоту неудавалось поймать „Гебена“ и „Бреслау“, которые безнаказанно обстрѣливали Черноморскія побережья и Крым, и всегда удирали благополучно и прятались в Босфорѣ. На далекій сѣвер в Мурман в концѣ этого года прибыл отряд русских судов, возвращенных Японіей из тѣх, которыя были японцами взяты в Артурѣ в 1904 году. Этот отряд охранял Мурманскій порт от нѣмецких миноносцев и подводных лодок, которыя по временам забѣгали туда и у входа в порт накидывали мины.

К концу этого года граница фронта, начинаясь от меридіана Ревеля, шла через Динабург, Брест-Литовск, Каменец-Подольск и до рѣки Днѣпра. Вступившая в союз, по настоянію Франціи, Румынія была в теченіи одного мѣсяца разгромлена нѣмцами и румынскій король со всѣм двором и штабом вынужден был покинуть Бухарест и забрался в Яссы к русской границѣ.

За этот год русскій фронт тратил снарядов мало, а заводы наоборот производили их в значительном количествѣ. Запасы

боевых припасов поэтому накоплялись в обиліи; а к тому же через Мурман (по новой желѣзной дорогѣ) и Архангельск союзники присылали их на многих транспортах, имѣя в виду с началом весны — когда обсохнут дороги — начать всѣм вдруг общую атаку на Германію со всѣх сторон. Для составленія программы совмѣстных дѣйствій — пріѣзжала в Россію комиссія из представителей главных командованій союзных армій; в ставкѣ совмѣстно с генералом Алексѣевым комиссія составила общій план совмѣстных наступленій весной [1]).

Внутренніе враги Россіи—революіонныя партіи в связи с нѣмецкой тайной агентурой усердно работали, производя аваріи и забастовки на желѣзных дорогах, на фабриках и заводах, работающих на оборону. Участились взрывы и аваріи на заводах и военных судах; так в Черном морѣ без всякой видимой причины произошел взрыв в трюмѣ новаго дреднота „Имп. Марія", стоявшаго на якорѣ в глубинѣ севастопольскаго рейда; корабль сѣл на дно, опрокинувшись на бок, и никакими средствами не удалось его поднять. В октябрѣ в Архангельскѣ у пристани взлетѣл на воздух пароход „Барон Дризен", взорванный адской машиной, поставленной в трюмѣ, нагруженном порохом, снарядами и другими военными припасами, присланными из Америки. От его взрыва были сожжены еще два сосѣдніе парохода, один из них был французскій [2]). На этой же пристани стояли части динамо-машины, выписанной из Америки для оборудованія нашего новаго снаряднаго завода в Юзовкѣ. Пріѣхав в Архангельск за ними, послѣ долгих поисков мнѣ удалось узнать, что машины погибли, и от них не осталось и слѣда. На „Дризенѣ" капитан и старшій боцман оба были из остзейских нѣмцев, в полдень, когда разгрузка пріостанавливалась на час обѣда,—они вышли за пол часа до 12-ти и отправились в город. Они были арестованы, но явных улик не было поэтому дѣло осталось невыясненным.

В декабрѣ в Петроградѣ произошло событіе, давшее пищу новым скандальным толкам о жизни царской семьи, и послужившее еще одним печальным этапом к дальнѣйшему паденію престижа Царя в глазах русскаго общества, и, что еще хуже, в глазах арміи.

В ночь на 17 декабря был убит злой геній Россіи — развратный и хлыст—Распутин. Это событіе описано подробно в

---

[1]) Но начавшаяся 1-го марта русская революція помѣшала осуществленію этого плана. Война бы окончилась пораженіем Германіи на два года раньше.

[2]) Я застал слѣд. картину разрушенія: По лѣвому берегу Двины в раіонѣ взрыва, на пространствѣ около половины квадратной версты была взрыта земля, из под кочек песку и илу выглядывали кое-гдѣ обломки металлических частей взорваннаго парохода и разных грузов, лежавших на берегу до момента взрыва. Временные сараи, пакгаузы легкой постройки, бывшіе на этой площади, лежали упавшими на землѣ, под своими крышами. Людей пострадало немного, т. к. на время обѣда рабочіе уходили по домам, или в столовую, лежавшую вдали от мѣста выгрузки.

дневникѣ [1]) члена Гос. Думы В. М. Пуришкевича, бывшаго вдохновителем этого заговора и уложившаго Распутина 4-мя выстрѣлами на дворѣ дворца князей Юсуповых (на Мойкѣ).

Тѣло Распутина, оплакиваемое царскою семьею, было похоронено за оградою царскосельско-дворцоваго парка. На могилѣ Царица рѣшила построить часовню [2]).

В. Кн. Дмитрій Пав—ч сообщил письмом Императрицѣ, что смерть Распутина не была случайным убійством, а состоялось по приговору русскаго общества [3]), дабы избавить Россію от гибели и спасти престиж монарха.

Лежавшему больным Наслѣднику опять стало хуже [4]), его мать в суеверном страхѣ объясняла это смертью „чудеснаго старца".

Дабы не возбуждать в обществѣ толков, Царь приказал замять это дѣло. Из заговорщиков поэтому пострадал только В. К. Дмитрій П—вич, его отослали в Малую Азію на Персидскій фронт.

Распутин мертв!.. Но он уже сыграл свою дьявольскую роль в исторіи постепеннаго крушенія монаршаго престижа в Россіи, а за ним вскорѣ послѣдовало и разложеніе самаго государства. И на фронтах арміи, и в высшем свѣтѣ, и даже в придворных кругах без малѣйшаго стѣсненія, открыто и громко обсуждались характер, поведеніе и дѣйствія безвольнаго Царя и суевѣрной больной Царицы. Царь проникся вѣрою, что родившись 6 го мая в день „многострадальнаго Іова", ему суждено всю жизнь страдать, и он стал фаталистом, вѣрил в свою печальную судьбу и нес покорно свой крест. Дѣйствительность, ему казалось, подверждала, что он был прав: в день смерти отца в Крыму прибыла туда его невѣста, свадьба в траурѣ, затѣм 14 мая „ходынка" в Москвѣ во время коронаціи, затѣм несчастная японская война и гибель П-Артура, и всего флота [5]); далѣе 1905-ый год—революція, пожары и бунты по всей Россіи, неудачная Дума, затѣм убійства министров, сановников и самаго вел. князя Сергѣя; родился наконец долгожданный Наслѣдник и о горе! он неизлечимо болен, он мученик, он страдает болѣзнью предков матери. Теперь вторая война; западная часть

---

[1]) Книгоиздательство „Орієнт".

[2]) Но спустя 3 мѣсяца тѣло Распутина было вырыто и предано сожженію.

[3]) Вел. Князья—Николай Михайлович, Кирил Вла—вич, Павел—Ал—ч, и Дмитрій П—ч письменно и словесно, неоднократно обращались к Царю, настаивая об удаленіи Распутина вовсе от Двора, но Царь на это или отмалчивался, или заявлял: „Это наше семейное дѣло и я никому не позволю вмѣшиваться в мою семью".

[4]) Мальчик страдал хроническою болѣзнью (наслѣдственною в родѣ Гессенском)—„гемофиліею", т. е. кровотеченіем и слабостью кровяных сосудов. При малѣйшей неосторожности в движеніях—раны вскрывались, кровоточили и мальчик періодически укладывался в постель и подолгу выносил мучительныя боли и необычайную слабость от постоянной потери крови. Состоявшій при нем д-р Федоров считал неизлѣчимой эту болѣзнь.

[5]) Характерно что Цусимская война произошла 14-го мая.

Россіи уже отошла к Нѣмцам; в странѣ развал; министры плохи; Дума с революціонным духом и наконец убит Распутин — погибла послѣдняя надежда на чудесное исцѣленіе больного сына...

В таком настроеніи Царь вернулся в ставку. Исторія войн ему подтверждала, что одним из первых залогов успѣха должна быть вѣра верховного вождя в побѣду; он должен быть полон энергіи и вѣрить в счастливую звѣзду. А он обезсиленный еще новым несчастіем в семьѣ—ясно сознавал в себѣ упадок сил и бодрости духа... Теперь он понял что напрасно отнял верховное командованіе от Вел. Князя Ник. Ник-ча, который, хотя и не обладал талантами полководца, но был энергичен и тверд и пользовался уваженіем арміи.

Унылое настроеніе Ставки передавалось невольно в столицы, петроградскому обществу и всему населенію Россіи. Недостаток продуктов на фронтѣ и в тылу повлек за собой заботы населенія о насущном питаніи, и на улицах столицы с утра стояли „хвосты“ у продовольственных лавок.

Долгая война всѣх утомила, с потерою вѣры в побѣду, всѣ чувствовали безцѣльность затраченных жертв и начались забастовки на заводах и фабриках, работавших на оборону, а на фронтах пошло дезертирство.

Дочь Ольга работала в лазаретѣ Института Инж. Путей Сообщенія от начала войны; я уговорил ее отдохнуть за праздники Рождества и вмѣстѣ с женой мы втроем уѣхали в Гельсингфорс, гдѣ не чувствовалось тяжестей войны. Там жизнь била ключом — финляндцы наслаждались жизнью лучше, чѣм до войны. Мнѣ к тому же в это время надо были ѣхать в Раумо для полученія шведских грузов.

Встрѣчали Рождество в „Feni“; там в кругу знакомых морских семейств мы провели вечер. Играл струнный оркестр, было многолюдно и весело. Мы побывали в театрах — русском-драматическом и шведском-оперном. Однако служба звала в Петроград и к Рождественским праздникам стараго стиля мы вернулись домой. —

Новый 17-ый год мы встрѣчали у адмиральши Купреяновой. У нея был послѣдній вечер с ужином и танцами, но обычнаго оживленія, бывавшаго на ея вечерах, теперь уже не было. Это были уже послѣднія издыханія столичной общественной жизни монархической Россіи.

Хотя обществу было извѣстно, этой весной предстоит общее наступленіе всѣх союзных армій, но на душѣ у всѣ лежало тревожное предчувствіе неизбѣжности госуд. катастрофы. Средняго обывателя столицы не интересовала дальнѣйшая судьба Россіи, т. к. всѣ его заботы уходили теперь на то, чтобы обезпечить себя и семью запасами пропитанія. Только еще в Государств. Совѣтѣ и в Думѣ высказывались заботы о судьбѣ

государства. Один из членов Совѣта[1]) в патріотической рѣчи заявил прямо, что „Отечество в опасности!"... Тогда же в Думѣ (настроенной революціонно) на бурных дебатах обвинялось министерство продовольствія в полной неспособности и неумѣлости организовать снабженіе арміи продовольствіем.

Министр в угоду Думѣ признал свою неспособность и отказался от своих функцій. Совѣт министров[2]) предоставил самой Думѣ внести законопроект о продовольствіи арміи средствами земства. Дебаты тянулись до конца февраля а на 26 ое Дума назначила засѣданіе для передачи законопроекта совѣту министров на утвержденіе. Но когда она собралась 26-го, то ей вручили Высочайшій указ о роспускѣ. Эта неожиданная нелѣпость и нелогичность так поразила Думу, что весь состав Думы с предсѣдателем Родзянкой в один голос заявили: „господа! не расходиться!" Этот момент был сигналом начала Революціи — как явное неповиновеніе высочайшему повелѣнію!..

Но в послѣднія двѣ недѣли, в столицѣ уже вѣяло броженіе, напомнившее осень 1905 г.; на фабриках и заводах рабочіе бросали станки и массами двигались из окраин к центру столицы, требуя хлѣба и свержения правительства. Министр Внутр. Дѣл Протопов организовал вооруженные отряды полиціи, у правительственных зданій, а на мостах поставил козаков, дабы не пропускать рабочих к центру. Но отказ Думы был сигналом к революціи, Гвардейскіе полки столицы перешли на сторону мятежников, и 28 февраля первым пришел в Думу Павловскій полк, а вслѣд за ним В. Кн. Кирилл Влад-ч привел в Думу гвардейскій экипаж и предоставил себя в ея распоряженіе. Родзянко выходил к ним и в кратких патріотических рѣчах благодарил за вѣрность. Из членов Думы соорганизовалось „Временное Правительство", из всѣх партій Думы (исключая „правых монархистов"). Лидеру соц. демократов — Чхеидзе предложили портфель, но он отказался, дабы имѣть свободныя руки и он в зданіи Думы соорганизовал свое собственное второе правительство — „Совѣт рабочих депутатов", поставив этот орган контролем над Думой и над правительством. Госуд. Совѣт и Сенат сами собой упразднились. Дума теперь оказалась ненужной, но она продолжала собираться, составляя с „Сов. Раб. Депутатов" два противных полюса. Врем. пр-во обнародовало, что форма новаго Государственнаго управленія будет опредѣлена Учредительным собраніем. Одновременно было рѣ-

[1]) Розен, бывшій в Токіо россійским посланником перед японской войной.

[2]) Теперь уже послѣ Штюрмера и Трепова предсѣдателем сов. министров был совершенно неожиданно назначен старый сановник состоявшій не у дѣл кн. Голицын. Когда царь его назначил презусом, то он, чувствуя себя совершенно неспособным на этот пост, — неповѣрил этому назначенію и поѣхал из провинціи в столицу только для разъясненія предполагаемой ошибки.

шено предложить царю сложить с себя власть главнокомандующаго и отказаться от престола в пользу наслѣдника Алексѣя Ник-ча. В Ставку отправились Гучков, Милюков и Шульгин привезли с собой проект манифеста о добровольном отреченіи. Но получив от царицы телеграмму о мятежѣ в столицѣ и Думѣ, царь 28-го двинулся в Царское Село в сопровожденіи большого воинскаго отряда (с генералом Н. І. Ивановым во главѣ), разсчитывая возстановить порядок в столицѣ. Но на ст. Тосно[1]) он был встрѣчен мятежными войсками. Повернув назад он остановился во Псковѣ, гдѣ Рузскій[2]) сообщил ему о происшедшем в Гос. Думѣ. Царь приказал передать Родзянкѣ по телефону, что он готов на всѣ уступки, но получил отвѣт „Уже поздно"!.. 2-го марта царь телеграфировал Думѣ, что намѣрен отречься от престола в пользу сына. Но, спросив у профессора Федорова его откровенное мнѣніе о болѣзни наслѣдника и, получив отвѣт, что она неизлѣчима, передал престол своему брату В. Кн. Михаилу Ал-чу. 3-го марта В. Кн. Михаил Ал-ч отвѣтил депутатам, что он предоставляет Учредительному Собранію рѣшить вопрос о будущем образѣ правленія в Россіи. 3-го же марта царь вернулся в ставку. 8-го пріѣхали комиссары от Временнаго Прав-ва, арестовали и доставили его в Царское Село. Дома царь застал лазарет: Наслѣдник и 3 его дочери лежали в кори оч. тяжелой формы. Царицу, измученную нравственно и физически, возили в колясочкѣ. Старшая дочь, самоотверженно день и ночь ухаживала за больными.

Керенскій объявил царскую семью арестованною и учредил над нею строгій караул из привезенной с собой роты гвардейских солдат, избранных из наиболѣе революціонных частей с 2-мя офицерами во главѣ. Царской семьѣ предоставлен был западный флигель дворца и парк. Выходить за ограду парка и из дворца им строго воспрещалось. Сношенія письменныя и личныя с внѣшним міром были запрещены.

Всѣ обязаны были являться ежедневно на перекличку; для провѣрки больных дѣтей караульный офицер входил к ним в спальни, дабы удостовѣриться в наличіи[3]).

2-го марта по отреченіи царя Временное Правительство объявило, что форма государственнаго управленія страны — демократическая республика с выборным началом во всѣх учрежденіях, не исключая и военных частей. Составились солдатскіе комитеты на фронтѣ и в тылу; военный министр по требованію Совѣта Рабочих и солдатских депутатов — отправил в армію пресловутый „Приказ № 1-й", которым объявлялось равенство всѣх чинов, выбор начальников большинством голосов,

[1]) 50 верст от Петрограда.

[2]) Главнокомандующій Сѣверо-Западным фронтом.

[3]) Осенью 1917 г. по требованію „Сов. раб. деп." вся царская фамилія была под строгой военной охраной перевезена в Тобольск.

контроль солдатских комитетов над дѣйствіями и распоряженіями начальников, уничтоженіе чинов и погонов и отмѣна отданія чести офицерам (!?). И с этого дня началось полное разложеніе арміи, бунты в частях с убійством офицеров. Началось массовое дезертирство и солдаты уходили по своим домам, унося с собой винтовки и патроны. Из дезертиров в деревнях образовались вооруженные отряды, которые принялись отнимать помѣщичьи земли, грабить, жечь и разорять имѣнія.

В столицѣ взбунтовавшіеся полки арестовывали своих начальников. В Кронштадтѣ в ночь на 2-ое марта матросы свергали судовых командиров, замѣняя их или молодыми мичманами, или нижними чинами, наиболѣе дерзкими и нахальными крикунами — из машинных команд. В эту ночь был звѣрски саколот штыками главный командир порта вице-адмирал Р. Н. Вирен и брошен тяжело раненый в овраг на якорной площади, гдѣ он умер; тѣло оставалось 2-е суток неподобранным. В ту же ночь был убит нач. штаба к.-адмирал А. Бутаков и нѣсколько других командиров. В Гельсингфорсѣ, гдѣ зимовал весь дѣйствующій флот, матросы убивали на кораблях своих командиров и офицеров. Этой же участи подвергся и командующій Балтійским флотом к.-адм. Непѣнин. В Севастополѣ погибло много офицеров; убитых бросали в воду, привязав к ногам баластины [1]) Звѣрски был убит в.-адмирал П. Новицкій (мой бывшій флаг-капитан в 1907 году). Командующій Черноморским флотом адмирал А. В. Колчак объѣхал суда и объявил командам о переходѣ верховной власти к Временному Правительству, и требовал порядка и дисциплины во имя поддержанія чести андреев каго флага, и достиженія побѣды над врагом, с которым война должна быть вскорѣ окончена. Под вліяніем агитаторов, наиболѣе дерзкіе из команды покушались было и на него напасть, отнять оружіе и арестовать, но, видя его безстрашіе, силу, воли, равнодушіе к собственной безопасности и, сознавая в нем талант доблестнаго вождя, они, как вырвавшійся из клѣтки дикій звѣрь — при встрѣчѣ с безстрашным дрессировщиком, подчиняется гипнозу его взгляда, так и они притихли, уступив большинству команды, которая питала к своему адмиралу чувство невольнаго уваженія и преданности. И адмирал с присущей ему энергіей продолжал приводить суда к боевой готовности, имѣя в виду соглашеніе с союзными флотами (американским и англійским) о предстоящих весной совмѣстных операціях для форсированія проливов. Но вскорѣ под вліяніем прибывших с сѣвера агитаторов в командах судов во-

[1]) Въ Севастополѣ передавали, что спустя нѣкоторое время послѣ бунтов, для находки утонувшаго якоря, пришлось спустить на дно рейда водолаза. Он был смертельно испуган, увидя на днѣ стоявших вертикально (на баластинах) трупы погибших офицеров и кланявшихся ему вслѣдствіе теченія и отчасти волненія. Водолаз стремглав выскочил на поверхность и вскорѣ умер от испуга — (разрыв сердца).

зобновились опять волненія. В маѣ на флагманском кораблѣ команды потребовали адмирала для объясненій, с цѣлью отнять от него оружіе [1]). Он вышел к ним безстрашно наверх и в энергичных словах выразил им их подлость и предательство [2]), снял с себя золотой георгіевскій кортик и энергичным жестом выбросил его за борт и съѣхал с корабля. В тот же день прибыл в Севастополь американскій адмирал Глэкон с цѣлью предложить адмиралу Колчаку содѣйствіе американскаго флота при форсированіи Дарданелл и Босфора. Это был подходящій момент для оправданія главнаго назначенія Черноморскаго флота и осуществленія исторической завѣтной мечты Россіи добиться свободы проливов, а нынѣ и для связи с союзными флотами и для совмѣстных с ними операцій против Турціи и Австріи. Но, застав в Черноморском флотѣ бунт и отъѣзд Колчака, адм. Глэкон понял, что такой флот равен нулю. Они вмѣстѣ отправились в Петроград. В пути он предложил Колчаку поступить в американскій флот для руководительства операціями форсированія Дарданелл уже без участія Черноморскаго флота. В Петроградѣ Колчак (вмѣстѣ с своим флагкапитаном М. Н. Смирновым) предстал перед Временным Правительством и в рѣзкой формѣ высказал ему, что виною разложенія Черноморскаго флота была преступная политика Временнаго Правительства в угоду Совѣту Раб. Депутатов, приславшаго в Черное море своих гнусных агитаторов. Флот этот потерял теперь боевое значеніе и он, Колчак, слагает с себя верховное над ним командованіе. Керенскій, опасаясь имѣть в лицѣ адм. Колчака опаснаго соперника, пользовавшагося заслуженным обаяніем общественных организацій, рѣшивших предложить ему диктатуру над всей Россіей, охотно согласился на отъѣзд адмирала в Америку в качествѣ представителя Правительства и морского агента. В іюлѣ Колчак уѣхал в Америку. Дальнѣйшая судьба его извѣстна.

Вся восточная Россія была в 1919 г. лѣтом в руках Колчака, а войска Деникина занимали в то время уже Дон, Малороссію (с Кіевом, Харьковым и Курском) и подошли было к Тулѣ. Вся Западная Россія по линіи Варшавской жел.-дороги с Остзейским краем, Литвой и Польшей была в руках нѣмцев. Большевикам оставался лишь тогда Петроград, Москва и часть центральной Россіи до г. Орши. Но для небольшой сравнительно арміи Колчака был слишком растянутый фронт. Интриги и разногласія в составѣ Томскаго Сибирскаго правительства сильно способствовали окончательному разложенію арміи. Лѣвые члены его отвергли диктатуру Колчака и правительство это распалось. Чехословаки двинулись самовольно в Иркутск,

[1]) Офицеры всѣ уже были заранѣе обезоружены.

[2]) Он сказал им в глаза: „Вы не доросли еще, чтобы ститаться сынами свободной Россіи, вы не граждане революціи, а взбунтовавшіеся рабы!“

Колчак послѣдовал за ними. Там чехо-словаки выдали Колчака большевикам. На „судѣ“ он держал себя героем. Зная, что его ожидает неизбѣжная смертная казнь, он с полным сознаніем своей правоты, заявил им открыто, что его цѣлью было спасеніе Россіи от гибели и возстановленіе в ней государственнаго порядка.

Со смертью Колчака погибла послѣдняя надежда на реставрацію Россіи, как правового государства; ни Деникин, ни Врангель не пользовались у западных союзников таким довѣріем, каким обладал Колчак, и союз их с русской арміей теперь само собой прекратился. С другой стороны союзникам тогда уже не была нужна русская армія. Германія признала себя побѣжденною. Упомянув о Колчакѣ, я невольно отвлекся и ушел вперед от хронологическаго порядка своих личных воспоминаній. Но личность Колчака, этого народнаго героя погибавшей Россіи заслуживает того, чтобы отечественный историк воздал ему хвалу, написав его біографію. Как Костюшко был почтен народным героем погибавшей нѣкогда Польши, так Колчак достоин чести считаться героем погибавшей Россіи. Костюшку сломила преобладающая сила русских войск, Колчак пал жертвою предательства и дикаго звѣрства взбунтовавшихся рабов. Костюшку воскресшая Польша почтила памятником, но Колчаку еще придется долго ждать, когда воскреснет Россія и благодарно вспомнит своего героя.

Продолжаю описаніе моих личных переживаній. 24 февраля вечером я отправлялся в Харьков за углем и металлами. На Невском я застал караван скопившихся трамвайных вагонов, занявших весь проспект. Оказалось, что градоначальник приказал развести всѣ мосты, дабы остановить движеніе рабочих масс из зарѣчных частей к центру столицы.

В Харьковѣ атмосфера в городѣ и в металургическом комитетѣ казалась тревожною: всѣ точно чего то выжидали, и в канцеляріях дѣло не клеилось. На улицах у хлѣбо-пекарень и продуктовых лабазов стояли хвосты горожан. Из Петрограда приходили отрывочныя экстренныя телеграммы о волненіях рабочих, дебатах в Думѣ. Но телеграмма о роспускѣ Думы и ея возстаніи пришла лишь 27-го вечером и уже 28-го в казенных и городских учрежденіях на жел. дорогѣ и на фабриках организовались рабочіе комитеты; и власть захватывалась агитаторами, овладѣвшими толпою. Доставши с большим трудом билет [1])—я уѣхал в Петроград. Поѣзд был переполнен; на попутных станціях набивались пассажиры, спѣшившіе в обѣ столицы. В Курскѣ, в Тулѣ и на больших станціях получались телеграммы о событіях в Петроградѣ. В купэ, в коридорах, в

[1]) Старый начальник станціи был уже сброшен и рабочіе выбрали своего бывшаго вѣсовщика товарной станціи.

проходах толпились пассажиры и вслух читали извѣстія. Событія в столицѣ мѣнялись с молніеносной быстротой.

Со мною в купэ ѣхали из Севастополя 2 морских японских офицера, старшій—кап. I ранга как спеціалист был командирован японским правительством для подъема дредноута „Императрицы Маріи", он полагал, что поднять его невозможно и возвращался в Петроград с докладом об этом своему посольству. 2-го марта утром, уже за Москвою на одной из станцій в окно была подана экстренная телеграмма с крупною печатью о том, что Императоp Николай II добровольно отрекся от престола в пользу своего брата Михаила Александровича. В вагонѣ мгновенно всѣ притихли и воцарилась мертвая тишина. Каждый думал с тревогой о тѣх послѣдствіях, которыя наступят за этим важным событіем для страны и для него лично. Подъѣзжая к Петрограду, всѣ военные и я в том числѣ срѣзали у себя погоны и сняли кокарды [1]). На вокзалѣ пассажиров рабочіе пропускали через торникет и задерживали офицеров и чиновников, бывших в формѣ; мнѣ удалось проскользнуть незамѣтно в темном пальто, я нанял ломовыя сани (легковых извозчиков не было) и поѣхал домой.

По улицам шумно бродили толпами солдаты, рабочіе, студенты и всякій сброд, хватая тѣх, у кого на пальто или на фуражкѣ не было красной ленты. В мои сани влѣзли двѣ дамы и одна из них, угадав во мнѣ моряка, подѣлилась со мной своей красной лентой.

В столицѣ царил хаос и трудно было в нем разобраться. Временное Правительство объявило декретами всевозможныя свободы: равенство всѣх, амнистію, націонализацію земли и крупных промышленных предпріятій, а „Сов. Раб. Депутатов" науськивал толпу—„брать все в свои руки!" и началась вакханалія: открыли всѣ тюрьмы, выпустив уголовных [2]) громили и жгли полицейскіе участки, сожгли Окружный суд; разграбили пекарни, лабазы, сожгли павильон Сѣнного рынка, обобрав предварительно продукты, разгромили хлѣбныя лавки Филиппова, обобрали гостинный двор и крупные магазины. На „Невском буянѣ" гдѣ хранились большіе запасы спирта, толпа выкатывала бочки, часть их разбивалась, пили на мѣстѣ, дрались, уносили с собой, и в диком озвѣрѣлом состояніи ходили процессіями по городу и пѣли „марсельезу", провозглашая: „долой войну—без анексій и контрибуціи" [3]), не понимая вовсе значенія этих слов.

---

[1]) Из газет было извѣстно, что в Петроградѣ на улицах взбунтовавшіеся солдаты арестовывали офицеров не снявших погонов

[2]) Политическіе изъ Шлисельбургской тюрьмы и Петропавловской крѣпости были въ I-ый же день выпущены.

[3]) Слова: „без анексій и контрибуцій" употреблял Керенскій в своих рѣчах.

Всѣ царскіе министры и высшіе сановники Временным Правительством были посажены в Петропавловскую крѣпость, заняв там комнаты выпущенных политических.

Шегловитов, Протопопов и Сухомлинов попали под особый строгій режим.

Когда первый угар прошел, и в городѣ стало сравнительно тише, „совдеп“ потребовал устройства торжественных похорон „товарищей, павших на полѣ брани в защиту революціи“—т. е. подобранных на улицах людей убитых при взаимной перестрѣлкѣ в первые два дня переворота. Из мертвецких камер нѣсколько десятков труппов [1]) уложили в красные гробы и с пѣніем марсельезы и революціонных пѣсен торжественно носили по городу, направляясь к Марсовому полю, гдѣ была устроена братская могила. На торжество „Совдеп“ прибыл в полном сборѣ с презусом Чхеидзе во главѣ; Временное Правительство также было здѣсь инкорпоре. Милюков и Керенскій и многіе „орателн“ из Совдепа говорили рѣчи.

Над братской могилой (конечно без крестов) предполагалось впослѣдствіи воздвигнуть грандіозный памятник из краснаго гранита в честь погибщих революціонеров, и самое Марсовое поле переименовать в „Площадь революціи“ [2]).

В Апрѣлѣ стали прибывать из заграницы эмигранты революціонеры: кн. Крапоткин—глубокій старец—патріарх революціи, журналист Бурцев, Максим Горькій, Боголюбов, Савинков, Вѣра Засулич, старуха Брешко-Брешковская и наконец прибыл через Финляндію сам „маестро“ Ленин, пропущенный через Германію в запломбированном поѣздѣ. Он привез с собой цѣлый поѣзд инородцев; тут были Лейба Бронштейн, Ицка Апфельбаум, Нахамкес, Свердлов, Буш, Каменев (Штейн), Радек, Урицкій и масса других, менѣе извѣстных. Ленин с товарищами захватил дворец балерины Кшесинской и с балкона повел агитацію против Вр. Пр-ва, проповѣдуя большевизм, комуну и классовую войну буржуазіи. Возлѣ дворца весь день стояла толпа солдат и всякаго сброда, слушая его рѣчи и щелкая семечки. Чуб на лбу, шапка на затылок, папироса в зубах, или сплевываніе шелухи семечек были необходимыми признаками браваго, отчаяннаго большевика; при этом считалось необходимым за каждым словом в разговорѣ произносить 3-х этажное матерное ругательство. Нахлынувшіе из Кронштадта матро-

---

[1]) Въ этом хаосѣ никто не разбирался, кто въ дѣйствительности были эти трупы: рабочіе ли, случайно-ли попавшіе въ толпу мирные обыватели, или даже оборонявшіе полицейскіе; злые языки говорили, что въ одном гробу лежал китаец, въ другом баба-нищенка.

[2]) Розово-красный гранитный забор, построенный царем возлѣ Зимняго Дворца для огражденія там дѣтскаго сада — был варварски изломан, дабы имѣть матеріал для памятника Революціи. Но еще в 1922 году груда наломаннаго камня лежала без употребленія возлѣ Зимняго Дворца.

сы [1]) становились во главѣ грабительских шаек и удивляли народ своей отчаянной дерзостью, жестокостью и нахальством. Они разсыпались по всей странѣ, являясь комиссарами городских и уѣздных чрезвычаек. Изображая из себя отчаянных моряков (они и воды то порядочной не видѣли—кромѣ „Маркизовой лужи"), они бродили по улицам — фуражка на затылок, чуб на лбу с добрую копну, руки в карманах штанов с широчайшим „клеш", болтавшимся как юбка, с голой шеей и грудью декольте, в полупьяном видѣ—они напоминали собой скорѣе подгулявшую уличную проститутку, чѣм моряка. Встрѣчая на улицѣ этих отвратительных альфонсов [2]), я не мог удержаться, чтобы не плюнуть и с омерзеніем отворачивался в сторону.

Врем. Правительство, объявило союзным посланникам, что оно будет продолжать войну до полной побѣды. Но солдатскіе комитеты на фронтѣ с этим не считались. Выносились резолюціи об отказѣ наступать. Тогда-же на фронтах составлялись самочинныя перемирія и „братанія" с нѣмецкими частями.

Началось дезертирство и развал арміи. „Главковерх" арміи генерал Духонин доносил в Петроград о создавшихся на фронтѣ, условіях. На фронт поскакал Керенскій, [3]) говорил трепучія рѣчи, понуждая солдат к наступленію, но результат вышел печальный и войну пришлось считать прекратившеюся.

А Ленин с балкона Кшесинской ежедневно в теченіи 3-х лѣтних мѣсяцев продолжал своими рѣчами побуждать народ свергнуть Вр. Пр-во, заключить мир с нѣмцами и объявить всеобщую войну буржуазіи, отнять от собственников земли дома, фабрики, заводы и всякое имущество т. е. „грабить награбленное, созданное трудом рабочих т. е. вашим". Под вліяніем этих рѣчей в маѣ на площади Маріинскаго дворца [4]) собрался многолюдный митинг с гвардейским экипажем во главѣ и двинулся с оружіем на дворец, требуя смѣны двух министров, стоявших за продолженіе войны — военнаго Гучкова и ин. дѣл Милюкова. Оба министра сложили свои портфели. Спустя нѣсколько дней огромная толпа взбунтовавшихся солдат рабочих, требовавших окончанія войны и сверженія „кадетскаго буржуазнаго" правительства, — двинулась по Невскому. На встрѣчу

---

[1]) Это были матросы из разряда штрафованных, из дисциплинарнарнаго баталіона, выпущенные из тюрем; вообще из преступнаго элемента, пришедшіе из запаса. Матросов настоящих, бравых, лихих, прошедших школу парусных дальних плаваній здѣсь не было. Они были теперь на судах боцманами и оставались на кораблях.

[2]) Извѣстен факт, что эти грязные „герои" были в большой модѣ у тогдашних революціонных психопаток (даже интеллигенток), имѣли по нѣскольку любовниц. Барышни из общества выходили за них замуж.

[3]) Это было уже лѣтом в іюлѣ м-цѣ, Керенскій был во главѣ Врем. Правва и Верховным главнокомандующим. Один полк двинулся было вперед (получил названіе „полка 18-го іюля" (кажется), но встрѣченный пулеметным огнем нѣмцев, был моментально разсѣян.

[4]) Там засѣдал совѣт Врем. Прав-ва.

им вышла из городской думы бывшая там на митингѣ партія интеллигентов во главѣ с „кадетом“ Шингаревым. Обѣ партіи с соотвѣтствующими флагами встрѣтились против Гост. Двора, началась стрѣльба: было нѣсколько убитых и раненых. На помощь „кадетам“ явились козаки и разсѣяли толпу.

На нашем снарядном заводѣ работы еще продолжались, хотя очень вяло.

На Ревельском заводѣ работы по постройкѣ судов и миноносцев производились без задержки. Таганрогскій завод строился, и на мнѣ — по прежнему — лежали заботы матеріалов.

По распоряженію Вр. Пр-ва комендант Петрограда приступил к ликвидированію Ленинских митингов и утром 5 іюля двинул один гвард. полк с нѣсколькими пушками на площадь за Троицким мостом для занятія дворца Кшесинской и ареста самаго Ленина, а равно и для обстрѣла Петропавловской крѣпости, которая была занята Кронштадтскими матросами, защитниками Ленина. Послѣ нѣскольких выстрѣлов дворец Кшесинской сдался, но сам Ленин еще наканунѣ ночью скрылся в крѣпости у матросов и на миноноскѣ был отправлен в Кронштадт и оттуда для большей безопасности перебрался на финляндскій берег в фортѣ „Ино“.

В это лѣто было еще одно побоище на улицах Петрограда возлѣ Литейнаго моста. С Выборгской стороны двигалась толпа рабочих, с цѣлью водворить Совдепское правительство. Отряд казаков был выдвинут им навстрѣчу. Толпа открыла огонь и нѣсколько казаков было убито. На торжественных похоронах убитых собрался весь город. Керенскій с паперти Исаакіевскаго собора в горячей рѣчи громил преступников. В пользу семейств погибших народ собрал огромныя суммы денег.

В іюлѣ в залѣ пѣвческой капеллы происходили собранія представителей Польши, объявленной Временным Правительством, как самостоятельное независимое государство. Из служивших в русской арміи офицеров и нижних чинов из польских губерній создалась вскорѣ армія в нѣсколько дивизій и сосредоточилась на границѣ новой Польши, и затѣм она размѣстилась по различным пунктам страны. В это же время Пильсудскій собирал в Галиціи из австрійских поляков армію легіонеров и в результатѣ встал во главѣ новообразовавшейся польской арміи. На собраніях в Капеллѣ я встрѣчал видных генералов и офицеров поляков, служивших в русской арміи.

В августѣ я уѣхал в Харьков на съѣзд горнозаводчиков и за углем. Большевицкая агитація сдѣлали свое дѣло: и добыча угля, и выработка металлов пала. Оттуда я уѣхал в Юзовку на новый снарядный завод. Восемь огромных корпусов со стеклянными крышами уже издали бросались в глаза, возлѣ них вырос цѣлый городок хорошеньких домов с садиками для рабочаго персонала. Вдоль 5-ти улиц тянулись аллеи посаженных

акацій и тополей. На краю городка, как оазис в пустынѣ, зеленѣла дубовая роща, [1]) а на темном ея фонѣ бѣлѣл красивый дворец с обширной верандой, это — заводская контора, клуб и номера для пріѣзжающих. Я пріѣхал в Юзовку вмѣстѣ с директором завода Неудачиным.

В темную августовскую ночь мы подъѣзжали к поселку новаго завода. Степь благоухала прѣлым ароматом цвѣтов и свѣже-скошеннаго сѣна. На фонѣ южнаго неба ярко мерцали звѣзды, а по горизонту блестѣли длинныя линіи уличных фонарей новаго городка. Из восьми новых корпусов четыре были уже оборудованы, в них производилась выдѣлка снарядов, а в корпусѣ была электрич. станція. Жена директора ждала нас с ужином.

В сентябрѣ я вернулся в Петроград. Там происходили событія весьма чреватыя послѣдствіями. Нахлынувшія с фронта массы дезертиров, весь ганрнизон и рабочіе заводов, взбунтованные большевистской агитаціей „Совдепа", овладѣли городом и требовали прекращенія войны и отставки Временнаго Пр ва, во главѣ котораго стоял Керенскій, как диктатора и верховнаго главнокомандующаго. На выручку Вр. Пр ва и для возстановленія порядка шел со своей дивизіей с юга генерал Корнилов.

Своими трескучими патріотическими рѣчами Керенскій внушил надежду петроградскому обществу и правым благоразумным кругам интеллигенціи, что только он один сумѣет возстановит порядок. Но в упоеніи [2]) своей неограниченной власти, и из боязни ее потерять, он предал генерала Корнилова, подходившаго уже к Петрограду; вызвав к себѣ по телефону начальника его штаба, будто для переговоров, он задержал его, арестовав как бунтовщика, а за Корниловым послал отряд большевистских войск для ареста. Корнилов бросился на юг, но за Могилевом он был схвачен и посажен в тюрьму.

Предательством ген. Корнилова Керенскій сразу развѣнчал себя. Вѣнец героя с него слетѣл; газеты безцеромонно его поносили, и „Совдеп" перестал считаться и с Вр. Правительством.

Жизнь в Петроградѣ становилась все труднѣе и труднѣе. Приходилось по цѣлым дням стоять в хвостах, чтобы получить нѣсколько фунтов каких нибудь продуктов. Мы жили в проголодь, и в холодной квартирѣ, т. к. обогрѣть 6 комнат было невозможно, тѣм болѣе, что всѣ сосѣднія квартиры не отоплялись, или за недостатком топлива, или за отъѣздом жильцов, бросавших квартиры и уѣзжавших кто куда мог — в провинцію, гдѣ жизнь была болѣе нормальна.

---

[1]) По преданію эта роща старинных вѣковых дубов была посажена Петром Великим в одно из его путешествій на юг Россіи.

[2]) Онъ поселился в зимнем Дворцѣ в апартаментах Николая II-го и спал на царской кровати. В насмѣшку его величали „Александром IV-ым".

Из Петрозаводска[1]), гдѣ жили наши двѣ дочери, мы по временам получали муку, крупу и другіе продукты. Это давало нам большую поддержку. По вечерам часто сидѣли в темнотѣ, т. к. электр. станціи перешли во власть самих рабочих.

В октябрѣ у Керенскаго и Вр. Пр-ва оставался вѣрным только женскій баталіон Бочкаревой и отряд из юнкеров военных училищ, охранявших Зимній Дворец, гдѣ к тому времени почти безвыходно засѣдали члены Вр. Пр-ва. Таврическій дворец был теперь в полном распоряженіи „Совдепа"; в нем царствовал Чхеидзе, Калинин, Нахамкес, Троцкій, Зиновьев, Свердлов и другіе столпы большевизма; там засѣдали еще и старые „эс-эры" кн. Крапоткин, Савинков, Плеханов, Боголюбов, В. Засуличь, Брешко Брешковская, Бушь, Гоц и другіе.., но они вскорѣ ушли из этой грязной компаніи, так как с каждым днем приходили к печальному убѣжденію, что их долголѣтній труд в изгнаніи и понесенныя жертвы, мечтавших создать из Россіи новую Аркадію (с „хрустальными дворцами"[2]), пропали даром они теперь убѣдились, что эти идеи совершенно чужды дикой озвѣрѣвшей русской толпѣ. Живя долго заграницей, эти эмигранты представляли себѣ русскій народ времен Александра II-го, в его душѣ тогда был еще страх Божій, он чуял над собой опеку начальства, он клал в воскресеніе в церкви поклоны и вѣрил в царя. Теперь этим старым эс-эрам стало ясно, что инородцы „Совдепа" — стремятся изгнать из души русскаго народа религію, патріотизм, право — законность и совѣсть, в своих эгоистических цѣлях — отдѣлить[3]) свои окраины от ослабленной анархіей Россіи.

Овладѣв страной, „Сов. нар. ком." почуял в этих старых идейных эс-эрых опасных соперников и преслѣдовал их с большей жестокостью, чѣм „контр революціонеров".

25 октября (ст. стиля), был взят штурмом Зимній Дворец с засѣвшим там Вр. Правительством. Большевистскія войска двинулись на него вечером с 3-х сторон: с Дворцовой площади, от Адмиралтейства, а с Невы аттаковали миноносцы, пришедшіе из Кронштадта. День был морозный, по Невѣ шел густой лед и мосты были разведены. Гранатами и пулями обсыпан был весь дворец. Потеряв многих убитыми и раненным ночью, защитники сдались; дикая толпа, арестовав Вр. Пр-во, бросилась громить залы дворца и, проникнув в подвалы, гдѣ хранились

---

[1]) Там мужья их состояли при постройкѣ Мурманской дороги.

[2]) По выраженію Чернышевскаго.

[3]) Что вскорѣ и было достигнуто: Чхеидзе и К⁰ бросили „Совдеп", вернулись к себѣ домой и образовали Грузинскую и Армянскую республики; Латвія, Эстонія, Татары (Казань), Туркестан отпали. Одни лишь евреи никуда не ушли — они предпочли лучшее—забрать всю Россію въ свои желѣзныя руки; путем повсемѣстнаго террора и жестоких казней истребить высшій класс и интеллигенцію и на этом кладбищѣ создать Еврейское Царство, гдѣ русскій мужик стал-бы безправным рабом и солдатом красной арміи.

большіе запасы вина, стала разбивась бочки, напиваясь до омертвенія. Пьяная оргія продолжалась до утра.

Керенскому удалось еще до аттаки дворца удрать через Финляндію, за границу.

Большевики объявили Совѣтское правительство — во главѣ с Лениным; тут были: Троцкій, Зиновьев, Нахамкес, Свердлов, Калинин, Урицкій. Они устроились в Смольном институтѣ [1]), и сидѣли там, как в крѣпости.

Комендантом города был назначен отставной пропойца [2]), и с перваго-же дня был объявлен красный террор для истребленія „контр-революціонеров". Пошли обыски, аресты, разстрѣлы, грабежи.

Земли, дома, кватирная обстановка, магазины, оптовые склады и вся вообще недвижимость, исключая двух смѣн бѣлья и платья — считались достояніем народным. Вклады в банки, в государств сберегательныя кассы и сейфы считались конфискованными. А владѣльцы золота, драгоцѣнностей и оружія объявились государственными преступниками и разстрѣливались в „Чрезвычайках". Во время поголовных обысков квартир обыватели трепетали от страха, не нашлось-бы гдѣ нибудь в закоулках обломок старой сабли, охотничьяго или дѣтскаго ружья, или патронныя гильзы. Обезоруженное населеніе было, отдано на произвол многочисленным шайкам, которыя, заручившись безграмотной бумажкой с печатью (часто подложной), производили набѣги и, под видом поисков оружія, захватывали в квартирах деньги и вещи, или объявляли квартиру, а часто и весь дом реквизированным для какого нибудь „комитета", или учрежденія; при этом из цѣлаго дома выселялись на улицу жильцы с запрещеніем брать с собой что либо из домашних вещей.

Вскорѣ были анулированы пенсіи, эмеритуры, процентныя бумаги. Запасы продуктов, превышавших мѣсячную норму (т. е. I пуд муки) считались также под запретом и конфисковались. Купля и продажа своих собств. вещей строго наказывались принудительными работами. Рынки и всякія продовольственныя лавки были закрыты. Выѣхать из города строго запрещалось.

Всѣ типографіи были конфискованы и газеты, исключая „совѣтских извѣстій" и „Правды", были закрыты. За одно слово, критики, или несочувствія „новому" порядку, обыватель рисковал попасть в „Чрезвычайку". Всюду шныряли многочисленные шпіоны коммунистов и предавали неосторожных людей.

Словом, обыватель попал в деспотію времен древней Персіи и стал голодным и безправным рабом. Всѣ городскія зда-

---

[1]) Смольный институт в полном составѣ еще лѣтом был перевезен в Новочеркеск на Дону.

[2]) Капитан Родіонов.

нія, великокняжескіе дворцы и частные дома были конфискованы, а владѣльцы их, неуспѣвшіе бѣжать (в Финляндію, или в Украйну) были арестованы.

Во дворцах помѣстились различные „ком'ы", в бывших государственных учрежденіях, вмѣсто чиновников, были посажены курьеры, писаря, сторожа, а начальниками учрежденій назначались наиболѣе отличавшіеся крикуны из „Совдепа". Начальником Петроградской „Чрезвычайки" был еврей Урицкій [1]). Этот діавольскій застѣнок занял дом градоначальства (Гороховская № 2, уголь Адмиралтейскаго просп.) Там день и ночь засѣдал совѣт из бывших сыщиков и бѣглых каторжан, и послѣ краткаго опроса, схваченных „контр-революціонеров" тут же на дворѣ разстрѣливали. Обувь и одежда с них предварительно снималась и дѣлилась между экзекуторами. В первое время убійцами назначались солдаты из латышей; позднѣе для разстрѣла стали набирать бродивших по Россіи китайцев [2]), нахлынувших из Восточной Сибири и Манджуріи. Эти азіаты, лишенные чувства малѣйшаго состраданія — были безсознательными палачами приговоров кровожадной „Чрезвычайки".

Петербургскіе дома были отданы в распоряженіе подвальным жильцам и разному сброду, переселившемуся из окраин города [3]). За отсутствіем топлива [4]) водопроводныя трубы замерзали и лопались, отчего большинство домов обмерзало и приходило к разрушенію. Жильцы переселялись в подвалы и тѣснились в одной комнатѣ, обогрѣваемой желѣзный печуркой („буржуйками"). Для топки употреблялась мебель из барских квартир, торцовая мостовая, потом разбирались деревянные ларки с закрытых рынков, а в послѣдствіи было разобрано на топливо нѣсколько сот деревянных домов с Петербургской стороны и с окраин города. По улицам валялись падшія лошади, отобранныя от извощиков, но никѣм не кормленныя... Так мало по малу превращен был в кладбище весь край, обильный природными богатствами...

Из событій (важнѣйших) конца этого года слѣдует отмѣтить: разгон в ноябрѣ большевиками „Учредительнаго Всероссійскаго Собранія". Предсѣдателем Собранія был выбран эс-ер Чернов. На первом-же засѣданіи в Госуд. Думѣ, затянувшемся до поздней ночи, в зал вошли пятнадцать матросов

---

[1]) Впослѣдствіи убитый студентом политехникума Канегисером. Дворцовую площадь переименовали в „Площ. Урицкаго".

[2]) Уже в 1916 году, за недостатком рабочих рук, вслѣдствіи большаго спроса русских людей на фронт были вывезены из Дальняго Востока для работ в портах алеуты, китайцы и корейцы.

[3]) Объявлен был лозунг: „Дворцы — пролетаріям, а подвалы буржуям".

[4]) Доставлявшія обыкновенно топливо в Петроград из Олонецкаго края дровянныя барки частных лѣсопромышленников в числѣ нѣскольких тысяч — были от них отобраны, т. е. „націонализированы", но „совдепом" не использованы и онѣ без хозяев остались на Ладожском озерѣ и на рѣкѣ Свири и там замерзли.

и объявили Собранію: „Ну! будет вам тут ночью болтать, расходитесь". Так скоро и просто закрылось Учред. Собраніе, а с ним вмѣстѣ погибла послѣдняя надежда на возстановленіе в Россіи государственнаго правоваго порядка...

В этом же году в нашей собственной семьѣ началась 3-я драма. Моя младшая дочь Ольга стала невѣстной молодого инженера Як. Любицкаго. Это был весьма способный, прекрасно образованный и хорошо воспитанный молодой человѣк, плечистый и на вид здоровый, но, как впослѣдствіи оказалось, пораженный еще с дѣтства туберколезом легких, о чем он и сам не знал. Зимою он сильно простудился, заболѣл воспаленіем легких. Дочь за ним ходила как добровольная сестра милосердія. С каждым днем он постепенно слабѣл и таял, как свѣчка.

В февралѣ ему, казалось, стало лучше и он начал вставать. Рѣшено было отправить его в санаторію Халилу. Дочь собралась его сопровождать, но канунѣ их отъѣзда, больной под вечер заснул и... больше не проснулся.

Трудно описать горе несчастной нашей дочери. Она рядом с могилой своего жениха закупила для себя мѣсто на Смоленском кладбищѣ, разсчитывая вскорѣ послѣдовать за ним.

Увести ее из Петрограда нам удалось лишь лѣтом. Я уѣхал с ней в Петрозаводск, погостить у наших двух старших дочерей.

Новый год мы встрѣчали у Харитоновичей. Радушные хозяева постарались устроить встрѣчу так, как это дѣлалось при „старом режимѣ." Но трудность добыванія продуктов и угнетенное настроеніе гостей под давленіем большевистскаго террора — сдѣлали свое дѣло; раут был весьма скромный и не веселый. Послѣ полночи скоро всѣ разошлись: кто торопился домой на ночное дежурство, кто ожидал нóчного обыска, а кто боялся грабежа в оставленной квартирѣ [1])

Здѣсь слѣдует упомянуть о звѣрском убійствѣ большевикама двух министров „Врем. Правительства" д-ра Ал. Ив. Шингарева и профессора Кокошкина. Они посажены 25 октября в Петропавловскую крѣпость, в сырых холодных казематах заболѣли и их перевели в Маріинскую больницу. 6-го января 1918 г. вечером ворвались в палату — два большевика [2]), в красноармейской формѣ и из револьверов звѣрски их убили.

Весна тянулась для нас долго, тягостно и печально: жизнь

---

[1]) Ни прислуги, ни дворников в домах вовсе небыло, поэтому оставлять квартиру было весьма рискованно.

[2]) Был слух, что один из них был Зиновьев — псеводним Апфельбаум, бывшій в послѣдствіи гл. начальником Петроградскаго округа.

на половину в проголодь [1]), страх постоянный за предстоящую ночь в ожиданіи обысков, налетов и возможных арестов. Ежедневно узнавали, что такой-то разстрѣлян, другой схвачен и отправлен в Кронштадт, третій умирает от тифа в подвалѣ; все это мои сослуживцы, или близкіе наши знакомые... Мертвая тишина царила в нашем домѣ; дочь Ольга как тѣнь безмолвно одна проводила цѣлые дни в своей комнатѣ.

Я просиживал без дѣла в своем кабинетѣ. Писем писать к родным нельзя, т. к. почта обслуживала только совѣтскія служебныя корреспонденціи; телеграфом так-же частным лицам пользоваться не разрѣшалось.

На нашем заводѣ [2]) царствовал „комитет“ из десятка наиболѣе наглых рабочих, расхищавших станки и цѣнные металлы. Директор Брунстрем и его соотечественники уѣхали к себѣ в Финляндію; русскіе члены правленія и инженеры разбѣжались кто куда мог — заграницу, в Украйну, в Кубань и в Юзовку [3]). В эту послѣднюю было рѣшено перебраться нам всѣм членам правленія и инженарам, осташимся в Петроградѣ [4]) дабы избавиться от преслѣдованія заводскаго „комитета“, подавшаго на нас донос в „Чрезвычайку“, обвиняя нас в переводѣ заводских капиталов будто в Юзовку [5]).

На совѣщаніи у Сергѣева было рѣшено, что каждый из нас различными путями должен нелегально перебраться на юг. Это было в маѣ. Мнѣ, как уроженцу Виленской губерніи, помог в этом дѣлѣ образовавшійся в Петроградѣ „Литовскій комитет“. Литовскій комитет без труда выдал мнѣ удостовѣреніе для возвращенія на родину.

Но я в это время не мог воспользоваться этим пропуском [6]) (и отложил его до осени), т. к. необходимо было дочь Ольгу увезти в Петрозаводск к сестрам.

В Петрозаводскѣ мы помѣстились — я у старшей дочери Маргариты, а Ольга у Наташи; обѣ семьи жили в одном домѣ. Город у берега Онежскаго озера, мѣсто живописное, воздух прекрасный, лѣто было теплое, ясное. „Бѣлыя“ ночи Сѣвера не были для нас новостью, и мы при хороших условіях питанія и сердечных заботах обѣих дочерей, вскорѣ ожили и поправились. В Петрозаводскѣ в то время жизнь населенія протe-

---

[1]) 1/16 фунта чернаго хлѣба отпускалось в день по карточкам для безработных „интеллигентов“, какими считались мы.

[2]) „Русское О-во изготовл. снарядов“ (Парвіяйнен).

[3]) Юзовка не была тогда еще захвачена большевиками и оставалась под властію гетмана.

[4]) Инженеры: Харитонович, Сергѣев, Алексѣев, я и еще нѣсколько других. Самое правленіе Юзовскаго завода учреждено было в Кіевѣ.

[5]) В „Чрезвычайкѣ“, как потом оказалось, в маѣ был уже составлен список и ордер об нашем арестѣ.

[6]) Переѣзд мой в Вильно был только предлогом, как средство вырваться из Россіи — дабы потом оттуда переѣхать в Кіем и в Юзовку, что было нетрудно.

кала почти в условіях нормальных. Мой зять Дмитріев посылал в Петроград муку и разные продукты моей женѣ, рѣшившей остаться дома, дабы сберечь квартиру от разгрома.

В „Извѣстіях Исполкомах“ мы прочли о звѣрском убійствѣ Императора Николая II и всей царской семьи в Екатеринбургѣ в ночь с 16/17 іюля 1918 г. В официозѣ был приведен цѣликом приговор постановленія (без суда) о казни Царя и акт об исполненіи приговора, подписанный: евреем Юровским и каторжанами: Ермаковым, Багановым, Медвѣдевым и Никулиным. В приговорѣ говорится, что Царь был разстрѣлян вмѣстѣ с Наслѣдником, а Царица и всѣ 4 дочери находятся в укромном „надежном мѣстѣ“.

Это сообщеніе оказалось впослѣдствіи наглою ложью.

В началѣ іюня всѣ, остававшіеся в Тобольскѣ, были перевезены в арестантском особом поѣздѣ под сильной охраной в Екатеринбург. Гибсон, по требованію англійскаго консула — был освобожден, а д-ру Деревенькѣ и М-р. Жильяру удалось скрыться из поѣзда, замѣшавшись в толпѣ публики.

Заключенные в домѣ Ипатьева 11 человѣк: Царская семья д-р Боткин и трое прислуг[1]) — были именно тѣ, которых рѣшено было убить. В трех дальних комнатах верхняго этажа размѣстили Царскую семью, в четвертой — д-ра Боткина и прислугу, затѣм центральная большая (проходная) комната была столовая, общая для арестованных и охраны, т. к. обѣдать и ужинать требовалось вмѣстѣ с этими звѣрьми; за столом предсѣдательствовал палач Юровскій, который безпрерывно издѣвался над несчастными заключенными. В комнатах, смежных с передней, у входа помѣщалась охрана, она же занимала и весь нижній полуподвальный этаж. В столовой охраннки проводили весь день, дверь из столовой в сосѣднюю комнату барышень была снята, дабы слѣдить за ними было удобно. Но всѣ эти издѣвательства онѣ переносили покорно со стоическим терпѣніем мучеников первых христіан и тихо в полголоса онѣ пѣли хором церковныя пѣсни, готовясь к неизбѣжной смерти, о чем Царская семья знала из угроз диких охранников, бывших нерѣдко пьяными. Наслѣдник все время лежал больной. Царица все также страдала слабостію ног. В іюлѣ стало извѣстно, что адм. Колчак двигался с арміей к Екатеринбургу. Тогда в ночь на 17-ое іюля Юровскій собрал 12 убійц, каждому велѣл взять по нагану[2]) и ворвавшись в Царскія комнаты, приказал всѣм перейти в подвальный этаж и там, загнав их в дальнюю комнату, выставили

---

[1]) Анна Демидова, Харитонов, Трупп.

[2]) Активными убійцами были: Юровскій, Ермаков, Медвѣдев, Ваганов и Никулин (каторжане) и 7 человѣк австрійских плѣнных Мадьяров — всего 12 человѣк.

к стѣнѣ и каждому убійцѣ была назначена одна жертва. Больного наслѣдника Царь держал на руках. Первый выстрѣл произвел Юровскій в Царя и наслѣдника, оба мгновенно пали мертвыми. В. Княжна Анастасія была только ранена и стонала, изливаясь кровью, ее мадьяр прикончил штыком; прислуга Анна Демидова была также только легко ранена и пыталась убѣжать от своего убійцы, он ее догнал и уложил двумя выстрѣлами.

Убійцы спѣшили скрыть слѣды преступленія и сейчас-же ночью уложили 11 трупов на грузовые автомобили и, в 20 верстах, в тайгѣ в теченіи 3-х дней жгли убитых. Затѣм все свалили в угольную шахту, засыпав ее песком.

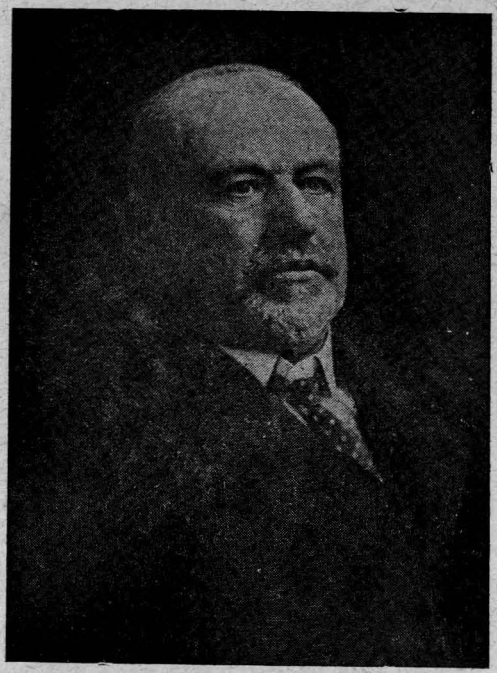
Заняв Екатеринбург, адм. Колчак назначил слѣдствіе. Пойманный в городѣ один из убійц каторжанин Медвѣдев, — послѣ долгих запирательств—открыл детали убійства, а осмотр дома Ипатьева и тщательное изслѣдованіе поляны и шахты в тайгѣ, подтвердили вѣрность обстановки самого убійства и сожженія тѣл.

По возвращеніи в Петроград я возобновил хлопоты в Литовском Комитетѣ о полученіи документов для переѣзда через Вильно в Кіев, а оттуда в Юзовку, гдѣ д. б. собраться коммерческій директор Сергѣев и инженер Харитонович. Предполагалось, что, когда проѣзд в Малоросію будет свободен, то наши семьи переѣдут туда-же и мы всѣ проживем, спасаясь от голода и большевистскаго террора в Юзовкѣ. Сергѣев должен был проѣхать с подложным паспортом через Оршу, гдѣ был нѣмецкій кордон, а Харитонович через Бѣлгород с пропуском, полученным от нашего-же заводскаго „Рабочаго комитета“ — под видом командировки на южные заводы. Но эти двѣ командировки были ничто иное, как провокаторское предательство комитета. Выдав им документы, „комитет“ донес в „Чрезвычайку“. Их схватили и посадили в тюрьму на о-вѣ „Голодаѣ“; там оба вскорѣ заболѣли сыпным тифом, Сергѣев умер, а Харитонович, сильно ослабленный болѣзнью был выпущен домой на поправку, считаясь под домашним арестом. Об их арестѣ я узнал только в Кіевѣ.

В сентябрѣ был в Петроградѣ убит предсѣдатель „Чеки“ Урицкій. Начались аресты всѣх, бывших военных, старых и молодых. Был конечно обыск и в нашем домѣ. Всю ночь обходили наш дом двое здоровенных рабочих с отрядом красноармейцев; обыскав каждую квартиру, брали из нея подозрительных жильцов. Ко мнѣ они пришли под утро с разсвѣтом; я спал Мнѣ они подали ордер об обыскѣ и арестѣ и стали шарить в моем столѣ.

Порылись в документах, не читая их, пересчитали деньги и обратили вниманіе на висѣвшіе на стѣнѣ большіе траурные портреты моих погибших сыновей.

На мостикѣ флагманскаго корабля. Штаб наблюдает за бомбардировкой Босфора.



Предсѣдатель Госуд. Думы Камергер Высочайшаго Двора М. В. Родзянко, крупный землевладѣлец, октябрист. С большевистским переворотом принял участіе в Кирилловском походѣ с крушеніем бѣлаго движенія выѣхал в Сербію, гдѣ в одиночествѣ скончался 25 января 1924 г., 65 лѣт отроду — и похоронен на счет королевства Сербіи.

ВЫСШІЕ КОМАНДИРЫ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА В ВЕЛИКУЮ ВОЙНУ.

Вице-адмирал П. Новицкій
Звѣрски убит матросами во время революціи.

Контр-адмирал
кн. Н. С. Пурятин.

Контр-адмирал А. Г. Покровскій.

Подозрѣвая, что напали на слѣд моей связи с офицерами, бѣжавшими в „Бѣлую армію“, эти агенты, торжествуя злорадно свое открытіе, энергичным жестом грубо указали мнѣ на дверь, чтобы идти вниз в автомобиль. Но я — со сна, как-бы непоняв их жеста, спокойным взглядом, молча их спросил — „в чем дѣло?“, и на вопрос агентов „а гдѣ эти офицеры?“ — жестом руки указал на небо, сказав „погибли в боях, один в Цусимѣ, другой на „Палладѣ“. Увидѣв черныя траурныя рамы, агенты переглянулись, и на вопрос одного: „что — взять его?“ — другой старшій отвѣтил: „не надо!“. Я остался свободен... Этот исключительный случай я считал чудом.

Блаженныя души моих дорогих мальчиков спасли меня от большевистской казни, разбудив окультным внушеніем человѣческія чувства в сердцах этих жестоких людой.

Ясно стало, что мнѣ надо скорѣе отсюда уѣхать и я стал энергично хлопотать в Эвакуаціонном отдѣлѣ. В комиссіи признали меня больным, и назначили меня на санитарный бѣженскій поѣзд, уходившій 18-го октября через Псков в Вильно. В этапном баракѣ финляндскаго вокзала собралось 200 человѣк бѣженцев с багажом и запасами провизіи на 10 дней пути. Предстоял строгій обыск всего вывозимаго. Разрѣшалось взять с собой не болѣе 5 пудов вещей, причем неболѣе 2-х смѣн бѣлья, 2-х костюмов и 2-х пар сапог. Провизіи разрѣшалось 10 ф. чернаго хлѣба, 2 ф. крупы, 1 ф. колбасы и 1/2 ф. сахару. Все остальное считалось контрабандой и отбиралось. Денег разрѣшалось имѣть 1 тысячу рублей, а больным по — 2.000 р. на человѣка. Поѣзд был санитарный, тут были только больные, старики, женщины и дѣти; поэтому у многих был бѣлый хлѣб, молоко и консервы. Явилось двое грозных большевистских рабочих и с жестоким цинизмом рылись в вещах трепетавших от страха и больных пассажиров. От дѣтей безжалостно отбирали молочные консервы и сахар; у больной вдовы нашли нѣсколько бѣлых булок собственнаго печенія и без разговоров забрали их. Вдова тщетно умоляла оставить их ей, т. к. страдала язвой желудка. Ревизія тянулась до полночи, и тогда началась посадка. Поѣзд состоял из чистых бѣлых вагонов, с рессорными койками. Очевидно это был поѣзд из отрядов Краснаго Креста. В нашем вагонѣ ѣхало в Вильно и в Ковно нѣсколько семейств интеллигентных евреев. Два семейства ѣхало в Ригу. Был еще доктор поляк и 2—3 пассажира поляка, не обнаруживавшіе своего званія. Я конечно также скрывал свое званіе. Дня три мы тянулись до Луги. Наши скудные запасы быстро истощились. На 5-ый день прибыли в Псков, занятый нѣмцам. Ну, слава Богу, ушли из проклятой „большевіи“! На вокзалѣ полный порядок, чисто. По перону гуляют в новеньких мундирах высокіе, стройные нѣмецкіе офицеры в бѣлых перчатках; в залѣ I класса обильный буфет; за прилавком толстая нѣмка, всевозможные напитки и вкусные бутерброды.

Мы разсѣлись в кампаніи за стол, убраный цвѣтами и потребовали обѣд в 4 блюда. Так вкусно мы не ѣли за три послѣдніе года. Послѣ обѣда нам пришлось пройти по карантинным формальностям и через очистку в банѣ. На дѣлѣ прививки никакой не было: нѣмцы, пропустив нас через три медицинскія камеры, взяли за каждую „прививку“ по 10 рублей и через час все было кончено. Мы получили свидѣтельства о полном здоровіи и взяли в кассѣ билеты на проѣзд до Вильна. До Динабурга путь еще прежній ширококолейный и пришлось поэтому ѣхать в русских ободранных вагонах, а далѣе пересѣли в нѣмецкіе чистые, мягкіе, теплые вагоны.

В Вильнѣ было еще тепло, грѣло привѣтливо родное солнце и листья на деревьях лишь кое гдѣ желтѣли... Но куда же ѣхать, и гдѣ остановиться? — я вѣдь не знаю, есть-ли здѣсь кто нибудь из родных; за 4 года войны могло все измѣниться. Но у нѣмцев порядок: у кого из пріѣзжих бѣженцев нѣт вѣрнаго пріюта, для этого возлѣ самаго вокзала есть бюро квартир — коменданта. Мы туда заѣхали и там полковник выдал нам билеты, с означеніем названія отеля и номера комнаты (с цѣной).

В Кіевѣ был в это время наш директор Брунстрем и бюро правленія Юзовских заводов.

Литва получила от нѣмцев автономію и управлялась „Tarib-ой“, т. е. Государственнным совѣтом Литвы. От этой Тарибы мнѣ удалось получить паспорт литовскаго гражданина.

Затѣм, благодаря протекціи жены презуса Тарибы M-me Смэтоны, комендант города нѣмецкій полковник без затруденія выдал мнѣ пропуск до Кіева[1]). Отдохнув и оправившись от утомительной дороги в удобном S. George Hotel, я занялся розыском здѣшних своих родственников.

Побывал раз в театрѣ — там играла берлинская опера с хорошим персоналом артистов. В Вильнѣ, хоть это было конец октября, погоды стояли ясныя, теплыя. Магазины, погреба и рынки полны всяких товаров и обилье продуктов. Цѣны на все умѣренныя. Словом невидно, что страна 3 года назад была театром жестоких боев и опустошеній. За царскій бумажный рубль давали 2 нѣмецкія марки. Я торопился в Кіев, чтобы застать таи Брунстрема и 1-го ноября уѣхал через Минск в Кіев.

Вся Малоросія под властію Гетмана[2]) и охраной нѣмецких войск — наслаждалась полной свободой и обиліем продовольствія. Город был переполнен бѣглецами из обѣих столиц: на улицах встрѣчались высшіе сановники, старые министры, придворные чины, банкиры, заводчики, профессора, капиталисты,

[1]) Кіев и вся гетманская Украйна — была в то время, занята нѣмецкими войсками.

[2]) Генерала Скоропадскаго.

коммерсанты, домовладѣльцы и всевозможные „буржуи". Кіев для них был временным этапом, гдѣ можно было пережить безопасно в ожиданіи скораго конца — как всѣм тогда казалось — большивистскаго бунта. Из за тѣсноты многіе бѣглецы переѣзжали в Одессу, в Крым, на Дон и на Кубань, гдѣ собиралась „бѣлая армія". Там боевые генералы: Корнилов, Алексѣев, Деникин, Краснов, Радко-Дмитріев, бар. Врангел, гр. Келлер организовали военные отряды из офицеров и унтер-офицеров. В Екатеринодарѣ составилось правительство „бѣлых"; в числѣ его членов было нѣсколько старых министров и членов Гос. Думы: Сазонов, Родзянко, Гучков, Деникин... Они признали адм. Колчака верховным правителем и установили с ним связь. В то время Колчак во главѣ чехословаков достиг Екатеринбург.

Союзники также признали тогда Колчака верховным правителем Россіи.

В Кіевѣ я был в первый раз. С вокзала в город я ѣхал длинным 2-х верстным бульваром: темно-зеленая аллея высоких стройных тополей тянулась безпрерывной цѣпью мимо садов и парков; мимо храма св. Владимира, университета, памятника Имп. Николая I. Въѣхав на главную улицу Крещатик, напомнившую мнѣ Невскій проспект, заполненный двигавшеюся публикою в ясный праздничный день, я с удовольствіем сознал, что жизнь здѣсь бьет ключом, что не вся еще Россія обращена в мертвое кладбище.

В квартирѣ Правленія „Новороссійских Юзовских заводов" я занял кабинет директора Брунстрема, который к моему сожалѣнію только два дня назад уѣхал к себѣ в Финляндію через Берлин.

В Правленіи оставался полк. артиллеріи Иваницкій - Василенко, инженер Гаскевич, бухгалтер Васильев и двѣ барышни машинистки. Полк. Иваницкій состоял представителем Юзовских заводов перед Артиллерійским Управленіем Гетманскаго правительства, а я перед Морским и Путейским министерством.

Товарищем морского министра был к-адмирал М. М. Остроградскій — бывшій мой флаг капитан на Черноморской эскадрѣ. Встрѣтив меня на улицѣ он не узнал меня — как я стало-быть измѣнился за эти $1^1/_2$ года жизни в большевистском „раю"!..

В Кіевѣ стояла ясная осень: сады, раскинутые на живописных обрывах широкаго Днѣпра, еще зеленѣли. В Купеческом саду давал концерты городской оркестр, а в Большом театрѣ давались оперы; персонал в большинствѣ состоял из лучших артистов императорских театров обѣих столиц. Тут был Собинов, Фигнер[1]), Долина и многіе другіе.

---

[1]) Умер в началѣ 1919 года и временно похоронен в Кіевѣ в Софійском монастырѣ.

Нѣмецких властей почти небыло видно: лишь в комендантурѣ сидѣл нѣмецкій полковник и около десятка военных писарей. На перекрестках улиц кой-гдѣ виднѣлись военные посты, но и они казались ненужными, т. к. уже одно сознаніе, что страна находится под охраной нѣмецкой окупаціи, внушало населенію всей Украины спокойствіе и гарантію, что каждый гражданин находится под защитой закона, порядка. На всем югѣ Россіи было не болѣе 2-х, 3-х нѣмецких дивизій, но этого было совершенно достаточно. Русскій народ вообще не любит подчиняться закону и своим властям, но он совершенно покорно исполняет требованія иностранных властей.

Между прочими я встрѣтил здѣсь К. К. Шпана[1]) он вернулся из Сибири, куда был саслан в 1915 году, как бывшій германскій подданный. Теперь он пробирался на Кавказ в Анапу, гдѣ проживала на дачѣ его семья. Он дал мнѣ берлинскій адрес своего брата Эмиля, которому я оставил квитанцію на багаж наш брошенный в Берлинѣ в первые дни войны. Впослѣдствіи он писал, что получить багаж ему не удалось, т. к. нѣмецкія власти его конфисковали.

Но не долго Кіев пользовался таким благополучіем. Нѣмцы проиграли войну и Вильгельм лишился престола, нѣмецкія войска ушли из Малороссіи, а своих войск здѣсь небыло вовсе, исключая небольшого отряда, охранявшаго особу Гетмана. Революціонный микроб большевистской заразы безпрепятственно распространился тогда на югѣ Россіи. Нѣкій хохол Петлюра[2]) объявил Малороссію самостойной республикой, собрал вокруг себя толпу бѣглых солдат и казаков, к ним пристали Махно, Соколовскій, Ангел, Зеленый и разные другіе „запорожцы"; составилось нѣсколько гайдамацких полков, и с ними Петлюра пошел на Кіев. Гетман, не имѣя войск, вынужден был ночью 14 дек. 1919 г. бѣжать на автомобилѣ, и уѣхал через румынскую границу в Швейцарію.

15 декабря 1919 г. была снѣжная мятель; около 3-х часов дня я шел с женою директора нашего правленія М-me Неудачиной по Крещатику; в этот момент в город входило войско Петлюры, неся впереди желто-синій флаг; солдаты оборванцы в безпорядочном строѣ пѣли хохлацкія пѣ ни, музыка не стройно играла марш. Уличная толпа, но не интеллигенція, встрѣтила войско не очень дружным „Ура"! Оттуда в отвѣт дико загалдѣли, и вдруг без всякой причины пустили вдоль по Крещатику залп из пулемета(?). Публика бросилась в подъѣзды и в ворота домов, а я с моей дамой укрылся в магазинѣ Альшванга. На панелях валялось нѣсколько убитых и раненых, а войско Петлюры прошло дальше к городской ратушѣ.

Атаман Петлюра в Большом театрѣ собрал „вѣче" из своих „полковников" и городских представителей, гдѣ были

[1]) Бывшаго предсѣдателя правленія наших заводов.
[2]) Бывшій до войны бухгалтером в одном страховом обществѣ в Москвѣ.

объявлены всѣ большевистскіе лозунги и что русскій язык устраняется и вводится малоросійскій. Гоненіе началось на все русское, но евреи преслѣдованію официально не подвергались, однако их магазины и лавки из предосторожности пришлось закрыть, а магазины с серебром и золотом были конфискованы. За нѣсколько часов до входа Петлюровских войск, отряд тѣлохранителей, брошенный Гетманом на произвол судьбы, выходил в стройном порядкѣ из города на восток к Днѣпру, направляясь на Дон.

По предварительному соглашенію Петлюры с кіевскими властями, отряду было предоставлено право свободнаго выхода с оружіем в руках для присоединенія к арміи „бѣлых". На лицах молодых воинов явно выражалась грусть и обида, что их не поддержало свое-же начальство; я видѣл этот отряд когда он проходил по Николаевской улицѣ и свернул к берегу Днѣпра.

Пошли обыски оружія, аресты офицеров, конфискація золотых и серебряных вещей, захват банков, домов и заселеніе гостинниц петлюровскими камисарами и „казаками". Политика во многом напоминала коммунистическій террор Сѣверной Россіи, но это кокетничаніе не помогло, т. к. Совѣтскому правительству надо было для ослабленія своего голода ограбить сытую в то время Малоросію, вывезя оттуда хлѣб, сахар, свинину и водку. Троцкій объявил Петлюрѣ войну. Тот и не думал сопротивляться и, бросив Кіев на произвол судьбы, отошел к Винницѣ. Разбойничьи шайки Зеленаго, Ангела, Соколовскаго и Махно остались в окрестностях Кіева с разсчетом грабить караваны с продовольствіем, двигавшимся ежедневно к Кіевским базарам, а равно и отрѣзывать обозы красной арміи.

26-го послѣдній поѣзд с министерством Петлюры ушел из Кіева в Винницу и Одессу, а на слѣд. день вошли сюда большевицкія войска красной арміи.

Столица Украйны — Кіев, а за ним вскорѣ и вся страна очутилась в разбойничьих когтях московскаго большевизма. На города была наложена контрибуція. Большевики объявили всѣ драгоцѣнные металлы частных лиц и магазинов собственностью „народа" и начались обыски и конфискаціи имущества. Домовладѣльцы, торговцы, промышленники и всѣ состоятельныя лица были объявлены „врагами народа". Начался „красный террор" — такой жестокій и безпощадный, какого не было ни в Москвѣ, ни в Петроградѣ. Фабрики, заводы, промышленность, торговля остановилась и начался голод. Пошло гоненіе на интелигенцію: Я видѣл ежедневно, как отряд китайских солдат с винтовками „на изготовку" проводил по улицѣ человѣк 60—70 несчастных смертников, направляясь к тюрьмѣ из чрезвычайки. Это была очередная партія, предназначенная сегодня в полночь к разстрѣлу. Сердце сжималось при видѣ этих мучеников. Ослабленные голодом, пыткою и издѣвательством пьяных чекистов, —

они с трудом волочили ноги, на лицах блѣдных, с глазами впалыми выражались отчаяніе перед неминуемой смертью. Уголовных преступников тут вовсе небыло. Истреблялись только культурныя силы страны. В опубликованных списках убитых перечислялись их званія и роды занятій: „профессор, доктор, студент, начальница гимназіи, судья, прокурор, издатель, или редактор газеты, студентка, офицер“ и проч... Попадались между прочим и такіе смертники: „бывшіе свидѣтели, показавшіе (на давно забытом процессѣ) против Бейлиса“.

К нам в Правленіе ворвался звѣрскаго вида молодой красноармеец с двумя мѣстными шпіонами для реквизиціи печатных машин и конторской мебели для сов. учрежденій. В правленіи оставалось: я, бухгалтер Васильев и машинистка. Послѣдняя перепечатывала мои мемуары. Красноармеец потребовал обѣ наши машины. Васильев с ним заспорил, отстаивая машину большихъ размѣров.

Машинистка при этом сняла лист с машины и хотѣла спрятать его в стол, большевик это замѣтил, вырвал лист из ея рук и начал его разбирать... „О! это — бывшій морской офицер“... сказал он. Но в этот момент Васильев возмущенным голосом продолжал отстаивать большую машину. Большевик, оставив лист, увлекся спором и, силою завладѣв машиною, унес ее. Я моментально собрал свои вещи и переѣхал на квартиру Неудачина, исполняя его просьбу — взять под опеку его сына и дабы уберечь квартиру от реквизиціи. Вечером большевик, узнав, что я скрылся, „уѣхав куда-то из города“, — занял мои двѣ комнаты для себя и поселил в них двух своих „дѣвиц“ — стриженых коммунисток, и кутил по ночам с ними до утра в пьяном дебошѣ.

Через двѣ недѣли большевик бѣжал от преслѣдованія своих властей, искавших его, как преступника за продажу в свою пользу реквизированных им машин и конторской мебели.

Одновременно исчезли обѣ его „подруги“. Я по цѣлым дням бродил со своим воспитанником в поисках ѣды, высматривая на окнах в частных квартирах объявленія о „домашних обѣдах“. Случалось находить обѣд из картофельнаго супа и каши без мяса и хлѣба за 80 рублей. Съѣвши его, мы оставались голодными и продолжали бродить по городу в поисках за вторыми обѣдами.

Обобрав Украйну до послѣдняго зерна, московскій „совнарком“ даровал ей автономію; в Кіевѣ образовался собственный украинскій „совнарком“ с предсѣдателем Раковским [1]). Это правительство с первых же дней принялось за ограбленіе обывателей, узаконивая этот грабеж издаваемыми декретами. Все достояніе частных лиц, за исключеніем 2-х смѣн бѣлья, 2-х костюмов, 2-х пар сапог и одного пальто — все остальное отби-

[1]) Из Румынских или Болгарских евреев капиталистов.

ралось ежедневно производившимися поголовными обысками. Каждый день назначалась для обыска одна улица. Она запруживалась с двух концов отрядами красноармейцев, а комиссары по домовой книгѣ забирали все, что считалось лишним. Жилец, у котораго находилось золото и серебро — арестовывался [1]).

В іюлѣ пошли по городу утѣшительные слухи, что для освобожденія Кіева двигается в востока „бѣлая“ армія Деникина, а с запада — союзная с ним армія галичан (бывшая австрійская) и с ними будто идут и поляки. Большевики объявили Кіев на военном положеніи и провозгласили „красный террор“, считая все населеніе контр-революціонерами [2]). Было запрещено выходить на улицу с 9 ч. вечера, т. е. с 6 ч. — (т. к. по всей Совдепіи часы были переведены на 3 ч. вперед). Таким образом, когда жара только спадала и голодный обыватель хотѣл-бы выйти подышать свѣжим воздухом, его заставляли сидѣть в душных домах, накаленных южным солнцем. В „свободной“ совдепіи была отнята у обывателя послѣдняя свобода, дышать воздухом!... Патрули красно-армейцев и китайцев с винтовками и без разбору стрѣляли в показавшагося на улицѣ обывателя. Вечером по городу раздавалась безпрерывно трескотня этих выстрѣлов. А ежедневно в полночь обыватели, сидя в окнах и на балконах, с замираніем сердца прислушивались к зловѣщей тишинѣ, из которой вдруг гулко раздавался отдаленный залп десятка винтовок — это на Подолѣ во дворѣ тюрьмы разстрѣливалась очередная партія несчастных смертников — контр-революціонеров... Это повторялось ежедневно все лѣто.

В іюнѣ ко мнѣ явился китаец и без долгих разговоров реквизировал мой кабинет. Он заявил, что занимается частной торговлей; по вечерам он исчезал и возвращался за полночь; имѣл совѣтскій билет на право ночью ходить по улицам. Оказалось, что он был тайным агентом в сыскной милиціи и служил переводчиком при ночных разстрѣлах в тюрьмѣ. Днем он бродил по базарам, занимаясь торговлей и сбывая фальшивыя деньги, в чем вскорѣ попался, и угодил в тюрьму. За 2 мѣсяца его пребыванія вся квартира провоняла, приняв специфичный китайскій запах.

В августѣ стали постепенно сворачиватся совѣтскія учрежденія и личный состав их незамѣтно куда-то исчезал. Населеніе оживало и на лицах уличной толпы появлялось выраженіе надежды на скорое избавленіе от гнета. Встрѣчавшіеся обыватели, даже не знакомые, молча обмѣнивались радостными взглядами. По Крещатику, — направляясь к днѣпровским пристаням, двигались цѣлые караваны грузовиков, набитых провіантом, мебелью, зеркалами, роялями и всевозможным имуществом, награбленным в домах. Все это грузилось на барки, которыя от-

[1]) За то, что не отнес в комиссаріат сам этих вещей раньше.

[2]) На самом дѣлѣ оно так и было; на сторонѣ большевиков были только преступные подонки населенія, выпущенные из тюрем, да уличные воришки.

правлялись в Чернигов, куда отходила красная армія. К концу августа оставались лишь однѣ чрезвычайки; в них пьяные комиссары с дьявольской жестокостью добивали по ночам несчастных мучеников. В сараях и конюшнях, во дворах чрезвычаек их убивали холодным оружіем, желѣзными вилами и бутылками от вина. Слѣды этой пытки были потом найдены, когда в Кіев вступила „бѣлая" армія. В числѣ послѣдних смертников было 160 польских заложников[1]); они были перебиты в послѣднюю ночь бѣгства на 30 е августа, когда к Кіеву подступила армія галичан. В ту ночь я сидѣл у себя на балконѣ и наблюдал, как на фонѣ звѣзднаго неба пролетали над городом снаряды, посылаемые с пароходов, отступавших к Чернигову. Снаряды били по вокзалу, куда в то время подходили галичане. Эти пароходы пріостановились, поджидая комиссаров чрезвычаек, добивавших в пьяной прощальной вакханаліи-послѣдних заложников.

С разсвѣтом вошли в город первые дозоры австрійской[2]) конницы. Народ в праздничных нарядах привѣтствовал войска цвѣтами и криками „ура"! город сразу преобразился: исчезли кожаныя куртки, защитныя красноармейскія рубахи и „купаросныя рыла" с нахальными чубами; на дамах появились шляпы и изящные ботинки, замѣнившіе деревянные „стукалки" на босую ногу. Австрійская пѣхота, пройдя с музыкой по городу, вернулась к вокзалу и расположилась лагером в полѣ; но одну полевую батарею оставила возлѣ городской думы для ея охраны.

Таким образом первыми освободителями Кіева оказалась не русская „бѣлая" армія. Это было устроено Троцким с коварным умыслом — отдать город Галичанам, а не русским, дабы их (союзников) между собой поссорить, что и случилось в дѣйствительности на слѣд. день, когда первый русскій полк вошел с запазданіем в Кіев[3]). Это было 31 августа около полудня; публика, собравшаяся на Крещатикѣ возлѣ Думы, ликовала, устраивая овацiи стоявшей тут артиллеріи. На балконѣ Думы собрались представители наскоро - образовавшагося правительства из самостійных украинцев, с желто-синим національным флагом, и произносили патріотическія рѣчи на малороссійском языкѣ. В этот момент подходил со стороны Днѣпра первый русскій полк „бѣлых" и заиграл русскій гимн. Полковник, с русскій національным флагом, поднялся на балкон и поставил его рядом с украинским; на это один из украинцев подскочил к флагу, сломал его древко и бросил на панель. Полковник выст-

[1]) Большевики полагали, что в составѣ войск, идущих на Кіев, имѣются польскіе полки, поэтому они захватили в качествѣ заложников видных поляков, живущих в Кіевѣ.

[2]) Это былу австро-галиційскія дивизіи, с которыми Петлюра, будучи еще в минувшую зиму кратковременным диктатором, заключил союз против большевиков

[3]) Троцкій приказал „красной арміи" открыть фронт с западной стороны Кіева, а с восточной задержал свои войска за Днѣпром, оказывая сопротивленія русским, подходившим с востока.

рѣлил в оскорбителя из револьвера и вслѣд за тѣм из рядов русскаго полка посыпались на балкон выстрѣлы, на это австрійская артиллерія, охранявшая Думу, открыла огонь по полку и началась перестрѣлка между союзниками... Таким образом діавольская затѣя Троцкаго осуществилась. Площадь мгновенно опустѣла; на мостовой осталось нѣсколько человѣк, убитых и раненых. Русскій полк прошел далѣе и занял одну из пустых казарм.

Вечером были расклеены плакаты от имени начальника русских войск с выраженіем прискорбія за инцидент, вызванный „недоразумѣніем". Генерал успокаивал кіевлян тѣм, что он приказал галиційским войскам отойти от Кіева на 25 верст на запад. Это обидное для первых избавителей Кіева рѣшеніе породило вражду между союзными войсками и спустя нѣкоторое время Галичане оставили Украйну и ушли домой.

С занятіем Кіева „бѣлыми" цѣны на продукты быстро упали: хлѣб черный с 70 рублей за фунт упал до 14 р.; рестораны и лавки открылись и жить стало легче. В половинѣ сентября с юга пришел по Днѣпру молодой контрадмирал Ив. Кононов с рѣчной флотиліей. В его штабѣ, найдя нѣскольких офицеров (плававших у меня в качествѣ гардемарин), я просил их помочь мнѣ добраться до Юзовки, гдѣ я числился на службѣ на снарядном заводѣ. Вскорѣ отправлялся вниз по Днѣпру один из пароходов флотиліи (до Екатеринослава), и я, захватив с собой бухгалтера Васильева и контр-агента нашего управленія Саломонова, отправился 28 сентября в Екатеринослав. Пароход двигался медленно, ведя на буксирѣ баржу с бѣженцами, по ночам становились на якорь.

3 го октября мы прибыли в Екатеринослав. В Ек-вѣ рынки были полны всякой провизіей и южными фруктами. У нас глаза разбѣгались послѣ Кіевскаго голоданія. На четвертый день нашего пребыванія в Ек-вѣ получилось внезапное извѣстіе, что Кіев вновь был захвачен красноармейцами, и там произошла жестокая рѣзня.

В Юзовкѣ я нашел полное благополучіе. Здѣсь изготовлялись снаряды и производился ремонт артиллеріи. Управляющій Неудачин и весь состав заводских служащих проживали в своих домах, хотя их квартиры замѣтно пострадали от грабежа в прошлую весну при кратковременном туда нашествіи большевиков. Сын Неудачина „Славик" — мой бывшій воспитанник, был теперь дома. Он еще в маѣ был мною отправлен кружным путем через Одессу со студентом домой.

Я занял квартиру архитектора Нумелина, бѣжавшаго к себѣ в Финляндію.

В качествѣ представителя завода я часто ѣздил в Харьков гдѣ была главная квартира командующаго бѣлой арміи. В Харьковѣ жизнь била ключем: гостиницы, театры, рестораны были полны жуирующей военной публикой. Офицерскія жены,

дамы полусвѣта, спекулянты разнаго сорта — кутили, гуляли, катались по городу, играли в карты. Бѣжавшіе с фронта дезертиры — солдаты в числѣ десятков — тысяч шлялись по улицам, по кабакам, по трактирам, а по ночам заполняли всѣ залы вокзала. Такого характера был тыл того фронта, который в то время позорно отступал на юг, отдавая большевикам без бою Тулу, Курск, Бѣлгород, — да и сам Харьков был уже под угрозой скораго паденія, (никто вѣдь его и не защищал). Это был сущій пир на вулканѣ, и этот вулкан вскорѣ был взорван; позорной памяти генерал Май Маевскій вскорѣ (в декабрѣ 1919 г.) сдал Харьков большевикам; смѣнившій его Врангель отступил к Юзовкѣ, объявил прокламаціями, что будет защищать весь Донецкій угольный бассейн. Полагаясь на это, мы сидѣлись в Юзовкѣ спокойно и наши мастерскія продолжали работать на бѣлую армію. Но спустя пару дней Врангель со своим штабом внезапно оставил Юзовку и бросился на юг в Ростов, а вслѣд за ним вся его армія бѣжала в розсыпную, захватывая на своем бѣгу встрѣчные в степи лошади, подводы, домашній скот, и грабя на путях к Ростову попутныя села и хутора. Наш завод с 60 орудіями, бывшими в ремонтѣ, снаряды, автомобили и все заводское имущество достались большевикам. На жел. дорожной станціи Юзово стояло готовых к отправкѣ 5 поѣздов, нагруженных военными припасами и бѣглецами; но эти поѣзды не успѣли тронуться с мѣста (за отсутствіем свободных паровозов).

1-го января 1920 г. в г. Юзовку вступила большевицкая конница. Оставаться было рискованно, т. к. на заводѣ всѣ меня называли „адмиралом“. Поэтому я рѣшил переѣхать за 8 верст в самый городок Юзовку. Под видом бывшаго учителя — литовскаго гражданина Генриха Фадевича я поселился у аптекаря еврея Эскина, заняв него комнату со столом.

С Новороссійскаго завода бѣжали на юг главноуполномоченный Свидзын и директор Грузов, а также и англичане Глас, Бальфур и др. агенты комитета. Оставшіеся инженеры и начальники мастерских со страхом ожидали рѣшенія комитета взбунтовавшихся рабочих завода о своей дальнѣйшей участи. Старшіе инженеры, требовавшіе строгаго исполненія службы — были изгнаны, или отданы в распоряженіе чрезвычайки. Всѣм правил рабочій комитет.

С занятіем Юзовки большевики ввели здѣсь свой обычный режим; захватили рынки, провизіонные склады, магазины и частные дома, реквизируя квартиры, гдѣ устроили свои фискальныя учрежденія и жилье.

К нам в квартиру аптекаря врывались по нѣскольку раз на день гнуснаго вида типы и требовали для себя мою комнату. Я на это время переселялся в проходную столовую и спал на диванѣ; угла своего я не имѣл; приходилось блуждать и не было возможности чѣм либо заняться. По временам бы-

вали обыски и семья аптекаря постоянно находилась в тревогѣ. Лабораторію медикаментов и аптеку Эскина большевики „національзировали", а его самого заставили в ней работать в качествѣ провизора. При недостаткѣ топлива в квартирѣ было оч. холодно; в моей комнатѣ вода замерзала.

Захватив наши заводы, комиссары из центра объявили на митингах, что намѣрены „поднят промышленность" в Донецком бассейнѣ, но на дѣлѣ оказалось, что юзовскія двѣ шахты, подававшія по 250 вагонов угля в сутки, теперь стали с трудом подавать четыре вагона, и уголь был — на половину засоренный породою.

Держать прислугу было запрещено, поэтому у колодца стоял длинный хвост из жителей города — „буржуев", а пролетаріи над ними проходя мимо злорадно издѣвались. Я жил у аптекаря под видом учителя и для видимости занимался с дѣтьми моего хозяина и его шурина — горнаго инженера. За это время я нѣсколько раз бывал в опасности: к нам в квартиру являлся политическій агент сыщик с цѣлью реквизировать мою комнату для себя лично. Он подозрительно оглядывал меня и говорил как бы что вспоминая: — „Что то не похож он на учителя" — и уходил.

Сознавая ненадежность дальнѣйшаго здѣсь пребыванія, я по предложенію инженера Финикова, перебрался к нему на квартиру в заводском домѣ. Это было в концѣ февраля. Комната за зиму промерзла и я долго страдал в ней от холода. Послѣ Пасхи и эта комната была реквизирована каким-то штабным красноармейцем, и я перебрался в пустую комнату сосѣдняго заводскаго дома, но и этот пустой дом был вскорѣ реквизирован каким-то военным фельдшером (величал себя он „доктором"). Тогда инженер Грузов, у котораго я занимался с мальчиками и обѣдал — устроил меня у механика Журавлева, н ка жел. дорожнаго депо. Он принял меня очень сочувственно и уступил мнѣ двѣ комнаты, выходящія в густой тѣнистый сад и я прожил у него все лѣто. Журавлев не был инженером, но был хорошим механиком, воспитанным в мастерских Путиловкаго завода, и в первую революцію 1905 года был за вольнодумство изгнан оттуда. С большевиками был груб и дерзок и много раз отстаивал меня — когда большевики пытались реквизировать у него мои двѣ комнаты. Обѣдать я ходил к Грузовым, его жена Агнесса Робертовна, очень милая и добраго сердца женщина была ко мнѣ участливо добра и, благодаря ея любезности, я все лѣто не испытывал голода.

Когда установилось почтовое сообщеніе с Петроградом, старшая дочь Маргарита мнѣ сообщила, что моя женя и обѣ младшія дочери переѣхали еще в 1919 году в Самару вмѣстѣ с партіей путейцев для постройки жел. дорожной линіи Безенчук — Николаевской, соединяющей двѣ Заволжскія магистрали: Самаро-Златоувской и Оренбургской. Начальником постройки

был инженер поляк Маковскій, переѣхавшій сюда вмѣстѣ с партіей с Мурманской дороги, гдѣ служили обѣ младшія дочери Наталія и Ольга. Благодаря протекціи дочерей, был принят Маковским в „Безникер“ на службу в качествѣ техника, и я мог ѣхать безпрепятственно, как совѣтскій чиновник, командированный по службѣ.

Но сообщеніе с Самарой отюда было оч. сложно, оно тянулось долго с продолжительными пересадками на узловых станціях. Но случай мнѣ помог: выручил меня мой милый хозяин Журавлев, у него в депо стоял в ремонтѣ поѣзд пришедшій сюда за углем из Колпинскаго завода мор. вѣдомства и вскорѣ возвращавшійся в Петербург. Комендантом поѣзда был молодой матрос и с ним была только прислуга машинистов и кочегаров в числѣ 8 человѣк и жены нѣкоторых машинистов. Всѣ помѣщались в одном вагонѣ теплушкѣ. Журавлев им заявил, что за ремонт паровоза он с них денег не возьмет, но зато они обязаны довезти до Тулы его пріятеля помощника т. е. меня; и я получил мѣсто на нарах в той же теплушкѣ рядом с кочегаром.

Продав в Юзовкѣ еврею-ювелиру золотую цѣпочку и запонки, я получил 75.000 совѣтских рублей на дорогу. С недѣлю мы ѣхали в дружной и „теплой“ компаніи, наши „дамы“ на желѣзном комелькѣ готовили нам общій обѣд. На длинных же остановках возлѣ дороги раскладывали костер; сидя вокруг него наша милая компанія пѣла хором пѣсни, заканчивая их интернаціоналом. Я был одѣт в бѣлый коломянковый балахон (уступленный мнѣ Грузовым — исполинскаго роста и объема), спускавшійся ниже колѣн и старую соломенную шляпу; был не брит, — поэтому вполнѣ отвѣчал наружности стараго машиниста. Но при утреннем мытьѣ, я старался не засучивать лѣвый руках, дабы не обнаружить якорь и японскій рисунок, татуированный когда-то в Нагасаки, чтобы мои „товарищи“ не могли заподозрить во мнѣ бывшаго морского офицера.

В Самарѣ на Троицкой улицѣ в глубинѣ грязнаго двора я нашел каменный сарай, а над ним настроена примитивнаго вида квартира из 4-х комнат; в двух жила моя жена с дочерью Ольгой, а в другой половинѣ жил с семьей крещеный еврей — бывшій фельдфебель в японскую войну, а теперь занимавшій весьма важный и доходный пост комиссара какого то продовольственнаго комитета. Обстановка в наших комнатах была мизерная: кромѣ кроватей, умывальника и шкапа, в ней ничего не было. В срединѣ стояла небольшая желѣзная печь „буржуйка“ [1]), обогрѣвавшая обѣ комнаты, на ней же варился и кипяток для утренняго и вечерняго чая. Обѣдали у дочери

[1]) Это названіе — данное в насмѣшку большевиками, т. к. считалось, что такой „излишней роскошью, как печь, пользуются только избалованные „буржуи“.

Наташи. Там все семейство в 5 душ и няня помѣщались в одной комнатѣ.

Жилищная тѣснота в Самарѣ была обычным явленіем, несмотря на то, что в городѣ было много прекрасных многоэтажных домов, новѣйшей постройки, но эти дома стояли пустыми, были разгромлены, без окон, дверей и без паркета, сожженнаго на топливо; водопровод и паровое отопленіе было разрушено, трубы на морозѣ лопались. Захватывая каждый новый город, большевистская орда занимала лучшіе в городѣ большіе дома изгнав оттуда жильцов. Сжигались паркеты, двери и окно, сжигалась мебель, потом без отопленія дом замерзал и красный полк или комитет, разрушив и загадив этот дом, перебирался в другой — тоже большой и видный дом. Главный инженер Маковскій был в отъѣздѣ, его замѣнял помощник; он назначил меня в технический отдѣл для веденія регистраціи строительных и земляных работ на линіи. Жалованія мнѣ полагалось 1.800 рублей совѣтских и давался паек на хлѣб и продукты от жел.-дорожной лавки. Ни жалованія, ни пайка нам не хватало, т. к. один обѣд у Наташи стоил 300 рублей без хлѣба. Приходилось расходовать оставшійся запас от дорожных денег, а потом продавать по частям платья, которыя считались лишними, но таких у меня оставалось немного — все лишнее было уже продано в Юзовкѣ. Наши дамы продавали сервизы, разныя платья, матеріи, столовое серебро и такія вещи, без которых в условіях теперешней, нищенской жизни, легко м. было обойтись. Переѣзжая сюда из Петрограда, партія имѣла свой отдѣльный поѣзд, и каждая семья получила товарный вагон, поэтому вещей можно было забрать много. Сентябрь был солнечный, теплый и жить там вначалѣ было довольно сносно. По вечерам мы ходили в городской сад, на берегу Волги, там играл городской оркестр, а в антрактах чубатые „оратели“ говорили рѣчи, возбуждая публику против буржуев и интеллигентов и восхваляя большевизм. Начались холода, паек уменьшился, дров было мало и жизнь становилась труднѣе. Сахару и жиров не было и мы пытались супами, кашами, черным хлѣбом и картофелем.

Наше управленіе „Безникер“ занимало 3 х этажный дом, какого то коммерсанта. Служащих было 150 человѣк, не считая персонала рабочих и техников на линіи. Собирались мы аккуратно в 10-ч. утра, росписывались на контрольных листах, писали бумаги, чертили планы, вычислялась кубатура земляных работ, посылались отчеты в Москву, но постройка на линіи подвигалась тихо: сгоняемые для принудительных работ с окрестных деревень крестьяне манкировали, часто бастовали и даже нѣсколько раз разбѣгались по домам для образованія вооруженных отрядов против совѣтских комиссаров, забиравщих насильственно сельскіе запасы хлѣба и овощей.

В нашем управленіи сидѣл комиссар Павлов—рабочій с одного из петроградских заводов, побывавшій в тюрьмах нахал,

сварливый пьяница и звѣрскаго вида драчун; под свою квартиру занял бывшій Кумысный курорт, колотил там свою жену Матрену, в своем кабинетѣ, скрѣплял красными чернилами приносимыя на подпись исходящія бумагн. По залам управленія ходил в попахѣ, и пропойным хрипом выкрикивал краткія рѣчи; в них разносил „спецов“ — бывших буржуев, грозя „Чрезвычайкой“ за сочувствіе контр-революціи. Однажды за ночной пьяный дебош в своем домѣ и избитіе до полусмерти своей бабы, был наконец, смѣнен по приказу из Москвы.

Павлов был переведен на линію, а к нам прислали из Саратова новаго комиссара. Это был человѣк с военной выправкой, ходил с револьвером в защитной формѣ, носил шпоры; его фигура обличала в нем бывшаго жандарма, каковы до революціи стояли на перонах жел.-дорожных станцій. В противоположность Павлову: был молчалив, мрачен, ходил по залам большими шагами, звеня шпорами, поводил как таракан длинными усами, черными цыганскими глазами смотрѣл изподлобія и никаких рѣчей не произносил. В своем письменном столѣ держал про запас нѣсколько бутылок водки; страдал хронической бѣлой горячкой с періодическими приступами мрачной меланхоліи. Тогда бывал он очень блѣден, нетверд был на ногах проходя по зал, коснѣющим языком выпускал матерную ругань по ардесу служащих. В один из таких періодов он пришел в чертежную, и без всяких продисловій произнес обычную ругань. Тут был инженер, нѣсколько барышень-чертежниц и машинистка—моя дочь Ольга. Всѣ служащіе подали на него коллективную жалобу. Гл. инженер послал ее в Москву в „Ком-го-сор“. Пріѣхала опять слѣдсв. комиссія. Комисар готовил встрѣчное обвиненіе служащих и собирал матеріалы о прошлом каждаго, подписавшаго жалобу. Первая подпись была моей дочери Ольги. Ему кто-то из своих сыщиков донес, что она дочь „бывшаго учителя“, который в дѣйствительности есть адмирал. Он отмѣтил это себѣ для памяти на настольном календарѣ. В его отсутствіе мой зять Вояковскій, зайдя в его кабинет с бумагами, прочел эту запись и сейчас-же сообщил мнѣ об этом. Я немедленно обратился к гл. инженеру и он дал мнѣ открытый билет для срочной командировки по дѣлам постройки в Петроград, гдѣ расчитывал в Литовском или Польском „Комитет для эвакуаціи бѣженцев“ получить паспорт для возвращенія на родину в г. Вильно.

До Москвы в вагонѣ 3-го класса, набитом до потолка „командированными“ совѣтскими служащими[1]) ѣхал между прочим высокаго роста старый красноармеец с виду напоминавшій бывшаго генерала с кавалерійской выправкой. Он мнѣ напоминал кого то, я гдѣ-то его встрѣчал во время войны; а теперь из его разговора с сосѣдними красно-армейцами выяснилось, что

[1]) Частные пасажиры в то время не имѣли права проѣзда вообще по желѣзным дорогам.

он в послѣднее время был в Самарѣ Начальником Штаба командующаго Заволжским воен. округом[1]); он ѣхал в Москву к литовскому генер. консульству для полученія оттуда командировки в Литву, гдѣ он д. б. принять начальствованіе над пограничной литовской арміей для военных операцій против Польши. (он считал себя литовским поданным потому, что еще до войны состоял в Виленском жандармском Управленіи). Я, вглядываясь в его физіономію, вспомнил, что встрѣчал этого жандарма в 1915 году в Ригѣ у генерала Курлова. Это был генерал Бойко— бывшій жандарм, а теперь вѣрный слуга коммунистов, отправляющійся в Литву воевать с Польшей, куда я собирался вернуться при первой возможности.

В Москвѣ возлѣ вокзала рынок продуктов („обжорный ряд") был в полном ходу. Можно было купить хлѣб, овощи, мясо. У латков толпился народ и с животной жадностью пожирал горячія щи, наливаемыя из дымящихся здѣсь же котлов. Магазины с продуктами и съѣстныя лавки были здѣсь уже открыты, а на окнах лавок виднѣлся кое гдѣ сахар и даже вино. Это пріятно ласкало глаз, отвыкшій видѣть такія рѣдкія лакомства в свободной продажѣ. Благодаря рекомендат. письму мнѣ удалось получить билет на скорый поѣзд в Петроград и я неожиданно попал в чистый новый вагон 2 го класса без мягких диванов, но каждый пассажир имѣл спальное мѣсто. В купэ нас было четверо: старенькій генерал, доктор, профессор какой-то высшей школы и я ; всѣ числились на совѣтской службѣ.

12 го мая (1921 г.) на 7-ой день по выѣздѣ из Самары, в ясный теплый день я прибыл в Петроград. У вокзала извощиков не было, стояли только ручныя двуколки для багажа, а сами пассажиры ходили пѣшком. Город с перваго взгляда произвел на меня даже пріятное впечатлѣніе: полная тишина на улицах (за отсутствіем лошадей), публики на Невском очень немного, а на боковых улицах ни души; мостовыя заросли зеленой травой. Я вспомнил древнюю Помпею, там было также тихо и как-бы слегка таинственно; город точно вымер : ни в окнах, ни на балконах громадных домов не видно ни одной живой фигуры. Мои шаги по каменной панели раздавались эхом по пустой улицѣ, а двуколка с вещами ѣхала без шуму по мягкой травѣ.

Дочь Маргариту я застал дома, муж ея был на службѣ, а сын в школѣ (Annenschüle). Они занимали собственную квартиру хозяйки этого дома — графини Толстой, бѣжавшей в Москву и скрывшейся там в каком-то монастырѣ. Дочь радостно меня встрѣтила и с перваго - же дня старалась меня откормить. Она была на службѣ в Академіи наук в качествѣ лингвистки и помогла мнѣ поступить туда-же на службу. Это дало мнѣ возможность получить паек, жалованія давалось немного, но и рабо-

[1]) Ком-щим арміей был еврей Шрейдер или Шнейдер под псевдонимом „Перковскаго", бывшій портной из Екатеринослава — родственник и протеже Троцкаго.

тать можно было на дому, только 2 раза в недѣлю я ходил в Академію за библіографическим матеріалом.

По Версальскому договору — Виленская губернія отошла к Польшѣ. Консульства польскаго там еще не было, а „Делегація польская для репатріянтов" ожидалась в Петербургѣ в іюлѣ. Явилась она лишь в августѣ, и я начал хлопотать. Пришлось списаться с моими родственниками в Вильнѣ для полученія документа о моем бѣженствѣ (будто-бы) оттуда во время войны. Без такого документа совѣтское правительство не отпускало поляков на родину. Такой документ мой племянник директор Польской школы в Вильно Станислав Цывинскій и прислал мнѣ. Переговоры Польской делегаціи с Совѣтским комитетом о каждом бѣженцѣ тянулись долго и только в ноябрѣ (1921 г.) я попал в список очереднаго эшелона, уходившаго в Вильно. Но переѣзд зимою в неотопляемых теплушках был очень труден. По совѣту Делегаціи я отложил свой отъѣзд до весны, продолжая свою службу в Академіи.

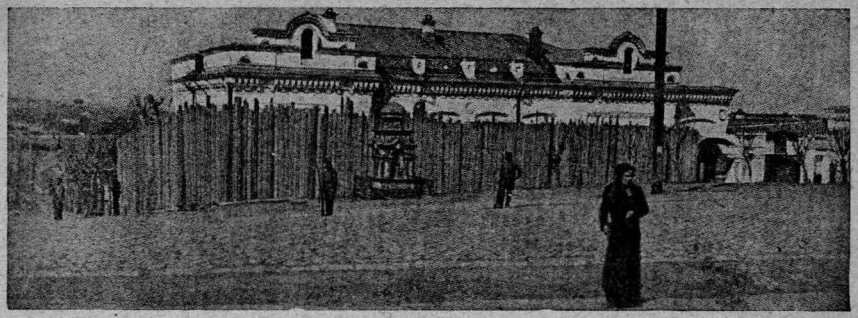
Днем дома оставалась только жена; зять ходил на службу в „Областоп", сын его был в „Annenschüle", а я с дочерью большую часть дня проводили в хвостах разных кооперативов. Холодная зима и плохое питаніе вредно вліяли на здоровіе всей нашей семьи, всѣ замѣтно худѣли и часто похваривали. К счастію недалеко от нас жил знакомый доктор — извѣстный хирург, профессор В. Н. Гейнац, он часто к нам заходил, с особенным участіем слѣдил за нашим здоровіем, приносил лекарства и нерѣдко дѣлился с нами пайком, который он получал в „домѣ ученых"; а там давался очень хорошій паек; продукты для ученых присылались из заграницы (из Америки) безплатно.

Дочь Ольга, вернувшись из Самары, устроилась на службу на Николаевском вокзалѣ машинисткой, вскорѣ вышла замуж за инженера Леопольда Савельвича Берга — очень милаго, добраго, симпатичнаго человѣка. С ним она познакомилась еще в Самарѣ. Молодое супружество имѣло очень уютную, хорошо омеблированную квартирку. Оба служили и ни в чем не нуждались. В концѣ 1921 года Совѣтское Правительств разрѣшило открыть рынки, съѣстныя лавки и даже рестораны (нэп). Разрѣшен был также свободный труд и постепенно стали открываться мастерскія: сапожныя, столярныя, портняжныя, Явилась таким образом возможность починить обувь, платье и проч. чего до сего времени нельзя было сдѣлать.

С новаго года почти ежедневно мы имѣли мясо, треску, сало, а иногда и бѣлый хлѣб. Академія увеличила жалованіе до $1^1/_2$ мил. сов. рублей на мѣсяц. Этого конечно не хватало,

Домъ губернатора в Тобольскѣ, гдѣ была заключена Царская семья Керенским.

У постели сына.



Домъ Ипатьева в Екатеринбургѣ, гдѣ была заключена Царская семья большевиками.

Вел. княжны Ольга, Татіана, Марія и Анастасія в Царскомъ Селѣ 1914 г.

и мы продавали мало по малу свои вещи — мебель, лишнія платья и пр.

В апрѣлѣ я получил от брата Вацлава из Варшавы два письма с приглашеніем ѣхать прямо к нему, он обѣщал протекцію для поступленія в Польшѣ на службу и прислал мнѣ на дорогу деньги. И я записался на эшелон бѣженцев, уходившій в маѣ в Вильно.

На мое предложеніе женѣ — принять польское подданство и ѣхать вмѣстѣ — она рѣшительно отказалась, т. к. не желала разстаться с дочерьми и со своим родным гнѣздом—Петроградом, гдѣ она родилась, гдѣ была вся ея родня, и рѣшила умереть в Петроградѣ и быть похороненной на фамильном склепѣ. К тому же польскаго языка она не знала и никогда не бывала в Вильнѣ и не знала моих родных. Приняв еще в соображеніе, что я ѣхал в Польшу с пустыми почти карманами (собранных у меня польских и совѣтских денег хватало лишь на дорогу и может быть на 2—3 первые мѣсяца жизни там на мѣстѣ) и необезпеченный на дальнѣйшую жизнь, было бы рисковано пускаться на авось в новую страну вмѣстѣ с женой. Обсудив все это совмѣстно с женой, мы рѣшили добровольно и полюбовно разстаться с нею навсегда. Развѣ только в том случаѣ, еслибы в Россіи произошла реставрація, то тогда я мог-бы вернуться в Петроград... Но доживу ли я до этого при моем преклонном возрастѣ?...

28 мая н. ст. 1922 г. на сборном эвакуаціонном пунктѣ Варшавскаго вокзала, собирались всѣ пассажиры этого эшелона. Жена и три дочери меня провожали; трогательно было наше прощаніе, разставаніе мое с ними было вѣдь навсегда.

Наш поѣзд состоял из 25 грязных и без печей теплушек. Бѣженцев было нѣсколько сот чел; простой народ тащил с собой весь домашній скарб, кострюли, ведра, дыравыя ванны и даже шкафы и комоды, не говоря от кроватях. В вагонах, набитых до верху вещами, сажали по 25 человѣк. Тѣснота была невозможная. Одна теплушка считалась резервною, т. е. санитарною, на случай заболѣваній, там была аптечка, сестра милосердія и в нем помѣщался сам комендант поѣзда. Это бы подозрительнаго вида юный красноармеец — не то казачек, не то кантонист, не то волонтер из военных писарей; рука на повязкѣ, на рукавѣ нашиты галуны раненаго много раз в бою; из под фуражки торчал на лбу огромный бѣлокурый чуб, рот как у младенца — слегка шепелявил и распространял на весь вагон букет денатурата и махорки; впрочем был добродушен, — не придирался, и по цѣлым дням ходил от вагона к вагону, побирался папиросами и дѣлил трапезу по приглашенію пассажиров.

На больших станціях, гдѣ бывали военные этапы, он исчезал и приносил под мышкой бутылку, но с чѣм неизвѣстно.

Перед границею на ст. Негорѣлова производился осмотр багажа. В трепаной солдатской шинели, с сѣрым немытым лицом каторжанина армянскаго типа, совѣтскій контролер долго тормошил наши чемоданы, а двѣ стриженныя коммунистки обыскивали пассажирок — женщин, их онѣ раздѣвали, растрепывали волосы и были вообще значительно придирчивѣе, чѣм наш контролер. Один пассажир нашего вагона предложил ему 20 міліонов (совѣтских) рублей отступного; он быстро согласился, провѣрил деньги и не безпокоил больше наш вагон. Вначалѣ он был строг и требовал отдачи ему польских бумажных денег, но получив взятку, забыл об этом и пошел дальше.

На 7-мой день мы прибыли в Барановичи. Радушно нас здѣсь приняли польскія власти; накормили оч. вкусной рисовой кашей с американской свининой и салом, чай был с настоящим сахаром и бѣлым пшеничным хлѣбом; вымыли нас в банѣ и размѣстили в чистых бараках.

На 4-ый день нас повезли в Вильно. Здѣсь пассажиры уже болѣе не скрывались и открыли друг другу свое инкогнито и свое прошлое. Оказалось, что мои попутчики были — кто бывшій офицер, кто прокурор, или судья, кто моряк и проч.

8-го іюня 1922 года мы прибыли в Вильно. Я поселился у своего племянника Станислава Цывинскаго профессора гимназіи Zygmunta Augusta его брат Wiesław — студент юрист, служившій офицером в польских войсках, встрѣтил меня радушно и любезно предложил свои услуги быть моим гидом при розыскѣ наших здѣшних родственников. Я их обошел в теченіи нѣсколькихъ дней, затѣм посѣтил кладбище „Bernardynskie“ с могилами моих родителей и брата, зашел во двор дома Епископа Цывинскаго, гдѣ я жил; гимназистом и уѣхал оттуда 50 лѣт назад в морское училище. Интернат фундуша был ликвидирован в 1915 году при нашествіи нѣмцев, а теперь мнѣ предстояло возстановить его вновь. В Вильнѣ я сдѣлал попытку найти себѣ частную службу по электротехникѣ; магистрат обѣщал очень привѣтливо, но.. и только. Брат Вацлав звал в Варшаву, обѣщая найти мнѣ службу. Я туда ѣхал, прожил у него два мѣсяца, за это время побывал в Морском и разных других министерствах. Всюду встрѣчали оч. привѣтливо и наобѣщали принять на службу: и командиром новаго порта в Гдынѣ, и начальником Радіо-станціи в Вильнѣ, и на новый похоровой завод в Радомѣ, и директором миннаго завода в Прушковѣ, и начальником миной лабораторіи в Торунѣ; но всѣ эти обѣщанія окончились ничѣм, и я возвратился в Вильно, гдѣ и поселился окончательно, найдя частныя занятія по электротехникѣ в „Дирекціи публичных работ.“ Здѣсь же послѣ

долгих стараніи мнѣ удалось наконец (с помощью родственников) возстановить интернат в Фундушѣ для гимназистов родственников Цывинских, гдѣ впослѣдствіи (1923 г) были помѣщены сыновья моей дочери Наталіи, и еще 4 мальчика из тойже фамиліи.

Пора мнѣ кончать мои мемуары: прошло вѣдь 50 лѣт с моего отъѣзда отсюда. Я сюда вернулся и здѣсь вѣроятно будет эпилог моей скитальческой жизни.

Оглавленіе.

Содержаніе 1-ой части.

Три кадетскія плаванія. Выпуск в гардемарины. В Артиллерійском отрядѣ и Таможеной флотиліи. Турецкая война 1877 г. Морская Академія. Минные офицерскіе классы.

Первое кругосвѣтное плаваніе. Клипер „Наѣздник“. Данія, Англія, Франція. Атлантическій океан. О-ва Зеленаго мыса. Экватор. Южные тропики. Шторм у О-вов Тристандакунія. Мыс „Доброй Надежды“. Капштадт. Война с Зулусами. Смерть принца Lu-Lu сына Наполеона III-го. Императрица Евгенія. Штормовой переход Индѣйским океаном. Зондскій пролив. О-в Ява. Китайское море. Нагасаки. Эскадра адм. С. С. Лессовскаго.

Плаваніе по портам Японіи. Кобе, Іокогама, Хакодате. Владивосток, мѣстные нравы. Шанхай, Чифу, Нагасаки, зимовка в Кобе. Убійство Имп. Александра II-го. Присяга новому Царю. Переход в Гон-Конг, Сингапур. Поиски бухт для угольных станцій. Возвращеніе судов в Россію; Батавія. Южные тропики Индійскаго океана. Сейшельскіе о-ва, Гвардафуй. Аден. Красное море. Гонка с „Джигитом“. Без угля. Суэц, Канал, Порт-Саид. Средиземное море, Неаполь, Помпея. Гибралтарь Кадикс. Бой быков. Бискайское море. Ламанш. Шербург. Нѣмецкое море. Копенгаген. Возвращеніе в Кронштадт. Жандармскіе обыски. Террор ген. Баранова послѣ 1-го марта 1881 г. Салют снарядом Имп. Александру III-му.

Поступленіе на дополнительные академическіе курсы Миннаго класса. Диссертація. Экзамен. Занятія преподават. в Минных классах. Зимняя жизнь Кронштата. На Минном учебном отрядѣ. Командованіе миноносками. Инструктором на „Африкѣ“. Служба с Ф. В. Дубасовым. Назначеніе старшим офицером на фрегат. „Владимир Мономах“.

Плаваніе с Наслѣдником Цесаревичем Николаем Александровичем на Дальній Восток. Тріест, Пирей, Порт-Саид, посѣщеніе Египта, Канал. Суэц. Красное море. Бомбей. Болѣзнь В. Кн. Георгія Александровича. Возвращеніе его в Россію. Цейлон. Коломбо. Малакскій пролив. Сингапур, Батавія. Празднованіе перехода через экватор. Сіам. Банкок. Охота на слонов. Сайгон. Кохинхина. Гон-Конг. Кантон. Шанхай. Нагасаки, Кагосима. Кобе. Кіото.

Покушеніе на Наслѣдника. Телеграмма Александра III-го об уходѣ во Владивосток. Закладка вокзала для Вел. Сибирскаго пути. Закладка дока.

Отъѣзд Наслѣдника через Сибирь в Петербург. Дальнѣйшія плаванія „Мономаха“ в Тихом океанѣ. Іокогама. Іокосуку. Зимовка в Нагасаки. В апрѣлѣ 1892 г. уход в Россію. Сѣли на мель. Гон-Конг. Сингапур. Коломбо. Аден; Суэцкій Канал. Мальта. Кадикс. Шербург Киль. Кронштадт.

Высочайшіи смотр. Холера в Петербургѣ. Назначеніе автора помощником Главнаго Инспектора Миннаго дѣла. Переѣзд в Петербург.

Содержаніе 2-ой части.

Перевооруженіе минных аппаратов на флотѣ. Служба с адм. Скрыдловым. Инспекція Черноморских портов. Испытанія новых подводных аппаратов. Участіе в Стратегич. комиссіи по завладѣнію Босфором. Командировка (секретная) в Босфор. Назначеніе командиром клипера „Крейсера“.

Третье плаваніе в Тихом океанѣ. Нагасаки. Встрѣча с адм. Алексѣевым. О-в Каргодо. Съемка и составл. карты О-ва. Владивосток. Клипер „Крейсер“,

Адмирал Дубасов. Жена и семейство адмирала. Учебное плаваніе „Крейсера". Гензан. Обход Корейских портов. Зима в Нагасаки.

Овладѣніе Порт-Артуром (1898 г.). Общественная жизнь в Шанхаѣ. Монастырь Секавей; миссіонеры. Жизнь в Порт-Артурѣ. Возвращеніе „Крейсера" в Россію. Гон-Конг. Принц Генрих Прусскій. Принцеса Ирена. Сингапур. Новая угольная станція на Pulo-Wey. Коломбо. Чайныя русскія плантаціи. Аден. Джибути. Красное море. Суэц. Порт-Саид. Неаполь. Кадикс. Поломка борта в Бискайском морѣ. Шербург. Проход каналом Вильгельма. Киль. Ревель.

Высочайшій смтор „Крейсеру" на Невѣ. Спуск „Громобоя". Назначеніе начальником Учебной команды. Адм. Макаров, ледокол „Ермак".

На Кр. „Герцог Эдинбургскій" в Атлантическом океанѣ. Христіянзанд. Порт-ланд. (Лондон). Брест. Виго. Мадера Канарскіе о-ва. Азовскіе о-ва, С. Мигель. Понтодель-Гада Шербург. Киль, Принцеса Ирена. Замок курфюртов Гольштинских.

Приход Французской эскадры.

Осенью 1902 г. — вторичный уход в Атлантику. Христіянзанд. Плимут. Брест. Фероль, бал на крейсерѣ, граф Бургонскій в качествѣ гардемарина. Виго. Уч. артиллер. корабль „Victoria" — Капитан Victor-Marja Concas. Мадера. Тенериф. Гран-Канарія. Las-Palmas. Вулкан Caldero. Катастрофа на о-вѣ Мартиникѣ. Гибель города С Піера. — Азовскіе О-ва. Шербург. Киль, Принц Генрих Прусскій на крейсерѣ. Плаваніе во льдах. Приход в Кронштадт. Высочайшій смотр. Визит французск. президента Emila Lube. Лѣто 1903 г. на Рижском штрандѣ. Эдинбург. Маіоренгоф. Береговая служба в Кронштадтѣ с адм. Макаровым. Командованіе 10-м флот. экипажем.

Начало Японской войны. Аваріи в Порт-Артурѣ. Отъѣзд адм. Макарова в Порт-Артур, гибель его на „Петропавловскѣ". Сборы эскадры адм. Режественскаго на выручку Порт-Артура. Автор—командиром учебн. корабля „Генерал-Адмирал", учебное крейсерство на нем в Балтійском морѣ. Уход эскадры Рожественскаго на Д. Восток. Инцидент на Догер-банкѣ. Отряды Небогатова, Энквиста и Добротворскаго. Вокруг Африки до Мадагаскара. Бѣдствія эскадры. Сдача Порт-Артура. Переход эскадры Индѣйским океаном. Сборы всѣх отрядов в бухтѣ Kamrahn (Кохинхина). Движеніе русской армады к берегам Японіи. Встрѣча с эскадрой адм. Того и бой 14 мая в Корейском проливѣ (Цсусима). Разгром эскадры Рожественскаго. Гибель „Ослябя", „Суворова", „Александра III-го" и „Бородина". Сдача отряда Небогатова. Сдача в плѣн миноносца „Бѣдоваго" с Рожественским и его штабом. Переговоры о мирѣ.

Волненія и бунты военных и морских команд. Бунт и убійства офицеров на „Потемкинѣ". Осеннія забастовки и 1 революція 1905 г. Манифест 17 Октября. Бунты в Черноморских и Балтійских портах.

Назначаніе начальником отряда судов Балтійскаго моря. Революція в Финляндіи. На кор. „Слава". Бунт 14-го ноября Черноморскаго флота на Севастопольском рейдѣ, лейтенант Шмидт. Производство в контр-адмиралы. Открытіе. Государств. Думы. Повтореніе прошлогодних бунтов на судах и в портах лѣтом 1906 г. Убійство в Севастополѣ адм. Чухнина.

Содержаніе 3-ей части.

Назначеніе начальником Черноморской эскадры. Деморализація команд Плаванія, маневры, эволюціи. Дальше от политики. Адм. Скрыдлов — главн. командир Черноморских портов. Водвореніе порядка и дисциплины на эскадрѣ

Плаваніе по портам русским и иностранным. Синоп, Ираклія, Бургас, Варна. Поѣздка в Плевну и в Софію. Пріем у принца Фердинанда-Болгарскаго.

Передача эскадры адм. Бострему.

Через Сибирь во Владивосток для инспектированія Тихоокеанской эскадры и Владивостокскаго порта.

Назначеніе главн. инспектором миннаго дѣла на флотѣ и производство в вице-адмиралы. Работы по усовершенств. миннаго вооруженія и подводнаго плаванія. Радіо-телеграф и радіо-телефоны.

На заводах Шнейдеров в Creusot Париж, Harfleur, Creusot, Тулон, рейд Jere'ских О-вов.

Приглашеніе на завод, изготовляющій мины и снаряды. Директором плаванія „Русско-Балтійскаго судостроит. О-ва" в Ревелѣ. Постройка завода и верфи в Ревелѣ. Участіе в правленіи зав. „Барановскаго". Гр. Распутин.

Лѣто 1913 г. в Швейцаріи: Лозанна, Lagomajore, Baveno, Милан, Венеція, Вѣна.

Лѣто 1914 г. Lugano, Wegis, Люцерн. Начало великой войны. Возвращеніе в Россію через Берлин, Копенгаген и Стокгольм.

Свиданіе послѣднее с сыном. Его гибель на кр. „Палладѣ". Обзор событій на сухопутном и морском фронтах. Неудачи и пораженія русских. Усиленныя работы на наших заводах.

Архангельск, Гельсингфорс, Або, Раумо, Харьков, Юзовку, Новороссійск и Таганрог. Постройка в Юзовкѣ и Таганрогѣ новых снарядных заводов. Пороховой завод „Барановскаго" во Владимирской губ.

Новыя бѣдствія русских в 1915 г., угроза Петербургу.

Царь-Главковерх. Смерть адм. Эссена.

Ютландскій морской бой англійскаго и германскаго флотов (1916. 31. 5.)

Убійство Распутина.

Бурное засѣданіе Госуд. Думы и начало 2-ой русской революціи. Отреченіе Царя. Объявленіе Республики. Временное правительство. Бунты на фронтах и на судах флота. Убійства офицеров. Керенскій — главковерх. Арест и ссылка в Тобольск Царя и семьею.

Бомбадировка и взятіе Зимняго дворца (25 окт.) Воцареніе большевиков. Всеобщій террор, разбои, грабежи, убійства, соціалистическій „рай".

Отдѣленіе Польши, Литвы, Украйны, Дона, Финляндіи, Остзейских провинцій, Кавказа, Сибири и всѣх окраин Россіи. Адм. Колчак, Деникин, Корнилов, Алексѣев, Духонин, Гетман Скоропадскій. Брест-Литовскій мир. Овладѣніе нѣмцами Западной Россіей и Украйной. Троцкій—главковерх. Преслѣдованіе и истребленіе военных и всей интеллигенціи.

Гнусное убійство Царя и всей его семьи.

В Виллно. В Кіевѣ. Бѣгство гетмана. Большевики на Украйнѣ. Террор и голод. Украинское большевистское правительство — Раковскій.

Освобожденіе Кіева войсками Деникина. Переѣзд на завод в Юзовку, Харьков, Ростов. Оттѣсненіе большевистских войск за Курск до Тулы. Адм. Колчак в Екатеринбургѣ и Казани.

Разложеніе „бѣлых" и отдача Харькова, Ростова и Новороссійска. Генерал Врангель в Крыму. Взятіе большевиками Крыма и нападеніе на Польшу.

В Самарѣ — на службѣ по постройкѣ жел. дороги. Террор и голод.

Переѣзд в Петербург. Служба в Академіи Наук.

Окончательное возвращеніе с репатріантами в Вильно.

43431

Э. Ремарк.

„Человѣк, увидѣвшій воочію ужасы войны, никогда не будет к ней стремиться".

Маршал Фош.

На западном фронтѣ без перемѣн...

Роман.

3-ье изданіе, дополненное и исправленное.

Эту книгу должен прочесть каждый.

В Германіи за 5 мѣсяцев разошлось свыше **800.000** экз.

Цѣна 1 лат.

Фрейлина Ея Величества.

Интимный дневник и воспоминанія А. Вырубовой 1903—1928г.

Личный друг и любимая фрейлина императрицы Александры Феодоровны, Вырубова в своих мемуарах разсказывает о своем дѣтствѣ, как попала к Двору, о царской семьѣ и как проник во дворец Распутин, о его роли в политической жизни страны и Царскаго Села, об обстоятельствах возникновенія Великой Войны, убійствѣ Распутина, революціи и о своих мытарствах по революціонным тюрьмам. О Троцком и других большевиках.

Вырубова являлась одной из главных фигур того интимнаго придворнаго кружка, гдѣ скрещались всѣ нити политических интриг, поэтому воспоминанія представляют животрепещущій интерес.

Цѣна 1 лат 50 сант.

Арон Симанович

Распутин и евреи.

Сенсаціонные мемуары личнаго секретаря Распутина еврея.

Содержаніе: 1) Как я попал ко Двору. 2) Старец. 3) Встрѣча Распутина с придворными дамами. 4) Слухи. 5) Р. любимец царской четы. 6) Моя дружба с Р. 7) Личность Р-на. 8) Дом Р. 9) Р.—кутит. 10) Р. и Царская семья. 11) Император. 12) Два двора. 13) Тайна рожденія наслѣдника. 14) Покушеніе на него. 15) Еврейскій вопрос. 16) Р. и евреи. 17) Ник. Николаевич. 18) Страданіе инородцев. 19) Р. обѣщает уволить Ник Николаевича. 20) «Сила» Р-на. 21) Р. прорицатель. 22) Р. врачеватель. 23) Витте ищет протекціи Р. 24) Смерть лорда Китченера. 25) Паденіе Маклакова. 26) Что может натворить мин. ин. дѣл. 27) Борьба с антисемитической пропагандой. 28) Совѣт министр. Р-на. 29) Как назначались министры? 30) Р.—политик. 31) Сомнѣнія и надежды. 32) Безрерультатные шаги перед Царем. 33) Послѣдняя карта—Протопопов. 34) Министр-президент, как приманка. 35) Афера сахарозаводчиков. 36) Банкир Царицы. 37) Второй арест Рубинштейна. 38) План подстроенной революціи. 39) Покушеніе на Распутина. 40) Заговор. 41) Ложная самоувѣренность. 42) Убійство Р-на. 43) Похороны Р-на. 44) Завѣщаніе распутина. 45) Послѣ смерти Р-на. 46) Борьба за портфели. 47) Борьба Р-на с великим князем. 48) Мои приключенія послѣ. 49) Бѣгство в Кіев. 50) Волненія в Одессѣ. 51) Послѣдній этап. 52) Конец Царской семьи и т. д.

Цѣна 1 лат.